

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

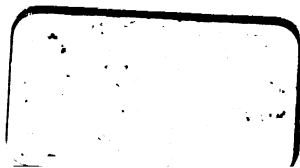
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08191264 8

* QCA
RUSKI

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ Н. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1878

СЕНТЯБРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ПЕРВЫЯ ИЗВѢСТІЯ О РУССКИХЪ ВЪ КУЛЬДЖѢ И ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ РОССИИ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ. Рукопись шюка Пареевѣя, сообщенная Д. Ѳ. Касицынымъ.
- II. ОБЫЧАИ КИРГИЗОВЪ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ. П.
- III. ИЗЪ ГЕЙНЕ. Стихотвореніе. И. П.
- IV. СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВЫЙ. Романъ. Часть пятая. Гл. I—VIII. В. Г. Авсеенка.
- V. РАЗКАЗЫ БАБУШКИ. Изъ воспоминаній пяти поколѣній. Записанные и собранные ея внукомъ. Гл. X. (1810—1813).
- VI. ПИСЬМА СЪ ПОХОДА. (Румыніа.—Тырново.—Первый Забалаканскій походъ.) Князя А. Н. Церетелова.
- VII. КАМЕНЬ СИЗИФА. Гл. XXIV—XXV. Е. Н. Леонтьева.
- VIII. ТРИ МѢСЯЦА ВЪ ДЕРЕВНѢ. Воспоминанія и очерки прошлаго. Гл. I—VI. Е. В. Пяткиной.
- IX. ЛОРДЪ БЕКОНСФИЛЬДЪ КАКЪ ЛИТЕРАТОРЪ. И. Н. Павлова.
- X. ИЗЪ ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ СЪ ЭПОХИ ДЕКАРТА. Н. А. Любимова.
- XI. НЕ ИЗЛИШНЕ НѢЧТО И КРОМЪ ТОЧНОСТИ. По поводу отвѣта г. Бунге. X.
- XII. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.
- XIII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. Л. Зиссермана.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковъ

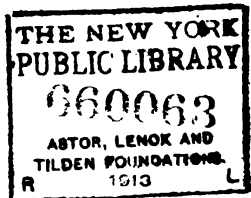
ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1878

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАГО.

С Е Н Т Я Б Р Ъ.

Стр.

Первыя извѣстія о Русскихъ въ Кульдѣжъ и присоединеніе къ Россіи Киргизской степи. Рукопись инока Пареевнѣя, сообщенная Д. Θ. Касицынымъ.....	5
Обычаи Киргизовъ Семилалатинской области. П.....	22
Изъ Гейне. Стихотвореніе. И. П.....	67
Скрежетъ зубовой. Романъ. Часть пятая. Гл. I—VIII. <i>В. Г. Аспенка</i>	68
Разказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Записанные и собранные ея внукомъ. Гл. X. (1810—1813).....	153
Письма съ похода. (Румынія.—Тырново.—Первый Забалканскій походъ.) <i>Князя А. Н. Церетелева</i>	206
Камень Сизифа. Гл. XXIV—XXV. <i>К. Н. Леонтьева</i> ...	267
Три мѣсяца въ деревнѣ. Воспоминанія и очерки прошлаго. <i>Е. В. Пяткиной</i>	303
Лордъ Беконсфильдъ какъ литераторъ. <i>И. Н. Павлова</i> .	335
Изъ исторіи физическихъ ученій съ эпохи Декарта. <i>Н. А. Любимова</i>	358
Не излишне ничто и кромѣ точности. По поводу отвѣта г. Бунге. X.	415
Новости литературы.....	430
Политическое обозрѣніе. <i>А. Л. Зиссермана</i>	495

О К Т Я Б Р Ъ.

	<i>Стр.</i>
Три экскурса въ области языковѣдѣнія. <i>А. Д. Путьаты.</i>	507
Камень Сизифа. Окончаніе. <i>К. Н. Леонтьева</i>	542
Изъ недавняго прошлаго. Въ походѣ и въ битвѣ. Гл. IX—XIII. <i>В. П. Гамулеукаго.</i>	605
Четверть вѣка назадъ. Гл. LIV—LXVIII. <i>Б. М. Маркевича.</i>	665
Австрійскіе университеты въ послѣднее десятилѣтіе и система академической свободы. <i>Н.</i>	749
Критика отвлеченныхъ началъ. Гл. XII—XV. <i>В. С. Соловьева.</i>	800
Невѣсть. Стихотвореніе. <i>Князя Д. Н. Церетелева.</i>	822
Три мѣсяца въ деревнѣ. Воспоминанія и очерки прошлаго. <i>Е. В. Пяткиной.</i>	824
Скрежетъ зубовый. Романъ. Часть шестая. Гл. I—VII. <i>В. Г. Авспенка.</i>	862
Новости литературы: I. <i>Письма императрицы Екатерины Второй къ барону Гримму. Русскій Архивъ</i> 1878, №№ 9 и 10.—II. <i>Письма къ ученымъ людямъ (Отечественныя Записки</i> 1876, № 6). <i>Отвѣтъ на письма къ ученымъ людямъ.</i> П. Цитовича. Одесса, сентябрь 1878 года.—III. <i>Этюды супружеской жизни.</i> Даниела Даркъ: <i>Revanche posthume, étude conjugale,</i> par Daniel Darc. Paris, Charpentier, 1878.—IV. <i>Какъ теперь читаютъ во Франціи.</i> Arnould Fremy: <i>Comment lisent les Français d'aujourd'hui.</i> Paris, Calmann Levy, 1878.—V. <i>Mélanges et lettres de Ximenes Doudan.</i> 4 vols. Paris 1877.	913
Политическое обозрѣніе. <i>А. Л. Зиссермана.</i>	983

ПЕРВЫЯ ИЗВѢСТІЯ

О РУССКИХЪ ВЪ КУЛЬДЖѢ

И ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ РОССИИ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ

РУКОПИСЬ ИНОКА ПАРОЕНІЯ, СООБЩЕННАЯ Д. О. БОСИЦЫНЫМЪ.

Немногимъ извѣстно какъ и почему китайская Кульджа стала русскою и притомъ въ такой степени что тогда какъ присоединенія обыкновенно съ успіями удерживаются въ подданствѣ, не рѣдко при помощи военной силы, Кульджа, напротивъ, боится только одного — какъ бы Россія не отказалась отъ нея и не возвратила ее обратно Китаю. Не даже какъ въ мартѣ текущаго года было напечатано извѣстіе изъ Кульджи (см. *Московскія Вѣдомости* 1878, № 59), гдѣ именно говорилось что „мысль о водвореніи Китайцевъ въ Илійской долины страшно безлокоить все населеніе—и Таранчинское, и Дунганское. Много разъ обращалось оно съ самыми искренними просьбами къ высшей администраціи въ край. Недавно выборные отъ Кульджинскаго населенія представили чрезъ участковаго начальника адресъ, вызванный толками объ уступкѣ Кульджи Китаю; въ этомъ адресѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Среди населенія, удостоившаго насъ своимъ избраніемъ, разнесся тревожный слухъ о томъ что край нашъ въ скоромъ времени будто бы будетъ уступленъ Китайцамъ. Слухъ этотъ растетъ и крѣпнетъ съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ, и все населеніе поголовно, какъ одинъ человекъ, проникнуто тупымъ ужасомъ и

„возбужденіемъ...“ По поводу подобныхъ слуховъ о передачѣ Кульджи Китайцамъ, говорилось въ томъ же извѣстии, для успокоенія массъ было заявлено чтобъ онѣ жили спокойно, не принимали близко къ сердцу тѣ базарныя свѣдѣнія какія до нихъ доходятъ, и молились бы Богу о здравіи Государя Императора, который по своему человеколюбію сдѣлаетъ для нихъ все возможное. Очевидно что присоединеніе Кульджи къ Россіи не внѣшнее только, а внутреннее и самое искреннее, что она не только не тяготеетъ имъ, а, напротивъ, страстно дорожитъ, полагая именно въ немъ свое счастье. Какъ совершилась эта перемѣна съ китайскою Кульджей? Когда и кто такъ привязалъ ее къ Россіи? Какъ возникъ самый вопросъ о китайской Кульджѣ? Отвѣта на эти и подобные имъ вопросы, насколько мнѣ извѣстно, въ печати нигдѣ не встрѣтается.

Нѣтъ нигдѣ въ печати обстоятельныхъ свѣдѣній и о томъ когда и къмъ покорена Киргизская степь, то-есть все то пространство какое составляетъ нынѣшнюю Семирѣченскую и большую часть Тургайской, Акмолинской и Семилапатынской областей. Присоединено къ Россіи пространство большее чѣмъ отъ Москвы до Парижа, и однакожь совершенно неизвѣстно какіе Черныявы или Кауфманы, и съ какими войсками совершили это?

Между бумагами переданными въ мое распоряженіе, отъ извѣстнаго, теперь уже покойнаго, русскаго паломника и многосторонняго церковнаго дѣятеля—инока Паренія, * находится разказъ дающій отвѣтъ на предыдущіе вопросы.

Не имѣя возможности провѣрить нѣкоторыя подробности самаго разказа, какъ напримѣръ перелиску автора съ покойнымъ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, митрополита Филарета съ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ Святейшаго Синода графомъ Протасовымъ и нѣкоторыя другія частности, я считаю однако главный фактъ разказа внѣ всякаго сомнѣнія, и самый разказъ въ высокой степени любопытною страницей въ ряду повѣствованій о многоразличныхъ пріобрѣтеніяхъ нашего отечества.

Разказъ записанъ самимъ покойнымъ авторомъ и помѣщается здѣсь только съ немногими измѣненіями, не относящимися, конечно, къ сущности самаго дѣла.

Д. КОСИЦЫНЪ.

* Отъ него осталось болѣе двѣнадцати печатныхъ сочиненій. Особенно извѣстно его *Странствіе по Святымъ Мѣстамъ*, I—IV части. Много сочиненій противураскольническихъ. Онъ же основатель Слано-Преображенскаго Гуслицкаго и еще восьми монастырей. Въ рукописи должно остаться послѣ него около десяти сочиненій, но вѣроятно большая часть изъ нихъ уже затеряна.

1845 года іюля 27го дня, въ праздникъ Святаго великому-челника и цѣлебника Памтелемона, въ храмовый праздникъ Аѳонскаго русскаго монастыря, духовный мой отецъ, іероскимонахъ, рѣшилъ мою судьбу, послалъ меня въ Сибирскую страну, въ городъ Томскъ. Но предварительно онъ велѣлъ мнѣ сходить въ Іерусалимъ. На двѣнадцать тысячъ верстъ отправилъ меня съ двѣнадцати рублями на ассигнаціи и притомъ не велѣлъ ни у кого ничего просить. Тяжело мнѣ было исполнить такое послушаніе; но уважая его подвиги рѣшился исполнять послушаніе. Въ два года достигъ до города Томска и съ 1847 года поселился въ архіерейскомъ домѣ у преосвященнаго Аѳанасія епископа томскаго. Владыка заставилъ меня описывать странствіе и путешествіе по Святымъ Мѣстамъ.

Въ одно время понадебилось мнѣ кожевеннаго товара; это было въ 1850 году. Пошелъ я на базаръ въ кожевенный рядъ, вошелъ въ одну лавку и спросилъ товара; въ лавкѣ находились старушка и молодой человѣкъ; старушка спросила меня откуда я и гдѣ живу. Я разказалъ что съ Аѳонской горы и живу въ домѣ у преосвященнаго. Она сказала своему человѣку: „Порфирій! отпусти батюшкѣ хорошаго товара, а денегъ не бери.“ Потомъ сказала мнѣ: „батюшка, если что еще нужно будетъ, приходи къ намъ“. Я ее поблагодарилъ. Молодой человѣкъ спросилъ меня: можно ли батюшка придти къ вамъ въ келію и гдѣ ваша келія? Я сказалъ: приходи когда тебѣ угодно, моя келія подъ архіерейскою спальною, а ходъ изъ сада. И такъ простились. Въ одно время приходитъ онъ ко мнѣ; я спросилъ какъ его звать, онъ сказалъ: Порфирій Глѣбовичъ Уфимцевъ; потомъ онъ началъ разспрашивать объ Аѳонской горѣ, о Іерусалимѣ и о прочихъ Святыхъ Мѣстахъ; я ему все разказалъ подробно. Потомъ онъ сказалъ: и я много постранствовалъ. Я промолчалъ, размышляя про себя, „гдѣ тебѣ странствовать, развѣ гдѣ-нибудь по Сибири торговалъ“, и такъ пропустилъ его слова мимо ушей; потомъ распростился. Черезъ нѣсколько времени онъ опять пришелъ и мы о многомъ бесѣдовали; между прочимъ онъ опять повторилъ прежнее „что и онъ много странствовалъ“; но я опять не внялъ его словамъ и не обратилъ на нихъ никакого вниманія, и такъ опять разошлись.

Спустя нѣсколько времени снова приходитъ и опять разговоры. Онъ сказалъ что онъ тоже походилъ по свѣту, тогда я

обратилъ вниманіе и спросилъ: гдѣ же ты странствовалъ и ходилъ по свѣту? Тогда онъ началъ разказывать что нѣсколько разъ кружилъ Киргизскую степь и Бухарію, былъ и въ Китаѣ. Я спросилъ: какимъ же образомъ ты туда попалъ? онъ мнѣ разказалъ слѣдующее:

„Родомъ я Тобольской губерніи, мѣщанинъ города Туринска. Изъ Туринска же въ городѣ Семипалатинскѣ купецъ Самсоновъ былъ, мой дальній родственникъ. Пріѣхавъ въ Туринскъ онъ выпросилъ меня восьми лѣтъ у родителей, увезъ съ собой въ Семипалатинскъ и отдалъ меня учиться грамотѣ и языкамъ: татарскому, киргизскому и бухарскому (хотя въ сущности это языкъ и одинъ, но произношеніе словъ у нихъ разное). Когда мнѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, онъ, обривъ мою голову и надѣвъ татарскій колпачокъ и всю одежду татарскую, отправилъ меня съ работниками-Титарами торговать за прикащика въ Киргизскую степь съ товаромъ на верблюдахъ. Тамъ торговала вся на мѣну и мы мѣняли скотъ: коровъ, воловъ, быковъ и барановъ; питались одною бараниной, тамъ хлѣба нѣтъ никакого, ни хлѣбопашества; тамъ я торговалъ нѣсколько лѣтъ и измѣрилъ всю Киргизскую степь вдоль и поперекъ. *Киргизы народъ добродушный и считаютъ себя подданными Благаго Царя.*

„Годъ отъ году Самсоновъ торговлю увеличивалъ; мы пробрались въ Бухарію и тамъ начали торговать; я познакомился съ Бухарцами и торговалъ во всей Бухаріи въ городахъ: Самаркандѣ, Ташкентѣ, Коканѣ и Бухарѣ; ежегодно, а иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, возвращался въ Семипалатинскъ къ хозяину и отдавалъ ему отчетъ. Въ одно время онъ отправилъ товару очень много, такъ что мы не могли промѣнять и сбыть: товаръ ни въ Киргизской степи, ни въ Бухаріи. Знакомые Бухарцы начали звать меня съ собой въ Китаѣ, въ Кульджу, на ярмарку чтобы тамъ промѣнять свои товары на чай и шелковыя матеріи. Я долго колебался и не рѣшался ѣхать боясь Китайцевъ, но послѣ рѣшился. У насъ были свои юрты; потому что въ тѣхъ странахъ безъ юрты обойтись нельзя. Поѣхали въ Китаѣ и ѣхали до Китая степями и лесками три мѣсяца, потому что верблюды идутъ тихо, да еще и потому что съ нами было нѣсколько тысячъ барановъ. Наконецъ доѣхали до китайской границы, гдѣ насъ остановили и спросили: откуда и зачѣмъ? Мы отвѣтили: изъ Бухаріи, ѣдемъ въ Кульджу на ярмарку; насъ пропустили, мы выѣхали на

Пакинскую дорогу, потомъ поворотили направо и увидели Бульджу. Я спрашиваю: гдѣ же ярмарка? Оказалось что она вся состоитъ изъ юртъ и устроена по плану прямыми улицами. Намъ отвели мѣсто, мы разстали свои юрты, разложили товаръ, полъ устлали коврами и открыли торговлю. Китайцы стали насъ посѣщать и разсматривать товаръ. Въ одинъ день приходитъ въ юрту Китаецъ, лѣтъ около тридцати; много разспрашивалъ насъ о торговлѣ, вообще былъ, какъ говорятъ, человѣкъ словоохотливый. Я предложилъ ему чубукъ, онъ сказалъ что не курить; я спросилъ: охотники ли Китайцы до чубука? онъ отвѣтилъ: всякіе есть, кто охотникъ, а кто нѣтъ. О многомъ и долго мы говорили, потомъ вижу что онъ смотритъ на меня не совсѣмъ обычно, къ чему-то все присматривается. Думаю, не шпіонъ ли это, не хочетъ ли онъ признать меня Русскимъ, а тамъ Русскимъ бѣда, сейчасъ законфискуютъ товаръ, самому завяжутъ глаза и отправятъ въ Кяхту. Напились чаю; а онъ все смотритъ на меня съ какимъ-то умысломъ. Наконецъ говоритъ: знаешь ли, я вижу что ты не Татаринъ и не Бухарецъ и не Киргизъ, а какого-нибудь другаго рода. Я спросилъ, почему ты такъ думаешь? Нужно замѣтить что мы говорили все по-киргизски, потому что Китайцы, ведя постоянную торговлю съ Киргизами, хорошо знаютъ этотъ языкъ. Китаецъ отвѣтилъ: ты не похожъ ни на кого изъ принадлежащихъ къ названнымъ народамъ; у тебя и лицо другое, и рѣчь иная, мягкая. Я говорю: и у васъ есть разные лица и разные выговоры. Онъ отвѣтилъ: точно есть разные лица и выговоры, но только скажу тебѣ рѣшительно что ты не Татаринъ, не Киргизъ и не Бухарецъ, а какого-нибудь другаго рода. Потомъ спросилъ: не Русскій ли ты, откройся мнѣ, я и самъ Русскій и христіанинъ. Я спросилъ: почему же можно удостовѣриться что ты дѣйствительно христіанинъ. Онъ отвѣтилъ: потому что я знаю христіанскія молитвы, и началъ читать по-киргизски наши первоначальныя молитвы: Царю Небесный, Святый Боже, Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, Пресвятая Троице помилуй насъ, Отче нашъ, Приидите поклонимся, Помилуй мя Боже, Вѣрую во единого Бога, Достоинъ есть. Я спросилъ: а бывалъ ли ты въ Россіи? тамъ когда молятся, то крестятся. Онъ отвѣтилъ: и я крещусь и перекрестился, но только прежде положилъ руку на лѣвое плечо. Я сказалъ что Русскіе когда крестятся прежде кладутъ на

правое плечо, но онъ отвѣтилъ: чего насъ спрашивать? Мы только по одному преданію знаемъ что наши предки были Русскіе и христіане, они оставили намъ на китайскомъ языкѣ молитвы и образа мѣдныя; теперь мы на самомъ-то дѣлѣ никакого закона не имѣемъ, ни христіанскаго, ни китайскаго, потому что въ китайскія кумирницы мы не ходимъ. Вотъ уже двѣсти лѣтъ мы такъ живемъ; во все это время не видали ни одного Русскаго человѣка, ни одного христіанина; заброшены въ такую дальнюю и дикую страну. Я спросилъ: какъ же вы попали въ эту страну? онъ началъ разказывать какъ на рѣкѣ Амурѣ былъ русскій городъ Албазинъ, какъ Китайцы его взяли, весь народъ увели въ плѣнъ въ Пекинъ и населили тамъ плѣнными особую слободу. Потомъ онъ передалъ что у нашихъ стариковъ была церковь и священникъ, но священникъ устарѣлъ и померъ, церковь осталась пуста; наши Русскіе стали тогда просить Китайское правительство чтобъ изъ Россіи выписать новаго священника; но правительство не согласилось. Вслѣдствіе этого наши старики поговорили крупно съ правительствомъ, за что пятьдесятъ семействъ и сослали сюда въ Кульджу; а кто молчалъ тѣхъ оставили въ Пекинѣ. Мы слышимъ что тамъ есть церковь и монастырь и священники; но никто изъ насъ въ Пекинѣ не бывалъ, потому что здѣшніе законы запрещаютъ далеко отлучаться отъ своего мѣста; женъ мы беремъ Китайцекъ и отъ того мы переродились въ Китайцевъ.

„Я вижу, что предо мною дѣйствительно Русскій и рѣшился объявить ему о себѣ правду. Собравшись съ духомъ сказалъ ему: воистину я Русскій, распахнулъ и показалъ ему свою красную рубашку и крестъ съ гайтаномъ. Онъ бросился ко мнѣ на шею, обнялъ меня и зарыдалъ, приговаривая: блаженіи очи мои видѣвшія Русскаго человѣка, и омочилъ всего меня слезами. Я едва уговорилъ его сѣсть чтобы поговорить. Наконецъ онъ сѣлъ, но уже ничего не говорилъ, а только, смотря на меня, плакалъ; потомъ сказалъ: давай побратаемся и онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ меня и въ разговорахъ не видали какъ прошелъ день. Наконецъ онъ сказалъ что ему пора уже въ городъ, а то ворота запрутъ; завтра, прибавилъ онъ, прошу васъ къ себѣ въ гости, и пріѣду самъ за вами. Такъ проставшись, онъ пошелъ въ городъ, послѣ чего мнѣ самому сдѣлалось скучно. Поутру часовъ около восьми, смотрю—братъ ѣдетъ верхомъ на конѣ, а другаго

ведеть въ поводу. Уздечка и сѣдло на конѣ, на которомъ онъ самъ сидить, убраны серебромъ, а на конѣ для меня уздечка и сѣдло вызолочены. Поздоровавшись со мною онъ просилъ меня сѣсть на коня, я привыкъ по степлямъ ѣздить верхомъ, сѣлъ и мы поѣхали въ Кульджу. Въѣхали въ городъ, идемъ по улицѣ, вижу впереди толпу народа, я спросилъ что это за народъ, братъ мой отвѣтилъ: всѣ наши Русскіе пришли и собрались встрѣчать тебя. Мы подѣхали къ толпѣ и остановились, одна молодая женщина подошла къ намъ, сняла меня съ сѣдла и поцѣловала мою руку; братъ мой сказалъ мнѣ что это его жена и прибавилъ: „у насъ такой обычай чтобы дорогаго гостя снимала съ сѣдла жена хозяина“; потомъ братъ подвелъ своихъ дѣтей, которыя поцѣловали руку и ногу мою. За симъ пошли въ домъ; тутъ пошло цѣлованіе и разговоры, имъ же нѣсть конца; тутъ были приготовлены закуски и чай. Потомъ пошли разговоры со слезами о томъ зачѣмъ насъ бросила Россія? Вотъ прошло двѣсти лѣтъ и мы никакого не имѣемъ утѣшенія. Я сказалъ: да Россія о насъ и не знаетъ; она и не подозрѣваетъ что вы здѣсь живете; въ Россіи и не слышали что есть и Кульджа. Они начали просить меня, нельзя ли довести о нихъ до Русскаго Царя; я отвѣчалъ имъ что я человѣкъ молодой и маленькій, сдѣлать ничего не могу. Пошли разспросы о Россіи, о Русской вѣрѣ и о церквахъ, и о всѣхъ обычаяхъ; и посадили меня посреди себя, и всѣ смотря на меня плачутъ говоря: и намъ бы здѣсь можно имѣть священника и церковь; ибо Китайцы на это смотрять очень легко; вотъ богатые семейства приняли магометанство, и Китайцы ничего имъ не запрещаютъ; но только сначала нужно прислать священника подъ именемъ Татарина, какъ ты теперь; но прямо Русскимъ нельзя, потому что Китайцы Русскихъ боятся. Потомъ былъ обѣдъ для всѣхъ, послѣ обѣда олять провели время въ разговорахъ, и уже къ вечеру братъ мой отвезъ меня на ярмарку въ свою юрту. Послѣ этого братъ мой и прочіе Русскіе помогли мнѣ весь товаръ промѣнять на чай и шелковыя матеріи. Даже до половины ярмарки я былъ уже свободенъ, ѣздилъ по гостямъ къ своимъ Русскимъ, по домамъ и по хуторамъ; всѣ они живутъ зажиточно, кто торгуетъ, а кто мастеровой. По окончаніи ярмарки, я отправился съ Бухарцами обратно домой. Русскіе провожали меня до поворота въ Бухарию, тутъ они простались и сказали: на будущій годъ будемъ олять ожидать тебя.

„Изъ Бухарію черезъ Ташкентъ мы отправились въ Россію, въ Семипалатинскъ и пріѣхали къ хозяину Самсонову; онъ очень обрадовался нашему возвращенію и сказалъ: а я полагалъ что васъ уже и въ живыхъ-то нѣтъ; гдѣ это вы были? Я разказалъ все какъ было: такъ какъ вы товару отпустили очень много, то мы не могли его сбыть въ степи и поѣхали въ Бухарію, были въ Самаркандѣ, Ташкентѣ, Кокандѣ и Бухарѣ, но и тамъ не сбыли. Бухарцы пригласили насъ ѣхать въ Китай, въ Кульджу, на ярмарку; мы согласились и отправились въ Китай, тамъ торговали очень хорошо; весь свой товаръ промѣняли на чай и шелковыя матеріи, извольте получить все. Хозяинъ остался очень доволенъ. Я разказалъ ему о Русскихъ живущихъ въ Кульджѣ; но онъ думалъ только о своихъ дѣлахъ и сказалъ: теперь можно опять ѣхать и не черезъ Бухарію, а прямо въ Кульджу; вотъ я разспрошу Киргизовъ, не знаетъ ли кто изъ нихъ прямой дороги; и дѣйствительно вскорѣ нашелъ одного Киргиза, который хорошо зналъ этотъ край и разказалъ что новый луть короче наполовину; пока доѣдешь по старому луту до Ташкента, по новому будешь въ самой Кульджѣ. Только надобно ѣхать черезъ Семирѣчскій край и на каждой рѣкѣ нужно будетъ верблюдовъ разгружать, дѣлать плоты изъ чакану и товаръ переплавлять на плотахъ, а верблюдовъ и барановъ влать. Хозяинъ нанялъ этого Киргиза въ провожатые, и нагрузилъ товаромъ множество верблюдовъ; работниковъ взялъ всѣхъ изъ Татаръ, и отправилъ со мной еще только одного Русскаго. На одной рѣкѣ мой русскій товарищъ провалился одною ногой сквозь плотъ, вымочился, простудился и скоро померъ; я его похоронилъ какъ зналъ и поѣхали далѣе въ луть. Не доѣзжая до Кульджи, встрѣтилъ меня братъ и проводилъ на ярмарку. Поставивъ свои юрты и разобравъ товаръ, мы торговали очень хорошо, особенно потому что намъ помогали братья мои Кульджинцы; однакожь товару все же осталось у насъ около половины. Братъ сказалъ мнѣ: не скорби, оставайся у меня зимовать; зимой будемъ возить товаръ въ степь и мѣнять на барановъ, а барановъ снова мѣнять здѣсь на чай. Я остался зимовать въ Кульджѣ, и зимой весь товаръ промѣнялъ на барановъ, а барановъ на чай. Но къ веснѣ получилъ печальную вѣсть что въ отелѣ разбойникъ Камисаръ, собравъ нѣсколько тысячъ войска, грабитъ Киргизовъ; я пріунылъ, но братья дали мнѣ наставленіе чтобы

накупить подарковъ изъ разныхъ матерій и серебряныхъ вещей и ѣхать къ нему прямо. Если онъ дастъ поцѣловать руку, то это будетъ знакомъ благоволенія къ тебѣ; тогда ты попроси его чтобъ онъ пропустилъ обозъ, а обозъ отправь другимъ путемъ подъ горами, и старайся пробыть у него подольше чтобъ обозъ ушелъ подальше. Я все исполнилъ какъ мнѣ говорили. Братья проводили меня и я простился съ ними навсегда, сказавъ: хотя и живъ останусь, но больше уже не поѣду въ степь. Такъ мы простились и плакали и они говорили: помани насъ, братъ, заброшенныхъ въ дикую страну.

„За симъ мы отправились въ путь. Выѣхавъ въ степь, караванъ отправили подъ горами, а сами втроемъ поѣхали къ Канисару, наказавъ своимъ какъ можно торопиться съ караваномъ. Предъ первымъ кордономъ насъ остановили и спросили: что вамъ надобно? Мы отвѣтили: имѣемъ дѣло къ царю Канисару; насъ повели къ нему; меня впустили въ юрту по приказанію Канисара, а товарищи остались внѣ, при дарахъ. Юрта была убрана по-царски, постланы драгоцѣнные ковры, стѣны увѣшены златотканными шалами, подушка на которой сидѣлъ Канисаръ вышита золотомъ, одежда на немъ шелковая, златотканная. Вошедши къ нему и сдѣлавъ три поклона до земли, я хотѣлъ было поцѣловать его одежду, но онъ подавъ руку и поцѣловалъ меня въ голову; потомъ приказалъ мнѣ сѣсть и началъ разспрашивать, кто вы и гдѣ были? Я сказалъ что мы изъ Россіи, изъ Семипалатинска, ѣдемъ изъ Кульдѣжи, были на ярмаркѣ, и попросилъ его принять отъ меня дары изъ Китая. Онъ изъявилъ желаніе. Когда дары были внесены, приказалъ ихъ разложить и, смотря на нихъ, даже смѣялся и позвалъ женъ своихъ, потомъ приказалъ все убрать. За симъ онъ спросилъ: чего желаешь отъ меня? Я сказалъ: прошу одной милости, пропусти нашъ караванъ безъ обиды, онъ спросилъ: а гдѣ же вашъ караванъ? я отвѣтилъ стоить за горами, велѣлъ дожидаться меня.

„Онъ сказалъ: я желаю чтобы ты погостилъ у меня, мы съ тобой погуляемъ; я Россію люблю, ты пьешь вино? Я отвѣтилъ: пью, но только слабое, виноградное. Онъ сказалъ: и я пью такое же, и приказалъ готовить обѣдъ и подать вина. Мы обѣдали только вдвоемъ, а моихъ товарищей кормили особенно. Такъ онъ продержалъ меня цѣлую недѣлю; я сталъ говорить что пора уже ѣхать намъ въ Семипалатинскъ, что хозяинъ насъ дожидается. Канисаръ согласился отпустить. Я

много благодарилъ за его отеческое снисхожденіе и онъ приказалъ проводить насъ до кордона. Отъѣхавъ за горы, мы поворотили по долинѣ налѣво и ѣхали три дня по дорогѣ, по которой нашъ караванъ отправился уже прежде. Потомъ мы спросили, точно ли онъ уже прошелъ и намъ сказали что уже давно проѣхалъ и мы его догнали уже на подлугу къ Семипалатинску, приказавъ послѣшать, потому что намъ казалось что погоня за нами все-таки будетъ. И дѣйствительно, Киргизы начали извѣщать насъ что Канисаръ гонится за нами; сначала сказали что въ десяти дняхъ, потомъ что въ пяти дняхъ, наконецъ стали говорить что въ трехъ дняхъ. Мы начали робѣть, хотя уже было недалеко до Семипалатинска. Вдругъ видимъ что намъ навстрѣчу ѣдутъ казаки, высланные для насъ изъ Семипалатинска; мы до того имъ обрадовались что приняли ихъ какъ ангеловъ Божіихъ. Они спросили: все ли благополучно, видѣли ли Канисара? Мы отвѣтили что все благополучно и Канисара видѣли, но, говорятъ, что онъ гонится за нами и уже недалеко. Казаки намъ сказали: вы послѣшайте какъ можно скорѣе чтобъ онъ васъ не догналъ; а мы поѣдемъ, поздороваемся съ нимъ.

„Канисарово войско, какъ только увидѣло казаковъ, все рассыпалось и мы благополучно прибыли въ Семипалатинскъ. Я отдалъ хозяину отчетъ; потомъ черезъ нѣсколько времени разчитался съ нимъ и отправился въ Томскъ къ своей теткѣ, вотъ и живу у ней.“

Я выслушавъ все это сказалъ ему: напиши всю эту исторію на бумагѣ и принеси ко мнѣ. Онъ написалъ и принесъ. Я переписалъ своею рукой и при своемъ письмѣ послалъ въ Москву къ митрополиту Филарету въ 1851 году. Митрополитъ навелъ обо мнѣ справки въ скиту у моихъ друзей, старцевъ Молдавскихъ, и послалъ мое письмо къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу Протасову; графъ передалъ письмо государю Николаю Павловичу. По сему поводу въ Государственномъ Совѣтѣ состоялось рѣшеніе: послать въ Оренбургъ, къ начальнику казачьихъ войскъ, предписаніе чтобъ онъ выслалъ нѣсколько сотъ казаковъ въ Киргизскую степь, и чтобъ они прошли ее до самой китайской границы и узнали духъ народа, точно ли онъ такъ миренъ какъ о немъ пишутъ. Весной 1852 года дѣйствительно были отправлены казаки. Первые три дня они шли ни кого не встрѣтивъ; потомъ увидали—стоитъ стѣна народа. Въ первое

время они подумали что попали въ ловушку, послали казака спросить что это за народъ? Казакъ спросилъ: что вы за люди и зачѣмъ пришли? Они отвѣтили: мы услышали что пойдутъ казаки въ нашу степь, вотъ мы и пріѣхали изъ всей степи. Мы, ханы и старшины и всѣ начальники, встречаемъ казаковъ съ хлѣбомъ-солью. Казакъ воротившись сказалъ это начальнику; начальникъ, взявъ нѣсколько казаковъ, поѣхалъ къ нимъ. Какъ только подѣхалъ, всѣ Киргизы пали на колѣни. Начальникъ спросилъ: чего вы желаете? Они отвѣтили: просимъ принять отъ насъ хлѣбъ-соль и принять насъ въ подданство Россіи. Начальникъ сказалъ: за доброе ваше желаніе, государь приметъ васъ съ любовью. Потомъ принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль на золотомъ блюдѣ и поблагодарилъ ихъ. Они спросили: далеко ли вашъ путь? Онъ отвѣтилъ: намъ вѣрно пройти до китайской границы. Киргизы сказали что васъ нужно проводить по хорошимъ пастбищамъ и водамъ; у насъ степь какъ море, есть великіе лески и безводныя мѣста и воды соленыя. Надобно вамъ лицу приготовить, у насъ хлѣба нѣтъ, питаемся свѣжею бараниной. Казаки съ Киргизами пошли далѣе и шли три мѣсяца; ибо отъ Оренбурга до китайской границы 3.000 верстъ; наконецъ Киргизы сказали что до китайской границы уже не далеко только тридцать верстъ; начальникъ сказалъ что надобно здѣсь остановиться и высмотрѣть удобное мѣсто чтобъ основать городъ. Мѣсто удобное нашлось, земля черноземная, воды хорошия и на горѣ много лѣса. За симъ отправили казака въ Томскъ къ губернатору чтобъ онъ прислалъ къ избранному мѣсту изъ его губерніи всѣхъ казаковъ неслужащихъ вмѣстѣ съ ихъ семействами и со всѣмъ скотомъ. Сборъ казаковъ въ Томскѣ происходилъ при мнѣ лично, когда я самъ жилъ въ этомъ городѣ. Казаки помолобествовали и отправились въ путь, конечно при этомъ много было и слезъ; за ними поѣхали разные кулцы и торгаши. По пріѣздѣ къ выбранному мѣсту начертали планъ городу и начали строить дома до зимы.

Въ 1853 году, весной, пріѣхалъ казакъ отъ казачьяго начальника въ Томскъ къ архіерею просить чтобъ онъ прислалъ священника и діакона и двухъ причетниковъ, а также св. антиминосъ и св. миро и всѣ другія необходимыя принадлежности для церкви и священнослужителей; владыка нашелъ священника пожелавшаго отправиться туда по охотѣ. О дальнѣйшемъ много лѣтъ я новаго ничего не слышалъ.

Потомъ уже въ Москвѣ я встрѣтился съ купцами, которые вели торговлю въ Киргизской степи и сами были въ новоустроенномъ городѣ, что близъ китайской границы. Они разказывали что новый городъ названъ Копаля, и всѣ Русскіе и Албазинцы изъ Кульджи выѣхали въ Россію и поселились въ Копаля; всѣ крестились, надѣли русскую одежду и ходятъ по-русски, говорятъ также по-русски и пожелали въ казаки, многіе поселились особыми слободами, по-тамошнему выселками, всѣ учатся русской грамотѣ, читать, писать, закону Божію и пѣнію, и во всякомъ выселкѣ построили церкви и училища, во время богослуженія сами поютъ и читаютъ и исполняютъ службу причетниковъ; вообще сдѣлались совершенно Русскими и истинными христіанами, занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, разводятъ сады и виноградники, и вся Киргизская степь раздѣлена на шесть областей и двѣсти волостей.

Потомъ послѣ Восточной войны въ городахъ Кульджѣ и Чебучакѣ * учреждены русскія консульства и при нихъ домовыя церкви и священники. Но вскорѣ на эту китайскую страну напали Кашгарцы-магометане и начали всѣхъ предавать мечу и огню; разрушили самые города Кульджа и Чебучакъ и уничтожили въ нихъ консульства и церкви. Вслѣдствіе сего весь народъ разбѣжался по горамъ и лѣсамъ и Россія объявила Кашгарцамъ войну; послано было войско, города Кульджа и Чебучакъ были взяты, и вся эта страна присоединена къ Россіи. Но Русское правительство нашло невыгоднымъ держать эту страну въ своемъ владѣніи и потому дали знать кульджинскому губернатору чтобъ онъ извѣстилъ тамошнихъ жителей что если кто желаетъ изъ нихъ въ Россію, то чтобы теперь же выѣзжали со всѣмъ имуществомъ, потому что Кульджа поступитъ со всею страной Китаю. При этомъ извѣстіи весь народъ пришелъ въ страшное движеніе. Не говоря о Русскихъ, Албазинцы, Китайцы, Киргизы, сами Кашгарцы и даже Индійцы, всѣ стали собираться большими партіями со скотомъ и со всѣмъ имуществомъ, всѣ устремились въ Россію въ Семирѣченскую область, тамъ поселялись особыми выселками, принимали крещеніе и русскій языкъ, и одежду, и поступали въ казаки. Именно въ это время и основанъ городъ Вѣрный, который

* По новѣйшимъ картамъ Чугучакъ.

населенъ преимущественно выходцами. Теперь въ немъ уже больше десяти тысячъ жителей; но и въ настоящее время все еще продолжается выходъ переселенцевъ изъ Китая большими партіями. Всѣ они охотно постулають въ вѣроподданство Россіи, принимаютъ крещеніе, бросаютъ свой языкъ и одежду. Самовидцы мнѣ разказывали что они были въ одномъ изъ подобныхъ выселковъ и сами ходили по домамъ изъ любопытства чтобъ узнать какъ живутъ выходцы. Они находили что въ каждомъ домѣ въ переднемъ углу обыкновенно стоитъ кіотъ наложенный иконами и предъ нимъ горитъ лампадка, подавъ кіота шкафъ съ книгами; въ домахъ очень опрятно, всѣ одѣты въ русскую одежду, мужчины всѣ отъ мила до велика въ ситцевыхъ и красныхъ рубашкахъ съ косыми воротниками, подпоясаны поясами, таковы же и подштанники; вообще всѣ жители чисто Русскіе, лица у всѣхъ веселыя и на нихъ румянецъ играетъ отъ удовольствія что они теперь въ Россіи и христіане. На вопросъ къ старшимъ: знаете ли по-русски? они отвѣтили: знаемъ, мы всѣ выучились говорить, и молодые за нами слѣдуютъ. Если что позабудемъ и скажемъ по-китайски, то съ насъ штрафъ десять земныхъ поклоновъ. Мы и сами ходимъ въ училище, и учимся грамотѣ чтобы поскорѣе вполне выучиться по-русски. Женщины также ходятъ чисто по-русски. Самовидцы же мнѣ передавали о замѣчательномъ въ выселкѣ праздникѣ въ лѣтѣ годовщины основанія выселка.

„Много наѣхало къ этому времени гостей мірскихъ, и чиновниковъ, и духовенства; остались и мы на праздникъ. Съ вечера служили всенощную, пѣли и читали всѣ недавніе Китайцы; лѣвчихъ было по восьми человекъ на каирсѣ; свѣчи и лампы поправляли старушки-Китайки, ланикадила зажигали старики-Китайцы, народу собралось видимо-невидимо; вся церковь была переполнена и кругомъ церкви стояли массы народа. Поутру была совершена литургія съ водоосвященіемъ; потомъ лошаи крестнымъ ходомъ кругомъ выселка съ хоругвями и иконами, и когда дошли до восточной стороны выселка: видимъ отъ Китая идетъ масса народа и скоро остановилась. Староста послалъ спросить: что за народъ? Посланецъ подошелъ къ массѣ народа и спросилъ: откуда вы и зачѣмъ пришли? Они отвѣтили: мы, Китайцы, пришли желая быть Русскому царю вѣроподданными и христіанами и Русскими; вы, продолжали они, были тоже Китайцами, а

т. сxxxvii.

теперь стали Русскими, и мы того же желаемъ; что это у васъ совершается? Посланный отвѣтилъ: мы Богу молимся, вспоминая годовщину основанія нашего выселка; по этому случаю и дѣлаемъ крестный ходъ вокругъ выселка. Потомъ спросилъ: а много ли васъ? Они сказали что около тысячи семействъ. Посланецъ возвратился и сказалъ старостѣ: тебѣ еще Богъ даетъ гостей изъ Китая. Всѣмъ имъ велѣно было направиться по большой улицѣ къ большому дому, то-есть къ правленію, а скотъ оставить въ степи. За симъ староста пришелъ къ нимъ и разспросилъ подробно кто они и зачѣмъ пожаловали; они подтвердили то же самое. Тогда десятскимъ поручено было размѣстить всѣхъ прибывшихъ по квартирамъ, накормить ихъ, затѣмъ дать знать народу чтобы каждый мужчина принялъ крестника, а женщины крестницу, и когда все это будетъ сдѣлано чтобы всѣ пришли къ церкви для нареченія прибывшимъ новыхъ христіанскихъ именъ. Въ свое время всѣ сошлись къ церкви, и священникъ по уставу нарекъ всѣмъ имена; отцамъ крестнымъ и матерямъ приказалъ помнить имена своихъ крестниковъ; за симъ, прочитавъ огласительныя молитвы, приказалъ всѣмъ прибывшимъ изъ Китая отрѣзать косы, всю седмицу воздержаться отъ женъ, ходить ежедневно въ церковь и учиться молитвамъ. Эта обязанность была возложена на воспріемниковъ. Такъ всю седмицу провели въ постѣ и молитвѣ. Въ пятницу вечеромъ всѣмъ приказано приходиться ко всеобщей; поутру чѣмъ свѣтъ собираться къ церкви; къ этому времени пригласили священниковъ изъ другихъ выселковъ.

„Рано утромъ всѣмъ воспріемникамъ розданы были свѣщи, заранѣе были приготовлены три іордана: одинъ для мужчинъ, другой для женщинъ, а третій для дѣтей. Взявъ хоругви и иконы, всѣ пошли на рѣку, затѣмъ раздѣлились на три группы по числу мѣстъ крещенія. Наконецъ началось совершеніе сятаго таинства. Священники прочли молитвы назначенныя по уставу. Когда пришло время погруженія, всѣ взрослые сами входили въ воду по перси, и священникъ предъ погруженіемъ каждаго предварительно спрашивалъ воспріемниковъ какъ ему имя и тогда погружалъ говоря: крещается рабъ Божій, имярекъ, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Какъ только крещеный выходилъ изъ воды, на него надѣвали бѣлый, длинный до земли халатъ, олоясывали и надѣвали крестъ съ гайтаномъ, давали въ руку зажженную восковую свѣчу и

показывали мѣромъ. Нужно замѣтить что предварительно посреди стели уже былъ поставленъ аналой и на немъ лежала крестъ и Евангеліе. Послѣ помазанія мѣромъ, всѣ выходили на берегъ и воспріемники становились съ ними рядомъ, каждый со своимъ крестникомъ или крестницею. Какъ только окончилось мѣропомазаніе, священники, а за ними и всѣ крестившіеся и воспріемники, пошли вокругъ аналая и заплѣли: лица во Христа креститесь, во Христа облекостесь и проч. Пѣлъ весь народъ состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ, а кругъ совершили около вероты. Вотъ было поистинѣ чудное зрѣлище! Тысячи народа ходятъ со свѣщами, а тысячи зрителей стоятъ вокругъ ихъ и всѣ поютъ. Тогда почти явно на всѣхъ сошелъ Духъ Святый; всѣ перешли въ какой-то восторгъ, всѣ радовались и отъ радости плакали. Потомъ прочитали Апостоль и Евангеліе, какъ положено по уставу крещенія. Когда начали говорить ектенію, воспріемники сняли хааты со своихъ крещеныхъ и одѣли мужчинъ въ мужское одѣяніе, а женщинъ въ женское, и въ одинъ часъ всѣ сдѣлались Русскими и пошли въ церковь. На литургіи ихъ причащали три священника, мужчинъ въ царскихъ вратахъ, женщинъ въ южныхъ, а дѣтей въ сѣверныхъ. Къ этому случаю прѣхалъ исправникъ и сначала приказалъ было позвать къ себѣ всѣхъ взрослыхъ чтобъ ихъ поздравить; но потомъ, увидя великое множество ихъ, вышелъ на улицу самъ и поздравилъ. Всѣ наученные воспріемниками, въ отвѣтъ закричали: „благодаримъ“. Исправникъ сказалъ: „неужели это Китайцы? нѣтъ! это молодцы, это чисто-русскій народъ“. Потомъ пригласили всѣхъ къ общественному обѣду, который жители дѣлали отъ себя, и всѣ идя дорогою и смотря другъ на друга удивлялись, говоря: какой ты братъ сдѣлался хорошій, бѣлый, румяный, узнать нельзя, и другой тоже говоритъ ему: мы въ Китаѣ были звѣри, а теперь сдѣлались люди: вотъ такова-то Россія и вѣра христіанская, и одежда къ намъ очень пристала. Такъ и кончили два праздника.“

Китайцы хорошіе хлѣбопашцы. Сначала они хотѣли впрочемъ промыслять только скотоводствомъ, но послѣ увидѣли что хлѣбопашество выгоднѣе; хлѣбъ продаютъ въ Китаѣ, тамъ хлѣба мало; затѣмъ въ Кашгаръ и въ Индію. Сами Киргизы начали сѣять хлѣбъ, разводить сады и виноградники; скоро будутъ виноградное вино возить изъ Семирѣченской области. Всѣ китаецкіе выходцы желаютъ служить

казаками, очень набожные христіане и вполнѣ надежные русскіе подданные. Это зависитъ особенно оттого что выходцы вполнѣ сознають что они теперь вырвались на свободу, дышать чистымъ воздухомъ, живутъ въ полномъ довольствѣ, наслаждаются семейнымъ спокойствіемъ; земли сколько угодно; каждый паши и сѣи хлѣба сколько можешь, держи скота сколько угодно, притомъ съ казаковъ подати никакой не берется. Въ Китаѣ же земли мало, хлѣба не достаетъ, скота водить негдѣ, оттого и ѣдятъ тамъ всякую скверну и гадину, мышей, крысъ и прочая, а перемѣнять мѣсто и переселяться закономъ воспрещено; въ одномъ мѣствѣ жить невозможно отъ тѣсноты, а въ другихъ мѣстахъ лежатъ пустыя и ненаселенныя степи какъ, напримѣръ, въ Монголіи. Оттого и дѣтей своихъ Китайцы большею частію еще въ пеленкахъ убиваютъ, оставляя только двоихъ: мальчика и дѣвочку. Смертоубійство и самоубійство въ Китаѣ обыкновенныя и постоянныя явленія. Выходя изъ дома каждый какъ бы уходитъ навсегда, не зная возвратится ли къ вечеру или нѣтъ. И всѣ подобныя явленія, повидимому, даже и закономъ не преслѣдуются. Самъ Порфирій Глѣбовичъ разказывалъ: иду по улицѣ въ Кульдѣжѣ; вижу что одинъ молодой человекъ въ корзинѣ несетъ продавать виноградъ; я сталъ торговать и купилъ, продавецъ хотѣлъ было вѣсить, но въ это время подошелъ другой и говоритъ мнѣ: что ты купилъ? видишь его виноградъ гнилой, купи у меня, мой виноградъ свѣжій, только что срѣзанъ. Я посмотрѣлъ и нашелъ что его виноградъ свѣжѣе и лучше и отказалъ первому. Тогда тотъ мгновенно выхватилъ ножъ и прямо своему врагу въ животъ; этотъ повалился, потомъ убійца порснулъ ножемъ и себѣ въ брюхо и тоже свалился. Вотъ два человека лежатъ мертвыми и корзинки валяются! Я оцѣпенѣлъ отъ ужаса не зная что мнѣ дѣлать; въ это время подходитъ братъ Кульдженецъ и говоритъ мнѣ: ты иди куда знаешь, у насъ это ежедневно повторяется. Я давай Богъ ноги и ушелъ. Вотъ думаю здѣсь совѣтъ ходить нельзя, надобно имѣть двѣ головы. Такъ дешева жизнь въ Китаѣ!. Все это и подобное хорошо извѣстно всѣмъ выходцамъ изъ Китая и потому-то они не только вполнѣ вѣроподданные Россіи, но и положительно боятся какъ бы она не отказалась отъ нихъ и не возвратила Китаю.

Итакъ вотъ какимъ образомъ пріобрѣтена Киргизская дикая степь, и кто были виновники столь благодатнаго переворота, и кто затронулъ средне-азіатскія дѣла! Окончена сія тетрадь 10го сентября 1875 года.

Въ концѣ другаго экземпляра той же самой статьи сдѣлана авторомъ слѣдующая собственноручная приписка:

Нельзя ли эту статью довести до свѣдѣнія начальства Туркестанскаго края, напечатать ее въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* и объявить во все области Киргизской степи, Бухарскимъ провинціямъ и Кульджинскому краю чтобы не прошло это историческое свѣдѣніе въ забвеніе. Вотъ прошло двадцать три года, но въ исторіи, и журналы, и календари молчатъ, и никому неизвѣстно какъ эта страна попала въ подданство Россіи.

ПАРФЕНІЙ.

ОБЫЧАИ КИРГИЗОВЪ

СЕМПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

I. Свадебные обряды.

Киргизскія дѣвушки пользуются несравненно большею свободой чѣмъ Татарки, хотя считаются магометанскаго вѣроисповѣданія; онѣ показываются въ народѣ съ открытымъ лицомъ, и при весеннихъ перекочевкахъ и различныхъ празднествахъ участвуютъ въ играхъ съ молодежью.

У Киргизовъ, по обычаю, ночью караулятъ барановъ дѣвушки. Днемъ пастьба барановъ считается черною работою; ее исполняютъ работники и только въ наказаніе посылаетъ Киргизъ жену или дочь пасти барановъ. Сколько случалось слышать жалобъ отъ женщинъ на мужей: „Онъ меня худо содержитъ, заставляетъ днемъ пасти барановъ“.

Дѣйствительно, днемъ пасти барановъ тяжелая работа, особенно въ горахъ, такъ какъ они забираются на кручи, и пастиціи ѣздятъ за ними по карнизамъ и осыляемъ на быкъ или лошади. Ночью бараны лежатъ и все дѣло заключается въ томъ чтобъ оберегать ихъ отъ звѣря. Дѣвушки собираются со всего аула, къ нимъ присоединяются молодые люди и выходятъ тѣ же казачьи вечорки или крестьянскія посидѣлки,

съ тою только разницей что собирается молодежь на всю ночь до свѣта и не въ избѣ, а подъ открытымъ небомъ. Играютъ на *долбръ* (двухструнная балалайка), на *сыбызъ* (киргизская флейта), поютъ пѣсни. Полная свобода, чарующая прелесть благоуханныхъ ночей, могучая красота и роскошь окружающей природы располагаютъ къ любви, и любить они какъ истыя дѣти природы.

На близкія отношенія между молодымъ человѣкомъ и дѣвушкой смотрятъ весьма свисходительно; лишь бы она не имѣла дѣтей; для этого Киргизки пьютъ чай изъ трехъ травъ, одну изъ нихъ онѣ называютъ „кызылъ-ча“, двухъ другихъ не знаю; этимъ чаемъ изгоняютъ плодъ въ самомъ началѣ; другое условіе чтобы дѣвушка не сошла съ парнемъ другого аула или, что уже считается позорнымъ для всей одноаульной съ дѣвушкой молодежи, не полюбила молодого человѣка изъ другой волости, то-есть изъ другого рода. Тутъ подымается уже серьезная месть, верѣдко кончающаяся убійствомъ.

Но насколько киргизская дѣвушка пользуется свободою сердечныхъ влеченій настолько же она была угнетена до послѣдняго времени законнымъ бракомъ; ее просватывали часто еще въ зыбкѣ и по достиженіи извѣстныхъ лѣтъ, по закону шестнадцати, по обычаю тринадцати, когда отецъ жениха или самъ женихъ улатить часть *калма*, (платы за дѣвушку), половину или $\frac{2}{3}$, ее выдавали замужъ.

Такъ какъ Киргизы не допускаютъ браковъ между родичами, то невѣсту берутъ всегда изъ другой волости, изъ другого рода; иногда версть за 700 и болѣе, и до официального пріѣзда жениха на свиданіе съ невѣстой, равносильнаго нашей свадьбѣ, съ тою впрочемъ разницей что онъ не увозитъ ее еще въ свой домъ, невѣста и женихъ знаютъ другъ друга только по слухамъ.

Положеніемъ 1868 года Киргизкамъ дано право, если онѣ просватаны были въ дѣтствѣ, не выходить за своихъ жениховъ. Родители обязаны улатить обратно жениху полученный калымъ и кромѣ того, не по русскому уже закону, а по киргизскому обычаю, штрафъ, *девятку отъ верблюда* то-есть девять головъ скота, начиная отъ верблюда и кончая двухгодовой коровою. Этотъ штрафъ платитъ отецъ невѣсты за то что не сдержалъ слова. Положеніемъ 1868 года запрещено вылавать замужъ ранѣе шестнадцати лѣтъ. Киргизы очень долго

скрывали отъ женщинъ этотъ законъ и только послѣ настоятельныхъ требованій начальства онъ былъ обнародованъ.

Обнародованіе этого указа произвело громадный эффектъ: на первый же затѣмъ волостной сѣздъ въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ, явилось къ уѣздному начальнику одиннадцать дѣвицъ съ заявленіемъ что не идутъ за просватанныхъ жениховъ.

Если положеніе дѣвушки до 1868 года было печально, такъ какъ ее запродавали какъ вещь и отдавали купившему ее безъ малѣйшаго вниманія къ ея личному желанію, то положеніе вдовы было поистинѣ ужасно. Семья или родъ заллатившіе за дѣвушку калымъ ни въ какомъ случаѣ не выускали ее изъ своей власти. По смерти мужа наследовали все имѣніе дѣти или ближайшіе родственники его, женѣ не давалось ничего и она какъ раба или вещь переходила „аменгеру“ (претенденту послѣ мужа). Если у покойнаго были братья, то старшему по немъ брату,—умиралъ этотъ слѣдующему, нѣтъ братьевъ старшему дядѣ, и т. д., не принимая въ соображеніе что иному дядѣ за шестьдесятъ лѣтъ, а иногда старшій послѣ умершаго брата остается лѣтъ шестисеми. Черезъ годъ послѣ смерти, всаи аменгеръ вышелъ изъ дѣтекихъ лѣтъ (по киргизскому обычаю четырнадцати лѣтъ) онъ входитъ въ юрту вдовы, ставитъ баканъ подъ чанаракъ * и съ этой минуты вступаетъ въ права мужа и господина. И теперь, разумѣется, это еще дѣлается, но если аменгеръ одишкомъ не по сердцу вдовѣ, она прибѣгаетъ къ покровительству русскихъ законовъ и ее освобождаютъ отъ насильнаго брака.

Мнѣ случилось видѣть хорошенькую, девятнадцатилѣтнюю женщину, овдовѣвшую въ первый годъ своего замужества и въ тотъ же годъ уже просватанную за четырнадцатилѣтняго

* *Чанаракъ* деревянный кругъ составляющій верхушку юрты, въ немъ прорѣзы въ которые вставляютъ *ууки*, выгнутыя, плоскія, деревянныя палки, составляющія сводъ юрты. *Ууки* вставляютъ однимъ концомъ въ чанаракъ, другимъ привязываютъ арканами къ кереге,—кереге складная, деревянная рѣшетка, составляющая стѣны юрты. чанаракъ, ууки и кереге составляютъ основаніе юрты на которое натягиваются *кошмы* (войлокъ). *Баканъ* толстая, аршина въ четыре жердь съ раздвоеннымъ концомъ, въ видѣ короткой вилы съ тупыми концами; баканомъ поддерживаютъ чанаракъ въ то время какъ ставятъ юрту.

брата покойнаго ея мужа. Черезъ годъ онъ долженъ былъ жить ее въ жены. Этотъ бракъ устраивался по добровольному соглашенію и желанію обѣихъ сторонъ; но за то въ это же время и изъ этой же семьи другая молодая вдова, просватанная за семилѣтняго брата покойнаго мужа, убѣжала съ молодымъ человѣкомъ, вѣроятно не желая дожидаться пока вырастетъ ея будущій супругъ. Бывавшихъ поймами и надо было много такта со стороны русскаго начальства чтобы предотвратить ищеиіе обиженной стороны и отстоять права молодой женщины.

Убѣдившись что законъ не даетъ права, какъ бывало, силой оставить вдову у себя въ семьѣ, родственники покойнаго мужа стали предлагать различные компромиссы. По киргизскимъ обычаямъ на эту вдову жерный послѣ семилѣтняго „менгера“ имѣлъ права шестидесятилѣтній дядя покойнаго; дядя этотъ отказался и замѣнить собою семилѣтняго жениха предложилъ другой дядя лѣтъ лятидесяти, женатый и имѣющій женатыхъ сыновей и внучатъ. Послѣ долгихъ переговоровъ сговорились наконецъ на томъ что молодая женщина можетъ выходить замужъ за кого хочетъ, но только не за обидчика, который смертельно оскорбилъ весь родъ, укравъ ее.

Чтобы имѣть право на разводъ Киргизка должна убѣжать отъ мужа *три* раза; послѣ третьяго побѣга и если народъ заявитъ что мужъ съ нею дурно обращался, ей могутъ дать разводную, или если будетъ доказано свидѣтелями что мужъ выгналъ жену отъ себя и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не кормилъ.

На томъ же волостномъ съѣздѣ Усть-Каменогорскаго уѣзда, на которомъ одиннадцать дѣвцъ отказались отъ своихъ жениховъ, сосватанныхъ имъ когда онѣ были еще въ колыбели, разбиралось дѣло одной женщины: мужъ выгналъ ее за четыре года до того безо всякой съ ея стороны вины и въ теченіе четырехъ лѣтъ, пока она жила по найму въ работницахъ, и звать ее не хотѣлъ; но какъ только къ ней посватаался богатый Киргизъ, супругъ заявилъ свои права и сталъ требовать жену къ себѣ.

Она сама явилась на съѣздъ и съ помощью свидѣтелей отстояла свое дѣло; съѣздъ рѣшилъ въ ея пользу.

Сватовство происходитъ слѣдующимъ образомъ. Желаящій

засватать за своего сына дочь извѣтнаго лица отправляетъ къ нему своего родственника или уважаемаго въ ихъ средѣ человека называемаго „джаучи“ предварительно спросить: „желаетъ ли такой-то отдать свою дочь за его сына“.

Садясь на коня „джаучи“ съ одной ноги залускаетъ чембары за голенища салага, а съ другой выпускаетъ на салогъ: примѣта—чтобъ отецъ засватываемой невѣсты былъ снисходительнѣе и не отказался отъ предлагаемаго родства. Привѣхавъ къ нему въ аулъ, „джаучи“ входитъ въ юрту, обививается привѣтствіями и объявляетъ о цѣли своего пріѣзда.

Если отецъ невѣсты согласенъ, то говоритъ; „Пусть пожелаютъ большіе сваты для заключенія окончательнаго условія“. Затѣмъ колетъ барана, угощаетъ „джаучи“ и назначаетъ день для пріѣзда большихъ сватовъ; большею частію въ среду или четвергъ, такъ какъ эти дни считаются счастливыми.

Въ назначенный день отецъ будущаго жениха, а если нѣтъ отца, то дядя или другой самый близкій родственникъ, въ сопровожденіи родныхъ и близкихъ знакомыхъ, въ числѣ отъ пяти до пятнадцати человекъ, смотря по средствамъ жениха, отправляется въ аулъ невѣсты. Этихъ провожатыхъ называютъ „джанъ-аширъ“. Одѣваются они въ лучшее платье и ѣдутъ на хорошихъ, богато-убранныхъ лошадяхъ. Въ аулѣ невѣсты тоже дѣлаются приготовленія для встрѣчи „большихъ сватовъ“; родные невѣсты одѣваются въ лучшее платье и выставляютъ гирядную юрту. Большая юрта бываетъ сажени три въ діаметрѣ; весь полъ, то-есть земля, устилается сначала кошмами (если юрта поставлена не на дугу, то на землю подъ кошму кладутъ толстый слой травы), поверхъ кошемъ разстилаютъ ковры; кереге заставляютъ снаружи *чигелъ*, родъ ширмы одѣланной изъ *чиа*, (*Lasiagrostis splendens*); ширма эта дѣлается въ вышину кереге, палочки *чиа* совершенно плотно сложенные леревиваются сплошнымъ узоромъ разноцвѣтнымъ гарусомъ. Гарусъ для этого готовится и окрашивается въ различные цвѣта Киргизками. Внутри юрты кереге закрывается коврами и *такилетями* (коврами вышитыми по сукну или полубархату вырѣзанными накладными узорами изъ того же матеріала; ихъ вышиваютъ Киргизки). Верхъ, то-есть сводъ юрты, убирается сплошными вышивками. Иногда подъ чанаракъ вѣшаютъ родъ балдахина. Посрединѣ юрты или въ глубинѣ ея противъ двери (эта часть считается, въ родѣ нашего передняго угла, самымъ почетнымъ

нѣстомъ) ставятъ круглый столикъ въ четверть вышины, его покрываютъ скатертью вышитою по бѣлой базѣ; кругомъ кладутъ курле (шелковые простеганныя одѣяла), или ставятъ небольшіе сундуки и накрываютъ ихъ этими же курле. На правой сторонѣ стоитъ за занавѣсомъ, большею частію шелковымъ, кровать; покрывала на постеляхъ роскошныя, парчевыя, изъ мамыка (китайская шелковая матерія, затканная золотомъ и разноцвѣтными шелками), или бухарскія, вышитыя по сукну. Около двери ставятъ рукомоиикъ состоящій изъ мѣднаго таза и кунгана. Концы полотенца богато расшиты разноцвѣтными шелками или гарусомъ; между вышивками вшиваются атласныя ленты. Дверь юрты тоже богато вышивается. Иногда кромѣ кошениной вышитой двери дѣлаютъ и двухстворчатыя деревянные.

У аула невесты сватовъ встрѣчаетъ молодой человекъ верхомъ, общивается съ ними привѣтствіями и ведетъ къ приготовленной юртѣ. Нѣсколько молодыхъ людей снимаютъ сватовъ съ коней; отецъ невесты и ея родные и близкіе знакомые здороваются * съ прибывшими и вводятъ ихъ въ юрту. Сваты проходятъ въ переднюю часть юрты и садятся по старшинству, а хозяинъ садится противъ нихъ. Начинается бесѣда. Спрашиваютъ о здоровьи скота, семьи, аула и проч., но о цѣли пріѣзда не упоминается. Посидѣвъ нѣсколько времени съ гостями хозяинъ уходитъ предоставляя близкимъ роднымъ ихъ угощать. Ихъ подчуютъ кумысомъ, колятъ барана и варятъ его съ примѣсью кобыльихъ колбасъ (казы) и бараньяго вяленого мяса (сюръ). Послѣ угощенья приводятъ лѣвца. Если лѣвца или лѣвцы не найдется въ своемъ аулѣ, то ихъ доставляютъ изъ сосѣднихъ, а у богатыхъ привозятъ даже изъ другихъ волостей. Хорошими лѣвцами весьма дорожатъ и гордятся. При какомъ-то сѣздѣ Киргизовъ Семипалатинской области съ Киргизами Семирѣченской случилось что лѣвцы Семипалатинскіе были побѣждены; тотчасъ же были посланы гонцы за какимъ-то знаменитымъ лѣвцомъ; его привезли изъза нѣсколькихъ сотъ верстъ, и онъ побѣдилъ всѣхъ собранныхъ на сѣздѣ лѣвцовъ Семирѣчья. Киргизы разказывали мнѣ про это съ гордостію. При описываемой нами церемоніи

* Здороваются слѣдующимъ образомъ: берутся за руки или вѣрѣ складываютъ руки ладонями вмѣстѣ и поочередно одинъ прикладываетъ руку другаго къ своей груди.

пѣвецъ долженъ восхвалять сватовъ. Нарочно сложившихъ пѣсенъ для этого нѣтъ, а поются импровизаціи. Я слышала подобныя импровизаціи; иногда бываютъ весьма не дурны, а иногда совсѣмъ нелѣпы. Пѣвецъ поетъ, аккомпанируя себѣ на домбрѣ; по мѣрѣ того какъ онъ приходитъ въ экстазъ, ритмъ мѣняется. Одинъ разъ случилось слышать такія величавія одному почетному лицу: „ты гора“, „летающій иноходецъ“, „ты словъ“, „ты пароходъ“*. Какъ кажется „пароходъ“ считался пѣвцомъ вышею степенью хвалы. Впрочемъ этотъ импровизаторъ признавался знатоками за неумѣлаго и не находчиваго.

Сваты назначаютъ пѣвцу за его пѣсни подарокъ: халатъ, лошадь, иногда что-нибудь и менѣе цѣнное. Подарки эти отдаетъ отецъ невѣсты, говоря что ему будетъ совѣстно если его гости у него въ аулѣ будутъ расходоватьса, и что для него ничего не значитъ дать назначенный подарокъ. У бѣдныхъ Киргизовъ сваты остаются и безъ пѣвца если его нѣтъ въ аулѣ.

Послѣ пѣнія гостей оставляютъ отдохнуть; всѣ расходятся по юртамъ и кто-нибудь изъ домашнихъ хозяина приготовляетъ имъ постели.

На другой день, утромъ, хозяинъ приходитъ освѣдомиться какъ гости провели ночь и здоровы ли? Побесѣдовавъ нѣсколько времени, гости заявляютъ что желали бы видѣть хозяйку дома, будущую сватью. Хозяинъ приглашаетъ ихъ пройти въ свою юрту. Войдя туда сваты обмѣниваются привѣтствіями съ хозяйкой и садятся по старшинству въ передней части юрты. Невѣста находится въ это время въ другой юртѣ, если же она еще въ зыбкѣ, то остается тутъ же, только ее не показываютъ. Засватываютъ своимъ с ановьямъ невѣсть въ зыбкѣ преимущественно бѣдные Киргизы чтобъ имѣть возможность исподоволь выплатить калымъ.

Послѣ угощенья, состоящаго олять изъ кумыса и баранины, сваты заявляютъ что „съ помощью Бога они желаютъ породниться съ хозяиномъ“. Затѣмъ просятъ его выдать дочь за сына пріѣхавшаго большаго свата и назначить за нее калымъ. На это хозяинъ отвѣчаетъ: „Состояніе наше одинаково хорошее, слѣдовательно и калымъ долженъ быть хорошій“:

* Киргизы видѣвшіе пароходъ на Иртышѣ называли его *шайтанъ-каюкъ*, то-есть *чортъ-лодка*.

Богатый калымъ бываетъ цѣнностью во сто байталъ (молдыхъ кобылъ.) Почти весь калымъ уладывается скотомъ. Скотъ принимается такъ: верблюды за пять кобылъ, кобыла съ жеребенкомъ за двѣ кобылы, вьзженная кобыла за двѣ кобылы, средняго бѣга иноходець за верблюда или двухъ, бѣгувецъ (скаковая лошадь), средняго бѣга, отъ одного до трехъ верблюдовъ. Какъ хорошее добавленіе даютъ стальную кольчугу, ружье, хорошаго беркута *. Если подобныхъ вещей нѣтъ, то отдаютъ двадцать пять или двадцать байталъ.

Менѣе богатые калымы бываютъ цѣнностью въ 77, 67, 47, 37 и 27 кобылъ; ниже этого калыма не бываетъ. Впрочемъ все зависитъ отъ взаимнаго соглашенія, иногда бѣдный вылачиваетъ лишь одну четверть калыма. То же и въ отношеніи приданого невѣсты: случается что приданое превышаетъ стоимость калыма, а иногда даютъ гораздо меньше. Если обѣ стороны дружны между собою, то на всѣ эти расчеты мало обращается вниманія; если же нѣтъ, то нерѣдко высказываютъ другъ другу прямо свое неудовольствіе и требуютъ прибавки.

Получивъ согласіе и условившись о калымѣ, сваты возвращаются въ свою юрту, а отецъ невѣсты оставшись у себя устраиваетъ къ вечеру угощенье, колетъ барановъ или жеребенка и посылаетъ пригласить кромѣ прѣзжихъ сватовъ всѣхъ своихъ однодворцевъ и ближайшихъ сосѣдей.

Между собравшимися гостями сваты занимаютъ попрежнему почетное мѣсто, а остальные гости садятся послѣ нихъ, но также соблюдая старшинство.

Обмѣнявшись привѣтствіями, всѣ гости умолкаютъ и среди глубочайшей тишины хозяинъ ставитъ предъ гостями въ чашкѣ или блюдѣ *тюстюк* ** мелко искрошенный и заявлять вмѣстѣ со сватами всѣмъ присутствующимъ, какъ свидѣтелямъ, о состоявшемся на такихъ-то условіяхъ соглашеніи, и предлагаетъ вкусить тюстюка какъ бы въ залогъ вѣрности и нерушимости этихъ условій. Затѣмъ всѣ сваты берутъ по кусочку тюстюка и ѣдятъ, остальной тюстюкъ раздаютъ

* Одно изъ любимѣйшихъ развлеченій Киргизовъ охота съ беркутомъ, преимущественно на лисицъ.

** *Тюстюк*—баранья грудина срѣзанная съ кожей и шерстью, ее палатъ и поджариваютъ надъ огнемъ, поливая крѣпкимъ разсоломъ, затѣмъ разрѣзаютъ на дашныя узечькіе кусочки.

всѣмъ гостямъ какъ свидѣтелямъ, заботясь чтобы непремѣнно всѣмъ достаало по кусочку. Покончивъ эту церемонію подносятъ на блюдахъ мясо, а сватамъ подаютъ еще блюдо состоящее изъ очень мелко искрошеннаго курдючнаго сала и бараньей печенки съ примѣсью *катыка* (варенца) или *курта* (сыръ сдѣланный изъ творога). Старшій свать, отвѣдавъ этого кушанья, передаетъ блюдо слѣдующему и такъ до послѣдняго младшаго свата; тотъ въ свою очередь отвѣдавъ начинаетъ поочереду приглашать гостей кушать съ его руки прямо ртомъ (асамакъ), и какъ только угощаемый наклонится къ его рукѣ и отвѣдаетъ угощенья, младшій свать размазываетъ оставшее кушанье ему по лицу; разумѣется ловкій услѣдуетъ увернуться.

Пока сваты и гости забавляются этою шуткой, нѣсколько бойкихъ, проворныхъ, молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ прокрадываются изъ-за занавѣса отдѣляющаго кровать, у нихъ въ рукахъ готовыя иглы съ нитками, и онѣ пришиваютъ халаты сватовъ къ коврамъ и курлѣ на которыхъ тѣ сидятъ, оставляя въ локофъ только самыхъ старыхъ и почетныхъ. Когда по окончанію угощенья сваты встаютъ посмотреть своихъ лошадей, то волокутъ за собой ковры и курле. Разумѣется начинается съ одной стороны возня и отрыванье всѣхъ этихъ шлейфовъ и хохоть съ другой. Вскорѣ гости возвращаются снова въ юрту и хотя нѣкоторые сваты и стараются скрыться чтобъ избѣгнуть предстоящихъ игръ, но за ними слѣдятъ и не допускаютъ уйти.

Когда наконецъ всѣ сваты соберутся, дѣвушки и молодыя женщины садятся въ одной сторонѣ юрты, а сваты противъ нихъ въ другой.

Сваты помоложе должны состязаться поочереду съ дѣвушками и женщинами въ импровизаціи лѣсенъ, стараясь сконфузить другъ друга и заставить замолчать.

Если свать не умѣетъ лѣтъ и сопротивляется, его во всей одеждѣ тащатъ къ водѣ и обливаютъ. Въ то время когда его вытаскиваютъ изъ юрты, товарищи защищаютъ его и просятъ не купать; тащущіе разумѣется не уступаютъ, вслѣдствіе чего провинившагося свата тянутъ въ разныя стороны, кто за руку, кто за ногу, кто за голову, окончательно все же-таки вытаскиваютъ и обливаютъ. Выкулавъ, снова притаскиваютъ въ юрту и требуютъ чтобы лѣвъ, и если и въ этотъ разъ онъ не сумѣетъ или будетъ упрямитъ, его наряжаютъ въ

женское платье и на голову надѣваютъ *джаурукъ* *. Одѣвъ свата такимъ образомъ, подвязываютъ ему что-нибудь чтобы изобразить беременную женщину и смѣются надъ нимъ говоря: „Вотъ беременная наша сватья!“ Послѣ этого его заставляютъ кричать козломъ и бѣгать за женщинами. Весь вечеръ продолжаются пѣсни и подобныя игры. Ночью кто-нибудь изъ молодежи пробирается въ юрту сватовъ, веревкой сплетенываетъ ихъ въ одѣлахъ и такъ оставляетъ до утра.

На слѣдующее утро отецъ невесты идетъ звать сватовъ въ гости къ себѣ въ юрту. Пока онъ ихъ приглашаетъ, двѣ женщины становятся снаружки юрты по обѣимъ сторонамъ двери съ мукой или сажей въ рукахъ и, какъ только сваты просовываютъ голову въ дверь чтобы выйти, мажутъ имъ сажей лица или бросаютъ въ нихъ мукой; ловкій свать и тутъ сумѣетъ проскользнуть не давъ себя вылачкать. Эта шутка возбуждаетъ во всемъ аулѣ смѣхъ. Приведя гостей къ себѣ отецъ невесты усаживаетъ ихъ попрежнему, то-есть по старшинству и угощаетъ кумысомъ и чаемъ, причемъ младшій свать долженъ украсть одну изъ чашекъ, что всегда и исполняется. Послѣ угощенья отецъ невесты по совѣту старшаго свата раздаетъ подарки, „*кмитъ*“, соображаясь со степенью родства и значеніемъ гостя. Первый подарокъ—пятнадцать байталъ, даютъ отцу жениха, остальнымъ гостямъ даютъ подарки менѣе значительные.

Получивъ подарки, гости прощаются съ хозяиномъ и приглашаютъ его къ себѣ въ назначенный день. Молодые дѣвушки и женщины подводятъ коней, предварительно навѣсивъ имъ на гривы, хвосты и сѣдла различныя кости отъ вчерашняго угощенья и спрятавъ лѣвое стремя подъ сѣдло (Киргизы садятся на коня всегда съ лѣвой стороны).

* Головной уборъ замужнихъ женщинъ состоитъ изъ двухъ частей. Первая *джаурукъ*,—квадратный, аршина въ два кусокъ бѣлой бумажной матеріи; въ одномъ изъ угловъ вырѣзано отверстіе для лица, вышитое кругомъ шеякомъ, гарусомъ, иногда кораллами, затѣмъ этотъ уголъ и оба боковые сръзаны, а задній составляетъ козынку спускающуюся ниже талии: верхъ сръзанъ по головѣ, какъ наши башлыки. Вторая часть—*чилаушъ*, состоитъ изъ другаго квадратнаго куска той же матеріи; его складываютъ въ нѣсколько разъ и повязываютъ голову сверхъ джаурука такъ чтобы образовался высокій уборъ съ выпущеннымъ сбоку концомъ.

Насмѣявшись вволю надъ бѣдными джигитами не могущими сѣсть на своихъ коней, женщины помогаютъ имъ привести все въ порядокъ, и сваты уѣзжаютъ.

Въ назначенный день отецъ невѣсты ѣдетъ съ такою же свитою къ отцу жениха, гдѣ повторяется та же встрѣча, тѣ же угощенья, игры, однимъ словомъ все кромѣ подарковъ, которые дѣлаются въ меньшихъ размѣрахъ, но за то въ этотъ прїѣздъ уплачивается большая часть калыма. Жениха также не показываютъ отцу невѣсты, какъ невѣсту отцу жениха. Вообще невѣсту и жену могутъ видѣть всѣ младшіе родственники ея жениха или мужа, старшимъ не смѣетъ показываться. При какихъ-нибудь особыхъ случаяхъ она издали отдаетъ имъ почтеніе, припадая на одно колѣно, склоняя голову и крестообразно складывая на другомъ колѣнѣ олуценныя кисти рукъ.

Ежегодно отецъ невѣсты ѣздитъ къ отцу жениха и получаетъ частями калымъ. Когда большая часть калыма уплачена, и женихъ и невѣста достаточно подросли *, отецъ отправляетъ жениха къ невѣстѣ на свиданье (калымдыкъ уйнамакъ). Онъ ѣдетъ въ сопровожденіи довѣреннаго лица и отъ трехъ до девяти провожатыхъ (коччи). Они везутъ съ собою подарки, которые женихъ долженъ раздавать при свадебныхъ церемоніяхъ.

Первый „илиу“ — лошадь, верблюдъ, корова и халаты. Два вторые подарка называются *джиртысы*. Одинъ—девять дабъ (даба бумажная матерія, продающаяся кусками), другой—различные товары на такую же сумму какъ и дабы. Первый джиртысъ даютъ за свиданье съ невѣстой, второй джиртысъ—за будущее взятіе ее къ себѣ. Потомъ идутъ различные подарки: „кызъ-качаръ“ (за уводъ дѣвушки)—девять различныхъ доскутковъ по аршину или по полуаршину; *чатырбай-казы*—столько же; *кызъ-кучактаръ* (за обниманіе невѣсты)—три или четыре аршина; *кемпиръ-ульды* (старуха умерла)—два или полтора аршина; *итъ-тырындыръ* (собака ворчитъ)—аршинъ или поларшина; *уйге-энзигеръ*—три аршина миткалю; дальѣ подарки: „за уборку постели“ — одинъ или два аршина; „за поднятіе

* Мнѣ случилось не разъ видѣть взятыхъ уже въ жены Киргизокъ лѣтъ 13 и 14 несмотря на запрещеніе ранѣе 16 лѣтъ выдавать замужъ. На Черномъ Иртышѣ я видѣла супруговъ—мужу было 12 лѣтъ, а женѣ 14.

занавѣса“ — два или три аршина; „за сидѣнье на постели“ — одинъ или два аршина; „за зовъ жениха“ — два или три аршина. Эти подарки состоятъ изъ ситцу, полубархату, дабы, кумачу и недорогаго сукна.

Не доѣзжая полуверсты до аула невѣсты, женихъ сходитъ съ коня и прячется въ тальникѣ, рытвинѣ, чихѣ, иногда онъ привозитъ съ собою палатку.

Товарищи жениха принявъ его коня идутъ съ подарками къ отцу невѣсты объявить объ его прїѣздѣ и отдають подарки *или, джиртысы, и кызъ-кучактары.*

Мать и отецъ невѣсты разсматриваютъ подарки, хвалятъ если находятъ ихъ удовлетворительными, или безъ церемонїи требуютъ добавленїя.

Пока отецъ и мать принимаютъ подарки и размѣщаютъ гостей, подружки невѣсты идутъ къ жениху. Завидя ихъ женихъ имъ дѣлаетъ поклоны „таджимъ“ — сѣдующимъ образомъ: наклоняетъ туловище такъ чтобы коснуться пальцами носковъ своихъ сапогъ, потомъ медленно выпрямляясь ведетъ руки по сапогамъ до колѣнъ.

Познакомившись съ женихомъ, дѣвушки пируютъ съ нимъ до вечера. Онъ даетъ имъ подарки — *чатырбай-казы.*

Вечеромъ отецъ невѣсты дѣлаетъ угощенье товарищамъ жениха и своимъ одноаульцамъ. Дѣвушки или молодыя женщины носятъ жениху по блюду каждаго кушанья въ его палатку.

По окончанїи этого угощенья одноаулецъ или кто-нибудь изъ сосѣдняго аула уводитъ невѣсту и прячетъ у себя, затѣмъ колетъ барана и собираетъ гостей. Послѣ угощенья женщины и дѣвушки остаются въ юртѣ, а молодежь за юртой; кошмы, чїй и ковры снимаютъ съ кереге, такъ что женщины сидятъ точно въ кавткѣ; между ними и молодежью всю ночь до свѣта идетъ состязанїе въ импровизованныхъ лѣснахъ. Поютъ поларно мужчина и женщина; вся суть въ томъ что-бы сконфузить противника и заставить замолчать.

Вотъ образцы этихъ импровизацій:

Перелѣвъ между молодымъ человѣкомъ и дѣвушкой:

М у щ и н а. Прошу у Бога благословенїя! На этотъ праздникъ дѣвицы собрались ранѣ насъ. Я пришелъ мечаянно и лишь сейчасъ, но и на мою долю вѣрно что-нибудь выпадеть!

Д ѣ в у ш к а. Благослови Господи, начну слова: сынъ хана Шагъ-Шардана и троеъ султана на почетномъ мѣстѣ. Начну свою лѣсню какъ дикая мухортая кобылица.

Мущина. Ауль твой въ стелу стоитъ или въ долину? Торговцы наполнили баранами базаръ и лѣтъ мнѣ съ женщинами не приходится. А гдѣ же та дѣвица которая должна бы лѣтъ со мной?

Дѣвушка. Пришелъ ли ты усталый и сытый? Я узнаю тебя по голосу безошибочно. Съ тѣхъ поръ какъ не выдалась съ тобой прошло много дней и мѣсяцевъ? Счастливо ли живешь и не голодеешь ли?

Мущина. Какъ летѣла съ озера сѣрая утка! Душечка кому принадлежитъ твое сердце? А у меня не было крыльевъ чтобы летѣть при воспоминаніи о тебѣ.

Дѣвушка. Что мнѣ дѣлать? твой ауль далеко остался; я много печалюлась и при воспоминаніи о тебѣ, мой ровестникъ, ноги мои подкашивались.

Мущина. У дѣвушекъ платья изъ красно-пестрой матеріи и пуговицы серебряныя съ шелковыми петельками. Что сдѣлала бы онѣ съ тѣмъ кто не пришелъ бы на назначенное для свиданья мѣсто?

Дѣвушка. Конечно худые парни не сумѣютъ ни прійти, ни уйти! По той переправѣ по которой я пришла, ты не перешелъ! Хоть и дѣвушка а дошла до цѣли, а ты этого, ларень, сдѣлать не сумѣлъ!

Мущина. Когда твой ауль уйдетъ далеко, я не буду тосковать по тебѣ! На голову надѣну золотую кисть! Я сталъ другомъ съ другою дѣвушкой, еще красивѣе тебя, и твое хвастовство мнѣ теперь ужъ не нужно.

Дѣвушка. Не думаю чтобы ты желалъ когонибудь кромѣ меня, потому что у тебя нѣтъ деревца для опоры. И на что мнѣ твое хвастовство, хоть бы у тебя была золотая коса, не нуженъ ты мнѣ теперь!

Перелѣвъ между пожилыми, мущиной и женщиной:

Мущина. Не было бѣ льду на водѣ еслибы не морозъ, не была бы вкусна лица еслибы не соль. Не хочу я лѣтъ съ худой старой бабой, а хочу лѣтъ съ дѣвицей у которой въ аршинъ коса!

Женщина. Съ молодыхъ лѣтъ ты, какъ льяный, видѣлъ много горя. Теперь и молодость потерялъ и это ужъ второе горе. И на что тебя молодымъ дѣвушкамъ старый хрѣвъ? Не только для дѣвушекъ, но и для молодыхъ женщинъ не стоишь ты ничего!

Мущина. Завидуешь ты теперь дѣвушкамъ и молодымъ женщинамъ! И если еще уважаешь себя, то лоди ко мнѣ ближе!

Женщина. Господишь ты мой! И носъ у тебя курносъ, и глазъ у тебя нѣтъ. Если подойти къ тебѣ дѣвицѣ, за это ногой лнутъ! И тебѣ ли лѣтъ лѣсни, старый хрѣвъ, стулай лучше и грызи съ собаками кости.

Мущина. Выросла береза на черной горѣ! Не знаетъ худая баба обычая молодца! Я не хуже еще и теперь молодого ларня. А твой мужъ похожъ на собачьи объѣдки.

Женщина. Подъ тобою конь караковый, и въ молодости твоя жизнь была приятная, а сколько не хвались, а ты старѣ моего мужа и спина твоя уже сторбилась!

Мужчина. По закату солнца въ глазахъ темнѣетъ и ночь наступаетъ. Я приготовился ожидая состязанія въ лѣсныхъ, а спина моя сторбилась отъ желанья поцѣловаться съ такой женщиной какъ ты.

Женщина. Ровестникъ ты мой! — не хвались! — Вѣдь у тебя нѣтъ ужъ прежней силы. Отъ старости у тебя и ума-то ужъ нѣтъ; когда ѣшь—чмокаешь, глотать ужъ не можешь, да и зубовъ-то ужъ нѣтъ.

Мужчина. Чтò нужно тебѣ здѣсь? Убирайся домой, старая баба, и цѣлуйся со своимъ старымъ мужемъ! Вѣки у тебя уже красны, а ты не стыдишься являться на праздникъ и лѣтъ лѣсни.

Женщина. Ровестникъ ты мой! Вѣдь извѣстно и мнѣ твое житье! Не говори со мною съ желчью; вѣдь ты тоже несмотря на то что не умѣешь высморкать своего носа сидишь здѣсь! Съ какой же стати я уйду ранѣе тебя.

Къ разсвѣту гости раздѣляются на двѣ партіи: одна, одноаульцы невѣсты, требуетъ чтобъ отпустили невѣсту домой; противная партія, которая увела невѣсту, ее не выдать. Начинается борьба: если побѣда на сторонѣ невѣстинной партіи, ее уносятъ на ковръ въ ея семью. Если же отнять ее не хватитъ силъ, то ее выкупаютъ за девять блюдъ и девять чашекъ какого-нибудь кумаша, или выдаютъ товару на такую же сумму.

Выкупивъ невѣсту, ее точно также на ковръ уносятъ въ ея юрту и сажаютъ на кровать за занавѣсомъ; тутъ она плачетъ причитая, прощаетъ, обнимаетъ отца и мать, какъ бы сознавъ что должна разстаться съ ними и родною семьей.

Сосѣдъ спрятавшій невѣсту и дѣлавшій эту шурушку получаетъ отъ родителей невѣсты подарокъ *кыз-кашар* (за уводъ дѣвушки), полученный для этого отъ товарищей жениха. Затѣмъ двѣ молодыя женщины отправляются къ жениху и просятъ его пожаловать къ невѣстѣ. Онъ даетъ имъ подарокъ „за зовъ жениха“, беретъ съ собой одного товарища, несущаго съ нимъ небольшіе подарки, и идетъ съ нимъ и пришедшими женщинами къ невѣстѣ. На дорогѣ имъ встрѣчается женщина лежащая ницъ, притворяясь мертвою, женихъ даетъ ей подарокъ, „старуха умерла“. Она встаетъ и идетъ съ ними. Потомъ встрѣчаютъ женщину бросающую имъ поперекъ дороги баканъ; переступить черезъ баканъ считается дурною примѣтой, женихъ даетъ и

ей подарокъ; она убираетъ баканъ и присоединяется къ нимъ. Вслѣдъ затѣмъ встрѣчаютъ еще женщину, которая лежа на землѣ ворчитъ изображая собаку; женихъ даетъ ей подарокъ „собака ворчитъ“; изображавшая собаку встаетъ, перестаетъ ворчать и замыкаетъ шествіе. Роль собаки берутъ на себя самыя бѣдныя женщины. У дверей юрты невесты женщина преграждаетъ дорогу жениху, онъ даетъ ей подарокъ; она сторонится чтобъ его влустить; еще двѣ женщины загораживаютъ ему дорогу. Одной онъ даетъ подарокъ „за поднятіе занавѣса у постели невесты“, другой „за уборку постели“. Онъ беретъ подарки и впускаютъ его за занавѣсъ. Тамъ онъ находитъ невесту съ ея родственницей-свахой (дженге) и еще одною женщиной, лежащею на постели. Женихъ даетъ ей подарокъ „за сидѣнье на постели“. Женщина сходитъ съ постели и уходитъ изъ-за занавѣса. Сваха беретъ жениха за руку и позволяетъ погладить невесту по головѣ, за что получаетъ подарокъ; затѣмъ соединяетъ ихъ руки, получаетъ подарокъ *кыз-кучактаръ* (за обниманіе невесты), и уходитъ оставая ихъ однихъ.

Женихъ остается за занавѣсомъ у невесты дня три или четыре. Занавѣсомъ отдѣлено около четверти юрты, такъ что это составляетъ какъ бы отдѣльное помѣщеніе. Несмотря на то что женихъ съ перваго свиданія пользуется правами мужа, невестѣ считается позорнымъ быть беременною и употребляетъ тотъ же чай что и дѣвушками. Быть беременною Киргизка можетъ быть законно лишь когда взята въ домъ мужа. Пищу жениху во время пребыванія его за занавѣсомъ носятъ женщины; онъ даетъ имъ за это подарки.

Во все время пребыванія жениха у невесты ея отецъ и мать его не видятъ.

По прошествіи трехъ-четырехъ дней женихъ собирается домой. Отецъ невесты посылаетъ ему чрезъ его товарища подарки завернутые въ ту же полону въ которой женихъ привезъ свои. Полону эту называютъ *бокъ-джамъ*. Иногда сверхъ этихъ подарковъ отецъ даритъ ему иноходца. Товарищамъ сопровождавшимъ жениха также дарятъ кому лошадь, кому халатъ, кому на рубаху, сообразно положенію занимаемому ими въ своей средѣ. Но всѣ эти подарки зависятъ отъ щедрости отца невесты; если хочетъ, онъ можетъ и вовсе ихъ не давать.

Въ день отъѣзда женихъ тихонько пробирается, стараясь

чтобъ его не видѣли, изъ юрты невѣсты въ свою палатку. Когда онъ садится на коня, сваха передаетъ ему подарки отъ невѣсты, состоящiе изъ колець, серегъ, вообще разныхъ мелкихъ вещей.

При въѣздѣ жениха въ свой аулъ, его встрѣчаютъ сестры съ подружками-дѣвушками, и онъ раздаетъ имъ эти вещицы нарасхватъ, оставляя у себя незначительную часть.

Не показываясь домой и по возможности стараюсь быть незамѣченнымъ, онъ приходитъ въ юрту родственника или сосѣда, раздаетъ тамъ остальные подарки своей невѣсты, затѣмъ снимаетъ и прячетъ тутъ же свое нарядное платье, въ которомъ ѣздилъ къ невѣстѣ, и, надѣвъ обыкновенный свой нарядъ, идетъ здороваться къ своимъ родителямъ, не упоминая ни словомъ о своей поѣздкѣ и вообще держась такъ какъ будто онъ и не ѣздилъ къ невѣстѣ.

Отецъ и мать узнаютъ отъ его товарищей о всѣхъ подробностяхъ его поѣздки.

Невѣста также не показывается своимъ родителямъ два три или четыре какъ бы стыдѣясь.

Иногда случается и такъ что въ первый свой прiѣздъ женихъ не входитъ въ юрту невѣсты, а сваха соединяетъ ихъ руки сквозь кереме и позволяетъ жениху поглядѣть невѣсту по головѣ. Затѣмъ онъ и увѣзжаетъ. Недѣлю черезъ три или четыре послѣ перваго своего прiѣзда женихъ снова ѣдетъ къ невѣстѣ. Если ея аулъ близокъ, то одинъ, если далекъ, то съ товарищемъ. Подъѣхавъ къ аулу невѣсты, женихъ во второй свой прiѣздъ снова старается чтобъ его не видѣли, и если вѣтъ у него своей палатки, входитъ въ какую-нибудь юрту и оттуда идетъ знать матери невѣсты и свахѣ о своемъ прiѣздѣ. Сваха снова устраиваетъ его свиданье съ невѣстой; незамѣтно вечеромъ проводитъ его за тотъ же выкупъ за которымъ онъ былъ и въ первое свиданье.

Въ этотъ прiѣздъ женихъ живетъ въ аулѣ невѣсты нѣсколько дней и даже по мѣсяцу. Все это время дѣлаетъ службу ихъ покровителемъ. Увѣжая къ себѣ, женихъ отдаетъ ей подарокъ, дженге-тай, иногда доходящiй, смотря по богатству жениха, цѣною до ста рублей.

До взятiя невѣсты въ свой домъ женихъ прiѣзжаетъ къ ней нѣсколько разъ; эти свиданiя дѣлаются съ разрѣшенiя отца невѣсты.

Предъ его прiѣздомъ за ней, невѣста ѣздитъ прощаться съ

родными и знакомыми; ее сопровождаютъ только дѣвушки, ея подруги. Онѣ заходятъ въ каждую юрту, и невѣсты на прощанье дарятъ, кто что можетъ по своимъ средствамъ. Эти подарки принимаютъ и возятъ за ней ея подруги. Если у невѣсты есть сестры замужемъ въ очень далекихъ волостяхъ, то за мѣсяцъ или за два до свадьбы она ѣдетъ къ нимъ прощаться. Сестры тоже ей дарятъ.

По окончательной улацѣ калыма женихъ ѣдетъ за невѣстой. Онъ беретъ съ собою, смотря по своему состоянію, отъ одного до пятнадцати товарищей и ведетъ до двадцати головъ скота, крупнаго и мелкаго, кончая полугодовымъ жеребенкомъ, для угощенія на предстоящемъ праздникѣ. Этотъ скотъ называется *тай-малъ*. *

Кромѣ того женихъ везетъ подарки: *сютъ-акы* (плата за молоко) матери невѣсты за то что она вскормила грудью свою дочь, *дѣжиртысы* отцу невѣсты, *отай-дѣжаборъ* (юрту накрывать) и *моинъ-тасторъ* (шейную кость бросать) женщинамъ, ставившимъ юрту молодой четы; имъ же даетъ онъ *ирге-теберъ*—кошмы для нашивки на нихъ узоровъ для юрты невѣсты.

Не доѣзжая полуверсты до ея аула, женихъ останавливается, а товарищи его ѣдутъ прямо въ юрту ея отца и тамъ остаются. Узнавъ о пріѣздѣ жениха, дѣвушки и женщины несутъ ему палатку и разныхъ кушавій. Липь только онъ ихъ завидитъ, дѣлаетъ имъ *тадѣсимъ*. Затѣмъ женщины разставляютъ палатку и угощаютъ жениха.

Подавая ему кумысъ, женщина или дѣвушка прачетъ руку въ длинный рукавъ рубашки и тихонько двигаетъ чашку къ жениху, тотъ также, спрятавъ руку въ рукавъ, готовится ея взять, но только онъ хочетъ ее взять, женщина отдергиваетъ чашку.

Обманувъ такимъ образомъ два раза, только на третій даетъ ему пить. Послѣ угощенья занимаютъ жениха разговорами и шутками до вечера. Вечеромъ приходитъ сваха, приглашаетъ жениха къ невѣстѣ и попрежнему проводитъ тайно къ ней за занавѣсь. На разсвѣтѣ женихъ провожаемый невѣстой уходитъ къ себѣ въ палатку, такъ чтобъ отецъ и мать, пробудившись, не знали что онъ былъ у нея.

* Тай—празднества, малъ—скотъ.

Въ этотъ день, какъ только аулъ поднимется, женщины и дѣвушки собираются въ юрту отца невѣсты и тамъ кроютъ и шьютъ изъ привезенныхъ женихомъ кошмъ юрту молодымъ и нашиваютъ на нее вырѣзанное разными фигурами сукно разныхъ цвѣтовъ, которое невѣста заготавливаетъ заранее. Покончивъ эту работу ставятъ юрту молодымъ. При постановкѣ дають поднимать на баканѣ чанаракъ счастливой въ замужествѣ женщины, чтобъ и будущая чета была также счастлива.

Подарки *отай-дѣжбартъ* и *моинь-тастаръ* состоятъ оба или изъ барана, или изъ жеребенка; ихъ колятъ, варятъ, и когда юрта готова и поставлена, всѣ участвовавшіе въ ея постановкѣ собираются, усаживаются вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстой и угощаются приготовленнымъ мясомъ. Когда его съѣдать, одна изъ женщинъ подаетъ жениху обглоданную кость бараньихъ шейныхъ позвонковъ (*моинь*), обвязавъ ее бѣлымъ доскуткомъ. Женихъ, потулившись, долженъ выбросить эту кость черезъ чанаракъ изъ юрты; это чтобъ дымъ изъ нея выходилъ также безпрелятственно какъ вылетѣла эта кость. Если женихъ по неловкости не сумѣетъ выбросить, надъ нимъ смѣются. Въ это же время у отца невѣсты готовится приведенный женихомъ для угощенья скоть—таймаль. Пока мясо варится выбираютъ двухъ молодыхъ женщинъ, одна одѣвается во всю парадную одежду невѣсты. Парадная одежда невѣсты: *саукѣле*—головной уборъ конусообразный, вышитый болѣе аршина, онъ покрытъ краснымъ сукномъ, а по немъ серебряными и золотыми пластинками, жемчугомъ, кораллами и драгоценными камнями, верхка два отступа отъ края, идетъ широкая олущка изъ выдры или бобра; отъ мѣха до края и спускаясь на лицо жемчужная лентка въ родѣ русскихъ поднизей; съ боковъ прикрѣплены длинныя нити коралловъ и жемчужовъ съ такими же кистами. Къ верхушкѣ саукеле прикрѣпляютъ лучокъ перьевъ павлиньихъ, страусовыхъ или филиновыхъ; отъ него тоже идутъ нѣсколько нитей жемчужныхъ и коралловыхъ съ такими же кистами и *уке* (лучкомъ филиновыхъ перьевъ). Отъ верхушки саукеле и падая вдоль спины ниже колѣнъ идетъ широкая лента, или вышитая, или сшитая изъ двухъ широкихъ кованыхъ галуновъ, посрединѣ украшенная крупными кораллами. Подъ саукѣле прикрѣпляется *дѣжаулукъ*, весь вышитый и олущенный около лица мѣхомъ. У богатыхъ этотъ дѣжаулукъ

дѣлають изъ бѣлой шелковой матеріи и вышивають золотомъ. Цѣнность саукѣле доходитъ иногда до двухъ тысячъ рублей. Саукѣле надѣваетъ Киргизка когда ѣдетъ послѣ свадьбы изъ аула отца въ аулъ мужа. Она носитъ ее послѣ свадьбы при перекочевкахъ въ теченіе года. Кромѣ саукѣле невѣста надѣваетъ парадный *тонз* (халатъ); его дѣлають изъ канфы или манлыка (манлыкъ—китайская матерія, шелковая и затканная золотомъ и серебромъ), на мѣху лисьемъ соболемъ и чернобурыхъ лисицъ, кругомъ тонъ обшивають соболемъ, бобромъ или выдрой и широкимъ галуномъ.

Другой женщинъ, тоже по возможности богато одѣтой, даютъ параднаго коня невѣсты.

Парадный конь невѣсты покрывается полоной изъ краснаго сукна, она вышивается шелками или дѣлается изъ манлыка; кругомъ обшивають богатою золотою бахромой, на головѣ лояна надѣта на уши, надъ ушами прикрѣплены лучки филиновыхъ перьевъ, потомъ она спускается на лобъ угломъ между глазами. Сѣдло все расшито шелками; узда, стремяна, вся обрѣя отдѣланы серебромъ, иногда камнями. Обѣ женщины садятся на лошадей и ѣдутъ по своему и сосѣднимъ ауламъ приглашать на свадьбу къ отцу невѣсты. Когда гости соберутся, ихъ угощаютъ до сыта мясомъ и кумысомъ. Послѣ угощенія старики расходятся по домамъ и молодежь садится на коней, подѣзжаетъ къ юртѣ невѣсты и требуетъ подарка *мишз* (кость отъ задней ноги барана). Мать невѣсты подаетъ имъ эту кость съ мясомъ завернутую въ парчу, полубархатъ, у бѣдныхъ въ миткаль; услѣвшій схватить ее скачетъ, стараясь скрыться съ нею отъ преслѣдующихъ его товарищей; начинается игра. Тутъ щеголяютъ конями и ловкостью съ которой они гоняются другъ за другомъ и увертываются; нѣсколько разъ эта кость переходитъ изъ рукъ въ руки, пока наконецъ кому-нибудь не удастся ускакать съ нею и скрыться. Если мать невѣсты не дастъ требуемаго мишзъ, стаскиваютъ кошмы съ юрты и таскають ихъ по степи. Потомъ молодежь требуетъ къ себѣ сватовъ. Если они скрываются, ихъ ведутъ на коняхъ къ юртѣ отца невѣсты; съ передней части юрты заблаговременно сняты кошмы и ууки, въ юртѣ сидитъ множество молодыхъ женщинъ. Подведя свата къ отверстию юрты, молодежь схватываетъ его и бросаетъ прямо къ женщинамъ; тѣ колотятъ его какъ могутъ пока онъ не выберется въ двери, ловкій же сватъ, когда его только

подводятъ къ юртѣ, самъ бросается съ коня въ отверстіе и ловко обороняясь отъ женщинъ успѣваетъ невредимо проскочить въ двери. Потомъ вся молодежь отправляется къ той женщинѣ въ семью которой въ первый прїездъ жениха былъ данъ подарокъ *кызъ-кашаръ* (за уводъ дѣвушки). Тамъ они проводятъ время въ играхъ и лѣсныхъ. Жениху и невѣстѣ предоставляется быть тутъ или нѣтъ — по желанію.

Съ тѣхъ поръ какъ Киргизы приняли магометанство, на-канунѣ отъѣзда невѣсты изъ родительскаго дома, приглашается мулла. Онъ совершаетъ обрядъ вѣнчанія; невѣсту и жениха сажаютъ рядомъ въ передней части юрты, отецъ и мать рядомъ садятся съ ними, мулла противъ нихъ, на правой сторонѣ юрты къ двери сидятъ свидѣтели. Предъ женихомъ и невѣстой ставятъ чашу съ водой, мулла беретъ съ руки невѣсты кольцо, опускаетъ его въ воду и читаетъ молитву, потомъ жениха и невѣсту спрашиваетъ попеременно желаютъ ли онъ взять ее въ жены и она быть его женой, затѣмъ вынимаетъ кольцо изъ чаши, передаетъ его невѣстѣ, и даетъ жениху, невѣстѣ, ся родителямъ и свидѣтелямъ отлить воды изъ чаши. Затѣмъ мулла записываетъ въ метрическую книгу вступившихъ въ бракъ. Гдѣ нѣтъ по близости мoulлы, просто ѣдутъ къ нему свидѣтели и заявляютъ что такіе-то вступили въ бракъ. Мулла записываетъ ихъ имена въ книгу, свидѣтели подписываются, и тѣмъ церемонія вѣнчанія и ограничивается. Въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ обходятся даже и безъ этого.

Въ день назначенный для отъѣзда, поутру въ юрту молодыхъ приходятъ свахи и приглашаютъ жениха въ юрту отца. Войдя съ ними туда, онъ дѣлаетъ родителямъ молодой таджимъ, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ повторяетъ поклонъ и наконецъ на приглашеніе матери молодой сѣсть дѣлаетъ третій таджимъ и садится. Сваты находятся тутъ же. Отецъ и мать даютъ молодому въ подарокъ халатъ, иногда что-нибудь болѣе цѣнное, сообразно со своими средствами.

Потомъ показываютъ приданое невѣсты, состоящее изъ девятокъ: девять ковровъ, девять зилуновъ (тонъ), девять хаатовъ, девять рубахъ, и т. д. У самыхъ богатыхъ это усиливается въ десять разъ по девяти, то-есть 90 ковровъ, 90 зилуновъ, и т. д.

Предъ осмотромъ приданого молодую приводятъ въ юрту отца и сажаютъ за занавѣсь. Ей предоставляется выбрать

себѣ лошадь изъ всего отцовскаго табуна. Она ее назначаетъ. Всѣмъ затѣмъ женщины одѣваютъ ее въ саукѣле, тонъ и пр. Во время одѣванья она плачетъ, причитая что теперь она оторвана отъ своей родной семьи, отъ своего роднаго крова.

Приданое и юрту молодой вычаты на верблюдовъ. Эти верблюды остаются новобрачнымъ.

Когда все готово и лошадь молодой осѣдлана и убрана парадною попоной, молодая обнимаетъ отца и плачетъ, причитая о разлукѣ съ нимъ, потомъ также прощается съ матерью и другими родными и знакомыми. Когда она простится со всѣми, кто-нибудь изъ семьи беретъ кусокъ мяса или другой пищи, завертываетъ въ доскутокъ и обводитъ два или три раза надъ головой молодой чтобы домашнее счастье не ушло вмѣстѣ съ нею.

Предъ тѣмъ что выведутъ молодую изъ юрты, кто-нибудь изъ молодыхъ парней подѣзжаетъ на конѣ къ юртѣ и предъ дверью поетъ лѣсню; одна изъ женщинъ находящихся въ юртѣ отвѣчаетъ ему лѣснею же.

Пѣснь парня.

Желтѣя показывается разсвѣтъ, бійкемъ,*

Скучаю и страдаю я по тебѣ!

Слетали съ моря два гуся:

Одинъ бѣлъ какъ снѣговая пыль,

Другой сизо-бѣлый—бійкемъ!

Какъ въ ногѣ имѣется чашка и бабка,

Такъ и у царя имѣется сорокъ человѣческихъ умовъ.

Не сокрушайся что у тебя остается здѣсь отецъ.

Если будешь хороша, то и тамъ у тебя есть свекръ, джаръ,
джаръ!

Не сокрушайся что у тебя остается здѣсь мать.

Если будешь хороша, то и тамъ у тебя есть свекровь, джаръ,
джаръ!

Пѣснь женщины въ отвѣтъ.

Насколько бы ни былъ хорошъ мой свекръ,

Но съ роднымъ вскормившимъ меня отцомъ

Ему не сравниться—джаръ, джаръ!

Насколько ни была бы хороша моя свекровь,

Но съ матерью вскормившей меня грудью

Ей не сравниться—джаръ, джаръ!

* Бійкемъ—княжна.

Парень.

Какъ и ногъ имѣется чашка и бабка,
 Такъ и у царя имѣется сорокъ человѣческихъ умовъ.
 Не сокрушайся что у тебя здѣсь остается старшій братъ;
 Тамъ тебѣ его замѣнить деверь—джаръ, жаръ!
 Не сокрушайся что покидаешь младшаго брата,
 Его тебѣ замѣнить тамъ хорошій деверь—джаръ, жаръ!

Женщина.

Хоть хорошъ теперь мой деверь, но сравниться онъ съ ласкав-
 шимъ меня братомъ не можетъ—джаръ, жаръ!
 Хоть хорошъ теперь младшій мой деверь, но сравниться онъ съ
 крылатымъ меньшимъ моимъ братомъ не можетъ—джаръ, жаръ!

Парень.

Не сокрушайся что покидаешь младшую сестру, тебѣ ее замѣнить
 тамъ хорошая золовка—джаръ, жаръ!
 Не сокрушайся что покидаешь невестку, ее замѣнить тамъ хоро-
 шая сноха.

Женщина.

Хоть хороша теперь моя золовка, но сравниться съ родной моей
 младшей сестрой не можетъ—джаръ, жаръ!
 Хоть хороша моя сноха, но сравниться съ откровенною со мною
 невесткой не можетъ—джаръ, жаръ!

Парень.

Подъ тобою бѣлый конь, княжна, надѣта на тебѣ шуба
 Красная, княжна.—И отецъ твой когда-то былъ молодецъ—и
 Обычай этотъ остался отъ дѣдовъ.—Подъ тобой конь ай-каска*.
 Вьнуздай своего коня и садись! Вьжи на когенъ** своихъ бара-
 новъ и дой! Когда начнутъ твои дѣти лозать, пощѣкуютъ твои
 волосы,

Бійкемъ! Вогомъ это повѣстно и не ѣхать тебѣ нѣтъ возможности.
 Подъ тобою лошадь сѣрая и за тобой ведется верблюдица.
 Бійкемъ! Не прекратится твое рыданіе какъ у утѣшишагося
 ребенка, бійкемъ.

* Ай-каска съ лысиной на лбу въ видѣ полумѣсяца.—Это счита-
 ется счастливою примѣтой.

** Когенъ—веревка къ которой привязываютъ овецъ для доенія.

Послѣ этихъ лѣсень молодую выводятъ подъ руки и сажаютъ на коня. Мать съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ одноаульцевъ ѣдетъ провожать дочь; кромѣ того сваты провожаютъ молодаго. Вся эта процессія съ верблюдами навьюченными юртой и придаными молодой отправляется въ аулъ молодаго.

Если молодой изъ другой волости, то послѣдній аулъ на границѣ невѣстиной волости требуетъ подарокъ.. Кто-нибудь изъ аульных встрѣчаетъ на конѣ процессію и получаетъ этотъ подарокъ.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до своего аула молодой ѣдетъ впередъ дать знать своимъ родителямъ и аулу что молодая жена его ѣдетъ.

Юрта молодой тоже отправляется впередъ; ее ставятъ собравшіяся женщины и дѣвушки; чанаракъ снова даютъ подымать самой счастливой женщинѣ. Поставивъ юрту, женщины и дѣвушки идутъ встрѣчать молодую и несутъ съ собою пологъ. Встрѣтивъ ее и поздравивши ее съ ней, молодую снимаютъ съ коня и ведутъ подъ руки; пологъ растагиваютъ предъ ней и такимъ образомъ закрываютъ ее. * Подходя къ аулу и своей юртѣ она нѣсколько разъ преклоняетъ колѣно.

Придя съ молодой въ юрту, ея мать раздаетъ дѣвушкамъ и женщинамъ подарки, кольца, серьги и другія бездѣлушки, а женщинѣ подымавшей чанаракъ даетъ миткалю на джаулукъ.

Все приданое отправляется къ отцу молодаго; онъ осматриваетъ его въ присутствіи сваты и одобряетъ или находитъ недостаточнымъ, и въ такомъ случаѣ дѣлаетъ ей упрекъ въ скулости.

Послѣ осмотра приданого, мать молодой отправляется къ ней въ юрту. Молодая проводитъ весь день въ своей юртѣ съ матерью, дѣвушками и женщинами; заводятъ игры, шутки, и всѣ женщины остаются ночевать у нея. Молодой слить до отъѣзда женой матери у себя въ домъ.

На слѣдующее утро дѣвушки еще получаютъ маленькіе подарки отъ матери молодой, а вечеромъ по порученію отца

* Этотъ годъ на Курчумѣ я видѣла свадебный поѣздъ; у молодой на саукеле было надѣто шелковое покрывало.

молодаго двѣ женщины приглашаютъ молодую къ нему въ юрту. Молодую ведутъ подъ покрываломъ, и какъ только она переступитъ порогъ двери, дѣлаетъ поклонъ, преклоняя колѣно. Въ это время кто-нибудь изъ ея родныхъ даетъ подарокъ отцу молодого, хаалатъ или ситцу * за то что молодая увидала очагъ въ домѣ свекра. Свекоръ ее встрѣчаетъ словами: „много твори добра, дочь“. Молодая сдѣлавъ шагъ впередъ повторяетъ поклонъ, свекоръ повторяетъ то же изреченіе.

Тутъ постилаютъ сырую баранью шкуру и приглашаютъ молодую сѣсть, на что она отвѣчаетъ тѣмъ же поклономъ, преклоняя колѣно, но садится только послѣ повтореннаго приглашенія. Затѣмъ подаютъ на блюдахъ мясо всѣмъ гостямъ, кромѣ молодой; ее угощаютъ подруги—молодыя женщины. Остатки мяса со своего блюда свекоръ подаетъ молодой; она принимаетъ, преклонивъ колѣно; а онъ ей повторяетъ: „много твори добра, дочь“, и читаетъ молитву.

Послѣ этого кто-нибудь изъ старшихъ требуетъ чтобы открыть лицо молодой.

Мать ея подаетъ кому-нибудь изъ молодыхъ людей кусокъ бѣлой дабы или миткалю; онъ привязываетъ его на конецъ палки или на ружейный шомполъ и поетъ, выпрашивая *керюмдыкъ*.

Пріѣхала слоха, давайте керюмдыкъ!

Не говорите то да се, а объявляйте, кто что даетъ?

Верблюда давайте благаго для счастливаго прилода,

Коня давайте сѣраго чтобы былъ шмоходець, да хорошъ собой,

Коровъ давайте черныхъ чтобы не умирали отъ раны,

Барановъ давайте пестрыхъ чтобы изъ чаши не истощалось

сало,

Собаку давайте злую чтобы не пускала со двора ни одной

скотины.

Ты скажи, слоха! Ты скажи, слоха!

Ты сдержи коня, слоха, остережи те сороки и бѣлые лица,

слоха

Не вздергивай носикъ и губки и не дѣлай сплетанъ слоха.

Скриля своими зелеными сапожками, не гулай по аулу и не

сплетничай, слоха!

Хотя мѣшокъ и не завязанъ, не воруй курта!

Не заставляй мужа вставать ранѣ себя съ постели.

* Ситецъ очень дорого, сравнительно, дѣнится въ степи и на Агатахъ.

Отецъ молодаго дастъ косякъ лошадей, мать верблюда—девятку, братья, сестры, всѣ дають по своимъ средствамъ.

По мѣрѣ того какъ каждый объявляетъ свой керюмдыкъ, молодая приподымаетъ покрывало и показываетъ ему свое лицо. Молодому предоставляется право присутствовать тутъ или нѣтъ.

Изъ юрты свекра молодая возвращается въ свою юрту, гдѣ дня три или четыре проводитъ со своею матерью и подругами, почти не видя мужа.

На четвертый день мать молодой заявляетъ что желаетъ возвратиться къ себѣ. Отецъ и мать молодаго дарятъ ей верблюда—девятку, а сопровождавшему ее лошадь и халатъ. У бѣдныхъ дають и меньше.

При отъѣздѣ матери молодой, ей подводятъ лошадь молодойя женщины.

Она плача прощается съ дочерью и увѣщаетъ ее быть послушною и дѣятельною, затѣмъ садится на лошадь и увѣжаетъ; молодья женщины и дѣвушки провожаютъ ее за аулъ, подаренный скотъ ведутъ за нею.

Этимъ оканчиваются брачныя церемоніи.

II. Похоронные обряды Киргизовъ.

Когда больной Киргизъ находится въ безнадежномъ положеніи и кочина его приближается, родные посылають за муллою, или, если муллы нѣтъ по близости, за грамотнымъ человѣкомъ. Если мулла застаётъ умирающаго еще въ живыхъ, онъ читаетъ надъ нимъ молитву изъ Корана, и умирающій, если только въ состояніи, повторяетъ за нимъ слова. Жена и дѣти сидятъ тутъ же въ юртѣ. Жена должна сидѣть совершенно тихо и не плакать. Иногда больной дѣлаетъ словесное завѣщаніе, распредѣляя свое имущество между дѣтьми или родными. Умирающій очень часто самъ назначаетъ кому обмывать его послѣ смерти.

Умершему мулла закрываетъ глаза, и тотчасъ приготовляютъ кровать на лѣвой сторонѣ юрты (кровать хозяина юрты всегда на правой сторонѣ). Снимають всѣ одежды, кладутъ тѣло на приготовленную кровать, накрываютъ одеждою и заставляютъ, какъ ширмами, чѣмъ.

Въ самую минуту кончины, рассылають гонцовъ возвѣстить роду о кончинѣ такого-то. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ посылають о-двукомъ, въ четыре противоположныя стороны четырехъ гонцовъ. Въ другихъ просто въ ту сторону гдѣ конуется въ это время народъ. Они приглашаютъ народъ на молитву и говорятъ что такой-то „удостоился быть въ окрестности Мекки“, не говоря прямо что умеръ.

Всѣ скачутъ тотчасъ въ аулъ умершаго, не жалѣя ни себя, ни коней; если лошадь загонять до смерти—не обращаютъ вниманія; если кто изъ людей упадетъ и убьется въ этой бѣшеной скачкѣ, не только не считается несчастіемъ, но напротивъ счастливымъ для убившагося событіемъ, такъ какъ черезъ это онъ дѣлается святымъ.

За верету до юрты покойника, на всемъ карьерѣ начинаютъ перекачиваться на сѣдлѣ въ обѣ стороны и кричать: „Ой-бой, мой хозяинъ! мой защитникъ! моя надежда! мое счастье! мой покровитель! мое благосостояніе! моя опора!“ Затѣмъ, входя въ юрту, обнимаются, здороваются и плачутъ вмѣстѣ съ семьей. Дѣти и родные начинаютъ причитать: „Что мы телеры! лишились своей Мекки! защитникъ вашъ улаалъ! лишились покровителя! свѣтъ нашъ логасъ!“

Пріѣхавшіе почетные люди утѣшаютъ ихъ, обѣщаютъ покровительство, говорятъ: „Да сохранитъ васъ Богъ въ будущемъ. Вамъ онъ былъ нуженъ, а народу еще болѣе необходимъ, но Богъ его хозяинъ; Его воля.“ Къ женѣ умершаго собираются женщины, снимаютъ съ ея головы джаулкуъ и расластають косу. На голову ей повязываютъ кусокъ чернаго вельверета. Вдова снимаетъ съ себя всѣ украшенія: браслеты, кольца и т. д. Тотъ же дѣлаетъ весь аулъ; даже дѣвушки и молодые люди снимаютъ съ шалочекъ *уке* (украшеніе изъ фиалковыхъ перьевъ въ видѣ султанчика, его носятъ положительно всѣ молодые люди, какъ украшеніе, но болѣе какъ предохранительное средство отъ дурнаго глаза).

Личь только соберется народъ, человекъ семь отправляютъ рыть могилу; приекупаютъ къ обмыванію тѣла. Кровать съ мертвецомъ относятъ въ сторону и на мѣсто гдѣ она стояла ставятъ совершенно новыя доски на подставкахъ, покрываютъ ихъ бѣлою дабой и перекладываютъ на нихъ тѣло. Лица приглашенныя по волѣ усопшаго для обмыванія, числомъ отъ трехъ до семи, бываютъ обыкновенно изъ людей грамотныхъ, набожныхъ, вообще почетныхъ.

Кунганъ и казанъ для воды берутся совершенно новые или же выжигаются на огнѣ чтобъ они были чисты и свѣтлы какъ новые. Если вода близка, ее привносятъ въ казанъ, если далеко—въ совершенно новой, недержанной посудинѣ. Носокъ кунгана завязываютъ бѣлымъ лоскуткомъ; кромѣ того, берутъ большой бѣлый лоскутъ, въ немъ дѣлаютъ отверстіе и чрезъ него, какъ чрезъ воронку, льютъ воду на тѣло. Руки обмывающихъ тоже обмываются бѣлыми лоскутками. Мулла во время обмыванія читаетъ Коранъ и дѣлаетъ замѣчанія куда и какъ лить воду. Умершую женщину обмываютъ и завертываютъ въ *ахретъ* женщины, мулла читаетъ Коранъ за занавѣсомъ. Ахретъ—тонкая, бѣлая ташкентская ткань. Мулла кроитъ изъ нея и самъ шиваетъ саванъ: для мужчины три простыни, одна больше другой; самая бѣлая на двѣ четверти длиннѣе трупа. Для женщины дѣлается ахретъ въ пять или семь простынь. Иногда мулла помогаетъ ихъ шивать кто-нибудь изъ почетныхъ лицъ. Обмывъ тѣло, его вытираютъ досуха и перекладываютъ на новую бѣлую кошму. Мулла завертываетъ тѣло сначала въ меньшій, затѣмъ во второй и наконецъ въ самый большой ахретъ. Изъ ахрета же приготовляются длинныя завязки, ими туго затягиваютъ ахретъ надъ головой, по талию и подъ ступнями. Руки покойника вытянуты вдоль тѣла.

Выносятъ тѣло изъ дому головой впередъ. Въ то время какъ его выносятъ изъ юрты, вдова и дѣти просятъ еще разъ взглянуть на покойнаго и имъ открываютъ его лицо. Если могила близка—несутъ на рукахъ, на носилахъ; если далека, то привязываютъ тѣло на сложенное кереге и кладутъ его на верблюда поперекъ между горбами и укрѣпляютъ на привьюченные съ боковъ *кобуржи* (сундуки), или вмѣсто верблюда кладутъ на двухъ лошадахъ. Зимой везутъ на саняхъ. Вдова и дочери не провожаютъ тѣла и не выходятъ изъ юрты. Когда процессія отойдетъ отъ юрты шаговъ сорокъ, братъ, сынъ или другой близкій родственникъ покойнаго подходитъ къ мулле и говоритъ: „Дарю тебѣ лошадь, хаалатъ и т. п.“ Въ настоящее время иногда просто рубль, смотря по желанію и по состоянію.

Въ могилѣ дѣлаютъ углубленіе или ложбинку чтобы только можно было положить тѣло. Покойника кладутъ немного на бокъ и лицомъ обращеннымъ къ западу. Затѣмъ отверстіе въ углубленіе или ложбинку, куда положено тѣло, закладываютъ

жердочками и замазываютъ глиной; въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда невозможно достать глины, закладываютъ травой, затѣмъ уже засыпаютъ землей. Мулла читаетъ надъ могилой молитву изъ Корана. Иногда четыре мурлы становятся по четыремъ сторонамъ могилы.

Сыновья или если нѣтъ сыновей кто-нибудь изъ родственниковъ привозятъ на могилу *джиртысы* (подарки.) Когда мулла прочитаетъ на могилѣ молитву, родные уносятъ джиртысы на возвышенное мѣсто, а народъ остается на могилѣ. Джиртысы раздѣляютъ на *девятки* и начинаютъ вызывать изъ народа представителей родовъ. Каждому изъ нихъ даютъ девятку говоря: „Вотъ вамъ на вашъ родъ“, предоставляя самимъ дѣлать между своими родичами. Мулла надѣваютъ халатъ *. Юрту покойнаго, въ то время какъ его хоронятъ, переносятъ на новое мѣсто. Кровать и постель, на которой умеръ, переходятъ его вдовѣ; если же умереть жена, то мужъ спитъ на этой кровати пока не возьметъ другой жены, тогда кровать и постель переходятъ къ старшей дочери покойной.

Любимой лошади покойнаго подрѣзаютъ хвостъ на четверть и никто уже на нее боже не садится. При перекочевкахъ эту лошадь сѣлаютъ лучшимъ сѣдломъ покойнаго, накладываютъ на нее лучшее его платье и парадный поясъ, шалку прикрѣпляютъ на переднюю луку; дочь или ближайшая родственница, дѣвушка, ведетъ эту лошадь впереди кочевки, предъ ней несутъ *найзу* (луку) покойнаго съ навязаннымъ флагомъ для молодого—краснымъ, среднихъ лѣтъ—чернымъ, старика—бѣлымъ. Въ то время когда семья покойнаго стоитъ на *джелау*, *кыстау* и *кузеу* (лѣтнемъ, зимнемъ, весеннемъ и осенними стойбищахъ), найза стоитъ въ его юртѣ; въ своѣхъ юрты прорѣзаютъ отверстіе и выставляютъ наружу наконечникъ луки со флагомъ. Конецъ древка воткнуть въ землю.

Три дня въ домѣ умершаго не варятъ пищи и если въ минуту смерти она варилась, ее немедленно выносятъ. Мулла три дня приходитъ въ юрту умершаго читать молитвы.

Черезъ три дня женщины собираются въ юрту вдовы, заплетаютъ ей волосы и вновь надѣваютъ джаулукъ; во время этой церемоніи она плачетъ и причитаетъ извѣстнаго рода вальвомъ.

* У Киргизовъ есть обычай если дарятъ халатъ непременно надѣть его на плечи тому челоуку которому дарятъ.

Вотъ одно изъ такихъ причитаній—плачь жены по молодомъ мужѣ:

„О, царящая, владычествующая надъ всѣми смерть! Ты врагъ живой души, ты всѣхъ древнихъ пророковъ взяла себѣ. Смерть! Ты темнота и болѣзнь живой души! Голосъ мой идетъ какъ бушующій вѣтеръ и вся душа облаилась горемъ! Не далъ ты на себя посмотрѣть въ настоящей жизни! Стоны мои раздаются какъ отъ укушенія фаланги и зову тебя не жалѣя себя. Глаза мои, мой юный другъ, сверкаютъ какъ у зайца преслѣдуемаго гончею собакой. Разсталась я съ тобой, горемычная, какъ Кезе-Курлешъ съ Баяномъ *. Не ложилъ ты, мой дорогой, хотя двадцати лѣтъ! Не вѣрива я тому что ты, любезный мой, умрешь, хотя ты и хворалъ. Царствіе тебѣ небесное, мой слутникъ, очевидецъ хорошихъ дней моей жизни. Свадилоса съ головы моей саукѣле **. Осталась я теперь скитаться безъ моего друга. Хорошая жизнь моя превратилась въ худую. У меня одно лишь желаніе: моего милаго друга еще разъ увидать. О, веселая прошлая моя жизнь! Чтò теперь я осталась, несчастная, отъ подругъ своихъ я отетала и сравнялась съ черною землей! Смерть не вынѣ явилась, и раньше много другихъ ушло въ вѣчность; нѣтъ пользы въ здѣшней жизни! Подумайте о загробной жизни: въ нее ушли первые пророки; вѣдь не остались же они живыми, ни цари, ни ханы и не умирали прежде сужденнаго рокомъ срока. Разъ уйдя въ вѣчность, никто возвратиться не можетъ. Пало на голову горе^а и лишило веселой, беззаботной жизни! Да будетъ тебѣ въ блаженствѣ будущая жизнь! Ранѣе общаго воскресенія мы увидѣться не можемъ. Создалъ тебя и душу твою всемогущій Богъ. Отецъ твой для радости женилъ тебя въ молодости. Теперь въ новомъ отавѣ *** нѣтъ хозяина, ты оставилъ меня несчастною.“

Приведемъ еще плачь дочерей по отцѣ:

„Отецъ, ты былъ наше счастье и достояніе, оставилъ ты насъ не показавшись въ одинъ день! О, жизнь ты наша жизнь обманчивая, отняла ты у насъ отца! Дай ему въ той жизни царствіе небесное! Ты провелъ свою жизнь въ довольствіи и былъ богатъ, имѣлъ четыре тысячи головъ скота. Въ ночное время для гостя ты былъ готовъ какъ днемъ. Ты былъ

* Герои любимой киргизской баллады.

** Саукѣле—свадебный головной уборъ.

*** Отава—домъ.

такой человекъ что при тебѣ плачущее дитя успокоивалось. Безъ тебя крылья наши надломилась и сталь наша изогнулась!“

Приведемъ также лѣснь о султанѣ Букеѣ, лѣтнюю его дочерью.

„Внимайте словамъ Пророка которыми я начну: всѣхъ живущихъ каждую минуту ожидаетъ смерть и отъ смерти никто не избавится. Султанъ отхода посылалъ большой поклонъ оставшемуся народу. Хотя онъ и ушелъ въ вѣчность, но добрыя и хорошія дѣла его не забудетъ народъ. Онъ былъ защита отъ вѣтра и всѣхъ несчастій. Стойбища его были въ горахъ Монрака и верховьяхъ Иртыша. Лѣтнія кочевки имѣлъ въ горахъ Саура и въ рощахъ привазывалъ кобылъ для доенія. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и имѣлъ перелиску съ китайскимъ дзянь-дзюнемъ. Онъ былъ славенъ и хорошъ и добръ, онъ былъ какъ дульдуй и тюльпаръ, крылатые кони, какъ лпашка лерелетающая съ вѣтки на вѣтку. Я не хочу восплѣвать его, но слава его была велика! Двери его юрты были крашены алою краской, саба для кумыса изъ воловьихъ алыхъ кожъ, лискекъ * сабы былъ серебряный. Дай Богъ ему царствіе небесное! Онъ былъ какъ звѣзда на небѣ; онъ по себѣ оставилъ память и хорошую славу. Въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ обладалъ великимъ мужествомъ; непріятель предъ нимъ трепеталъ, и вотъ остался его лукъ и стрѣлы. Онъ на тысячу человекъ бросался одинъ и обращалъ ихъ въ бѣгство. Онъ много одержалъ побѣдъ надъ Калмыками и много рѣзалъ ихъ.

„Онъ память въ народѣ оставилъ хорошую, и слава его велика, я не хочу восплѣвать его, но онъ былъ хорошъ, добръ, славенъ, и слава его велика.“

На третій день послѣ смерти, вдовѣ залетаютъ волосы, колятъ скотъ и дѣлаютъ угощеніе всѣмъ сосѣдямъ и одноаульцамъ, но этимъ распоряжаются родственники; вдова не принимаетъ ни въ чемъ участія и не показывается изъ своей юрты. Цѣлый годъ она закрываетъ лицо; и наоборотъ невѣстка, новобрачная, которая по обычаю должна закрывать лицо въ теченіе перваго года замужества, если вскорѣ послѣ свадьбы и пріѣзда ея въ ауль мужа умираетъ ея свекръ, — снимаетъ локривало.

На седьмой день снова съѣзжается народъ. Тутъ раздають

* *Лискекъ*—родъ большой мутовки которой взбалтываютъ кумысъ въ сабу (саба—огромный кожаный мѣшокъ сдѣланный въ формѣ бутылки, вмѣстимостью въ нѣсколько ведеръ). Верхушку лискека дѣлаютъ серебряную и очень богато украшаютъ.

подарки лицамъ которыя обмывали тѣло покойнаго. Лучшія вещи даютъ обмывавшему голову, поливавшему воду даютъ шалку, салоги и чиги. Изъ сала убитаго скота дѣлають во-семьдесятъ свѣтиленъ и каждый день жгутъ по двѣ. Жгутъ ихъ на закатѣ солнца въ передней части юрты, для чего на кошму ставятъ чашку обернувъ ее дномъ вверхъ; кладутъ на нее свѣтильни и зажигаютъ ихъ. При этомъ читается Ко-ранъ муллою или какимъ-нибудь грамотнымъ человѣкомъ. Свѣтильни зажигаютъ сыновья; если сыновей нѣтъ, то въ такомъ только случаѣ жена. Въ настоящее время, говорили мнѣ Киргизы, муллы совѣтуютъ сожигать всѣ восемьдесятъ свѣтиленъ разомъ, вѣроятно съ тѣмъ расчетомъ чтобы за-разъ отдѣлаться и получить что слѣдуетъ за чтеніе Корана.

Но Киргизы все придерживаются прежняго обычая: когда всѣ свѣтильни сожгутъ, то-есть пройдетъ послѣ первыхъ семи дней со дня кончины еще сорокъ, дѣлають большія поминки.

Затѣмъ, смотря по времени года и какъ кому удобнѣе, то-есть не въ зимнее время и не раннею весной, назначаютъ поминки съ *байгой*. За мѣсяцъ посылають повѣститъ всѣмъ кого желаютъ пригласить что въ такой-то день будутъ поминки и байга, и просятъ каждаго привести съ собой кумысъ Котлы для варенья мяса, блюда, ковры, занимають на это время со всей волости. Кромѣ того, почти всѣ родные покойнаго привозятъ съ собой призы для байги чтобы помочь семейству умершаго сдѣлать байгу возможно богатою.

Первымъ призомъ бывають два ямба * или косякъ лошадей **. Призы назначаются девяти лошадямъ. Стеченіе народа на этихъ поминкахъ бываетъ громадное. Во время скачки пока ждутъ лошадей обратно *** борются *болванъ* ****, лѣшіе и ковыые. Это одно изъ любимѣйшихъ увеселеній Киргизовъ. Зрители приходятъ въ неописанный восторгъ когда одинъ изъ борцовъ брошенъ на земаю и побѣдитель перешагнетъ ему черезъ голову, или, если борются на коняхъ, сдернувъ противника съ коня протащитъ его за собой по землѣ вонъ изъ круга. Въ этомъ году султанъ Д. пришелъ

* Ямба—слитокъ въ четыре съ половиной фунта серебра.

** У очень богатыхъ призы бывають несравненно богаче: 200 лошадей и т. д.

*** Лошадей ведутъ обыкновенно верстъ 25—30 рысью и обратно пускають въ карьеръ—вздокъ мальчики лѣтъ отъ восьми до девяти.

**** *Болванъ*—(борецъ) испорченное слово пегельванъ.

въ такой восторгъ отъ силы и ловкости одного борца что тутъ же снѣлъ съ себя богатый халатъ и надѣлъ на него.

Пѣвцы, лѣвцы тоже сѣвзажаются со всѣхъ сторонъ. Рѣдкіе поминки съ байгой обходятся совершенно мирно,—то споры и осоры за лошадей, то убьется или разобьется кто-нибудь во время скачки, то борцы озлобятся другъ на друга такъ что ихъ едва растащатъ. Въ настоящее время при такихъ байгахъ посылаются присутствовать писмоводители, Русскій, той волости гдѣ происходитъ байга. Нѣкоторые писмоводители живя постоянно въ волости умѣютъ приобрести до такой степени довѣріе Киргизовъ что внимательства ихъ довольно чтобы привести къ соглашенію спорящихъ или сдержатъ какой-нибудь лорывъ болѣе необузданныхъ.

Ровно черезъ годъ назначаютъ еще поминки, во время которыхъ закалываютъ любимую лошадь покойнаго и переломляютъ его найзу.

Въ назначенный для того день сынъ, или если нѣтъ сына то ближайшій родственникъ, ловитъ эту лошадь въ табунѣ и приводитъ къ юртѣ покойнаго. Ее привязываютъ къ коновязи предъ дверью юрты и убираютъ въ лучшее сѣдло и обрѹю, онова кладутъ, какъ при перекочевкахъ, платье, шалку и поясъ покойнаго. Въ этотъ день выставляютъ множество юртъ, колятъ много скота и лошадей, и варятъ мясо въ огромномъ количествѣ котловъ въ нѣсколько перемѣнъ, складывая приготовленное мясо въ юрты.

Собравшійся народъ размѣщается кругомъ убранной лошади, мулла читаетъ Коранъ, и сынъ или близкій родственникъ закалываетъ лошадь. Въ то время когда закалываютъ лошадь, вдова и дочери покойнаго поднимаютъ плачь и вой въ своей юртѣ,—въ прежнее, впрочемъ недавнее время царлали себѣ лица въ кровь. Затѣмъ мулла идетъ въ юрту гдѣ сложено мясо приготовленное для угощенія и читаетъ молитву на каждую голову, ногу и кожу.

Когда весь собравшійся народъ угостится мясомъ, идутъ въ юрту покойнаго; входитъ туда столько народа сколько можетъ помѣститься.

Вдова покойнаго подъ покрываломъ и его дочери сидятъ около его найзы. Преломленіе найзы предоставляется наиболѣе почетному лицу, большаю частію старику. Онъ приводитъ съ собой джигита, который по приказанію его ее и преломляетъ.

Въ юртѣ приготовлена саба кумысу. Когда выльютъ кумысу, одинъ изъ молодыхъ людей начинаетъ прибирать и ставить на мѣсто снятое съ любимой лошади покойнаго парадное сѣдло, сбрую и его одежды бывшія на сѣдлѣ во время церемоніи; приглашенный переломить найзу садится на почетное мѣсто въ передней части юрты и приказываетъ джигиту ее переломить. Вдова и дочери схватившись за древко найзы ее защищаютъ и не даютъ. Въ это время нѣсколько молодыхъ людей становятся на коняхъ снаружи юрты и крѣпко держатъ верхушку найзы, джигитъ въ юртѣ схватываетъ древко по срединѣ и переламываетъ его; тутъ лодымаются такой вой, плачь, стонъ что нельзя ни описать, ни вообразить. Затѣмъ всѣ мужчины уходятъ изъ юрты и расходятся и развѣзжаются по домамъ. Почетному лицу приглашенному для переломленія найзы и молодому человѣку убивавшему сѣдло и вещи даютъ подарки. Юрта вдовы наполняется женщинами, и долго, долго раздаются вопли, плачь и причитанья.

Мулушки или по-нашему памятники ставятъ двухъ родовъ: или каменныя ограды съ окнами, дверью и башенками по угламъ, или деревянныя, совершенно схожіе съ обыкновеннымъ домомъ, только стѣны дѣлаютъ у богатыхъ рѣзныя узорчатыя, какъ у насъ садовыя рѣшетки. Въ каменныхъ оградахъ помѣщается по нѣсколько могилъ. На могилу мужчины втыкаютъ или его переломленную найзу, или просто палку въ видѣ древка отъ найзы; иногда на нее надѣваютъ черель любимой лошади. На могилу женщины, баканъ, дѣвушка — уукъ съ арканомъ которымъ онъ привязывался къ кереге, на могилу ребенка—его колыбельку.

III. Уходъ за родильницей и новорожденнымъ.

При началѣ мукъ въ юрту родильницы собираются женщины со всего аула, ухаживаютъ за нею, водятъ поддерживая подъ руки, укладываютъ на подушки, и т. д.—При наступленіи послѣднихъ болей укрѣпляютъ баканъ въ чанаракъ, привязываютъ отъ него къ керегѣ широкую тесьму, которую и даютъ больной въ руки, съ тою же цѣлю какъ русскія акушерки своимъ пациенткамъ полотенца привязанныя къ кровати. Когда дѣло подходитъ къ развязкѣ, родильница стоя

на колыняхъ держится за эту тесьму; двѣ женщины поддерживаютъ ее подъ руки, а самая сильная, обхвативъ ее около талии руками, упирается колыномъ ей въ поясницу, а руками надавливаетъ на животъ *. Послѣ разрѣшенія родильницѣ бьютъ животъ и укладываютъ на постель, въ подушки, въ подулежачемъ положеніе, но позволяютъ и лежать если она этого желаетъ, затѣмъ накрываютъ до живота курлѣ (шелковымъ стеганымъ одѣяломъ). Уложивъ родильницу, надъ ней протягиваютъ веревку на которой развѣшиваютъ священныя книги чтобъ оградить ее отъ шайтана. У самыхъ бѣдныхъ Киргизовъ за неимѣніемъ такихъ книгъ обходятся и безъ этой церемоніи.

Женщины остаются въ юртѣ родильницы всю первую ночь послѣ родовъ; жгутъ свѣчи или ночникъ и не гасятъ огня въ очагѣ чтобы шайтанъ не пришелъ или не приключилась какая-нибудь бѣда.

Тотчасъ послѣ разрѣшенія колятъ барана (*кольдужикой*), кладутъ въ котелъ правый окорокъ, мяченку, курдюкъ, хребетъ и шею; остальное мясо убираютъ сырымъ и сжигаютъ въ теченіе первыхъ трехъ дней слѣдующихъ за родами.

Когда положенное въ котелъ мясо готово, созываютъ соседей, объявляютъ имъ о рожденіи ребенка и раздаютъ женщинамъ мясо, безразлично кому какой достанется кусокъ, только шею отдаютъ всю той которая приняла ребенка.

Родильницу поятъ въ теченіе нѣсколькихъ дней *сюрпой* (бульионъ изъ баранины) густо посылая его толчеюю корицей.

День слѣдующій за родами считается счастливымъ и, по словамъ разказницъ, бываетъ очень весело,—весь день подаютъ собравшимся женщинамъ различную ѣду, угощаютъ какъ только могутъ. По прошествіи трехъ дней больная если въ силахъ встаетъ съ постели и идетъ зимой въ баню, лѣтомъ моется у себя въ юртѣ водой въ которой кипятятъ верескъ. Киргизская баня это та же юрта или деревянный срубъ съ грудой камней изображающихъ печь.

Послѣ бани ее тотчасъ поятъ сюрпой, затѣмъ снимаютъ протянутую надъ нею веревку со священными книгами, такъ какъ женщина считается уже чистою, она можетъ снова подавать мужу лицу, что въ первые дни воспрещено.

* За эту операцію богатые дарятъ халатъ, бѣдные кто сколько могутъ.

Въ случаѣ несчастныхъ родовъ, выгоняютъ изъ юрты родильницы всѣхъ женщинъ, такъ какъ предполагается что между ними оказалась дурная и въ ней сидитъ шайтанъ. Въ юрту собираются одни мужчины—около юрты весь аулъ; кричатъ, бьютъ по юртѣ нагайками, стрѣляютъ изъ ружей, бьютъ нагайками около родильницы, бьютъ и родильницу, но, по словамъ разказицъ, слегка, не больно. Призываютъ *даргера*, то-есть доктора лѣчащаго лѣкарствами, но чаще *баксу*. Бакса играетъ на кобызѣ, приводитъ себя въ иступленіе и въ этомъ состояніи лѣчитъ. Баксой бываютъ и женщины, но это рѣдкое явленіе. Принято въ очень серіозныхъ случаяхъ приглашать двухъ баксовъ.

Церемонія эта производится слѣдующимъ образомъ: въ юртѣ гасятъ всѣ огни, кромѣ очага находящагося, какъ уже извѣстно, въ серединѣ юрты, большую кладутъ около очага; баксы одѣтые въ длинныя бѣлыя рубахи становятся на колыни, ставятъ передъ собой свои кобызы * и тихо раскачиваясь начинаютъ подъ сурдиной водить смычкомъ по струнамъ, время отъ времени потрясая кобызъ, отъ чего всѣ навшанная на немъ металлическія украшенія звенятъ; затѣмъ подъ звуки кобыза бакса начинаетъ напѣвать такимъ же чуть слышнымъ, вибрирующимъ голосомъ дикую неувимую безконечную мелодію—вѣчто въ родѣ стонковъ эоловой арфы; отъ этой музыки и пѣнія, въ полутемной юртѣ и здоровымъ дѣлается жутко. Мало-по-малу пѣніе начинаетъ прерываться истеричными вздохами, всхлипываніями, хрипами; игра на кобызѣ то обрывается, то снова наполняетъ юрту вибрирующими, стонущими, замогильными звуками; но вотъ струны зазвучали рѣзче, хриль, истеричные стоны стали чаще прерывать пѣніе, громче и громче поднялась таже раздирающая мелодія—и вдругъ оборвалась. Бакса вскакиваетъ, бросаетъ кобызъ и съ закатившимися глазами, искаженнымъ лицомъ начинаетъ ходить кругомъ по юртѣ, повидимому въ совершенно-безсознательномъ состояніи, по временамъ лагаетъ на руки окружающихъ, снова подымается, хрилитъ, всхлипываетъ, кусаетъ себѣ руки, судорожно корчитъ, выпрыгиваетъ изъ юрты черезъ чанаракъ, схваты-

* Кобызъ имѣетъ форму громадной мандалины безъ верхней деки, трехструнный, играютъ на немъ смычкомъ. Онъ весь увѣшанъ металлическими украшениями.

ваетъ зубами большой тукъ и бросаетъ на другой конецъ юрты, хватаетъ горящія головни, и т. д., перечислить все что онъ выдѣлываетъ въ это время невозможно. Особенно баксы неистовствуютъ если ихъ два—они кусаются, бросаютъ другъ въ друга горящими головнями и до тѣхъ поръ бѣснуются пока слабѣйшій бакса не выбьется изъ силъ; между этими бѣснованіями идетъ и лѣчение больной. Если родильница разрѣшится, но плацента не выходитъ, больную одѣваютъ въ замшевые чембары, сажаютъ джигиту на лошадь и онъ съ ней скачетъ по горамъ и долинамъ сопровождаемый всѣмъ ауломъ съ гиканьями и криками.

На вопросъ „что жь изъ этого происходитъ?“

— Когда поможетъ, когда и умретъ, спокойно отвѣчаютъ разкащиды.

Если послѣ этой операціи женщину привезутъ домой живою, но въ обморокъ, бакса третъ ей лобъ руками, потомъ придерживая рукавомъ или тряпкой вытягиваетъ ей языкъ и даетъ пощечину „рукамъ по щакамъ“, говорили киргизки. Давая пощечину бакса приговариваетъ: „что ты дремлешь!“ „говори: благодарю тебя Господи.“

Затѣмъ бабка призываетъ кузнеца съ его инструментами, ставятъ наковальню около больной, раскачиваютъ желѣзо до красна, бьютъ по наковальнѣ такъ что искры летятъ во всѣ стороны, кузнецъ суетъ ей въ лицо раскаленнымъ желѣзомъ, бакса приговариваетъ—„Ты не закрывай глаза, не дремли!“ Когда наконецъ больная придетъ въ себя и скажетъ требуемое баксой „Благодарю Господи“. Кузнецъ даетъ ей въ ротъ стальной или желѣзный напильокъ чтобъ она его держала зубами.

Родильницѣ затѣмъ даютъ въ теченіе семи дней пить сюрлу густо посыпанную порошкомъ составленнымъ изъ корицы, имбиря, сарбуги и джемджемия (двухъ послѣднихъ кореньевъ я не знаю русскаго названія). Киргизы полагаютъ что эта лѣкарственная сюрла производитъ испарину.

За лѣченье бакса и кузнецъ получаютъ богатые подарки.

Новорожденного ребенка первый разъ моють первою лѣною, смятою съ сюрлы варившагося въ котлѣ кольджикой, затѣмъ прикладываютъ къ луловинѣ чернаго киргизскаго мыла (*сабынъ*), на него тонкій слой курдючнаго сала и забивтовываютъ.

Первые три дня послѣ родовъ мать не кормитъ сама ребенка, его кормитъ которая-нибудь изъ женщинъ аула имѣющая груднаго ребенка. Эти первые три дня новорожденный лежитъ въ нарочно сшитомъ кошечномъ желобкѣ съ завязками, въ грубомъ видѣ—англійскомъ тюфячкѣ. Когда луловина отпадетъ и заживетъ, ребенка моютъ теплою соленою водою, не обтирая завертываютъ въ лоскутокъ дабы и даютъ обсохнуть. Затѣмъ мажутъ мазью составленною изъ гвоздики, калгана и имбиря, стертыхъ съ растопленнымъ русскимъ масломъ. У богатыхъ Киргизовъ шьютъ дѣтямъ рубашки и одѣяльца, у бѣдныхъ завертываютъ прямо въ *джабагу* (верблюжій подшерстокъ свалавшійся въ войлокъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, весной его снимаютъ съ верблюда въ то время когда онъ линяетъ). Джабага нѣжна и мягка какъ лухъ. До шести недѣль, или пока онъ не перестанетъ цвѣсти, ребенка мажутъ ежедневно вышеописанною мазью и черезъ день моютъ теплою соленою водою.

На третій день происходитъ торжественное переложеніе ребенка въ зыбку. *

Торжество переложенія въ зыбку происходитъ такъ: колуютъ барана и созываютъ всѣхъ одноаульцевъ, самая почетная женщина перекладываетъ младенца въ зыбку, а самый почетный мужчина даетъ ему имя. Въ настоящее время у богатыхъ даетъ имя мулла, читая при этомъ молитву. Почетная особа даетъ имя какое ему взбрѣдетъ на умъ; попала на глаза собачья чашка, онъ даетъ младенцу имя

* Киргизская зыбка плетется изъ тальника въ видѣ крошечной кровати на ножкахъ, съ невысокими закраинами и пругомъ для полога; въ нее положена и прикрѣплена постелька изъ джабаги, схожая фасономъ съ англійскими тюфячками, но съ такимъ приспособленіемъ что зыбка и постелька всегда опятны; приспособленіе это снимаютъ нѣсколько разъ въ день изъ зыбки и насыпаютъ известью. Положивъ малютку въ зыбку, женщина завертываетъ его въ постельку и приделываетъ широкою тесьмой къ кровати, онъ лежитъ совершенно свободно и удобно, не рискуя никакимъ образомъ выласть изъ зыбки; мать носитъ зыбку какъ мы носимъ корзинку держа какъ за ручку за пруть служажіи для полога. На лошади она совершенно удобно ставитъ зыбку передъ собой. Вслѣдствіе этого удобства носить зыбку Киргизки чрезвычайно рѣдко берутъ малютку на руки.

„Ит-Айакъ“ (собачья чашка), „Джеманъ-Бала“ (дурной мальчикъ), „Кучукъ“ (щенокъ), „Джанъ-Тасъ“ (каменная душа). Иногда дѣвушку назовутъ „Айгыръ“ (жеребець), „Мард-казъ“ (кораллъ) и т. д. Если новорожденный мальчикъ, то въ день положенія его въ зыбку дѣлаютъ небольшую байгу; пускаютъ на бѣгъ трехлѣтнихъ лошадей (*кумановъ*), разумеется, происходитъ неизбѣжная на всѣхъ киргизскихъ празднествахъ борьба *болмановъ*; потѣхи ради борются и женщины, причемъ у нихъ слетаютъ джаулуки и прочія принадлежноти туалета. Иногда устраиваютъ потѣшную байгу на которой вмѣсто лошадей пускаютъ бѣжать женщинъ; онѣ бѣгутъ четверть версты; призъ прибѣжавшей первой—аршинъ ситцу.

Киргизки-аристократки никогда не принимаютъ участія въ этихъ играхъ и присутствуютъ на нихъ только зрительницами.

Для перваго ребенка или у кого долго не было дѣтей дѣлаютъ байгу безразлично для мальчика или дѣвочки.

Когда ребенокъ начнетъ смѣяться, богатые люди снова дѣлаютъ празднество, то же самое когда онъ начнетъ ходить; последнее празднество называютъ *тусаунъ-теседъ* (будутъ рѣзать луты). Ребенку связываютъ ноги шерстяною веревочкой, сканною нарочно въ двѣ разныя стороны, ставятъ къ его ногамъ чашечку съ какою-нибудь лищею; одна изъ почетныхъ женщинъ аула разрѣзаетъ ножомъ эти луты и выбрасываетъ ихъ изъ юрты; ей за это даютъ подарокъ *актыкъ*—доскутокъ какою-нибудь матеріи. Послѣ этой церемоніи всѣхъ гостей угощаютъ мясомъ; послѣ угощенья читаютъ молитву (дѣлаютъ бату) и говорятъ ребенку пожеланія счастья, здоровья, богатства, долголѣтія и т. д. Затѣмъ расходятся по домамъ. Когда ребенку минетъ три года дѣлаютъ снова праздникъ и торжественно сажаютъ въ первый разъ на лошадь. Бѣдные дѣлаютъ эту церемонію и лѣзднѣе, четырехъ и пятилѣтнимъ дѣтямъ, когда соберутся со средствами.

Въ назначенный для праздника день колятъ скотъ и созидаютъ одноаульцевъ. Женщины приносятъ съ собой въ свѣжихъ опояскахъ куртъ и примчикъ входя бросаютъ ихъ въ переднюю часть юрты говоря: „Радуемся вашему празднику, радуйтесь и вы!“

Затѣмъ женщинъ помѣщаютъ въ отдѣльную отъ мужчинъ орту и угощаютъ; послѣ угощенья всѣ выходятъ изъ юрты и начинается та же потѣшная байга что и при положеніи въ зыбку; послѣ байги мужчины расходятся, остаются только женщины и одинъ мужчина—самое почетное лицо аула.

Женщины идутъ къ юртѣ и выносятъ ребенка, отецъ и мать передаютъ его почетному старику, а тотъ сажаетъ ребенка джигиту на сѣдло. (Почетному лицу дарятъ при этомъ халатъ.) Джигитъ возитъ ребенка по аулу и всѣ ему дарятъ; кто *ашему* * (дѣтское сѣдло) кто подругу, кто коня, кто курту, примчику, узду и т. д.

Послѣ этого на перекочевкахъ ребенокъ ѣдетъ уже не на одной лошади съ матерью, а отдѣльно.

Обыкновенно дѣлается такъ что ребенку назначаютъ жеребенка отъ любимой кобылы, родившагося на одномъ году съ нимъ; ихъ воспитываютъ чуть не вмѣстѣ, такъ что къ тому времени когда ребенка на него сажаютъ онъ совершенно выѣзжанный и ручной какъ комнатная собака.

На седьмомъ году надъ ребенкомъ дѣлаютъ обрядъ обрѣзанія; въ настоящее время его совершаетъ мулла гдѣ таковой есть, и бываетъ большой праздникъ; богатые даже колятъ кобылъ и дѣлаютъ большую байгу.

Къ больному ребенку призываютъ баксу или даргера, но бакса не бѣсуется при лѣченіи ребенка, а только тихо играетъ на кобылѣ. Въ случаѣ если у ребенка болѣзнь желудка, бакса сосетъ ему животикъ, иначе говоря, ставитъ сухія банки; жуется гвоздику или лукъ и спрыскиваетъ этимъ ребенка; дуется на него; требуетъ чтобы закололи черного барана и осердѣемъ бьетъ больного, и т. д.

Даргеръ щупаетъ пульсъ прикладывая обѣ руки къ вискамъ больного и затѣмъ въ обѣихъ рукахъ предполагая что ребенокъ боленъ отъ молока матери, ей три дня ничего не даютъ ѣсть, а поятъ *кучелей* (пих vomica). Это лѣкарство приготавливаютъ такъ: берутъ одинъ бобъ *pisca vomicae*, оскобливъ съ него кожуцу кладутъ въ чайникъ и кипятятъ,

* Киргизское дѣтское сѣдло—арчакъ съ очень высокими луками, каждая изъ нихъ раздвоена и на выступающихъ концахъ круглыя отверстія въ которыя просовываютъ палочки, какъ въ нашихъ дѣтскихъ качеляхъ; вмѣсто стремянъ глубокіе и широкіе мѣшки прикрѣпленные къ левчикамъ, въ нихъ опускаютъ ножки малытки; палочки поддерживаютъ ребенка съ боковъ, высокія луки представляютъ опору спереди и сзади, и такимъ образомъ онъ сидитъ совершенно безопасно и упасть можетъ развѣ съ лошадью. Подушка на сѣдлѣ, чепракъ, стремена, мѣшки богато вышиваются шелками и гарусомъ.

затѣмъ бобъ вынимають, прибавляютъ въ чайникъ ложку молока и пьютъ; это повторяють нѣсколько разъ въ день, но употребляютъ въ теченіе дня одинъ и тотъ же бобъ. Киргизки мнѣ говорили: „Черезъ молоко матери лѣкарство проходить ребенку и ему дѣлается лучше.“

Вотъ самыя употребительныя лѣкарства между Киргизами:
Бозбуга—имбирь.

Мозѣ—черничный орѣшекъ; его сосутъ отъ хрилоты и каша, тоже токутъ въ порошокъ, мѣшаютъ съ жиромъ и принимаютъ отъ гистовъ по чайной ложкѣ утромъ и вечеромъ.

Арала (стручокъ который достаютъ изъ Ташкента, говорятъ будто туда привозятъ изъ Индіи); изъ стручка выбрасываютъ косточку, скобають и завариваютъ какъ чай; даютъ отъ каша и слабости груди. Прибавивъ туда три золотника александрійскаго листа даютъ въ простудѣ, ослѣ, горячкѣ, говорятъ что дѣйствуетъ какъ очень сильное потогонное.

Кумдусемилъ—(каганъ) даютъ женщинамъ.

Уръ—(киноварь) берутъ три золотника, растираютъ чтобы все блестящее исчезло, посылають кумысь, взбалтываютъ два часа и пьютъ отъ простуды.

Саниа—(александрійскій листъ).

Дорогая трава—(сальсарель). Чтобы лѣчить этою травой устраиваютъ въ юртѣ или зимовкѣ шалашъ изъ кошмы въ который помещаютъ больного, въ теченіе семи дней почти ничего не даютъ ѣсть и поятъ настоемъ сальсарели.

Агутъ по одному золотнику растираютъ съ жиромъ и въ такомъ видѣ принимаютъ.

Стручковый перецъ—кладутъ кусочками въ чай и пьютъ отъ глушья, каша, простуды.

Медъ-уся усалчи—высушивъ растираютъ въ порошокъ и пьютъ повемногу въ теплой водѣ отъ изжоги.

Беркутовая усалчи густо растираютъ и мажутъ раны.

Кровь корсака и законченную кошму—сжигаютъ въ пелелъ, мѣшаютъ съ землей и присылають раны чтобы остановить кровь.

Ревень—(растущій въ долину Иртыша и въ Алтаѣ) сушатъ, токутъ въ порошокъ и присылають раны. То же дѣлають и мѣкми сахаромъ.

Крутая соленая вода—ею вспрыскиваютъ лузыри отъ обжого и потомъ заливчаютъ порошокъ ревеня и сахаромъ.

Нашатъыр—принимають кусочками во многихъ болѣзняхъ, особенно отъ изжоги.

Ахъ-даре и *Джау-кызынъ* } Травы растущія въ Алтаѣ—мнѣ не умѣли или не хотѣли объяснить отчего ихъ употребляютъ.

Кызыл-ча—трава употребляемая для изгнанія плода.

Лизорадку въ прежнее время лѣчили шовою корой и *испугомъ*, то-есть столкнувъ неожиданно въ рѣку, выстрѣлять изъ ружья надъ ухомъ, посадять на цѣлую ночь въ старую провалившуюся могилу, и т. д.

Въ настоящее время большинство знаетъ *хины*.

Касторовое масло считается рѣдкимъ и дорогимъ лѣкарствомъ, но пьютъ его съ особенною вѣрой и даже удовольствіемъ.

Отъ *чесотки* 3 золотника ртути мѣшаютъ съ козлинымъ жиромъ, раздѣляютъ на 9 частей и принимаютъ 3 раза въ день.

Кучало—(пих vomica) отъ капля и колотья, берутъ 1½, боба, мелко стругаютъ ножомъ и въ теченіе 6 дней принимаютъ въ сухомъ видѣ заливая сюрлой.

Канифоль—разводятъ теплою водою и лѣчатъ нарывы прикладывая на тряпкѣ.

Отъ укушенія *змѣи*—перетягиваютъ накрѣпко конскимъ волосомъ укушенную руку или ногу, дѣлаютъ на ранкѣ надрѣзъ и высасываютъ кровь.—или цѣлый муравейникъ стрѣбуютъ въ котель, наливаютъ немного водою, кипятятъ и прикладываютъ въ видѣ припарки. По словамъ Киргизовъ, это дѣйствуетъ превосходно.

Въ ноябрѣ дѣлаютъ забойку скота (*сугумъ*) для зимняго продовольствія. Богатые рѣжутъ до десяти лошадей, пятидесяти барановъ и двухъ-трехъ штукъ рогатаго скота, изрѣдка верблюда. Мясо рогатаго скота берегутъ мерзлымъ. Изъ лошадиного мяса дѣлаютъ *казы* (колченое мясо въ родѣ колбасъ нѣсколькихъ сортовъ). Изъ баранины—*сюръ* (лапая баранина, какъ у насъ свинина; часть мяса приготовляютъ вяленнымъ и колченымъ, часть мерзлымъ). Кровь лошадей употребляютъ на колбасы. Зимой питаются этимъ мясомъ и *кожѣ*. *Кожѣ* очень жидкая каша изъ проса, пшена или ячменя, прибавляютъ туда кусочки курдючнаго сала или молока. Бѣдные питаются одною кожѣ даже безъ сала. Кирличный чай во всеобщемъ употребленіи: у богатыхъ самовары, у бѣдныхъ мѣдные и чугуныя чайники или просто варятъ въ казанахъ. Богатые пьютъ и байховый чай; къ чаю вмѣсто сахара, очень рѣдко употребляемаго

Киргизами, подаютъ медъ, *урюкз* (сушеные абрикосы) и изюмъ; дѣлаютъ алады *куймакз* (жидкое тѣсто изъ пшеничной муки приготовленное на молокѣ, его олускаютъ кусочками въ кипящее курдючное сало, жарятъ и ѣдятъ горячими). *Баурсаки* то же самое, получается только изъ крутаго тѣста, что у насъ называютъ масляными орѣхами; ихъ заготавливаютъ въ запасъ. Иногда пьютъ чай приправляя его русскимъ масломъ, прикусывая его кусочками какъ мы сахаръ или просто прибавляя въ казанъ. Бѣдные большею частью пьютъ чай безо всякихъ добавленій. Весной Киргизы питаются почти исключительно молокомъ, овечьимъ, козьимъ, коровьимъ (у бѣдныхъ разбавляютъ молоко водой), его кипятятъ въ казанахъ, прибавляя туда просяную крупу, иногда ячмень и пшеницу. При прѣздѣ гостей колятъ барана * или подаютъ мясо изъ оставшагося отъ зимняго запаса.

По мѣрѣ того какъ скотъ начинаетъ весной поправляться на подножномъ корму, у Киргизовъ изобиліе молока; тогда готовятъ *айранз* (простоквашу) *катыкз* (варенецъ) *иримчикз* (изъ козьего и овечьего цѣльнаго молока дѣлаютъ творогъ—на маломъ огнѣ толятъ докрасна, затѣмъ изъ него дѣлаютъ столбики отжимая ихъ руками). Свѣжій онъ очень вкусенъ. Въ запасъ его сушатъ. *Куртз* смѣшанное овечье, козье, верблюжье и коровье молоко, варятъ и заквашиваютъ *айраномз*; въ получившійся творогъ прибавляютъ муки, размѣшиваютъ и отжимаютъ столбики только крутѣе чѣмъ *иримчикз* и сушатъ. *Куртз* заготавливаютъ въ большемъ количествѣ. Въ лѣтнее время, отправляясь въ дальнюю лѣзду, Киргизъ спускаетъ нѣсколько столбиковъ въ *турсуку* съ водой (*турсуку* бутылъ изъ верблюжьей кожи, съ деревянною пробкой, ее приторачиваютъ къ сѣдлу); получается весьма прохладительное, кислое, питательное питье, имѣющее еще цѣлебное свойство въ случаѣ дисентеріи.

* Изъ барана готовятъ *вареное мясо* и *сюрпу* (бульйонъ). Къ мясу подаютъ въ чашкѣ круто посоленную сюрпу, называемую *туздукз*. Въ нее мокаютъ куски мяса. *Тюстюкз*—грудина вырѣзанная съ шерстью, ее палятъ и поджариваютъ на палочкѣ надъ огнемъ полвая туздукомъ. *Шашлыкз*—куски мяса и сала попеременно нанизанные на палочки, тоже поджариваютъ надъ огнемъ. *Куурдакз* или *бишбармакз*—мясо, сало, печенку и почки мелко крошатъ и жарятъ въ маленькомъ котелкѣ. У очень богатыхъ дѣлаютъ татарскія и сартскія кушени: *пилавз*, *кашемирз-сюрпа* и *манта*.

Кобыль начинаютъ доить съ половины мая; съ этого же времени готовятъ кумысъ, эту любимую и главную пищу Киргизовъ. Доить кобыль въ горахъ до конца августа, въ степи до конца сентября. У богатыхъ имѣющихъ возможность держать кобыль на сѣнѣ ихъ доить и зимой; но зимній кумысъ далеко не такъ хорошъ какъ лѣтній, и сравнительно его очень небольшое количество.

Съ сентября и до ноября питаются олять кожѣ: у богатыхъ съ молокомъ и мясомъ, у бѣдныхъ иногда съ молокомъ, съ саломъ, чаще просто изъ одной крупы. Просо, ячмень, пшеницу, овесъ Киргизы большею частью имѣютъ со своихъ лашемъ. Уборка лашемъ смотря по лѣту со второй половины іюля до глубокой осени. Въ Усть-Каменогорскомъ уездѣ, въ трехъ волостяхъ нѣтъ почти кибитки которая бы не имѣла лашемъ. Въ остальныхъ волостяхъ производится менѣе раслашки; сѣютъ преимущественно ячмень. Обдираютъ крупу сами Киргизки въ большихъ деревянныхъ ступахъ и на ручныхъ мельницахъ. Рыбу, птиць, овощи, ягоды Киргизы употребляютъ въ пищу неохотно, какъ рѣдкое исключеніе. Рыбу они заготавливаютъ безъ соли, вяленную на солнцѣ. Домашнихъ птиць не держатъ. Огородничествомъ не занимаются.

IV. Киргизскія пословицы и поговорки.

Осмотри чашку и вѣшь пищу. Узнай мать и сватай дочь.

Острый ножъ вреденъ для ноженъ, а ложныя слова вредны для души.

Человѣкъ красить трапка, а дерево листья.

У кого двери худы, къ тому въ юрту не ходи, у кого мать худая, у того дочь не бери.

Не лей въ сосудъ который нельзя наполнить и не давай тому кого нельзя насытить.

Сорокъ поклоновъ тому у кого разъ отвѣдалъ пищу.

У одной женщины было сорокъ вьюковъ выдумокъ и хитрости.

У кого есть совѣсть, у того есть и благочестіе.

Неумѣющаго цѣнить лошадь научить необходимость ходить лѣшкомъ, неумѣющаго цѣнить пищу—голодъ научить.

Если ласково говорить, то и змѣя выйдетъ изъ своей норы, а если говорить строго, такъ и кефиръ оставитъ свою вѣру.

У кого рука сильна, у того и войлочный колъ войдетъ въ землю.

Коблауками высока и румянами красна.

Горы не безъ волковъ, волость не безъ воровъ.

Не хули лошадь на которую въ первый разъ съѣлъ, не хули товарища съ которымъ въ первый разъ сошелся.

Не называй лѣнливою лошадь на которую въ первый разъ съѣлъ. Если окажется бѣгунцомъ (скаковою призовою лошадью) каково тебѣ будетъ?

Отецъ о сынѣ заботится, а мать о дочери.

Не надѣйся на верховую лошадь и свою жену.

Печеное будешь ѣсть — ѣшь до сыта; лебои будешь терпѣть — терпи до смерти.

Кто многое жагаетъ проглотитъ, тотъ сѣно проглотитъ.

Будешь товарищемъ хорошаго человѣка, достигнешь желаемаго, будешь товарищемъ дурнаго — получишь стыдъ.

Если воспитась худаго человѣка — носъ и ротъ твой будутъ въ крови; воспитась худую скотину — носъ и ротъ твой будутъ въ жиру.

На чьей землѣ поживешь той и воды польешь.

Человѣкъ имѣющій терпѣнне — достигнетъ желаемаго.

Тихо ѣдущая телѣга догонитъ зайца.

Если разчитываешь прожить до полудня — приласи мяса до вечера.

Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись.

Пусть лучше жена будетъ обезславлена, чѣмъ салогу тѣсны.

Дурной человѣкъ своей вины не сознаетъ, а на людей сердится.

Имѣя хорошую жену и дрова будешь въ домѣ имѣть, а худую — то въ прїѣздъ твоихъ ровестниковъ и товарищей найдешь дома одинъ дымъ.

Гляди на верхушку высокой горы, но къ подошвѣ ея не ходи. Знай имя великаго человѣка, но къ нему не приближайся.

Огонь сумѣетъ разжечь кто приласалъ дрова, а скоть сумѣетъ ласти кто приобрѣлъ его.

Если дѣло твое правое, то Богъ тебѣ помощникъ.

У кого кумысь, у того и веселье.

Хворый не умираетъ, а умираетъ кто много долженъ.

Если женщина будетъ прихорашиваться, то ей и казана не сварить.

Не скидай салогъ не выдавъ воды.

Не рожденный отъ тебя не можетъ быть тебѣ сыномъ — не куленный тобой не можетъ быть тебѣ рабомъ.

Когда нѣтъ бѣа, то и его рабъ занимаетъ его мѣсто.

Когда нѣтъ собаки на дворѣ, то и свинья лаетъ.

У имѣющаго лошадь есть и шуба.

Лисица по шерсти; человекъ по языку.

Пища для человека—сила, лошадь—крылья.

Хорошая лошадь отъ смерти не избавить, а отъ несчастья спасеть.

Бѣдность хороша, еслибы лица была готовая.

Лучше при свѣтѣ сіять чѣмъ въ темнотѣ трастись.

Живая мышь дороже мертваго льва.

Хорошій хорошему знаетъ цѣну, а худому гдѣ же знать что дорого, что дешево.

Дающій получить, сѣющій будетъ жать.

Чѣмъ кланяться дурному, лучше заботиться о своей душѣ.

Желудокъ сироты въ сорокъ рядовъ.

Если дитя не плачетъ, развѣ даютъ ему сосать грудь?

ИЗЪ ГЕЙНЕ

Вожь славный Гаральдъ Гарфагаръ
Подъ волнами морскими
Сидитъ съ русалкою своею,—
Года идутъ надъ ними.

Волшебство въ чудный полусонъ
Героя погружаетъ:
Ни живъ, ни мертвъ, ужъ триста лѣтъ
Онъ сладко погибаетъ.

Глядитъ онъ въ очи феи водъ,
Склонясь главою своею
На доно къ ней; не можетъ онъ
Налюбоваться ею.

Давно ужъ золото кудрей
Какъ иней любѣвало,
Исчало блѣдное лицо,
Безсильно стало тѣло.

Порой его средь грезъ любви
Встревожитъ шумъ неожиданный:
Вверху бушуетъ грозный валь,
Дрожитъ дворецъ стеклянный.

Порой какъ будто слышитъ звукъ
Норманскаго онъ зова;
Приподнимаетъ руки онъ
И олукаетъ снова.

Порой сдается что лютъ
Пловцы, носяся мимо,
Какой былъ Гаральдъ Гарфагаръ
Герой нелюбѣдимый!

Вздыхаетъ, стонетъ, плачетъ онъ,
Грудь разорваться хочетъ.
Цѣлуетъ фея водъ его,
Цѣлуетъ и хохочетъ.

СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ*

Р О М А Н Ъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Д Ы М Ъ И Г А Р Ъ.

I.

Безъ сомнѣнія Кокò Луховецкій родился подъ счастливою звѣздой. Въ былыя времена онъ вѣроятно искалъ бы достигнуть того что тогда называлось „войти въ случай“; но въ настоящую пору люди научились обходиться собственными маленькими средствами, да и счастье котораго они домогаются—тоже маленькое, и очень удобное въ томъ отношеніи что можетъ быть раздѣлено между неограниченнымъ числомъ соискателей.

У Кокò никогда не было значительныхъ денегъ, но онъ всегда тратилъ значительныя деньги. Онъ никогда не дѣлалъ ничего такого что имѣетъ признаки серьезнаго труда, но его пріятная праздность приносила ему гораздо болѣе чѣмъ приноситъ мозолистый трудъ. Его чуть не въ глаза называли болваномъ, но онъ занималъ мѣсто въ хорошемъ обществѣ, въ томъ самомъ въ которомъ желалъ вращаться. Ему хотѣ-

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 3 и 5.

лось отлично жениться, и онъ женился на красивой, изящной Полинѣ, у которой были свои деньги и которая еще должна получить отъ отца значительное состояніе. Несмотря на „недоразумѣніе“ со старымъ княземъ, Кокѣ самъ находилъ что сдѣлалъ отличную партію. Правда, деньги Полины ужасно скоро протекли сквозь пальцы, но за то онъ отлично обставился, поправилъ свой кредитъ и наконецъ получилъ великолѣпное мѣсто въ новомъ акціонерномъ обществѣ. Мѣсто это налагало на него самыя незначительныя обязанности, состоявшія почти единственно въ томъ что раза три въ недѣлю онъ долженъ былъ являться въ правленіе, выпивать тамъ два стакана чаю и подписываться на какихъ-то красиво отпечатанныхъ бланкахъ. За все это онъ получалъ лять тысячъ жалованья, и кромѣ того очень скоро уразумѣлъ, съ помощью какого-то почти гениальнаго чутья, что непосредственная близость къ акціонерной кассѣ представляетъ сама по себѣ большой интересъ.

Мы знаемъ что Кокѣ не особенно высоко цѣнилъ себя однако во всякомъ случаѣ не ниже того положенія которое ему удалось занять. Не обнаруживая несоразмѣрныхъ претензій, онъ находилъ свое благопріобрѣтенное маленькое счастье справедливымъ вознагражденіемъ за пріятныя качества которыми обладалъ. Объ этихъ качествахъ мнѣнія его отличались скромностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нелоколемимостію. Онъ зналъ, напримѣръ, что обладаетъ пріятною наружностію какъ разъ такую чтобы нравиться не будучи красавцемъ: въ полномъ смыслѣ красивыхъ мушкетъ онъ терпѣть не могъ и считалъ ихъ неприличными. Онъ зналъ что умѣетъ отлично держать себя въ обществѣ и понимаетъ всѣ отбѣнки свѣтскаго „шика“. Объ умѣ своемъ онъ не держался высокаго мнѣнія, но питалъ твердую увѣренность что обладаетъ именно такимъ умомъ какой нуженъ по нынѣшнему времени. Пускай такой-то и такой-то умнѣе его, однако они чортъ знаетъ какъ устроили свою жизнь, а онъ устроился отлично.... Насчетъ честности своей и вообще по части убѣжденій онъ совсѣмъ ничего не думалъ и даже полагалъ что всѣ такіе вопросы упрзднены изъ современной жизни и что имъ занимается только тотъ кто въ этой жизни не находитъ мѣста. Однако еслибъ его спросили прямо: честенъ ли онъ? — онъ отвѣтилъ бы утвердительно и съ полнымъ убѣжденіемъ, потому что чѣмъ же онъ хуже другихъ? Мошенниковъ слызуютъ

въ Сибирь, а онъ живетъ въ Петербургѣ и даже очень хорошо живетъ.

Любопытною новостію для Кокò было внезапное возвращеніе стараго князя. Подвѣствовали ли на него угрозы прибѣгнуть ко вмѣшательству полиціи, или просто ему надоѣло сидѣть въ деревнѣ, только въ одно прекрасное утро онъ пріѣхалъ такъ точно какъ уѣхалъ, съ маленькимъ сакъ-вождемъ въ рукѣ и съ килой банковыхъ билетовъ въ голенищѣ. Ни о письмахъ и телеграммахъ Алины, ни о томъ гдѣ онъ былъ все это время, старый чудакъ не сказалъ ни слова и только прикрикнулъ на Сиклитею когда она, снимая съ него салюги (камердинера князь не подпускалъ къ себѣ), замѣтила съ радостною неосторожною:

— А тутъ сколько страховъ-то было объ этихъ самыхъ деньгахъ!

Князь даже лобгровѣлъ въ лицѣ и вырвалъ у нея изъ рукъ пачку билетовъ завороченную въ газетную бумагу.

— О какихъ деньгахъ? какія тебѣ деньги? Шельма ты этакая старая! ослѣдился онъ на нее, и швырнулъ пачку въ уголокъ дивана.

Вечеромъ въ этотъ день Сиклитея вызвала Алину изъ „дѣвичьей“ и сообщила ей взволнованнымъ шелотомъ:

— Чтò жь это лалаша-то выдумалъ? Пошла я въ буфетъ, а тамъ въ суловой чашкѣ подъ крышкòй деньги-то эти самыя и лежатъ! Какъ же такъ будетъ? Въ буфетъ кому вздумается ходить, долго ль до грѣха? Вѣдь не уснешь со страху.

Алина на цыпочкахъ прошла въ столовую, подняла крышку большой не утреблявшейся суловой вазы и дѣйствительно нашла тамъ связку банковыхъ билетовъ. У нея даже руки похолодѣли при этомъ. Съ минутой она сидѣла на корточкахъ предъ буфетомъ, не зная чтò такое можно придумать и какъ лучше поступить, но наконецъ встала и съ выраженіемъ отчаянія махнула обѣими руками.

— А проладай онѣ, эти проклятыя деньги! сказала она, со злобой думая о своей жизни, о своей некрасивой наружности и о своей двадцать-восьмой веснѣ.

Но налуганная уже однажды Кокò, она рѣшилась въ тотъ же день потихоньку съѣздить къ Полинь и сообщить ей о новомъ сумасбродствѣ отца. Полина только пожала плечами и по обыкновенію напомнила что она давно уже предлагала просить объ опекаѣ. Кокò свѣдавъ о возвращеніи князя и о

найденомъ имъ помѣщеніи для капиталовъ даже лобѣдывалъ отъ чрезвычайнаго волненія.

— Я посажу его въ сумашедшій домъ! разразился онъ.

Но такъ какъ подобная угроза могла имѣть дѣйствіе лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ времени, то онъ сталъ убѣждать Алину взять билеты изъ суловой вазы и отвезти на храненіе въ банкъ „хотя бы даже на ваше собственное имя“, какъ великодушно уступалъ онъ. Такое страшное предложеніе донельзя перелугало княжну и она обратилась въ послѣднее бѣгство. Она со времени замужества Полины очень разочаровалась въ ней и обвиняла ее въ низкомъ эгоизмѣ. Тихая и скрытная, она втайнѣ надѣялась часто бывать у замужней сестры, встрѣтить тамъ блестящихъ молодыхъ людей и выйти за одного изъ нихъ замужъ. Теперь она уже ничего почти не ожидала отъ жизни для себя лично, и едва ли даже не была бы рада еслибы семейный капиталъ исчезъ изъ суловой чаши.

Кокó подъ первымъ впечатлѣніемъ хотѣлъ немедленно ѣхать къ Безбѣдному и поручить ему улечь тестя подъ олеку, но одумавшись разсудилъ что достигнуть такого результата нельзя въ скоромъ времени и потому лучше предоставить Полину дѣйствовать сначала отъ себя и попытаться примириться съ отцомъ. Къ чести Кокó надо сказать что онъ не былъ абсолютно жаденъ, и такъ какъ въ настоящее время благодаря акціонерной кассѣ у него были деньги, то вопросъ о приданомъ жены не представлялъ для него жгучаго интереса.

Можно прибавить что и сама Полина интересовала его въ довольно ограниченной степени. Онъ вѣроятно очень удивился бы еслибъ ему сказали что въ ихъ бракѣ не достаетъ чувства. Онъ напротивъ какъ нельзя болѣе былъ доволенъ существовавшими между ними отношеніями. Полина была чрезвычайно удобная жена, совсѣмъ такая какъ ему надо, и сразу заняла въ его новой жизни надлежащее мѣсто. Она умѣла одѣваться, принимать и выѣзжать, и всѣ находили ее прелестною. Они никогда не сталкивались въ оцѣнкѣ людей среди которыхъ вращались, потому что какъ бы ни были различны ихъ требованія, ихъ примиряла одинаковая свѣтская точка зрѣнія. Кокó также, какъ и она сама, хотѣлъ чтобы у нея были хорошіе туалеты, чтобы она выѣзжала въ хорошее общество и чтобы это общество оцѣнило ихъ умѣнье хорошо жить. Затѣмъ вопросы ихъ внутренней жизни сосредоточи-

вадись на томъ кого пригласить къ обѣду, гдѣ взять ложу, какъ одѣть негра, по какому счету уплатить и по какому задержать, и гдѣ нанять дачу на лѣто. По всѣмъ такимъ вопросамъ соглашеніе достигалось чрезвычайно легко, потому что затрогиваемая ими сфера составляла какъ бы нѣкоторую общую скорлупу въ которой они свили свое гдѣздо.

Огромная разница между ними заключалась только въ томъ что у обоихъ было еще нѣчто прикрытое и придавленное этою скорлупой—у Кокò нѣчто низменное и циническое, а у Полины нѣчто смутно рвущееся на высоту. Объ этомъ Кокò не зналъ и не думалъ. Онъ не зналъ что нарядная, гордая, веселящаяся Полина носила безлокойную ранку въ сердцѣ, и эта ранка не давала ей наслаждаться, и въ самыя шумныя и радостныя минуты наломинала о себѣ почти физическою болью. Кокò не зналъ что жизнь пресыщала Полину не удовлетворяя, и что въ лихорадочной торопливости съ какою она бросалась отъ одного развлечения къ другому обнаруживался непонятный ей самой, оласный и мучительный внутренній голодъ.

Ему было очень пріятно что къ нимъ часто ѣздилъ Во-лынскій. Сближеніе съ такимъ уважаемымъ лицомъ, такъ хорошо поставленнымъ въ обществѣ, очень льстило его тщеславію. Достигнуть чтобы въ свѣтѣ говорили: Волынскій ухаживаетъ за Полиною Луховецкой—тоже представлялось ему очень лестнымъ. Поэтому онъ вполне одобрялъ особенное вниманіе, оказываемое Полиной этому частому гостю. Ему нравились оживленные, умные разговоры, которые они вели между собою. Что съ нимъ самимъ жена никогда не заводила такихъ разговоровъ, онъ объяснял очень просто: Полина знаетъ что онъ не станетъ заниматься такимъ вздоромъ. Онъ даже не вѣрилъ чтобы и ей подобныя разговоры доставляли удовольствіе и принималъ ихъ лишь за выставку ума и образованія. Съ этой точки зрѣнія онъ очень одобрялъ ихъ и присутствуя иногда при нихъ, внутренно торжествовалъ.

— Ну, ты его влюбила въ себя, сказалъ онъ однажды, послѣ того какъ Волынскій просидѣлъ съ Полиной цѣлый вечеръ и условился встрѣтиться съ ней на другой день на академической выставкѣ чтобы вмѣстѣ смотрѣть новую картину знаменитаго русскаго художника.

Полина неожиданно поблѣднѣла при этомъ замѣчаніи.

— Чтò жь, можетъ-быть, сказала она странно-спокойнымъ

голосомъ, и прищурилась на отраженное въ туалетномъ зеркалѣ усталое, нѣжное лицо, котораго не оживляла больше похолодѣвшая улыбка.

— Ясно что онъ влюбленъ. Ты теперь можешь что хочешь съ нимъ дѣлать, подтвердилъ Кокò, прохаживаясь взадъ и впередъ за спиной жены, занятой ночнымъ туалетомъ.

— Ты не ревнуешь? молвила съ тою же застывающею улыбкой Полина.

— Пс, произнесъ Кокò, взглянувъ сверху на корсетъ жены.

— Онъ предестъ, я сама готова въ него влюбиться, сказала она.

— Ну, процѣдилъ Кокò.

Это было одно изъ его любимыхъ междометій, имѣвшее очень разносторонній смыслъ. Въ настоящемъ случаѣ по тону голоса Полина догадалась что оно выражаетъ полнѣйшее недовѣріе къ ея предположенію.

— Тебѣ это странно что я могу въ него влюбиться? сказала она.

— Какой вздоръ! отвѣтилъ Кокò;—и для чего бы это было? Говорятъ, его жена въ рукахъ держитъ.

— Но чувства нельзя держать въ рукахъ, возразила Полина.

— Вотъ онъ и влюбился, но тебѣ-то съ какой стати.

Полина, вынимая изъ волосъ шпильку, продолжала съ тѣмъ же страннымъ выраженіемъ щуриться на зеркало.

— Надо же когда-нибудь жить чувствомъ, сказала она.— Ты кажется совсѣмъ не считаешь меня способною къ серьезному увлеченію?

Кокò слегка посвисталъ.

— Ну, это уже глупости, сказалъ онъ.—Это только такъ говорится что такая-то влюблена въ того-то и тому подобное. Совсѣмъ онъ не влюблены, а просто такъ. Я понимаю что тебѣ пріятно если такой человѣкъ какъ Воыньскій ухаживаетъ за тобой. Разумѣется его не надо отталкивать. Я буду его просить чтобъ онъ перевелъ меня къ себѣ на службу. У насъ чортъ знаетъ какъ туго. Конечно съ тѣмъ чтобъ остаться въ акціонерномъ обществѣ. Но влюбляются только горничныя. Все дѣло въ самолюбіи или въ деньгахъ. Никогда я не повѣрю въ любовь, потому что не видалъ.

Полина черезъ плечо взглянула на мужа.

— А я видѣла. Я видѣла какъ влюбляются отъ скуки, отъ

злости, изъ любопытства или отъ неосторожности. А мнѣ скучно, я зла, любопытна и неосторожна, сказала она.

— Пс, произнесъ Кокò.

Полина окончила разбирать волосы, отбросила за спину всю ихъ мягкую, пахучую волну и встала съ табуретки. Узко-раскрытые глаза ея напряженно блестяли.

— Чтò бы ты сдѣлалъ еслибъ я влюбилась? спросила она.

— Ну, я бы сказалъ что это глупо, отвѣтилъ Кокò.—И всѣ бы сказали. Онъ даже едва ли очень богатъ.

Пораженная послѣднимъ замѣчаніемъ мужа, Полина сдѣлала движеніе, но въ лицѣ и во всей фигурѣ Кокò выражалось такое полное, спокойное самозаключеніе въ кругѣ безсознательно-пошлыхъ идей что она только повела плечами.

На другой день, стоя предъ великолѣпнымъ полотномъ Семирадскаго, Полина вдругъ перебила Волинскаго вопросомъ: гдѣ онъ проводитъ лѣто? Онъ отвѣтилъ что надѣется съѣздить за границу, но только еще не скоро, и если не помѣшаютъ политическія событія.

— А мы взяли дачу въ Павловскѣ, сказала Полина, и помолчавъ спросила:—за границу вы поѣдете съ вашею женой?

— О нѣтъ, послѣшно отвѣтилъ Волинскій.

Полина представила къ глазамъ лорнетъ и сосредоточила внимательный взглядъ на покрытой золотымъ загаромъ женской фигурѣ, эффектно выступающей изъ разлитого въ картинѣ предвечерняго свѣта.

II.

Недѣли черезъ двѣ молодые Луховецкіе уже переселились въ Павловскъ. Полина никогда тамъ не жила, но очень хорошо понимала что нигдѣ нельзя такъ пріятно провести лѣто какъ въ этой любимой резиденціи петербургскихъ дамъ. За границу въ настоящее время имъ нельзя было поѣхать, потому что пришлось бы передавать акціонерную кассу другому лицу и при этомъ распутать нѣкоторые счета, которые Кокò предпочиталъ оставить въ ихъ нынѣшней неясности. Затѣмъ, гдѣ же какъ не въ Павловскѣ можно соединить поэзію дачной жизни съ возможностью ежедневнаго блистанія въ громадной нарядной толпѣ, прелесть уединенія съ шумомъ городского движенія, воздухъ лѣса съ комфортомъ столичной культуры?

Притомъ и старики Луховецкіе, и Олжанская, и Ксенія Михайловна съ барономъ Подемъ, и Зизи Безрукова съ мужемъ, и многіе другіе изъ знакомыхъ Полина—всѣ въ этомъ году выбрали Павловскъ. Полина не сомнѣвалась что ей будетъ весело.

За дачу Кокѣ заплатилъ слишкомъ тысячу рублей, но зато это была игрушка, а не дача. Представляя снаружи затѣшливый chalet въ псевдо-русскомъ стилѣ, придуманномъ петербургско-нѣмецкими архитекторами, она внутри казалась насыщенной благовоніями парижскихъ будуаровъ. И въ ней дѣйствительно предъ тѣмъ всегда жила которая-нибудь изъ знаменитостей международнаго полусвѣта. Рискавъ компрометтировать свою героиню, авторъ долженъ сознаться что знаменитости этого рода имѣли для нея нѣчто обаятельное. Что дѣлать, Полина не была изъята отъ слабостей очень многихъ петербургскихъ дамъ.

Она была очаровательна, когда подъ руку съ мужемъ, рядная и изящная, появилась въ заколдованномъ кругу предъ эстрадой—знаменитою эстрадой на которой Штраусъ нѣкогда лѣвилъ избранную петербургскую публику и предъ которою столько обворожительныхъ женскихъ ножекъ оставили свои незримые слѣды. Теперь, увы, волшебный смычокъ не наполняетъ лавловскій воздухъ вальсирующими звуками и нѣтъ уже почти никого изъ тѣхъ восхитительныхъ созданій которыми мы любовались въ былые, еще недавніе и уже невозвратные годы; но тѣмъ болѣе причинъ замѣтить въ движущемся „около музыки“ кругу всякое новое блестящее явленіе. И Полина была сразу замѣчена и заняла мѣсто въ малочисленномъ созвѣздіи сезона.

Имѣя такую прелестную дачу, она конечно желала иногда принимать у себя. Въ ближайшій понедѣльникъ кое-кто долженъ былъ у нея собраться къ обѣду или къ чаю—какъ кому будетъ угодно. Авторъ этого скромнаго повѣствованія также удостоился приглашенія.

— Вы-то ужъ непременно должны быть, потому что не умѣете слушать музыку, сказала Полина со своею гордою улыбкой.

Причина была вполнѣ основательна и мнѣ оставалось только воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ.

Я напелъ у Луховецкихъ довольно значительное общество и въ томъ числѣ многихъ изъ тѣхъ кому выпала болѣе или

ментѣ значительная роль въ этой совершенно не вымышленной исторіи. Мнѣ было очень пріятно встрѣтить ихъ здѣсь всѣхъ вмѣстѣ и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ наблюдать всѣхъ этихъ маленькихъ героевъ и героинь, уже тревожившихъ съ нѣкотораго времени мое авторское воображеніе.

Первый кто бросился мнѣ въ глаза былъ Каричъ. Я зналъ что безплодобный Кокѡ принять въ новую промышленную ассоціацію, такъ много обѣщавшую счастливымъ обитателямъ нашей сѣверной столицы, и потому эта встрѣча не представляла для меня ничего неожиданнаго. Но все-таки удивительно было видѣть массивную фигуру Карича въ этомъ избранномъ обществѣ и наблюдать какъ изящная Полина, хорошенькая Зизи Безрукова и очаровательная мадамѣ Олжанская расточали ему свои улыбки. Каричъ былъ очень не глухой человѣкъ и съ большимъ запасомъ самообладанія и умѣнья держать себя; однако нельзя было не замѣтить что это привилегированное положеніе въ обществѣ такихъ прелестныхъ и такъ любезно относившихся къ нему женщинъ сбивало его съ толку и вызывало наружу инстинкты наглости, которые впрочемъ онъ никогда и не старался слишкомъ обуздывать. Онъ улыбался довольными, пресыщенными глазами, съ жирнымъ смѣхомъ отлускалъ рискованныя шуточки и очевидно сознавалъ себя центромъ и украшеніемъ этого избраннаго общества. И не мудрено: онъ только что разказалъ какой онъ въ прошломъ году задалъ ужинъ для своихъ друзей и ихъ пріятельницъ, и какъ лакеи не рѣшились взять брошенную имъ огромную „на водку“ чтобы послѣ не вышло неприятностей.

— Такъ и не взяли? спросила Зизи, чрезвычайно заинтересованная разказомъ.

— Снесли хозяину: такъ и такъ, говорятъ, боимся потому что непремѣнно былъ пьянъ. Тотъ на другой день пріѣзжаетъ ко мнѣ, подаетъ лачку денегъ:—вчера, говоритъ, обронили у насъ, такъ не угодно ли получить.—Какъ, говорю, обронилъ? Я не обронилъ, а Татарамъ на водку далъ. Убирайтесь къ чоррту!

Это „къ чоррту“ такъ и прозвучало по гостиной, сообщивъ интересному разказу отлечатокъ особой, барственной энергіи. Зизи и Олжанская, чрезвычайно любившія именно такіе ужины и такого рода энергію, обѣ почти съ благоговѣніемъ взглянули на Карича.

Мнѣ показалось что только одна изъ собравшихъ здѣсь красавицъ не обнаружила пріятнаго впечатлѣнія, и что ея плечи сдѣлали даже какъ будто безглагольное движеніе, а въ чудесныхъ синихъ глазахъ промелькнуло что-то страдающее. Это была Дина Ловацкая. Она стояла прислонясь къ обвитой зеленью колонкѣ, немного въ сторонѣ отъ другихъ, и ея высокій тонкій станъ отличался ей одной свойственнымъ благородствомъ. Прозрачное темносинее платье закутывало ее подъ горло, словно она находила оскорбительнымъ обнаружить здѣсь красоту своихъ статныхъ плечъ. Я никогда раньше не видалъ ея и она произвела на меня странное и безпокойное впечатлѣніе чего-то случайнаго, явившагося по ошибкѣ и готоваго каждое мгновеніе исчезнуть изъ удивленныхъ и не насыщенныхъ глазъ. Мнѣ казалось какъ будто она заблудилась въ своемъ невѣдомомъ пути и съ лукавымъ любопытствомъ присутствовала при жертвоприношеніи какимъ-то чужимъ богамъ, ничего не говорящемъ ея мысли и чувству...

Баронъ Поль былъ также здѣсь и не сводилъ съ нея своихъ холодныхъ глазъ, загаравшихся несвойственнымъ имъ блескомъ, когда они встрѣчались съ ея глазами. Онъ безпрестанно подходилъ къ ней, находя что-нибудь сказать, и каждый разъ по его безстрастному лицу разливалось почти забавное смущеніе. Она взглядывала на него ласково и равнодушно, роляла нѣсколько спокойныхъ словъ, и только чуть примѣтное движеніе плечъ обнаруживало что это ежеминутно возобновляющееся ухаживанье дѣйствуетъ на нее надобнымъ образомъ. Баронъ потулялся и отойдя въ сторону продолжалъ пожирать ея издали ненасытными глазами.

Я замѣтилъ что вообще собравшееся здѣсь общество дышало очень романтическимъ воздухомъ. При самой незначительной наблюдательности можно было догадаться что помимо общаго интереса, центромъ котораго оставался Каричъ, тутъ дѣйствовали еще личные интересы, связывавшіе общество въ романтически-настроенныя пары. Хотя Каричъ глядѣлъ на дамъ съ такимъ выраженіемъ какъ будто мысленно себя спрашивалъ сколько каждая изъ нихъ стоить, но я замѣтилъ что когда его глаза встрѣчались съ глазами Олжанской, ихъ наглый блескъ измѣнялся въ лакомую слащавость, соединенную съ чѣмъ-то плутоватымъ. Очаровательная хозяйка, обративъ къ нимъ обоимъ свой изящный профиль, явно слушала только то что говорилъ ей Воыньскій. Это было тѣмъ удобнѣе

что Волинскій въ своей долговременной свѣтской практикѣ научился никогда не затрудняться присутствіемъ постороннихъ лицъ, и участвуя въ общемъ разговорѣ умѣлъ кому хотѣлъ сказать то что не должно быть понято другими.

Зизи, недовольная явнымъ и исключительнымъ вниманіемъ которое онъ оказывалъ хозяйкѣ, слегка надула губки и отошла къ балкону, у котораго стояла Дина. Какъ разъ въ эту минуту комаръ преобильно укусилъ ей руку и она собиралась прихлопнуть его, но промахнулась.

— *Sont-ils méchants, ces cousins!* сказала она громко, потирая укушенное мѣсто.

— *Que le diable emporte les cousins!* отвѣтила съ едва замѣтною улыбкой Дина.

Баронъ, всегда очень настаивавшій на родствѣ съ Диной, принявъ это на свой счетъ и вдругъ покраснѣлъ до корней волосъ.

— Что жь это нѣтъ нашего Евгенія Саввича? обратился къ хозяйкѣ Каричъ.

Отсутствіе Безбѣднаго было уже всѣми замѣчено, такъ какъ его привыкли часто видѣть у молодыхъ Луховедкиныхъ. Полина на вопросъ Карича пожала плечомъ.

— Я его звала, но вѣроятно что-нибудь задержало его въ городѣ, сказала она, и усмѣхнулась по направлению къ Олжанской. Та отвѣтила такимъ же улыбающимся взглядомъ.

— Говорятъ онъ нашелъ себѣ развлеченіе, какую-то барышню изъ провинціи, и готовить изъ нея примадонну для Мариинской сцены, продолжалъ Каричъ.—Какъ-то я ее видѣлъ съ нимъ у м-ше Вермисель, и потомъ на *pointe*. Прекрасенькая штука, и кажется съ задатками.

— Музыкальными? спросила чуть-чуть прищурясь на него Полина.

Каричъ всколыхнулся отъ смѣха.

— Ну, по этой части мы ее не испытывали у м-ше Вермисель! отвѣтилъ онъ, и еще съ минуту продолжалъ сотрясаться отъ душившаго его жирнаго смѣха.

— Онъ такъ любитъ музыку, замѣтила Полина.

Она совсѣмъ не знала Липочку, но при ея отношеніяхъ къ Безбѣдному ей такъ трудно было быть къ ней доброжелательною.

— Я боюсь что онъ совсѣмъ собьетъ ее съ пути, сказала Олжанская.—Она была такая наивненькая, приходила ко мнѣ

въ шубѣ, жила гдѣ-то въ мансардѣ и хотѣла зарабатывать хлѣбъ уроками...

— Женскій трудъ! вставилъ зачѣмъ-то Кокò, подойдя къ разговаривавшимъ.

— А теперь онъ катаетъ ее на *pointe* на своихъ рысакѣхъ, въ туалетахъ отъ Иврозъ, и на дняхъ нанялъ ей здѣсь великолѣпную дачу... досказала съ легкимъ оттѣнкомъ соболѣзнованія Олжанская.

— Здѣсь, въ Павловскѣ? переспросили Каричъ и Полина.

— Да, онъ увѣряетъ что городской воздухъ сдѣлался вреденъ для него, подтвердила улыбаясь Олжанская.

— Скоро въ окрестностяхъ Петербурга не будетъ мѣста для порядочнаго общества! произнесла Зизи.— „Эти дамы“ отовсюду вытѣсняють насъ.

Мнѣ было очень грустно слышать этотъ разговоръ. Я не только зналъ Лилочку, и зналъ ее не такую какою она являлась предъ критикой „порядочнаго общества“. Я не встрѣчалъ ее на *pointe* и не видалъ на ней туалетовъ отъ *in-те* Иврозъ. Вѣроятно, подумалъ я, въ эти послѣдніе дни непокорная волна моря житейскаго унесла Лилочку далеко отъ ея скромнаго и труднаго пути чтобы выбросить ее на скорбный берегъ, у котораго уже разбилось столько дорогихъ существованій. И если такъ, то конечно избранное общество, собравшееся на лѣтній понедѣльникъ у Полины, было совершенно право, рассматривая ее какъ законную добычу своему шутивому негодованію (нынче вѣдь все дѣлается съ легкою шутивостью). Очаровательная хозяйка, будущность которой представлялась мнѣ въ ту минуту темною и сомнительною, конечно права. Вѣчно сіяющая и радостная *in-те* Олжанская, отославшаяся къ фундамъ Карича уже съ нѣкоторымъ чувствомъ собственности, тоже безо всякаго сомнѣнія права. Права также и рѣзвая Зизи, въ ея привилегированномъ положеніи невмѣняемости, правъ оправданный по суду Каричъ и правъ еще не полавшій подъ судъ Кокò. Оми всѣ правы, и тѣмъ не менѣе мнѣ было очень грустно слушать ихъ спривидѣвныя рѣчи. Я вышелъ на балконъ и облокотившись на узенькія перилы сталъ глядѣть въ садъ. Вечерній воздухъ медленно холодѣлъ и темнѣлъ; мохнатая сли казались гуще чѣмъ днемъ, и ихъ верхушки рѣзко чернѣли на блѣдномъ, безвѣздномъ небѣ. Дальше, за узенькою полоской шоссе, паркъ сливался въ одну непроглядную, дышавшую сырѣмъ

холодомъ массу. Сѣверная ночь, короткая, больная, грустно-мечтательная, надвигалась изъ остывшаго лѣса, нагоняя на душу неудовлетворенное праздное томленіе.

Вдругъ деревянный помостъ балкона слабо скрипнулъ подъ послѣдними легкими шагами. Я оглянулся. Дина съ того мѣста гдѣ стояла быстро подбѣжала къ периламъ и перегнувшись смотрѣла на тянувшееся предъ садомъ шоссе. Удивленіе и тревога выражались на ея внезапно измѣнившемся лицѣ. Вдали за деревьями мелькала чья-то плотная фигура въ сѣромъ пиджакѣ и мягкой луховой шляпѣ. Этотъ чело-вѣкъ шелъ тихо, размахивая лалкой, останавливался и оглядывался; онъ очевидно или поджидалъ кого-то, или отыскивалъ чью-то дачу. Въ темнотѣ мнѣ невозможно было разглядѣть его лицо, да я и не зналъ, видалъ ли я его раньше.

— На кого вы такъ смотрите? спросилъ появившійся вслѣдъ за Диною баронъ.

Она быстро обернулась и проговорила съ живостью:

— Это очень странно; тутъ сейчасъ прошелъ André.

Баронъ засмѣялся.

— Вамъ показалось. Вы знаете что братъ въ деревнѣ, сказалъ онъ.

— Но это онъ. У него такая оригинальная походка что невозможно ошибиться, возразила Дина.

— И однако вы ошиблись. Онъ уже три недѣли какъ уѣхалъ, и чтобы вытащить его оттуда надо приключиться самымъ невѣроятнымъ обстоятельствамъ.

— Ну такъ вѣрно что-нибудь и случилось въ такомъ родѣ. потому что онъ сейчасъ прошелъ здѣсь, повторила Дина, уходя съ балкона.

Баронъ лыкнулъ изъ сигары, посмотрѣлъ съ выраженіемъ недовѣрія по направленію въ которомъ долженъ былъ скрыться Андрей, и внезапно омрачившись прошелъ вслѣдъ за Диною въ гостиную.

Тамъ только что зажгли лампы, и знаменитый негръ появился въ дверяхъ, означая что сейчасъ будутъ подавать мороженое. Я отыскивалъ глазами хозяйку, желая проститься, но ея не было. Вдругъ я услышалъ ея голосъ, говорившій не громко и съ особенною странною пѣвучестью гдѣ-то въ саду подлѣ балкона:

— Все это—издали. Вблизи труднѣе. Надо разомъ, въ одинъ день разорвать все что устроено цѣною цѣлой жизни. Я не

могу требовать этого отъ челоуѣка съ вашимъ положеніемъ, съ вашими наконецъ семейными обстоятельствами.

Другой голосъ отвѣтилъ тотчасъ:

— Чтѣ такое устроено? Я именно думаю что ничего не устроено. Мнѣ придется разорвать ненужную бумагу, какой-то давно просроченный безденежный вексель. Я и моя жена— это не семья.

— Чтѣ жь это такое? спросилъ голосъ Полины.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе, потомъ изъ темноты вылетѣло слово: „глулость“. Я не зналъ было ли оно отвѣтомъ на вопросъ Полины, или послѣ этого вопроса было еще что-нибудь сказано, чего я не слышалъ. Мнѣ во всякомъ случаѣ показалось неловкимъ присутствовать дадѣе при этомъ разговорѣ, и я ушелъ съ балкона.

III.

Дня была права, она дѣйствительно видѣла барона Андрея. Онъ въ этотъ самый день пріѣхалъ въ Петербургъ и отпра-вился съ первымъ вечернимъ поѣздомъ въ Павловскъ. Не заставъ брата на дачѣ и не ведѣвъ докладывать о себѣ матери, онъ пошелъ бродить по парку чтобы скоротать время. Какъ только баронъ Поль вернулся отъ Луховецкихъ, Андрей даже не постучавшись въ дверь вошелъ къ нему въ спальную.

Павелъ Евгеніевичъ только-что снялъ сюртукъ и съ сожалѣваніемъ разглядывалъ свои отличнѣйшіе салюги, насквозь промоченные росой. Онъ съ неприятнымъ удивленіемъ поднялъ глаза на брата.

— Ты являешься совсѣмъ неожиданно. сказалъ онъ послѣ перваго привѣтствія, и потянулъ носомъ, желая удостовѣриться въ отсутствіи спиритуознаго запаха, обыкновенно сопровождавшаго барона Андрея.

— Надо было пріѣхать, отвѣтилъ тотъ, бросая мелькомъ благодушно презрительный взглядъ на дачную обстановку брата. Его очевидно удивляла эта способность возить всюду за собой массу совершенно ненужныхъ по его мнѣнію и стѣснительныхъ вещей.

— Я еще не показывался татап, мнѣ нужно переговорить

съ тобою, продолжалъ онъ, садясь въ соломенное кресло и съ видомъ затрудненія проводя рукой отъ затылка ко лбу.

Поль снялъ съ себя часы, осматрѣлъ ихъ и бережно повѣсилъ на бронзовую подставку. Затѣмъ онъ сбросилъ жилетъ и сѣвъ на кровать задумчиво взглянулъ на свои разставленные ноги. Его все еще безпокоилъ вопросъ, можно ли будетъ возвратитъ салогамъ ихъ прежній глянецъ.

— Что такое случилось? спросилъ онъ совершенно равнодушно, хотя тутъ же съ нѣкоторымъ неприятнымъ предчувствіемъ подумалъ что за чѣмъ бы ни пріѣхалъ Андрей, во всякомъ случаѣ въ его пріѣздѣ должно заключаться нѣчто угрожающее его собственному спокойствію.

Андрей повторилъ свой любимый жестъ рукой.

— Да ничего не случилось, но видишь ли, мнѣ невозможно болѣе оставаться въ такомъ положеніи. Мнѣ необходимо получить въ руки свою часть, выговорилъ онъ.

И тутъ же, какъ бы чувствуя что этими словами главное бремя сброшено съ его языка, онъ продолжалъ со сбивчивою стремительностью:

— Я сколько разъ просилъ васъ обоихъ. Положимъ, вы мнѣ всегда не довѣряли и всегда хотѣли чтобъ я сдѣлался такой какъ вы. Этого я не могу, и пусть вы все понимаете и дѣлаете гораздо лучше меня, но мнѣ больше нравится когда я все по-своему. Во всякомъ случаѣ я не ребенокъ и странно что мнѣ не хотятъ отдать мою часть. Если я даже очень дурно распоряджусь своими деньгами, какое же вамъ дѣло? А я распоряджусь такъ какъ для меня хорошо. Все равно это моя часть, и вамъ же лучше будетъ когда вы совсѣмъ отъ меня отдѣляетесь, и не будетъ больше этихъ неприятныхъ разговоровъ. Ты скажи татап, Поль. Я нарочно для этого пріѣхалъ, и надо чтобъ это наконецъ рѣшилось.

Андрей говорилъ все скорѣе, волнуясь и отдуваясь своими толстыми губами, а при послѣднихъ словахъ всталъ и заходилъ взадъ и впередъ между разставленными по всей комнатѣ столиками, креслами и тумбочками, задѣвая ихъ ногами и локтями. Баронъ Поль, съ неприятнымъ отпечаткомъ смущенія на покраснѣвшемъ лицѣ, слѣдилъ за нимъ глазами и даже не опасался чтобъ онъ чего-нибудь не опрокинулъ—до такой степени его озабочивала дикая по его мысленному выраженію идея брата.

— Но скажи, пожалуйста, почему тебѣ вдругъ понадобилось?

Прежде тебя невозможно было вытащить изъ деревни, и въ самомъ дѣлѣ не стоить въ такое время прїѣзжать въ городъ. Здѣсь такъ сыро что я перепортилъ себѣ обувь, сказалъ Польш, снова взгаямувъ на салюги.

— Почему бы ни было, но мнѣ нужно; я на этотъ разъ рѣшилъ окончательно, отвѣтилъ Андрей, не замѣчая что толкнувшись о тумбочку съ цвѣтами онъ сломалъ широкій листъ бегоніи.—Видишь Польш, я ужасно не люблю всѣхъ такихъ дѣлъ и не хотѣлъ бы чтобъ изъ-за меня вышло затрудненіе для тебя и для папан, но на этотъ разъ надо чтобы было сдѣлано. Непремѣнно. Я нарочно прїѣхалъ, потому что надо чтобъ это было сдѣлано. И тогда для насъ всѣхъ будетъ лучше.

— Ты не хочешь сказать что именно тебя заставляетъ? спросилъ Польш.

Андрей дошелъ до окна, машинально тронулъ сломанный имъ и повисшій листъ бегоніи, какъ будто хотѣлъ приставить его къ прежнему мѣсту, и вдругъ повернуся къ брату. Въ смущенныхъ глазахъ его свѣтлося тотъ предшествующій слезамъ блескъ который бываетъ только у дѣтей.

— Что меня заставляетъ? повторилъ онъ какъ будто внезапно развѣженнымъ голосомъ.—Если ты хочешь я скажу тебѣ, Польш. Это такая вещь что мнѣ дорого было бы встрѣтить твое участіе. Видишь ли... у меня будетъ ребенокъ, Польш.

Онъ остановился и бросилъ на брата неспокойный, ожидающій взглядъ. Пухлое лицо его странно свѣтилось и несмотря на смущеніе имѣло въ себѣ что-то даже торжественное, какъ будто онъ въ первый разъ сознавалъ за собою какія-то новыя права, во имя которыхъ жилъ и дѣйствовалъ. Но это выраженіе быстро сбѣжало съ его лица, когда онъ встрѣтился съ холоднымъ, почти презрительнымъ взглядомъ брата.

— Что жь, развѣ ты хочешь отдать свое состояніе этому будущему ребенку? сказалъ съ явною ироніей Польш.—У тебя можетъ-быть еще много такихъ будетъ.

— Но я думаю я долженъ обезпечить мать! возразилъ Андрей, вдругъ вспыхнувъ отъ разомъ овладѣвшаго имъ чувства непонятной злобы, разочарованія и стыда.

— А, она требуетъ чтобы ты обезпечилъ ее! произнесъ

Поль.—Она желаетъ пересчитать твои банковые билеты, и послала тебя за ними въ Петербургъ.

На лицѣ Андрея выступили багровыя пятна. Чувство злобы и стыда терзало его почти съ физическою болью и онъ сознавалъ что можетъ-быть въ первый разъ въ жизни злитса несправедливо и бессильно. Женищина, которую онъ къ ужасу баронессы увезъ съ собою въ деревню, дѣйствительно настаивала чтобъ онъ раздѣлился съ матерью и братомъ, и изъ-за этого у нихъ въ деревнѣ почти каждый день происходили сцены. Андрей въ душѣ совершенно ее оправдывалъ потому что былъ увѣренъ въ ея безкорыстіи, но тѣмъ не менѣе Поль сразу угадалъ въ чемъ дѣло, и это до крайности раздражало и злобило Андрея.

— Если ты хочешь такъ говорить, то оставимъ это, сказалъ онъ.—Я просто требую свою часть. Можетъ-быть я своими банковыми билетами затоплю каминъ, вамъ нѣтъ до этого никакого дѣла.

Поль пожалъ плечами.

— Обратись къ татан, это совершенно отъ нея будетъ зависѣть, проговорилъ онъ съ напряженнымъ спокойствіемъ.— Но ты понимаешь что если даже она согласится на твое желаніе, въ чемъ я очень сомнѣваюсь, то во всякомъ случаѣ подобную вещь нельзя сдѣлать въ нѣсколько дней.

— Какъ въ нѣсколько дней? это надо завтра, взволновался Андрей.

Поль снисходительно усмѣхнулся.

— Ты судишь какъ ребенокъ, сказалъ онъ.—Неужели ты думаешь что деньги лежатъ у татан въ шкатулкѣ? Онѣ помѣщены въ дѣлѣ изъ котораго нельзя такъ сейчасъ вынуть ихъ. Положимъ, ты могъ бы получить часть въ этомъ самомъ дѣлѣ, соответствующую твоему капиталу, но вѣдь надо все это облечь въ юридическую форму, исполнить цѣлую процедуру у нотаріусовъ, въ судѣ и такъ далѣе...

Андрей съ удивленіемъ посмотрѣлъ на брата.

— Я въ первый разъ слышу что мои деньги въ какомъ-то дѣлѣ, сказалъ онъ.—Кто васъ просилъ? Я не желаю участвовать ни въ какомъ дѣлѣ и хочу чтобы мнѣ отдали то что мнѣ слѣдуетъ.

— Ты разсуждаешь такъ какъ будто татан уже не существуетъ и рѣчь идетъ о раздѣлѣ наслѣдства, возразилъ съ возрастающимъ неудовольствіемъ Поль.

Онъ имѣлъ основательныя причины быть недовольнымъ. Увлекаясь все болѣе разгаравшеюся страстью спекуляціи, онъ вложилъ деньги брата въ бездонную акціонерную кассу чтобъ еще болѣе оживить это бойкое предпріятіе. Ему казалось что онъ въ правѣ такъ сдѣлать, потому что братъ еще не былъ выдѣленъ изъ отцовскаго наслѣдства. Но въ послѣдніе дни акціи стали падать съ незначительною, однако постоянно возрастающею быстротою. Эта катастрофа сильно безпокоила барона, хотя онъ и утѣшалъ себя тѣмъ что все вообще бумаги вслѣдствіе политическихъ причинъ шли внизъ. Когда биржевая паника, вызванная открытіемъ военныхъ дѣйствій, утихнетъ, дѣло опять поправится, а капиталы Андрея помогутъ переждать кризисъ. Но сегодня акціи стояли уже ниже нарицательной цѣны, и на завтрашней биржѣ долженъ опредѣлиться поворотъ. Если курсъ удержится, можно спокойно переждать бурю. Разумѣется, въ такіе дни извлекать изъ дѣла часть капитала было бы безуміемъ. Оттого баронъ и ссылался на мать, разчитывая поддѣйствовать чрезъ нее на брата, и если не привлечъ его формально къ дѣлу, то по крайней мѣрѣ замедлить выдѣлъ.

Къ сожалѣнію, Андрей не обнаруживалъ готовности войти въ интересы барона Поля, и на послѣднее его замѣчаніе отвѣтилъ съ неожиданною запальчивостію:

— Нѣтъ, это все какое-то нахальство. Я это постоянно слышу, потому что вамъ почему-то не хочется отдавать мнѣ моихъ денегъ. Вы думаете что пока онъ въ вашихъ рукахъ, я буду васъ слушаться. Это глупости. Я не настаивалъ когда это не было нужно, но теперь нужно. Это деньги отца, а не шапан.

Онъ всегда былъ очень деликатенъ въ денежныхъ дѣлахъ и не спрашивалъ получаетъ ли весь тотъ доходъ который приносила его часть, но теперь онъ зналъ что вернуться въ деревню не окончивъ этого дѣла невозможно, потому что предстояли бы новыя, чрезвычайно тягостныя сцены, а жить неопредѣленное время въ Петербургѣ было бы для него также въ высшей степени непріятно и скучно.

Поля отстегнулъ свои вышитыя шелками подтяжки и бережно сложилъ ихъ.

— Ты можешь это выразить шапанъ если ты такъ думаешь, сказалъ онъ и прибавилъ съ явнымъ раздраженіемъ:—Ты никогда ничего не понималъ въ дѣлахъ, и Богъ знаетъ что

тебѣ представляется. Надо же соображать. У насъ война, все повалилось, биржа въ угнетенномъ состояніи (это выраженіе Поль вычиталъ въ своей газетѣ), курсы ужасные, даже государственное казначейство ищетъ новыхъ займовъ, и вдругъ въ такое время ты пристаешь съ деньгами. Какія теперь деньги? На прошлой недѣлѣ наши акціи ходили съ преміей, а сегодня ниже нарицательной цѣны. Изъ-за какихъ-то тамъ болгарскихъ барановъ тысячи людей можетъ-быть разорятся у насъ!

Баронъ Поль терпѣть не могъ славянскаго вопроса и уже цѣлый годъ повторялъ всѣмъ кто хотѣлъ его слушать что это очень глупо, что надо Славянъ отдать Европѣ, и что если у насъ будутъ слушаться разныхъ пустослововъ и подстрекателей то, наконецъ, чертъ знаетъ куда заведутъ Россію. Въ послѣдніе же дни съ каждымъ биржевымъ бюлетенемъ неблагоклонность его къ „болгарскимъ баранамъ“ все возрастала, и Русское государство окончательно отождествилось въ его умѣ съ обществомъ столичной ассенизаціи.

Андрей взялъ со стола свою мягкую войлочную шляпу, расправилъ ее кулакомъ и повертѣлъ въ рукѣ.

— Если ты отказываешься, то я самъ завтра переговорю съ шапан, сказалъ онъ.

— Ну, конечно, промолвилъ Поль.—Развѣ ты уходишь? Ты могъ бы ночевать у меня въ кабинетѣ.

— Нѣтъ, благодарствуй, отказался Андрей.

Въ городѣ онъ соглашался жить въ одномъ домѣ со своими, потому что тамъ у него была совершенно отдѣльная квартира; но на дачѣ, гдѣ живутъ гораздо ближе другъ къ другу, это казалось для него стѣснительнымъ. Онъ былъ очень нетребователенъ относительно комфорта и хотѣлъ только быть одинъ; поэтому первый попавшійся номеръ въ гостиницѣ могъ удовлетворить его. Но главное ему хотѣлось гдѣ-нибудь поужинать такъ какъ онъ любилъ иногда, то-есть очень мало съѣсть и очень много выпить.

Онъ нахлобучилъ шляпу и пошелъ въ направленіи къ вокзалу, размахивая лалкой и разсѣянно взглядывая по обѣимъ сторонамъ заснувшей, безлюдной улицы. Онъ былъ взволнованъ и больше чѣмъ когда-нибудь находился подъ неприятымъ сознаніемъ что жизнь пристаётъ къ нему и чего-то хочетъ отъ него. У него былъ такой маленькій, такой ни кого не касающійся идеаль счастья—даже не счастья, а

просто существованія à son aise—и между тѣмъ онъ никакъ не могъ устроиться согласно этому идеалу. Онъ такъ сократилъ все свои требованія что кажется, на примѣръ, на каждомъ шагѣ можно было бы найти такую женщину какой онъ искалъ для себя. А между тѣмъ эта Таня, которую онъ предпочелъ женщинамъ своего круга, дѣлалась просто нестерпима для него своими капризами и постоянными приставами чтобъ онъ раздѣлился съ братомъ. Что ей за дѣло и зачѣмъ она пристаётъ, когда знаетъ что это для него въ высшей степени неприятно и что онъ совсѣмъ не хочетъ ссориться съ братомъ или съ матерью? Но такъ какъ онъ уже рѣшился сдѣлать какъ она желала и прїѣхалъ въ Петербургъ—а это было для него чрезвычайно неудобно и противно—и такъ какъ теперь все зависѣло отъ готовности Поля устроить ихъ семейное дѣло, то онъ очень сердился на Поля и мысленно говорилъ что хоть одинъ разъ въ жизни оставить на своемъ и не позволить гнуть себя въ ту сторону въ которую не хотѣлъ гнуться. Онъ съ ожесточеніемъ припоминалъ неприятно-смущенное лицо брата и полу-брезгливый тонъ какимъ тотъ всегда говорилъ съ нимъ, и чѣмъ больше онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ противнѣе становилось для него дѣло за которымъ онъ прїѣхалъ и невозможность жить совсѣмъ такъ какъ ему хотѣлось, то-есть въ сторонѣ отъ всѣхъ умныхъ, гордыхъ, дѣятельныхъ и занятыхъ какими-то общими интересами людей.

Улица была такъ тиха и пустынна что шумъ его собственныхъ шаговъ и стукъ лалки, ударяемой о щепень, какъ будто удивляли его. Онъ оглядывался, словно недоумѣвая предъ притаившеюся тишиной этой свѣтлой ночи, наполнявшей все кругомъ какимъ-то обманчивымъ, жидкимъ мерцаніемъ. Тишина казалась неестественною въ этой прозрачной мглѣ, полной раздражающей неопредѣленности. Вдругъ онъ остановился: прямо предъ нимъ, на балконѣ, вся освѣщенная мерцаніемъ ночи, стояла неподвижная женская фигура. Ея наклоненный станъ, окутанный темнымъ ватерпруфомъ, ея тонкое, нѣжное и блѣдное лицо, ея рука, подпиравшая изящную маленькую головку, ея большіе, темные, свѣтавшіеся сосредоточеннымъ блескомъ глаза и горестно сжатые губы—все въ этой женщинѣ было выраженіемъ чего-то несказанно жалкаго, страдающаго, погубленнаго. Казалось, неизмѣримая печаль поставила ее здѣсь одну въ пустынномъ

полусвѣтъ ночи, свела эти выразительныя змурья брови и сжала эти губы, блекнуція подъ отравленнымъ дыханіемъ жизни.

Андрей тихо прошелъ мимо нея. Ея взглядъ скользнулъ по немъ и принялъ прежнюю неподвижность. Она какъ будто не имѣла силы оторваться отъ мучительной думы, сжимающей мозгъ, и нарушить состояніе горестнаго одѣвлянія въ которомъ находилась. Можетъ-быть въ этомъ состояніи при-тулялась боль, и она боялась разбередить тайно щемившія раны.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Андрей вдругъ повернулся и нерѣшительно подошелъ къ балкону. У него явилось странное желаніе заговорить съ этою дѣвушкой.

— Позвольте васъ спросить, могу я найти тамъ какую-нибудь гостиницу? обратился онъ къ ней, махнувъ ладкой по направлению по которому шелъ.

Не пошевелившись, дѣвушка опять скользнула по немъ равнодушнымъ взглядомъ и проговорила:

— Не знаю, я здѣсь сегодня первый день.

Андрей тронулъ рукой шляпу и пошелъ дальше. Но до самаго конца улицы онъ все оглядывался, какъ будто эта незнакомая темная фигура, освѣщенная текучимъ мерцаніемъ ночи, овладѣла всѣмъ его вниманіемъ: Пока онъ могъ ее видѣть, она оставалась въ прежней неподвижности на балконѣ, и ему казалось что онъ еще чувствуетъ ся отуманенный скорбный взглядъ и слышитъ ея голосъ, глубокій и тихій.

„Вѣдь это страданіе, мука, вѣдь это начинающаяся смерть“, говорилъ онъ мысленно, переводя словами испытанное имъ жуткое впечатлѣніе.— „Кто она? какая мерзость жизни изломала ее?“

И ему хотѣлось пить.

IV.

Павель Евгеніевичъ всталъ на другой день по обыкновенію довольно поздно. На этотъ разъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ повѣжился бы еще лишній часъ въ своей опрятной постели, потому что день приходилось начинать неприятнымъ объясненіемъ съ матерью по поводу требованій брата. Онъ припоминалъ что Ксенія Михайловна очень неохотно

согласилась на помѣщеніе въ акціяхъ денегъ Андрея, и ожидалъ большаго неудовольствія съ ея стороны по поводу теперешнихъ затрудненій. Но то что ему предстояло оказалось еще гораздо хуже ожиданій. Развернувъ только-что принесенную газету, онъ увидѣлъ что акціи столичной ассенизаціи рухнули на вчерашней биржѣ разомъ на двадцать процентовъ. Такого скачка еще не случалось, и баронъ рѣшительно не былъ къ нему приготовленъ. Онъ даже думалъ не опечатка ли, и бросился къ другой газетѣ. Но бюллетени были совершенно согласны, а въ биржевой хроникѣ пояснялось съ возмутительнымъ равнодушіемъ что столь баналія сераду барона акціи находились въ огромномъ предложеніи и безо всякаго спроса.

Въ вискахъ у Павла Евгеньевича застучало. „Стало-быть конецъ?“ сверкнуло какъ лезвіе ножа въ затуманившемся мозгу. Но это невозможно. Онъ до такой степени былъ увѣренъ въ прочности дѣла, такъ аккуратно получалъ свое директорское жалованье, такъ часто слышалъ похвалы необычайной дѣловитости Карича и Безбѣднаго, что мысль о разстройствѣ затѣяннаго ими предпріятія представлялась ему просто нелѣпостью. Очевидно это—случайность, вызванная общимъ „угнетеннымъ“ состояніемъ биржи и завтра же акціи снова придутъ въ равновѣсіе. Или можетъ-быть тутъ дѣйствуетъ какой-нибудь комплотъ, низкія биржевыя каверзы, которыя необходимо тотчасъ изобличить и обезоружить.

Нѣсколько успокоившійся на этой мысли, но все еще со слѣдами возбужденія на своемъ обыкновенно безстрастномъ лицѣ, баронъ вышелъ въ столовую. Ксенія Михайловна тотчасъ замѣтила что онъ не по себѣ, и такъ какъ вчера носились слухи о неудачной переправѣ черезъ Дунай, причѣмъ будто бы погибло двадцать тысячъ войска, то спросила съ нѣкоторымъ безпокойствомъ:

— А что въ газетахъ?

— Самыя скверныя вѣсти, отвѣтилъ Польш.

— Значить это правда что вчера говорили? встревожилась баронесса.

— Развѣ объ этомъ ужь говорили? переспросилъ Польш.

— Какъ же, даже между прислугой толковали. Будто во время самой переправы Турки взорвали подъ нами мостъ.

— Э, какого чорта мнѣ до какихъ-то тамъ переправъ, лербилъ съ несвойственною ему грубостью Польш.—Пожалуста,

патап, не напоминайте мнѣ объ этой желѣзной войнѣ. Я не могу слышать о ней безъ раздраженія. И вотъ увидите чѣмъ это все кончится, вотъ увидите. Но я говорю про биржу. Вчера предлагали по шестидесяти шести и безъ покупателей.

— Наши акціи? переспросила дрогнувшимъ голосомъ баронесса.

— Я сейчасъ ѣду въ городъ, продолжалъ Поль;—надо серьезно переговорить съ Каричемъ и Безбѣднымъ. Они заинтересованы также какъ я и не должны дремать. Вы слышали что André здѣсь въ Павловскѣ?

Ксенія Михайловна отвѣтила вопросительнымъ взглядомъ.

— Да, онъ пріѣхалъ вчера и воображаетъ что теперь самое удобное время производить раздѣлъ, вынимать его часть и губить окончательно все дѣло, для удовольствія его возлюбленной которая навѣрное подучила его и подослала сюда! объяснилъ съ негодованіемъ Павелъ Евгеніевичъ.—Я счелъ необходимымъ обо всемъ этомъ предупредить васъ, патап. Онъ будетъ съ вами говорить объ этомъ и пожалуста заставьте его понять что это совершенно невозможно.

— Но если онъ будетъ настаивать, я не могу же такъ прямо отказать ему, возразила съ неудовольствіемъ Ксенія Михайловна.—Я всегда говорила что не надо трогать его денегъ.

— Да, теперь разумѣется всѣ будутъ находить что я поступилъ очень дурно, потому что акціи падаютъ, а еслибы стояли по двѣсти, то всѣ удивились бы моей геніальности, возразилъ въ свою очередь баронъ.—Но дѣло не въ томъ, и вамъ надо подумать что если André получить свои деньги то безо всякаго сомнѣнія тотчасъ женится на этой женщинѣ. Ясно что никакой другой цѣли не можетъ быть и что это она подослала его сюда.

Ксенія Михайловна была совершенно такого же мнѣнія и въ смущеніи глядѣла на сына маленькими, расположенными къ слезамъ глазами.

— Чтò же намъ дѣлать, Поль? сказала она, складывая на кончикъ стола украшенныя бирюзой руки.— André— это крестъ мой.

Поль тщательно вытеръ свои красивыя яркія губы, помогъ конецъ салфетки въ водѣ и съ такимъ же вниманіемъ протеръ усы. У него вообще опрятность была доведена до педантизма и поглощала не мало времени.

— Просто откажите, сказалъ онъ—и именно на томъ основаніи что вамъ извѣстна дѣль и что вы никогда не дадите согласія на этотъ бракъ. Скажите что это убьетъ васъ и вообще какъ вы умѣете въ этихъ случаяхъ. Можно наконецъ предложить ему кое-что, если онъ хочетъ покутить. А если онъ обнаружитъ окончательное упрорство, тогда останется тануть всѣми способами, пока я какъ-нибудь устрою дѣло. Я сейчасъ ѣду въ городъ. Призовите на помощь всѣ ваши средства, шапан, надо наконецъ вырвать брата изъ рукъ этой женщины.

Ксенія Михайловна только вздохнула и оставшись одна удалась въ спальную. Тамъ она взяла съ туалетнаго столика сткляночку со спиртомъ, а съ этажерки томъ сочиненій Иннокентія и въ предчувствіи жизненныхъ тревогъ погрузилась въ уединенное чтеніе.

Въ вагонѣ, увозившемъ Павла Евгеніевича въ Петербургъ, вѣдали почти все знакомыя ему лица, генералы, сановники и капиталисты. Ему тѣмъ пріятнѣе было съ ними встрѣтиться что одушевлявшее ихъ настроеніе оказалось вполнѣ совпадающимъ съ его собственными мыслями и чувствами. Говорили о войнѣ и объ „угнетенномъ состояніи биржи“, и именно въ томъ смыслѣ въ какомъ думалъ и говорилъ объ этихъ предметахъ самъ Павелъ Евгеніевичъ.

— Вы мнѣ объясните Бога ради, какая жь тутъ идея? какая идея, я васъ спрашиваю? обращался ко всѣмъ генералъ, не получившій назначенія въ дѣйствующую армію.—Вся наша система заключалась въ томъ что мы осудили въ принципѣ наступательную войну и старались создать территоріальную армію, назначенную для защиты страны отъ непріятельскаго вторженія. И вдругъ когда только что начали обнаруживаться плоды этой системы, мы снаряжаемъ громадную экспедицію за тридевять земель?

— Не имѣя почти никакого финансоваго резерва, добавилъ капиталистъ, сердитый преимущественно за то что не довѣряя до послѣдней минуты рѣшительному обороту дѣлъ, онъ прозѣвалъ первыя и самыя выгодныя комбинаціи промышленно-интендантскаго характера.

— Нѣтъ, главное это группировка державъ, замѣтилъ сановникъ въ очкахъ и съ необыкновенно-тщательно пробритымъ подбородкомъ.—Европа противъ насъ, это ясно. Но въ

такомъ случаѣ я васъ спрашиваю, что же мы можемъ сдѣлать? на что мы можемъ разчитывать?

Другой капиталистъ, только что окончившій изученіе биржеваго бюллетеня, похлопалъ по немъ рукой и сказалъ съ злобною гримасой на обростемъ какою-то рыжею ржавчиной лицѣ:

— А вотъ загляните сюда, тутъ подведены всѣ наши будущіе итоги. Да, да, биржа заранѣе диктуетъ намъ условія мирнаго трактата. Общее банкротство, общее разореніе, остановка на десятки лѣтъ всякаго внутренняго развитія! Вотъ и ваши акціи, баронъ, въ сильномъ пониженіи, добавилъ онъ съ соблѣзновательною улыбкой, обращаясь къ Павлу Евгеньевичу.

Тотъ съ безстрастнымъ видомъ пожалъ плечами.

— Что же можно сдѣлать противъ общей ланики? сказалъ онъ.

Для разговоровъ съ биржевыми людьми онъ уже усвоилъ себѣ дѣловой и нѣсколько скрытый тонъ, который еще раньше плѣнялъ его въ такихъ людяхъ. И хотя на душѣ у него было очень не спокойно и порою какъ вихрь пронеслись предъ нимъ самыя черныя мысли, онъ по всю дорогу сдержанно и кротко говорилъ о наставшихъ для отечества трудныхъ временахъ и о томъ что личныя потери ничто въ сравненіи съ участью ожидающею цѣлую страну.

Съ дебаркадера онъ поѣхалъ прямо къ Каричу и очень обрадовался и вмѣстѣ удивился, заставъ его дома: ему казалось что въ такіе критическіе дни компаніоны его должны метаться какъ угорѣлые или по крайней мѣрѣ непрерывно засѣдать въ правленіи общества. Каричъ, напротивъ, имѣлъ очень спокойный видъ и по случаю жаркаго дня сидѣлъ въ полотняномъ лиджачкѣ и безъ галстука.

— А, милѣйшій баронъ, очень радъ васъ видѣть; привѣтствовалъ онъ его.—Прекрасно у васъ въ Павловскѣ. Я вчера провелъ очень пріятный вечеръ.

— Но сегодня очень дурное утро, по случаю биржевыхъ извѣстій! сказалъ баронъ, сохраняя еще на лицѣ безстрастное выраженіе.

Каричъ оглядѣвъ свою сигару, пыхнулъ изъ нея и поднялъ глаза на барона.

— Да, на биржѣ все повалилось, сказалъ онъ.

— Но вѣдь это ужасно, шестьдесятъ шесть! произнесъ

Поль, желая дать понять что между собой имъ нѣтъ надобности прикидываться финансовыми богами, презрительно и безстрастно взирающими на смятеніе биржеваго Олимпа.

— Ассенизація-то наша? Да, плоховато, согласился Каричъ, и какъ бы въ утѣшеніе прибавилъ:—все, рѣшительно все повалялось, одни металлическіе вверхъ идутъ. И не мудрено. Признаться я даже думалъ что еще хуже будетъ.

— Но вѣдь это временная катастрофа, не правда ли? Я думаю что собственно наши акціи подчиняются только общему настроенію биржи, и затѣмъ довѣріе непремѣнно вернется къ нимъ, потому что самое дѣло поставлено очень солидно, сказалъ баронъ, почти съ увѣренностью взглянувъ на компаніона.

Тотъ сдѣлалъ легкое движеніе плечами.

— Какъ объ этомъ гадать, любезнѣйшій баронъ? отвѣтилъ онъ.—Разумѣется, еслибы вы могли задержать чрезмѣрное предложеніе акцій въ продажу, сдѣлать при помощи свѣжаго капитала значительную диверсію... Но теперь капиталы прячутся, вотъ бѣда-то!

Баронъ чувствовалъ какъ кровь прилиwała ему къ головѣ. Больше всего ему было непріятно и странно что Каричъ говорилъ объ ихъ общемъ дѣлѣ какъ о чемъ-то совершенно постороннемъ. Какъ бы онъ ни былъ богатъ, но угрожавшая имъ всѣмъ потеря не могла не быть для него чувствительна, и показывать будто онъ о ней и думать не хочетъ представлялось барону крайнимъ нахальствомъ.

— Но вы сами, Яковъ Алексѣевичъ, развѣ не предполагаете бороться съ пониженіемъ? Вѣдь вы скорѣе меня нашли бы свѣжіе капиталы! сказалъ онъ.

Каричъ задумчиво провелъ рукой по бородѣ.

— Я, признаться, заинтересованъ теперь нѣкоторыми другими соображеніями... знаете, война, подряды... вашихъ-то акцій осталось у меня самое ничтожное количество, только для голоса... отвѣтилъ онъ, вперивъ свои умные глаза въ уголъ комнаты.

Баронъ привскочилъ въ креслѣ.

— Какъ самое ничтожное количество? куда жъ вы ихъ дѣвали? воскликнулъ онъ.

— Продалъ, всё продалъ. Какъ поднялись шибко, я и продалъ, съ тою же задумчивою улыбкой объяснилъ Каричъ.

Лицо барона выразило злобное остоленіе. Теперь ему

ясно стало почему Каричъ такъ спокоенъ и почему вчера у Луховецкихъ, безъ сомнѣннй зная уже о результатахъ биржи, онъ ни слова не сказалъ ему. Самое паденiе акцiй объяснялось какъ нельзя лучше тѣмъ что Каричъ разомъ продалъ свою часть. Все это походило на измѣну, на предательство. Баронъ чувствовалъ какъ кровь все сильнѣе прилиwała къ головѣ и словно расплавленный свинецъ текла по жиламъ.

— Вы поступили очень... предусмотрительно, проговорилъ онъ съ судорожнымъ подергиваньемъ губъ.

Каричъ лыкнулъ изъ сигары и посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— У меня система никогда долго не задерживаться на одномъ дѣлѣ, сказалъ онъ;—я вырабатываю идею, организую, даю ходъ и затѣмъ тотчасъ извлекаю капиталъ. По-моему это хорошая система.

— Сожалѣю что не зналъ о ней раньше, проштѣлъ баронъ.—Стало-быть вамъ до насъ теперь нѣтъ никакого дѣла?

— Откровенно говоря, живаго интереса я уже не имѣю, но такъ какъ я все еще членъ правленiя, то разумѣется вы можете на меня разчитывать, отвѣтилъ капиталистъ.—Но мое мнѣнiе такое что при нынѣшнихъ затрудненiяхъ дѣлу ничѣмъ нельзя помочь, и надо терпѣливо ждать. Терпѣнiе, любезнѣйшiй баронъ! Посмотримъ что скажетъ завтрашняя биржа, а тамъ если угодно лотокуемъ еще. Мы вкстати весьма желательно было бы заручиться вашимъ сочувствiемъ по одной совершенно новенькой комбинацiи...

Павель Евгениевичъ поднялъ глаза, какъ бы желая удостовѣриться не смѣется ли надъ нимъ его бывшiй компанiонъ? Но лицо Карича ничего не выражало кромѣ приятной задумчивости, навѣянной вѣроятно „совершенно новенькою комбинацiей“.

Еслибы баронъ всею своею жизнью не воспиталъ въ себѣ чрезвычайной сдержанности, онъ можетъ-быть выразилъ бы неудобнымъ для Карича образомъ волновавшiя его чувства. Но мысль о скандалѣ была для него почти также страшна какъ и мысль о разоренiи; къ тому же разрывать окончательно съ опытнымъ капиталистомъ въ такое тяжелое время было рисковано. Онъ холодно простился съ нимъ и похвѣлъ къ Безбѣдному, на котораго возлагалъ свои послѣднiя надежды.

Но чтобы возстановить нарушенную послѣдовательность нашего разказа, мы должны на короткое время проститься съ барокомъ и познакомить читателя съ нѣкоторыми переживаньями, коснувшимися другихъ дѣйствующихъ лицъ этой правдивой исторіи.

V.

Мы оставили Липочку въ трудную и горестную минуту ея жизни, когда, оскорбленная и униженная, извѣрившаяся въ себя и въ томъ кого любила, извѣрившаяся можетъ-быть въ самой жизни, въ ея смыслѣ и правдѣ, она замомила руки и бросила сквозь стиснутыя скорбью губы эти простые и страшныя слова:

— О, будьте вы прокляты!

И затѣмъ въ темнотѣ и тѣснотѣ кареты настало странное молчаніе, какъ будто эти слова одинаково поразили ту которая произнесла ихъ и того къ кому они были обращены.

Необычное волненіе овладѣло Безбѣднымъ. Казалось трепеть коснулся его совѣсти, и какой-то кровавый туманъ, полный непонятной угрозы, сталъ между нимъ и Липочкой и заволокъ его счастье, его торжество... Тѣнь пробѣжала по его яснымъ глазамъ и тронула улыбавшіеся углы губъ. Съ чувствомъ непріятной тревоги онъ отнял горячія руки Липочки отъ ея почти помертвѣвшаго лица.

— Ради Бога, что ты съ собой дѣлаешь! Развѣ можно такъ мучить себя! Ну, я никогда не буду. Еслибъ я зналъ что ты это такъ примешь, что эти лустяки могутъ такъ подѣйствовать, я ни за что не повезъ бы тебя. Успокойся же, полно. Ты послѣ сама будешь смѣяться надъ своею впечатлительностью—говорилъ онъ, касаясь рукой ея разстроенныхъ волосъ и ощущая угрызения какого-то червяка, безлокобно колошившагося у него въ сердцѣ, въ томъ углу, гдѣ онъ не привыкъ что-нибудь чувствовать.

Липочка, прижавшись вискомъ къ холодной сафьянной обивкѣ кареты, не плакала и не отвѣчала. Только слабый трепеть холодкомъ пробѣгалъ по ея горѣвшему тѣлу, и эта не разрѣшившаяся слезами мука душила ее какъ затянутае у горла летая.

— Отвезите меня домой, сказала она.

— Но мы ужъ пріѣхали ко мнѣ, зажди хоть не надолго, я

не могу оставить тебя въ такомъ положеніи, возразилъ Безбѣдный, отворяя дверцу кареты.

Лилочка безо всякаго опредѣленнаго выраженія взглянула на него и оперлась на его руку. Въ самомъ дѣлѣ было все равно—ѣхать ли домой или зайти къ нему. Она чувствовала такую страшную усталость что хотѣлось поскорѣе подчиниться рукѣ которая вела ее. Въ передней она сбросила свою великолѣпную ротонду и со страннымъ любопытствомъ взглянула на себя въ зеркало. Разстроенные волосы, въ которыхъ запуталось сломанное перо отъ шляпки, помертвѣлая блѣдность кожи, бирюза и брилліанты, и глаза блиставшіе такимъ же какъ брилліанты неживымъ и яркимъ блескомъ... она глядѣла и не узнавала себя. „Парижанка!“ припомнила она и испугалась злой улыбки, исказившей при этомъ воспоминаніи ея губы.

— Чай подай въ кабинетъ, и поскорѣй, приказалъ Безбѣдный Авениру.

Лилочка сняла шляпку и съ ощущеніемъ неломѣрной усталости во всѣхъ членахъ опустилась на оттоманку. Глаза ея печально обошли комнату. Все было то же, и однако она неотразимо чувствовала что не было самаго главнаго, озаряющаго жизнь: не было иллюзіи. „Да, этого ужь нѣтъ. Я опять здѣсь, и опять люблю его, и опять онъ будетъ цѣловать мои руки и говорить о своей страстной любви, но я никогда не буду его женой, и нѣтъ такой силы которая вернула бы прошлое. Нечѣмъ и незачѣмъ бороться, и нѣтъ моей власти надо мною, надъ моею жизнью, надъ моимъ чувствомъ.“

Авениръ внесъ чай. Безбѣдный поспѣшно взялъ съ подноса чашку и подаль Лилочкѣ.

— Это отлично дѣйствуетъ на нервы. Выпейте, вы увидите какъ сразу усложнитесь.

Она медленно подняла на него глаза.

— Въ самомъ дѣлѣ, нервы у меня никуда не годятся, сказала она, глотая съ ложечки горячій чай. Зачѣмъ вы меня повезли туда? Развѣ вамъ хочется чтобъ я была такая же?

Вопросъ былъ предложенъ такъ спокойно какъ будто она рѣзала ножомъ не свое, а чужое мертвое тѣло. Безбѣдный внутренно вздрогнулъ.

— Какъ ты на все смотришь! сказалъ онъ отворачиваясь и пожимая плечами.

И такъ какъ необычное ощущеніе, производимое угрызе-

нѣмъ тайно колошнвшагося червячка, дѣйствовало на него съ неприятною раздражнтельностью, то онъ добавилъ:

— Я не подозрѣвалъ что ты страдаешь такою щепетильностью. Я думалъ что если ты предоставила свободу своему чувству, то значнтъ предрасудки не имѣютъ надъ тобою силы, и ты смотришь на вещи одинаково со мною. А я никогда не смотрѣлъ съ мѣщанской точки зрѣння. О, я знаю какъ ненавистна моя точка зрѣння. Фарисеи любили бы меня камнями еслибы мы жили въ библейскня времена. Но я не ождаалъ услышать проклятня отъ той которую считалъ своею подругой не только по чувству, но и по идеѣ, которой я поклонялся какъ независимой и свободной женской натурѣ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру, оправаяясь и трогая рукой свои золотистые волосы. Эта созданная внезапно вдохновеннемъ роль носителя свободной идеи, ненавнлимаго мытарями и фарисеями, прнятнымъ образомъ щекотала его возбужденные нервы.

Лилочка выпила еще нѣсколько глотковъ чаю и оттолкнула чашку. Она чувствовала боль въ спннѣ, такъ что ей тяжело было сидѣть прямо, и подвинулась въ глубину дивана чтобы прислониться къ подушкѣ. Она молчала, неопредѣленно глядя на лестрый коверъ, по которому безлокойно переступали его ноги, и черты лица ея прнняли какое-то новое, ослабѣвшее выраженне.

Безбѣдный подошелъ къ бюро, взглянулъ на полученныя въ его отсутствне письма, и не распечатывая ихъ повернулся къ Лилочкѣ. Она сдѣлала ему знакъ рукой.

— Ты часто бываешь въ этомъ ресторанѣ, гдѣ мы были? тебѣ нравится тамъ? спросила она, когда онъ подошелъ и сталъ однимъ кофнномъ на низенькой оттоманкѣ.

— Часто мнѣ некогда тамъ бывать, но ты видѣла что тамъ никому не было скучно, отвѣтилъ Безбѣдный.—Только я же знаю зачѣмъ ты объ этомъ спрашиваешь? по твоему лицу видно что ты думаешь совсѣмъ о другомъ.

— Нѣтъ, я хочу знать. Вѣдь это все совершенно ново для меня. Ты нарочно сначала купила мнѣ эти брилланты и эти наряды чтобы я была тамъ также роскошно одѣта какъ другня?

— Мнѣ хотѣлось сдѣлать тебѣ удовольствне. Всѣ женщины любятъ наряды, я не зналъ что тебѣ это не понравится.

— Вѣдь было бы очень странно еслибъ я явилась туда

такъ какъ я всегда хожу? продолжала Липочка, глядя на него остывшими, тихими глазами.

— Разумѣется было бы странно.

— Ты бы сравнивалъ меня съ другими и находилъ бы что онѣ наряднѣе и изящнѣе меня и, главное, веселѣе и интереснѣе.... Тебѣ было непріятно что я сидѣла такая смущенная, не умѣла ни говорить, ни смѣяться?

— Къ чему всѣ эти вопросы? пожалъ плечами Безбѣдный.

— Нѣтъ, скажи, настаивала Липочка.— Я хочу знать, будешь ли ты больше любить меня если всѣ станутъ восхищаться моими туалетами, моею красотой и смѣлостью, если будутъ говорить что я.... настоящая Парижанка? Если тебѣ станутъ завидовать въ этомъ какъ во всемъ другомъ?

Она вдругъ наклонилась и схватившись за него руками заплакала навзрыдъ. Крульные, жаркія слезы текли и текли, и все тѣло ея порывисто вздрагивало и билось.

— Оставь, дай мнѣ плакать! не обращай пожалуста на меня вниманія! говорила она, то отталкивая его, то сжимая ему руку въ своей горячей рукѣ.— Я знаю что это я въ послѣдній разъ такъ плачу.

— Но о чемъ? о чемъ? неужели этотъ несчастный обѣдъ такъ разстроилъ тебя? повторялъ совсѣмъ растерявшійся Безбѣдный.

Онъ терпѣть не могъ женскихъ слезъ и обыкновенно онѣ заставляли его хмуриться и раздражаться. Но на этотъ разъ такая боль, такая мука и страсть слышались въ рыданіяхъ Липочки что ему становилось жутко. Ему казалось что онъ не можетъ уйти отъ охватившаго ее тремета, и что одинъ и тотъ же зловѣщій порывъ мететь и бѣгать ихъ обоихъ, какъ буря бѣгать мачту вмѣстѣ съ повисшимъ на ней ларусомъ.

— О чемъ ты такъ плачешь? о чемъ? повторялъ онъ въ смятеніи.

Липочка подняла голову и горячими мокрыми пальцами отбросила улавшіе на лицо волосы.

— Ахъ, не знаю. Только я чувствую что здѣсь меня душишь, душишь! сказала она, хватаясь руками за грудь.— Послушай, Евгенийъ, я хочу тебя спросить.... Подойди ближе, сядь подлѣ меня. Не сердись за тѣ мои слова, вѣдь я проклинала не тебя, я проклинала что-то злое и подлое, тяготящее надъ тобою, надъ мною, надъ цѣлою жизнью. Ахъ, это было такъ мучительно. Но послушай что я хочу сказать. Вѣдь ты

отнялъ у меня все, все. Я говорю не о томъ времени когда я жила въ Т*—Богъ съ нею, съ тою жизнью, я не жалюу о ней. Я пришла къ тебѣ, потому что мнѣ невозможно было оставаться тамъ безъ тебя, послѣ того какъ ты разбудилъ мою мысль, мое чувство—и что же, Евгений? Я не могу вернуться къ прежнему, а у будущаго ты все, все безжалостно отнялъ. И куда ты ведешь меня—я не знаю.

Безбѣдный взглянулъ на нее и отвернулся.

— Туда куда я самъ иду, сказалъ онъ хмурясь.

— Но куда, куда? повторила Лялочка.

— Онъ продолжалъ глядѣть мимо нея въ пустоту слабо освѣщеннаго кабинета. Она въ волненіи потянула его за руку.

— Скажи мнѣ, Евгений, искренно и ясно, какія у тебя оковчательныя цѣли? Чего ты ждешь впереди для себя и для меня? Къ чему ты стремишься, на какой идеалъ ты можешь указать для насъ обоихъ? Я это спрашиваю потому что въ послѣднее время много думала о тебѣ и на многое не могла найти отвѣта. Тамъ, въ Т*, ты былъ ясное для меня. Я понимала что ты презираешь жизнь полную неправды и зла, что ты раздѣляешь лучшія стремленія нашего поколѣнія. Евгений, ты забылъ объ этомъ? Ты сталъ мало думать о томъ что прежде всего облизало насъ. Мнѣ иногда кажется что эти дѣловыя заботы, эта роскошь, эти деньги которыя сыплются къ тебѣ, эти Баричи, эти лауты съ которыми ты имѣешь какіе-то общіе интересы и для которыхъ я.... я должна была надѣть эти несчастные бриллианты, потому что безъ нихъ они не уважаютъ женщины.... мнѣ иногда кажется что все это образовало вокругъ тебя какую-то опасную лаутину....

Безбѣдный всталъ и нервною походкой прошелся по ковру.

— Я могъ бы тоже предложить тебѣ нѣсколько вопросовъ.... сказалъ онъ.—Я могъ бы спросить, не ты ли говорила что никогда гаулые общественныя предразсудки не будутъ имѣть власти надъ тобой, что ты ненавидишь буржуазную мораль, что ты ищешь свободы и свободнаго, страстнаго счастья, что опираясь на мою руку ты чувствуешь въ себѣ силу бросить вызовъ всему что лутаетъ, опоняетъ, обеззакониваетъ жизнь.... О, мало ли что тогда говорилось! Я и не воображаю упрекать. То были слова, а я не много цѣню слова. Я дѣйствую. Да, я дѣйствую, я выражаю дѣломъ то что такъ дорого тебѣ на словахъ. Я вошелъ въ жизнь и несусь по самой срединѣ большаго теченія, подгоняя другихъ, подливая

масла въ этотъ огонь который все пожретъ. Развѣ ты не понимаешь этого? Пересоздать общество, повернуть его въ сторону добродѣтели и правды—пустая мечта; но можно подождать его на томъ пути по которому оно стремится, и оно скоро рухнетъ. А тебя смущаетъ что за обѣдомъ какія-то Француженки лищали и что Каричъ поилъ тебя шампанскимъ.... закончилъ онъ почти весело, и повернулся къ Липочкѣ.

— Ты хочешь сказать что чѣмъ хуже тѣмъ лучше? отозвалась она, и въ ея темныхъ глазахъ блеснуло что-то злое.

— Чѣмъ хуже тѣмъ лучше, выразительно и съ явнымъ удовольствіемъ повторилъ Безбѣдный.—Ты думаешь эти Каричи, Духовецкіе, эти вивѣры собирающіеся „на салатъ“ къ madame Вермисель, эти залравители большой и малой биржи, эти луты, рысачники, развратники — ты думаешь что все это ненужные, лишніе, вредные люди? Ошибаешься, безъ нихъ мы саишкомъ долго топтались бы на одномъ мѣстѣ. Они нужны намъ какъ масло для лампы, какъ уголь для паровой машины. Они хлещутъ какъ бичъ по вялому общественному тѣлу и гонятъ глупое и лохотливое стадо къ кручѣ въ которую оно ухнетъ. И тогда....

— Что тогда? перепросила Липочка.

— Тогда улыбаются тѣ кто дальше видятъ, закаючилъ Безбѣдный, и вставъ со стола хмыстикъ, стегнулъ имъ по салогамъ.

Липочка молча глядя на него, съ недоувѣрчивымъ видомъ качая головой. Она въ первый разъ слышала отъ него такіа вещи, въ первый разъ подъ такимъ неожиданнымъ угломъ зрѣнія являлся ей радикализмъ молодого адвоката, лѣтывшій ее еще въ Т^т. Можетъ-быть она была бы расположена найти въ этихъ загадкахъ форму для своего собственнаго недозвольнаго и загаго чувства, но въ красивомъ и здоровомъ лицѣ Безбѣднаго, во всемъ что она научилась понимать и замѣчать въ немъ, сказывалось что-то совсѣмъ не отвѣчавшее этой формулѣ и заставлявшее ее съ недоувѣріемъ относиться къ тому что она слышала. „Нѣтъ, нѣтъ, не оттого онъ такъ любить эту жизнь, не оттого!“ думала она съ тоской.

Безбѣдный бросилъ хмысть и сѣлъ податъ нея на оттоманкѣ.

— Теперь ты не будешь спрашивать куда я иду, куда я веду тебя? сказала она, улыбаясь возбужденными глазами.

Она съ прежнимъ выраженіемъ скорбнаго раздумья покачала головой.

— Не знаю, молвила она.—Я шла куда вело меня твое чувство ко мнѣ, и пока я вѣрю.... пока я могу вѣрить этому чувству.... Евгений, ты въ самомъ дѣлѣ, ты искренно и горячо любишь меня?

Онъ вмѣсто отвѣта только улыбулся и близко заглянулъ ей въ лицо все такими же возбужденными, ясными глазами.

— Ты меня любишь не такъ какъ бы я хотѣла... Но что же дѣлать? Люби меня по-своему, лишь бы это было горячее, искреннее чувство—продолжала Лилочка, мигая и отворачиваясь отъ его страстнаго взгляда.—Мнѣ иногда приходитъ въ голову что я для тебя очень скучная обуза, что меня нельзя любить долго и очень. У меня всегда такія горькія мысли, я могу тоску нагнать. Когда я объ этомъ думаю, я такъ мучительно завидую другимъ женщинамъ... Евгений, тебѣ бываетъ скучно со мною?

— Перестань пожалуста, сказалъ Безбѣдный.

— Ну, если не скучно то все-таки ты долженъ сознавать что во мнѣ нѣтъ этой подвижности, этого легкомысленнаго смѣха, этихъ искръ которыми привлекають другія женщины. Я даже одѣться какъ слѣдуетъ не умѣю... Но вѣдь я со всѣмъ не видала вашего свѣта, я дичокъ. А знаешь, этотъ господишь, что сидѣлъ лодкѣ меня за обѣдомъ, принялъ меня за Парижанку!

— Потому что сегодня ты въ самомъ дѣлѣ была очаровательна и еслибы не твой нахмуренный видъ, то ты произвела бы такой фуроръ что весь Петербургъ завтра говорилъ бы о тебѣ! подхватилъ Безбѣдный.

— Но развѣ ты хотѣлъ бы чтобы весь Петербургъ говорилъ обо мнѣ? какъ будто даже удивилась Лилочка.

— Да, хотѣлъ бы, отвѣтилъ съ невольною заливкой Безбѣдный.—Разумѣется хотѣлъ бы. Вѣдь ты рада когда кричать о моей рѣчи въ судѣ, когда мое имя во всѣхъ газетахъ, когда разные важные господа слѣшать ложать мнѣ руку? Ну и если будутъ кричать о твоей красотѣ, о твоёмъ талантѣ, если я буду знать что гдѣ бы ты ни явилась, всѣ другія женщины должны уступить твоему изяществу—я тоже буду радъ, безконечно радъ, потому что безъ самолюбія нѣтъ любви, а я тебя люблю. Пусть это будетъ тщеславіе, эгоизмъ, все что хочешь, но я откровенно скажу тебѣ что мнѣ пріятно возбуждать зависть, дразнить чужое самолюбіе и быть первымъ во всемъ въ чемъ я могу быть первымъ! Вотъ, моя

дорогая, въ какихъ слабостяхъ я сознаюсь передъ тобой, добавляя оны улыбаясь.—Можетъ-быть ты меня меньше будешь любить послѣ этого?

Липочка неопредѣленно поѣжилась плечами и улыбнулась раздумчивою улыбкой.

VI.

Василій Петровичъ, когда Липочка показала ему подарки Безбѣднаго, похвалилъ ихъ за вкусъ, но по раздвинувшейся по лицу его краскѣ нельзя было не догадаться что ему все это чрезвычайно не понравилось.

— Евгений Саввичъ, конечно; человекъ богатый, деньги лопатою швыряетъ, но при нашихъ собственно недостаткахъ... несообразно, несообразно это какъ-то! сказалъ оны, со сконфуженнымъ видомъ трогая свой сѣдинякій хохолокъ.—Кабы я жилъ по-новѣйшему, на фу-фу, нашлось бы можетъ-быть и у меня чтобы въ шелки да въ брилліанты разодѣть тебя, но только я всегда такъ судилъ что для бѣдной дѣвушки неприлично это, неприлично. Въ нашемъ положеніи надо привыкать ко скромности да къ простотѣ, да къ бережливости, потому каждая колѣвка у насъ трудовая. По-моему бѣдной дѣвушкѣ въ такихъ нарядахъ и показаться нельзя, потому что какъ же объ этомъ должны подумать? Соблазнительно это очень, очень соблазнительно.

Липочка ничего не хотѣла возразить и только сдвинула свои темныя брови и ушла къ себѣ въ комнату. Она почувствовала что съ отцомъ у нея будутъ теперь постоянныя столкновения, и что ея ложное положеніе больше всего ложно у себя дома. Но развѣ отъ нея зависѣло сбросить эту ложь и вернуться къ прямымъ путямъ жизни? Еще недавно ей казалось что нѣтъ такого положенія въ которомъ нельзя было бы бороться, что можно жить, затаивъ глубоко навесенную обиду... Да, жить можно, но какою жизнью!

Съ чувствомъ щемящей боли она пристала къ окну и сжавъ виски глядѣла полными внутренняго мрака глазами на противоположную стѣну дома, на которой ярко играло солнце. Неразрѣшенныя, горькія мысли колошанились у нея въ мозгу. Она думала о томъ что было вчера, что будетъ сегодня и завтра, и все что она думала было противно и логично

невѣроятно и не подвигало какой-то роковой точки на которой нестерпимо остановилась жизнь. Хоть бы какъ-нибудь, чѣмъ-нибудь столкнуть ее!

Она съ раздраженіемъ прислушивалась къ шагамъ отца, колошавшагося то въ гостиной, то у себя въ спальнѣ. Въ минуты такого напряженія какое она переживала, нервы становятся необычайно чутки и получаютъ способность заражаться чужимъ впечатлѣніемъ. Тоскливое безлокойство отца, которое она угадывала въ каждомъ его движеніи, сообщалось ей и усиливало накопившуюся, глухую злобу. Какою глупостью представлялось ей теперь—искать спасенія въ этой „налаженной“ жизни, въ чистенькой квартиркѣ со старикомъ-отцомъ и съ дешевенькимъ пианино, съ сомнительною перспективой карьеры, достигаемой казеннымъ курсомъ консерваторіи... Но когда она снова слышала за стѣной безтолковое шмыганье отца, къ этой злобѣ примѣшивалось такое щемящее, больное чувство что ей хотѣлось плакать—плакать горячими, честными слезами...

Василій Петровичъ, въ десятый разъ передвинувъ лампу, за которую все боялся что ее какъ-нибудь толкнуть, и рѣшительно не находя себѣ ни мѣста ни дѣла, пріотворилъ наконецъ дверь въ комнату дочери.

— А что, развѣ сегодня ты не собираешься въ свою консерваторію? спросилъ онъ, скользнувъ озабоченнымъ взглядомъ по мрачному лицу ея.

— Нѣтъ, не пойду, отвѣтила Липочка.

— Не здоровится можетъ-быть, а? Ты что-то невесело выглядишь нынче, продолжалъ старикъ, подойдя къ ней и касаясь рукой ея холоднаго лба.

— Нѣтъ я здорова, но я убѣдилась что въ консерваторію нельзя много услѣть. Я буду брать частные уроки, отвѣтила Липочка.

Василій Петровичъ очень удивился и смутился.

— Какъ же такъ частные уроки? Могутъ ли частные уроки замѣнить консерваторію? Вѣдь это одно пустое своевольство, больше ничего, сказалъ онъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

Липочка только пожала плечами.

— Это Евгенийъ Саввичъ тебѣ такъ посовѣтовалъ? спросилъ Василій Петровичъ.

— Да, онъ давно уже настаиваетъ. Вѣдь изъ насъ троихъ

онъ больше всѣхъ знаетъ и понимаетъ въ этомъ, отвѣтила съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ Лилочка.

— Значить ты ни аттестата, ничего такого не будешь имѣть? чему учитель вздумаетъ учить, тому и будешь учиться? удивился отецъ.

— Буду учиться чему надо, объяснила Лилочка.

Василій Петровичъ потрогалъ коврикъ на столѣ и поправилъ полы своего халатика.

— Гм, не знаю. Не знаю, не понимаю я какъ-то этого твоего намѣренія! сказалъ онъ.—Поступила ты было въ консерваторію—ну это понятно и похвально, потому что заведеніе основано правительствомъ для высшаго музыкальнаго образованія. Музыкальный университетъ такъ-сказать. А теперь вдругъ бросаешь для какихъ-то тамъ частныхъ уроковъ. Удивляюсь, какъ Евгенийъ Саввичъ при его разсудительности могъ посоветовать. Да чай и дорого они обойдутся, частные-то уроки?

— Не дороже, потому что гораздо скорѣе выучусь, возразила Лилочка.

— Что жъ выучишься? кто это будетъ знать что ты выучилась? Ни аттестата, ни свидѣтельства какого-нибудь—такъ, никакого слѣда! безпокоился все объ одномъ Василій Петровичъ.

Лилочка не отвѣчала. Онъ пожевалъ губами, поправилъ халатикъ и обвелъ комнату разбѣгающимся, тоскливымъ взглядомъ.

— Боюсь я, боюсь... сказалъ онъ.—Своеволие какое-то: какъ бы съ нимъ того... до забвенія не дойти бы...

Лилочка только дернула плечомъ. Ее душилъ новый приливъ злобы—злобы на всю сложившуюся лутавицу жизни, на себя, на старика-отца, который говоритъ какія-то противныя тулыя слова, когда она вся изнемогаетъ отъ потребности чего-то могучаго, смѣлаго и властнаго, что какъ бичъ хлестнуло бы по ея усталому существованію...

Предъ обѣдомъ явился Ермолай съ коляской и запиской. Безбѣдный приглашалъ вѣхать кататься на *pointe* и обѣдать на островахъ, такъ какъ погода очень хороша и въ городѣ становится душно. Онъ прибавлялъ что надѣется совершенно загладить непріятное впечатлѣніе вчерашняго обѣда, и что коляска будетъ ждать пока она сдѣлаетъ свой туалетъ.

Липочка повертѣла въ рукѣ записку, рѣшила что не пойдетъ и взяла листокъ бумаги чтобы написать нѣсколько словъ въ отвѣтъ. Лицо ея хмурилось и улыбалось и чуть-чуть горѣло. Садясь къ столику она опять взглянула на противоположную сторону дома, на которой такъ ярко играло солнце. Коляска стояла во дворѣ, предъ самымъ окномъ и сверкала серебромъ и свѣжимъ лакомъ. Лошади пофыркивали и вздрагивали тонкими жилками, рѣзко обозначавшимися подъ лоснящеюся шерстью. Ермолай узналъ Липочку въ окно и улыбаясь снялъ обѣими руками шляпу, такую же лоснящуюся и щеголеватую какъ коляска и упряжь.

Липочка вдругъ открыла форточку, крикнула Ермолаю: „а сейчасъ!“ и спустивъ штору стада послѣшно одѣваться.

Василій Петровичъ моача взглянулъ на нее, когда она, нарядная и странно оживленная, прошла черезъ гостиную.

— Евгений Саввичъ прислалъ за мной чтобъ ѣхать на острова. Погода очень хороша, сказала она.

Старикъ только пожевалъ губами и почувствовавъ что отъ прилива крови у него какъ будто начинается шумѣть въ головѣ, махнулъ рукой.

Авениръ, встрѣтившій Липочку, объяснилъ что Евгений Саввичъ на дворѣ, потому что сегодня въ первый разъ закладываютъ новый американскій шарабанъ, такъ надо поглядѣть.

— Семень за грума будетъ, прибавилъ онъ не то съ презрѣніемъ, не то съ нѣкоторою даже завистью.

Безбѣдный дѣйствительно взялъ у каретника тотъ самый шарабанъ о которомъ Ермолай докладывалъ ему въ началѣ этой исторіи, купилъ пару небольшихъ рѣзвыхъ лошадокъ и заказалъ для втораго лакея костюмъ грума. Сегодня все это онъ собирался испробовать и показать фешенебельной публикѣ на роинте вмѣстѣ съ красотой и молодостью Липочки и ея новыми брилліантами. Поэтому онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа и помахивая хлыстикомъ похаживалъ предъ сараемъ, гдѣ Семень съ конюхомъ возидись около лошадей и шарабана. Увидя вѣзжавшую во дворъ коляску, онъ весело крикнулъ Ермолаю:

— Привезъ?

— Точно такъ, отвѣтилъ тоже весело Ермолай, слрыгивая съ козелъ.

— Скорѣй же! крикнулъ Безбѣдный Семену, и большими шагами направился по черной лѣстницѣ въ комнаты.

Дѣло не обошлось однакоже безъ маленькой непріятности: когда стали садиться, оказалось что Семень по глупости и излишнему усердію вычистилъ ваксой свои англійскія желтой кожи ботфорты, чѣмъ значительно нарушился стиль его облаченія. Безбѣдный разозлился и чуть не отвалилъ хлыстомъ злополучнаго жокея. Досталось кстати и Авениру—зачѣмъ не доглядѣлъ за нимъ.

— Помилуйте, гдѣ же мнѣ каждого дурака выучить! Какъ онъ есть безо всякаго образованія человѣкъ, такъ при томъ и останется, оправдывался образованный Авениръ.

— Хорошо ли вамъ сидѣть? обратился Безбѣдный къ Лупочкѣ, подбирая вожжи.

— Мнѣ хорошо, отвѣтила она.

Ей въ самомъ дѣлѣ весело показалось чувствовать себя въ этомъ щегольскомъ шарабанѣ, едва покачивавшемся на своихъ американскихъ рессорахъ, и слѣдить за быстрыми оборотами высокихъ тонкихъ колесъ и дробнымъ бѣгомъ лошадокъ. Она соглашалась что жизнь какую ведетъ Безбѣдный очень пріятная жизнь, и что онъ имѣетъ право отстаивать свои вкусы, привычки и взгляды. Среди такой жизни нельзя долго любить печальное, недовольное, занятое своимъ горестными заботами женское лицо. Серіозные запросы къ жизни, тоска по потеряннымъ прямымъ путямъ ея должны раздражать среди этой обстановки, требующей изящнаго, габкаго и податливаго легкомыслія.

На „стрѣлкѣ“ цѣлая вереница экипажей медленно тянулась по широкой аллеѣ. Весь элегантнѣйшій, праздничный, сытый и жадный Петербургъ, всѣ герои и героини хищной эксплуатаціи, житейской гастрономіи и безпечальнаго прожиганія молодыхъ и старческихъ силъ, собирается сюда въ солнечные майскіе дни чтобъ еще разъ показать себя предъ отлетомъ на дачи, на воды, на морскія купанья. Безбѣдный то и дѣло раскланивался со знакомыми. Тутъ были и Каричъ съ дочерью и съ m-me Олжанской въ великолѣпномъ, длинномъ и легкомъ какъ корабликъ ландо; и Кокдъ Луховецкій съ женой въ такомъ же, но еще болѣе шикарномъ ландо, съ негромъ на козлахъ; и мужъ m-me Олжанской, разостлавшій въ извожничьей коляскѣ свое на красной подкладкѣ пальто; и Безруковы; и баронесса Ксенія Михайловна съ барономъ

Подемъ и Диною Ловацкой; и всѣ тѣ кого Липочка видѣла вчера за табльдотомъ m-me Вермисель; и десятки другихъ молодыхъ и старыхъ, красивыхъ, безобразныхъ, сытыхъ, жадныхъ, гущихъ и обманутыхъ лицъ, какія обыкновенно толкуются на армаркѣ петербургскаго тщеславія.

Поравнявшись съ экипажемъ Карича, Безбѣдный остановилъ своихъ лошадокъ.

— Какъ вы находите? отнесся онъ къ Олжанской.

— Прелестъ! похвалила она, и перегнувшись пожала руки ему и Липочкѣ.—Но вы, ma chère, просто не узнаваемы, прибавила она, люболытнымъ взглядомъ знатока окинуть нарядъ и брилліанты своей недавней protégée.

Липочка чуть-чуть вслыхнула—она залодозрила намекъ въ словахъ Олжанской, но именно потому что краска обожгла ей лицо, она заставила себя улыбнуться спокойною и смѣлою улыбкой.

— Вы не хотите сказать что я подурнѣла? отозвалась она смѣясь.

— О, напротив! послѣшила отвѣтить Олжанская, и тотчасъ обратилась къ Безбѣдному:

— Вы видѣли моего мужа? онъ здѣсь.

— И она тоже здѣсь, сказалъ со значительною улыбкой Безбѣдный.

— Кто она?

Адвокатъ указалъ глазами на красивую, но явно подрисованную даму, медленно проѣзжавшую мимо нихъ въ коляскѣ. Олжанская оглядѣла ее въ лорнетъ и пожала плечами.

— Кто это такая? спросила она.

— Очень важная особа въ томъ дѣлѣ которое вы мнѣ доверили, отвѣтилъ адвокатъ;—она будетъ давать показаніе въ конспекторіи.

— А! сказала Олжанская, слегка вслыхнувъ;—значитъ вы торопитесь?

— А развѣ вы передумали?

— О нѣтъ, протянула Софья Александровна и оглянулась на Карича, который въ это время изъ-за ея плеча разговаривалъ съ Липочкой и пожиралъ ее своими жирными глазами.

— Отчего мы не ѣдимъ въ такомъ шарбанѣ, лалѣ? это очень весело, сказала m-lle Аннетъ.

Она сначала была какъ будто озадачена тѣмъ что

Безбѣдный остановился около нихъ со „своею дамой“, и даже отвернулась съ маленькою презрительною гримаской на хо-рошенькихъ губкахъ, но потомъ нашла что это очень занимательно и рѣшилась заговорить.

— Евгений Саввичъ, вы должны когда-нибудь прокатить насъ съ Софьей Александровной, добавила она своимъ балованнымъ тономъ.

— Къ вашимъ услугамъ, поклонился Безбѣдный, и повернувшись къ Каричу кивнулъ на ту самую даму о которой сейчасъ говорилъ съ Олжанской.

— Дорогонько-таки хочеть, сказалъ онъ вполголоса.

— Чтò жь удивительнаго; вѣдь не каждый день ей выпадаетъ такой случай, отвѣтилъ со спокойною усмѣшкой миллионеръ.—Но знаете, я вамъ скажу—она прелестъ! ravissant! добавилъ онъ вполголоса, наклоняясь къ адвокату и прищуриваясь на Липочку лоснящимися глазами.

Липочка въ эту минуту взяла вожжи, и колеса шарабана тихо заскрипѣли по леску.

— А, вы хотите сами править, удивился Безбѣдный.

Липочка не отвѣчая пустила лошадей крупною рысью. Въ аллеѣ было тѣсно, каждую минуту можно было задѣть чей-нибудь экипажъ. Но маленькія ручки продолжали смѣло править послушною парой. Кажется именно трудность этого перваго опыта болѣе всего возбуждала Липочку. Она раскраснѣлась, полу-раскрытыя напряженнымъ дыханіемъ губы ея горѣли. Миновавъ вереницу экипажей, она круто свернула въ сторону, осадила лошадей и пустила ихъ шагомъ по гладкому какъ паркетъ шоссе.

— Чтò, развѣ я не умѣю? обернулась она съ улыбкой къ Безбѣдному.

Но прежде чѣмъ онъ могъ отвѣтить, улыбка сбѣжала съ ея лица, и отдавая ему вожжи она сказала внезапно упавшимъ голосомъ:

— Можеть-быть довольно? Я бы хотѣла уѣхать отсюда.

— Но вѣдь мы будемъ здѣсь обѣдать? напомнилъ Безбѣдный.—Тутъ сейчасъ ресторанъ.

— Я бы лучше желала пообѣдать гдѣ-нибудь гдѣ не такъ людно, возразила Липочка, оглядываясь и слегка прижимаясь къ его плечу.—Да мнѣ и вѣсть совсѣмъ не хочется.

— Но мы и здѣсь можемъ устроиться отдѣльно, а между тѣмъ все-таки на воздухѣ веселѣе, настаивалъ Безбѣдный.

Липочка взглянула на него бокомъ, и въ ея глазахъ мелькнуло что-то странное, нѣжное и мечтательное, вмѣстѣ съ невыраженною укоризной за что-то непонятное въ ея словахъ.

— Ты хочешь? сказала она по-французски, вспоминая о присутствіи грума.—Ну хорошо, мнѣ вѣдь въ сущности все равно. Только сперва покатаемся у взморья.

И взявъ опять вожжи, она съ силою ударила по лошадамъ.

VII.

Когда они наконецъ сошли въ ресторанъ, на терасѣ сидѣло уже за столомъ довольно многочисленное общество. Оказалось что и Каричъ со своими дамами, и Кокò съ Полиной, тоже возымѣли намѣреніе обѣдать сегодня im-Grünen. Баронъ Грабенъ, предоставивъ коляску матери и Дивъ, также присоединился къ нимъ: онъ въ послѣднее время осторожно, но настойчиво ухаживалъ за Каричемъ и считалъ его почти преданнымъ себѣ человекомъ, не подозревая маленькой биржевой махинаціи, совершавшейся за его спиной. Двое или трое общихъ знакомыхъ, одинаково принадлежащихъ биржѣ, музыкѣ и свѣту, также заняли мѣста за большимъ столомъ на терасѣ.

Увидавъ все это общество, Безбѣдный смутился за Липочку, полагая что ей будетъ непріятно обѣдать на виду у такого многочисленнаго собранія, и хотѣлъ провести ее въ отдельный кабинетъ. Но она сказала что напротивъ хочетъ обѣдать въ саду, и отряхая запылившіяся складки платья, спокойно прошла къ маленькому гроту недалеко отъ терасы.

— Ты находишь что такъ будетъ веселѣе! сказала она, оглядываясь на него черезъ плечо.

На губахъ ея опять играла та странная улыбка возбужденія и страданія которую замѣтилъ Безбѣдный когда она гладила лошадей среди стоявшихъ экипажей. Но она была такъ изящно-хороша съ этимъ новымъ выраженіемъ на измѣнчивомъ, тонкомъ лицѣ что онъ только любовался ею, пріятно недоумѣвая предъ вызывающимъ видомъ ея поступи и движеній. Онъ сегодня не узнавалъ своей лугавой, простой и застѣнчиво-страстной Липочки.

— Ты будешь что-нибудь пить? спросилъ онъ.

— То же что и ты, отвѣтила она, поднявъ свои большіе,

омыше и какъ-будто крившіе что-то тайное для него глаза. Но послушай можетъ-быть тебѣ было бы веселье тамъ со всеми твоими знакомыми? прибавила она кивнувъ головой на террасу.—Ты пожадуста не стѣсняйся, я могу ухватъ съ Семеномъ.

— Ты очень хорошо знаешь что я твоего общества не промѣняю ни на какое другое, возразилъ Безбѣдный.

Это было совершенно искренно сказано, и молодому адвокату было особенно пріятно что его знакомые собрались здѣсь именно сегодня, когда съ нимъ такая прелестная и нарядная дама.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ какъ Каричъ, рискуя навлечь на себя негодованіе дочери и m-me Олжанской; взялъ свой стаканъ съ шампанскимъ и позади террасы перебѣжалъ воровскою любѣжкой въ гротъ. Липочка усмѣхнулась, какъ будто появленіе его отвѣчало ея тайной мысли.

— Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи выпить ваше здоровье, обратился къ ней Каричъ.

Она молча протянула свой бокалъ.

— Меня сейчасъ спрашиваютъ, понравился ли мнѣ заходъ солнца на взморьѣ, продолжалъ Каричъ; я отвѣчалъ что не видалъ никакого захода солнца, а напротивъ любовался восходомъ!

— Bravo, Яковъ Алексѣичъ! воскликнулъ Безбѣдный, очень довольный этимъ напярженнымъ комплиментомъ.

Липочка громко засмѣялась.

— Во всякомъ случаѣ это значитъ любоваться природой, сказала она.

— Яковъ Алексѣичъ обожаетъ природу, но находитъ что пейзажъ самая скучная ея часть, вставилъ Безбѣдный.

Каричъ въ свою очередь громко расхохотался. Это былъ ему одному свойственный, гучный и продолжительный смѣхъ, колыхавшій какъ ураганъ все его крупное тѣло. Онъ жмурилъ глаза, вздрагивалъ усами и топырилъ губы, какъ-будто острога Безбѣднаго щекотала его и заставляла лаять каждую жилку. Липочка глядя на него не могла удержаться и тоже смѣялась.

Привлеченный этимъ необычайнымъ весельемъ, Кокò также пришелъ въ гротъ. Надо замѣтить что хотя онъ очень пріятно проводилъ свое время, но иногда ему казалось что переходъ отъ холостой жизни къ семейной слишкомъ рѣзокъ,

и что крутая перемена можетъ быть даже вредна для его здоровья. Онъ отдалъ полную справедливость Полинѣ въ умѣнн держать себя въ обществѣ и поставить свой домъ на самую фешенебельную ногу, но находилъ что все это наконецъ нѣсколько скучно. Поэтому видъ Безбѣднаго, катающагося съ какою-то дамою du grand chic, произвелъ на него сегодня какъ бы раздражающее впечатлѣнн, а когда тамъ въ гротѣ стади смѣяться и звенѣть стаканами, онъ положилъ свою салфетку на столъ и отправился туда.

— Ну, тутъ весело, сказалъ онъ, пожимая руку адвокату.— Пожалуста представьте меня.

Безбѣдный назвалъ его. Кокò, взмахнувъ моноклемъ, поклонился со своею обычною самодовольно-циническою улыбкой.

— Я смотрѣлъ какъ вы правили; отлично, сказалъ онъ Липочкѣ.

Онъ сѣлъ, взявъ предложенный ему стаканъ шампанскаго, и покачиваясь на стулѣ продолжалъ разглядывать ее съ тою же самодовольною и циническою улыбкой.

— *Décidément elle est très-bien*, замѣтилъ онъ довольно громко, наклонясь къ Безбѣдному.— Право я кажется поторопился жениться. *Il n'y a que les garçons qui s'amuse bien*. Потому что видите ли дамы нашего общества *n'ont pas d'égripit*. Вотъ тамъ нѣсколько прелестныхъ женщинъ и между тѣмъ не знаешь что съ ними дѣлать. *Elles ne sont pas du tout drôles*, объяснилъ онъ, обращаясь къ подошедшему въ это время барону Грабену.

При всемъ своемъ уваженн къ дамамъ, въ обществѣ которыхъ онъ только-что пообѣдалъ, баронъ не могъ устоять противъ соблазна посмотрѣть и послушать какъ веселятся въ гротѣ его сотоварищи по общеплезному предпрннату столичной ассенизацн. Сохраняя на лицѣ свое всегдашнее безстрастное выраженн, онъ вѣжливо поклонился Липочкѣ и принявъ изъ рукъ Безбѣднаго только-что наполненный стаканъ.

— Значить раскаивается? обратился адвокатъ къ Кокò, подмигивая ему въ отвѣтъ на его новобрачную хандру.

— Ну, я только говорю что иногда это скучно. Надо чтобы жизнь щекотала, иначе *cela devient fade*. А я не люблю ничего *fade* и въ особенности въ женщинахъ. *Votre santé, madame!*

И онъ поднялся со стула. Липочка, облокотившись одною рукою на столъ, протянула стаканъ и молча выпила до дна.

Большіе, темные глаза ея глядѣли на него и на другихъ со страннымъ выраженіемъ любопытства и презрѣнія. Они что-то думали—что-то очень далекое, злое и презрительное—презрительное къ нимъ и къ себѣ.

Каричъ распорядился вновь разлить бутылку.

— За здоровье такихъ женщинъ какихъ мы всѣ любимъ! предложилъ онъ.

— *Ragbleu*, вотъ тостъ отъ котораго нельзя отказаться, подхватилъ Кокò, выливая залпомъ свой стаканъ. *Vive l'amour! la femme, l'amour et le plaisir!*

Безбѣдный, пріятно возбужденный общою веселостью, выхватилъ изъ холодильника бутылку, разлилъ ее и съ блестящими глазами поднялъ свой стаканъ.

— Господа, я хочу нѣсколько распространить общую нашу мысль, сказалъ онъ.—Я предлагаю выпить за свободное, веселое, не задуманное лицемерною моралью чувство, за такое чувство которое существовало раньше чѣмъ подписанъ первый брачный контрактъ и начертана первая статья гражданскаго свода. Пусть каждый изъ насъ, кому выпало счастье испытать такое чувство, смѣло отдастъ ему лучшія движенія своего сердца, пусть бережетъ его до тѣхъ поръ пока Гименей не подкрадется незримо къ спящему Амуру и не унесетъ его лукъ и стрѣлы!

— Bravo! воскликнули Каричъ и Кокò и захолопали въ ладоши. Баронъ тоже похлопалъ.

Всѣ стаканы протянулись къ Лилочкѣ. Не пошевельнувъ своимъ наклоненнымъ станомъ, она чокнулась и отхлебнула нѣсколько глотковъ. Вино уже било ей въ голову и щеки ея слегка горѣли, но тѣмъ темнѣе казался странный блескъ ея глазъ.

— Вы не будете протестовать противъ моего тоста? обратился къ ней Безбѣдный, наклоняясь и пылливо заглядывая ей въ лицо.

Лилочка чуть примѣтно вздрогнула плечами, какъ-будто этотъ вопросъ заставилъ ее внезапно встрепенуться.

— Протестовать?—о нѣтъ! сказала она.—Я думаю что всегда и вездѣ люди требовали отъ жизни наслажденья; только одни искали его въ одномъ, другіе въ другомъ. А что лучше—это неизвѣстно и никогда не будетъ извѣстно.

— *C'est l'énigme de l'oracle*, вставилъ Кокò.

— Это le grand *Peut-être* старика Рабля, поправилъ Безбѣдный.—И потому—за наслажденье! За наслажденье какъ его каждый понимаетъ и щеть! За наслажденье à la portée de tout le monde!

— Bravo! захолопали олять Каричъ и Кокò.

Между тѣмъ дамы, оставшіяся почти однѣ за большимъ столомъ на терасѣ, потеряли терпѣніе и рѣшились послать за своими легкомысленными слутниками.

— *Vraiment para est impossible.* Пожалуста притащите его сюда, обратилась m-lle Аннетъ къ сидѣвшему лодавъ нея молодому полковнику, несмотря на ученый аксельбантъ болѣе близкому къ биржѣ чѣмъ къ своей прямой специальности.

— Скажите мужу что я уѣзжаю, прибавила Полина, съ недогованіемъ слышавшая громкія восклицанія Кокò.

Полковникъ, котораго давно уже раздражалъ этотъ веселый шумъ въ гротѣ, съ удовольствіемъ послѣшилъ исполнить порученіе.

— Господа, тамъ дамы изъ себя выходятъ! меня послали вернуть васъ къ своимъ обязанностямъ! сказалъ онъ улыбаясь и красиво покачиваясь затынутымъ станомъ.

— Пс! отозвался Кокò.

Безбѣдный протянулъ полковнику стаканъ. Тотъ съ удовольствіемъ выпилъ, продолжая шутливо увѣщевать легкомысленныхъ отца и мужа.

— Въ самомъ дѣлѣ, messieurs, я не хочу навлекать на себя и на васъ гнѣвъ вашихъ дамъ, сказала имъ Лилочка, бросивъ слегка торжествующій взглядъ по' направлению къ терасѣ.—До свиданья, до другаго случая.

Каричъ попросилъ у нея ручку; она дала ему. Кокò тоже подошелъ и не удовольствовавшись обыкновеннымъ поцѣлуемъ, перевернулъ руку ладонью и еще разъ поцѣловалъ.

— Чортъ васъ знаетъ какъ вамъ всегда везетъ, сказалъ онъ вполголоса Безбѣдному, уходя.

Когда Лилочка возвращалась черезъ террасу, тамъ уже никого не было: оскорбленныя дамы очень торопились уѣхать, потому что не хотѣли съ нею встрѣтиться.

Безбѣдный, какъ только шарбанъ вѣхалъ въ темную и пустую аллею, одною рукой крѣпко пожалъ ей руку.

— Сегодня ты всѣхъ очаровала, сказалъ онъ.—Это было великолѣпно когда они бросили своихъ дамъ и улизнули къ намъ.

— Ты радъ? спросила Липочка.

— Разумѣется радъ, потому что мнѣ пріятно когда тобою восхищаются.

— Ну, а мнѣ пріятно когда ты радъ, сказала Липочка.

Шарабанъ быстро катился по гладкому шоссе. Телый, влажный воздухъ, наполненный залахомъ распускающейся листвы, ласково дулъ въ лицо; тѣни ширились и чуть колебались, и въ прозрачныхъ сумеркахъ странно всплывали отраженія затерявагося луча на стеклахъ оконъ, на шлицахъ церквей и на застывающей зыби Невы. Семень, сложивъ на груди руки, дремалъ и покачивался на заднемъ сидѣннѣ шарабана.

Липочка молча глядѣла въ темноту, наслаждаясь ощущеніемъ влажнаго вѣтра на разгоряченномъ лицѣ. Раскрытыя неровнымъ дыханіемъ губы ея улыбались съ выраженіемъ страданія и счастья.

— Милый! вдругъ сказала она, медленно повернувъ къ Безбѣдному задумчиво-страстное лицо.

Онъ, уже не опасаясь Семена, наклонился къ ея рукѣ и долго, долго не могъ оторвать горячихъ губъ.

VIII.

Въ маленькой гостиной горѣла лампа когда Липочка вернулась домой. Василій Петровичъ, въ своемъ неизмѣнномъ и уже порядкомъ засалившемся халатикѣ, похаживалъ изъ угла въ уголь, присаживаясь на минутку то у окна, то на диванчикѣ подлѣ лѣчки, и снова срываясь чтобы взглянуть на часы и продолжать свое суетливое толпаніе по маленькому квадрату комнаты. Свѣднѣйшій хохолокъ его былъ въ безпорядкѣ и лицо имѣло то тревожно-озадаченное выраженіе при которомъ съ особенною безпощадностью выстулала вся незначительность будничныхъ, словно размокшихъ чертъ.

Не одно только отсутствіе мелкой хлопотливой дѣятельности, какую находятъ себѣ въ провинціи удалившіеся на локо; маленькіе чиновники и къ которой Василій Петровичъ привыкъ у себя дома, смущало его сегодня. Трудная мучительная забота изнуряла его, давила нестерпимымъ сознаніемъ своего неумѣнья и безсилія. То самое бремя которое о нѣлочувствовалъ на своихъ плечахъ съ перваго дня въ

Петербургъ и которое какъ будто было сброшено куда-то съ переиздомъ на эту квартирку, олять гмуло его подъ нелосильною тяжестью, и уйти отъ этого гнета было некуда.

Василій Петровичъ, несмотря на свои преклонные годы, никогда не имѣлъ своего собственнаго самостоятельнаго склада. Выросъ онъ на старыхъ понятіяхъ, и пока этими понятіями жило все окружающее, они, казалось, сидѣли въ немъ крѣпко. Но лѣтъ лятнадцать-двадцать назадъ вдругъ нанесло на него новымъ теченіемъ и перевернуло все вверхъ дномъ. Кое-что изъ этой новизны ему понравилось, другое просто всосалось въ него какъ въ сухую губку. Многое по безхарактерности его оказалось даже чрезвычайно для него удобнымъ, въ особенности когда Лилочка стала подростать и заявлять себя на сторонѣ новыхъ идей. Воспитывать ее настоящимъ, то-есть положительнымъ образомъ онъ не могъ бы, а тутъ выходило что достаточно воспитанія отрицательнаго: не стѣснять свободы, уважать самостоятельность дѣтской мысли, помнить что новому поколѣнію предстоитъ новая жизнь, и т. д. Василию Петровичу все это пришлось какъ нельзя болѣе на руку, хотя повремеамъ его и щемило: очень ужъ много приходилось видѣть и слышать совершенно для него новаго и даже необъяснимаго!

И вотъ этому рыхлому существованію предстала непосильная задача—взять въ свои руки чужую жизнь, направить ее въ ту минуту когда со злобѣщею быстротою несла ее ослепшая волна... Василій Петровичъ изнемогалъ. „Погубить онъ ее, погубить! И не онъ, а сама она себя погубить!“ повторялъ онъ безпомощно и горестно. „Надо бы сдѣлать... того... принять мѣры...“ Онъ взглядывалъ на часы, и не конченная мысль разрѣшалась безсильною, глухою тревогой, которая все росла въ немъ и словно душила за горло.

Засыпавъ грохотъ въѣхавшаго во дворъ экипажа, онъ самъ вышелъ отворить дверь.

— Вы еще не спите, папа? сказала Лилочка, проходя въ гостиную.

— Нѣтъ, я поджидалъ. Гдѣ ужъ спать!

Лилочка неторопливо отколола шляпку и держа ее въ рукѣ, другою рукою разстегивала пальто. Она только при входѣ быстро взглянула на отца и теперь смотрѣла прямо предъ собой, мимо его скользящаго, смущеннаго взгляда. Краска уже сбѣжала съ ея лица и губы не улыбались.

— Мы катались на островахъ. Евгеній Саввичъ велѣлъ заложить тарабанъ и я сама правила, сказала она почти не раскрывая губъ, такъ какъ держала во рту шпильку.

— Ну что жь... твоя воля... Не маленькая, сама понимаешь хорошо ли это... проговорилъ Василій Петровичъ, замѣчая что у него подбородокъ какъ-то странно прыгаетъ,—на людяхъ-то... наложакъ...

Онъ вдругъ почувствовалъ что не можетъ говорить, какъ будто что-то защеделнуло у него въ горахъ, и растопыривъ руки сѣлъ. Липочка съ безлокойствомъ повернулась въ его сторону.

— Что такое, пала? Что же можетъ быть дурнаго если кто-нибудь увидитъ меня съ Евгеніемъ Саввичемъ? напряженно возразила она.

Василій Петровичъ оправдывая прыгающими пальцами свой халатикъ.

— Ахъ Липа, Липа! вѣрно не видать больше... радости! проговорилъ онъ хрипло.—Кабы покойница мать жива была, можетъ-быть умѣла бы.. Надо бы того... властью...

Липочка молча, съ нетерпѣливымъ усиліемъ срывала съ руки перчатку. Хмуря брови ея шевелились, и она вся надрывалась отъ внутренней боли.

— Подноте, пала. Какая тутъ власть? Когда бы власть была, я бы давно съ этимъ кончила. Не у насъ съ вами эта власть, вотъ что! сказала она, чувствуя какъ въ груди у нея холодило и ныло.

И опять что-то безжадостное, что долженъ испытывать утолающій, отталкивая другаго утопающаго чтобы не утонуть самому, сдавило ей сердце и сверкнуло злыми искрами въ темныхъ зрачкахъ.

— Я иду спать, пала, молвила она, и собравъ снятыя съ себя вещи унесла ихъ къ себѣ въ комнату.

Василій Петровичъ всталъ, опираясь одеревенѣвшими руками на ручки кресла, поднималъ замѣченную на коврѣ вуалетку и хотѣлъ положить ее на столъ, но вдругъ въ непонятномъ бѣшенствѣ разорвалъ ее въ куски, скомкалъ и швырнулъ подъ диванъ. Потомъ онъ потушилъ лампу и пошатываясь побрелъ въ свою спаленку.

„Господи, вразуми меня! Господи, Господи!“ простоналъ онъ, кидаясь на опратно бѣлѣвшую въ углу постель.

На другой день, когда Липочка собиралась уходить на урокъ, Василій Петровичъ сказалъ ей какъ будто усложившимся голосомъ:

— А я вотъ что хотѣлъ тебѣ сообщить, дочка... Я отъ сестрицы письмо получилъ... Больна она, вдругъ заболѣла... Просить меня если возможно вернуться. Такъ ужъ я того... уѣду.

Липочка съ удивленіемъ и недоувѣріемъ подняла на него глаза.

— Когда жъ вы получили письмо? спросила она.

— А поутру, когда ты не вставала еще, отвѣтилъ потупляясь Василій Петровичъ.

Липочка не повѣрила и догадалась что отецъ выдумалъ о болѣзни тетки только для того чтобы имѣть предлогъ уѣхать и избавиться отъ неестественной роли въ какую она его поставила. Она только повела своими хмурыми бровями. „Что жъ, онъ правъ“, сказала она сама съ собою, чувствуя что сердце ея мучительно уязвлено новымъ страданіемъ.

Предъ обѣдомъ, за нѣскольکو минутъ до ея возвращенія, Безбѣдный заѣхалъ за ней чтобы олять везти ее кататься. Василій Петровичъ встрѣтилъ его въ гостиной.

— А вы неужели цѣлое лѣто думаете въ городѣ оставаться? спросилъ адвокатъ.

— Нѣтъ, я собираюсь... я къ себѣ домой, отвѣтилъ старикъ, избѣгая встрѣчаться съ нимъ глазами.

— А, вы уѣзжаете, протянувъ Безбѣдный какъ бы съ сожалѣніемъ, но въ сущности очень обрадованный этою новостью.

Присутствіе Василія Петровича въ самомъ дѣлѣ его стѣсняло, главнымъ образомъ потому что онъ не могъ не предполагать нѣкотораго съ его стороны невыгоднаго вліянія на Липочку. Поэтому онъ уже подумывалъ какъ бы устроиться такимъ образомъ чтобы мысль объ отцѣ не тяготѣла надъ ихъ любовью, и имѣлъ въ виду нѣкоторыя предложенія, съ которыми и пріѣхалъ сегодня къ Липочкѣ. Поутру онъ видѣлся съ Олжанской по ея бракоразводному дѣлу и узналъ что на дняхъ она переѣзжаетъ въ Павловскъ. Это навело его на мысль самому нанять дачу въ Павловскѣ, и увезя Липочку подъ предлогомъ гостить къ Олжанской, поселить ее тамъ у себя на нѣсколько недѣль. Перспектива этихъ нѣсколькихъ недѣль, которыя они проведутъ среди совершенной независимости и поэтическаго уединенія, соблазнительно улыбалась его воображенію. Кстати, пользуясь лѣтнимъ затишьемъ въ дѣлахъ, онъ хотѣлъ отдохнуть,

освѣжиться и вообще вкусить отъ плодовъ созданнаго имъ благополучія. Въ пріятной заботливости объ этомъ благополучіи онъ даже хотѣлъ посовѣтоваться со знакомымъ ему знаменитымъ врачомъ относительно нѣкоторыхъ явленій въ организмѣ, которыя онъ приписывалъ лечени. Но неожиданное извѣстіе что Василій Петровичъ увѣжаетъ заставило его остановиться со своими предложеніями, такъ какъ съ отъѣздомъ его все могло устроиться еще лучше и проще.

— Такъ вы совсѣмъ думаете покинуть Петербургъ? переспросилъ онъ.—Завидовать вамъ приходится, Василій Петровичъ. Эхъ, будь я какъ вы свободный человекъ, самъ съ наслажденіемъ уѣхалъ бы на лѣто куда-нибудь въ провинцію—„въ Саратовъ, въ глушь“—гдѣ бить это говорится?

— Въ глушь, гм... что жъ и въ глуши люди живутъ, хорошіе люди. Дѣлать-то мнѣ здѣсь нечего, Евгений Саввичъ, проговорилъ Василій Петровичъ, чувствуя подступавшее къ горлу удущье.

— Да, разумѣется, безъ опредѣленныхъ занятій, безъ дѣла... согласился адвокатъ.

— Пріѣхалъ-то я сюда по очень опредѣленному дѣлу, очень опредѣленному... сказалъ Василій Петровичъ, смущаясь отъ душившаго его волненія и оттого что видѣлъ въ зеркалѣ какъ лицо его покрылось багровыми пятнами.

Въ передней въ эту самую минуту звякнулъ колокольчикъ.

— Вотъ вѣрно и Олимпиада Васильевна возвратилась? обрадовался Безбѣдный.

Старикъ поднялъ искаженное злобой и мукой лицо.

— Богъ вамъ судья, Евгений Саввичъ! произнесъ онъ, какъ-то странно воздѣвъ руки, и ушелъ къ себѣ въ горенку.

Эти дни были самые мучительные для Липочки. Отецъ сбирался медленно какъ будто ему больно и страшно было оторваться отъ нея, какъ будто жалость и стыдъ еще ослапывали принятое имъ рѣшеніе. И ему въ самомъ дѣлѣ порою становилось стыдно, и онъ начиналъ снова глухо водноваться, искать чего-то въ своей тоскующей мысли и молиться. Липочка только молча наблюдала за этою почти зримою для нея мукой, хмурила брови и была рада когда въ медленно-жгучемъ огнѣ своей собственной муки находила то самое безжалостное и жестокое чувство которое вслыхивало въ ней при столкновеніяхъ съ отцомъ. Отъ этого чувства ей было больно и жутко, и новая острая боль какъ будто помо-

глазъ переносить застарѣлое, тулое страданіе. Она старалась какъ можно меньше оставаться дома и позволяла Безбѣдному каждый день увозить ее то на острова, то въ Павловскъ, то по садамъ и ресторанамъ. Безбѣдный только удивлялся и восхищался, не подозрѣвая этого искусственнаго возбужденія, этой лихорадки, горѣвшей нездоровымъ, усталымъ блескомъ въ ея темныхъ глазахъ.

Наканунѣ отъѣзда Василья Петровича онъ повезъ ее въ Павловскъ показать только что нанятую дачу. Липочка равнодушно прошла по комнатамъ, постояла на балконѣ и промолвила почти грустно: „тутъ хорошо“.

— Я еще пришлю сюда обобщиковъ, они намъ устроятъ настоящее гнѣздышко, сказалъ Безбѣдный.—Я хочу чтобъ это лѣто, эта дача, это чувство остались навсегда лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни.

— Да, отвѣтила безсознательно Липочка, и подумала: „развѣ лучшее можетъ быть впереди? Все лучшее ужъ было“.

Въ этотъ день Василій Петровичъ уложилъ свой чемоданчикъ. Повидимому все было готово къ его отъѣзду, но самъ онъ какъ будто еще не вѣрилъ въ такую простую и глупую развязку. „Уѣду, а тамъ что? Не буду видѣть, да; но думать, но знать, но страдать... А она? Отецъ бросилъ... бѣжалъ... Нѣтъ, не я бросилъ, она, она! Сердцемъ, душой бросила... оторвалась... Оторванная!“ повторялъ онъ въ невыразимой тоскѣ и въ безсознательномъ страстномъ ропотѣ на какую-то злую и живую силу, разрушившую двѣ жизни. О, двѣ ли только?

Онъ дождался дочери, и пожаловавшись что у него какъ-то звонить въ поясницѣ, просилъ напоить его чаемъ. Липочка не переодѣваясь присѣла къ столу и усталыми руками сняла съ самовара чайникъ. Ей хотѣлось поскорѣй лечь въ постель, но эта просьба „напоить чайкомъ“ отозвалась чѣмъ-то такимъ нѣжнымъ, робкимъ и ласковымъ въ ея сердцѣ что она охотно старалась преодолѣть свое утомленіе.

Василій Петровичъ размѣшалъ сахаръ въ своей собственной большой фарфоровой чашкѣ и съ наслажденіемъ хлебнулъ изъ нея.

— Вотъ вкусно сегодня сдѣлала, какъ бывало тамъ у насъ въ Т... сказалъ онъ и послѣднимъ откинулъ голову, потому что почувствовалъ на глазахъ слезы.

Липочка поняла это движеніе, и страстная жалость какъ остріе ножа пронизала ей сердце. Она сама готова была

заплакать жаркими, злыми и счастливыми слезами... Василий Петровичъ искалъ платка, чихнулъ и старательно утеръ глаза.

— Такъ какъ же, дочка? а? вдругъ сказалъ онъ, побарабанивъ пальцами по красному пѣтушку на скатерти.—Опять ты тутъ одна останешься...

— Что жь такое! отозвалась Лилочка.

Старикъ продолжалъ колотить пальцами по пѣтушку какъ будто его занимало попадать все по одному мѣсту.

— Ты тутъ, а я тамъ... Горько вѣдь такъ-то! молвилъ онъ не глядя на дочь.

Въ комнатѣ было тихо, даже самоваръ заглохъ и пересталъ шумѣть, слышна была только тупая дробь, выбиваемая пальцами по столу.

— Лиля! вдругъ окликнулъ Василий Петровичъ.

Она молча повернула къ нему блѣдное лицо.

— Любишь ты его ужь такъ, что ли? спросилъ онъ.

Она не отвѣчала; голова ея медленно упала на столъ, плечи нѣсколько разъ судорожно сжались и олустились. Ей хотѣлось рыдать—рыданья не вырывались изъ задыхавшейся груди. Только слабый трепетъ пробѣгалъ по тѣлу и заставлялъ вздрагивать коротенькіе ростки волосъ подъ туго-скрученной косой.

Василий Петровичъ въ невыразимомъ смятеніи стоялъ надъ нею, нагнувъ голову, словно ждалъ какого-то слова, которое должно сорваться съ ея горестно сжатыхъ губъ.

— О, развѣ я виновата что такъ люблю его! тихо простонала Лилочка.

Старикъ поднялъ руки—благословляя или грозя, никто не могъ бы сказать.

Черезъ два дня послѣ его отъѣзда Безбѣдный заѣхалъ за Лилочкой и отвезъ ее въ Павловскъ, на свою только что отдѣланную дачу. Самъ онъ въ тотъ же день вернулся въ городъ чтобы дать послѣдній толчокъ нѣкоторымъ важнѣйшимъ дѣламъ и переѣхать завтра окончательно.

Лилочка улыбалась ему когда онъ показывалъ ей въ какую прелестную бонбоньерку обратилось подъ руками обойщиковъ это „гнѣздышко“ которое она недавно видѣла почти пустымъ. Въ самомъ дѣлѣ во всемъ было много вкуса, умѣнья и заботливости; изящная роскошь, ограниченная размѣрами дачныхъ требованій, не отягощала взгляда. Кажется въ

такое уголокъ могли жить только счастливые люди. И Липочка съ бессознательною потребностью довѣрія и надежды спрашивала себя—не о томъ счастлива ли она, но о томъ неужели не могутъ выпасть на ея долю въ этомъ заботливо устроенномъ „гнѣздышкѣ“ нѣсколько недѣль, дней, минутъ забвенія и счастья? Безъ этой надежды жить такъ трудно на зарѣ жизни!

Но когда она осталась одна, и сырой петербургскій сумракъ заволокъ все близкое и дальнее, невыразимая тоска и страхъ сдавили ей грудь. Казалось, въ комнатахъ не хватало воздуха. Она вышла на балконъ и облокотившись на перила долго, долго стояла одна въ холодномъ мракѣ ночи, съ выраженіемъ почти смертной муки на лицѣ, такъ поразившемъ барона Андрея когда онъ шелъ отъ брата и остановился невольно предъ этою неподвижною фигурой отчаянія и скорби.

IX.

Мы можемъ возвратиться теперь къ барону Павлу Евгениевичу, покинутому нами, какъ помнитъ читатель, въ весьма неприятномъ положеніи и подъ гнетомъ самыхъ зловѣщихъ предчувствій.

Какъ всѣ новички въ спекуляціи, баронъ весь сосредоточился на одномъ предпріятіи, и потому для него не существовало утѣшенія въ томъ что если одно дѣло прогоритъ то другое можетъ выгорѣть. Извѣстія сообщенныя Каричемъ заставили его совсѣмъ потерять голову. Вопросъ шелъ не о его собственномъ только состояніи; онъ неосмотрительно и легкомысленно залуталъ въ свое несчастное дѣло капиталы брата. Примириться съ катастрофой онъ не могъ, помочь дѣлу тоже не видѣлъ способа, и все что онъ чувствовалъ и сознавалъ въ себѣ въ этотъ скверный день заключилось въ безпредѣльной ярости противъ всѣхъ кто его залуталъ и въ особенности кто самъ вылутался. Можетъ-быть наибольшимъ для него удовольствіемъ въ настоящую минуту было бы избить Карича, избить грубо, по-мужичьи, какъ бьютъ въ кабакахъ и на ярмаркахъ. Баронъ былъ очень здоровъ и силенъ, и ему казалось что никогда не было бы такъ кстати воспользоваться своими физическими средствами, какъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Но онъ еще не видалъ Безбѣд-

наго, и хотя самыя злыя предчувствія сосали ему мозгъ и сердце, но по свойственной человѣку потребности надежды онъ все еще думалъ что Безбѣдный разсѣтъ сгустившійся надъ нимъ мракъ и подастъ ему руку въ ихъ общемъ дѣлѣ.

Поэтому онъ поѣхалъ къ Безбѣдному. Но найти кого-нибудь въ Петербургѣ среди бѣла дня, какъ извѣстно, дѣло чрезвычайно трудное. Адвоката разумеется не оказалось дома. На вопросъ барона: гдѣ онъ теперь можетъ быть? швейцаръ сказалъ что „въ судѣ должно быть, а не то по дѣламъ поѣхали“. Даже Авенира не было—онъ съ утра бѣгалъ по городу, приготовляясь къ предстоявшему въ этотъ день переезду на дачу.

— Секретарь ихній, тотъ дома, сообщилъ швейцаръ.

Но барону не было никакого дѣла до секретаря, и онъ счелъ за лучшее поискать адвоката въ судѣ. Тамъ ему сказали что Безбѣдный нѣсколько минутъ какъ уѣхалъ. Что оставалось предпринять? Баронъ рѣшился навѣдаться въ правленіе общества ассенизаціи — быть-можетъ встревоженный компаніонъ его занимается тамъ приведеніемъ въ порядокъ поколебленныхъ дѣлъ? Но судьба въ этотъ день очевидно не благопріятствовала Павлу Евгеньевичу. Представительный швейцаръ, облеченный въ сочиненую самимъ Кокѣ ливрею и какъ бы окаменѣвшій отъ совершеннаго бездѣйствія, сообщилъ что Евгенийъ Саввичъ сейчасъ былъ и поѣхалъ домой.

— Пожалуйста наверхъ, тамъ Константинъ Павловичъ, прибавилъ онъ.

Баронъ въ раздумьи пошевелилъ рыжеватыми усами и сбросилъ пальто.

При входѣ въ первую залу онъ увидѣлъ благообразнаго жидка, объяснявшаго что-то съ таинственнымъ видомъ бухгалтеру. Жидокъ быстро повернулся къ нему.

— Господинъ баронъ! господинъ баронъ! Что я буду просить васъ издѣлать! остановилъ онъ его.

— Ну? протянулъ баронъ.

— Позалуста, покупайте отъ меня васыи акцыи! Я вамъ буду продавать дешевле какъ на бирзѣ! Позалуста!

Баронъ вдругъ лобагровѣлъ отъ внезапнаго прилива злости.

— Убирайтесь къ чорту! захрипѣлъ онъ на жидка.—Это вы съ вашимъ проклятымъ кагаломъ лортите всякое дѣло! Какъ вы смѣете предлагать ниже курса? Какъ вы смѣете? Язва израильская!

— Ну и что вы кричите? обидѣлся жидокъ.—Какъ мы можемъ портить васея дѣло? Мы сами такой убытокъ, такой убытокъ имѣемъ отъ васыихъ акцй! Мы сами очень зелаемъ продавать дорозе, но когда зе не можно! когда зе крахъ! Аа—ай!

И жидокъ съ выраженіемъ безпредѣльнаго отчаянія покрутилъ головой.

„Канальи!“ пробурчалъ баронъ и пошелъ даальше. Видъ этихъ большихъ, свѣтлыхъ комнатъ, великолѣпныхъ столовъ, рѣшетокъ, шкафовъ, производилъ на него почти болѣзненное впечатлѣніе. „Все такъ отлично устроено, и вдругъ какая нечѣпость, какая подлость!“ говорилъ онъ мысленно, съ ненавистію оглядывая роскошную рѣзбу по орѣху.

Кокò, которому въ Павловскѣ становилось скучно, а въ городѣ поутру было вечего дѣлать, теперь усерднѣе прежняго посѣщалъ правленіе. Онъ засѣдалъ въ отдѣльномъ директорскомъ кабинетѣ и съ видомъ пріятной и необременительной серіозности подписывалъ какіе-то блявки, которые подавалъ ему Иванъ Прокофичъ, единственный „дѣлецъ“ среди изящнаго персонала правленія. Тутъ же на столѣ предъ нимъ лежала тросточка съ золотымъ набадашничкомъ, знаменитый лортсигаръ отъ Сазикова и совершенно модныя шведскія перчатки безъ луговокъ и безъ разрѣза, которыми слабдилъ его уже извѣстный читателю м-г Нестог. Кстати надо замѣтъ что при первомъ намекѣ со стороны Кокò платить по счетамъ, м-г Нестог быстро и чрезвычайно искусно распространилъ украшенные его именемъ страницы долговой книги, и тѣмъ укрѣпилъ и освѣжилъ существовавшія между ними отношенія.

— А, баронъ, и вы сегодня въ городѣ! Гдѣ вы думаете обѣдать? обратился онъ къ Павлу Евгениевичу, кладя леро и отодвигая подписанные блявки.

Баронъ сердито бросилъ на столъ шляпу и дернулъ рукой ло усамъ.

— Акціи страшно падаютъ, на вчерашней биржѣ шестдѣсятъ шесть, а тутъ сейчасъ какой-то жидъ предлагалъ мнѣ самому ниже курса! сказалъ онъ тономъ выговора.

Кокò вылятилъ губу.

— Да, ловадили! отозвался онъ.

— Вообще чортъ знаетъ что такое! продолжалъ тѣмъ же тономъ баронъ.—Я увѣренъ что въ дѣлахъ страшный без-

порядокъ. Этотъ мошенникъ Каричъ, какъ оказывается, продалъ потихоньку всѣ свои акціи и теперь биржа завалена ими какъ разъ въ ту минуту когда и безъ того ни на какія промышленныя цѣнности нѣтъ спроса. Какимъ образомъ могло быть что я ничего не зналъ? Почему вы не сказали мнѣ?

Кокò посвисталъ.

— А я-то откуда буду знать что тамъ дѣлаетъ Каричъ? Разумѣется онъ мошенникъ. Еще посмотримъ сколько-то онъ дастъ за свою Аветкой.

— Какъ же вы можете не знать? что же вы знаете? что вы тутъ дѣлаете? Вамъ довѣрена самая важная часть управленія, денежная часть, а вы будете говорить что не знали! горячился баронъ.—Я готовъ биться объ закладъ что если бы провѣрить всѣ счета и книги, то оказались бы чортъ знаетъ какіе беспорядки и какая путаница.

Кокò показалось наконецъ страннымъ что баронъ злится и кричить на него, точно онъ какой-нибудь Иванъ Прокофьичъ, работающій изъ-за ста рублей въ мѣсяцъ.

— Пс! сказалъ онъ, собирая со стола портсигаръ и перчатки.—Если вы не въ духѣ и хотите кричать, то я вамъ приведу кого-нибудь. Здѣсь сейчасъ былъ Безбѣдный и я показывалъ ему таблицу которую я придумалъ для облегченія расчетовъ. Онъ нашелъ что это очень удобно и что у меня есть творчество въ финансовыхъ дѣлахъ.

И Кокò, сохраняя выпяченное положеніе губы, протянулъ барону разграфленный листъ, на которомъ были изображены какіе-то ряды цифръ. Павелъ Евгеньевичъ посмотрѣлъ и пожалъ плечами.

— По-моему это таблица умноженія, сказалъ онъ.

— А, вотъ чудесно! вы здѣсь, баронъ! вдругъ раздалось въ дверяхъ директорскаго кабинета, и полковникъ Бойко, оживленный, приломаженный, въ обновленномъ свѣжими кантиками сюртукѣ и съ улыбкой радостной озабоченности на тонкихъ губахъ, предсталъ предъ дѣятелями полезнѣйшаго общественнаго предпріятія. — Какой счастливый случай! Я было хотѣлъ даже ѣхать къ вамъ въ Павловскъ, потому что имѣю переговорить съ вами объ очень, очень важномъ дѣлѣ. И съ вами также, Константинъ Павловичъ.

— По поводу ладенія акцій? спросилъ поморщившійся баронъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ другое. Ахъ да, въ самомъ дѣлѣ акціи страшно падаютъ; что бы это значило? Но я совсѣмъ о дру-

гомъ. Видите ли, я предлагаю издавать газету, большую газету, и у меня все уже обдуманно и подготовлено. Я уже и прошеніе подалъ.

— Что это вамъ вздумалось? удивился баронъ.

— Помилуйте, у насъ рѣшительно нѣтъ настоящей хорошей газеты, объяснилъ съ возрастающимъ оживленіемъ Бойко.— Намъ необходимъ дѣловый органъ, который смотрѣлъ бы на вещи серьезно, не съ этой знаете ли журнальной стороны, а практически, дѣловито, трезво, умно. Надобность на каждомъ шагѣ. Вѣдь что такое Россія? Дѣвственная страна, полная неисчерпаемыхъ и почти невѣдомыхъ богатствъ, ждущихъ приложенія капиталовъ и рукъ. И что же мы видимъ? Знаемъ ли, цѣнимъ ли мы эти богатства? слобобствуемъ ли ихъ разработкѣ? Освѣщаетъ ли печать эти.... эти Голконды? Нисколько, въ газетахъ одинъ вздоръ, литературныя утраженія, авторство. Этого не должно быть. У меня этого не будетъ. У меня будетъ такъ заведено что всѣ статьи и извѣстія будутъ доставляться людьми знающими самое дѣло практически и заинтересованными имъ. Напримѣръ статью о Константинопольской конференціи напишетъ дипломатъ, статью о военныхъ дѣлахъ—военный, статью о бакинской нефти—тамошній негодіантъ. Понимаете что изъ этого будетъ? Газета должна говорить какъ дѣловой опытный человекъ, съ которымъ и вамъ, и мнѣ, и третьему, и десятому желательно каждый день посовѣтоваться. Вотъ что я хочу завести! Вотъ какая будетъ у меня газета! Я хочу произвести переворотъ, понимаете ли—переворотъ! Какъ вы сказали?

Никто ничего не сказалъ, но у полковника въ минуты экстаза шумѣло въ головѣ и потому ему казалось что онъ чего-то не слышалъ. Убѣдившись въ своей ошибкѣ онъ продолжалъ охрипшимъ отъ доагаго крика голосомъ развивать свой планъ. Такъ какъ услѣхъ не подлежалъ сомнѣнію, то исчисленіе громаднхъ прибылей составляло значительную часть этого плана. Барыши были разчитаны математически, до одной восьмой копѣйки, и вытекали изъ необъятной массы цифръ, которыя полковникъ читалъ на память, съ быстротой и выразительностію настоящаго финансиста-оратора. Все, все было исчислено имъ съ поразительною точностію, даже до гербовыхъ марокъ которыя онъ собирался прикладывать къ подписнымъ билетамъ, и въ этой точности онъ главнымъ образомъ почерпалъ увѣренность въ несомнѣнности услѣха.

Къ сожалѣнiю баронъ сегодня рѣшительно не былъ расположенъ сочувствовать даже болѣе счастливымъ идеямъ, и трескучая рѣчь полковника произвела на него самое неблагоприятное дѣйствiе.

— Я не совѣтовалъ бы вамъ, сказалъ онъ холодно.

— Почему?

— Да потому что это вздоръ.

Бойко взмахнулъ на него своими юркими глазами и улыбнулся.

— А вотъ увидите какой это вздоръ, сказалъ онъ.—Вы думаете вы одинъ такъ смотрите? Всѣ, всѣ говорятъ то же самое, потому что... потому что вѣрить въ такiя вещи научаются посябъ, когда ихъ можно такъ-сказать оцупать пальцами. Ну да у меня это рѣшено, и вы сами видѣли какъ я разработалъ вопросъ до мельчайшихъ подробностей. А я вотъ о чемъ хотѣлъ просить васъ, баронъ: я разчитываю что вы возьмете на себя экономическую и финансовую часть. Пожадуста! А васъ, Константинъ Павловичъ, я буду просить вести фельетонъ. Знаете этакiй общiй фельетонъ: о театрахъ гуляньяхъ, событiяхъ въ большомъ свѣтѣ, модахъ, новостяхъ... Объ условiяхъ говорить не стоить, я знаю что мы сойдемся. Вамъ, баронъ, я предложилъ бы лять тысячъ! Послѣ можно даже возвысить, но въ первое время разумѣется надо соблюдать экономiю. Я надѣюсь впрочемъ реализовать для начала основной капиталъ тысячъ во сто. Вы бы приняли участiе тысячъ въ пятидесяти, налримврѣ.

— Ни даже въ пятидесяти колѣнкахъ, возразилъ баронъ, которому послѣднiя слова полковника показались ужъ просто насмѣшкою.

— Но почему же, почему? требовалъ Бойко.

— Я вамъ сказалъ: потому что это очень глупо! отрѣзалъ баронъ.

Бойко обидѣлся.

— Вы можете, баронъ, отклонить мои предложенiя, но я удивляюсь что вы позволяете себѣ такъ выражаться! сказалъ онъ слегка покраснѣвъ.

— Нѣтъ, я признаться не вижу ничего глупаго въ этомъ проектѣ, замѣтилъ Кокò, которому очень понравилась неожиданная перспектива сдѣлаться фельетонистомъ. И знаете, я думаю что вы совершенно вѣрно угадали, у меня есть именно этакое... этакое для фельетона...

— Да непременно! поддержалъ полковникъ, быстро повернувшись къ нему на коблучкахъ.

— Мнѣ кажется, процѣдилъ Кокд.—Вѣдь мои фельетоны будутъ по-французски?

Полковникъ вылучилъ глаза.

— Нѣтъ, какъ же по-французски? озадачился онъ, замѣчая какъ отъ одного этого вопроса дѣло даже для него самого получаетъ совершенно глухой видъ.

Баронъ всѣмъ этимъ разговоромъ просто готовъ былъ обидѣться и съ досадою сталъ натягивать перчатки.

— Такъ какъ же? остановилъ его Бойко.

— Чтò такое?

— Вы не хотите участвовать? Я долженъ вамъ сказать что имѣю предложенія отъ другихъ лицъ, но мнѣ пріятнѣе было бы имѣть дѣло съ вами, потому что я цѣню въ васъ образованнаго человѣка.

— Очень вамъ благодаренъ, но пожалуста оставьте меня въ покоѣ, отвѣтилъ баронъ, и подавъ обоимъ уже затамуютую въ перчатку руку сердито ушелъ изъ правленія.

X.

Рѣшившись во чтò бы то ни стало отыскать сегодня Безбѣднаго и если не облегчить тяготѣвшее надъ нимъ бремя, то по крайней мѣрѣ выйти изъ неизвѣстности, Павелъ Евгеньевичъ снова поѣхалъ къ нему на квартиру. Но судьба положительно надъ нимъ подшучивала: адвокатъ только что уѣхалъ въ Павловскъ. На этотъ разъ однако баронъ не только не огорчился, но скорѣе даже обрадовался: „тамъ по крайней мѣрѣ я навѣрное его поймаю“, подумалъ онъ, и разспросивъ у швейцара адресъ дачи, со слѣдующимъ же поѣздомъ отправился въ Павловскъ.

— Дома? спросилъ онъ Авенира, услѣдшаго уже разобраться и пріодѣться.

Авениръ пребылъ секунду въ нерѣшимости—онъ еще не влодавъ овладѣлъ новыми условіями жизни, какія представлялись на дачѣ и притомъ на одной дачѣ съ Лилочкой, но зная барона Грабена за человѣка близкаго и съ вѣсомъ, рѣшился провеста его въ кабинетъ.

Несмотря на озабоченное и взволнованное состояніе своего духа, баронъ не могъ не обратить вниманія на чрезвычайную кокетливость комнатъ, черезъ которыя онъ прох

дилъ. Онъ зналъ въ этомъ толкъ и только подивился откуда у Безбѣднаго такъ много вкуса и зачѣмъ ему эти затынутые розовымъ кретономъ и модною коломенкой будуары и гостиныя... Въ одной изъ комнатъ ему бросилась въ глаза забытая на столѣ дамская шляпка и перчатки. Слабый, раздражающій запахъ духовъ коснулся его обонянія. „Гм“, сказалъ баронъ, какъ-то странно поведя усами.

Кабинетъ Безбѣднаго занималъ большую глубокую комнату съ выходомъ въ садъ. Въ другую, полупритворенную дверь видна была часть сервированнаго къ обѣду стола. Хозяинъ вошелъ вслѣдъ за барономъ и любезно пожалъ ему руку.

— Я цѣлый день гонялся за вами по Петербургу, сказалъ баронъ. — Быть-можетъ я помѣшалъ вамъ, вы собираетесь обѣдать?

— О, не безпокойтесь пожалуйста, отвѣтилъ Безбѣдный. — Мы переговоримъ если у васъ есть до меня дѣло, а потомъ вы можете-быть сдѣлаете мнѣ честь отобѣдать со мной?

— Мерси, поблагодарилъ баронъ, вовсе однако не имѣя въ виду воспользоваться этимъ приглашеніемъ.

Безбѣдный подвинулъ кресло и ящикъ съ сигарами. По взволнованному лицу Павла Евгеньевича и его слѣдственному визиту онъ почти угадывалъ что привело его, и предстоящее объясненіе заранѣе доставляло ему нѣкоторое злорадное удовольствіе.

— Итакъ въ чемъ дѣло, любезнѣйшій баронъ? пригласилъ онъ, усаживаясь въ кресло.

— Дѣло очень непріятное, и если вы слѣдите за биржей, то вѣроятно также встревожены какъ и я, сказалъ баронъ. — Вы видѣли вчерашніе курсы?

Адвокатъ наклонилъ голову. „Послушаемъ какъ онъ будетъ Лазаря лѣтъ“, подумалъ онъ.

— Вѣдь это ужасно! если дѣло не поправится, то я потеряю все, все что имѣю! больше того что имѣю! воскликнулъ баронъ, и голосъ его взволнованно дрогнулъ. — Но главное я поутру заѣзжалъ къ Каричу чтобы обсудить съ нимъ наше положеніе, придумать какія-нибудь мѣры, и что жъ оказалось? Онъ изподтишка сбывъ всѣ акціи, такъ что ему нѣтъ до насъ никакого дѣла! Какъ вамъ покажется подобная подлость? Пока мы бились надъ организаціей дѣла, рисковали своимъ состояніемъ, онъ преспокойно спекулировалъ на нашъ счетъ и положилъ себѣ въ карманъ огромную премію! Обмошенничалъ насъ какъ барановъ!

Безбѣдный раскурилъ сигару и задумчиво повелъ глазами.

— Мнѣ кажется вы не такъ смотрите, любезнѣйшій баронъ, сказалъ онъ.—Разумѣется, очень жаль что вамъ предстоитъ вести убытокъ и я понимаю ваше раздраженіе, но по-моему Каричъ, какъ и каждый изъ насъ, имѣлъ полное право распорядиться своими акціями какъ ему казалось выгоднѣе.

— А я напротивъ вашей точки зрѣнія совершенно не понимаю и считаю что со стороны Карича это величайшая подлость! возразилъ баронъ.—Онъ вошелъ съ нами въ дѣло и долженъ былъ вести его открыто, а не продавать за нашу сливой акціи и не заваливать ими биржу. Вѣдь вотъ мы съ вами не сдѣлали какъ онъ, хотя тоже могли бы получить громадную премію.

Безбѣдный чуть примѣтно улыбнулся. „Оказать сразу или нѣтъ?“ подумалъ онъ. Но ему хотѣлось сначала узнать кое-что насчетъ барона.

— Вы говорите о возможности потерять все что имѣете; неужели дѣйствительно всѣ ваши деньги положены въ это дѣло? спросилъ онъ тономъ участія.

— Рѣшительно всѣ, отвѣтилъ откровенно баронъ.

— Но несмотря на паденіе, которое вѣроятно еще и не остановится, акціи все-таки что-нибудь стоять, замѣтилъ Безбѣдный;—въ случаѣ ликвидаціи вы еще можете реализовать нѣкоторую часть капитала.

— Покорно благодарю! сказалъ баронъ, мрачно обведя глазами комнату.—Къ сожалѣнію, я даже и на это не могу разчитывать, потому что кромѣ собственныхъ денегъ я вложилъ еще капиталъ брата, за который разумѣется несу отвѣтственность.

— Такъ и Андрей Евгеніевичъ тоже страдаетъ? тѣмъ же тономъ участія спросилъ адвокатъ.

Баронъ мрачно промолчалъ.

— Но баронесса вѣроятно была осторожна и не покупала нашихъ акцій? продолжалъ освѣдомляться Безбѣдный.

— Матап имѣетъ небольшое число и это меня тоже очень заботитъ, потому что разумѣется прежде всего надо устроить чтобъ она не понесла никакого убытка, объяснилъ съ прежнею откровенностью баронъ.

Лицо Безбѣднаго приняло серіозное выраженіе. Хотя онъ не безъ злораднаго чувства узналъ объ обрушившейся на семью Грабенъ катастрофѣ, но положеніе дѣла представля-

дось болѣе серіознымъ чѣмъ онъ ожидалъ. Барона Андрея ему было даже почти жаль.

Онъ всталъ, взявъ валявшійся на диванѣ хлыстъ, и похлопывая имъ по ногамъ прошедеся по комнатѣ.

— Да, это плохо. Дѣло очень плохо, сказалъ онъ.

Баронъ тоже всталъ и съ краснымъ отъ волненія лицомъ свѣдѣлъ за его крупною походкой. Ему ужасно не нравилось что-то снисходительно-развязное и какъ бы исполненное превосходства, выражавшееся во всѣхъ движеніяхъ адвоката. Убийственная мысль вдругъ представилась его уму.

— Вы можетъ-быть тоже продали ваши акціи? спросилъ онъ рѣзко и озлобленно, чувствуя какъ какой-то неприятный озноб пробѣжалъ по его спицѣ.

Безбѣдный дошелъ до стола, повернулся и, глядя прямо въ лицо барону ясными и немножко наглыми глазами, сказалъ:

— Разумѣется, давно продалъ.

Барону показалось какъ будто воздухъ наполнявшій его легкія не имѣеть выхода и что въ груди у него сейчасъ что-то разорвется. Но при этомъ ему стало какъ-то бессмысленно весело и онъ подумалъ что сходить съ ума.

— А! сказалъ онъ со страннымъ хрипомъ въ горлѣ, и посмотрѣлъ на Безбѣднаго вылученными безо всякаго выраженія глазами.

— Я признаться былъ увѣренъ что и вы тоже продали во время большого повышенія. Какъ же можно пропускать такіе случаи! замѣтилъ почти наставительно адвокатъ.

Баронъ сѣлъ и сейчасъ же олять всталъ. Онъ уже не чувствовалъ необъяснимаго стѣсненія въ груди, но кровь билась ему въ виски, и въ ухахъ стоялъ какой-то странный шумъ.

— Вы продали! повторилъ онъ, невнятно произнося слова.— И вы конечно знали что Каричъ тоже продалъ?

— Я его не спрашивалъ—дѣловые люди объ этомъ не говорятъ—но разумѣется когда акціи пошли съ такою преміей, я не сомнѣвался что онъ сдѣлаетъ какъ я, объяснилъ Безбѣдный.

— Значить вы не считали вообще это дѣло прочнымъ и выгоднымъ? спросилъ баронъ.

Безбѣдный пожалъ плечами и стегнулъ хлыстомъ по запыленному салогу.

— Зачѣмъ бы я участвовалъ еслибы не считалъ выгоднымъ? возразилъ онъ.—Все зависитъ отъ того какъ дѣйствовать. Я получилъ большую выгоду, вѣроятно и Каричъ также.

— Но вамъ не приходило въ голову что если вы оба спустите свои лапы и я останусь одинъ съ пятью тысячами акцій на рукахъ, то онъ уладутъ и я разорюсь? продолжалъ съ тѣмъ же хриломъ баронъ.

Онъ говоря ворочалъ головой, потому что воротничокъ тѣснилъ ему шею, на которой вздулись красныя и синія жилы. Адвокатъ повторилъ движеніе плечами.

— Любезнѣйшій баронъ, въ подобныхъ дѣлахъ каждый дѣйствуетъ на свой рискъ и страхъ, отвѣтилъ онъ.—Я безъ сомнѣнія могъ бы предупредить васъ, но съ ущербомъ для собственныхъ интересовъ, а вамъ извѣстно что наши отношенія не позволяли повода къ такому самопожертвованію. Они никогда не были искренни, а тѣмъ болѣе родственны...

Баронъ молча глядѣлъ на него налитыми кровью глазами. Последнія слова адвоката какъ будто новымъ и неожиданнымъ для него свѣтомъ озарили всю катастрофу. Онъ опять почувствовалъ странное удущье въ груди и въ горлѣ.

— Судьбѣ было угодно распорядиться нами весьма не одинаковымъ образомъ, продолжалъ Безбѣдный, нервно играя хлыстомъ.—Мы дѣти одного отца, но вы родились барономъ и богатымъ наслѣдникомъ, а я ничтожествомъ. Вы получили все готовое, а я всего долженъ былъ достигать медленно и трудно. Можетъ-быть именно потому вы считали себя въ правѣ относиться ко мнѣ всегда съ нѣкоторымъ... ну да, съ презрѣніемъ. Я не попрекаю, я только хочу напомнить что въ нашихъ отношеніяхъ не было мѣста родственному или даже дружественному чувству. И я предоставлялъ вамъ полную свободу презирать меня—вамъ и вашей татап, зная очень хорошо что нѣтъ ничего прочнаго на этомъ свѣтѣ и что жизнь скрываетъ иногда для каждаго изъ насъ самыя необыкновенныя сюрпризы.

Баронъ продолжалъ молча глядѣть и слушать, какъ будто то что говорилъ Безбѣдный доставляло ему какое-то бессмысленное наслажденіе. Кровь уже не стучала ему въ виски и лицо его внезапно поблѣднѣло.

— Такъ вы метили! вы исподоволь все подготовили и устроили! сказалъ онъ съ удушливымъ горловымъ звукомъ, и вдругъ что-то странное сдѣлалось въ немъ—какъ будто кровавое облако застлало ему глаза, комната пошла кругомъ, полъ подъ ногами заколебался. Онъ видѣлъ только возбужденныя, наглые глаза, глядѣвшіе на него сквозь кровавый чадъ,

и красивую бѣлую руку, игравшую предъ нимъ хлыстомъ. Онъ вдругъ сдѣлалъ почти безсознательное движеніе, вырвалъ этотъ хлыстъ и со свистомъ рѣзнулъ имъ по лицу Безбѣднаго.

Лязгъ хлыста и хриплый крикъ, услышанные имъ въ одно и то же мгновеніе, разогнали ольнявшій его чадъ. Онъ почти съ удивленіемъ посмотрѣлъ предъ собой, какъ будто не понимая случившагося; руки и ноги у него дрожали. Но когда Безбѣдный вдругъ кинулся къ нему съ искаженнымъ яростью лицомъ, онъ почувствовалъ возвращеніе дикой силы и охвативъ его словно желѣзными клещами, бросилъ на диванъ.

Когда онъ поднималъ голову, ему кинулось въ глаза совсѣмъ одурѣлое отъ страха лицо Авенира, лолотаващаго что-то такое совершенно непонятными звуками, и расширившіеся съ выраженіемъ недоумѣнія и ужаса зрачки большихъ черныхъ глазъ. Мысль о женщинѣ, бывшей почти свидѣтельницей только что происшедшаго, произвела на барона отрезвляющее и даже леденящее дѣйствіе. Онъ стиснулъ дрожащія губы, поклонился и вышелъ изъ комнаты.

Безбѣдный поднялся и пошатываясь сдѣлалъ нѣсколько безсознательныхъ шаговъ. Можно было подумать что онъ пьянъ. Задѣвъ ногой за коверъ, онъ чуть не упалъ лицомъ въ большое простѣночное зеркало, и растолыривъ руки ухватился за раму. Зеркало заколебалось и къ его лбу наклонилось какое-то словно чужое, ужасное лицо, съ большимъ краснымъ рубцомъ поперекъ. Это лицо и вся отраженная въ зеркалѣ комната шатались и какъ бы готовы были рухнуть на него.

Авениръ исчезъ, но за дверью присѣлъ на соломенный стулъ и съ минуту просидѣлъ на немъ въ совершенномъ столбнякѣ. О чемъ онъ думалъ въ эту минуту, и думалъ ли о чемъ-нибудь, онъ рѣшительно не могъ бы сказать. Потомъ онъ вдругъ схватилъ съ накрытаго къ обѣду стола двѣ бутылки, одну съ хересомъ другую съ кло-де-вужо, отнесъ ихъ въ свою комнату и тамъ разомъ одну за другою выпилъ ихъ до дна. Это съ нимъ случилось въ первый разъ въ жизни и онъ тотчасъ ольнявъ, но благодаря ли крѣпкой натурѣ или вслѣдствіе чрезвычайнаго нервнаго возбужденія, мысли его не только не залутились отъ ольнянія, но напротивъ прояснились. Онъ, кажется, именно теперь только уразумѣлъ случившееся, и повидимому не съ трагической стороны, потому что губы его сложились въ затѣшливую улыбку, и онъ слегка посвисталъ.

XI.

Безбѣдный шатаясь подошелъ къ дивану и тяжело опустился на него. Страшная, еще не испытанная тоска давила его и застигала мракомъ все куда обращалась его мысль. Закрывъ лицо руками, онъ только повторялъ улавлившимъ, но еще заобнымъ голосомъ:

— Какъ это я не убилъ его? какимъ образомъ могло случиться что я не убилъ его?

Липочка глядя на него все тѣми же исполненными недоумѣнїя и ужаса глазами.

— Но объясни мнѣ что такое у васъ вышло? За что, по какому праву? спрашивала она.

Она припоминала все что ей было извѣстно объ отношенїяхъ Безбѣднаго къ семейству Грабенъ, но такъ какъ именно о дѣлахъ общества ассенизаціи она ничего не знала, то и предполагала во всемъ случившемся только отдаленные и нѣсколько таинственные мотивы.

— По какому праву? Вѣроятно по праву старшаго брата! усмѣхнулся Безбѣдный, стукнувъ зубами.— Или по праву мерзавца, какихъ очень много въ нашемъ подломъ обществѣ. Эти господа хорошо знаютъ что порядочному человѣку съ ними ничего нельзя сдѣлать, потому что порядочные люди боятся скандала. Я разумѣется могъ бы посадить его въ тюрьму, но вѣдь надо судиться, а подобный процессъ подорветъ меня. И безъ процесса весь городъ будетъ толковать... Надо было исподосовать его этимъ же самымъ хлыстомъ прежде чѣмъ онъ выйдетъ отсюда, тогда онъ молчалъ бы. Я не понимаю что со мной сдѣлалось въ ту минуту, я совсѣмъ потерялъ сознаніе.

— Но что за причина, Евгенийъ? что ты сдѣлалъ ему? хотѣла знать Липочка.

— Мы съ нимъ вмѣстѣ участвовали въ одномъ промышленномъ дѣлѣ, но такъ какъ я дѣла понимаю, а онъ нѣтъ, то я получилъ большую выгоду, а онъ разорился. И вотъ за это именно онъ хотѣлъ отомстить мнѣ и дѣйствительно отомстил! объяснилъ Безбѣдный.

Липочка посмотрѣла на него съ выраженїемъ неудовольственнаго любопытства.

— Но почему именно онъ разорился? почему онъ считаетъ тебя виноватымъ? Расскажи мнѣ все толкомъ, допыты- валась она.

Безбѣдный долженъ былъ пуститься въ объясненія. Онъ хотѣлъ передать дѣла въ болѣе общихъ чертахъ, обходя нѣкоторыя щекотливыя подробности, но Липочка настойчиво допытывала его именно о томъ что было неясно въ его разказѣ до тѣхъ поръ пока обстоятельства дѣла стали совершенно ей понятны.

— Но вѣдь вы съ Каричемъ дѣйствительно подвели его, сказала она.

Безбѣдный сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукой.

— Полно пожадуста, ничего ты въ этихъ дѣлахъ не понимаешь, проговорилъ онъ.

— Я понимаю что во всякомъ дѣлѣ можно поступать честно, возразила Липочка.

— Вотъ баронъ и поступилъ по твоимъ понятіямъ честно, разорившись и вымещая свое разореніе кулаками, раздражительно сказалъ Безбѣдный.—О, вся ихъ порода такая! Его отецъ исковеркалъ жизнь моей матери, выбросилъ меня какъ щенка на петербургскую мостовую, теперь его сынъ врывается ко мнѣ въ домъ и наноситъ самое тяжкое оскорбленіе, какое можно сдѣлать человѣческой личности. Не достаесть чтобы ты какъ всегда приняла его сторону и меня же сдѣлала виноватымъ предъ моимъ врагомъ! добавилъ онъ съ горечью.

— Когда же это я принимала сторону твоихъ враговъ? возразила Липочка.

— Всегда, всегда у тебя другіе бываютъ правы, продолжалъ съ тѣмъ же раздраженіемъ Безбѣдный.—Сколько я долженъ былъ спорить и мучиться чтобы заставить тебя отказаться отъ взглядовъ твоего отца, и потомъ вообще что бы я ни сдѣлалъ, на все у тебя какая-то подозрительная и оскорбительная точка зрѣнія. По-твоему я даже тѣмъ виновать что у меня бываетъ много денегъ, что я сижу на мягкой мебели и что мнѣ до сихъ поръ везло въ дѣлахъ. Совершенно одна точка зрѣнія съ Молостовымъ, который вѣроятно и есть твой настоящій идеалъ!

Липочка нахмурила свои выразительныя брови.

— Ты очень разстроены и самъ не знаешь что говоришь, Евгений, сказала она.

— Да, конечно разстроены, но только очень хорошо знаю что говорю, возразилъ Безбѣдный.—Я никогда, никогда не вижу съ твоей стороны полнаго довѣрія и сочувствія, и въ твоихъ отношеніяхъ ко мнѣ постоянно проглядываетъ что-то такое какъ будто ты считаешь себя нравственно чище и выше меня.

Лилочка съ удивленіемъ подняла на него глаза.

— Ты какого-то страннаго хочешь довѣрія и сочувствія, сказала она.—Еслибъ я считала тебя человѣкомъ не честнымъ, а не полюбила бы тебя. Но это правда что для меня богатство, роскошь, торжество тщеславія не имѣютъ такой цѣны какъ для тебя. И я думаю что ты былъ бы счастливѣе и лучше еслибы меньше любилъ все это.

— Ну да, больше я ничего и не разчитываю услышать отъ тебя, когда у меня на душѣ такое страданіе что только въ пору лулю въ лобъ себѣ лустить! съ горечью проговорилъ Безбѣдный.

Лилочка снова подняла на него глаза и еще лучше нахмурила брови. Она сама чувствовала что какъ-то сухо относится къ его горю, и ей было досадно зачѣмъ она не находитъ нѣжныхъ, ласковыхъ и жаркихъ словъ которыя утѣшили бы его. „Развѣ такъ любятъ? развѣ онъ не въ правѣ ожидать, чтобъ именно теперь, когда онъ такъ несчастливъ оскорбленъ и оставленъ, моя любовь выразилась бы во всей силѣ, чтобъ я въ эти минуты страданія была для него тѣмъ чѣмъ можетъ быть только та которую мы любимъ?“ спрашивала она себя съ тревогой и съ ощущеніемъ еще неясной укоризны. Но это были лустые, праздные вопросы, и они не могли разрушить чего-то стоявшаго между ней и его страданіемъ, какой-то необъяснимой перегородки, которой она никакъ не могла переступить.

Она опять искоса, раздумчивымъ и изучающимъ взглядомъ посмотрѣла на него. Онъ сидѣлъ опершись локтемъ на подушку дивана и олутивъ голову. Красная полоса перерывала лицо и сообщала ему новое, какое-то совсѣмъ матеріальное выраженіе. Словно весь смыслъ этого лица, этихъ умныхъ, вызывающихъ и властныхъ глазъ былъ потерянь, и ударъ хлыста обратилъ все въ простой кусокъ мяса. Лилочка опять взглянула на красный рубецъ. „Какое безчеловѣчіе!“ подумала она, внутренно вся вздрогнувъ и обращая это негодующее восклицаніе къ барону Грабену.

Поступокъ барона казался ей очень дурнымъ и жестокимъ, и сердце ея было очень возмущено противъ него, но что-то совсѣмъ личное и себялюбивое странно примѣшивалось къ этому чувству. Она негодовала какъ будто не за Безбѣднаго, а за себя, за новую, тяжелую и тулую тоску, давившую ей грудь. „О, гадкіе—всѣ, всѣ!“ говорило внутри, и этотъ голосъ словно стоялъ въ ушахъ, лютый и неотвязчивый.

Безбѣдному наконецъ нестерпимо стало что она такъ острожно отражаетъ его попреки. Эта спокойная печаль раздражала, потому что его улавлившіе нервы требовали возбужденія. Ему хотѣлось что-нибудь сломать, исковеркать, вызвать катастрофу которая заставила бы хоть на минуту забыть случившееся. Онъ всталъ, подошелъ къ зеркалу и тотчасъ быстро повернулся.

— Какъ вы могли его вылустить! какъ ты не поняла что я долженъ былъ убить его прежде чѣмъ онъ переступитъ порогъ этой комнаты! повторилъ онъ съ трагическимъ движеніемъ руки.

— Но ты всегда можешь найти его, сказала Лилочка.

— Нѣтъ, я долженъ было исколотить его здѣсь, на мѣстѣ, чтобъ это было также постыдно для него какъ для меня, тогда по крайней мѣрѣ я зналъ бы что онъ будетъ молчать, возразилъ адвокатъ сквозь стиснутые злобой зубы.—А теперь что мѣшаетъ ему хоть бы въ эту самую минуту повѣствовать кому вздумается что я его обмошенничалъ и что онъ за это стегнулъ меня хлыстомъ по физиономіи? Боже мой, я кажется способенъ чортъ знаетъ что сдѣлать!

Онъ прислонился къ столу и закрылъ лицо руками. Лилочка подошла къ нему и молча прижалась плечомъ къ его плечу. Ей было невыразимо жаль его, но она не находила тѣхъ словъ которыхъ искала—и какъ-то опускались руки..

— Мнѣ кажется всегда можно заставить его молчать, сказала она послѣ продолжительной паузы.

-- Напримѣръ? полюболытствовалъ Безбѣдный.

— Но какъ обыкновенно поступаютъ когда хотятъ зажать ротъ клеветѣ или злословію? Вѣдь ты такой же взрослый мужчина какъ и онъ. Ты могъ бы отослать ему тѣ деньги изъ-за которыхъ у васъ все вышло и потребовать удовлетворенія за оскорбленіе.

— То-есть заллатить ему нѣскольکو десятковъ тысячъ и въдобавокъ подставить свой лобъ подъ пулю... мерсі за

счастливаю идею, сказалъ съ неприятнымъ смѣхомъ Безбѣд-
ный.—Нѣтъ, я знаю нѣчто лучше этого. Да, знаю. Я ему
перевѣгу дорогу, вотъ что. Я самъ буду кричать что исколотилъ
его, что у него на лицѣ слѣды пощечины—посмотримъ
кто изъ насъ окажется краснорѣчивѣе и гордастѣе. И такъ
какъ обоемъ намъ очевидно нельзя будетъ вѣрить, то публика
остановится на предположеніи что между нами произошла
обоюдная потасовка, а этимъ у насъ никого не удивить.
Поговорять и перестануть, а все-таки онъ разоренъ и вы-
брошенъ изъ своей привилегированной колеи. Да, вотъ какъ
дѣлаютъ въ подобномъ положеніи. Каналья Авениръ кажется
все видѣлъ? обратился онъ къ Дилочкѣ, замѣтно оживлен-
ный новымъ оборотомъ мыслей.

— Онъ вбѣжалъ въ одно время со мной, отвѣтила она.

— Пожалуста пошли его ко мнѣ. Надо начать съ него.

Дилочка почти съ радостью вышла изъ кабинета и пославъ
горничную отыскать Авенира, прошла въ свою комнату.
Тамъ она сѣла къ окну и сжала руками голову, какъ будто
хотѣла остановить мучительную возню, присходившую въ
мозгу...

Авениръ, освѣжившій уже какъ намъ извѣстно свои мысли
двумя бутылками отличнѣйшаго вина, съ видомъ почтитель-
ной независимости сталъ у дверей. Онъ съ любопытствомъ
глядѣлъ на адвоката и кажется былъ очень радъ найти на
его лицѣ еще не исчезнувшій слѣдъ хлыста.

— Ты видѣлъ все что тутъ происходило? быстро повер-
нулся къ нему Безбѣдный.

— Все рѣшительно видѣлъ, отвѣтилъ какъ бы съ удоволь-
ствіемъ Авениръ.

— Вотъ затѣмъ-то я и позвалъ тебя. Надо чтобъ объ
этомъ ни слова, ни гу-гу! Даже чтобы съ моею собственною
прислугой никакихъ разговоровъ не было! А если кто заго-
ворить съ тобою насчетъ случившагося тутъ, такъ ты дол-
женъ сказывать что молъ навѣрное ничего не знаю, не ви-
далъ, а кажется только что нашъ баринъ порядочно оттре-
палъ барона за дерзость. Понимаешь?

Лицо Авенира вдругъ сдѣлалось серьезно и даже мрачно.
Онъ молчалъ.

— Понимаешь ты чего я отъ тебя требую? повторилъ уже
съ признаками нетерпѣнія Безбѣдный.

Авениръ тряхнулъ кудрями.

— Воля ваша, Евгенийъ Саввичъ, только я никакъ не могу-съ, сказалъ онъ.

— Какъ не можешь? что такое не можешь? вскричалъ адвокатъ.

— Не могу-съ. Помилуйте, какъ же это возможно свидѣтельствовать въ противномъ видѣ? Я вѣдь собственными глазами все видѣлъ. Господинъ баронъ никогда этого не дозволить, и я могу очень претерпѣть за то, объяснилъ Авениръ.

Безбѣдный внимательно взглянулъ на него, и то что онъ прочиталъ на его лицѣ повидимому не только не возмутило его, но даже какъ будто доставило ему удовольствіе, какъ бываетъ когда мы видимъ что пугающее насъ затрудненіе сходить на такую почву на которой мы чувствуемъ себя совершенно свободно. Онъ отлеръ бюро, досталъ оттуда сто-рублевую бумажку и молча бросилъ ее на столъ. Авениръ на все это смотрѣлъ серьезно и мрачно и не пошевелился.

— Ну, возьми, сказалъ адвокатъ, указывая глазами на асигнацію. Авениръ не трогался съ мѣста.

— Что жъ тебѣ мало, что ли? крикнулъ уже съ запальчивостью Безбѣдный.

— Помилуйте, Евгенийъ Саввичъ, за такое дѣло тысячи рублей мало. Не понимаю я развѣ что ли! объяснилъ Авениръ, снова тряхнувъ кудрями.

Адвокатъ былъ взбѣшенъ, но это было почти пріятное бѣшенство, причинявшее нѣкоторый умственный моціонъ въ весьма знакомой сферѣ дѣятельности и отвлекавшее отъ болѣе тягостныхъ впечатлѣній только-что случившагося. Авениръ былъ очевидно плутъ и каналья, но такъ какъ Безбѣдный понималъ его плутовство, то ему почти пріятно было кричать на него и показывать что онъ видитъ его насквозь и знаетъ настоящую цѣну его лакейской услугъ. Когда наконецъ Авениръ мрачно взялъ со стола двѣ радужныя асигнаціи и пропустилъ ихъ въ жилетный карманъ, Безбѣдному даже какъ будто весело стало, хотя онъ все еще продолжалъ кричать и браниться.

„Чортъ знаетъ, какъ все лутается въ жизни!“ сказалъ онъ самъ съ собой, оставшись одинъ.

XII.

Баронъ скорыми шагами шелъ домой. Лицо его все еще было красно и въ груди тѣснило; повременамъ онъ останавливался чтобы впустить въ себя гаубокій гаотокъ воздуха, и какъ-то подозрительно оглядывался выпученными глазами. Онъ очень походилъ на быка, удаляющагося съ арены, гдѣ онъ только что растерзалъ кого-то и самъ получилъ опасную рану.

Ксенія Михайловна на дачѣ обѣдала раньше чѣмъ въ городѣ, и когда баронъ вернулся, лакеи уже убрали со стола; но для него былъ оставленъ обѣдъ. Несмотря на отсутствіе аппетита баронъ все-таки присѣлъ къ столу, проглотилъ нѣсколько ложекъ супу, попробовалъ котлетку съ грибами и нашелъ что это очень вкусно. Жареные дупеля и горошекъ съ тающими на немъ кусками свѣжаго сливочнаго масла тоже глядѣли аппетитно. Баронъ покушалъ и залилъ своимъ любимымъ очень крѣпкимъ шамбертенемъ. Кажется въ этой обстановкѣ семейнаго at home онъ уже гораздо легче владелъ собою и возвращался къ своему обычному самообладанію. Онъ даже не забылъ выполоскать ротъ и тщательно вытереть мокрою салфеткой усы. Затѣмъ онъ закурилъ сигару, и хотя ему очень надо было поскорѣе увидѣть мать, но онъ никогда не позволялъ себѣ входить въ ея комнату съ сигарой, и поэтому пошелъ въ садъ.

„Буду ли я курить такія сигары когда выйдетъ ящикъ?“ задалъ онъ себѣ вопросъ, затагиваясь благовоннымъ дымомъ, особенно пріятно ложившимся въ груди послѣ нѣсколькихъ жирнаго обѣда. Этотъ вопросъ разомъ перенесъ его въ сферу предстоявшей ему вслѣдствіе разоренія перемѣны, вмѣстѣ со всѣми заботами и лишеніями, очень мелкими и низкими и потому тѣмъ болѣе на его взглядъ оскорбительными. Баронъ былъ очень себялюбивый и избалованный человекъ и не привыкъ ни къ какимъ утратамъ; но можетъ-быть даже очень серіозную утрату для него было бы легче перенести чѣмъ измѣнить матеріальную обстановку жизни, сократить число блюдъ за обѣдомъ, довольствоваться услугами единственнаго лакея, курить нѣмецкія сигары, шить платье у нѣмецкаго портнаго и внимательно обсуждать свой бюджетъ прежде чѣмъ рѣшиться на издержку въ нѣсколько десятковъ

рублей. Раздумывая обо всемъ этомъ, баронъ не только не испытывалъ раскаянiя въ своемъ метительномъ поступкѣ, но напротивъ находилъ что онъ совсѣмъ еще не отомщенъ и что Безбѣдный хотя бы и со слѣдами хлыста на лицѣ долженъ чувствовать себя все-таки гораздо лучше чѣмъ разоренный имъ баронъ.

Баронесса, узнавъ о прiѣздѣ сына, сама вышла къ нему въ садъ и по злому выраженiю его лица догадалась что онъ привезъ дурныя вѣсти.

Онъ повернулся къ ней навстрѣчу и почтительно подошелъ къ рукѣ.

— Чтѣ Андрей? У васъ былъ съ нимъ разговоръ? спросилъ онъ.

Ксенiя Михайловна продолжала съ безлокойствомъ глядѣть ему въ лицо, на которомъ материнскiе глаза ея видѣли тучу. Такъ какъ она со своей стороны тоже не могла сообщить ничего утѣшительнаго, то только вздохнула и поискала въ карманѣ носовой платокъ.

— Онъ настаивалъ на своемъ? спросилъ Павелъ Евгениевичъ.

— Я боюсь что придется удовлетворить его, отвѣтила печально Ксенiя Михайловна.

Баронъ зацѣпилъ губами кончики своихъ рыжихъ усовъ и молча жевалъ ихъ. Ему очень тяжело было сообщить матери обо всемъ что онъ узналъ и сдѣлалъ въ этотъ день.

— А я боюсь что мы не въ состоянiи будемъ удовлетворить его, сказалъ онъ наконецъ.—Я привезъ дурныя вѣсти, папа. Меня обмошенничали и я разорился.

Баронесса всплеснула руками.

— Чтѣ ты говоришь, Поль?

— Я говорю что разорился, благодаря подлому мошенничеству Карича и Безбѣднаго, повторилъ кусая усы баронъ.—Когда акцiи сильно поднялись, оба они потихоньку продали свою часть, положивъ въ карманъ тысячъ по сту барыша, и завалили биржу такъ что сегодня одинъ жидъ предлагалъ мнѣ купить ниже курса. Завтра можетъ-быть будутъ давать по гривеннику за рубль.

Баронесса оглянулась на скамейку и сѣла. Лицо ея выражало какъ бы оцѣпенѣнiе.

— Но какое же они имѣли право? Развѣ нельзя ихъ заставить вернуть эти деньги? Вѣдь они сами выдумали все это дѣло и втянули тебя; они должны возратить твой капиталъ,

проговорила она, чувствуя какъ легкая судорога дергаетъ ей губы.

Баронъ продолжалъ жевать усы и выпяливъ руку опираясь на ней маяшетку.

— Ничего нельзя заставить ихъ сдѣлать, и это влоднѣ безнаказанное мошенничество, возразилъ онъ.—И кромѣ того обдуманное и издалека подготовленное мошенничество, какъ оказалось изъ словъ Безбѣднаго. Онъ такимъ образомъ отомстил мнѣ за нашего отца!

Баронесса снова всплеснула руками.

— Но вѣдь это низко. Чѣмъ же ты виноватъ предъ нимъ?

При воспоминаніи о только-что разыгравшейся сценѣ лицо барона снова налилось кровью.

— Вы развѣ не понимаете этого удовольствія для господина Безбѣднаго разорить барона Грабена? злобно возразилъ онъ.—Брызнуть на него грязью съ колесъ своей щегольской коляски, когда онъ будетъ лѣшкомъ переходить улицу? Онъ долженъ быть дьявольски счастливъ, представляя себѣ такую картину. Но я ему немножко испортилъ его счастье. Я хлестнулъ его хлыстомъ по физиономіи, и полагаю что при встрѣчѣ со мною этотъ рубецъ долго будетъ горѣть на его лицѣ!

Баронесса поблѣднѣла.

— Это ужасно, Поль. Вѣдь онъ твой братъ, воскликнула она.

Павель Евгеньевичъ прикусилъ кончики усомъ, такъ что зубы его скрипнули.

— Пожалуста, папан, не будемъ объ этомъ говорить, сказалъ онъ.—Я сообщилъ вамъ что я сдѣлалъ, потому что вѣроятно всѣ будутъ говорить объ этомъ. Но мнѣ самому неприятно вспоминать. Вы не знаете гдѣ теперь Андрей? Надо ему сказать.

— André сейчасъ былъ въ моей комнатѣ, Дина хотѣла чтобъ онъ разказалъ какъ онъ проводитъ время въ деревнѣ, отвѣтила баронесса.—Ахъ, Поль, это ужасно! добавила она, волнуясь при одной мысли о томъ какъ Андрей приметъ вѣсть о постигшемъ ихъ несчастіи.

— Да, это ужасно, подтвердилъ почти холодно Павель Евгеньевичъ, съ силой швырнувъ въ траву окурокъ сигары.—Пожалуста, нельзя ли вызвать сюда брата?

Ксеція Михайловна нервнѣтельно встала.

— Ради Бога, Поль, постарайся быть спокойнымъ.... André вспылчивъ и взбалмошенъ, но ты всегда отличался такимъ благоразуміемъ и тактомъ, сказала она.—Можетъ-быть лучше было бы чтобъ я сама осторожно сообщила ему?

— Нѣтъ, я совершенно спокоенъ, возразилъ баронъ, и его все еще красное лицо приняло свойственное ему безстрастное выраженіе.

Баронесса ушла въ комнаты, внутренно дивясь обнаруженной ея сыномъ силѣ характера и думая о томъ что еслибы натуры Поля и Андрея смѣшать въ тѣсто и потомъ вновь выдѣлать ихъ обонхъ, то каждый изъ нихъ вышелъ бы отличнымъ человѣкомъ.

Павелъ Евгениевичъ въ ожиданіи брата принялся большими шагами ходить взадъ и впередъ по дорожкѣ. Садъ былъ маленькій, такъ что ему безпрестанно приходилось поворачивать, и это злило его. Кромѣ того, онъ теперь только замѣтилъ что уже лада роса, и смоченная пыль на салогахъ образовала грязныя лятна. Онъ остановился, приподнял одну ногу чтобъ осмотрѣть коблукъ, и вдругъ замѣтивъ у самаго края дорожки ненавистный ему желтый одуванчикъ, растопталъ его салогомъ. Это почти физическое отвращеніе къ одуванчикамъ составляло одну изъ многихъ непонятныхъ подробностей въ натурѣ барона.

— Ты меня искалъ, Поль? окликнулъ его Андрей, появляясь съ балкона.

На немъ былъ тотъ самый сѣренькій, уже значительно поношенный лиджакъ кромѣ котораго онъ кажется ничего не взялъ съ собою. Галстукъ, какъ всегда, сидѣлъ на немъ нѣсколько на бокъ, а воротнички не отличались свѣжестью. Къ этой неряшливости Поль никакъ не могъ привыкнуть и всегда дѣлалъ на брата большіе глаза, словно желая тѣмъ обратить его вниманіе на свой туалетъ. Онъ и теперь оглядывал его продолжительнымъ и какъ бы удивленнымъ взглядомъ.

— Да, искалъ, сказалъ онъ.

— Я радъ что ты наконецъ вернулся, у меня цѣлый день пропалъ. Матап безъ тебя ничего толкомъ не могла объяснить. Пожалуста, Поль, устрой это все поскорѣе, говорилъ Андрей, по обыкновенію недоумѣвая что такое братъ разсматриваетъ въ немъ и испытывая неопредѣленное неудовольствіе отъ этого взгляда.

Поль перенесъ наконецъ глаза на свой собственный салогъ, залащанный въ травъ, когда онъ топталъ одуванчикъ.

— Я долженъ сообщать тебѣ очень непріятныя новости, Андрей, сказалъ онъ. — Ты дурно сдѣлалъ что не требовалъ своей части раньше, пока я не впутался въ это проклятое дѣло, о которомъ говорилъ тебѣ вчера.

Лицо Андрея внезапно омрачилось.

— Я не требовалъ? Я постоянно требовалъ, но вы же всё увѣрали что я не сумѣю распорядиться своими деньгами и не хотѣли отдать мнѣ! возразилъ онъ.

— Можетъ-быть я дѣйствительно былъ неправъ, но я наказанъ, сказалъ Польш.— Дѣло не удалось и деньги пропали.

Андрей изподлобья бросилъ на него недовѣрчивый взглядъ. Онъ почти былъ увѣренъ что братъ только отыскиваетъ новый способъ отъ него отдѣлаться.

— Какія деньги? переспросилъ онъ.

— Мои почти всё, твоихъ очень много, отвѣтилъ Польш.— Я въ настоящую минуту даже приблизительно не могу сказать сколько пропало и сколько можно спасти.

Андрей молчалъ. Глухой, голосъ, которымъ говорилъ братъ, кажется заставилъ его повѣрить въ дѣйствительность катастрофы. Это было такъ неожиданно и соединялось съ такою массой совершенно новыхъ соображеній что онъ еще ничего не могъ отчетливо себѣ представить. Лично его касающаяся матеріальная сторона дѣла менѣе всего въ эту минуту была ясна ему и какъ будто менѣе всего его тревожила. Онъ даже почти съ радостью подумалъ что если это такъ, то онъ долженъ тотчасъ вернуться въ деревню и сказать все Танѣ. Тогда непременно должно что-то объясниться въ ихъ личныхъ отношеніяхъ и сдвинуться съ нестерпимой точки, на которой они остановились и которая раздражала и угнетала его.

Павла Евгеніевича удивляло молчаніе брата. Онъ лучше бы понималъ его еслибы тотъ вскрикнулъ, разразился бы гнѣвомъ или отчаяніемъ. Защипнувъ опять губами кончики усовъ, онъ глядѣлъ на него и думалъ почти злобно что этому непостижимому Андрею, съ его вѣчно измѣтymi воротничками и съѣхавшимъ на бокъ галстукомъ, съ его мрачнымъ Левоніемъ и какою-то Таней, въ сущности совсѣмъ не надо богатства и что вполнѣ несчастливъ только онъ самъ, одинъ только онъ самъ. Матанъ сохранить почти все; Андрею ничего не надо; Безбѣдный утѣшится и будетъ счастливъ, Каричъ станетъ еще богаче чѣмъ былъ, и только онъ, баронъ Польш, будетъ вполнѣ несчастливъ.

— Какимъ образомъ это все случилось? спросилъ Андрей.

— Я связался съ мошенниками, которые меня надули. Каричъ и Безбѣдный втянули меня въ дѣло, сами нажились, а меня разорили, объяснилъ баронъ.

— Ты думаешь что Безбѣдный тоже поступилъ мошенническимъ образомъ? усомнился Андрей.

— Спроси его, онъ вовсе не находитъ нужнымъ скрывать. Онъ сознается что мстилъ мнѣ за свое рожденіе.

— Странно, проговорилъ Андрей.—Тебѣ будетъ трудно остаться безъ прежнихъ средствъ, Поль, добавилъ онъ, задумчиво взглянувъ на брата.

Онъ дѣйствительно думалъ о томъ какъ непохожъ будетъ Поль самъ на себя, когда ему придется отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ привычекъ. Вчерашнее впечатлѣніе обставленной самыми менужными и дорогими вещами спальни, вышитыхъ шелками подтяжекъ и лакированныхъ ботинокъ съ такою почти комическою ясностью возобновилось въ мысли Андрея, что онъ самъ не замѣчая того усмѣхнулся. Но въ то же время другая и тоже почти радостная мысль занимала его. Онъ думалъ о томъ что „всѣ они“ (онъ всегда употреблялъ это выраженіе разсуждая о братѣ и о татаи, потому что подразумѣвалъ и весь ихъ кругъ, раздѣлявшій какъ ему казалось ихъ взгляды на него, Андрея)—„всѣ они“ постоянно считали его ни къ чему негоднымъ, ничего не понимающимъ и въ особенности непрактическимъ человѣкомъ, а между тѣмъ вотъ онъ теряетъ свое состояніе не по собственной винѣ, а по легкомыслію ихъ, умныхъ и дѣльныхъ, все понимающихъ и практическихъ людей. Эта мысль доставляла ему значительное и нѣсколько даже злорадное удовольствіе.

— Мнѣ будетъ трудно, подтвердилъ съ безстрастнымъ выраженіемъ лица Павелъ Евгениевичъ.

— Да, я понимаю. Видишь ли, Поль, я никогда не имѣлъ такой большой страсти къ деньгамъ, но мнѣ тоже очень тяжело потерять состояніе, потому что я ничего не могу приобрѣсть. Мнѣ много не нужно, но я ничего не могу самъ приобрѣсть, сказалъ Андрей.

Павелъ Евгениевичъ напряженно посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Ты теряешь далеко не все и будешь обезпеченъ гораздо лучше меня, возразилъ онъ.—Но разумѣется ты имѣешь полное право обвинять меня.

— Нѣтъ, вѣдь я не для того. Я только хотѣлъ сказать что еслибы мои деньги были у меня въ рукахъ, я никогда не

пустилъ бы ихъ въ спекуляцію. Надо было понять, Поль, что каждый всегда вѣрнѣе можетъ судить что для него лучше. Гораздо лучше было бы еслибы вы сдѣлали какъ я просилъ, сказалъ почти робко Андрей.

Павель Евгеньевичъ не отвѣчалъ и попробовалъ рукой хорошо ли на немъ лежить галстукъ: видъ брата всегда заставлялъ его какъ-то особенно тревожиться о своемъ собственномъ туалетѣ.

Андрей сдѣлалъ движеніе чтобъ уйти.

— Я вернусь въ деревню, Поль. Ты мнѣ напиши когда все окончательно обнаружится, сказалъ онъ.— Вѣдь надо же знать, не правда ли?

И онъ протянулъ руку. Павель Евгеньевичъ, пожимая ее, сознавалъ что что-то произошло между ними, что одинъ изъ нихъ обнаружилъ нѣчто имѣющее на человѣческомъ языкѣ очень громкія наименованія, что въ отвѣтъ на это онъ долженъ что-то сказать, что-то сдѣлать.

— Андрей! окликнулъ онъ не громко, когда тотъ уже повернулся—и въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ только еще разъ молча и крѣпко сжалъ ему руку.

XIII.

Небо меркло и наполненный тѣнями маленькій садикъ казался гораздо больше и гуще чѣмъ днемъ. Темъ какъ будто отодвигала куда-то далеко конецъ дорожки, по которой Павель Евгеньевичъ продолжалъ большими шагами ходить взадъ и впередъ. Онъ нѣсколько разъ чуть не наткнулся на заборъ, обманутый темнотой, и занятый своими грустными мыслями не замѣчалъ усталости. „Да, я одинъ, одинъ буду несчастливъ“, повторялъ онъ самъ себѣ, какъ будто именно въ томъ что никто не раздѣлитъ обрушившейся на него катастрофы, заключалась самая мучительная ея сторона. „И они все будутъ проклинать меня, и я буду предъ всеми виновать. Я буду виновать даже предъ Безбѣднымъ, зачѣмъ ударилъ его хлыстомъ.“ Эта мысль приводила барона къ странному заключенію—что жизнь неизмѣримо труднѣе чѣмъ ему всегда представлялось.

„Андрей уже тѣмъ будетъ утѣшенъ что страдать не по своей, а по моей винѣ“, продолжалъ онъ думать. По какимъ

образомъ могло случиться что онъ, баронъ Поль, котораго всѣ считали такимъ благоразумнымъ, холоднымъ, сдержаннымъ, такъ знающимъ свѣтъ, такъ понимающимъ практическую сторону вещей, надѣлалъ столько глупостей? Онъ не только разорился, разорилъ брата и множество тѣхъ неизвѣстныхъ существованій которыя лопаются при биржевомъ крахѣ, но вдобавокъ онъ можетъ-быть одинъ изъ всѣхъ пострадавшихъ не имѣеть въ своемъ внутреннемъ мірѣ никакого закоулка, гдѣ онъ могъ бы укрыться въ эти тяжкіе дни горя и сокрушенія. „Мамап прибѣгаетъ къ религіи. Андрей уѣдетъ въ деревню, гдѣ его ждетъ любимая имъ женщина. У Безбѣднаго тоже есть любовь. Даже у Карича есть любовь.“

Баронъ сжалъ зубы, какъ будто это послѣднее направленіе мысли причинило ему самую сильную боль. Онъ сѣлъ на скамью и, повернувшись лицомъ къ дому, смотрѣлъ какъ часть оконъ освѣтилась огнями. Вдругъ въ полосѣ свѣта между жиденькими кустами сирени появилась тѣнь женщины. Баронъ узналъ ее и въ волненіи всталъ со скамьи.

— Это вы, кузина? опросилъ онъ, подходя къ ней навстрѣчу.

Дина съ удивленіемъ оглянула его плохо видѣвшими въ темнотѣ глазами.

— Вы здѣсь, Поль? одни? Прежде вы никогда не гуляли въ саду, сказала она.

— О, я знаю что эта встрѣча могла быть только нечаянно! съ отгвѣкомъ горечи проговорилъ баронъ.

— Но зачѣмъ же намъ замышлять и готовить встрѣчи, когда и безъ того мы очень часто видимся? возразила Дина.

И такъ какъ при разговорахъ съ барономъ у нея всегда являлось опасеніе, не оскорбила ли она чѣмъ-нибудь его щелетильности, то она прибавила спокойно:

— Я сидѣла съ мамап, но пришелъ André и объявилъ что сегодня же уѣзжаетъ. Я подумала что можетъ-быть имъ надо о чемъ-нибудь переговорить между собой и вышла въ садъ. Отчего онъ такъ скоро собрался?

— Я радъ что вы пришли сюда, сказалъ баронъ, не отвѣчая на ея вопросъ.—Вы подарите мнѣ нѣсколько минутъ? Мнѣ бы хотѣлось очень важное сообщить вамъ.

Въ темнотѣ Дина плохо видѣла лицо барона, но въ звукѣ его голоса чувствовалось волненіе.

— Что случилось? спросила она.—Что-нибудь дурное?

— Да, дурное, подтвердилъ баронъ, и пошелъ съ ней рядомъ по аллеѣ.—Дурное для меня и для брата. Помните, вы когда-то спрашивали какое у меня дѣло съ Безбѣднымъ и зачѣмъ я рискую всѣмъ своимъ состояніемъ? Вы были правы, рисковать не слѣдуетъ. Я прогорѣлъ, долгулъ, а что хуже всего, по моей неосторожности пропала часть капиталовъ брата. Другую часть я надѣюсь сласти ему, но самъ я выйду ни съ чѣмъ.

— Вы разорились? тономъ участія переспросила Дина.

— Совершенно. У меня останутся ничтожныя крохи, да казенное жалованье.

— Но это ужасно! сказала Дина.

Личность Павла Евгеніевича была въ ея умѣ до такой степени связана съ представленіемъ о богатомъ чловѣкѣ что она даже и подумать не могла какъ это онъ будетъ жить на казенное жалованье.

— Но это жалованье довольно значительное? спросила она.

— Какъ для кого, отвѣтилъ баронъ;—для меня оно составляетъ ровно десятую часть того что я тратилъ. Я немножко дорого заплатилъ за урокъ, хотя онъ и многому научилъ меня.

Они дошли до конца сада и молча повернули. Два раза уже въ своей жизни Дина видѣла близко что значитъ разореніе богатой семьи, и несчастье барона было ей совершенно понятно. Она желала узнать подробности. Баронъ разказалъ всю исторію своего крушенія, не исключая и сегодняшней сцены съ Безбѣднымъ.

— Простите что я занимаю васъ своимъ личнымъ дѣломъ и ввожу васъ въ эту неопрятную обстановку спекуляціи, добавилъ онъ.—Мнѣ хотѣлось чтобы вы знали и судили. Исторія съ Безбѣднымъ разнесется по городу, многіе будутъ обвинять меня. Скажите, очень ли я дурно поступилъ?

— Если вы сами не увѣрены что поступили хорошо, значить это не было хорошо, отвѣтила Дина.

— Нѣтъ, я не обвиняю себя. Я думаю что я имѣлъ право избить его. Но я хочу знать, какъ будетъ судить о моемъ поступкѣ вашъ умъ и ваше чувство.

Дина задумчиво подняла голову.

— Я не могу судить, сказала она.

— Нѣтъ скажите, настаивалъ баронъ.—Скажите прямо, я прошу правды.

— Не просите, улынулась съ спокойною печалью на лицѣ Дина.—Чтобы судить надо понимать ту жизнь въ которой разыгралась катастрофа. Я ее не понимаю. Я многого не понимаю. Я каждый день вижу вещи которыя ускользаютъ отъ меня. То-есть я вижу что и какъ дѣлается, но когда я хочу войти въ эти интересы, въ эти страсти, въ эти вкусы и отношенія, я чувствую что это невозможно для меня, что я чужая, иностранка. Я ужь такъ и привыкла: жизнь—сцена, а я смотрю на нее изъ ложи.

— Это большое счастье, сказалъ съ едва примѣтнымъ отъѣнкомъ горечи баронъ.

— Я была бы совсѣмъ счастлива еслибы не было несчастныхъ людей, подтвердила Дина.

— Слѣдовательно и я въ числѣ этихъ послѣднихъ могу разчитывать на ваше участіе? спросилъ слегка измѣнившимся ему голосомъ баронъ.

Дина спокойно повернула къ нему голову.

— Вотъ совершенно лишній вопросъ, отвѣтила она.—Вы знаете что даже совсѣмъ, совсѣмъ чужое горе причиняетъ мнѣ страданіе, а вы изъ самыхъ близкихъ мнѣ людей.

Они опять находились въ той части сада гдѣ сумерки казались еще гуще рядомъ съ широкими полосами свѣта, лившагося изъ оконъ. Эта темнота, лившая имъ навстрѣчу изъ какой-то казавшейся недосыгаемой глубины и словно гнавшаяся за ними, когда они уходили отъ нея, тревожила напряженные нервы барона.

— Я считалъ бы себя счастливей чѣмъ былъ раньше еслибы могъ придать вашимъ словамъ то значеніе котораго они конечно не имѣютъ, сказалъ онъ.

Дина лукаиво взглянула на него и чуть-чуть прибавила шагъ.

— Вы похожи на благотворительную особу, которая чтобы одѣлать всѣхъ нищихъ бросаетъ имъ по грошу, продолжалъ баронъ.—Но на полученный грошъ никто изъ нихъ не будетъ сытъ, а еслибы эта милостыня не была размѣнена на гроши, она могла бы дать новую жизнь одному изъ нихъ.

— Я не мѣняю, у меня просто нѣтъ крупной монеты, возразила Дина.

Баронъ хотѣлъ отстранить нагнувшуюся надъ нею вѣтку и такъ сильно дернулъ ее что оторвалъ.

— Это неправда! сказалъ онъ почти грубо зазвенѣвшимъ голосомъ.—Я не въ состояніи допустить чтобы въ вашемъ

сердцѣ не было того чувства безъ котораго нѣтъ жизни. Дина, а до этой минуты не смѣлъ сказать вамъ что я люблю васъ. Когда я былъ богатъ, когда мнѣ везло, вы могли гордо отвергнуть меня, потому что презириаете богатство и успѣхъ,—о, я научился понимать васъ! Но теперь, когда я бѣденъ и несчастливъ, я говорю вамъ: я люблю васъ! Дина, мнѣ ничего не осталось кромѣ этого чувства—пощадите меня!

Онъ задышался и вдругъ, нагнувшись, схватилъ ея руку и припалъ къ ней губами. Дина хотѣла осторожно отнять ее; онъ не отдавалъ. Долго сдержанная, скрытная и упорная страсть воспламенилась и душила его.

Отвернувъ лицо, Дина въ смущеніи ждала когда онъ оставитъ ея руку. Выраженіе снисходительной досады сжало ея красивыя губы, и нетерпѣливая складка чуть прорѣзалась на изящномъ лбу. Она уже столько разъ слышала неожиданныя, невызванные, страстные признанія! Они пробуждали въ ней какое-то странное ощущеніе сожалѣнія и скуки, раздѣленное между самою собою и тѣми кого поработала ея красота.

— Полноте, Поль, зачѣмъ эти волненія! сказала она тономъ ласковой строгости. — Вы совершенно правы; съ тѣхъ поръ какъ на васъ обрушилось несчастье вы стали еще болѣе близки мнѣ, и видѣть Богъ какъ искренно я сочувствую вашему горю. Но неужели вы не поняли до сихъ поръ что отъ меня нельзя ждать и требовать ничего болѣе?

Павель Евгеніевичъ поднималъ голову и почти злобно взглянулъ на нее.

— Потому что я опоздалъ со своимъ гаулымъ признаніемъ? проговорилъ онъ хрипло.

Дина не выразила ни раздраженія, ни обиды — все та же снисходительная досада лежала на ея слегка опечаленномъ лицѣ.

— Нѣтъ, Поль, не оттого. Ни для васъ, ни для кого не можетъ быть ни рано, ни поздно. Я вамъ сказала: у меня нѣтъ крупной монеты, объяснила она спокойно и грустно.

— Но откуда этотъ холодъ, Дина, когда я знаю что въ вашемъ сердцѣ такъ много теплоты? уныло сказалъ баронъ.

Она воспользовалась тѣмъ что онъ выпустилъ ея руку и маленькими шажками пошла къ дому.

— Я могу возвратиться къ моему прежнему сравненію, отвѣтила она: — драма жизни меня волнуетъ и трогаетъ, я сочувствую и люблю—да люблю. Но броситься самой на сцену—нѣтъ, нѣтъ, никогда!

— Неправда, это невозможно, такъ нельзя прожить! злобно возразилъ баронъ, идя вслѣдъ за нею.—Это вздоръ. Рано или поздно явится же наконецъ тотъ кого вы полюбите какъ всѣ женщины любятъ. И тогда онъ отомститъ вамъ—о, какъ мы всѣ будемъ отомщены!

Дина вздрогнула озябшими въ ночной сырости плечами и ускорила шаги.

— Вамъ холодно? спросилъ баронъ, и въ голосѣ его ^{зв}звѣздала тоскливая иронія.

— Да, пойдѣте поскорѣе въ комнаты, тамъ тебѣ, отвѣтила Дина.

На ступенькѣ балкона она обернулась къ нему и прибавила съ снисходительною улыбкой на утомленномъ лицѣ:

— Но я не брошусь въ огонь чтобы согрѣться.

Баронъ молча отворилъ ей дверь и прошелъ въ свою комнату.

Андрея уже не было въ домѣ. Онъ хотѣлъ ночевать въ городѣ чтобы завтра съ утреннимъ поѣздомъ уѣхать въ деревню, и потому очень скоро простился съ матерью и взявъ шляпу и палку, никакихъ другихъ вещей съ нимъ не было, отправился въ вокзалъ.

Ему пришлось идти тою самою дорогою которою онъ шелъ прошлою ночью. Было уже почти также темно какъ вчера, но онъ тотчасъ узналъ большую дачу съ балкономъ, гдѣ его такъ поразилъ незнакомый женскій образъ, стоявшій тутъ неподвижно и одиноко въ лустынномъ холодѣ ночи. Онъ замедлил шаги и оглянулся. На балконѣ никого не было, окна съ этой стороны не свѣтились. Но у воротъ кто-то сидѣлъ со вслыхивавшею въ темнотѣ палпировскою. Андрей подошелъ и спросилъ: кто тутъ живетъ. Ему назвали Безбѣднаго. Онъ удивился, какъ будто это имя никакъ не вязалось въ его головѣ со страдальческимъ образомъ, поразившимъ его вчера. И ему тутъ же пришла мысль что можетъ-быть братъ очень односторонне сообщилъ ему насчетъ дѣла и что надо бы узнать что-нибудь отъ самого Безбѣднаго. Онъ рѣшился сейчасъ же зайти и позвонилъ у подъѣзда.

Авениръ, узнавъ его, съ испугомъ вытаращилъ глаза: онъ навѣрное подумалъ что Андрей пришелъ въ свою очередь бить барина. Это соображеніе до такой степени ошеломило его что онъ предъ самымъ носомъ посѣтителя захолопнулъ дверь и побѣжалъ доложить по секрету „барышнѣ“. Липочка

тоже очень встревожилась, она подумала что Павелъ Евгеньевичъ прислалъ брата условиться насчетъ дуэли. Ей показалось необходимымъ непременно самой его видѣть и узнать зачѣмъ онъ пришелъ. Она отворила дверь на балконъ и заглянула въ темноту улицы. Андрей еще стоялъ у крыльца, недоумѣвая по поводу страннаго исчезновенія Авенира.

— Баронъ! тихо кликнула его Лилочка.

Онъ подошелъ къ балкону и приподнял шляпу.

— Евгенийъ Саввичъ нездоровъ и не можетъ принять васъ въ эту минуту, но если вамъ очень нужно его видѣть, я могу передать, сказала она, вглядываясь въ темнотѣ въ незнакомое ей лицо Андрея.

Тотъ тоже со страннымъ любопытствомъ смотрѣлъ на нее, занятый все тѣмъ же вопросомъ: кто она и что могло связать ее съ Безбѣднымъ?

— Нѣтъ, мнѣ собственно ничего не нужно передать Евгению Саввичу, отвѣтилъ онъ.—Я шелъ мимо и случайно узналъ что онъ тутъ живетъ.

„Развѣ онъ еще не знаетъ?“ удивилась Лилочка.

— Завтра утромъ Евгенийъ Саввичъ вѣроятно могъ бы принять васъ, сказала она, полагая что во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ подавать подозрѣннй будто Безбѣдный запирается отъ посланныхъ барона Грабена.

— Завтра я не буду здѣсь, я уѣзжаю совсѣмъ, объяснилъ Андрей, и вдругъ самъ не зная зачѣмъ прибавилъ со страшною, почти дружескою нѣжностью въ голосѣ:

— Вы вчера ночью стояли здѣсь на балконѣ, когда я спрашивалъ есть ли на этой улицѣ гостиница?

Лилочка только теперь вспомнила объ этой почти незамѣченной ею встрѣчѣ и нагнулась чтобы лучше рассмотреть Андрея. Наивная, почти забавная сердечность, слышавшаяся въ его рѣчи, возбуждала ея любопытство.

— Да, ночь была очень хороша, мнѣ не хотѣлось сидѣть въ комнатахъ, сказала она, сама удивляясь этому завязавшемуся между ними разговору.

— Нѣтъ, вы не оттого. Я видѣлъ что вы не оттого, возразилъ тѣмъ же страннымъ тономъ Андрей.

Лилочка невольнымъ движеніемъ лодвинулась къ нему, какъ будто ей необходимо было найти въ выраженіи его лица объясненіе недосказанной мысли. Андрей спокойно смотрѣлъ на нее своими невинными глазами.

— Вы удивляетесь отчего я понялъ? сказалъ онъ. — Я не знаю, но это было такъ ясно. Я васъ никогда прежде не встрѣчалъ и даже не зналъ что здѣсь живетъ Евгеній Савичъ. Но такой муки какая была написана на вашемъ лицѣ я еще никогда не видалъ. Такъ мучатся только тѣ кто живетъ черезъ силу, когда ужь не хочется жить. Впрочемъ какое же я имѣю право говорить съ вами объ этомъ? добавилъ онъ, неловко потрогавъ свою мягкую шляпу. — Извините меня пожалуйста. Имѣю честь кланяться.

И онъ отошелъ, покачиваясь на крѣпкихъ толстыхъ ногахъ и описывая палкой круги по воздуху. Липочка съ недоумѣніемъ посмотрѣла ему вслѣдъ, и когда онъ уже скрылся въ темнотѣ, она продолжала чувствовать что вся она словно сжалась подъ впечатлѣніемъ этого посторонняго взгляда, внезапно заглянувшего ей въ душу. Но хотя ей было и досадно, и стыдно, и почти больно, она не сердилась на него.

В. АВСѢНКО.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

РАЗКАЗЫ БАБУШКИ *

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЯТИ ПОКОЛѢНІЙ

ЗАПИСАННЫЕ И СОБРАННЫЕ ЕЯ ВНУКОМЪ

Г Л А В А X.

I.

При нашемъ прїѣздѣ въ Москву она уже начинала обстраиваться, но все-таки была еще ужасная картина. Весь городъ по сю сторону Москвы-рѣчки былъ точно какъ черное большое поле, со множествомъ церквей, а кругомъ обгорѣлые остатки домовъ: гдѣ стоятъ только печи, гдѣ лежитъ крыша обрушившаяся съ домою; или домъ цѣлъ, сгорѣли флигеля; въ цномъ мѣстѣ уцѣлѣлъ только одинъ флигель... Увидѣвъ Москву въ такомъ разгромѣ, я горько заплакала: больно было увидать чтоъ стало съ этою древнею столицей, и не вѣрилось чтоъ она когда-нибудь и могла опять застроиться.

Но нѣтъ худа безъ добра, послѣ пожара она стала гораздо лучше чѣмъ была прежде: улицы стали шире, тѣ которыя были кривы выпрямились, и дома начали строить больше все каменные, въ особенности на большихъ улицахъ.

См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 3, 4, 5, 7 и 8 1878 года.

Дома обоихъ моихъ братьевъ уцѣлѣли и мы рѣшили что пристанемъ у брата Николая Петровича, который и приглашалъ насъ, а невѣстка хотѣла послать о нашемъ пріѣздѣ распоряженіе къ себѣ въ домъ, такъ какъ они жили въ Покровскомъ, а домъ ихъ на Знаменкѣ былъ пустой. Вотъ, пріѣхавъ въ Москву, мы и отправились прямо на Знаменку. Выходитъ къ намъ человекъ жившій въ домѣ и говоритъ намъ: „Я принять васъ не смѣю, потому что, уѣзжая, господа не приказали никого принимать“.

Я говорю ему: „Да вѣдь я сестра Николая Петровича, и невѣстка хотѣла писать что мы поселимся здѣсь первое время пока мы не найдемъ дома“.

— Не смѣю, сударыня, а писемъ не было.

Это меня очень оскорбило....

— Ну, свои не принимаютъ, сказалъ мнѣ Дмитрій Александровичъ, поѣдемъ къ чужимъ, къ моему другу Дмитрію Николаевичу Щербачеву: онъ хотя и не родня, а приметъ насъ съ распростертыми объятіями; я за это ручаюсь.

Такъ мы со Знаменки и поѣхали опять назадъ за Москворѣку на Пятницкую, гдѣ жилъ Щербачевъ, который дѣйствительно намъ очень обрадовался, и какъ ни тѣсно у него было, а для насъ нашлось мѣсто. Щербачевъ былъ товарищемъ Дмитрія Александровича по корпусу, былъ съ нимъ всегда очень друженъ и любилъ его какъ роднаго брата. Онъ былъ человекъ очень добрый, ласковый и пріятливый для всѣхъ, а для насъ былъ какъ самый близкій родственникъ, готовый на всякую послугу и одолженіе.

Онъ и тутъ, мало того что пріютилъ насъ, спрашиваетъ еще у моего мужа:

— Дмитрій Александровичъ, твой домъ сгорѣлъ, не нужны ли тебѣ деньги; ты пожалуста не стѣсняйся и скажи мнѣ, я всегда готовъ тебѣ предложить сколько могу, и счелъ бы за обиду еслибы помимо меня ты сталъ занимать у другихъ.

Добрый и хорошій былъ человекъ.

Такъ мы у него и заняли сколько-то тысячъ; взяли еще у Полуденскаго, у князя Шаховскаго и начали опять ломышлять о построеніи новаго дома на мѣстѣ сгорѣвшаго, а для pokryтія долговъ, въ которые намъ пришлось войти, мы рѣшили продать не слѣша наше тамбовское имѣніе, если выщется настоящій и хорошій покупатель, потому что цѣнили наше имѣніе, гдѣ была и усадьба, и земли не мало, и

почва прекрасная, не менѣ какъ тысячь въ двѣсти или болѣе, разумѣтся ассигнаціями, какъ тогда считали.

Говоря о пожарѣ Москвы, о перестройкахъ и перемѣнахъ въ городѣ, разкажу кстати о томъ какъ я застала Москву и что припомню о перемѣнахъ на моей памяти происшедшихъ.

Около Кремля, гдѣ теперь Александровскій садъ, я застала большіе рвы, въ которыхъ стояла зеленая вонючая вода и туда сваливали всякую нечистоту, и сказываютъ что послѣ Французовъ въ одномъ изъ этихъ рововъ долго валялись килы старыхъ архивныхъ дѣлъ изъ котораго-то кремлевскаго архива. Сады стали разбивать послѣ 1818 года. Въ Кремлѣ тоже внизу подъ горою, вдоль стѣны, былъ лустырь. Говорятъ, прежде при царяхъ тамъ были сады и царскіе парники, а потомъ все это упразднили и долгое время тамъ было очень неопрятно, въ особенности же послѣ непріятеля, когда туда сваливали всякій хламъ и мусоръ отъ взрывовъ.

Каменный мостъ я застала съ двойною башней на подобіе колокольни, онъ былъ крытый и по сторонамъ торговали дѣтскими игрушками. Самыя лучшія изъ игрушекъ были деревянные козлы которые стучаются лбами. Были игрушки и привозныя и заграничныя; ихъ продавали во французскихъ модныхъ лавкахъ, и очень дорого. Василій Блаженный, или Покровскій соборъ на Рву, былъ на холмѣ, который ничѣмъ не былъ обнесенъ. Набережная была только мѣстами вымощена, а берега рѣки камнемъ стали обкладывать при императрицѣ Екатеринѣ II въ 1790 годахъ, до тѣхъ лоръ они были и изрыты и часто весной обваливались.

Воспитательный Домъ достраивали и додѣлывали на моей памяти, въ то время какъ я была еще ребенкомъ. На его построение пошелъ матеріалъ приготовленный для загороднаго дворца Петра II гдѣ-то въ окрестностяхъ Москвы, въ имѣніи бывшемъ прежде за княземъ Меншиковымъ и отобраннымъ потомъ въ казну. * Много было разныхъ сужденій насчетъ

* Село Люберцы или Либерцы въ 15 верстахъ отъ Москвы по Коломенскому шоссе. Тамъ былъ деревянный дворецъ, въ которомъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ цѣлое лѣто жили великіи князь Петръ Феодоровичъ и великая княгиня Екатерина Алексѣевна. Тамъ былъ липовый регулярный садъ, остатки котораго видны и теперь. Дворецъ былъ разобранъ за ветхостію, сады мало-по-малу залущены и не осталось и слѣдовъ прежней роскошной усадьбы свѣтѣйшаго князя и дворца въ которомъ жила въ Петръ II, потѣшавшійся въ томъ мѣстѣ охотою.

Воспитательнаго Дома: кто осуждалъ, а кто и одобрялъ, и послѣднихъ было болѣе. Одни говорили что не слѣдуетъ дѣлать пріюта для незаконныхъ дѣтей, что это значитъ покрывать беззаконіе и покровительствовать разврату, а другіе смотрѣли на это иначе и превозносили милосердіе императрицы что она давала пріютъ для воспитанія несчастныхъ младенцевъ, невиновныхъ въ грѣхѣ родителей, которые, устыдившись своего увлеченія, чтобы скрыть свой позоръ, можетъ-статься прибѣгли бы къ преступленію и лишили бы жизни невиновныхъ младенцевъ, не имѣя возможности ни устроить ихъ, ни утаить ихъ, ни воспитать. И въ самомъ дѣлѣ, до учрежденія Воспитательнаго Дома такіе ужасные, несчастные случаи повторялись очень не рѣдко. Потому хвалившихъ императрицу было болѣе чѣмъ осуждавшихъ.

Стѣна которая идетъ по набережной, и теперь уцѣлѣла только частію; до 1812 года была вся вполнѣ.

Я застала еще Тверскія ворота, Пречистенскія, Арбатскія, Никитскія, Серпуховскія; нѣкоторыя были даже деревянныя и очень не красивыя. Въ тѣ времена когда въ Москвѣ было нѣсколько стѣнъ городскихъ понятно что нужны были и ворота; потомъ стѣны обвалились, ихъ сломали, а ворота оставили, и было очень странно видѣть что ни съ того, ни съ сего вдругъ смотришь стоять на улицѣ или на площади ворота; многія стали ветшать, ихъ и вѣрно было снести; это было въ 1780 годахъ. Теперь осталось на память одно только названіе.

Я помню когда была въ Москвѣ рѣченка Неглинная и черезъ нее было нѣсколько мостиковъ: Боровицкій деревянный, другіе каменные. Я слыхала отъ батюшки что онъ засталъ мельницы на Москвѣ-рѣкѣ, и одна изъ нихъ была около Крымскаго Брода, въ мѣстѣ что называютъ Бабій Городокъ. Нѣкоторые старожилы въ мое время помнили что была мельница на Неглинной. Рѣчку помню, а мельницъ я уже не застала, ихъ было три: 1) у Водяной башни, 2) у Троицкихъ воротъ и 3) у Боровицкихъ. На Кузнецкомъ Мосту точно былъ мостъ и назыво, какъ ѣхать къ Самотекѣ, цѣлый рядъ кузницъ, отчего и названіе до сихъ поръ осталось. Мостъ былъ хотя и не деревянный, но преллохой, и сломали его гораздо послѣ Франгузовъ.

Улица называемая Кузнецкій Мостъ издавна была заселена иностранцами: были французскія и нѣмецкія лавки.

Телерь говорятъ „ѣхать на Кузнецкій Мостъ“, а въ наше время говорили: „ѣхать во французскія лавки“. Тамъ торговали моднымъ товаромъ, который привозили изъ чужихъ краевъ; были и свои мастерицы въ Москвѣ, но ихъ обѣгали и кто побогаче все покупали больше заграничный привозный товаръ.

На Ильинкѣ за Гостинымъ рядомъ и за Гостинымъ дворомъ были нюренбергскія лавки и голландскій магазинъ. Тамъ мы все больше покупали шерсти для работъ и шелки; чулки шерстяные и голландское полотно, которое было очень дорого, но было хорошее, ручнаго издѣлія и безъ бумаги; торговали и батистомъ, и носовыми платками, и голландскимъ сыркомъ. Сарелтскій магазинъ былъ гдѣ-то далеко за Покровкой и за Богоявленіемъ: вотъ на первой недѣлѣ бывало туда всѣ и потянутся покупать медовыя коврижки и пряники, какихъ телерь не дѣлаютъ. Цѣлая нить кареть ѣдетъ по Покровкѣ за пряниками. Потомъ сарелтскую лавку перевели на Никольскую и думали что будетъ лучше, а вышло что стали торговать гораздо хуже.

Я чуть-чуть помню, какъ стали селиться Нѣмцы (изъ Моравіи) въ Сарелтѣ; это было при императрицѣ Екатеринѣ. Сначала ихъ было, говорятъ, пять-шесть семействъ, которыя первыя пріѣхали и выбрали мѣсто за Саратовымъ, по близости отъ Царицына, а послѣ чумы пріѣхало нѣсколько сотъ семействъ, такъ что въ 1780 годахъ было уже, сказывали, болѣе 3.000 человекъ. Они какой-то особенной лютеранской ереси *, но очень строгой и хорошей жизни. Эти Нѣмцы, говорятъ, выстроили себѣ прекрасную модельню и завели школу для мальчиковъ и для дѣвочекъ.

Стали сѣять горчицу, которая и телерь считается у насъ самую лучшею, и занялись разведеніемъ табаку особыхъ сортовъ, и сарелтскій табакъ былъ одно время въ большемъ ходу; кто тамъ бывалъ говоритъ что Сарелта стала потомъ какъ большой городъ, очень красивый и совершенно отличный отъ всѣхъ русскихъ городовъ. Около города валъ, стѣна и все очень хорошо содержано. Тамъ всякія мастерскія, много разныхъ заводовъ и фабрикъ, и всѣ издѣлія очень хороши отдѣлкой и прочностью. Во время Пугачева казаки это мѣстечко разграбили и разорили, но императрица бѣднымъ

* Такъ-называемые герингутеры.

Нѣмцамъ помогла и они опять оправдился. Теперь эта маленькая колонія очень распространилась и распозлась, и около Саратова во многихъ мѣстахъ живутъ Нѣмцы маленькими колоніями и отдѣльными семьями въ своихъ мызахъ.

II.

Московскій Большой театръ начали строить въ двадцатыхъ годахъ, а до тѣхъ поръ онъ былъ въ другомъ мѣстѣ деревянный и преллохой. Содержалъ его отъ себя нѣкто Медоксъ: было ли ему на то дано право отъ казны или тогда можно было обойтись безъ этого и дозволялось частнымъ лицамъ содержать театры, этого я хорошенько не знаю. Помню только что когда старый театръ сгорѣлъ (это было очень давно, въ моей молодости), то временно былъ устроенъ театръ въ домѣ Воронцова, на Знаменкѣ, въ томъ самомъ домѣ, который въ послѣдствіи принадлежалъ брату Николаю Петровичу, а послѣ того князю Сергѣю Ивановичу Гагарину *. Ну, конечно, было и тѣсно; впрочемъ по-тогдашнему было хорошо и достаточно, потому что въ театръ ѣзжали рѣже чѣмъ теперь и не всякій.... Теперь каждый картузникъ и саложникъ, корсетница и шляпница лѣзутъ въ театръ, а тогда не только многіе изъ простонародья гнушались театральными позорищами, но и въ нашей оредѣ иные считали грѣховными всѣ эти лицедѣйства.

Но была еще и другая причина, что наша братія ѣзжала рѣже въ театры: въ Москвѣ жилось много знати, людей очень богатыхъ, и у рѣдкаго вельможи не было своего собственного театра и своей доморощенной труппы актеровъ.

У Шереметева было два театра: въ Кусковѣ отдѣльнымъ зданіемъ отъ дома; и въ этомъ театрѣ была императрица Екатерина, когда графъ Петръ Борисовичъ дѣлалъ для нея у себя праздникъ, стоившій ему болѣе двухъ милліоновъ рублей; другой театръ былъ въ Останкинѣ въ домѣ, и вѣроятно цѣлъ еще и теперь. У графа Орлова подъ Донскимъ при его домѣ тоже былъ театръ; у Мамонова, у Бутурлина въ Лефортовѣ, у графа Мусина-Пушкина на Разгуляѣ

* По смерти князя Сергѣя Ивановича Гагарина домъ этотъ перешелъ по наслѣдству дочери его, Бутурлиной.

у Голицына Михаила Петровича, у Разумовскаго въ Петровскомъ (Разумовскомъ), и въ Люблинѣ, и въ Перовѣ; потомъ у Юсупова въ Архангельскомъ, и у Апраксиныхъ и въ Москвѣ и въ Ольговѣ. Деревенскій театръ въ Ольговѣ былъ отдѣльно отъ дома, также какъ и въ Кусковѣ и въ Архангельскомъ, а въ московскомъ домѣ на Знаменкѣ былъ театръ съ ложами въ три яруса, очень хорошенькій и на этомъ театрѣ игравали всѣ знаменитости посѣщавшія Москву, и была одно время италянская опера и мы тогда были абонированы. Въ Ольговѣ на театрѣ играла у Апраксиныхъ своя крѣпостная труппа и былъ свой оркестръ, а въ Москвѣ часто бывали спектакли для любителей: играли всего чаще Гедеоновъ, Яковлевъ, Кокоткинъ. Нѣкоторые пьесы шли очень хорошо; помню что играли по-французски *Семильскаго цирюльника* (Бомарше), изъ Мольера которыя-то комедіи и еще разныя другія пьесы приличныя для благороднаго театра. Раза два или три мнѣ случилось видѣть на сценѣ и саму Апраксину; она никогда бывало своей роли хорошенько не запомнитъ; забудетъ что слѣдуетъ говорить, подойдетъ къ суфлеру, тотъ ей подсказываетъ, а она не слышитъ, остановится и спрашиваетъ его: „Comment“?

Содержатель театра Медоксъ былъ Англичанинъ, какъ говорили, но я думаю, что должно быть изъ Жидовъ, большой шарлатанъ и великій спекуляторъ. У него была дача гдѣ-то верстахъ въ пятнадцать или въ двадцати отъ Москвы по Каширской дорогѣ, и кромѣ того дома и обширный садъ за Рогожской, и онъ тамъ устроилъ у себя для публики всякаго рода увеселенія: вокзалъ, гулянье, театръ на открытомъ амфитеатрѣ въ саду, фейерверки и т. п. Многіе туда ѣзжали въ извѣстные дни, конечно не люди значительные, а изъ общества средней руки, въ особенности молодежь и всякіе Гулякины и Транжирины. Между тѣмъ у Шереметева въ Кусковѣ бывали часто праздники и лиры, на которые могъ пріѣхать кто только хотѣлъ, и были, говорятъ, не довѣжая до Кускова два каменные столба съ надписью: „веселиться, какъ кому угодно“. Это барское гостеприимство и хлѣбосольство приходилось не по нутру жадному Медоксу, и онъ многими жаловался на Шереметева что графъ у него отбиваетъ публику.

Кто-то и говоритъ Шереметеву:

— Есть человекъ недовольный вашимъ гостеприимствомъ, графъ....

— Кто же это, отчего? спрашиваетъ графъ.

— Да вотъ Медоксъ, содержатель театра плачется на васъ что вы у него отбиваете лублику....

— Скорѣе же это я могу жаловаться на него что онъ меня лишаетъ посѣтителей и мѣшаетъ мнѣ тѣшить даромъ людей съ которыхъ онъ деретъ горяченькія денежки. Каждый кто ко мнѣ пришелъ, тотъ мой и гость, милости просимъ, веселись всякій какъ ему хочется: я весельемъ не торгую, а гостя своего имъ забавляю, для чего же онъ моихъ гостей у меня отбиваетъ; кто къ нему пошелъ, можетъ-статься былъ бы у меня....

Этотъ Медоксъ по Москвѣ расхаживалъ въ красномъ плащѣ и потому его прозвали кардиналомъ. Онъ былъ искусный механикъ, сблалъ премудреные часы съ разными штукаами, съ музыкой и съ фигурами, которыя двигались и плясали. Эти часы были потомъ у извѣстнаго въ свое время мѣнялы, Дмитрія Александровича Лухманова, который цѣнилъ ихъ очень дорого.

Когда пріѣзжалъ въ Москву изъ Персіи извѣстный Хозевъ-Мирза, онъ былъ въ лавкѣ у Лухманова и торговалъ часы, давалъ за нихъ какую-то очень большую сумму, Лухмановъ не отдалъ, и послѣ того эти часы такъ у него и остались; куда они дѣвались—не знаю.

Директоромъ казеннаго театра около двадцатыхъ годовъ былъ Ѳ. Ѳ. Кокочкинъ, женатый на ладчирицѣ (моей троюродной сестры) Е. А. Архаровой, на Варварѣ Ивановѣ; ея мать была сама по себѣ Щелотьева. Этого Кокочкина я видала и у Архаровыхъ, и у Алраксиныхъ. Потомъ, когда онъ овдовѣлъ, онъ женился вторично на какой-то актрисѣ и имѣлъ дѣтей, а отъ Архаровой дѣтей не осталось.

До Двѣнадцатаго года театръ былъ на Арбатской площади, построены въ видѣ ротонды. За годъ или за два до непріятельскаго нашествія пріѣзжала въ Москву извѣстная трагическая актриса мамзель Марсъ и тамъ играла. Мнѣ довелось ее видѣть раза два или три; мы ѣздили съ Титовымъ и дивились прекрасной игрѣ ея. Этотъ Арбатскій театръ во время Французовъ сгорѣлъ, а временно устроили театръ на Никитской въ домѣ Познякова (принадлежавшемъ послѣ того князю Юсулову). Кромѣ того былъ послѣ Французовъ

театръ въ Пашковомъ домѣ, но не въ томъ прекрасномъ который и теперь стоитъ на углу Знаменки, а въ другомъ, который былъ на углу Никитской и Моховой. Этотъ домъ потомъ купили въ казну, сдѣлали и выстроили на его мѣстѣ послѣ первой холеры Новый Университетъ. Помѣщеніе было очень скудное и сравнить нельзя съ Апраксинскимъ театромъ. Телерешнй театръ начали строить при императорѣ Александрѣ Павловичѣ *, а отдѣлали когда его уже не стало, въ концѣ 1825 года.

III.

Я слышала отъ стариковъ помнившихъ императрицъ Анну и Елисавету Петровну что въ 1740 и 1750 годахъ домъ для комедіи былъ гдѣ-то на Басманной, гдѣ тогда жила много знати, а Италіяны, которыхъ вызвали въ Москву чтобы потѣшать Елисавету Петровну, когда она подолгу жила въ Москвѣ, давали свои представленія въ особомъ зданіи у Краснаго пруда. Прошу покорно, въ такую даль тащиться! Послѣ того и русскія піесы стали давать на этомъ театрѣ, и извѣстный въ то время стихотворецъ Сумароковъ, бывъ въ милости у императрицы, заправлялъ этимъ театромъ и присылалъ въ Москву актеровъ, и писалъ свои трагедіи, которыя они разыгрывали. Эти піесы интересны, а италіянскія оперы по-моему ничего не стоили. Когда Италіяны снимали театръ у Апраксиныхъ, для меня тоска бывало какъ придется вѣхать въ оперу: я пуцу своихъ барышенъ на передъ ложи, а сама уйду въ темный уголь, сижу себѣ и дремлю; прескучные были эти Италіяны...

Вообще я не скажу чтобъ я была большая любительница театровъ, да въ наше время и не вѣжали такъ часто по публичнымъ театрамъ какъ теперь, оттого что приличнѣе считалось бывать тамъ куда хозяинъ приглашаетъ по знакомству, а не тамъ гдѣ каждый можетъ быть за деньги. У кого же изъ насъ не было въ близкомъ знакомствѣ людей мѣвшихъ свои собственные театры?

Мнѣ было лѣтъ четырнадцать, когда я въ первый разъ была въ театрѣ Медокса, и хотя зала была очень грязновата,

* Въ 1821 году.

тѣсна и невзрачна, но не выдавъ лучшаго мы и этимъ были довольны. Дѣтей прежде не возили такъ часто въ театръ какъ теперь. Батюшка объ этомъ судилъ очень строго:

— Выростутъ большія, говаривалъ онъ матушкѣ, — услѣвуютъ всего наглядѣться и всѣмъ натѣшиться, а то какъ начнутъ спозаранокъ всюду разѣзжать, скоро все надоѣсть и приекучить. Теперь пусть сидятъ за грамоткой да за руководствемъ, а въ лѣтахъ будутъ, ну тогда и забавляйся...

Въ наше время тоже бывала и для дѣтей забавы: качели и балаганы; насажаютъ насъ въ кареты и пошлютъ смотрѣть какъ лалсы кривляются. Пріѣхали какіе-то Италіянцы съ кукольнымъ театромъ и это насъ больше забавляло чѣмъ трагедіи и комедіи.

Я тоже своихъ дѣвочекъ не любила таскать по театрамъ и не хотѣла ихъ везти до пятнадцати лѣтъ, года за два предъ тѣмъ какъ ихъ вывезу въ свѣтъ. Въ мое время прежде восемнадцати, девятнадцати лѣтъ на балы не ѣзжали, потому что вывези рано — сочтутъ невѣстой, а это дѣвушекъ старить. Довольно съ нихъ и танцевальныхъ уроковъ: напрыгаются со своими подругами, чего же еще?

Дѣти мои учились танцовать у Югеля. Онъ считался въ свое время лучшимъ танцмейстеромъ; былъ еще другой, Флагте, но этотъ не имѣлъ такой большой практики, а Югеля всюду приглашали. Онъ бывалъ у Архаровыхъ, у Неклюдовой, у Львовой, у Рожновой, у Шаховскихъ, словомъ вездѣ куда я дѣтей возила.

IV.

Прекрасный домъ Пашковыхъ на углу Знаменки и Моховой былъ строенъ Александромъ Ильичемъ Пашковымъ. Эти Пашковы, говорятъ, выходцы изъ Польши. Ихъ пращуръ былъ шляхтичъ, пріѣхавшій служить въ Россію, обрусѣвшій и оставившій потомковъ. Одинъ изъ нихъ, Александръ Ильичъ, женился на дочери Мясникова, богатаго золотопромышленника, за которою взялъ нѣсколько заводовъ и 20.000 душъ крестьянъ, а такъ какъ сестра его жены, Дарья Ивановны, Екатерина Ивановна, была за Козицкимъ, статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины, пользовавшимся ея милостями, то и Пашковъ попалъ въ почетъ.

Пашковы имѣли еще загородный дворъ съ большимъ садомъ и прекраснымъ домомъ гдѣ-то около Крестовской заставы.

Пашковы жили всегда весело и открыто, такъ какъ имѣли очень большое состояніе, и кромѣ того и родствомъ считались со знатью. Одинъ изъ сыновей Александра Ильича былъ женатъ на графинѣ Толстой, сестрѣ графа Петра Александровича Толстаго (бывшаго посломъ при Наполеонѣ I и стало-быть теткѣ синодальнаго оберъ-прокурора графа Александра Петровича); онъ былъ чѣмъ-то значительнымъ при дворѣ.

Я помню когда домъ Пашковыхъ былъ во всемъ блескѣ, свѣжій и новый какъ съ игопочки. Предъ домомъ били фонтаны; по саду расхаживали разные птицы: лавины, фазаны; было нѣсколько пребольшихъ сѣтчатыхъ птичниковъ изъ золоченой проволоки; иногда въ саду играа ихъ собственная крѣпостная музыка; у нихъ бывали зачастую театры и праздники; ну, и конечно въ такомъ домѣ и съ большимъ состояніемъ можно было хорошо и весело жить.

Мы домами никогда не были знакомы, но одну изъ внукъ Александра Ильича я не рѣдко видала у моей невѣстки (Марьи Петровны Корсаковой), которая ей приходилась золовкой, потому что Пашкова была замужемъ за княземъ Владиміромъ Петровичемъ Долгоруковымъ; ее звали Варварою Ивановною. Она была почти однихъ лѣтъ съ моими дочерьми и я застаа ее еще молодою дѣвушкой; очень была не дурна собой и добрая и милая женщина: ей было съ небольшимъ двадцать лѣтъ когда она умерла, а ея мужъ умеръ черезъ годъ, и единственнымъ ихъ сынъ Петруша * воспитывался у своей бабушки, княгини Анастасіи Симоновны, братвиной тещи, которая и жила все у брата въ домѣ, и Петруша росъ на моихъ глазахъ.

Одна изъ сестеръ Варвары Ивановны была за Хвостовымъ, другая за Сушковымъ, а еще одна осталась старою фрейлиной.

Мать этихъ Пашковыхъ была сама по себѣ Яфимовичъ и

* См. выше гл. VIII. Онъ жилъ послѣднее время за границей, гдѣ и умеръ; былъ извѣстенъ въ обществѣ подъ названіемъ: Долгорукій-*le bancai*; умный былъ человекъ, но очень рѣзкій на языкъ, собой не хорошъ и прихрамывалъ.

жила гдѣ-то очень далеко на Чистыхъ Прудахъ въ своемъ домѣ, и тоже любила жить весело и открыто.

Пашковскій домъ на Знаменкѣ принадлежалъ, кажется, меньшому изъ братьевъ, Алексѣю Александровичу, тому который не былъ женатъ. Во время Французовъ домъ этотъ обгорѣлъ и долго оставался не обновленнымъ: * должно-быть новому поколѣнью не подъ силу было и поправить даже того что дѣдушки могли вновь построить и отдавать. Былъ и третій городской домъ Пашковыхъ не подалеку отъ Каменнаго моста, рядомъ съ церковью Похвалы Пресвятыя Богородицы; онъ потомъ былъ кулень въ казну для Дворцовой Конторы. Этотъ принадлежалъ второму изъ братьевъ, Василю Александровичу, женатому на графинѣ Толстой. Его дочь, Татьяна Васильевна, была за Иларіономъ Васильевичемъ Васильчиковымъ. Эти Пашковы мало жилали въ Москвѣ, а все больше въ Петербургѣ.

Сестра Дарьи Ивановны Пашковой, Екатерина Ивановна, вышедшая за Козицкаго, имѣла свой домъ въ Москвѣ на Тверской, напротивъ церкви Димитрія Селунскаго. Домъ былъ большой и прекрасный. У Козицкой было нѣсколько дочерей, изъ которыхъ одна вышла за князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, и къ ней-то перешелъ домъ ея матери Козицкой. По фамиліи Козицкаго и переулочъ, которымъ домъ этотъ отдѣляется отъ гостиницы Шевалдышева, прозванъ Козицкимъ. Одна изъ сестеръ этого князя Бѣлосельскаго (Александра Михайловича), Наталья Михайловна, была заму-жемъ за братомъ княгини Анны Николаевны Долгоруковой, за барономъ Сергѣемъ Николаевичемъ Строгановымъ; а другая, Евдокія Михайловна, за матушкинымъ двоюроднымъ братомъ Василю Петровичемъ Садтыковымъ. Онъ умеръ за нѣсколько лѣтъ до Французовъ, а жена его была еще въ живыхъ въ 1822 году, когда мы ѣздили въ Петербургъ, и ей было тогда лѣтъ семьдесятъ лять; года черезъ два послѣ того и она скончалась.

Теперь не упомяну за которою именно изъ этихъ княженъ Бѣлосельскихъ въ своей молодости ухаживалъ Федоръ Сергѣевичъ Лужинъ (бывшій въ послѣдствіи нашимъ сосѣдомъ и хорошимъ пріателемъ мужа). Онъ былъ очень милый и любезный человекъ, видный собою, но отъ ослы очень сильно

* Нынѣ въ этомъ домѣ Румянцевскій Музей.

помѣчѣнъ. Онъ служилъ въ гвардіи и имѣлъ весьма небольшое состояніе, а молодая и богатая княжна ему очень нравилась. Онъ долго собирався духомъ сдѣлать ей предложеніе, наконецъ рѣшился. Что ему княжна отвѣтила—не сумѣю сказать, только на слѣдующій день ему утромъ подають записку и онъ читаетъ:

Господинъ Лужинъ,
Княжнѣ вы не нуженъ,
Но васъ зовутъ на ужинъ.

Онъ скрѣпя сердце поѣхалъ ужинать къ Бѣлосельскимъ; за ужиномъ пили за здоровье княжны и жениха ея, за котораго ее просватали; можно себѣ представить недовкое положеніе въ которомъ былъ этотъ отверженный воздыхатель. Онъ вскорѣ послѣ того вышелъ въ отставку, уѣхалъ жить въ деревню и умеръ старымъ холостякомъ, вспоминая о прекрасной княжнѣ; однако послѣ него осталось двѣ ли, три ли воспитанницы, которыя приходились ему близко сродни. Такъ какъ я коснулась Лужинныхъ, то про нихъ и буду продолжать.

Ихъ имѣніе, сельцо Григорово, было отъ нашей подмосковной верстахъ въ девяти или десяти: версты съ четыре далѣе Дьякова. Имѣніе небольшое, но хорошенькое, премилый домикъ съ мезониномъ и деревянная церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго Образа. Она была не приходская, а приписная къ приходу, селу Шукалову, принадлежавшему въ ту пору Шокареву.

Лужинныхъ было два брата: Дмитрій и Федоръ Сергѣевичи и сестра Марья Сергѣевна, да старушка мать. Лѣтомъ они всѣ жилали въ Григоровѣ, а по зимамъ въ Москвѣ въ своемъ собственномъ домѣ. Григорово досталось по раздѣлу меньшему брату Федору Сергѣевичу, а старшему Дмитрію другое имѣніе, тоже въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ сторону отъ Троицкаго шоссе, верстахъ въ пятидесяти отъ Москвы и въ двадцати отъ Дмитрова, село Воронино. Старшій братъ былъ мотъ и свое имѣніе слустилъ съ рукъ потихоньку отъ матери чтобы не огорчить старушки, а можетъ-статься онъ ее и прибавлялся; говорятъ, была съ душкомъ. Братья были дружны между собой, и чтобы еще лучше скрыть отъ матери что Воронино уже въ чужихъ рукахъ, они и положили, когда прѣвзжали

каждую недѣлю въ Москву подводы съ приласами, съ сѣномъ, съ дровами, говорить старушкѣ что привозится все это то изъ Григорова, то изъ Вороница; такъ старушка Лужина и умерла не зная что Воронино продано и что вся семья только и существуетъ что Григоровымъ, да московскимъ домою.

Дмитрій Сергѣевичъ былъ женатъ, жену его звали Елизавета Васильевна *, предобрая и премилая женщина; я съ ней была очень дружна и мы часто видались когда по смерти мужа, она жила въ Григоровѣ. У нея было три дочери и сынъ. Старшая изъ дочерей, Анна Дмитриевна, вышла потомъ замужъ за Семена Николаевича Шеншина (роднаго брата Владиміра Николаевича, женатаго на моей племянницѣ Марьѣ Сергѣевнѣ Неклюдовой); Варвара Дмитриевна была за Озеровымъ, а Марья Дмитриевна за пензенскимъ помѣщикомъ Николаемъ Васильевичемъ Ховринымъ. Марья Дмитриевна была очень хороша собой и весьма умная и пріятная женщина.

Племянникъ Федора Сергѣевича, Иванъ Дмитриевичъ,—не знаю гдѣ онъ сперва учился,—потомъ былъ записанъ въ службу и жилъ въ Петербургѣ. Старики-дядя и тетка очень его любили и во всемъ себѣ отказывали для того чтобы побольше можно было послать ему денегъ. Онъ былъ молодецъ, видный и красивый изъ себя и очень полюбился Илариону Васильевичу Васильчикову (тогда еще не князю и не графу), брату княгини Татьяны Васильевны Голицыной. ** Молодой Лужинъ пришелся по мысли дочери Васильчикова, Екатерины Иларионовны, и она за него вышла замужъ. Это было, думаю около 1830 года, и, кажется, стариковъ Лужиныхъ ни дяди, ни тетки, уже не было въ живыхъ ***.

Еще одна изъ сестеръ Пашковой и Козицкой была выдана за Бекетова, а другая за Дурасова. Бекетовъ былъ весьма извѣстный въ свое время человекъ, очень ученый и имѣвшій

* Скончалась въ Москвѣ въ 1877 г.

** Жена московскаго генералъ-губернатора князя Дмитрія Владиміровича Голицына.

*** Иванъ Дмитриевичъ Лужинъ съ 1845—1854 г. былъ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, потомъ губернаторомъ въ Курскѣ и Харьковѣ, а затѣмъ почетнымъ опекуномъ; во второмъ бракѣ женатъ на вдовѣ графа Николая Васильевича Орлова-Денисова, Наталіи Алексѣевнѣ, урожденной Шидловской.

свою собственную типографію, что тогда было диковинкой. Одна изъ дочерей этого Бекетова была за Балашевымъ, долгое время бывшимъ въ Москвѣ оберъ-полицеймейстеромъ; кажется вслѣдъ за нимъ и поступилъ извѣстный Шульгинъ. Другая дочь Бекетова, Екатерина Петровна, была за Кушниковымъ; мы были знакомы домами и я не разъ дочерей своихъ возила къ нимъ на балы, которые были прехорошенькіе. Сестра Бекетова была за Дмитриевымъ, и ея сынъ, Иванъ Ивановичъ, бывшій въ послѣдствіи министромъ, прославился своими стихами и баснями.

Дочь Дурасовой, Степанида Алексѣевна, была за двоюроднымъ братомъ дядюшки графа Степана Ѳедоровича Толстаго, за графомъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Толстымъ, котораго единственная дочь, графиня Аграфена Ѳедоровна, вышла замужъ за Закревскаго. Вотъ почему она и была такъ богата: это все еще Масниковское наследство, а такъ какъ Дурасову звали Аграфена Ивановна, то и графиня Толстая была названа въ честь своей бабушки Аграфеной.

Дурасовъ, Михаилъ Алексѣевичъ, имѣлъ дочь Аграфену Михайловну, которая была за Писаревымъ и ей принадлежало Люблино, * загородный домъ съ садомъ за Сласскою заставой, очень хорошій, просторный и совершенно необыкновенной наружности,—построенный въ видѣ креста. Люблино принадлежало одно время графинѣ Разумовской Марьѣ Григорьевнѣ, той самой которая, будучи за княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, отъ живаго мужа вышла за графа Льва Кирилловича Разумовскаго. Кажется она-то и продала Люблино Дурасову. Чье было имѣніе это прежде—не знаю, но тамъ, говорятъ, бывали большіе праздники и былъ особый театръ.

V.

Батюшка былъ очень серьезнаго характера и большой любитель всякихъ гуляній и катаній, потому мы и не ѣзжали по публичнымъ гуляньямъ, хотя иногда весной и оставались еще въ Москвѣ.

Гулянье 1го мая въ Сокольникахъ очень давнишнее. Говорятъ что еще Петръ I, въ ту пору какъ въ своей молодости

* Нынѣ Люблино принадлежитъ купцамъ Голофтѣеву и Рахману; туда перевезена деревянная церковь бывшая въ Москвѣ на Политехнической выставкѣ въ 1872 году.

живаль въ Москвѣ, ѣзжалъ въ Сокольничью рощу, и любилъ пировать тамъ съ Нѣмцами и другими иностранцами, для которыхъ разставлялись длинные столы. Отъ этого Сокольничья роща и называлась долгое время „Нѣмецкіе столы“; и въ мое время говаривали еще: гулянье въ Нѣмецкихъ столахъ, то-есть въ Сокольникахъ. Туда очень много ѣзжало и порядочнаго общества, и такъ какъ ѣзжали многіе цугомъ и въ золоченыхъ каретахъ, лошади въ перьяхъ, то гулянья бывали самыя нарядныя, совсѣмъ не то что послѣ того. Нѣкоторые знатные люди посылали туда съ утра въ свои палатки поваровъ; приглашать гостей, обѣдаютъ въ одной палаткѣ, а потомъ пойдутъ въ другую сидѣть и смотрѣть на тѣхъ которые кружатся по рощѣ въ каретахъ. Вотъ такъ, конечно, можетъ-статься, и не скучно, а ѣздить битые два-три часа въ каретѣ скука одолѣеть... Дачь въ Сокольникахъ въ прежнее время не было; только за Краснымъ Селомъ (куда потомъ перевели отъ Пречистенскихъ воротъ Алексѣевскій дѣвичій монастырь) былъ загородный домъ съ большимъ стариннымъ садомъ очень богатаго человѣка, нѣкоего господина Яковлева, по имени называть не умѣю, но только изъ настоящихъ, древнихъ Яковлевыхъ (которые отъ того же племени отъ котораго были и Захарыны). Не знаю существуетъ ли еще этотъ загородный Яковлевскій домъ?

Тамъ же не подальку гдѣ-то была дача и у графа Ростопчина, и онъ тамъ живаль въ лѣтнее время, но своя ли была эта дача или генераль-губернаторская, казенная, этого не знаю.

Гулянье въ Семикъ бывало очень большое въ Марьиной рощѣ, за Крестовскою заставой, не доѣзжая Останкина, * принадлежащаго графу Шереметеву; въ особенности же если гулянье 1го мая отъ дурной погоды не бывало или не удалось, то въ Семикъ въ Марьиной рощѣ народа бывало пренужество и катались въ каретахъ.

Въ Духовъ день гулянье въ дворцовомъ саду въ Лефортовѣ, больше для кулечества и для Замоскорвчья. Въ саду гулянье было для лѣшихъ, и щеголихи съ Ордынки, и Богъ вѣсть откуда являлись пренарядныя, въ бархатахъ и

* Останкино принадлежало прежде князю Черкасскому, который тамъ и выстроилъ прекрасную церковь, и поступило въ приданое его дочери, княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, вышедшей за графа Петра Борисовича Шереметева.

атаасать съ перьями, цвѣтами, въ жемчугахъ и бриліантахъ. Такъ какъ это ужасная даль отъ той стороны Москвы гдѣ мы живали, то мнѣ и пришлось всего только одинъ разъ тамъ побывать. Я думаю и потому туда мало господъ ѣзжало что гулянье это лѣтомъ, когда уже многіе по деревнямъ разъѣдутся, а кулечество всегда жилао въ своихъ домахъ въ городѣ, а не по дачамъ какъ теперь. Бывали еще гулянья въ нѣкоторые храмовые праздники около монастырей на площадяхъ, и тутъ ярмарки, качели и народное гульбище. Такъ, въ Рождество Богородицы предъ Рождественскимъ монастыремъ на площади; въ Ивановъ день, Ивана Постнаго 29го августа, за Солянкой, у бывшаго Ивановскаго монастыря, ярмарка и гулянье; въ Ильинъ день, у Илиіи Пророка, на Воронцовомъ Полѣ—и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Прекрасное гулянье было въ Лазареву субботу на Красной площади въ Кремлѣ. По Волховкѣ, мимо Васиіа Блаженнаго къ Иверскимъ воротамъ, кареты тянутся бывало на нѣсколько версть: ѣдешь, ѣдешь—конца нѣтъ. Вдоль Кремлевской стѣны, напротивъ Гостиныхъ рядовъ, разставлены палатки и столы, въ родѣ ярмарки; торгсвали вербами, дѣтскими игрушками и краснымъ товаромъ. Это было больше дѣтское гулянье. Потомъ Кремлемъ не велѣно было ѣздить по причинѣ воротъ,—происходили замѣшательства.

Другое гулянье въ день Прохора и Никанора на Дѣвичьемъ полѣ: ярмарка, качели и катанье въ экипажахъ по Пречистенкѣ, иногда по Арбату и до Кремля. Также и на Святой Недѣлѣ въ лятницу бывало большое гулянье изъ Подновинскаго по Пречистенкѣ, на Арбатъ, по Поварской и олять къ Подновинскому. Когда послѣ Французовъ мы олять выстроили свой домъ на Пречистенкѣ, то въ лятницу на Святой Недѣлѣ къ намъ съѣдутся бывало наипі знакомые обѣдать, а послѣ и сидимъ всѣ у оконъ и смотримъ какъ катются въ экипажахъ.

Петровскаго Парка въ прежнее время не было. Было въ семи верстахъ отъ Москвы за Тверскою заставой село Всесвятское. При императрицахъ Аннѣ и Елисаветѣ Петровнѣ и до временъ Екатерины тамъ былъ подхожіи станъ и деревянный дворець, въ которомъ эти императрицы обыкновенно и останавливались до своего вѣзда въ Москву предъ коронованіемъ.

Въ селѣ Всесвятскомъ былъ, говорятъ, сбширный садъ и

въ день Всѣхъ Святыхъ большое гулянье; потомъ Всесвятское было пожаловано императрицею Екатериною Грузинскому царевичу, а также и Прѣсенскіе пруды, за которыми была церковь Георгія въ Грузинахъ, и я еще застала деревянный дворецъ Грузинскихъ царевичей съ большимъ садомъ. До Французовъ въ Грузинахъ было множество домовъ принадлежавшихъ князьямъ и дворянамъ выѣхавшимъ изъ Грузіи.

По разказахъ старожиловъ, при императрицѣ Екатеринѣ былъ большой праздникъ, который для нея устраивалъ графъ Румянцевъ по случаю заключенія мира съ Турками. Это было въ скорости послѣ казни Пугачева.

Праздникъ этотъ былъ устроенъ на Ходынскомъ полѣ съ большими затѣями: построены были разныя крѣпости и города съ турецкими названіями: гдѣ былъ театръ, гдѣ зала для обѣда, другая бальная, разныя бесѣдки и галереи. Торжество начиналось съ утра и продолжалось весь день до поздней ночи, нѣсколько дней сряду, съ недѣлю что ли. Всѣ постройки были сдѣланы на турецкій ладъ съ разными вычурами: башни, каланчи и высокіе столбы какъ при мечетяхъ, и чего-чего, говорятъ, не было. Были построены триумфальныя ворота, и графъ Румянцевъ имѣлъ торжественный въѣздъ на золотой колесницѣ на подобіе римскихъ. Тутъ были на полѣ ярмарки, базары на восточный манеръ, кофейные дома, даровой обѣдъ и угощеніе кому угодно, театральныя представленія *, канатные плясуны. Мѣста для зрителей были устроены на подмостьяхъ въ видѣ кораблей съ мачтами, съ парусами; и это въ разныхъ мѣстахъ, которыя названы именами морей: гдѣ Черное, гдѣ Азовское, и т. п. Императрица и великій князь съ супругой каждый день бывали и лодолгу оставались на этомъ праздникѣ.

Тутъ, говорятъ, государыня облюбовала мѣсто и приказала строить для себя новый загородный дворецъ, который и былъ послѣ того названъ Петровскимъ, потому что мѣсто на которомъ его поставили было прежде во владѣніи Петровскаго Московскаго монастыря. Дворецъ выстроенъ на подобіе замка въ видѣ кружала со многими башнями и съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался подгороднымъ подхожимъ станомъ, и предъ коро-

* Нѣчто въ родѣ рыцарскаго турнира, на которомъ сражались благородныя дѣвицы.

нованіемъ, начиная съ императора Павла, всѣ государи тамъ останавливаются и живутъ до торжественнаго въѣзда въ столицу. Парка такого какой теперь прежде не было, а были рожи и пуетыри. Самыя давнишнія дачи какія я тамъ запомню были: Апраксинская, княгини Волкомской, князя Михаила Петровича Голицына и одной очень богатой женщины по имени Лобковой. Потомъ, когда послѣ первой холеры въ 1832, 1833 годахъ стали разводить паркъ въ томъ видѣ какъ онъ теперь, тамъ были дачи у Настасьи Николаевны Хитровой, у княгини Натальи Сергѣевны Трубецкой. Стали раздавать отъ казны земли, кто желалъ, и по пяти тысячъ рублей на обстройку. Тогда сестра Анна Николаевна Некалюдова взяла себѣ участокъ на самомъ шоссе, Озеровъ Семенъ Николаевичъ, Иванъ Александровичъ Нарышкинъ и очень многіе, и сдѣлалось моднымъ имѣть дачу въ Петровскомъ. Устройство парка поручено Александру Александровичу Башилову, сенатору, начальнику Московской комиссіи строеній и любимцу великаго князя Михаила Павловича. Башиловъ устроилъ ресторацію и сдалъ ее Французу. Чтобы еще болѣе оживить Петровское, тамъ построили деревянный театръ и поручили Башилову выстроить вокзалъ не подалеку отъ дворца, и было ему выдано отъ казны 150.000 рублей ассигнаціями, это было въ 1836 или 1837 году. Тутъ и стали всѣ, кто только могъ, покушать и строить себѣ дачи въ Паркѣ, и начались гулянья по воскресеньямъ и по праздникамъ, театры и балы въ вокзалѣ.

Башиловъ былъ пріятный и предубезный человекъ. Я встрѣчала его еще молодымъ человекомъ у Апраксиныхъ и у Голицыныхъ, то-есть у князя Дмитрія Владиміровича и у княгини Татьяны Васильевны, когда они жилали у насъ по сосѣдству въ Рождествинѣ. Онъ былъ пріятнаго характера, большой шутникъ, но безъ примѣси злословія, пріятный собесѣдникъ и душа общества.

Не знаю когда онъ умеръ, но съ его смертію, говорятъ, и Петровскій Паркъ сталъ-было приходить въ упадокъ. *

* Когда начали разводить Петровскій Паркъ я была еще такъ мала что этого не помню, но съ 1838 года я тамъ бывала. Предъ вокзаломъ на лугу были устроены дѣтскія игры: качели, коньки, бѣльбоке, и т. п., и мнѣ случалось не разъ тамъ играть. Будучи

Прежде чѣмъ возникъ Петровскій Паркъ въ модѣ было Нескучное, принадлежавшее въ прежнее время графу Орлову, а послѣ него его дочери, графини Аннѣ Алексѣевнѣ. Рядомъ была дача князя Дмитрія Владиміровича Голицына, а за его дачей—дача князя Шаховскаго. Когда покойный государь Николай Павловичъ купилъ Нескучное у графини Орловой за 800.000 ассигнаціями, Голицынъ купилъ участокъ у Шаховскаго и просилъ государя принять отъ него въ даръ обѣ дачи, и такимъ образомъ Нескучное, названное Александріей, очень расширилось.

Александрійскій дворецъ—это тотъ самый домъ въ которомъ жила графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, давалъ праздники и лиричества для забавы своей единственной дочери и для утѣшенія всей Москвы въ началѣ восьмисотыхъ годовъ. Домъ такъ и остался въ томъ видѣ какъ былъ; конечно, его приспособили къ царскому обиходу.

Въ Нескучномъ долгое время былъ воздушный театръ, то-есть прекрасная крытая галлерей полукружіемъ, а самую сцену приспособили такъ что деревья и кусты замѣняли декорацию. Не могу сказать былъ ли этотъ амфитеатръ остатокъ Орловскаго великолѣвія или нарочно былъ выстроенъ отъ дирекціи театровъ для забавы московской публички; только два раза въ недѣлю, въ воскресенье да еще въ какомъ-то день, тамъ бывали представленія и зрителей собиралось довольно. Въ эти дни бывало гулянье, а послѣ театра очень часто пускали фейерверкъ. Когда устроили Петровскій Паркъ, и тамъ выстроили театръ, а въ Нескучномъ бывший сталъ ветшать, то его упразднили; начали ѣздить больше въ Паркъ, и Нескучное пришло въ забвенье:

Точно также было время, когда посѣщали дачу князя Гагарина за Трехгорною заставой, то что теперь называется

молодымъ человѣкомъ, а бывалъ нерѣдко въ вокзалѣ и въ театрѣ, гдѣ разъ или два въ недѣлю играли французскіе актеры тогда бывшей въ Москвѣ постоянной труппы, а по воскресеньямъ бывалъ русскій спектакль. Мимо вокзала было гулянье въ экипажахъ и много гуляющихъ пѣшкомъ. Пока былъ живъ Башмаковъ, Паркъ процвѣталъ, и это продолжалось болѣе пятнадцати лѣтъ. Послѣ вокзалъ началъ ветшать и въ пятидесятыхъ годахъ пришелъ въ упадокъ. *Внукъ.*

Студенецъ, а тогда называли Гагаринскіе пруды.* Туда тоже съѣзжались на гулянье, были разные забавы: ходили по каватамъ, представляли разные фокусы, играла музыка, были лѣсельники, пускали фейерверки. Но этого въ мое время уже не было, а было въ царствованіе императрицы Елисаветы.

Лѣтомъ обыкновенно всѣ дворяне жилали у себя по имѣніямъ, конечно, исключая тѣхъ которые будучи при дворѣ или по службѣ не могли отлучиться изъ города, и потому у многихъ богатыхъ баръ были не дачи, а загородные дома въ отдаленныхъ частяхъ Москвы, вошедшихъ потомъ въ составъ города. По близости отъ Кремля всего болѣе избирали мѣста на Дѣвичьемъ Поля, около Хамовниковъ, у Крымскаго Брода. Такъ по лѣвую руку Дѣвичьяго Поля, вѣдучи къ монастырю, былъ загородный домъ князя Голицына, потомъ перешедшій по наслѣдству ко князю Долгорукову, жемату на его воспитанницѣ Де-Лициной; теперь это домъ Олсуфьевыхъ, съ прекраснымъ и обширнымъ садомъ, съ оранжереями, совершенно сельская барская усадьба; подальше былъ домъ князя Трубецкаго, тоже съ большимъ садомъ и рощей, и подальше рядомъ съ церковью еще чья-то дача, теперь князя Вадбольскаго. На Воробьевыхъ Горахъ былъ потѣшный деревянный дворецъ, тотъ самый который во время праздника устроеннаго графомъ Румянцевымъ находился на Ходынскомъ поля. Этотъ дворецъ поставленъ былъ на каменныхъ подкалѣтахъ остававшихся отъ прежнихъ царскихъ теремовъ. Кругомъ былъ большой садъ и аллеи.

По правой сторонѣ Дѣвичьяго Поля, у Саввы Освященнаго въ переулкѣ, былъ загородный домъ и у моего свекра Яськова: садъ спускался къ Москвѣ-рѣкѣ, домъ былъ деревянный, просторный, но одноэтажный. Я его уже не застала, онъ былъ проданъ до моего замужества. Немного подальше былъ домъ князя Мих. Ив. Долгорукова на Пометномъ Вражкѣ, съ очень большимъ мѣстомъ, частію подъ ладисадникомъ,

* По всей вѣроятности владѣльцемъ Студенца былъ или князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, казенный при Петрѣ († 17 июля 1721 г.), или сынъ его Алексѣй Матвѣевичъ; въ послѣдствіи дача эта принадлежала графу Федору Андреевичу Толстому, отъ него перешла къ его дочери гр. А. Ѳ. Закревской и долгое время называлась дача Закревскаго. Графъ Закревскій пожертвовалъ ее въ казну и съ тѣхъ поръ тамъ помѣщается Общество Любителей Садоводства.

частью подъ лустырями, и я думаю что Долгоруковы болѣе ста лѣтъ владѣли этимъ загороднымъ дворомъ. По этой же сторонѣ былъ домъ Прозоровскаго, и такъ вплоть до Зубова все загородные дворы.

У Крымскаго Брода—загородный дворъ графа Орлова, брата Алексѣя Григорьевича. За Крымскимъ Бродомъ—дача Голицына (Голицынская больница), а село Васильевское, бывшее въ послѣднее время за графомъ Мамоновымъ, находилось прежде во владѣннн извѣстнаго князя Долгорукова-Крымскаго.

Почти во всѣхъ концахъ Москвы у заставы или по близости отъ города были эти загородные дворы знатныхъ господъ. У Демидова за Покровкой, у Никиты Мученика; у графа Разумовскаго еще дальше, къ Гороховому Полю былъ совершенный дворецъ, и во время коронаціи императора Николая тамъ жительствоваала, кажется, вдовствующая императрица, а великая княгиня Елена Павловна жила въ Кусковѣ.

Словомъ сказать, вся Москва была окружена загородными дворцами и подгородными помѣстьями, а теперь едва ли и двадцатая часть уцѣлѣла и находится еще въ рукахъ дворянъ, ужь я и не говорю чтобы въ рукахъ потомковъ прежнихъ владѣльцевъ: что перешло въ казну подъ разные заведенія, что куплено богатымъ кулечествомъ.

VI.

Дворянское Собраніе въ наше время было вполнѣ дворянскимъ, потому что старшины зорко смотрѣли за тѣмъ чтобы не было какой примѣси, и чаевы привозившіе съ собою посѣтителей и посѣтительницъ должны были отвѣчать за нихъ и не только ручаться что привезенные ими точно дворяне и дворянки, но и отвѣчать что привезенные ими не сдѣлаютъ ничего предосудительнаго, и это подъ оласеніемъ положить на черную доску и чрезъ то навсегда лишиться права бывать въ Собраніи. Кулечество съ ихъ женами и дочерьми, и то только почетное, было допускаемо въ видѣ исключенія какъ зрители, въ какіе-нибудь торжественные дни или во время царскихъ пріѣздовъ, но не смѣшивалось съ дворянствомъ: стой себя за колоннами да смотри издали. Домъ Благороднаго Собранія былъ издавна на томъ мѣстѣ гдѣ онъ теперь, только сперва этотъ домъ былъ частный, принадле-

жалъ князю Долгорукову *. Основателемъ собранія былъ Соймавовъ, человекъ очень почтенный и чиновный, къ которому благоволила императрица Екатерина; онъ имѣлъ и голу-бую (Андреевскую) ленту, и въ день коронаціи императора Павла получилъ гдѣ-то значительное помѣстье. Жена его была сама по себѣ Исленьева. Вотъ этотъ Соймоновъ-то и вздумалъ учредить собраніе для дворянства, и лично ли или черезъ кого изъ приближенныхъ входилъ о томъ съ докладомъ къ государынѣ, которая дала свою аппробацію и въ послѣдствіи приказала даже приобрести домъ въ казну и пожаловала его Московскому дворянству. Домъ былъ несравненно тѣснѣе чѣмъ теперь.

Я помню по разказамъ что покойная матушка ѣзжала на куртаги которые были учреждены въ Москвѣ: барыни собирались съ работами, а барышни танцевали; мушкетеры и старухи играли въ карты, и по желанію императрицы для того чтобы не было роскоши въ туалетахъ, для дамъ были придуманы мундирныя платья по губерніямъ, и какой губерніи былъ мужъ такого цвѣта и платье и жены. У матушки было платье: юбка была атласная, а сверху въ родѣ казакина или сюртучка довольно длиннаго изъ стамеди стальнаго цвѣта, съ красною шелковою оторочкой и на красной подкладкѣ. Императрица пріѣхала въ Москву, въ которомъ это было году не знаю, но думаю что до 1780 года, зимой и пожаловала сама на куртагъ, тогда и матушка ѣздила... Намъ вреніе-то было хорошее, хотѣли удешевить для барынь туалеты, да только на дѣлѣ вышло иначе: всѣ стали шить себѣ мундирныя платья, и матерію очень дешевыя и преллохой доброты ужасно вздорожали и дешевое вышло очень дорогимъ. Такъ зимы съ двѣ носили мундирныя эти платья и перестали. Такъ какъ батюшка былъ владѣльцемъ въ Калужской губерніи, гдѣ былъ и предводителемъ, и въ Тульской губерніи, то у матушки и было два мундира—одинъ стальнаго цвѣта, а другой помнится лазоревый съ краснымъ.

Собранія въ наше время начинались съ 24го ноября, со дня именинъ императрицы, и когда день ея рожденія, 21го апрѣля, приходился не въ постъ, то этимъ днемъ и оканчивались собранія. Съѣзжались обыкновенно въ 6 часовъ, потому что обѣдали рано, стало-быть 6 часовъ это былъ уже вечеръ

* Долгорукову-Крымскому.

и въ 12 часовъ всѣ разѣзжались по домамъ. Танцующихъ бывало не много, потому что менуэтъ былъ танецъ премудреный: поминутно то и дѣло что или присядь, или поклонись, и то осторожно, а иначе пожалуй или съ кѣмъ-нибудь абомъ стукнешься или толкнешь въ сливу; мало этого, береги свой хвостъ чтобъ его не оборвали и смотри чтобы самой не попасть въ чужой хвостъ и не залутаться. Танцовали только умѣвшіе хорошо танцевать и почти наперечетъ знали кто хорошо танцуетъ... Вотъ и слышишь: „Пойдемте смотрѣть—танцуетъ такая-то—Бутурдина что ли или тамъ какая-нибудь Грубецкая съ такимъ-то“. И потянутся изъ всѣхъ концовъ залы, и обступятъ кругъ танцующихъ, и смотрятъ какъ на диковину какъ дама присѣдаетъ, а кавалеръ низко кланяется.

Тогда и въ танцахъ было много учтивости и уваженія къ дамамъ.

Вальса тогда еще не знали, и въ первое время какъ онъ сталъ входить въ моду его считали неблагопристойнымъ танцемъ: какъ это обхватить даму за талию и кружить ее по залу...

Одно время собраніе помѣщалось въ домѣ бабушки Аграфены Федотовны Татищевой, возлѣ Пашковскаго дома на Моховой, потому что домъ собранія передѣлывался, и хотя зала была очень не велика, но въ ней кое-какъ тѣснились.

Собраніе въ томъ видѣ какъ оно было потомъ устроили въ 1811 году, его передѣлали, расширили и расписали. Очень всѣмъ не нравилось что на потолокъ въ залѣ представленъ былъ орелъ съ распущенными крыльями, окруженный темно-синюю тучей, изъ которой зигзагами выходитъ молнія. Многие тогда видѣли въ этомъ дурное предзнаменованіе, которое и сбылось, и императору Александру Павловичу, посѣтившему тогда Собраніе, должно-быть это не очень полюбилось, потому что онъ взглянувъ на потолокъ спросилъ: „Это что же такое?“ и, говорятъ, нахмурилъ брови. Онъ былъ довольно суевѣренъ и имѣлъ много примѣтъ... Въ 1812 году домъ Собранія обгорѣлъ, его должны были отдѣлать вновь, а денегъ у дворянства не было; тогда государь и пожаловалъ на обновленіе болѣе ста тысячъ.

Благородное Собраніе было очень посѣщаемо, и дамскіе туалеты всегда очень хороши и несравненно богаче чѣмъ теперь, потому что замужнія женщины носили матерію

затканная серебромъ, золотомъ и цѣльными газетными. Мушоны тоже долгое время до воцаренія императора Александра продолжали носить французскіе кафтаны различныхъ цвѣтовъ, довольно яркихъ иногда,—атласные, обьяринные, гродетуровые и бархатные, шитые шелками, блестками и серебромъ и золотомъ; всегда шелковые чулки и башмаки: явиться въ салогахъ на балъ никто и не посмѣлъ бы,—что за невѣжество! Только военные имѣли бѣтфорты, а статскіе все носили башмаки, на всѣхъ порядочныхъ людяхъ хорошія кружева,—это много придавало щеголоватости. Кромѣ того, пудра очень всѣхъ красила, а женщины и дѣвцы вдобавокъ еще румянились, стало-быть зеленыхъ и желтыхъ лицъ и не бывало.

Съ утра мы румянились слегка, не то что скрывали, а для того чтобы не сапшкомъ было красно лицо, но вечеромъ, предъ баломъ въ особенности, нужно было побольше нарумяниться. Нѣкоторыя дѣвицы сурмили себѣ брови и бѣдрили, но это не было одобряемо въ порядочномъ обществѣ, а обтерѣть себѣ лицо и шею пудрой считалось необходимымъ.

При императорѣ Павлѣ никто не смѣлъ и подумать о томъ чтобы безъ пудры носить волосы или надѣть то уродливое платье которое тогда уже начинали носить во Франціи. Сказывали что кто-то попался ему въ Петербургѣ въ новомодномъ платьѣ. Государь ѣхалъ, приказалъ остановиться и подозвалъ модника. У того отъ страха и ноги не идутъ, вѣрно почуялъ въ чемъ дѣло. Государь приказалъ ему повернуться, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, и такъ какъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, то расхохотался и сказалъ своему адъютанту: „Смотри, какой чудеса!“

Потомъ спросилъ франта: „Что ты Русскій?“ — „Точно такъ, ваше в—во, отвѣчаетъ тотъ ни живъ ни мертвъ...“

— Русскій и носишь такую дрянь: да ты знаешь ли что на тебѣ? Республиканское платье!... Пошелъ домой и чтобы этого платья и сафдовъ не было, слышишь... а то я тебя въ казенное платье одѣну—понялъ?...

А въ другой разъ велѣлъ кого-то посадить на гаултвахту.

При Павлѣ всѣ ухо востро держали. Пудру перестали носить послѣ коронаціи Александра, когда отмѣнили пудру для солдатъ, что было очень хорошо: гдѣ же солдату завиваться и пудриться? А съ пудрою вмѣстѣ, конечно, и французскій кафтанъ полагъ въ отставку.

Когда молодой государь пересталъ употреблять пудру и остригъ волосы, конечно, глядя на него и другіе сдѣлали то же. Однако многіе знатные старики гнушались новою модою и до тридцатыхъ еще годовъ продолжали лудриться и носили французскіе кафтаны. Такъ, я помню, нѣкоторые до смерти оставались вѣрны своимъ привычкамъ: князь Куракинъ, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, князь Лобановъ, Лукинъ и еще другіе, умершіе въ тридцатыхъ годахъ, являлись на балы и ко двору одѣтые по модѣ екатерининскихъ временъ: въ лудрѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, а которые съ *красными коблуками*.

Теперь многіе даже и не поймутъ что такое красные коблукы (*les talons rouges*). Не все ли де равно что красные, что черные,—это одна только мода. Можетъ-быть кто и не зная нашивалъ красные коблукы, но конечно не таковы были Юсуповъ, Куракинъ и подобные имъ. Они понимали значеніе и потому-то и продолжали вопреки модѣ одѣваться и обуваться по-своему.

Красные коблукы означали знатное происхожденіе; эту моду переняли мы, разумѣется, у Французовъ, какъ и всякую другую; тамъ, при Версальскомъ дворѣ, при которомъ-то изъ ихъ настоящихъ послѣднихъ трехъ королей, вошло въ обычай для высшаго дворянства (*la haute noblesse*) ходить на красныхъ коблукахъ. Это очень смѣшное доказательство знатности переняли и мы, и хотя сперва надъ этимъ и посмѣивались и критиковали, однако эту моду полюбили и у насъ, въ особенности знатные царедворцы: развѣ имъ можно не отличиться отъ простаго люда? Княжна Прасковья Михайловна Долгорукова до старости своей все ходила на красныхъ коблукахъ и продолжала ѣздить въ двухъствной каретѣ, которая имѣла видъ вѣера (*en forme d'éventail*.) Княжна была, я думаю, самая послѣдняя въ Москвѣ старожила, которая, имѣя отъ роду почти девяносто лѣтъ (она умерла въ 1844 году), все еще одѣвалась какъ при императрицѣ Екатеринѣ II.

Батюшка до кончины своей носилъ французскій кафтанъ синяго цвѣта, всегда бѣлое жабо, бѣлый ликейный камзолъ, чулки и башмаки. Онъ носилъ ларикъ и лудрился, и только за годъ до смерти снялъ ларикъ и сталъ сѣдымъ старичкомъ. Давно уже всѣ перестали лудриться, и я стала носить чепецъ изъ тюля, а Дмитрій Александровичъ все ходилъ съ лучкомъ и слегка лудрился; братья мои Корсаковы и

двоюродные братья Волконскіе надъ нимъ трунили. Онъ все еще крѣпился, наконецъ въ тамбовской деревнѣ онъ однажды приходитъ ко мнѣ и несетъ что-то такое въ рукѣ и говоритъ:

— Посмотри-ка, Елизавета Петровна, что я тебѣ принесъ, угадай.

Я была близорука смолоду и не вдругъ разглядѣла, потому вижу онъ держитъ отрѣзанную свою косу!

Безобразіе тѣхъ челцовъ и шляпъ которые пошли послѣ Двѣнадцатаго года себѣ нельзя представить, и однако все это носили; говорили что мода уродливая, а слѣдовали ей. Платья были самыя некрасивыя: очень узенькія, поясъ подъ мышками, спереди нога видна по щиколотку, а сзади у платья хвостъ. Потомъ платья совсѣмъ окургузили и вся нога стала видна, а на головѣ начали носить какіе-то картузы. Много я видала этихъ дурачествъ; застала *фрижмы*, *les raniers*: носили подъ юлками, нѣчто въ родѣ криволина, *туники* и пережила отвратительныя моды 1800 и 1815 годовъ, когда все подражали Французамъ, а Французы старались на свой ладъ переименовать одежды Римлянъ, *туники*, то-есть, съ позволенія сказать, чуть не просто рубашки. Разумѣется, порядочные люди не доходили до такихъ крайностей, держались середины, а все же дурачились.

VII.

Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ былъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ вельможъ когда-либо жившихъ въ Москвѣ, одинъ изъ послѣднихъ старожилловъ Екатерининскаго двора и вельможа въ полномъ смыслѣ. Прадѣдъ его былъ знатный мурза татарскаго происхожденія, принявшій православіе. Отецъ, Борисъ Григорьевичъ, былъ женатъ на Зиновьевой, и при Елизаветѣ Петровнѣ былъ важнымъ сановникомъ, * но въ особенности выдвинуло молодаго Юсупова впередъ расположеніе которымъ онъ нѣкоторое время пользовался при императрицѣ Екатеринѣ. Говорятъ, у него была даже прекрасная картина, на которой подъ видомъ мифологическихъ изображеній Венеры и Аполлона были представлены Екате-

* Князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, тайный совѣтникъ, былъ съ 1736 по 1741 годъ московскимъ губернаторомъ; въ 1742 году назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи.

рина и онъ самъ, смолоду весьма красивый. Эта картина была въ его спальнѣ. Императоръ Павелъ зналъ про эту картину и при восшествіи своемъ на престолъ приказалъ ее убрать, но моему двоюродному брату, графу Петру Степановичу Толстому, служившему при князѣ Николаѣ Борисовичѣ, довелось не разъ ее видѣть. Такъ какъ Юсуловъ былъ восточнаго происхожденія, то и не мудрено что былъ онъ великій женолюбецъ: у него въ деревенскомъ его домѣ была одна комната гдѣ находилось, говорятъ, собраніе *treize centz* портретовъ всѣхъ тѣхъ красавицъ благорасположеніемъ которыхъ онъ пользовался.

Жена князя Юсулова была родная племянница свѣтлѣйшаго князя Потемкина, Татьяна Васильевна, урожденная Энгельгардтъ, дочь сестры Потемкина,—въ первомъ бракѣ была за своимъ родственникомъ Потемкинымъ; и овдовѣвъ вышла за князя Юсулова. У нихъ былъ только одинъ сынъ. Супруги не очень ладили и хотя не были въ ссорѣ, но развѣхались и вмѣстѣ не жили: князь умеръ въ тридцатомъ или тридцать первомъ году, а жена его лѣтъ десять спустя. Онъ хотѣлъ чтобъ его схоронили въ небольшомъ его имѣньицѣ — въ селѣ Котовѣ, которое у него было верстахъ въ двадцати отъ Москвы, по Рогачевкѣ немного въ сторону. Это была родовая вотчина, гдѣ погребень и отецъ его. У князя Николая Борисовича было нѣсколько сестеръ, одна изъ нихъ, говорятъ, была ослѣпительной красоты, она вышла замужъ за Курляндскаго герцога Петра Бирона (сына извѣстнаго модѣя свирѣпствовавшего при Аннѣ), и послѣ двухъ-трехъ лѣтъ замужства умерла въ очень молодыхъ лѣтахъ. Послѣ смерти жены своей Биронъ прислалъ на память Юсулову ея парадную постель и всю мебель изъ ея опочивальни: все серебряное, обивка голубая атласная; все это хранится въ селѣ Архангельскомъ. Другая княжна Юсулова была за княземъ Голицынымъ, Андреемъ Михайловичемъ, сыномъ фельдмаршала, имѣвшаго отъ двухъ женъ семерыхъ сыновей и десять дочерей; одна изъ нихъ была за графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ. Третья сестра Николая Борисовича Юсулова была за Измайловымъ, и дочь ея, Евдокія Михайловна, вышла за князя Сергія Михайловича Голицына, но тотчасъ же послѣ вѣнчанія отказалась изъ церкви вѣхать съ мужемъ, никогда съ нимъ не жила вмѣстѣ и постоянно живя въ чужихъ краяхъ,

занималась науками и тамъ умерла въ концѣ сороковых годовъ.

Князь Николай Борисовичъ Юсуловъ былъ очень по своему времени образованный человекъ, получившій самое блестящее воспитаніе. Онъ былъ при Екатеринѣ II гдѣ-то * посланникомъ и потому долгое время жилъ при иностранномъ дворѣ. Императоръ Павелъ при своемъ коронованіи пожаловалъ ему Андреевскую звѣзду и очень къ нему благовоилъ. При Александрѣ Павловичѣ онъ былъ недолго министромъ удѣловъ и въ большомъ почетѣ, а при императорѣ Николаѣ начальникомъ Кремлевской экспедиціи, и подъ его вѣдѣніемъ перестраивался Малый Николаевскій Кремлевскій дворецъ. Онъ имѣлъ всѣ русскіе ордена, портретъ государя, алмазный шифръ, и когда не знали уже чѣмъ его наградить, то была ему пожалована одна жемчужная эполета.

Князь Юсуловъ былъ очень привѣтливый и милый человекъ, безо всякой напыщенности и глупаго чванства, по которому тотчасъ узнаешь полувельможу, опасющагося уронить свое достоинство; съ дамами откровенно и изысканно вѣжливъ. Когда бывало въ знакомомъ ему домѣ встрѣтится ему на лѣстницѣ какая-нибудь дама, знаетъ ли онъ ее или нѣтъ, всегда низко поклонится и посторонится чтобы дать ей пройти. Когда лѣтомъ онъ жила у себя въ Архангельскомъ и гулялъ въ саду, куда допускались всѣ желающіе гулять, онъ при встрѣчѣ непременно раскланяется съ дамами, а ежели увидитъ хотя по имени ему извѣстныхъ, подойдетъ и скажетъ привѣтливое слово. Подчиненные его очень любили и братъ Петръ Стеляновичъ (графъ Толстой) его всегда очень хвалилъ и говаривалъ что съ нимъ очень легко быть и пріятно бесѣдовать. Вдовствующая императрица Марія Феодоровна къ нему была очень благосклонна и на балахъ всегда танцевала, то-есть ходила „польскій“. При этомъ онъ снималъ обыкновенно съ правой руки перчатку и клалъ ее на два пальца (указательный и средній) и подавалъ ихъ императрицѣ, которая протянетъ ему тоже два пальца, и такъ она идетъ польскій, а чтобы къ императрицѣ не обращаться плечомъ, что разумѣется было бы непочтительно и невѣжливо, онъ какъ-то откинется назадъ и все идетъ бокомъ. Не знаю посѣщала ли императрица Екатерина князя Юсулова

* Въ Туринѣ.

въ его московскомъ старинномъ домѣ, у Харитонья въ Огородникахъ (пожалованномъ его дѣду), но отецъ его принималъ въ этомъ домѣ императрицу Елисавету, а князь Николай Борисовичъ былъ не разъ удостоенъ высочайшихъ почестеній въ Архангельскомъ, гдѣ императрица Марія гащивала по нѣскольку дней, и въ саду есть лампачники изъ мрамора съ надписями когда и кто изъ высочайшихъ особъ тамъ бывалъ. Принимая царственныхъ своихъ гостей, Юсуловъ дѣлалъ праздники, и послѣдній, которымъ онъ заключилъ всѣ пиры своей долголѣтней жизни, былъ великолѣпный праздникъ, данный имъ послѣ коронованія покойнаго государя императора Николая. Тогда было много иностранныхъ пословъ, и всѣ дивились убранству дома, мѣстности, потому что мѣстоположеніе Архангельскаго замѣчательно хорошо, и великолѣпію приѣма русскаго вельможи. Праздникъ этотъ былъ самый роскошный изъ всѣхъ праздниковъ которые тогда были; обѣдъ, театръ, балъ съ иллюминаціей во всемъ саду и великолѣпный фейерверкъ.

Князь Юсуловъ былъ весьма богатъ, любилъ роскошь, умѣлъ блеснуть когда нужно и, будучи очень даже щедръ, былъ однако съ тѣмъ вмѣстѣ и весьма разчетливъ.

Онъ не зналъ на память всѣхъ своихъ имѣній, потому что у него были почти во всѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ, и я слышала что у него слишкомъ *сорокъ тысячъ душъ крестьянъ*. Когда у него спрашивали: „что, князь, имѣете вы имѣніе въ такой-то губерніи или уѣздѣ?“ Онъ отвѣчалъ: „не знаю, надо справиться въ памятной книжкѣ“. Ему приносили памятную книжку, въ которой по губерніямъ и уѣздамъ были записаны всѣ его имѣнія, онъ справлялся и почти всегда оказывалось что у него тамъ было имѣніе. Онъ былъ богатъ какъ по себѣ, такъ и по своей женѣ, которая, какъ всѣ племянницы Потемкина-Таврическаго, имѣла несмѣтное богатство.*

* Сестра князя Григорія Александровича Таврическаго, Марья Александровна, была замужемъ за Василиемъ Андреевичемъ Энгельгардтъ, у нихъ дѣти: сынъ и пять дочерей. По смерти князя Потемкина имъ досталось все его наследство и говорятъ что будто бы на долю каждой пришлось по восемнадцати милліоновъ кромѣ недвижимыхъ имѣній и движимости стоившей многихъ милліоновъ. Графиня Браницкая не знала въ точности своего капитала, но говорила: „Мой капиталъ увеличился и я думаю что у меня должно быть милліоновъ двадцать восемь или немного болѣе.“

Онъ очень любилъ картины, мраморы, бронзы и всякія дорогія и хорошія вещи, и собралъ у себя въ Архангельскомъ столько всякихъ цѣнныхъ рѣдкостей что подобнаго собранія, говорятъ, ни у кого изъ частныхъ лицъ нѣтъ въ Россіи, развѣ только у Шереметева. По его милости разбогатѣли извѣстные въ Москвѣ мѣнялы: Шуховъ, Лухмановъ и Волковъ, которые всѣ начали торговать съ рублей и имѣли потомъ большіе капиталы и огромныя собранія. Въ Архангельскомъ есть очень большая библіотека, занимающая весь второй этажъ дома, нѣсколько большихъ комнатъ; говорятъ, тамъ послѣ смерти князя, оказалось около тридцати тысячъ книгъ, все болѣе не русскія.

Многіе изъ иностранныхъ ученыхъ были съ Юсуловымъ въ перепискѣ; онъ дружески былъ знакомъ со старикомъ Вольтеромъ; не разъ бывалъ у него въ помѣстьѣ Ферне, находился съ нимъ въ перепискѣ и на память о немъ велѣлъ изваять точное его изображение и поставилъ у себя въ библіотекѣ.

Еще прежде чѣмъ сдѣлаться посланникомъ, онъ въ молодости своей много путешествовалъ по Европѣ, что тогда было очень рѣдко. Онъ любилъ вспоминать то время когда будучи во Франціи, онъ посѣтилъ Версальскій дворъ и завѣтнѣйшій Трианонъ въ полномъ еще блескѣ. Онъ представлялся королю и прекрасной молодой женѣ его Мариі-Антуанетѣ, обворожившей его своимъ пріятливымъ обхожденіемъ, и какъ гость онъ не малое время прогостилъ въ Версалѣ и успѣлъ досыта насмотрѣться на все то что чрезъ нѣсколько лѣтъ уже не существовало.

Самъ вельможа, хотя и чужестранный, но воспитанный совершенно по-европейски, онъ всѣхъ удивлялъ своимъ умомъ, любезностію, познаніями и великолѣпіемъ, и между вельможами держалъ себя съ большимъ тактомъ и достоинствомъ. Онъ увѣзжалъ изъ Версаля, надѣясь и еще тамъ побывать, но немного времени спустя и дворъ переѣхалъ въ Парижъ, и начались смуты окончившіяся революціей и смертію добродѣтельнаго короля и королевы.

Юсуловъ былъ въ Англіи, но она ему не понравилась; ѣздилъ въ Испанію; въ Вѣнѣ представлялся Іосифу II и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ объ его сестрѣ и о дворѣ Версальскомъ.

Въ Берлинѣ онъ засталъ еще въ живыхъ старика Фридриха Великаго и неоднократно бывалъ у него, но король былъ уже ветхъ и видимо разрушался.

Вотъ что Юсуловъ хранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ; очень жаль что не осталось писаннаго его дневника: много любопытнаго могъ бы передать этотъ вельможа, служившій болѣе шестидесяти лѣтъ при четырехъ государяхъ, видѣвшій три коронаціи, знавшій столькожъ иностранныхъ королей, вельможъ, принцевъ и знаменитостей, жившихъ въ теченіе болѣе полувѣка.

Послѣдніе годы своей жизни старичокъ Юсуловъ провелъ въ Москвѣ и всѣ его очень уважали; за обходительность онъ былъ любимъ, и еслибъ онъ не былъ черезчуръ женолюбивъ, то можно было бы сказать что онъ былъ истинно во всѣхъ отношеніяхъ примѣрный и добродѣтельный человекъ, но эта слабость ему много вредила во всеобщемъ мнѣніи. Впрочемъ за это нельзя его судить слишкомъ строго, потому что онъ родился и былъ молодъ въ такое время когда почти и сломъ да рядомъ всѣ вельможи такъ жила и, считая себя все дозволеннымъ, не очень-то строго наблюдали за своею нравственностью, не считая даже и предосудительнымъ что не могли обуздать своихъ порочныхъ слабостей. То что они дѣлали хорошаго да послужить имъ въ искупленіе за ихъ дурныя увлеченія.

Вотъ еще прекрасная черта его характера, доказывающая благородство его души: онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ графомъ Ростопчивымъ, но почему-то у нихъ вышла размолвка, и они перестали нѣкоторое время видаться. Одинъ мнѣяла, изъ ихъ общихъ знакомыхъ, желая подслужиться, вздумалъ Юсулову говорить дурно про Ростопчина; онъ остановилъ злоязычника на первомъ словѣ: — „Вотъ что, мой любезный, я скажу тебѣ: хотя мы съ графомъ теперь и не въ ладахъ, но я не потерлю чтобы мнѣ кто-либо про него злословилъ, и я вполне увѣренъ что и онъ тоже этого не допуститъ; не теряй времени даромъ у меня, и если хочешь бранить его, ищи себѣ другаго мѣста, а въ моемъ домѣ его нѣтъ для злоязычниковъ.“

Насмотрѣвшись на спекуляцію Вольтера, который подъ старость сдѣлался торгашомъ, вздумалъ было и Юсуловъ пуститься въ аферы: завелъ у себя зеркальный заводъ, потому что въ ту пору зеркала были все больше привозныя и очень въ цѣнѣ; однако эта спекуляція ему не удалась и онъ остался въ большомъ накладѣ. Видя что *князю* не приходится торгашничать, онъ тотчасъ прекратилъ зеркальное

свое производство. Мнѣ про Юсулова много разказывалъ братъ Петръ Степановичъ, который у него бывалъ каждый день; онъ былъ ему очень преданъ, и когда онъ умеръ, имѣя слѣшкомъ восемьдесятъ лѣтъ отъ рожденія, братъ провожалъ его тѣло въ подмосковное его имѣніе, гдѣ его схоронили въ особой каменной палаткѣ, пристроенной къ церквѣ, рядомъ съ его отцомъ.

По смерти старика Юсулова, сынъ его князь Борисъ Николаевичъ * никогда не живалъ подолгу въ Архангельскомъ, и ни разу никто у него тамъ не вылилъ и чашки чаю. Онъ былъ очень скулъ и началъ было многое оттуда вывозить въ свой петербургскій домъ, но покойный государь Николай Павловичъ, помнившій что такое Архангельское, велѣлъ сказать князю чтобъ онъ Архангельскаго не опустошалъ.

До Юсулова Архангельское принадлежало князю Николаю Алексѣевичу Голицыну, женатому на Марьѣ Адамовнѣ Олсуфьевой, которая и продала это имѣніе, смежное съ Никольскимъ, по сіе время оставшееся еще за Голицыными. За Архангельское просили съ чѣмъ-то сто тысячъ ассигнаціями, это было въ началѣ 1800хъ годовъ. Тогда сестра моя Вяземская искала кулить имѣніе; она ѣздила туда съ княземъ Николаемъ Семеновичемъ осматривать, и они нашли что имѣніе не дорого, но слѣшкомъ для нихъ великолѣпно, требуетъ большихъ расходовъ для поддержки и поэтому и не рѣшились кулить, и купилъ его за сто тысячъ Юсуловъ, для котораго это была игрушка и забава, а Вяземскіе искали имѣнія посolidнѣе для дохода; они купили вскорѣ послѣ того въ Всевскомъ уѣздѣ село Студенецъ, по раздѣлу доставшееся потомъ князю Андрею и перешедшее къ его дочери Лидіи Горданъ.

Въ Архангельскомъ, говорятъ, однѣхъ картинъ было собрано болѣе чѣмъ на милліонъ рублей ассигнаціями, кромѣ всего прочаго рѣдкаго и цѣннаго.

Купивъ имѣніе за сто тысячъ, Юсуловъ продалъ много лѣсу и употребилъ можетъ-быть еще въ два раза столько же

* Князь Борисъ Николаевичъ, гофмейстеръ, род. 9го іюня 1794 года, скончался 25го октября 1849 года. Первая его жена княжна Прасковья Павловна Щербатова род. 6го іюля 1795 года, умерла 17го октября 1820 года; вторая Зинаида Ивановна Нарышкина род. въ 1810 году; во второмъ бракѣ за иностранцемъ графомъ де-Шево; отъ перваго брака сынъ князь Николай Борисовичъ род. 12го октября 1827 года.

на постройки и украшенія дома и сада. Тамъ прекрасныя оранжереи, и между померанцевыми деревьями одно такое большое и толстое (кулаенное, кажется, послѣ Разумовскаго за три тысячи рублей ассигнаціями) что другаго подобнаго нѣтъ въ Россіи, и только большіе два померанцевые дерева, находящіяся въ Версальской оранжерей, его превосходятъ. * Это дерево не столько высоко сколько удивительно по своей толщинѣ и по обширности кроны. Въ прежніе годы всѣ померанцы выставлялись въ Архангельскомъ предъ домомъ на срединѣ двора, а этотъ всегда ставился въ срединѣ этой громадной клумбы; не знаю продолжаютъ ли и до сихъ поръ такъ дѣлать.

Въ очень пространномъ саду въ Архангельскомъ много было мраморныхъ статуй и вазъ; не подалеку отъ дома есть особое зданіе—театръ, по видимому помѣстительный, но внутри мнѣ не приходилось быть, и потому ничего не могу о немъ сказать.

Въ саду есть домъ называемый Капризъ. Разказываютъ что въ то время когда Архангельское принадлежало еще Голицынымъ, мужъ и жена поссорились, княгиня не захотѣла жить въ одномъ домѣ съ мужемъ и велѣла выстроить для себя особый домъ, который и назвала Капризомъ. Особенность этого дома та что онъ стоитъ на небольшой возвышенности, но для входа въ него нѣтъ крылецъ со ступенями, а только отлогая дорожка, идущая покатостью къ самому порогу дверей.

Мать княгини Марьи Адамовны Голицыной, Марья Васильевна, была дочь Василя Ѳедоровича Салтыкова, роднаго дяди дѣда моего, князя Николая Осиповича Щербатова, и слѣдовательно приходилась ему двоюродною сестрой, а Марья Адамовна, выходитъ, была матушкѣ внучатною сестрой. Она была гораздо ея моложе и скорѣе мнѣ, по своимъ лѣтамъ, была ровестницей, и я застала ее еще въ дѣвушкахъ. Мы считались родствомъ и были знакомы, но только не домами.

* Вѣроятно эти два упоминаемые дерева извѣстные два Версальскіе померанца: *le Connetable* и *Montmorency*; которое-то изъ нихъ было посажено сѣмечкомъ въ 1420 году, и слѣдовательно ему теперь почти 460 лѣтъ. Смутно помню я что слышалъ отъ гр. Петра Степановича Толстаго что Юсуповъ купилъ всѣ померанцевыя деревья въ Люблинѣ и заплатилъ за всѣ 10.000 руб. ассигн. и въ томъ числѣ большое вышеупомянутое. *Внукъ.*

Она любила жить весело и открыто, и сдѣлала порядочную прорѣху мужниному кошельку. Мужъ ея умеръ до Двѣнадцатаго года, а старшій изъ ея двухъ сыновей былъ убитъ подъ Бородинымъ; сама она умерла около 1820 года.

Г Л А В А XI.

I.

По возвращеніи нашемъ въ Москву, поживъ нѣкоторое время у Щербачева, мы стали прискивать себѣ домъ для найма, и наконецъ нашли подходящий намъ у Бориса и Глѣба, второй * отъ угла Воздвиженки, на Никитскомъ бульварѣ; мы наняли бель-этажъ, а братъ Владиміръ Волконскій—нижній. Дома очень вздорожали, и намъ пришлось платить 1.500 рублей ассигнаціями, что было очень не дешево по тогдашнимъ цѣнамъ. Апраксины, которыхъ домъ тоже не мало пострадалъ отъ непріятели, нанимали флигель Кокошкинскаго дома (который на самомъ углу Воздвиженки, напротивъ церкви Бориса и Глѣба, что на Стрѣлкѣ), а флигель по Воздвиженкѣ. Низъ былъ у нихъ въ помѣщеніи очень сыръ, такъ что по угламъ росли грибы, и они платили что-то дорого; но разбирать и привередничать не приходилось; радъ-радешенекъ былъ каждый кто находилъ себѣ гдѣ пріютиться, въ особенности въ центрѣ города, гдѣ по большей части тогда жила дворяне.

Долго не могла я рѣшиться побывать на Пречистенкѣ и посмотреть на то мѣсто гдѣ былъ нашъ домъ; наконецъ я отправилась съ Дмитриемъ Александровичемъ: на углу переука называемаго Мертвымъ, гдѣ былъ домъ нашъ, увидела я совершенно пустое выгорѣлое мѣсто, и только въ углу двора на огородѣ схитилъ себѣ кое-какъ нашъ дворникъ, Игнатъ, маленькую лачужку изъ остатковъ дома и строеній. Очень грустно и обидно было видѣть что домъ въ которомъ мы не жили и года сгорѣлъ дотла. Слава Богу что мы-то все увидѣли, а эти потери, хотя и чувствительны и прискорбны, ну, да это дѣло нажитое, то и олять нажить можно, и не сѣдуеть черезчуръ дорожить этими стяжаніями. Не такія еще бѣды могли насъ постигнуть, и я готовилась на большее...

* Нынѣ этотъ домъ графини Комаровской.

Домъ нужно было олять строить и матеріалъ уже пригодовался у насъ въ деревнѣ. Черезъ переулочъ отъ насъ, ниже къ Пречистенскимъ воротамъ, былъ домъ Архаровыхъ, напротивъ нихъ домъ Лолухина и далѣе еще большой домъ Всеволожскихъ, всѣ они сгорѣли. Рядомъ съ нашимъ домомъ, каменный домъ князя Хованскаго, домъ во дворѣ графини Елизаветы Ѳедоровны Орловой, урожденной Ртищевой, напротивъ насъ домъ князя Шаховскаго, большой домъ князя Долгорукова, домъ Охотникова и еще много другихъ домовъ по Пречистенкѣ почти влооть до самаго Зубова, гдѣ нынѣ бульваръ, все это погорѣло. Домъ Хитровой, Настасьи Николаевны, однако, уцѣлѣлъ долгое время, онъ одинъ - одинешенекъ стоялъ посреди обгорѣлыхъ развалинъ.

О Хитровыхъ я потомъ разкажу подробно, потому что издавна знала всю семью; Настасью Николаевну знала коротко, уважала и любила.

Всю зиму 1813—1814 года мы провели въ деревнѣ; послѣ разгрома пришлось намъ поприжаться; мы собирались олять строиться въ Москвѣ и хотѣлось намъ освятить одинъ изъ придѣловъ нашей церкви,—во имя Святителя Димитрія. У насъ былъ свой живописецъ Григорій Озеровъ который работалъ иконостасъ, непріятель намъ помѣшалъ, а теперь олять можно было приняться. У насъ даже было на умѣ что Господь насъ за то и наказалъ что мы себѣ домъ выстроили, а церковь все еще стояла недодѣланная, и рѣшили мы сперва хотя одинъ изъ придѣловъ отдѣлать, а между тѣмъ хлопотать о домѣ.

Когда мы возвратились въ деревню послѣ Французовъ, и я увидѣла что все уцѣлѣло, мнѣ все не вѣрилось, и я не могла нарадоваться что мы олять въ Горкахъ. Тогда я вспомнила предложеніе Михайлы Иванова изъ московскаго дома побольше послать въ деревню: еслибы Дмитрій Александровичъ не поупрямился, много бы хорошаго у насъ сбереглось.

Мы служили благодарственный молебень что Господь привелъ насъ олять возвратиться цѣлыми и невредимыми. Всѣ дворовые люди собрались насъ встрѣчать, и въ воскресенье пришли съ деревнѣю и крестьяне къ обѣднѣ, а потомъ къ дому, и высказывали намъ радость свою что олять насъ видятъ.

Няня Матрена, остававшаяся безъ насъ и жившая во время нашего отсутствія въ молочной комнатѣ при скотномъ дворѣ (управленіе которымъ было поручено отъ меня ей),

намъ подробно разказывала свои страхи и какъ она бѣжала и скрывалась въ лѣсу, услышавъ что непріятель въ двѣнадцати верстахъ отъ насъ, въ селѣ Озерецкомъ.

У Матрены былъ мальчикъ по второму году, да грудной ребенокъ, и она съ ними ушла въ сторожку къ лѣснику и тамъ жила трое сутокъ. Вдругъ прошелъ слухъ что Французы ѣдутъ, она привязала мальчика себѣ на спину, взяла груднаго ребенка, и съ мѣшкомъ въ который наклали что было подъ рукой для пропитанія ушла въ лѣсъ и сутки двое бродила въ самой чащѣ. Лѣсникъ узналъ, что Французовъ перебили мужики въ Озерецкомъ и пошелъ выручать Матрену и свою жену тоже съ дѣтьми чтобъ онѣ вернулись; сталъ ихъ окликать, а онѣ, думая что непріятель, что ни есть мочи идутъ дальше и дальше въ лѣсъ; измучились, наголодались, назяблись по ночамъ, потому что наступала уже осень, и когда все съѣстное у нихъ вышло и сами голодные и дѣти просить ѣсть, нечего дѣлать пришли назадъ и узнали что Француза и не было ни въ селѣ, ни въ деревнѣ.

Но ежели Французы избавили нашу мѣстность отъ своихъ посященій, отряды казаковъ, подъ предлогомъ что они разыскиваютъ нѣтъ ли гдѣ непріятельскихъ шакъ, всюду разѣзжали и по селамъ справлялись нѣтъ ли чего съѣдобнаго, а главное—нѣтъ ли хмѣльнаго. Они не позабыли и нашего села, зашли по подваламъ и погребамъ и къ неопisanному прискорбю нашей ключницы старушки: „пріѣли все, все господское варенье, выпили все виноградное вино, и мало имъ было этого, и меды-то всѣ какія оставались и тѣхъ не оставили, а два окорока съ собою увезли.“

Ключница Акулина Васильевна этимъ очень огорчилась и разказывая мнѣ прибавила: „Ну матушка, въ разоръ разорили, бездѣльники, ничего не оставили, кричатъ, подавай ключи,—не лучше непріятели, только бы имъ ѣсть да бражничать. Легко ли, сударыня, сколько ихъ было: тридцать человекъ!“

Но этимъ посященіемъ и ограничились, слава Богу, всѣ наши утраты въ подмосковномъ имѣніи, и по близости отъ насъ ни у кого изъ нашихъ знакомыхъ сосѣдей не были, кромѣ Головина, жившаго въ своемъ имѣніи, въ селѣ Деденевъ-Ново-Спасскомъ. Они застали его совершенно невзначай: это было въ простой день, онъ сидѣлъ и обѣдалъ съ женой и дѣтьми, взглянулъ въ окно и видитъ что идутъ Французы,

нѣсколько начальствующихъ лицъ и солдаты направляются прямо къ дому. Чтò прикажете ему дѣлать? Онъ былъ великій неохотникъ до иностранцевъ, а тѣмъ лаче еще до враговъ отечества, однако, скрѣпя сердце, онъ предложилъ имъ раздѣлить съ нимъ трапезу. Они приняли предложеніе. Но требовали чтобъ и самъ хозяинъ сѣлъ съ ними и пробовалъ каждое подаваемое блюдо, опасаясь можетъ-быть чтобы не угостили чѣмъ съ отравой. Головинъ выслалъ жену и дѣтей изъ-за стола, а самъ сталъ подчивать незваныхъ гостей. Французы расположились не подалску отъ села лагеремъ и во все время лока тамъ стояли вели себя хорошо и смирно, и храмовъ не только нигдѣ не осквернили, но даже не препятствовали богослуженію, и просили только не звонить въ большіе колокола, опасаясь чтобы войска не приняли трезвона за тревогу и оттого не переполошились полустому.

Жену свою Головинъ однако куда-то спровадилъ съ дѣтьми, которыхъ было двое ли трое ли, навѣрное не знаю. Ее звали Анной Гавриловной, она была молода, хороша, ну мужъ и разсудилъ что все-таки безопаснѣе для молоденькой женщины быть подалше отъ этихъ головорѣзовъ. Она была урожденная княжна Гагарина, дочь бывшаго министра торговли, князя Гавріила Петровича. Ея сестра Екатерина Гавриловна была замужемъ за княземъ Никитою Сергѣевичемъ Долгоруковымъ, сыномъ княгини Варвары Осиповны, урожденной княжны Щербатовой, старшей сестры дѣда моего, князя Николая Осиповича; мы знакомы не были, хотя и были родня.

II.

По окончаніи всѣхъ войнъ Россіи съ Франціей и по возвращеніи союзныхъ войскъ 'изъ-за границы стали жить у насъ по сосѣдству Голицыны: князь Дмитрій Владиміровичъ и жена его Татьяна Васильевна. Ни въ одномъ изъ нашихъ русскихъ княжескихъ родовъ не было столько замѣчательныхъ лицъ какъ въ Голицыныхъ, но въ Москвѣ всѣхъ извѣстнѣе князь Дмитрій Владиміровичъ и князь Сергій Михайловичъ.

Князь Дмитрій Владиміровичъ былъ братъ Екатерины Владиміровны Апраксиной и Софьи Владиміровны Строгановой; онъ имѣлъ еще старшаго брата Бориса Владиміровича

который былъ очень хорошъ собой, умёнъ и по своему времени получилъ воспитаніе какъ не многіе. Мать этихъ Голицыныхъ, княгиня Наталья Петровна, про которую я уже и разказывала, кромѣ того что женщина отъ природы очень умная, была и великая мастерица устраивать свои дѣла. Мужъ ея, бригадиръ въ отставкѣ, очень простоватый былъ человекъ, съ большимъ состояніемъ, которое отъ дурнаго управленія было залувано и приносило плохой доходъ. Чтобъ устроить дѣла, княгиня Наталья Петровна продала половину имѣнія, заплатила долги и такъ хорошо все обдѣлала что когда умерла почти что ста лѣтъ отъ роду, то оставила слѣшкомъ шестидцать тысячъ душъ.

Нахожу что я мало разказала про эту очень извѣстную въ свое время женщину и потому при случаѣ доскажу о ней все что припомню. Отецъ ея, графъ Петръ Григорьевичъ, имѣлъ еще братьевъ Григорія и Захара, которые оба съ молодыхъ лѣтъ вертѣлись при дворѣ Елисаветы Петровны, и великая княгиня Екатерина Алексѣевна (въ послѣдствіи Екатерина II) оказывала имъ явное предпочтеніе, и изъ-за этого они очень пострадали и одно время даже были удалены отъ двора. Въ послѣдствіи, при Екатеринѣ, имъ за то очень повезло и всѣ три брата пошли очень высоко. Былъ еще и четвертый, котораго по имени назвать не умѣю, онъ умеръ молодъ при Елисаветѣ, не будучи женатъ; а остальные братья стали важными особами: Петръ Григорьевичъ былъ посланникомъ при нѣсколькихъ дворахъ и долгое время находился при Версальскомъ, и дочерей своихъ, Дарью и Наталью, воспиталъ въ чужихъ краяхъ. Дарья Петровна была за графомъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ, сыномъ извѣстнаго Петра Семеновича, при которомъ мой свекоръ Александръ Даниловичъ Янковъ былъ адъютантомъ. Графъ Иванъ Петровичъ всегда былъ очень расположенъ къ моему свекру, помня какъ тотъ съ нимъ возился въ молодости, и до конца его жизни находился съ нимъ въ наилучшихъ дружественныхъ отношеніяхъ; ему принадлежало село Марѣино, которое онъ и отдалъ въ приданое за свою дочь, вышедшею за графа Григорья Владиміровича Орлова. Сестра его, графиня Софья Владиміровна, вышла за графа Панина, и такъ Марѣино почему-то и перешло въ родъ Паниныхъ. Ивана Петровича и Дарью Петровну я знавала и мы съ мужемъ раза съ два бывали у нихъ въ Марѣинѣ и въ Москвѣ въ то

время какъ онъ былъ главнокомандующимъ; и мужъ и жена оба умерли въ началѣ 1800 годовъ и въ скорости одинъ послѣ другаго.

Графъ Захаръ Григорьевичъ былъ не долгое время главнокомандующимъ въ Москвѣ, я была еще ребенкомъ когда онъ умеръ и совѣмъ его не помню.

Княгиня Наталья Петровна долго путешествовала по чужимъ краямъ и тамъ воспитала всѣхъ своихъ дѣтей, почему всѣ они очень плохо знали по-русски. Старше всѣхъ была Екатерина Владиміровна Апраксина, а меньшая графиня Строганова. У Натальи Петровны было прекрасное имѣніе въ Калужской губерніи, не подалеку отъ Боброва,—село Городня, гдѣ она иногда жила, а другое Веземы верстахъ въ сорока отъ Москвы на пути въ Звенигородъ. Это имѣніе, говорятъ, принадлежало Борису Годунову, который тамъ строилъ церковь каменную, очень благоудѣльную; потомъ при Петрѣ I оно было пожаловано имъ князю Борису Алексѣевичу, его воспитателю.

Возлѣ насъ, верстахъ въ восьми, было село Рождествино, принадлежавшее тоже Голицынымъ, и въ немъ-то и поселился князь Дмитрій Владиміровичъ съ женой. Княгиня Татьяна Васильевна была сама по себѣ Васильчикова, а такъ какъ старуха Голицына не считала Васильчиковыхъ довольно знатными, то и неохотно согласилась на бракъ сына, и первое время, говорятъ, невѣстка много терпѣла отъ своей самовольной и надменной свекрови. Старуха Голицына почему-то терпѣть не могла Рождествина, отдала его сыну, сама же не только никогда тамъ не бывала, но даже, когда прїѣзжала въ Ольгово и подолгу гащивала у своей дочери Апраксиной, никто и заикнуться не смѣлъ что въ двадцати верстахъ отсюда имѣніе ея Рождествино, въ которомъ сынъ ея жилъ, и никогда о немъ не упоминалъ.

Старшій изъ Голицыныхъ, князь Борисъ Владиміровичъ, женатъ не былъ, онъ умеръ въ скорости послѣ Французовъ и оставилъ двухъ дочерей, носившихъ фамилію Зеленскихъ. Княгиня Татьяна Васильевна по своей добротѣ взяла этихъ сиротокъ къ себѣ и воспитывала ихъ, и въ послѣдствіи хорошо выдала замужъ, но отъ старой княгини о существованіи ихъ скрывали.

Вообще вся семья предъ княгиней трелетала и она до конца жизни дѣтей своихъ называла уменьшительными

именами: Апраксину—Катенькой, а Катенькѣ было далеко за шестьдесятъ лѣтъ, сынъ былъ для нея все Митенькой. Привыкнувъ ихъ считать дѣтьми и будучи сама уже очень стара, она никакъ себѣ представить не могла что и они уже не молоды. Разказываютъ что когда князь Дмитрій Владиміровичъ, бывалъ въ Петербургѣ, останавливался у матери въ домѣ, ему отводили комнаты въ антресоляхъ, и княгиня всегда призывала своего дворецкаго и приказывала ему „позаботиться чтобы все нужное было у Митеньки, а лучше всего смотрѣть за нимъ чтобъ онъ не усталъ сходя съ лѣстницы“. Онъ былъ очень близорукъ, очковъ не носилъ, но употреблялъ лорнетъ.

Родившись въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, при которой она была фрейлиной, княгиня Наталья Петровна видѣла царскій дворъ при пяти императрицахъ и будучи старожиалкой не мудроно что считала всѣхъ молодежью. Всѣ знатные вельможи и ихъ жены оказывали ей особое уваженіе и высоко цѣнили малѣйшее ея вниманіе.

III.

Князь Дмитрій Владиміровичъ и жена его оба были преминые, преобходительные и предасковые. Въ 1820 году онъ былъ сдѣланъ московскимъ генералъ-губернаторомъ и правилъ столицею невступно двадцать пять лѣтъ. Въ Москвѣ всѣ ихъ любили и очень жалѣли когда ихъ не стало въ живыхъ.

Несмотря на то что все имѣніе было Голицынское, княгиня Наталья Петровна самавластно всѣмъ завѣдывала, дочерямъ своимъ при ихъ замужествѣ выдѣлала по 2.000 душъ, а сыну выдавала ежегодно по 50 тысячъ рублей ассигнаціями. Будучи начальникомъ Москвы, онъ не могъ жить какъ частный человекъ, и хотя получалъ отъ казны на пріемы и угощенія, но этого ему не доставало и онъ принужденъ былъ дѣлать долги. Это стало извѣстно покойному государю Николаю Павловичу; онъ говорилъ княгинѣ чтобъ она дала что-нибудь своему сыну. Тогда она взмиловалась и прибавила ему еще 50 тысячъ ассигнаціями, думая можетъ-быть что его щедро награждаетъ, но изъ имѣнія, кромѣ ста душъ находившихся въ Рождествинѣ, до самой кончины ея онъ ничего не имѣлъ. Она умерла въ 1837 или 1838 году, а князь въ 1844 году, слѣдовательно онъ провелъ всю свою жизньъ

почти ничего не имѣя, а только за шесть или за семь лѣтъ до смерти получилъ сдѣдовавшія ему 16.000 душъ.

Въ Рождествинѣ сперва былъ старый и очень плохой домикъ, который кое-какъ устроили, и въ немъ нѣсколько лѣтъ жила Голицыны. Потомъ они стали строиться и выстроили себѣ прехорошенькую усадьбу: домъ и два флигеля; старинную церковь поновили и развели прекрасный садъ. Княгиня любила цвѣты и очень занималась садомъ: построили оранжереи, и все было въ небольшихъ размѣрахъ. Домъ былъ отдѣланъ внутри очень просто: вездѣ березовая мебель, покрытая тикомъ; нигдѣ не золоченья, ни шелковыхъ матерій, но множество портретовъ семейныхъ въ гостиной и прекрасное собраніе гравированныхъ портретовъ всѣхъ извѣстныхъ генераловъ 1812 года. Въ залѣ, либо въ биллиардной, была большая семейная картина во всю стѣну—изображеніе семейства Чернышевыхъ; фигуръ много и всѣ почти въ натуральную величину; кисть по времени прекрасная; надобно думать что такая картина стоила очень большихъ денегъ, когда портретная живопись была искусствомъ, а не ремесломъ, какъ сдѣлалась въ послѣдствіи.

Князь Дмитрій Владиміровичъ вышелъ въ отставку, думая, въ 1814 году, и до 1820 года, пока не былъ назначенъ генералъ - губернаторомъ въ Москву, нигдѣ не служилъ. Воспитаніе двухъ дочерей: Натальи Дмитріевны (бывшей въ послѣдствіи за оберъ-прокуроромъ Св. Синода, графомъ Николаемъ Александровичемъ Протасовымъ) и Екатерины Дмитріевны (вышедшей за князя Николая Васильевича Долгорукова) занимало время княгини; женщина умная, благочестивая и высокой добродѣтели, княгиня Татьяна Васильевна была рождена для семейной тихой жизни, и она нерѣдко въ послѣдствіи говаривала что самое счастливое время ея жизни было когда князь былъ въ отставкѣ и они подолгу живали въ Рождествинѣ до назначенія князя въ Москву.

Княгиня и смолоду не была красавицей, но трудно себѣ представить лицо болѣе пріятное и привѣтливое. Она была небольшого роста, худощавая и довольно слабого здоровья. Князь, напротивъ того, былъ видный мужчина, довольно высокой ростомъ, съ величественною осанкой, имѣлъ прекрасныя черты лица и прекрасный цвѣтъ, и съ перваго взгляда можно было узнать въ немъ привѣтливаго, доброжелательнаго вельможу. Проведши всю свою первую молодость до

семнадцати или восемнадцати лѣтъ въ чужихъ краяхъ онъ, конечно, хорошо зналъ иностранные языки и очень плохо русскій, такъ что когда сдѣлался московскимъ генераль-губернаторомъ и ему приходилось говорить гдѣ-нибудь рѣчь, онъ самъ составлялъ ее и писалъ на французскомъ языкѣ, потомъ отдавалъ ее для перевода на русскій языкъ и почти затверживалъ чтобы сумѣть прочесть по бумажкѣ. Но въ послѣдствіи онъ научился по-русски, и хотя у него сохранилось въ выговорѣ что-то иностранное, онъ однако объяснялся довольно изрядно. Говорять, и просьбы ему подавали сперва на французскомъ языкѣ, и со всѣмъ тѣмъ однако вся Москва его очень любила и многимъ ему обязана. Онъ первый обратилъ вниманіе на плохое освѣщеніе улицъ, на пожарную команду, на недостатокъ воды и придумалъ устройство фонтановъ, тогда какъ прежде возили воду изъ Москвы-рѣки или посылали на край города — на Три-Горы, въ Студенецъ, что было еще возможно для живущихъ въ болѣе близкихъ частяхъ города, но прошу покорно посылать откуда-нибудь съ Басманной или съ Таганки. Вообще Москва должна добромъ помнить двадцатичетырехлѣтнее правленіе князя Дмитрія Владиміровича Голицына, принесшее ей много пользы. Кроме этого, князь былъ для всѣхъ доступенъ и готовъ всѣмъ помочь, если только могъ, а невозможнаго для него, кажется, не было. Но что въ особенности дѣлаетъ ему великую честь—что въ продолженіе своего долгаго правленія онъ не сдѣлалъ ни одного несчастнаго и очень, очень многихъ людей спасъ отъ гибели, и такихъ даже которые безъ его помощи давнымъ давно были бы гдѣ-нибудь въ Иркутскѣ или въ Камчаткѣ. Мало этого, онъ иногда принималъ участіе въ семейныхъ дѣлахъ, когда къ нему обращались, и безо всякихъ судищъ и тяжбъ все улаживалъ и соглашалъ враждовавшихъ. Трудно рѣшить кто былъ добрѣе сердцемъ князь или княгиня.

Вотъ двѣ черты изъ домашней жизни князя которыя мнѣ пришли на память и которыхъ достаточно чтобы показать какъ и въ мелочахъ онъ умѣлъ быть добръ не напоказъ, а по своей непритворной добротѣ.

Онъ умѣлъ камердинера, который верѣдко испивалъ, а такъ какъ князь не умѣлъ сердиться, то только слегка бранилъ своего слугу; тотъ и не очень воздерживался и пилъ частенько. Этотъ камердинеръ, когда князь уѣзжалъ куда-

нибудь вечеромъ, въ театръ или на балъ, долженъ былъ дежурить и дожидаться его возвращенія; всѣхъ прочихъ слугъ кромѣ швейцара князь отлускалъ и возвратившись домой звонилъ, и по этому звонку являлся камердинеръ и помогалъ князю раздѣваться и ложиться спать. Какъ-то разъ, возвратившись домой довольно поздно, князь звонить, — камердинеръ не идетъ, немного погодя князь звонить еще, никто не является, звонить еще, и все никого нѣтъ. Князь идетъ въ сошедшую комнату и находитъ своего слугу мертвецки пьянаго лежащимъ на полу. Князь никого изъ людей не потревожилъ, разулъ, раздѣлъ стараго слугу своего и уложилъ его въ постель, самъ пошелъ къ себѣ въ спальню и раздѣлся совершенно одинъ. Проснувшись поутру камердинеръ припомнилъ вчерашнее и зная что онъ былъ пьянъ и дожидался князя, никакъ не могъ понять какъ онъ вдругъ очутился въ своей постели разутый и раздѣтый. Вставъ онъ отправился допрашивать прочихъ слугъ: кто встрѣчалъ вчера князя? Говорятъ: швейцаръ. Кого звалъ еще князь? Отвѣчаютъ: никого. Это старика ужасно тронуло. Онъ со слезами просилъ прощенія у князя, далъ себѣ клятву никогда болѣе не пить, и дѣйствительно съ тѣхъ поръ никогда уже не наливался. Вотъ другой случай:

Въ Москвѣ была одна Бартенева, урожденная Бутурлина, звали ее Федосья Ивановна. Она была очень не дурна собой, премилая, предубезная и женщина очень хорошихъ правилъ, но великая велосѣдка, потому что была охотница веселиться и мыкаться изъ дома въ домъ. У нея было нѣсколько чело-вѣкъ дѣтей—дочери и мальчики. Какъ начнется день, наса-жаетъ она своихъ дѣтей въ четверомѣстную свою карету и поѣдетъ въ гости. Гдѣ есть дѣти она туда привезетъ и своихъ: въ томъ домѣ, положимъ, барышни берутъ урокъ музыки, вотъ она и проситъ хозяйку: „Позвольте и моимъ дѣвочкамъ послушать какъ ваши дочери играютъ.“

Такъ прикинетъ своихъ дочерей, а сама съ мальчиками отправится гдѣ есть мальчики. Въ томъ домѣ какой-нибудь учитель исторіи или математики: „Ваши сыновья за урокомъ, ну и очень хорошо, позвольте и моимъ послушать.“ Тутъ она броситъ мальчиковъ, а сама поѣдетъ куда-нибудь об-вѣдать, а вечеромъ заѣдетъ за мальчиками, а потомъ за дѣвочками и домой. Такія путешествія она совершала каждый день

и дѣтей не кормила и не учила дома. Если же ей почему-нибудь не удавалось гдѣ-нибудь размѣстить своихъ дѣтей на день, она или возила ихъ съ собой по гостямъ, или же оставила ихъ въ каретѣ, въ которую клали на всякій случай что-нибудь съѣстное, ежели дѣти проголодаются, чтобъ имъ было что поѣсть, и такъ какъ въ каретѣ бывали и крошки и всякіе объѣдки, то, говорятъ, въ ея каретѣ наконецъ развелись мыши и пользовались дѣтскими съѣстными припасами. Дѣти такъ привыкли къ этой кочующей жизни что говаривали: „Намъ нуженъ домъ только для того чтобы переночевать, а двумъ намъ нужна большая карета; жаль только что наша безъ печи, потому что бываетъ холодно, а то бы намъ и домъ не нуженъ.“

Вотъ однажды (когда ея дѣти были еще малы) она была на балѣ у Голицыныхъ. На дворѣ былъ ужасный морозъ; сама Бартенева веселится на балѣ, а дѣти бѣдняжки мерзнутъ въ каретѣ. Очень стало имъ вѣрно холодно, они начали плакать и плакать. Во время бала подходитъ къ князю Дмитрію Владиміровичу его камердинеръ и докладываетъ что въ каретѣ у Бартеневої дѣти мерзнутъ и плачутъ. Князь приказалъ всѣхъ ихъ перенести къ себѣ въ кабинетъ, накормить и на большихъ диванахъ разложить спать. И послѣ этого случая всякій разъ какъ Бартенева прїѣдетъ къ нему на балъ онъ и вспомнитъ про дѣтей и пошлетъ за ними, олять ихъ переносить къ нему въ кабинетъ, и пока ихъ мать танцуетъ, они у него олятъ въ кабинетѣ, олятъ въ ожиданіи конца бала. Вотъ какія еще бывали матери. Говорятъ что безъ острадательности князя дѣти совсѣмъ бы замерзли, и это могло бы случиться не одинъ разъ.

Что было причиною что Бартенева всюду съ собой таскала дѣтей—не могу понять: не проще ли бы, кажется, оставить ихъ дома и ѣхать одной туда куда нельзя было взять дѣтей съ собою.

При всей добротѣ и благожелательности каждому, Голицыны имѣли однако недоброжелателей и завистниковъ, которые старались при случаѣ повредить имъ въ общественномъ мнѣніи. Такъ во время первой холеры, когда всѣ ужасно трусая отъ этой новой и неизвѣстной болѣзни, князь и княгиня выѣхали изъ своего казеннаго дома, что на Тверской, и на время перѣехали на житье въ домъ губернатора Неболь-

сина, находившійся на Садовой. * Тамъ жила старушка очень почтенная, тетка Небольсина, Авдотья Сильвестровна, которую Голицыны почему-то особенно любили и уважали, и во все время холеры тамъ и прожила потому вѣроятно что домъ не выходитъ на улицу а стоитъ на концѣ большого двора, и съ одной стороны есть садъ, стало-быть и шумъ отъ фуръ (въ которыя клали холерныхъ) тамъ былъ не такъ слышенъ, и не видно было изъ оконъ безпрестанныхъ похоронъ, какъ на Тверской. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались неблагонамѣренные люди и выпустили карикатуру: представлена была смерть которой Авдотья Сильвестровна грозитъ пальцемъ; изъ одного кармана выглядываетъ княгиня Татьяна Васильевна, а изъ другаго князь Дмитрій Владиміровичъ глядитъ въ портретку и внизу надпись: „Иди назадъ, ихъ вѣтъ дома“, или что-то въ этомъ родѣ. Эта карикатура разошлась по городу и дошла до Голицыныхъ, которые какъ люди добродетельные не подали вида что обидѣлись, первые смѣялись и шутили, конечно не разыскивали и не преслѣдовали художника, и своимъ добродушіемъ одурачили неблагонамѣренного человѣка.

Кто была эта Авдотья Сильвестровна сама по себѣ и почему такъ уважали ее Голицыны, я порядкомъ припомнить не могу, но знаю что она имѣла на нихъ большое вліяніе, и когда кому было чего нужно добиться отъ Голицыныхъ, вѣрнѣе всего было просить не ихъ самихъ, а Авдотью Сильвестровну, и по этой причинѣ она имѣла въ Москвѣ не малый вѣсъ и большое значеніе въ обществѣ.

Когда кто-нибудь обращался къ Авдотѣ Сильвестровнѣ съ уростью похотѣла бытъ у Голицына, она обыкновенно отвѣчала: „Хорошо, мой родной, вотъ какъ у меня будетъ лжо князь Дмитрій, я ему поговорю, скажу ему, будь увѣренъ что если только можно, — будетъ сдѣлано.“ И смотришь, точно по ея просьбѣ и сдѣлается. Ее называли *la vieille fée*, старая фея, а недовольные ее величали *la vieille sorcière*, старая колдунья.

* Послѣ Небольсина этотъ домъ принадлежалъ графу Ростовщину Андрею Федоровичу, а потомъ былъ купленъ княгиней Софією Степановною Щербатовою (урожд. Апраксиною), вдовою бывшего московскаго генералъ-губернатора князя Алексѣя Григорьевича, и по сіе время принадлежитъ ей.

Голицыны, будучи весьма доступны, умѣли поставить себя высоко во мнѣніи московскаго общества, всѣ ихъ очень уважали, а княгиню, которая была ангельской доброты, отъ маля до велика всѣ обожали. Надобно было видѣть до чего она бывала привѣтлива на своихъ балахъ: весь вечеръ все ходить, то подойдешь къ одной, то къ другому; ежели видить что молодая дѣвушка не танцуетъ, глядишь посылаетъ къ ней кавалера; для всѣхъ почти было у нея ласковое, привѣтливое слово, а ежели кому нечего было ей сказать — проидеть мимо и улыбнется. Насколько она была внимательна и обходительна какъ хозяйка дома, настолько ласковъ и привѣтливъ былъ и Алраксинъ Степанъ Степановичъ. Князь Голицынъ былъ очень близорукъ и, что странно, застѣнчивъ, и потому нѣкоторые считали его гордымъ, но кто зналъ его короче и бывалъ съ нимъ въ небольшомъ обществѣ, можетъ свидѣтельствовать что его кажущаяся гордость или необщительность происходила именно отъ природной застѣнчивости, а иногда можетъ-быть и отъ недостаточнаго знанія природнаго языка, что мѣшало ему привѣтствовать каждаго какъ бы ему хотѣлось.

Кромѣ двухъ старшихъ дочерей, у Голицыныхъ было еще два сына, на много лѣтъ моложе своихъ сестеръ. Старшій — Владиміръ родился года черезъ два или чрезъ три послѣ Французовъ, а второй — Борисъ нѣсколько лѣтъ спустя, и очень не задолго до назначенія князя Дмитрія Владиміровича въ Москву.

Всѣ дѣти были очень хороши лицомъ; у меньшей изъ дочерей былъ прекрасный цвѣтъ лица, а мальчики въ дѣтскомъ возрастѣ были какъ херувимы.

Обѣ княжны Голицыны вышли замужъ очень молоды, а братья ихъ были еще совершенно дѣтскими, не знаю навѣрное меньшей былъ ли даже еще и на свѣтѣ.

Княгиня говорила не разъ:

— Когда въ семействѣ биваютъ дочери и сыновья, воспитаніе однихъ мѣшаетъ обыкновенно воспитанію другихъ; я въ этомъ была особенно счастлива, какъ немногія матери: когда воспитаніе моихъ дочерей окончилось и я отдала ихъ замужъ, тогда началось воспитаніе моихъ сыновей и я могла исключительно ими заняться; это случается очень рѣдко.

Есть люди про которыхъ вспоминаешь всегда съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что при воспоминаніи о нихъ

нѣтъ въ памяти ничего непріятнаго, таковы были Голицыны, и мужъ и жена: во все время что я жила въ ихъ сосѣдствѣ до 1825 года между нами были самыя дружественныя, сосѣдскія отношенія. Я о княгинѣ не могу вспомнить иначе какъ съ душевнымъ уваженіемъ и съ искреннимъ сердечнымъ чувствомъ любви: она была хорошая, добройшая и вполне добродѣтельная женщина, какихъ бываетъ на свѣтѣ очень, очень не много.

При императорѣ Александрѣ Павловичѣ князь Голицынъ былъ что-то не въ особой милости, хотя княгиня Наталья Петровна пользовалась отменнымъ расположеніемъ императрицы Маріи Феодоровны, но съ 1820 года Голицыны какъ-то олять вслыли кверху и дуть онъ пошелъ уже въ гору, получилъ все что можно было подучить: Андрея съ алмазными знаками, портретъ государя, брилліантовую эполету и наконецъ титулъ свѣтаости.

Княгиня Татьяна Васильевна, всегда очень слабого здоровья стала видимо хворать въ концѣ тридцатыхъ годовъ; потомъ у ней сдѣлалась изнурительная лихорадка, и въ 1841 году она скончалась, и искренно оплаканная Москвою.

Князь Дмитрій Владиміровичъ жилъ послѣ жены года три, поѣхалъ лѣчиться въ Парижъ, гдѣ ему дѣлали нѣсколько операций, разбивали камень. Послѣ многихъ страданій тамъ и скончался въ мартѣ мѣсяцѣ 1844 года.

Кто видѣлъ его погребеніе, конечно никогда не позабудетъ торжественности съ какой оно совершалось: это былъ народное, послѣднее выраженіе всеобщей любви къ покойному градомачальнику, отъ котораго не ожидали уже ничего, и потому это была не лесть предъ могучимъ вельможею, а всеобщая народная печаль и благодарность за всѣ его бывшія хлопоты и благодѣянія *.

Когда-то въ старину родовое кладбище Голицыныхъ было, въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ нижней теллой церкви; тамъ погребены очень многіе изъ Голицыныхъ, Долгоруко-

* Съ торжествомъ и великолѣпиемъ этого погребенія можно сравнять только торжество погребенія блаженнаго ламы митрополита Московскаго Филарета: одинъ управлялъ столицей четверть столѣтія, другой поавѣка святительствовалъ и правилъ въ Москвѣ боже сорока пяти лѣтъ.

выть, Шереметевыхъ, Салтыковыхъ и другихъ вельможъ, но со времени чумы тамъ уже перестали погребать, и нѣкоторые Голицыны облюбовали Донской монастырь и устроили для себя тамъ семейный склепъ съ церковію. Дядя князя Сергія Михайловича погребенъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, потому что умеръ до чумы, а отецъ его, мать и другіе родственники лежатъ въ Донскомъ монастырѣ. Князь Сергій Михайловичъ и князь Дмитрій Владиміровичъ по отдаленности родствомъ считаться не могли, хотя одного и того же поколѣнія, но княгиня Татьяна Васильевна погребена въ этой Голицынской церкви, гдѣ потомъ скоронили и князя, а четыре года спустя тамъ погребли и другаго начальника Москвы, князя Алексія Григорьевича Щербатова.

Не могу сказать утвердительно гдѣ погребена княгиня Наталья Петровна Голицына, но думается мнѣ что въ Веземахъ, возлѣ ея мужа. Слышала я что тамъ погребенъ и князь Борисъ Владиміровичъ, и гробъ его не просто зарытъ въ землю, а заложенъ въ стѣнѣ, гдѣ оставлено нѣсколько такихъ лустыхъ мѣстъ чтобы вдвинувъ туда гробъ потомъ закладывать кирличомъ. Нижняя часть церкви, говорятъ, вся каменная, и сказывали мнѣ что этотъ камень привозили нарочно изъ села Мячкова, гдѣ добываютъ и известъ, стало бытъ почти за сто верстъ.

Голицыны все больше жилали въ Рождествинѣ, которое они устроили по своему вкусу, а въ Веземахъ и въ Городнѣ, поочередно, лѣтомъ жилали княгиня Наталья Петровна и къ ней дѣти ея туда съѣзжались гостить. Въ Городнѣ домъ великъ и его занимала сама старая княгиня, а для двухъ дочерей, для сына и для другихъ гостей, были особые домики въ саду; къ обѣду всѣ должны были собираться въ большой домъ; на случай дождя были устроены крытыя носилки (des chaises à porteurs) на которыхъ перенасивали всѣхъ изъ маленькихъ домиковъ въ большой.

Послѣ смерти княгини Натальи Петровны, княгиня Татьяна Васильевна была въ которомъ-то году за границей; тамъ она увидѣла въ одномъ мѣстѣ, кажется въ Швейцаріи, что такое селеніе занимается издѣліемъ корзинокъ. Это ей очень понравилось, она выписала оттуда мастера, и такъ какъ въ Веземахъ много ракитяку пригоднаго для корзиночнаго производства, велѣла обучить двухъ, либо трехъ человѣкъ дѣлать корзины; потомъ выучились и другіе и послѣ того это тамъ

распространилось и обратилось въ мѣстное ремесло очень легкое и выгодное.

Пока я жила по сосѣдству съ Рождествомъ, Голицыны тамъ все только еще строились, но въ послѣдствіи они, говорятъ, очень хорошо устроили это имѣніе, бывшее для нихъ, разумѣется, игрушкою. Всѣ хозяйственныя строенія было очень красивой наружности и въ четверти версты отъ дома ферма съ каменными строеніями на голландскій манеръ. Коровы были разныхъ породъ: тирольской, голландской, англійской и другихъ; при скотномъ дворѣ была большая и свѣтлая комната—молочная, отдѣланная по княжескимъ повятіямъ съ отиѣвною простотою, которая, разумѣется, обошлась Голицынымъ дороже всякой дорогой омеблировки, и въ эту молочную комнату хозяева съ гостями прѣзжали иногда пить молоко и кушать простоквашу и варенцы. Главная смотрительница скотнаго двора или фермы была въ бѣломъ накрахмаленномъ чепцѣ на иностраннѣй манеръ и въ бѣломъ передникѣ свѣжой бѣлизны, и она услуживала гостямъ и подавала разныя затѣливыя криночки и фигурныя кувшинчики.

Одно изъ строеній въ Рождествинѣ называлось Новымъ Ковчегомъ; оно было на большомъ дворѣ, гдѣ были и лошади, и рогатый скоть, и всякія птицы.

Крестьянскія избы деревушекъ Лодушекъ, Дмитровки и Рождествина были всѣ заново отстроены, крыты тесомъ и выкрашены. На залуженной рѣчкѣ устроена была хорошенькая мельница; всѣ поля околаны широкими рвами и обсажены разными кустарниками; къ дому веда длинная аллея или прослѣкъ, версты на полторы посаженный чрезъ дерево липами и березами; словомъ сказать, Рождество устраивали съ умѣніемъ, съ особеннымъ тщаніемъ, а главное—съ большими средствами, и притомъ еще не просто частный человекъ, а московскій генералъ-губернаторъ которому все было доступно, котораго всѣ любили и которому потому всѣ старались угождать. Не мудрено что Рождество скоро стало процвѣтать, и пока хозяева занимались имъ, оно было очень хорошо. Послѣ смерти княгини, князь пересталъ въ немъ жить, чувствуя пустоту, бывалъ тамъ рѣдко и не надолго, а послѣ его смерти никто въ немъ не живетъ: то же Рождество сдѣвалось не тѣмъ чѣмъ прежде оно было, а теперь грустно на него и взглянуть.

Въ такомъ же положеніи и прекрасное, роскошное Ольгово, которое на моихъ глазахъ устроилось, украсилось, стало вельможескимъ, барскимъ помѣстьемъ: пока жили въ немъ Степанъ Степановичъ и Екатерина Владиміровна—оно цвѣло: послѣ смерти Алраксина когда оно досталось на седьмую часть его вдовѣ, при ней кое-какъ все еще дѣлилось и держалось, хотя средства были гораздо меньше. Она любила Ольгово, сдѣлала его майоратомъ, но послѣ ея смерти все рухнуло и распалось.

IV.

Въ 1814 году мы рѣшили съ Дмитріемъ Александровичемъ что пора вывезти дочерей. Грушевикъ былъ двадцатый годъ; слабы не нашествіе непріятеля, можетъ-быть я вывезла бы ее и прежде, но Французы помѣшали; а тутъ и Ливочкѣ пошелъ уже восемнадцатый годъ и я вывезла обѣихъ вмѣстѣ. И той и другой я сдѣлала одинакія платья, бѣлыя креповыя, съ бѣлыми цвѣтами на корсажѣ и на головѣ. Степанъ Степановичъ Алраксинъ, который былъ къ намъ очень расположенъ, непремѣнно желалъ взглянуть на платья моихъ дочерей, нарочно прѣхалъ дня за два до ихъ выѣзда въ Собраніе; заглянулъ множество свѣчъ и онъ смотрѣлъ на платья и ими любовался. Москва начинала уже наполняться и дома строились.

Въ этомъ же году княгиня Авдотья Николаевна Мещерская просватала свою дочь Настеньку за Семена Николаевича Озерова. Онъ былъ человекъ среднихъ лѣтъ, вдовецъ, не особенно великъ ростомъ или толстѣ, а что называется крупный мущина, очень пріятной наружности; честный и благородный человекъ съ состояніемъ и хорошаго происхожденія, но лѣтами сравнительно съ невестой слишкомъ старъ для молоденькой княжны, которой только что исполнилось семнадцать лѣтъ; ему было лодъ сорокъ, а то пожалуй, и всѣ сорокъ. Человекъ очень умный и дѣльный, онъ былъ какъ-то не очень разговорчивъ, неворотливъ въ обращеніи, но человекъ вполне достойный уваженія, хотя немного тяжелъ характеромъ. Конечно, Настенька могла бы сдѣлать партію гораздо блестяще, только Богъ знаетъ, была ли бы она счастливае съ какимъ-нибудь знатнымъ и богатымъ вертопрахомъ, а съ кимъ онъ прожила свой вѣкъ

очень спокойно. Онъ былъ потомъ сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ, имѣлъ орденъ Бѣлаго Ора. Онъ любилъ свою службу, говорятъ, зналъ до тонкости Сводъ Законовъ и былъ сенаторомъ не только по имени, а на самомъ дѣлѣ. Будучи характера довольно мнительнаго, терпѣть не могъ чтобы его просили о какомъ-нибудь дѣлѣ; тотчасъ ему заладеетъ въ мысляхъ: просятъ, стало-быть дѣло неправое. И еще строже начнетъ разбирать чтобы не упрекнуть себя что изъ лицепріятія или по дружбѣ упустилъ что-нибудь изъ виду. Такъ у одной хорошей пріятельницы его жены былъ какой-то процессъ въ Сенатѣ. Зная мнительность Озерова, та перестала совсѣмъ бывать у его жены съ которой прежде видалась два-три раза въ недѣлю; и пока процессъ не кончился, такъ она къ нимъ въ домъ и не ѣздила, и доставивъ докладную записку, какъ это водится, не просила его даже обратиться вниманіе на ея дѣло. Послѣ того какъ процессъ былъ уже оконченъ и она опять пріѣхала къ его женѣ, онъ и говоритъ ей:

— Что это, матушка, вы насъ позабыли, разлюбил; у нея процессъ въ Сенатѣ, а она хоть бы слово мнѣ сказала, гордая какая, не хотѣла и попросить.

— Нѣтъ, не гордая, а осторожная, отвѣчаетъ пріятельница его жены;—потому и не бывала у Настасьи Борисовны чтобы не проговориться какъ-нибудь и не намекнуть вамъ что у меня дѣло въ Сенатѣ, а то вы еще залодозрили бы правое дѣло и вашъ голосъ въ общемъ собраніи былъ бы не въ мою пользу, а противъ меня...

— Вотъ хитрая какая, говоритъ Озеровъ смѣясь,—хорошо сдѣлали что не просили: когда меня не просятъ, я дѣйствую свободнѣе; но очень дурно, матушка, что жену позабыли.

Отдавъ дочь замужъ княгиня стала жить больше въ деревнѣ своей, въ селѣ Аносинѣ, гдѣ въ полуверстѣ отъ дома она выстроила каменную церковь, которую предъ нашествіемъ непріятеля собиралась освятить и не успѣла, и могла это сдѣлать только послѣ своего возвращенія изъ Моршанска.

Еще и прежде говаривала княгиня что ей желалось бы современемъ, ежели она пристроитъ свою дочь, оставить міръ и вступить въ монастырь. Она со многими старцами объ этомъ совѣтовалась, они ее не отговаривали, а совѣтовали ей не слѣзть вступать на трудный путь, не испытать себя хорошенько. Она имѣла великое довѣріе къ отцу Амфилохію,

іеромонаху Ростовскаго Іаковлевскаго монастыря, и къ нему ѣздила за наставленіями, и кромѣ того, бывая въ Москвѣ, посѣщала одного архимандрита по имени Пареснія; онъ былъ въ послѣдствіи въ Донскомъ монастырѣ, а умеръ архіереємъ во Владимірѣ.

Княгиня въ Москвѣ перестала жить, и только бывала наѣздомъ и гашивала у своей дочери, которой отдала домъ Мецкерскихъ въ Старой Конюшенной, у Власія.

Въ Аносинѣ она устроила богадѣльню при церкви на поминъ души своего мужа, и не отступаясь отъ мысли поступить въ монашество, отдала людемному себя во всемъ ограничивать. Не подалеку отъ ея имѣнія жила наша родственница, бабушка Прасковья Александровна Ушакова, которая княгинею очень любила, и послѣ Французовъ ей не разъ въ затрудненіяхъ помогала.

Такъ, не поступивъ еще въ монашество, она жила въ уединеніи со своимъ лучшимъ другомъ, съ дѣвицею Ельчаниновою, часто у ней гостившею, и вела самую строгую отшельническую жизнь, отказывая себѣ почти во всякомъ излишествѣ и довольствуясь только самымъ необходимымъ.

Помѣстья, которыя княгиня имѣла отъ мужа и свои собственные, кромѣ Аносина, она вскорѣ передала Озеровымъ, и сложила съ себя всю тяготу мірскихъ обузъ. Главное имѣніе было гдѣ-то въ Орловской губерніи, надобно думать что это было родовое Мецкерскихъ, потому что и тетушка графиня Александра Николаевна получила отъ бабушки тоже орловскія имѣнія, изъ которыхъ по раздѣлу часть поступила къ брату Александру Степановичу Толстому, а другая къ его сестрѣ Аграфенѣ Степановнѣ, отданное ею по завѣщанію Колошиной и потомъ проданное. Въ орловскомъ имѣніи былъ схороненъ князь Борисъ Ивановичъ, и княгиня туда ѣздила ломануть его на его могила, и тутъ же и отдала имѣніе своей дочери.

ПИСЬМА СЪ ПОХОДА

(РУМЫНІЯ.—ТЫРНОВО.—ПЕРВЫЙ ЗАБАЛКАНСКІЙ ПОХОДЪ.)

Мои письма съ похода не предназначались для печати. Я думалъ одно время воспользоваться ими какъ матеріаломъ для составленія воспоминаній о минувшей войнѣ, но обстоятельства сложились такъ что подобный трудъ мнѣ теперь невозможенъ. Событія же о которыхъ идетъ рѣчь столь важны и близки и вмѣстѣ съ тѣмъ о нихъ извѣстно еще такъ мало подробностей что я рѣшаюсь напечатать эти отрывочныя замѣтки, писанныя подъ первымъ впечатлѣніемъ побѣдъ. Теперь о Балканахъ, о долинахъ Тунджи и Марицы пришлось бы говорить съ другимъ чувствомъ... Надѣюсь что предметъ разказа окупитъ отчасти неполадку и неудовлетворительность изложенія, неровность слога и слишкомъ личный характеръ этихъ страницъ.

Для удобопонятности начинающихся ex abrupto писемъ я долженъ объяснить что за нѣсколько дней до манифеста о войнѣ я опредѣлился охотникомъ въ одинъ изъ драгунскихъ полковъ, который мнѣ пришлось нагонять уже въ Румыніи, а потомъ былъ переведенъ во 2й конный полкъ Кубанскаго казачьяго войска. Знакомство же мое съ Болгаріей приобрѣтено было въ путешествіяхъ и особенно во время произведеннаго мною — въ качествѣ секретаря посольства въ Константинополь—слѣдствія о Болгарской рѣзнѣ 1876 года.

13 августа 1878 г.

I.

Яссы, 17 апрѣля 1877.

Чтобы разказать хоть вкратцѣ мой вчерашній день, первый день походной жизни, надо бы не одинъ часъ времени и не три листка почтовой бумаги, которую мнѣ удѣлили одинъ изъ моихъ слутниковъ штабсъ-капитанъ Фанагорійскаго генералиссимуса князя Суворова полка, Иванъ Семеновичъ Д. Да, сижу я въ огромной комнатѣ съ тремя неприбранными кроватями (одна вмѣщала въ себѣ втораго моего слутника казачьяго сотника Т.), солнце свѣтитъ ярко преряко, по улицамъ—по отаичному парижскому макадаму—быстро катятся красивыя коляски, въ открытое окно доносятся голоса. Вотъ ровный живой толпотъ. Глажу, на веселыхъ бойкихъ коняхъ весело и бойко проходятъ уланы—8й Вознесенскій уланскій полкъ. Но вотъ грянули бубны, раздался веселый лихой хоръ пѣсенниковъ—словъ не разберешь, но молодецкій нагѣвъ веселитъ душу, рвешься впередъ, и радъ-радъ-радешенекъ что я самъ солдатъ и что не нынче, завтра также будемъ вступать и мы Рижскіе драгуны или еще лучше мы Кубанскіе казаки. Да, хороша походная жизнь! Все ново; новыя мѣстности, новые люди, новое обхожденіе, и самъ я *новый*, въ новой шкурѣ,—и странно мнѣ подчасъ думать что однако я *тотъ же*, и что въ футлярѣ Рижскаго драгуна замкнуть тотъ же человекъ.

13го апрѣля выѣхалъ я изъ Кишинева, переночевавъ у Макъ-Гахана. Поднялся я чѣмъ свѣтъ, облекся во всѣ мои доспѣхи, наляпалъ тяжелые сапоги и еще болѣе тяжелую сѣрую шинель и отправился по желѣзной дороги въ Унгены. Далѣе я ѣхать не могъ, поѣзды не ходили. Тутъ-то и появилась мой покровитель казачій сотникъ. Онъ высокъ, очень некрасивъ, покрытъ прыщами, развязенъ, говоритъ что служилъ въ гвардіи, родомъ изъ Бессарабіи и отнесся ко мнѣ благосклонно. „Вы куда?“ — За полкомъ, по направленію къ Браилову, рапортую я приложившись къ козырьку.—Опустите руку, говоритъ онъ.—Не хотите ли переночевать вмѣстѣ, а тамъ и поѣдете. Я, разумѣется, согласенъ. Забираю вещи, тащусь на постоялый дворъ—грязь такая что на четверть аршина уходишь въ густой кисель. Пришелъ. Беру комнату грязную, отвратительную; хозяинъ Жидъ, конечно,

просить четыре рубля, но уступаетъ за три рубля. Казакъ зоветъ пить чай. У него гости: таможенный майоръ, душа человекъ, и лѣхотный капитанъ (который и по сей часъ съ нами). „Представляю, говоритъ, сотникъ, князь Цицера.“ Я слышу скромно полравить „Церетелевъ“. Таможенный майоръ погода немного спрашиваетъ меня: „А не родственникъ ли вамъ князь Церетелевъ что былъ секретаремъ при генералѣ Игнатъевѣ?“—Это я самъ, еще скромнѣе отвѣчаю я, ожидая что мнѣ скажутъ „ну что вы врете“ и собираясь показывать мой видъ въ доказательство. Но мнѣ повѣрили. Къ тому же я еще ранѣе задобрилъ всѣхъ трехъ офицеровъ коньякомъ, находившимся въ моей флягѣ и который они вытянули съ чаемъ (самъ я коньяку терпѣть не могу).

Но о коньякѣ подробно. Купилъ я въ Петербургѣ у Маала клеенчатую простыню и подушку. Подсунулъ отъ мнѣ еще гуттаперчевый стаканъ и флягу. Въ Кишиневѣ наполнилъ я флягу коньякомъ для гостей и сунулъ въ коробку отъ кивера, гдѣ были разные вещи. О ужасъ! Часть коньяку вытекла. Теперь мои записныя книжки, и *Пособіе для офицеровъ*, и *Egmont* (микроскопическаго формата), единственныя книги которыя я беру съ собою—все это пахнетъ коньякомъ; полфунта чаю тоже пропитался коньякомъ (это экономія, лишь заварить—уже чай съ коньякомъ). Но самъ коньякъ, то-есть оставшійся, пропитался вломятъ вкусомъ гуттаперчи, сталъ какою-то настойкой каломъ. Это не помѣшало г. офицерамъ выдуть его съ чаемъ, а теперь во флягѣ красное молдаванское вино, но фляга-то у г. сотника и выливается вино уже въ его сакъ-воажъ.

Но я увлекся. Буду говорить о другомъ. Оба слутника мои пошли въ столовую, ухаживать за подковными дамами Стародубскаго драгунскаго полка, оставшимися въ ожиданіи поѣзда. Оба мои компаніона въ сущности предобрыя, мои друзья, только лѣхотный скулъ до крайности (собралъ почтовую бумагу уходя и я долженъ послать за другою), а кавалерійскій слишкомъ много разказываетъ старыхъ анекдотовъ и по секрету повѣряетъ свои сердечныя тайны. Но повторяю, они народъ милый и со мной, нижнимъ чиномъ, просты и любезны. Оба написали письма. Хорошія должно быть письма, „гѣ Юзефъ З“.—но что въ нихъ не знаю. Адресы таковы: „Въ Варшаву“, это письмо лѣхотнаго и въ Р. „г. уѣздному предводителю дворянства“,—это письмо кавалериста.

Продолжаю разказъ мой про Унгены. Выпивъ два самовара чаю и съѣвъ какую-то жидовскую яичницу, поданную грязною, но красивою Молдаванкой, за которою немедленно приударилъ, и не безъ успѣха, кавалеристъ, я отправился въ свою комнату. Салогіи мои такъ вымокли что начали садиться. Меня предупредили что надо поскорѣе надѣть ихъ, а то утромъ невозможно будетъ. Я послѣшилъ натянуть ихъ, проклапная элегантнаго петербургскаго сапожника, сшившаго ихъ какъ видно для парада и, сложивъ мундиръ подъ голову, шинель подъ себя и накрывшись буркой, легъ спать, ведѣвъ сперва унести съ дивана всѣ хозяйскія подушки. Погасилъ свѣчу. Мѣсяцъ, полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно. Небо было свѣтлое, южное, я не улежалъ, вышелъ на крыльцо. Все стихло: и топанье шлоръ по корриадору, и крики Жидовъ, и визгливый смѣхъ служанки-Молдаванки, все стихло, и весенняя чудная ночь охватила меня всею своею прелестью. Серебрился широко разлившійся Прутъ, бѣлѣли мирно и уютно хаты и близкія молдавскія горы, подернутыя прозрачною туманною дымкой, манили загадочною прелестью какъ хорошенькое личико незнакомой женщины за блестящимъ сѣро-бѣлымъ вуалемъ; все тихо, спокойно. И забываешь что тутъ, въ этихъ хатахъ, въ этихъ темныхъ полосахъ поѣздовъ спать тысячи людей, изъ которыхъ многіе переступятъ завтра черезъ нашу русскую границу и уже не вернуться назадъ. Но не объ этомъ думалъ я. Лунная ночь какъ огонь въ каминѣ будитъ во мнѣ воспоминанія другихъ, давнихъ лунныхъ ночей, и Босфоръ, Бѣлградъ, Красный Рогъ, Акрополь замелькали предо мною. Я ушелъ спать и видѣлъ во снѣ что я пожарный и что генералъ Треловъ недоволенъ мною.

16го апрѣля. Утро ясное, теплое. Поѣзда все еще не идутъ, дорога испорчена. Мы рѣшаемся ѣхать на волахъ, но вмѣсто того чтобы сейчасъ нанять подводу мои два слутника нагружаютъ вещи на артиллерійскій возъ—на волахъ и предлагаютъ идти лѣшкомъ до ближайшей деревни, гдѣ авось найдемъ телѣгу. Выступаемъ. Грязь все гуще и глубже. Мы обгоняемъ завязшіе обозы, изломанныя фуры, поврежденныя грязи на поларшина, моя длинная шинель въ грязи. Разъ приходится переходить въ бродъ. Моимъ слутникамъ офицерамъ даютъ фурштатскихъ лошадей. Мнѣ предлагаютъ положить пока они переправятся и прислать тоже лошадь. Я отказываюсь и иду въ бродъ. Салогіи къ счастью сыше

колѣнъ, и я зачерпываю лишь немного правымъ. Идемъ далѣе. Любезный лѣхотный полковникъ предлагаетъ до привала—мы прошли уже версты восемь по этой страшной грязи—обозныхъ лошадей. Двѣ изъ нихъ въ хомутахъ, на нихъ садятся офицеры мои—мнѣ даютъ раскованную гнѣдую кобылу вершковъ трехъ, безо всякой сбруи, лишь съ ремнемъ вмѣсто узды. Я вскарабкиваюсь и ѣду, чувствуя что лошадь худа и считая ея позвонки, но и то лучше чѣмъ грязь мѣсить.

... Итакъ мы шлепаемся. Бѣда одна что лошадь *напрасо* своротить невозможно, — ремень на лѣвой сторонѣ.

Ура! вотъ и шоссе. Мы выбрались. Тутъ деревня. Сотникъ помѣщаетъ насъ всѣхъ къ Молдавану писарю на привалѣ. Варятъ отличную *мамалыгу* (polenta), сыръ, яичница, все великолѣпно, и радушные хозяева, и мальчуганъ двухлѣтній и двѣ бѣлыя шавки, и красное вино. *Ура* Румыны! Я сытъ и вздремнулъ на завалинкѣ. Намъ удается нанять лошадей до Ясса, правда клячъ, но все же лошадей. Ихъ сѣдаютъ чѣмъ попало (телѣгъ нѣтъ) и мы ѣдемъ. У меня кобыла съ собаку ростомъ и съ жеребенкомъ сзади, а на жеребенкѣ колокольчикъ. Все время я долженъ гнать ее шпорами и пашкой. Представьте себѣ картину: драгунъ въ ботфортахъ и киверѣ на клячкѣ съ жеребенкомъ, который при малѣйшей остановкѣ начинаетъ кормиться. Солдаты смѣются.

Мы обгоняемъ артиллерію и два лѣхотные полка. Идутъ бодро, весело, смѣхъ, пѣсни. Чудная погода, чудные виды. Перекидываемся словами съ офицерами, солдатами.... Всѣ мы товарищи, всѣ идемъ на одно общее, близкое дѣло. Вотъ и Яссы—гостиница недурна, ресторанъ хорошъ.

II.

Галацъ, 18 апрѣля.

Вчерашнее мое письмо было прервано такъ внезапно моими спутниками что я не помню даже на чемъ я остановился. Налетѣли они: скорѣй, скорѣй, не хотѣли даже дать времени отправить письма на почту. Надо быть на станціи въ 2 часа. Зачѣмъ, вѣдь поѣздъ идетъ лишь въ 3^{1/2}, возражалъ я, но напрасно. Наконецъ, взбунтовавшись, я взялъ свои вещи и особаго извозчика и поѣхалъ на почту. Тутъ засталъ нѣсколькихъ солдатъ нашихъ въ большемъ затрудненіи: они не знали какъ написать адреса, не знали сколько и

какія наклеивать марки, да и кулить ихъ не могли, потому что изъ своихъ узелковъ на платкахъ вытаскивали лишь лятаки и лятиаатынныя. Я вызвался написать имъ адреса—казаку Петрашу въ Рѣшетилровку, и въ Сороки, въ чей-то домъ. Кому? спрашиваю я, солдатъ задумался, „пишите Марьѣ“, рѣшительно выговорилъ онъ. Наклеилъ я имъ и марки и къ ихъ изумленію не взялъ ихъ лятаковъ. На станціи толла. Сотникъ-казакъ въ видахъ благоразумной экономіи ѣдетъ лишь черезъ нѣсколько часовъ на воинскомъ поѣздѣ даромъ; въ тѣхъ же видахъ благоразумной экономіи онъ проситъ у меня разрѣшенія отдать мнѣ лишь въ Галацѣ взятые у меня нѣсколько червоицевъ, такъ какъ мѣнять въ Яссахъ невыгодно. Я поневолѣ соглашаюсь и онъ нѣжно лобызаетъ меня. О Боже! этотъ поцѣлуй стоить мнѣ кажется пять золотыхъ—едва ли я ихъ болѣе увижу. Ничего, это легкое предостереженіе, впредь не буду давать въ займы даже на полчаса времени.

Въ вагонѣ я пристраиваюсь къ какому-то уланскому корвету: милый малый, очень еще молодъ на видъ, ѣдетъ догонять полкъ. Я его продолжительно расспрашиваю про службу, про разные порядки, про фронтъ и офицеровъ, словомъ учусь. Ёдутъ съ нами и Румыны, одинъ очень любезный офицеръ. Всѣ мы другъ съ другомъ крайне дружелюбны и разстаемся съ крѣпкими рукопожатіями.

Но я мало, кажется, разказывалъ про нашъ переходъ изъ Угезъ до шоссе. Какъ хорошо было даже по грязи идти тѣсомъ, уже зеленымъ, со свѣжимъ листомъ, съ яркою зеленью кустарниковъ. Какъ хорошо было присѣсть на мягкой сочной травкѣ, грѣться весеннимъ солнышкомъ, глядѣть на пробивающіеся вездѣ цвѣты, вдыхать нѣжный запахъ цвѣтущихъ вишень, яблонь, черемухи. И разсѣянно ломая покрытую бѣлорозовыми лепестками вѣтку, я олять уносился въ прошедшее, и живо, ярко выступали картины прошлой весны, и цвѣтуція деревья по Босфору, и кучки цвѣтовъ, и корзины съ розами и вѣтвями миндаальныхъ и абрикосовыхъ деревьевъ, которыя мнѣ удавалось подчасъ собрать въ иззящномъ безпорядкѣ. Что-то теперь въ Буюкдере? Все тихо, пустынно въ нашемъ саду и не для насъ цвѣтутъ розы и глацианіи. Незамѣтно проходитъ время среди мечтаній и наблюденій. Впрочемъ, *entendons nous*. Я, наблюдая до сихъ поръ, еще не разбираю, не критикую, не объясняю. Я просто

внимательно смотрю на совершенно новыя картины арміи въ походѣ. Кто видалъ полки лишь на смотрахъ и на парадахъ, тотъ и вообразить не въ состояніи что такое обозъ пѣхотнаго полка, завязшій въ грязи;—что за усиліе, утомленіе надо перенести сопровождающимъ этотъ обозъ солдатамъ чтобы вытащить фуры, въ которыя впрягаютъ по шести паръ воловъ; какъ этимъ солдатамъ приходится спать на грязи, ѣсть лишь сухарь да работать въ водѣ выше колѣна. Лишь насмотрѣвшись вдоволь на все это станетъ какъ-то странно и жутко увидавъ что тѣ же люди, грязные, усталые, выбравшись на шоссе, оправясь, приободрясь, затягиваютъ лѣсна и весело, какъ ни въ чемъ не бывало, идутъ себѣ еще 15—20 верст! Ни ворчанья, ни неудовольствія,—смѣхи да шутки.

Уланскій корнетъ разказывалъ мнѣ вчера какъ подъ дождемъ и холодомъ шелъ ихъ полкъ: просто удивляться надо духу нашей молодой арміи. И въ кавалеріи духъ кажется еще лучше чѣмъ въ пѣхотѣ. Люди лучше вышколены. Теперь намъ надо небольшой успѣхъ при первой стычкѣ чтобы закалить эту бодрость, и все будетъ прекрасно.

Между Галацомъ и Яссами насъ заставили мѣнять три раза вагоны ночью. Но у меня вся моя поклажа помещается въ крошечномъ ковровомъ мѣшкѣ, приобрѣтенномъ за три рубля (онъ не стоить одного) въ Кишиневѣ. Мѣшокъ сей свернуть въ бурку. Шинель, конечно, на мнѣ, коверъ тоже, фуражка въ карманѣ, письма въ салогѣ за голенищемъ, кое-какія мелочи за облагомъ рукава шинели. Вотъ и я весь.

Виды по дорогѣ прелестныя. Мы проѣхали вдоль озера Барбошь, и на зарѣ, при ясномъ, розоватомъ небѣ, повъздъ подкатилъ къ Галацу. Со мной послѣднія станціи ѣхалъ какой-то Австріецъ. Предложилъ вина—я отказался. Подсѣлъ, сталъ хвалить наше войско—оказывается что онъ ищетъ поставки хлѣба. Черезъ нѣсколько времени онъ спросилъ меня. „Wo ist denn jetzt der Ignatiew? den Kerl möcht' ich mal sehen! и началъ повѣствовать какъ и гдѣ удалось ему съ немалыми трудами увидѣть современныхъ знаменитостей—Бисмарка, Макъ-Магона и Тьера (вмѣсто Thiers онъ произносилъ Тирсъ)! Потомъ онъ спросилъ меня видалъ ли я когда Игнатьева? Я отвѣчалъ: да, и онъ забросалъ меня вопросами о наружности его, на которые я, по глухой привычкѣ, не отвѣчалъ выдумками, и потомъ жалѣлъ что не увѣрилъ его

что генералъ Игнатъевъ въ Галацѣ инкогнито подъ видомъ казачьяго офицера. Сознвая что сегодня вѣроятно послѣдній день моего гулянья, и что полкъ мой близко, я воспользовался свободой чтобы прослать подольше, напиться хорошенько кофе и идти въ поиски за Рижскимъ полкомъ. Сувуся я къ начальнику штаба, потомъ къ разнымъ адъютантамъ, конечно вытягиваясь въ струнку. Меня принимали довольно сухо, но вѣжливо, и наконецъ мнѣ удалось узнать что полкъ входитъ завтра и что, значить, мнѣ слѣдуетъ ждать. Когда я выходилъ изъ гостиницы, гдѣ помѣщается штабъ, то къ разговаривавшему со мной адъютанту подошелъ казакъ. „Ваше высокоблагородіе, тамъ за прудомъ наши казаки Турку поймали. Какъ прикажете?“ „Отвести къ жандармскому офицеру,“ вскользь проговорилъ онъ, слѣша на лошадь чтобы ѣхать за своимъ начальникомъ. „Слушаю-сь“, отвѣтилъ казакъ и поѣхалъ за Туркой.

Итакъ завтра входитъ мой полкъ. Престрашное чувство, точно держать экзамень. Какую-то дадутъ лошадь? какъ-то ѣздить съ непривычки на лямчикѣ? (вьючномъ сѣдлѣ), вотъ занимающіе меня вопросы, и скоро ли первое дѣло? увы, не скоро. Дунай широкъ, Турки переправиться не рѣшаются и долго еще ждать первыхъ выстрѣловъ.

Странное дѣло, какъ въ сущности свѣтъ малъ, какъ часто круги нашей жизни приводятъ насъ къ одному и тому же мѣсту. Я въ Галацѣ живу въ той же гостиницѣ и въ той же комнатѣ въ которой я жилъ въ 1869 году, путешествуя по Дунаю по окончаніи курса въ университетѣ. И произошло это такъ случайно что лишь сегодня утромъ, подойдя къ окну, я замѣтилъ знакомый видъ и на стѣнахъ усмотрѣлъ видѣнныя мною прежде литографіи: одна изображаетъ молодую женщину съ нѣсколькими дѣтьми, около нея двѣ барышни, и все цвѣты и всякое благополучіе; *heirathen sie doch!* говоритъ она барышнямъ. На другой, тоже женщина съ дѣтьми въ нищетѣ, и барышни даютъ ей помощь: *heirathen sie nicht!* говоритъ имъ она. Эти литографіи висятъ рядомъ съ зеркаломъ. Комната чистая, гостиницу держитъ Нѣмецъ. Она почти на берегу Дуная, и въ ожиданіи Турокъ постояльцы поубрались, такъ что я почти въ одиночествѣ, и звонъ моихъ шпоръ раздается по пустымъ корридорамъ; живетъ еще кажется какой-то Нѣмецъ, да и все тутъ. Кварталь тихій, сидѣлъ я долго съ раскрытымъ окошкомъ, пѣли гдѣ-

то лѣтухи и далеко гремѣли экилажи. Я наслаждаюсь тишиной и одиночествомъ и дорожу ими; скоро, скоро я стану одною восмисотою долей драгунскаго полка, скоро я потеряю возможность располагать собою. Много новаго переживу я въ это время: это будетъ моя дрессировка. Бѣда лишь что трудно и некогда будетъ писать: по правиламъ, всѣ письма представляются открытыми начальству.

19 апрѣля. Утро великолѣпное; меня разбудили чижи расплѣвшіеся въ клѣткѣ въ корридорѣ. На дворѣ лѣто, жарко съ утра. Сегодня ровно годъ какъ началась Болгарская рѣзня, и цѣлый годъ мы думали. Но что вспоминать прошлое!

Мои драгуны еще не вошли, и я еще болтаюсь. Впрочемъ, такъ какъ дѣла скоро не предвидится, я не особенно спѣшу вступить въ полкъ, тѣмъ болѣе что я уже просился въ дивизію генерала Скобелева: служба болѣе по мнѣ и навѣрно буду въ авангардѣ.

Пошелъ я вечеромъ въ здѣшній садъ. Лѣто совершенное. Сирень уже распускается; лила, дикая малина цвѣтутъ; пахнетъ такъ хорошо что просто не надынешься. Бродилъ я долго одинъ-одинешенекъ, сидѣлъ на скамеечкѣ, слушалъ какъ жужжать жуки, глядѣлъ какъ толкутся мошки, какъ растягиваютъ лауки черезъ дорожки свою лаутину. Тихо, мирно все было кругомъ, и такъ хорошо, такъ уютно, и загибы дорожекъ, и кусты сирени, и клумбы цвѣтовъ напоминали дѣтство, нашъ харьковскій садъ.

Находившись и насидѣвшись вдоволь, я потихоньку побрелъ было домой, но вздумалъ зайти къ консулу. На дорогѣ встрѣчаю какого-то пѣхотнаго офицера верхомъ,—не можетъ найти дороги. Я оказываю помощь, разговариваемъ и я узнаю что генералъ Скобелевъ ѣдъ, къ которому я собираюсь поступать, въ Галацѣ. Не думая долго, я отправляюсь къ Скобелеву, вспоминая что запасшись разными нужными и ненужными рекомендаціями, я не залася рекомендаціей къ нему. Доложили; меня пускаютъ. „Что вамъ угодно?“ спрашиваетъ онъ. Я заявляю желаніе служить въ его отрядѣ. „Да вѣдь вы уже въ драгунахъ“. Я наскоро рассказываю какъ я попалъ въ драгуны и прошу его содѣйствія. „Это не отъ меня зависитъ“, возражаетъ онъ; „да вы согласитесь что мнѣ рѣшительно все равно—будетъ у меня юнкеръ въ отрядѣ или нѣтъ.“ Я, конечно, соглашаюсь, но скромно заявляю что въ виду моего знакомства съ Болга-

рией я думалъ быть полезенъ.—„А вы были въ Болгаріи?“ нѣсколько смягчившись спрашиваетъ генераль.—„Да, я былъ посланъ для свидѣнія послѣ рѣзни, пробылъ три мѣсяца.“ „Да, ну такъ проситесь чтобы васъ откомандировали“, еще болѣе смягчившись продолжаетъ генераль.—„Вотъ обратитесь къ адъютанту Его Высочества“. Обращаюсь. Адъютантъ любезенъ, берется передать докладную записку. Буду скоро знать быть ли мнѣ во время кампаніи казакомъ или оставаться въ драгунахъ. Я свыкаюсь и съ этою послѣднею мыслию. Пока мой полкъ запаздываетъ, а можетъ переимѣнили его направление и держать это въ секретѣ. Но я не жажду, лишу письма, читаю *Neue Freie Presse*, ядовито насъ ругающую, и румынскія газеты—*Monitorul, Romanul*, и пр., понимаю почти все въ телеграммахъ, отъ передовыхъ воздерживаюсь. Меня здѣсь никто не знаетъ, никто не обращаетъ на меня вниманія, живу я самъ по себѣ.

Въ одной изъ наиболѣ продуманныхъ комедій Альфреда де Мюссе *Fantasio* говоритъ: „какъ бы мнѣ хотѣлось выйти изъ моей собственной шкуры, перестать быть самимъ собой, такъ надобно мнѣ мои собственныя мысли и чувства, я хотѣлъ бы быть вотъ этимъ господиномъ, и Фантасіо одѣвается только что умершимъ придворнымъ шутомъ.“ Эта возможность *быть другимъ*, не самимъ собой, плѣняла меня на сценѣ, доставляла мнѣ замѣчательно сильное ощущеніе и наслажденіе. И вотъ теперь мнѣ удалось *roug tout de bon* взять на себя роль, и хорошую. Я точно замаскированъ и я уже не могу жить, да отчасти и думать какъ прежде. Я вхожу въ роль, читаю военныя книги, стараюсь понять *какъ и почему* думаютъ люди той среды въ которой я живу теперь. Прежде моимъ идеаломъ была независимость. Прежде я готовъ былъ бросить службу за неисполненіе какого-либо изъ моихъ желаній. Теперь я по собственной охотѣ закабалилъ себя и жду съ нетерпѣніемъ когда какой-либо подкутившій прапорщикъ за не по формѣ надѣтую шинель обругаетъ меня или пошлетъ караулить денежный ящикъ. И кантъ отлоровшійся на погоны несравненно болѣе волнуетъ меня чѣмъ прежде мои донесенія въ министерство. Это можетъ-быть нелѣпо, но это такъ. Да и часто ли трезвою будничною поверхностною логикою можно объяснить все что дѣлается вокругъ насъ. Казалось бы это неразумно, не дѣльно, должно бы это быть такъ, а выходитъ иначе. Взять ли событія общія, міровыя, какъ

нынѣшняя война, взять ли жизнь отдѣльную каждого изъ насъ, то мы увѣримся какъ странно, какъ помимо нашей воли, нашего участія складывались обстоятельства, совершались событія, и какъ роковымъ неминуемымъ путемъ мы дошли до той точки, до той минуты на которой стоимъ, въ которую живемъ. И нѣтъ надобности много философствовать, достаточно вдуматься, наблюдать чтобы стать фаталистомъ. Не даромъ народъ не мудрствующій лукаво сложилъ свои пословицы „чему быть тому не миновать“, „суженаго конемъ не объѣдешь“, и т. л.

20 апрѣля. Дождь какъ изъ ведра, громъ, молнія, слякоть на улицѣ. Справлялся: полка нѣтъ какъ нѣтъ. Настроичилъ князю Черкасскому нѣсколько листовъ о Болгаріи: онъ просилъ разныхъ свѣдѣній. Остальное время сидѣлъ дома. Ужиналъ въ столовой одинъ-одинешенекъ. Топилась печь, хлесталъ дождь. Точно на пароходѣ въ дальнемъ плаваніи. Во всемъ городѣ нѣтъ ни души знакомой. Книги мои, ихъ двѣ: *Пособіе для развѣдокъ* и *Egmont* перечиталъ. На *Egmont*'ѣ загадалъ, вышло: „nimm dich in Acht! dein heftiges Wesen verdirbt noch alles“. Открылъ вторично вышло: „Ihr scheint mir zu heftig, Ihr nehmt die Sache zu hoch“. Heftig да heftig—фу, пропасть! Пошелъ купить себѣ почтовой бумаги и искалъ книгу. Кромѣ *Рокамболя* нашлась лишь біографія генерала Ли (Американская кампанія) и я, какъ военный, приобрѣлъ ее и читаю въ назиданіе. Затѣмъ покойной ночи.

21го апрѣля. Наконецъ узналъ, полкъ входитъ завтра. Встрѣтился и познакомился съ корнетомъ М., одной дивизіи со мной. Юноша разбитной, съ парижскимъ jargon, прошелъ кажется сквозь огонь и воду и нѣсколько мѣдныхъ трубъ. Жалѣеть что мы не въ одномъ полку, а я такъ радъ. Не по вкусу мнѣ военные воспитывавшіеся у Дюссо и въ театрѣ Буффъ; конечно мой Фанаторітскій капитанъ уже лучше, по крайней мѣрѣ *couleur locale*.

Итакъ, завтра въ полкъ. Пойдемъ мы кажется на Букурештъ. Я полагаю заковать тутъ мои записки и со дня появленія въ драгунахъ, начать новую главу. Да едва ли удастся много писать. Погода опять отличная, и мысль о нѣсколькихъ дняхъ похода очень привлекательна, но на походѣ не распишешься! Да, завтра опять въ школу, да еще какую! полковой командиръ шутить, говорятъ, не любитъ; лучше прикинуться неграмотнымъ.

III.

Все еще Галацъ, 25 апрѣля.

Престранную жизнь веду я здѣсь: точно на смѣхъ судьба закинула меня сюда въ полное одиночество, и послѣ суеты послѣдняго года, послѣ лихорадочной дѣятельности и волнений мнѣ дана возможность пожить съ самимъ собою. Я написалъ массу писемъ знакомымъ, услѣлъ надуматься вдоволь, а полкъ мой все не идетъ. Полортился какой-то мостъ, завязъ обозъ, словомъ день за днемъ, а полка нѣтъ.

Но для моихъ наблюденій время не пропадаетъ даромъ. Корнетъ съ французскимъ жаргонъ полдня проводилъ у меня и со мною. Онъ ломается, но отъ него я узнаю многое мнѣ полезное касательно полковой жизни, отношеній офицеровъ. Третьяго дня прѣвхалъ его сослуживецъ. Юноша этотъ мальчикъ почти, но какой-то завядшій, съ добродушнымъ лицомъ, имѣетъ видъ не слѣлаго, но сморщившагося яблока. Я присутствовалъ какъ они спорили битый часъ до ярости, до неприличія, о томъ у кого изъ нихъ двухъ летлицы на пальто не по формѣ. М. хвастающій своимъ всезнаніемъ формъ попался однако въ этотъ вечеръ: по лѣни, выходя гулять со мной и своимъ товарищемъ, оба они надѣли сюртуки и фуражки, между тѣмъ какъ обязательны киверъ и мундиръ. Я еще замѣтилъ имъ: „что вамъ за охота рисковать поласться, вѣдь Великій Князь въ Галацѣ“. Но они не вняли словамъ статскаго, и мы поѣхали въ садъ, втроемъ въ коляскѣ, я, разумѣется, какъ нижній чинъ на переднемъ мѣстѣ. Вдругъ лица моихъ слугниковъ выражаютъ безлокойство, блѣднѣютъ, мѣняются — „казаки! конвой! Великій Князь!“ трепетнымъ голосомъ говорятъ они, и мимо насъ проѣзжаетъ Главнокомандующій со всею свитой. Офицеры мои ужасно струхнули и я доводилъ ихъ до отчаянія, перебирая нарочно всѣ тѣ невзгоды которыя могутъ обрушиться на нихъ за такое несоблюденіе формы.

Лишь на другой день, видя что ихъ никуда не требуютъ, успокоились они. Главнокомандующій пробылъ въ Галацѣ день. Послѣ полудня мы услышали сильную пальбу—турецкій броненосецъ бомбардировалъ наши укрѣпленія около Барбоша. Говорятъ, наши укрѣпленія не отвѣчали. Изъ Браилова къ

вечеру прѣѣхало много народа, гостиница моя наполнилась; всѣ спасаются отъ бомбардированія.

Да, не забыть разказать уморительную сцену. Мой сотникъ казакъ, бывшій компаніонъ, всплылъ. Встрѣтилъ меня на улицѣ, явился. Денегъ, правда, мнѣ должникъ мой не отдалъ, но за то пришелъ ко мнѣ завтракать, съѣлъ много и выпилъ не мало. Въ это же время сидѣлъ у меня и элегантный корнетъ М. Пришлось знакомить ихъ, и надо было видѣть какъ брюзгливо-злбно относился М. къ моему бывшему слутнику своимъ врагемъ болѣе чѣмъ когда-либо наломившему Гоголевскаго Ноздрева. Сперва сотникъ попытался отыскивать общихъ знакомыхъ. М. не давъ договорить фамиліи рѣзко говорилъ: нѣтъ, нѣтъ, не знаю. Я едва удерживался отъ смѣха. Представьте себѣ попытки крупной дворяшки сблизиться съ раздушеною левреткой. Казакъ мой однако не унимался, разказалъ какъ онъ чуть не зарубилъ офицера генеральнаго штаба, и сдѣлалъ восемнадцать нарубокъ на сливѣ его лошади (этотъ же разказъ слышалъ и я отъ него, но рубилъ офицера тогда не онъ, а командиръ эскадрона). Но лучшая исторія послѣдняя: мой казакъ имѣетъ лицо сине-малиноваго отлива и лобъ особенно покрытый разными, не особенно красивыми прыщами. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ себя красавцемъ. Подходить онъ къ зеркалу, усматриваетъ киверъ бѣднаго М. и не думая долго беретъ его. М. блѣднѣетъ. Казакъ опускаетъ чешую на киверъ. „Я чешуи никогда не опускаю“, злбно кричитъ ему М. „Ничего, я поправлю“, отвѣчаетъ казакъ, наляливаетъ на себя киверъ, застегиваетъ чешую и начинаетъ повертываться и охорашиваться. „Ничего, красиво“, говоритъ онъ. „Отвратительно, мерзко“, кричитъ свирѣло М., но дѣлать нечего, приходится уходить и надѣть тотъ же киверъ, даже не вымывъ его. М. мнителенъ, и я съ тѣхъ поръ каждый день обращаю его вниманіе на мнимые прыщи на его миловидномъ личикѣ.

Но будетъ о пустякахъ. Поговорю о болѣе серіозномъ. Обѣдая у князя Черкаскаго въ Петербургѣ, я въ первый разъ познакомился съ генераломъ Скобелевымъ младшимъ и услышалъ отъ него фразу казавшуюся мнѣ преувеличеніемъ. „Вѣрьте мнѣ“, говорилъ онъ намъ, „нашъ солдатъ стоитъ много выше своихъ офицеровъ, нравственно выше. Мы недостойны командовать такимъ солдатомъ.“ И разказалъ онъ

нѣсколько примѣровъ, разказалъ какъ при немъ, въ госпиталѣ, умиралъ въ тяжкихъ страданіяхъ какой-то рядовой; началъ было жаловаться что тяжело, но потомъ оправился: „нѣтъ не правда, за Царя и за Россію умирать не тяжело“, сказалъ онъ и съ этимъ умеръ.

Теперь слова Скобелева невольно приходятъ на память, когда я вижу вблизи многихъ офицеровъ. Во первыхъ, поражаетъ невѣжество: они по большей части не знаютъ гдѣ Галацъ, Румыніи или Турціи принадлежитъ Браиловъ, на которой сторонѣ Дунай Рущукъ, и т. л. Они не дали себѣ труда взглянуть на карту, полюбопытствовать куда ихъ ведутъ. Я уже не говорю объ отсутствіи всякихъ познаній по этнографіи и географіи Турціи. И такъ относятся къ дѣлу не только такъ-называемые бурбоны, но и элегантно говорящіе по-французски баричи въ родѣ корнета. Но это не все: на каждомъ шагу уже слышатся жалобы на пьянство, буйство, безобразія въ трактирахъ, кофейняхъ. А мы здѣсь въ дружественной землѣ! Вчера познакомился я съ исключительно пріятнымъ и серьезнымъ артиллеристомъ, уже не молодымъ. Мы долго сидѣли и потомъ пошли въ кафе Romania чтобъ узнать о нашихъ полкахъ. Въ Romania, café chantant низшаго разряда, собирается по вечерамъ все наше офицерство. Вошли—кругомъ человекъ сто офицеровъ. Многие изъ нихъ сидятъ здѣсь уже съ полудня, мы же были въ 11 часовъ вечера. Лица красныя, малиновыя, голоса хриплые, крикъ, гамъ, ругань.

Не военныхъ уже почти нѣтъ въ кофейнѣ, они благоразумно убралась. Голоса возвышаются, въ воздухѣ пахнетъ скандаломъ, и мы благоразумно удаляемся. И гадко какъ-то на сердцѣ, когда артиллеристъ и корнетъ Н. стали разсуждать что такъ всегда, что безъ буйства и скандала ни одинъ вечеръ, гдѣ соберется столько офицеровъ, не обойдется, и при томъ каждый припоминаетъ десятокъ выходокъ своихъ знакомыхъ и товарищей. И эти кутящіе офицеры, проводящіе въ кофейнѣ, среди пошлыхъ Французенокъ, единственный день отдыха послѣ тяжелаго десятидневнаго перехода, завтра, послѣ завтра поведутъ въ огонь тысячи, съ горечью говорилъ я. „Да, поведутъ, отвѣчалъ мнѣ артиллеристъ, да еще какъ поведутъ, молодцами! Это вамъ такъ съ непривычки кажется“, утѣшалъ онъ меня, „а

то при бездѣльи мы всегда безобразничаемъ. Но вотъ будетъ дѣло, совсѣмъ другое пойдеть.“

Ура! Вотъ и полкъ. Пришли уланы, драгуны, артиллерія, то-есть часть нашей 11й дивизіи. Узналъ я это часовъ въ одиннадцатъ, а въ часъ вмѣстѣ съ любезнымъ артиллерійскимъ капитаномъ катилъ уже въ лагерь. Лагерь только что разбивали: уланы въ фуражкахъ и въ negligé, то-есть рубахахъ и фуфайкахъ, растягивали палатки, устраивали коновязи, разгружали обозъ. Лошади разставленныя рядами щипали сѣно; грузно тянулась еще артиллерія. И странно мнѣ было думать что это мой лагерь, что недѣли, можетъ-быть мѣсяцы мнѣ придется участвовать въ разбиваніи этихъ палатокъ, что эти люди пока мнѣ чужіе, не знающіе о моемъ существованіи, станутъ близкими товарищами. „Вотъ бригадный нашъ генералъ“, сказалъ мнѣ капитанъ мой, выскакивая изъ коляски. Я вышелъ тоже. Генералъ—добродушный старикъ съ большою бородой. Меня представили. Онъ спросилъ гдѣ я учился; я сказалъ что въ Московскомъ университетѣ. Онъ освѣдомился кончилъ ли? Кончилъ. Значить недолго до офицера, три мѣсяца. Тутъ капитанъ доложилъ что я изъ посольства, по охотѣ, былъ въ Болгаріи. „А, значить полезный намъ человекъ“, сказалъ генералъ и отпустилъ насъ,—„потомъ поговоримъ.“—Мы поѣхали далѣе. „А вотъ вашъ полковой командиръ“, сказалъ капитанъ, показывая на довольно молодого офицера драгуна на темвокараковой лошади. Я вышелъ сейчасъ и подошелъ держа руку подъ козырекъ: „честь имѣю явиться, вольноопредѣляющійся такой-то“. Офицеръ нѣсколько усталымъ и равнодушнымъ взглядомъ окинулъ меня. „Имѣю лисьмо къ вашему высокородію.“ „Опустите руку“, промолвилъ полковникъ (я стоялъ все съ рукой подъ козырекъ) и внимательно прочелъ лисьмо. „Вы постулили по охотѣ“, промолвилъ онъ, „я сдѣлаю все отъ меня зависящее чтобъ облегчить вамъ службу. Я зачислю васъ въ 1й эскадронъ. Во время похода вы будете при мнѣ.“ Я конечно поблагодарилъ, но заявилъ что при моемъ незнаніи службы я хотѣлъ бы лобыть въ строю, освоиться съ ней. „Это придетъ само собою“, продолжалъ улыбаясь полковникъ. „Но вѣдь въ строю вамъ придется убирать коня, и т. д.“, какъ бы извиняясь продолжалъ онъ.—Я совершенно къ этому готовъ и буду нести весьма охотно всѣ обязанности. Съ тѣмъ я и

поступилъ на службу, отвѣчалъ я. „Вы гдѣ остановились?“— Въ гостиницѣ, отвѣчалъ я. „Ну такъ я распоряжусь относительно оружія—вѣдь у васъ нѣтъ его?“—Никакъ нѣтъ-съ. „И вечеромъ пришло за вами“.—Не прикажите ли къ вечеру автаться прямо въ лагерь, спросилъ я. „Хорошо, такъ прѣзжайте прямо“. Я сдѣлалъ подъ козырекъ, повернулся назадъ кругомъ и пошелъ къ извозчику.

Итакъ конецъ первой главы написанъ. Я уже явился къ моему начальнику, отъ котораго положительно зависитъ моя жизнь и смерть. Волненія я не испытывалъ, а простое любопытство; я старался прочесть смыслъ новаго, довольно пріятнаго и сдержаннаго лица. Первое впечатлѣніе было хорошее. Я почувствовалъ какъ будто мнѣ совѣстно что я просился перейти къ Скобелеву, и былъ радъ что сдѣлалъ это не выдавъ еще полка. Если и не удастся, продѣлаю кампанію и съ драгунами, и авось въ дѣлѣ будемъ.

Вѣроятно мнѣ въ послѣдній разъ придется писать такъ удобно, на столѣ у себя. Впредь буду писать въ палаткѣ, урывкой. А мнѣ хотѣлось бы нарисовать нѣсколько портретовъ солдатъ и офицеровъ съ которыми мнѣ придется жить. А сколько новаго въ моей жизни! Вставаніе по сигналу, и водолой, и уборка коней! но своеобразность и новизна должны быть схвачены *сейчасъ* на мѣстѣ, иначе они пропадутъ и *это* уже меня поражать не станетъ.

Итакъ до свиданія, укладываюсь и часа черезъ два въ лагерь.

IV.

1го мая, 8 часовъ утра.

Я уже пять дней живу подъ палаткой и свыкся вполне съ бивуачною жизнью.

Явился я въ лагерь около четырехъ часовъ; не безъ труда отыскалъ драгунъ: они только-что пришли и разбивали палатки; полковаго командира не было, не было и командира эскадрона къ которому я долженъ былъ явиться. Одинъ изъ денщиковъ, разбиравшихся среди кучи болѣе или менѣе грязныхъ узелковъ, ящичковъ и мѣшковъ, указалъ мнѣ гдѣ офицеры. Нашелъ я полковаго адъютанта, познакомили меня со старичкомъ подполковникомъ, который былъ пораженъ

тѣмъ что я одѣлся вполнѣ по формѣ: онъ былъ даже тронуть моимъ форменнымъ галстукомъ и тѣмъ что всѣ мои вещи помѣстятся въ солдатскій чемоданчикъ. Взявъ меня подъ свое покровительство, онъ сталъ водить меня отъ одного къ другому. Всѣ имена у меня сперва перелутались, но лица оставались въ памяти. Потомъ, обмѣнявшись съ каждымъ по нѣскольку словъ, я отошелъ въ сторону и сталъ у какой-то подводѣ, дожидая возвращенія изъ города моего прямого начальника, эскадроннаго командира. Кругомъ все копошилось. Вбивъ колышки, привязавъ лошадей и задавъ имъ кормъ, солдаты кто отдыхалъ, кто чистилъ платье или аммуницію. Офицеры разсѣвшись около палатокъ пили чай изъ самоварчиковъ. Мои наблюденія были прерваны прїѣздомъ элгантнаго адъютанта корпуснаго командира Б., съ которымъ я былъ знакомъ въ Петербургѣ и который привезъ мнѣ письма. Странно было среди этой совершенно новой обстановки читать и вспоминать о жизни совершенно иной, хорошимъ привѣтомъ звучали эти слова, точно знакомый голосъ слышится въ знакомомъ почеркѣ—съ родины. Прїѣхалъ эскадронный командиръ, майоръ Ц. (въ драгунахъ чины пѣхотные, а не кавалерійскіе) средняго роста, съ сѣдою бородой и умными глазами. Любезенъ онъ былъ вполнѣ; и сдалъ меня поручику Л. съ которымъ я и буду жить. Оказывается что вольноопредѣляющіеся въ армию, особенно въ кавалерію, находятся въ положеніи прежнихъ юнкеровъ; ихъ держатъ по-офицерски, а не по-солдатски.

Стемнѣло. Я забрался въ палатку. Чай давно отлили безъ меня. Обѣдать я въ городѣ не успѣлъ. Началъ накрапывать дождь. Я чувствовалъ голодь. Сказали что есть Жидь-маркитантъ. Отыскалъ я его. Отрѣзалъ онъ мнѣ кусокъ колбасы и сухаго бѣлаго хлѣба—больше у него ничего не было. Пожевавъ этой скромной пищи, я завалился спать на соломѣ, увернувшись въ мою бурку.

Спалъ я мою первую ночь въ лагерѣ недурно. Правда, будило иногда ржаніе коней, оклики часовыхъ: кто идетъ? что пропускъ? Утромъ будили сигналы, топанье коней которыхъ вели на водолой. Ко всему этому разнородному шуму, словамъ команды, говору людей присоединялся глухой гулъ дальней палубы тяжелыхъ орудій. Но все это было очень цѣльно и очень картинно.

На другой день дождь шелъ безъ перерыва: эта невеселая сторона бивуака. Лошади стоятъ мокрыя, понура головы; солдаты по обязанности лишь проходятъ по лагерю въ мокрыхъ шинеляхъ; часовые отмѣриваютъ шаги взадъ и впередъ. Офицеры, которымъ не удалось удрать въ городъ, сердито лежатъ по палаткамъ, либо спятъ со злостью; либо дуются въ карты, либо тянутъ водочку „чтобы согрѣться“.

Я пролежалъ весь день съ книгой; мой сожитель былъ въ этотъ день дежурнымъ по полку, то-есть обязанъ наблюдать за всѣмъ порядкомъ. Къ вечеру это стало уже не легко. Темнота была такая что зги не видать. Дождь лилъ, вѣтеръ все усиливался. Вдругъ шумъ, крикъ, сорвались лошади двѣ—три—какія, откуда? разобрать нельзя; дежурный бѣгаетъ, самъ натыкается вплотьмахъ на лошадей. Между тѣмъ этимъ шутить нельзя. Недавно у нашихъ сосѣдей уланъ шарахнулъ са дѣлалъ эскадронъ и его до сихъ поръ не переловили.

Но пока бѣгалъ и ругался Л., въ палаткѣ у насъ совершался ужасный кавардакъ. Дождь пробивалъ палатку, вода подтекала снизу, вѣтеръ гасилъ свѣчу и самое ужасное—отъ напора его трещали и гнулись тонкіе колья, и каждую минуту наша палатка грозила полнымъ разрушеніемъ. Мы дѣлали все возможное, подлирали чѣмъ могли, привязывали колья ремнями,—но опасность все увеличивалась, и мы легли почти увѣренные что среди ночи вѣтеръ снесетъ нашъ скромный кровъ и мы очутимся не à la belle étoile, потому что звѣздъ не было и въ поминѣ, а подъ ливнемъ. Однако усталость не свой братъ, и я уснулъ въ моей буркѣ прекрасно и проснулся лишь въ 6 часовъ утра отъ яркаго свѣта солнца. На небѣ ни одной тучки, тепло, хорошо.

Съ этого времени начинается безоблачная жизнь. Въ лагерѣ въ солнечные дни прелесть. Вотъ нашъ лагерь: кругомъ цѣль часовыхъ, ряды солдатскихъ палатокъ и коновязи, на сторонѣ палатки офицеровъ, впереди караулъ. Самое странное въ лагерной жизни что хоть въ палаткѣ другъ друга не видно, но все слышно. Можно переговариваться изъ палатки въ палатку. Утромъ вылѣзаю я, умоюсь, и обыкновенно эскадронный командиръ предложить чаю. Онъ самъ живетъ въ крытой фурѣ, изъ которой утромъ вылѣзаетъ и прогуливается, хлебаетъ чай и куря сигару. Днемъ дѣлать мнѣ нечего, то-есть казеннаго дѣла нѣтъ, такъ какъ лошади еще мнѣ не давали

и ученій нѣтъ. Я или читаю въ палаткѣ, или ѣду въ городъ. Вчера ходилъ къ Дунаю. Тамъ очень хорошо: видъ на горы и на Браиловъ, и на широкій разливъ. Нашъ берегъ здѣсь крутой, съ обрывомъ. Вызу толпа солдатъ, гусары въ красныхъ чакчирахъ, синіе уланы, казаки и наши драгуны купали лошадей; тутъ же моется бѣлые девицами для господъ, нижними чинами для себя. Тутъ же съ хохотомъ и крикомъ лѣзутъ они сами въ воду и сушатся потомъ на весеннемъ солнцѣ. Вотъ съ шутками, прибаутками ведетъ эскадронъ лошадей съ купанья. Вотъ съ барабаннымъ боемъ и громкимъ стройнымъ лѣніемъ лихо лѣсни идетъ мимо насъ колонна лѣхоты—все полво, все килить, копошится какъ въ муравейникѣ. Изрѣдка слышится вдали пальба. „Ишь жарятъ“, замѣчаетъ солдатъ. На противоположномъ берегу все пусто и спокойно. Дома оставлены, наши казаки полортели телеграфы, Турки ушли въ глубь. Вся эта картина облита яркимъ солнцемъ.

Я вчера былъ въ первый разъ на службѣ въ киверѣ и при шапкѣ, ходилъ къ бригадному генералу за приказаніями. Приказаній не было, но службу я все же исполнялъ. Да и замѣчаніе первое уже получилъ.

Поехалъ я обѣдать въ гостиницу—вижу множество офицеровъ. Постоявъ нѣсколько, я скромно сѣлъ въ углу, не замѣтивъ по близорукости что за другимъ столомъ сидитъ мой полковой командиръ. Вижу, черезъ нѣсколько минутъ онъ подходитъ ко мнѣ. „Вы знаете что вамъ надо спрашивать позволеніе старшаго изъ присутствующихъ офицеровъ чтобы сѣсть“. Я извинился сказавъ что не зналъ къ кому обратиться. „Вотъ командиръ уланъ старшій“, сказалъ онъ. Я спросилъ его позволяетъ ли онъ мнѣ сѣсть. „Хоть на двухъ стульяхъ“, отвѣчалъ уланъ. Я сѣлъ на одномъ. Черезъ нѣсколько времени опять подошелъ ко мнѣ мой полковой командиръ и, любезно заговоривъ со мною, повторилъ свое намѣреніе взять меня къ себѣ ординарцемъ. Я поблагодарилъ его, но прибавилъ что желалъ бы быть хоть нѣсколько времени во фронтѣ на общихъ основаніяхъ, безо всякаго исключительнаго положенія, чтобъ ознакомиться со строевою службой. Онъ согласился, но вѣроятно нашелъ что я недостаточно оцѣнилъ дѣлаемую мнѣ любезность.

Пишу теперь въ палаткѣ на чемоданѣ, самъ сидя на сѣломѣ. Не очень ловко, хоть и живописно! Чемоданъ—это

столъ, буфетъ, бюро. На немъ всѣ туалетныя принадлежно-сти моего сожителя. За чемоданомъ въ башлыкѣ завязанъ сахаръ, въ киверномъ футлярѣ лежитъ чай. Моя постель—солома, покрытая большою каучуковою простыней съ наду-вою подушкой. Въ головахъ еще шинель и сверхъ всего зна-менитая бурка. Право, очень уютно и хорошо. У дверей, то-есть у входа, стоитъ самоваръ, лежатъ разныя вещи. Днемъ лопы палатки мы подымаемъ чтобы продувало, ночью заку-вориваемся, и претепло.

Да, я забылъ было разказать о нашемъ первомъ успѣхѣ на Дунаѣ. Третьяго дня мы взорвали турецкій броненосецъ около Браилова. Я заѣхалъ къ Б. и въ это самое время при-шла туда новость. Въ комнату къ Б. вошелъ его начальникъ князь Шаховской. Я вытянулся въ уголѣ, а князь, задо-живъ руки за спину, сталъ диктовать свою делешу Главно-командующему. Такимъ образомъ я случайно попалъ на сочи-неніе первой побѣдной телеграммы. Довосилъ князю Шахов-скому генералъ Садохъ отаичавшійся въ Севастополѣ. Забылъ а имя офицера наведшаго орудіе на броненосецъ. Выстрѣлъ попавшій въ пороховой погребъ и взорвавшій броненосецъ былъ третьимъ выстрѣломъ: значить это не случайность.

Но не всегда донесенія лишутся такъ. Мнѣ разказывалъ очевидецъ слѣдующій случай: на батарею прѣзжаетъ гене-ралъ съ офицеромъ штаба. Проходитъ турецкая барка, даютъ выстрѣлъ. Барка пристаеъ къ турецкому берегу, люди бѣ-гутъ, офицеръ съ позволенія генерала садится на нашъ паро-ходикъ и отправаается забрать пустую барку. И тутъ же ли-шется донесенія: калитакъ или лоручикъ такой-то съ ола-свостію жизни храбро преслѣдовалъ и забралъ турецкое судно, на которомъ оказалось оружіе, и т. д. Et voila comme on écrit l'histoire.

Я видѣлъ Скобелева 2го, обрадовался ему какъ родному. Онъ ѣдетъ къ своему отцу. На видъ тотъ же беззаботный, лихой, впушающій полное довѣріе начальникъ. Провелъ я съ нимъ полдня, обѣдалъ. Онъ зоветъ къ себѣ, и я самъ радъ-раде-шенекъ. Дѣло въ сущности устроено, но получить докумен-ты и догнать его дивизію (онъ назначенъ помощникомъ къ отцу) не легко будетъ. А мнѣ пріятно было бы служить съ нимъ; дѣло спорилось бы и самъ онъ меня интересуеъ. По-шли мы смотрѣть мою лошадь. Благодаря джигиту Скобелева, Сарту Нурунбайкѣ, моя лошадь неузнаваема: весела, жива,

прыгаетъ и вертится на лятачкѣ какъ говорятъ, словомъ выѣжена по-казачьи отлично и видъ имѣеть прекрасный. Самъ Нурунбайка по приказу Скобелева джигитовалъ на ней, марш-маршемъ влеталъ и вылеталъ изъ конюшни и т. п. Нурунбайка привезенъ изъ Ташкента. На немъ бѣлая палаха въ аршинъ, лиловая куртка и шаровары разноцвѣтныя шелковыя, точно подушки на турецкихъ диванахъ. Вооруженъ онъ съ ногъ до головы и украшенъ солдатскимъ Георгиемъ. Лицомъ похожъ на обезьяну; шафраннаго цвѣта. Скобелевъ увѣхалъ въ тотъ же вечеръ. Мы вѣжно простились, до свиданія сказали мы оба.

Въ палаткѣ становится все жарче. Мы, кажется, навѣрно идемъ завтра; офицеры эскадрона закусываютъ въ сосѣдней палаткѣ. Я угощалъ ихъ сыромъ. Съ завтрашняго дня записываюсь въ артель чтобы пользоваться солдатскою пищею: борщомъ и кашею. Въ видѣ extra иногда буду получать чай съ офицерами. Вчера пила чай, какъ я говорилъ, на завалинкѣ, то-есть предъ палаткою, на воздухѣ. Забавно видѣть какъ наши солдаты все умѣютъ достать, купить. Девчикъ поручика Л. съ которымъ я буду жить, то-есть съ поручикомъ, а не девчикомъ, девчикъ сей, Хохоль, увѣрилъ что знаетъ по-румынски и благодаря этому важничалъ и дѣлалъ закулки. Какъ-то идетъ онъ съ офицеромъ: „ну спроси, говоритъ офицеръ, есть ли графинъ?“ Тотъ спрашиваетъ: *di grafin xe xe!* И вышло что онъ шарлатанилъ „Да, онъ шарлатанъ, спокойно, медленно говорилъ мнѣ эскадронный, но это ничего; у меня былъ солдатъ, Ораовскій, такъ тотъ все товарищамъ письма ихъ изъ дому громко читалъ и за это получалъ подачку, а вышло что онъ грамоты совсѣмъ не знаетъ. А какъ бывало начнетъ читать, такъ и валяется. Впередъ конечно узнаеть и кого кто родной и начнетъ разказывать про тетку Акулину да про дядю Описима.“ Въ палаткѣ у офицеровъ разные распоряженія объ овсѣ, сѣнѣ, хлѣбѣ. Иногда разносятъ кого-либо, иногда прикрикиваютъ, но ни кого не бьютъ. И лагерная жизнь идетъ своимъ кругомъ.

Самое для меня скучное—разговоры про политику, да соображенія капитана и прапорщика о намѣреніяхъ Австріи или о видахъ коварнаго Альбіона. Иногда меня начнутъ расспрашивать про Эллиота или Солсбери. Ну, это тоже не весело. А между тѣмъ полкъ идетъ за полкомъ; все гуще, все грознѣе надвигается туча наша надъ Дунаемъ. Скоро грянетъ

первый громъ, авось ударъ будетъ силенъ и сразу размочетъ враговъ нашихъ, авось скоро стулю я на турецкую землю и бодро пойду впередъ по знакомой дорогѣ. Куда? далеко ли? Кто знаетъ? И сердце ничего не предчувствуетъ, ничего не предсказываетъ.

V.

Обелешти-Нозу, 10 мая.

Нельзя сказать чтобы мнѣ было очень удобно писать; сижу я на полу, на крохотной скамейкѣ, бумага лежитъ на диванѣ, на ономъ же, нѣсколько далѣе, дремлетъ мой постоянный спутникъ поручикъ; диванъ стоитъ въ хатѣ, гдѣ намъ отведена квартира; хата стоитъ надъ рѣчкой; вѣтеръ свищетъ ужасный; мы только что пришли; но я скорѣе пользуюсь минутой чтобы ловѣтствовать о моемъ восьмидневномъ походѣ въ Галаца сюда.

Да, чего я не рассмотрѣлся въ эти восемь дней! Нарочно нельзя выдумать что-либо лучшее. Но будемъ последовательны.

Выступили мы 2 мая. Еще накануне, какъ бы заговорясь цивилизаціей, обѣдалъ я въ Галацѣ со штабными гр. К. и В.; рѣчь велась по-французски, а всѣмъ присутствовавшимъ было извѣстно что Букурештъ главный городъ Румыніи. Но шутки въ сторону. Послѣдьяв 1 мая, вечеромъ, о политикѣ и даже философіи, 2 мая, утромъ, я вѣдалъ среди облаковъ пыли, между рядовымъ Торбикомъ и рядовымъ Мухамедеромъ.

До самаго 2 мая я не могъ узнать которая моя лошадь. Утромъ появляя я рано, принесла мнѣ аммуницію. Боюсь сразу заморить меня, майоръ (начальникъ эскадрона) приказалъ дать мнѣ учтеръ-офицѣрскую, то-есть безъ ружья. Крепкіе панталоны, я нацѣплялъ следовательно черезъ плечо револьверъ, ядунку съ зарядами и потомъ, по собственному желанію, мой бинокль. Явился я къ вахмистру. Вахмистръ эскадрона едалъ меня вахмистру третьяго взвода, а сей послѣдній привелъ меня къ моей лошади; она жива, весела и вывѣжена хорошо, масти гнѣдой, зовуть ее *Грамотей*. Вотъ мой конь и спутникъ на время похода. Поставили меня, раба Божія, въ рядъ, скомандовалъ кто-то: „къ коньямъ, смирно, равняйся“. Взялъ я моего коня, ничего не понимая, но стараясь дѣлать что всѣ; вновь раздалась команда: „разчитайся“. Начали по очереди солдаты выкрикивать: „первой, второй“; крик-

гулъ и я мой номеръ когда дошла очередь; потомъ опять скомандовали: „на отдѣленія разчитайся“, и уже стали кричать: первой, второй, третій, и тутъ я сдѣлалъ какъ и всѣ. Потомъ видѣлъ я какъ на правый флангъ пронесли штандартъ. Впереди шель офицеръ, сзади солдаты съ саблею наголо. Пронесся гулъ: полковникъ ѣдетъ, полковникъ. Солдаты выправились; сидѣвшій уже на конѣ майоръ скомандовалъ: „глаза на-лѣво!“ Подѣхалъ полковникъ. „Здорово, 1й эскадронъ!“ „Здравія желаемъ, ваше высочородіе!“ гаркнули вокругъ меня залпомъ; послышалось подобное же гарканье и за нами, въ другихъ эскадронахъ. Протрубили что-то. „Сядись!“ скомандовалъ стоявшій предъ взводомъ офицеръ. Ряды отодвинулись, мы сѣли на коней. „Равняйся!“; потомъ еще разные сигналы и команды: „направо, баринъ, налѣво“, подсказывалъ мнѣ мой сосѣдъ, радовой Торбикъ. И вотъ уже мы стоимъ стройною, длинною колонной по шести. „Маршъ!“ командуетъ офицеръ. Раздается звучный маршъ нашей полковой музыки, и мы стройно подвигаемся впередъ. И вотъ, среди клубовъ пыли, начинаю я мой походъ, приглядываюсь, принаравливаюсь, и уже теперь я въ эскадронѣ какъ дома.

Хотя и безъ того я уже слишкомъ подробно рассказываю, но сдѣлаю маленькое отступленіе. Команда „сядись“ очень легка, но исполненіе ея далеко не легко. Когда я по командѣ вставилъ ловко лѣвую ногу и также ловко закинулъ правую, я сперва ударился коленнымъ о сѣтку съ сѣмомъ, поднялъ выше, о „саквы“ — мѣшокъ съ овсомъ, сдѣлалъ отчаянное усиліе, переместъ ногу черезъ чемоданчикъ, но увы, ткнулся о палки съ палаткой, и опустился сконфуженный, разсерженный и не сѣвъ на лошадь. Озираюсь, никто надо мною не смѣется, а Торбикъ держитъ стремя: „А ну-ка, баринъ, садитесь, беритесь за луку“. Я пытаюсь, и побарахтавшись и въ этотъ разъ, зацѣпивъ шлорой за проклятыя палки палатки, наконецъ взбираюсь. Гляжу, еще три-четыре солдата барахтаются на животахъ и сердито прикрикиваютъ на коней. Дѣло въ томъ что на лошади вьюкъ, а высота его съ разными разностями чуть не поларшина: представьте лошадь вершковъ трехъ, да сапоги выше колѣня, да уже чортъ ихъ возьми чакчиры, да длинную шинель, и ѡйдетъ дѣло не легкое. Впрочемъ это прошедшее. Я и шворовился и сажусь такъ какъ большая часть солдатъ. И ашъ вьюкъ представляетъ своего рода куріозъ—такъ онъ набить.

Я забылъ уломянуть еще колышекъ для коновязи, чемаданчикъ, котелокъ, парусинное ведро, а у иныхъ топоръ. Садить пожадуи хорошо тѣмъ что свалиться невозможно, развѣ на бокъ, но за то садиться—бѣда. Я въ походѣ ни мало не устаю, только первые дни неловко было тѣмъ что не могъ вытянуть ногу, уставали козлы. Теперь рѣшительно ничего.

Итакъ мы двинулись. Впереди насъ играетъ музыка, Гадацъ остается сзади, мы ѣдемъ на Браиловъ. Версты черезъ три остановка минутъ десять. Подтягиваются лодруги. Потомъ олять на коня часа два-три безъ остановки. Потомъ новая остановка четверть часа и олять два-три часа ходу. Идутъ конечно шагомъ. За нѣсколько верствъ до мѣста гдѣ мы ночуемъ, насъ слѣшиваютъ и мы нѣсколько верствъ ведемъ коней чтобы дать имъ отдохнуть. Обыкновенный переходъ 35—40 верствъ, значить отъ 9 часовъ утра до 5 вечера. По приходѣ насъ олять выстраиваютъ, равняютъ, лотомъ мы слѣзаемъ съ коней, забиваемъ колышки, привязываемъ коней за чумбуры и приступаемъ къ разбиванію палатокъ.

Переходъ до Браилова былъ не особенно интересенъ. Мы перешли по лонтовному мосту рѣку Сереть, и вида ея сильное теченіе, я думалъ что не весело было бы переправляться владъ. Въ самомъ Браиловѣ мы нашли множество войскъ, но видѣтъ съ тѣмъ намъ пришлось разбивать бивуакъ очень далеко отъ воды. Обѣдъ солдатамъ послѣлъ лишь ночью, а сѣна лошади не получали совсѣмъ.

Я съ отцомъ Иваномъ, нашимъ священникомъ, и нѣсколькими офицерами обѣдалъ въ городѣ. Оказывается что по закону меня не кормятъ, я долженъ добывать самъ пищу и, значить, не въ видѣ роскоши, а поневолѣ обѣдаю не съ солдатами, а съ офицерами. Впрочемъ, часто мы ѣдимъ не лучше ихъ, если не хуже—чѣмъ попало литаемся.

3 мая мы пошли изъ Браилова въ селеніе Визири-де-сусъ. Черезъ часъ хода меня и трехъ другихъ солдатъ вызвали впередъ. Я не безъ шика подѣхалъ нарыскахъ; майоръ объяснилъ мнѣ что я посылаюсь дозорнымъ, то-есть что я долженъ идти вѣво по лѣвому флангу колонны въ яолуверствѣ или далѣе и не теряя изъ виду войскъ, слѣдить за тѣмъ что дѣлается по сторонамъ (мы шли недалеко отъ Дуная и начальство имѣло какія-то свѣдѣнія о готовящейся высадкѣ Турокъ). Въ случаѣ чего-либо подозрительнаго, я долженъ былъ извѣщать

черезъ моего сотоварища, ѣхавшаго саженъ на двѣсти ближе меня къ колоннѣ. Я былъ очень доволенъ этимъ порученіемъ, радъ подышать на свободѣ теллымъ, лѣтнимъ степнымъ воздухомъ. Ыхалъ я цѣликомъ черезъ пашни, но большею частію по лугамъ, взбираясь на курганы и осматривая мѣстность въ бинокль. Конь мой сперва ржалъ, кобенялся и рвался къ своимъ, но потомъ успокоился. Колонна войскъ осталась вправо, отошла далѣе и далѣе, и скоро стала для меня темною полоской, надъ которою стояли облака пыли. Такъ ѣхалъ я весь переходъ и присоединился лишь предъ селомъ, гдѣ мы должны были ночевать. Но этотъ переходъ былъ ознаменованъ комическими происшествіями, которыя мы назвали: атака 1й бригады 11й дивизіи на мирныхъ Молдаванъ.

Дѣло было такъ: въ то время какъ я ѣхалъ дозоромъ, кто-то изъ офицеровъ усмотрѣлъ изъ-за холма какихъ-то всадниковъ. Рѣшили что это башу-бузуки. Остановили всю колонну. Вводъ драгунъ пошелъ на рысяхъ впередъ, полкъ выстроился въ боевой порядокъ, орудіе снялось съ передковъ, уланы поскакали, священникъ вылезъ изъ тележки и сталъ благословлять, доктора—одинъ спрятался поглубже, другой поѣхалъ впередъ. Словомъ, сумятица пошла. Все это произвели два десятка мужиковъ Молдаванъ, которыхъ я отлично видѣлъ въ бинокль, но никакъ не могъ догадаться что это они виною всей суматохи. Я же видя все эволюціи вообразилъ что это ученіе и очень безпокоился куда мнѣ пристроиться. Шуткамъ не было конца. Мы ночевали по хатамъ, полкъ тутъ же на плацу бивуакомъ. Ночью, то-есть поздно вечеромъ, докладываютъ полковому командиру что драгунскій разъѣздъ Турокъ привелъ. Выходятъ со свѣчей на крыльцо: два драгуна на коняхъ командуютъ лѣвыми: „смирно“ и самодовольно улыбаясь смотрятъ на нихъ. Пѣвныя безъ шалоковъ и унылы, они оказываются ластухами того же села. Вотъ наши первые, но не послѣдніе подвиги.

4 мая мы пошли въ селеніе Бортеши-де-жось. Еще раньше слышали мы что въ сосѣдствѣ Турки переправлялись черезъ Дунай и грабили. Въ этотъ разъ мы слышали вдалекѣ пушечныя выстрѣлы. Шли мы на этотъ разъ въ хвостъ колонны и развлеченіемъ служили мнѣ разговоры солдатъ, да прелестныя виды на широкую равнину съ рѣченками и селами. Въ Бортеши мы пришли ранѣе чѣмъ ожидали, что всегда пріятно на походѣ; стали бивуакомъ на зеленомъ лугу. Пред-

стояла двэвка—отдыхъ. Всѣ были довольны: повалялись въ палаткахъ, вздремнули, поспали. Развлеченіемъ служила дрессировка лошадеки только что купленной въ табунѣ однимъ изъ офицеровъ. Смѣху было много. Наконецъ лошадека вырвалась и скрылась въ степь.

5 мая нашъ священникъ, котораго офицеры все попрекали что ему дѣлать нечего, собрался служить молебень. Я пошелъ тоже, и какъ ни проста была обстановка, на меня это молебствіе подъ открытымъ небомъ, среди выстроенныхъ рядами солдатъ съ загорѣлыми лицами, производило болѣе впечатлѣнія чѣмъ соборное служеніе. Въ 2 часа дня половина нашего эскадрона, и я въ томъ числѣ, выступили изъ лагеря чтобъ идти на аванпосты. Мы въ первый разъ отдѣлились отъ полка и были рады. Велъ насъ поручикъ С—г., чудакъ-Хохоль, негаулый, забавный. Онъ сперва косился на меня, воображая что я какой-нибудь фравтикъ всего боящійся и отъ всего устающій, но увидѣвъ мою выносливость и спартанскіе нравы сталъ ко мнѣ благоклоненъ. Кромѣ него былъ вторымъ офицеромъ С. Бѣжали мы втроемъ вмѣстѣ: у меня была карта, да притомъ я служилъ переводчикомъ, находя везде кого-либо говорящаго на какомъ-либо изъ знакомыхъ мнѣ языковъ. Съ Румынами я медленно и съ жестами говорю по-итальянски и вообще добиваюсь нужнаго.

Съ самаго же начала мы наткнулись на разливы Дуная. Пришлось обходить. Только въ сумерки подошли мы къ селу Пиа-Пиэтра, гдѣ должны были смѣнить на аванпостахъ уланъ. Оказалось что тѣ уже ушли и ждали насъ въ полѣ; по нимъ стрѣляли съ турецкихъ канонирокъ и убили лошадь. Вмѣсто того чтобы, по приказанію, принять начальство и надъ нами, уланскій майоръ отнесся очень недружелюбно къ намъ, ворчалъ что пришли поздно, вѣжливо послалъ насъ ко всѣмъ чертямъ и, предоставивъ ночью отыскивать посты, самъ ушелъ своею дорогою. Ночь была темная, но теплая, лѣтняя. Приблизившись мы къ селу на Дунай, сѣзди съ коней, и С. и я отправились смотрѣть что въ селѣ дѣлается. Село казалось вымершимъ, пустымъ. Улица у самой воды, видѣется какая-то мачта—того и смотри что оно занято Турками. Мы взяли револьверы въ руки и подвигались осторожно. Но все оказалось благополучно. На отчаянный лай собакъ выѣзали спавшіе румынскіе сторожа. Мы ввели нашъ полубатальонъ, разставили лошадей, достали корму, распорядились варить кашу и

сѣли съ С. за самоваръ, пока нашъ начальникъ поручикъ поѣхалъ разставлять посты. Къ намъ присоединился румынскій офицеръ пограничной стражи. Въ разговорѣ я узналъ что до турецкаго лагеря въ Гирсовѣ недалеко и можно незамѣтно добраться на лодкѣ. Немедля же я рѣшился ѣхать на эту развѣдку и подбилъ С. Заказали лодку и на зарѣ, лишь только вернулся нашъ поручикъ, пустились въ путь.

Эта поѣздка, 6 мая, пока самое интересное изъ испытаннаго мною. Потому подробно разкажу ее.

Мы сѣли сперва въ плоскодонную лодку съ двумя гребцами. Кромѣ того, взяли еще въ качествѣ переводчика Румына пограничнаго сторожа говорившаго по-болгарски. Сами мы надѣли фуражки чтобы не блестяли орлы на киверахъ, а взялъ бурку вмѣсто шивели. У С. было ружье, у меня револьверъ, у обоихъ хорошіе бинокли. Прѣхавъ около часа вверхъ по теченію рѣки Яломицы, мы перебрались лѣвшкомъ на другую сторону острова и пройдя версты три нашли другую лодку, но увы безъ весель. Пришлось посылать за нашими и почти силою принудили мы рыбака-Молдаванина, знавшаго проходъ среди камышей, вести насъ. Нѣтъ народа трусливѣе Молдаванъ-Валаховъ. Подъ разными предлогами колесилъ онъ, или скорѣе болтался съ лодкой взадъ и впередъ, никакъ не рѣшаясь подплыть къ турецкому берегу. На наше счастье оказался рыбачій челнокъ. Остановили его. Подошелъ къ намъ русскій мужичокъ—рыбакъ Липованъ: „здравствуйте земляки!“ весело поздоровался онъ съ нами. „Здравствуй землякъ“. Выселившись столько лѣтъ назадъ, Липованы не потеряли ни на волосъ своего чисто-русскаго характера. Мы отправились къ нему въ шалашъ на островку, среди камышей. Оставя тутъ нашихъ Румына и грузную лодку, мы сѣли въ челнокъ съ двумя земляками и пустились подъ Гирсово. Было часовъ уже десять дня. Тихо, прелестно на водѣ. Мы забывали что ѣдемъ на развѣдку: казалось просто катаемся по широкому разливу на челнокѣ. Все кругомъ зелено, небо синее, дышется такъ хорошо и легко, во мечтать было нѣкогда. Вдали слышались лущечные выстрѣлы, какъ оказалось потомъ турецкія камогирки стрѣляли по нашимъ драгунскимъ аванпостамъ. Потомъ показався пароходъ, шедшій навстрѣчу намъ; мы юркнули въ камыши и прилегли въ лодочкѣ. Пароходъ прошелъ чуть не влѣвъ мимо насъ, но не замѣтилъ. Подплыли мы дальше, и пользуясь

загибами, кустами и задитымъ водою лѣсомъ пробрались удивительно близко, то-есть на какихъ-нибудь 500 шаговъ отъ турецкаго лагеря. По дорогѣ остановились мы на открытомъ мѣстѣ и стали высматривать Турокъ. Я замѣтилъ внизу у воды групу человѣкъ пять у какой-то зеленой штуки. „Посмотрите что они тамъ дѣлають?“ спросилъ я С. Онъ взглянулъ: „да орудіе на насъ наводятъ“, отвѣчалъ онъ.— Неужто вслѣдствіе наводятъ, ишь вѣдь какіе — замѣтилъ равнодушно нашъ рыбакъ Липованъ. Мы однако благоразумно спрятались за кусты. Но самая ликавтная минута была когда мы, сидя въ 500 шагахъ отъ лагеря и рисуя его расположеніе, замѣтили что прямо на насъ идетъ на ларусахъ барка. Дѣло становилось дрянъ. Мы притаились, молчали. Она подошла къ самому лѣсу, въ олушкѣ котораго мы сидѣли на челнокѣ; мы видѣли ясо людей, слышали ихъ разговоръ, но они не примѣтя насъ пошли въ другую сторону. Надѣясь вернуться ночью съ охотниками, мы не рѣшились стрѣлять, а могли легко снять какого-нибудь офицера. Насмотрѣвшись вдоволь пустились мы въ обратный путь. Но земляки-рыбаки звали къ себѣ отдохнуть, угостили разварною стерлядью да горячею мамалыгой; лучше я не завтракалъ кажется никогда. Тутъ была и жена рыбака, настоящая русская баба, и ребятишки. Кругомъ шалаша рыболовная снасть. На ночь они уходятъ всѣ на челнокахъ въ камыши, боясь чтобы башбузюки, подливъ съ турецкаго берега, не перерѣзали ихъ въ шалашѣ. Она подарили намъ еще стерлядей, и мы едва заставили ихъ взять денегъ. Возвращаясь я растянулся на днѣ лодки и пока лѣнливо гресли Молдаване вздремнулъ отлично, хоть и подмокъ немного. Въ селѣ мы застали вторую половину эскадрона и пошми въ Браилуцу. Вечеромъ С—г. и я отправились смѣнять посты, разставленные верствъ на пятнадцать. Проездивъ подъ дождемъ почти половину ночи, мы остальную провели въ Піа-Пиетръ. Я вздремнулъ на завалкѣ. Шелъ тихій дождичекъ, и славно пахло бѣлою акаціей.

7го мая, утромъ, мы получили приказаніе немедля снять посты и идти въ Слободію. Эта вѣсть пришла не котаги. Мы уже подготовили ночную штуку и хотѣли лутнуть Турокъ на ихъ пароходахъ. Посты пришлось снимать днемъ подъ турецкими пушками. Вышла преоригинальная гонка между нами и пароходомъ, который шелъ по ту сторону острова, свѣдѣлъ за нами и ждалъ насъ на открытомъ берегу. Но мы

выйда на это мѣсто разсыпались, Турки не сочли нужнымъ на этотъ разъ стрѣлять по насъ, хотя наканунѣ пустили десятка два гранатъ по развѣзду въ пять человекъ. Въ Слободзію мы пришли около 11 часовъ вечера, и я сдѣлалъ въ этотъ день, не считая ночи, около 70 верстъ. Спалъ я въ хатѣ, и не безъ удовольствія раздѣся: три дня и двѣ ночи я не снималъ даже оружія. Вотъ лока всѣ мои подвиги.

8е мая. Мы поддня простояли въ Слободзію чтобы дать отдохнуть людямъ и конямъ. Это хорошенькое мѣстечко съ полуразвалившимся монастыремъ посреди. Мы выступили въ 2 часа и пошли вдоль рѣчки къ селу Альбешти. Поакъ ушелъ по другой дорогѣ ранѣе, и мы олять были сами по себѣ и въ правѣ идти какъ хотимъ. Нашъ любезный эскадронный командиръ рѣшилъ выбрать хорошую стоянку верстахъ въ двадцати и дать отдохнуть людямъ и дошадямъ. Всѣ мы шли весело. Мы были первыми войсками, проходившими по этому направленію, и потому возбуждали большое любопытство. У насъ были въ карманахъ мѣдныя денъги и мы начали бросать ихъ бѣжавшимъ за эскадрономъ мальчишкамъ—свалка и всеобщій хохотъ. Когда жаръ сталъ спадать мы подошли къ Альбешти,—хорошенькому чистому селу подъ горой, съ садами и зеленью, и разбили бивуакъ на свѣжей сочной зеленой травѣ. Воздухъ былъ напитанъ запахомъ полевыхъ цвѣтовъ, вокругъ были перелеса, а дубовые лѣски вблизи напоминали наши родные тамбовскіе овраги и рошцы. Идя среди этихъ лѣсковъ, ореди озимыхъ и яровыхъ полей, такъ и кажется что вотъ за поворотомъ откроется знакомая церковь и березовая рошца, и сѣрый домикъ съ балкономъ.

Пользуясь постоянно столомъ у командира и офицеровъ эскадрона я въ Альбешти угощалъ ихъ великолѣпнымъ ужиномъ: барашекъ на вертеле и мамалыга съ молокомъ; солдатамъ же эскадрона по случаю нашихъ первыхъ подвиговъ мнѣ позволили поднести два ведра водки.

Эго мая мы рассчитывали придти въ Обедешти, но не вышло по-нашему. Не доходя 15 верстъ мы сдѣлали привалъ у хорошенькаго лѣска. Солдаты закусывали, мы пили чай и дождали вчерашняго барашка, а разнузданные кони напались. Вдругъ о ужасъ! одна изъ лошадей услугалась какой-то собакой, всѣ шархнулись и черезъ минуту всѣ онѣ, вырвавшись изъ рукъ, опрокинувъ державшихъ людей, карьеромъ неслись въ степь. Изъ 130 лошадей осталось 7. Мы всѣ опу-

стали нось. Солдаты какъ были, то-есть въ шивеляхъ и съ ружьями за спиной, бросились бѣжать въ догонку. Все это черезъ нѣсколько минутъ скрылось за горизонтомъ. Меня этотъ случай не особенно огорчалъ—лошадь не моя, вещей почти нѣтъ, но все неприятно за другихъ. Мы сидѣли на мели. Даже упряжные лошади ушли; на верховыхъ же были сѣдла и вьюки. Черезъ полчаса привели лишь 14. Пришлось ночевать на лустырѣ близъ лѣса. Бѣтъ людямъ было нечего: имъ обѣдъ готовился въ Обелешти. Но къ вечеру дѣла улучшились и къ ночи *есть* кони, за исключеніемъ одного лавшаго, были приведены. Оказалось что лошади бѣжали гуртомъ, и ихъ такъ и остановили. Развели костры, достали у сосѣда помѣщика кукурузной муки и сдѣлали солдатамъ мамалыгу, а сами они добыли дичи: набили галчаты и сварили себѣ въ котелкахъ—я не успѣлъ познакомиться, но говорятъ хорошо—голодь не свой братъ.

10го мая мы сѣли въ 8 часовъ на коней и въ нѣсколькихъ верстахъ встрѣтили полковаго командира и полвэскадронъ отправленный выручать насъ изъ бѣды и довить намъ коней. Мы поблагодарили и благополучно прибыли въ Обелешти, отвратительно грязное село, гдѣ нѣтъ даже хлѣба намъ и сѣна конямъ. Завтра ѣду въ Букурешть.

VI.

Журъсево, 29го мая 1877 года.

Вчера кончилась первый отдѣлъ военной жизни. Я былъ уже и подъ огнемъ серьезнымъ. Значить, пора приготовления пройдена. Все это время провелъ я въ такой пріятно удобной обстановкѣ что просто забывалъ о войнѣ и лишенияхъ лагерной жизни. Изъ Обелешти-Ноу съ нашимъ драгунскимъ казначеемъ, въ громадной телѣгѣ на четверкѣ дохлыхъ лошадей, прибылъ я въ Букурешть. На лорогѣ гостиницы натолкнулся я на знакомыхъ и очутился въ старой обстановкѣ: хорошіе обѣды, прекрасные экипажи и прогулка въ окрестностяхъ Букурешта. Послѣ перваго впечатлѣнія удовольствія быть сытымъ и умытымъ мнѣ стало вновь скучно и скверно, и изъ Букурешта потянуло меня на бидуакъ, въ палатку. Не стоить подробно описывать Букурешть. Это веселый городокъ, въ зелени, напоминающій садами и одноэтажными

домами нашу бѣлокаменную. Магазины и особенно кондитерскія замѣчательно хороши. Въ первый день я обѣдалъ съ Макъ-Гаханомъ, потомъ у барона С., наконецъ вслѣдствіе настоячивыхъ приглашеній у *maréchal de la cour* В. (я съ нимъ былъ знакомъ въ Бѣлградѣ). Всѣхъ забавляла моя солдатская форма. В. разсыпался въ увѣреніяхъ любви и преданности Румынъ къ Россіи. Встрѣчи со знакомыми вообще комичны: меня никто не узнаетъ.

Получивъ извѣщеніе что я переведенъ къ Скобелеву, мнѣ нужно было распрощаться съ полкомъ, и я уговорилъ Макъ-Гахана поѣхать со мной въ Обелешти. Мы выѣхали въ его отличномъ фургонѣ на парѣ его лошадей и съ его Жидомъ-кучеромъ. Къ намъ присосѣдился его знакомый рисовальщикъ *Illustrated London News*. Мы провели время прескучно. Похоже это было на наши прошлогоднія поѣздки въ Българіи (вычеркнувъ всю ихъ грустную сторону), или еще болѣе на мое путешествіе съ двумя Англичанами изъ Бѣлграда въ Константинополь; по дорогѣ мы кормили, заваривали себѣ чай, мамалыгу, жарили цыплятъ. Ночью мы остановились въ селѣ Лудкѣ, въ хатѣ. Ночь была чудесная, лунная, дворикъ чистый, въ тѣни громаднаго каштана, на крышахъ щелкали, какъ трещотки, длинноногіе аисты. Уютно, мирно было въ деревнѣ, и утромъ, распивая чай на завалинкѣ, выблаженной какъ и вся хата внутри и снаружи, не хотѣлось увѣзжать.

Въ Обелешти-Ноу мы провели полдня у эскадроннаго командира: онъ объявилъ мнѣ 1) что я откомандированъ и могу тотчасъ ѣхать къ Скобелеву, и 2) что я произведенъ въ унтеръ-офицеры и могу нашить себѣ галуны. Я тотчасъ сдѣлалъ и то и другое, распрощался со всѣми, отъ бригаднаго генерала до денщика, опять забрался въ фургонъ Макъ-Гахана и покатилъ въ Ольтеницу.

Дорога въ Ольтеницу шла дубовыми лѣсками, трава была высокая, вся полна лѣсными цвѣтами. Вскорѣ открылся Дунай и какъ на ладони турецкій берегъ. Въѣхали мы въ лустынный городъ по отвратительной мостовой, помѣстились въ единственной комнатѣ единственной отвратительной гостиницы и получивъ гнуснѣйшій ужинъ, легли спать проклятая румынскую цивилизацію и жалѣя о ночлегѣ въ селѣ Лудкѣ, въ хатѣ. Несмотря на мое желаніе ѣхать прямо къ Скобелеву, оказалось болѣе удобнымъ ѣхать обратно въ

Букурешть, потомъ въ Журжево по желѣзной дорогѣ. Утромъ мы отправились на батарею въ Ольтеницѣ, противъ Туртука. Бахвалы-Румыны увѣряли что они разгромили Туртука; Туртукай цѣлъ и невредимъ. Мы подошли къ самому берегу, къ полуразрушенному турецкими выстрѣлами домику агентства пароходовъ. Турецкія гранаты продырявили стѣну, а луки перебили стекла. Странно было видѣть на этихъ стеклахъ наклеенныя объявленія о ближайшемъ пути въ Парижъ и Лондонъ, и разныя заманчивыя предложенія пароходнаго общества касательно дороги черезъ Рушукъ-Варну. Наканунъ Турки стрѣляли не жалѣя патроновъ залпами изъ ружей. Дунай здѣсь всего 1000 шаговъ ширины. Но несмотря на то что стояли и ходили открыто, по насъ они стрѣлять не пожела-ли. На самой батарее какой-то сердитый генералъ Макъ-Гахана не пустилъ, чему я былъ радъ, такъ какъ мы тотчасъ же выѣхали и въ 11 часовъ вечера ѣли мороженое въ Букурешть. Жаль что некогда описывать подробно разныя картинки изъ этой поѣздки, и проч., румынскій хороводъ медленно двигающійся подъ звуки скрипки и мандолины. Но особенно остались у меня въ памяти звѣздная ночь и жадобно вѣжные звуки какой-то румынской лѣсни, которую пѣли Цыгане на большой дорогѣ.

Переночевавъ въ Букурешть, а утромъ лобывалъ у нѣкоторыхъ знакомыхъ, закулилъ кое-что, и въ 6 часовъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Журжево. Я уже такъ отвыкъ отъ ѣзды по чугункѣ что мнѣ было чудно какъ-то съ вагонѣ, и свистъ локомотива и запахъ дыма напоминалъ столь недавнія мои странствованія по Европѣ. Сколько времени бросаетъ меня съ мѣста на мѣсто и кочевая жизнь стала для меня жизнью нормальною. За два дня предъ моимъ пріѣздомъ въ Журжево Турки пустили изъ Рушука нѣсколько десятковъ гранатъ; произошла паника. Я думалъ, судя по раз-казамъ, что городъ совсѣмъ опустѣлъ и очень удивился когда по пріѣздѣ носильщикъ положилъ мои вещи на извози-ка и спросилъ: куда ѣхать? quel hôtel? Я сталъ въ темнотѣ разыскивать генерала Скобелева. Однако улицы были пусты, дома съ темными окнами, фонари едва горѣли, общее впечатлѣніе грустное. Проѣхавъ черезъ весь городъ меня привезли къ бульвару на берегу Дуная. Тутъ, въ маленькомъ домикѣ, изъ котораго видно Рушукъ какъ на ладони, помѣщается начальство: оба генерала Скобелевы. Я выѣзъ, спрашиваю

молодаго генерала. Его нѣтъ; уѣхалъ. Когда вернется? Неизвѣстно. Я повернулся и сталъ потихоньку уходить, не зная самъ гдѣ остановиться. Догоняетъ въ темлотѣ девацкъ. „Его превосходительство (генераль-отецъ) приказали вамъ отправиться въ гостиницу рядомъ, тамъ адъютантъ генерала“. Отправляюсь, застаю точно уже знакомыхъ лицъ: капитана М. и сапера А. Мы поужинали вмѣстѣ.

Утромъ солнце свѣтило ярко и жарко. Одѣлся я и отправился къ генералу являться. Вошелъ, доложили, „пожалуйте въ садъ“. Въ тѣни за столомъ сидитъ въ черкескѣ на раслашку генераль съ бѣлокуро-сѣдою бородой и замѣчательно красивымъ и пріятнымъ лицомъ. „Честъ имѣю явиться, такой-то“, говорю я, генераль протягиваетъ медленно руку и медленно говоритъ: „сидитесь“. Я сажусь; затѣмъ генераль самымъ любезнымъ образомъ начинаетъ объяснять что онъ принялъ меня не особенно любезно въ Галацѣ не зная кто я, что я виноватъ что не сказалъ и что теперь оставляетъ при себѣ. „Вы будете мнѣ полезны. Приходите обѣдать, а лучше всего совсѣмъ перебирайтесь ко мнѣ. Комната есть, и Михаилъ Дмитриевичъ (молодой генераль) будетъ радъ васъ имѣть подъ рукой.“ Итакъ я вступилъ въ деревенско-городскую жизнь, весьма люполытную, весьма живописную, но мало похожую до вчерашнаго дня на войну. Вздрили мы то на лѣвое крыло къ Донцамъ, гдѣ полковникъ О. угощаетъ насъ ухой, то на правое крыло къ Кубанцамъ, гдѣ полковникъ К. угощаетъ насъ шашлыкомъ.

Донцы стѣять на берегу Дуная, въ степи. Казаки ежедневно ловятъ рыбу и откормились отлично. Съ берега видны турецкіе посты и батареи. Иной разъ мы садимся въ лодки и ѣдемъ въ кустахъ посмотрѣть на нихъ, или пошвытаться нѣсколькими невинными выстрѣлами. У полковника О. чай съ куличомъ, вино со льдомъ—просто приволье. На другой день пріѣзда получился приказъ о зачисленіи меня въ Кубанскій полкъ. Старый генераль немедленно озаботился моимъ туалетомъ: далъ галуновъ на шалку и сукна краснаго, и къ обѣду, ко дню пріѣзда молодого генерала, все было исправно. Въ урядникъ-Кубанцѣ никто бы не призналъ драгуна или еще менѣе дипломата. Въ этотъ день пріѣхали въ гости въ Журжево бывшіе товарищи-Константинополцы, А. и князь Ш. Они въ своихъ форменныхъ сюртукахъ, со шлагами, въ ботфортахъ со шпорами, которыя я предлагаю замѣнить маленькими тормозами, забавны до велья. У А. шлага съ дамскіи

вверх длины; ее съ любопытствомъ разсматривали казаки и рѣшили что на ней отлично жарить шашлыкъ или цыплятъ. Тѣмъ же менѣе А. храбрился, вставаяяя монокль и перекачиваясь просилъ даже винтовку. Ш. всемъ восторгался, начиная съ своей палахи. Этихъ дипломатовъ повезли къ Донцамъ, и на лодкахъ съ пластунами на рекогносцировку; они вернулись въ восторгъ; мимо нихъ просвистало нѣсколько пуль.

Въ тотъ же день генералы, то-есть Скобелевъ 1й и 2й, и штабъ, и я въ числѣ, поѣхали къ Кубанцамъ. При этомъ я явился полковому командиру и сейчасъ же попалъ на пиршество. Одинъ офицеръ, родомъ Грузинъ, праздновалъ именины.

Скоро перезнакомился со всеми офицерами. Молодцы на подборъ. Крѣпкіе, могучіе тилы, съ широкими окладистыми бородами, съ бритыми или гладко выстриженными головами, со щегольскимъ оружіемъ, все они такъ и просидѣли подъ карандашъ, и хозяинъ съ черными блестящими глазами, неустанно наливавшій вино изъ какой-то неистощимой баклаги и открытое, веселое лицо командира полка, и наши генералы, всѣхъ я хотѣлъ бы очертить въ тѣни нависшихъ абрикосовыхъ деревьевъ, на травѣ, на буркахъ, вокругъ разныхъ яствъ, зеленого луку, козьего сыру и прочихъ лакомствъ. Въ сторону важно, таинственно, торжественно подъ надзоромъ старшаго есаула жарится на вертелѣ на разложенномъ кострѣ барашекъ и шашлыкъ. Его едятъ руками, засучивъ рукава. Тутъ же на радость гремитъ оркестръ струйковой музыки, разыгрывая разные веселыя, но старомодныя къ счастью пьесы. Макъ-Гаханъ узнаетъ американскую мелодію, которую не слышалъ съ дѣтства. Все это очень красиво, но повторяю въ десятый разъ не похоже на войну такъ какъ мы вообще себя ее представляемъ. Вплоть до вчерашняго дня я велъ эту спокойную жизнь съ прогулками, катаньемъ въ Букурешть, въ казачьи полки. Въ 3 часа мы все объедаемъ у стараго генерала. Онъ поручаетъ мнѣ мѣшать салатъ приправленный имъ самимъ, соблюдаетъ тщательно чтобы я не простудился и чтобы ѣлъ поблѣе. Мнѣ поручаются кое-какія мелкія дѣла, и я вижу что могу быть полезенъ.

Но за всемъ этимъ приходится отложить до слѣдующаго раза разказъ о крещеніи отнемъ. Фактъ тотъ что въ пол-часа вокругъ насъ легло 22 гранаты, дальнія шагахъ въ 30—40, ближнія въ 10—5. Одну разорвало между мной и молодымъ Скобелевымъ. Никто не оцарапалъ. Живъ курилка.

VII.

7го іюня, Журжево.

Было отличное жаркое утро 28го мая. Мы благодушествовали за чаемъ въ саду—оба генерала и я. Казалось, день пройдетъ опять въ томъ же деревенскомъ затишѣ которымъ мы пользовались уже такъ долго. Правда, нѣсколько дней предъ тѣмъ Турки пустили тридцать съ чѣмъ-то гранатъ въ Журжево, противъ нашего дома, и около самаго часового пролетѣли осколки, но это было какимъ-то случайнымъ нарушеніемъ нашей однообразной жизни.

Вдругъ бумъ! бумъ! два выстрѣла вдали, на лѣвомъ флангѣ и еще, еще. „Живо, лошадей“, крикнулъ молодой генералъ. Его лошадь была готова ранѣе моей и онъ усакалъ съ казаками. Черезъ пять минутъ я уже догонялъ его. Выстрѣлы продолжались. Мы ѣхали рысью, боясь очень утомить коней. Турки стрѣляютъ по лагерю Донскаго казачьяго полка, и первыя гранаты попали около самой палатки полковника. Но къ счастью въ это время была выводка и ни одного казака въ лагерѣ не было. Лагерь сейчасъ же отведи въ сторону. Подѣзжал, Скобелевъ нахмурился, ему видимо не нравилась оуета въ нашемъ лагерѣ, послѣшность съ которою убирались Донцы. „Наши войска молоды, слѣдуетъ привыкать къ огню“, промолвилъ онъ, и послалъ сказать что будетъ здороваться съ людьми, то-есть приказаніе людямъ выстроиться и ждать его. Мы подѣзжали шагомъ, человекъ насъ было десять верхомъ. Огонь орудій усиливался, гранаты стали падать ближе. „C'est bien, ils nous reçoivent convenablement“, промолвилъ оборачиваясь ко мнѣ Скобелевъ, и продолжалъ ѣхать шагомъ къ вышкѣ на которую стрѣляли Турки. Донцы сняли часового съ вышки. Я обратилъ на это вниманіе генерала и просилъ позволенія влѣзть самому. „Не приставайте“, отвѣчалъ онъ. Черезъ десять минутъ онъ самъ и полковой командиръ стояли на вышкѣ. „Надо показывать примѣръ“, говорилъ мнѣ потомъ, „надо чтобъ они видѣли начальниковъ впереди.“ Подѣзжалъ онъ здороваться съ людьми, обласкалъ ихъ, послалъ обѣдать, словомъ старался сдѣлать бомбардировку вещью самую обычную, будничною. Однако огонь не прекращался и намъ приходилось продолжать еще дня два на этомъ мѣстѣ саперныя работы—заготовку туровъ. Скобелевъ послалъ адъютанта къ отцу и приказалъ дѣлать укрѣпленіе для двухъ орудій. Саперы приня-

лись за дѣло спокойно, просто стали размѣривать, потому рыть и насыпать съ шутками и разговорами, будто кругомъ не падало никакихъ гранатъ; ими распорядился молодой, но лихой офицеръ, имя котораго уже извѣстно—Романовъ, удачнымъ выстрѣломъ взорвавшій турецкій мониторъ (попало два выстрѣла, но его былъ mortarный, и только навѣсный снарядъ могъ попасть въ пороховой погребъ). Вскорѣ Скобелевъ, написавъ на клочкѣ бумаги, на моей сливѣ, второе донесеніе отцу и прося присылки немедленно артиллеріи, послалъ меня обратно въ Журжево. „Поѣзжайте какъ можно скорѣе“, сказалъ онъ. Я ударилъ коня и поскакалъ во весь опоръ, недовольный тѣмъ что ѣзжаю съ интереснаго мѣста. Прилетѣлъ въ Журжево. Генераль-отецъ только что уѣхалъ, я съ нимъ разѣхался. Опять назадъ. За городомъ вижу пыль, догоняю: телѣжка генерала и конвой. Сдаю мое донесеніе, объясняю что приказано и слѣзая съ коня чтобы дать ему вздохнуть. Сзади меня облака пыли: идетъ артиллерія. Однако скоро ее остановили. Турки прекратили пальбу; мы не хотимъ начинать ея, и старый генералъ, несмотря на настоянія младшаго, не согласился открывать огонь. Мы возвращаемся по домамъ, обѣдаемъ. Послѣ обѣда, часовъ около четырехъ, желая попробовать казачью лошадь покупаемую мною, я веду засѣдлатъ и собираюсь ѣхать въ Кубанскій полкъ заказывать себѣ форменный бешметъ. На небѣ ходятъ громовыя тучи. Мы сидимъ на скамеечкѣ, на бульварѣ. Вдругъ выстрѣлъ, нѣтъ это громъ; нѣтъ выстрѣлъ—точно громъ, точно выстрѣлъ.... Оказывается и то и другое. Опять тревога тамъ же, въ Малоросшѣ. На этотъ разъ я первый на конѣ. „Поѣзжайте къ 10й конной батарее (около самаго города) и ведите на рысяхъ два орудія въ Малоросшѣ.“ Я лечу. Немедля орудія готовы и черезъ 10 минутъ, любо дорого смотрѣть какъ крулою рысью вытянулись мы на шоссе. Право, видѣть артиллерію на рысяхъ идущую на позицію—это дѣло. Я понимаю моего молодого генерала, который встрѣчаетъ насъ на бѣломъ конѣ своемъ (любимая масть его). Скобелевъ преобразился. Куда дѣлась угрюмость, сосредоточенность! Онъ лихо, открыто смотритъ своими голубыми глазами и, бессознательно подгоняя коня, такъ и рвется впередъ. Завидя насъ, огонь турецкій усиливается. Орудія отъѣзжаютъ пока въ сторону; мы же, то-есть Скобелевъ, я и четыре казака, ѣдемъ на самую батарею. Пристрѣлявшіеся Турки такъ

и сыпаютъ гранаты: бумъ-бахъ только и слышно. „Урядникъ Церетелевъ, прикажите первому орудію вѣхать на позицію“, громкимъ голосомъ говоритъ генералъ. Я беру подъ козырекъ (то-есть подъ лапаху): „Слушаю ваше превосходительство“. Поворачиваю лошадь, слышу въ это время за мной визгъ гранаты. Раздается взрывъ—меня обдаётъ вѣтромъ и землей. Оборачиваюсь: клубъ черного дыма и пыли за которымъ не видать уже Скобелева. Невольно я останавливаюсь на мгновение, дымъ расходится: Скобелевъ цѣлъ и невредимъ и всѣ кругомъ цѣлы, и сейчасъ же я лечу впередъ. „Генералъ приказалъ первое орудіе на позицію!“ передаю я, и орудіе месетъ маршъ - маршемъ, мигомъ снимается съ передковъ. Еще граната, но мнѣ не до того, я вижу только что орудіе наше не двигается—застыло колесо; мигомъ соскакиваю съ лошади и помогаю, и вотъ орудіе стоитъ, цѣлѣть, наводятъ—бумъ! раздался *нашъ первый выстрѣлъ*. Однако, оказалось что съ успѣхомъ мы отстрѣливаться не можемъ: для нашихъ четырехфунтовыхъ орудій слишкомъ далеко. Солнце стало садиться, и послѣ трехъ пробныхъ выстрѣловъ приказали трубить отбой. Въ теченіе дня вокругъ насъ на пространствѣ какой-нибудь полудесятины упало до 70 гранатъ (всего Турки дали до 80 выстрѣловъ), и никто не былъ раненъ. Скобелевъ говорилъ потомъ, вспоминая разныя гранаты и особенно ту которую разорвало между нами, въ какихъ-нибудь 6—7 шагахъ: „nous l'avons échappé belle“.

. Чтò чувствовалъ я во все это время? Вопервыхъ, ужасно боялся чтобы Скобелевъ не подумалъ что я боюсь; вовторыхъ, ощущеніе было гораздо слабѣе чѣмъ я ожидалъ. Правда, я не видалъ ни убитыхъ, ни раненыхъ, но готовъ держать лари что едва ли лудьсь мой бился много скорѣе обыкновеннаго. Впечатлѣніе-самого выстрѣла отнюдь не потрясающее: вдали клубъ бѣлаго дыма, потомъ ничего—тишина, вдругъ гулъ выстрѣла долетаетъ и за нимъ свистъ или визгливое жужжаніе гранаты, потомъ глухой ударъ снаряда въ землю, въ то же мгновение взрывъ, столбъ пыли и дыма, и шипѣніе осколковъ летящихъ вокругъ. Говорятъ, ружейный огонь много неприятнѣе, но въ сущности подъ огнемъ живется и думается также какъ и въ другое время.

VIII.

Бейя, 14 іюля.

Сижу я въ длинномъ, предлинномъ сараѣ; въ одномъ концѣ его стоятъ лошади, въ срединѣ свалены вещи и дремлютъ казаки, а въ другомъ концѣ помѣщается часть штаба, то-есть Скобелевъ 2й и я. Скобелевъ 2й уѣхалъ на переправу, меня не взялъ. Сижу я потому спокойно и пользуюсь минутой писать письма.

Я разказалъ какъ насъ обстрѣливали подъ Малоромемъ; теперь разкажу болѣе серьезное дѣло подъ Параланомъ.

Какъ извѣстно, моряки наши въ разныхъ частяхъ Дуная ставятъ минныя прегражденія чтобъ остановить движеніе турецкихъ судовъ. Наканунѣ того дня, когда должны были начаться эти работы въ Параланѣ, отъ Журжева верстъ двадцать, Скобелевъ 2й поѣхалъ туда. Я упросилъ стараго генерала отпустить и меня съ нимъ. Къ закату солнца подѣхали мы къ нашимъ морякамъ. Катера и минныя шлюпки, привезенныя изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ, а потомъ отъ станціи желѣзной дороги на *смакъ*, стояли въ рядѣ въ заливѣ, скрытомъ совершенно отъ Турокъ. Въ ту минуту какъ мы сошли съ коней только-что кончалось молебствіе и священникъ кропилъ святою водою катера и людей. Все было очень тихо, разливъ какъ зеркало, небо ярко-оранжеваго цвѣта. Дѣло было серьезное, всѣ собирались серьезно. „На катерахъ № 1 и 2й разводитъ паръ“, скомандовалъ громкій басъ капитана Новикова, начальствовавшего всѣмъ предпріятіемъ. Намъ предстояло оказывать содѣйствіе морякамъ, именно: послать на островъ, близъ турецкаго берега, нашихъ стрѣлковъ чтобы не допустить Турокъ открыть ружейный огонь на близкомъ разстояніи по нашимъ катерамъ. Скобелевъ послалъ меня впередъ въ Параланъ чтобы приказать людямъ идти къ лодкамъ. Я поспекалъ. Ночь была теплая, лунная. Среди села на площади я увидалъ полсотни Уральскихъ казаковъ, которыхъ нарочно выписали чтобы служить гребцами на лодкахъ со стрѣлками. Среди темноты, у берега разливъ я отыскалъ полковника Н., которому долженъ былъ передать приказанія. Стрѣлки, назначаемые идти на островъ, прибыли уже и ждали. Все собралось. Въ гребцы выбрали лучшихъ Уральцевъ. Плохи были только наши лодки, плоскодонныя, глиняныя

лосудины, собранныя у рыбаковъ. Скобелевъ вызвалъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, объяснилъ для чего ихъ посылаютъ, сказалъ что дѣлать. Мы, но не они, знали что дѣло очень опасное и что предприимчивый непріятель можетъ ихъ отрѣзать и помѣшать возвратиться. „Ну, съ Богомъ, отваливайте“, и всѣ въ тишинѣ двинулись и скоро скрылись въ серебристо-туманной мглѣ. Мы лотихоньку пошли назадъ. Самое дѣло должно было начаться на зарѣ. Весь вопросъ былъ въ томъ, послѣтъ ли непріятель привести пароходы и артиллерію чтобы помѣшать нашимъ морякамъ? Полковникъ Н. и полковникъ Л. (командиръ Владикавказскаго полка) занимали въ Параланѣ предестный помѣщичій домъ князя Кантакузена. Странно было среди барской роскоши, въ изящномъ саду видѣть фуры, часовыхъ, лошадей. Намъ дали ужинать и мы прослали до утра.

Рано утромъ мы пошли на нашу батарею, устроенную на берегу чтобы мѣшать турецкимъ судамъ гулять по Дунаю. На ней стояли шесть огромныхъ осадныхъ орудій. Скобелеву доложили что на островѣ перестрѣлка; точно, мы скоро услышали трескъ ружейнаго огня и увидали на горѣ бѣлые дымки турецкихъ стрѣлковъ. Наша батарея пустила въ нихъ нѣсколько удачныхъ гранатъ, заставившихъ ихъ на время отойти; часовъ въ 9 появился турецкій пароходъ и счастливо прошелъ лодъ своимъ берегомъ. Нашимъ артиллеристамъ не удалось тронуть его. Подойдя къ острову, гдѣ сидѣли наши стрѣлки и за которыми работали наши катера, онъ повернулъ однако обратно и быстро пошелъ назадъ. За нимъ выскочилъ и пустился въ погоню паровой катеръ *Шутка* съ лейтенантомъ Скрыдловымъ и художникомъ Верецагинымъ. Нагнавъ пароходъ, приставили мину лодъ ружейнымъ огнемъ въ узоръ. Къ несчастію, проводникъ оборвало лудей и мину не взорвало. Подробности этого дикаго дѣла описаны въ газетахъ. Конечно, мы видя проскочившій мелькомъ катеръ нашъ, не знали еще что происходитъ.

Часовъ въ 10 мы послали лодку узнать что дѣлается на островѣ и забрать раненыхъ. Привезли убитаго въ голову Уральскаго казака и другаго легко раненаго. Я закурилъ на батарее и спалъ въ тѣни, когда Скобелевъ разбудилъ меня; онъ рѣшилъ ѣхать на островъ за стрѣлками. Пока мы шли къ лодкамъ, показалась какая-то группа—носилки. Мы прибавили шагъ: на ларусѣ съ лятнами крови несли лейтенанта Скрыдлова, раненаго лудями въ обѣ ноги и осколкомъ

гранаты въ руку. Онъ остановилъ носилки и сталъ съ жаромъ и увлеченіемъ разказывать какъ было дѣло. Рядомъ, подъ руку вели бѣднаго Верецагана, который въ своемъ статскомъ платьѣ и бѣломъ картузѣ имѣлъ особенно жалкій видъ. Онъ храбрился и увѣрялъ что не боливо; лупа прошла не задѣвъ кости. Оставивъ ихъ, мы пошли садиться въ лодку — ту самую въ которой только что привезли раненыхъ. Признаюсь что садясь я какъ-то странно покосилась на пятна крови на лавочкѣ и на розовато грязную воду на днѣ: это впервые мнѣ приходилось видѣть вблизи кровь—и кровь нашу. Но намъ было не до размышленій: не прошли мы и подороги отъ берега къ морякамъ какъ на противоположной сторонѣ мы замѣтила значительную турецкую колонну съ артиллеріей, шедшую къ тому мѣсту гдѣ сидѣли наши стрѣлки. Моряки не могли видѣть этой колонны и подвергались большой опасности отъ огня турецкихъ орудій. Мы усиленно гребли, но скоро стало такъ мелко что лодка едва уже подвигалась по камышамъ, выскочили и по поясъ въ водѣ пошли къ катерамъ и стали собирать стрѣлковъ. Минуты терять было нельзя. Скобелевъ наскоро объяснилъ Новикову что идетъ артиллерія. Моряки тотчасъ сѣли на паровые катера и пошли вверхъ одинъ за другимъ, оставивъ на наше попеченіе небольшую команду и гребныя шлюпки (съ минами); шлюпки эти приходилось вытаскать изъ воды, протащить саженъ 100 по травѣ, потомъ по грязи и камышу. Въ это время Турки поставили свои орудія на позицію въ какихъ-нибудь 300 саженяхъ, и первая граната зашвырнула надъ нашими головами, хлопнула въ камыши и подняла густой и тяжелый столбъ грязной воды. Граната эта разбудила меня: до той поры я спокойно наблюдалъ—видѣлъ кучки Турокъ на той сторонѣ и кучки нашихъ на этой; слышалъ какъ отдавалъ распоряженія Скобелевъ; интересовался нашими миниатюрными катерами напоминавшими былое, и синій Босфоръ, и синія рубахи нашихъ моряковъ на *Тамани*. Теперь я понималъ что дѣло не шуточное, что звать не время, и что я тоже могу принести пользу. Вижу, перетаскиваютъ четыре шлюпки: у каждой тѣсно бьются по шести матросовъ. „Эй ребята, сюда“, крикнулъ я, „давай всѣ за одну“, схватился за канатъ, подбѣжали другіе, и вотъ подъ звуки родимой „дубинушка ухнемъ, поидеть, поидеть“, стали тащить мы эту шлюпку. Въ ней лежали какіе то чудные

снаряды, мины, а направо и надѣво отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ лежидись гранаты, обдавая насъ брызгами воды. Цѣль Туркамъ представляли мы отличную. Но намъ везло: никого не равидло. Вытащили мы одну лодку въ глубокре мѣсто, и другую; стали садиться все еще подѣ выстрѣлами и ждали лишь нѣсколькихъ отсталыхъ, какъ вдругъ okazaдось что на берегу лежатъ еще до 30 стрѣлковъ спрятанными. Скобелевъ очень сердитый послалъ меня собрать ихъ и убѣдиться что никого не забыли. Я было только что успѣлъ влѣзть въ лодку; наскоро сбросилъ я съ себя мокрую черкеску и все мое оружіе и спрыгнулъ вновь въ воду. Я начиналъ уже уставать, но въ эту минуту забылъ усталость и вновь чуть не по плечи въ водѣ лобрель я къ берегу. Выйдя къ сухому мѣсту я оглянулся, крикнулъ стрѣлковъ; они поднялись. Я передалъ офицеру приказаніе вести ихъ къ лодкамъ, и они быстро двинулись въ ту сторону, подгоняемые ежеминутно падавшими вокругъ насъ гранатами. Чтобъ убѣдиться что никого не осталось я подошелъ еще къ лодкамъ и увидалъ нѣсколько ружей, тесаковъ и сумокъ съ патронами, брошенныхъ моряками около шлюпокъ. Сталъ я сзывать стрѣлковъ чтобы забрать это оружіе, но ils faisaient la sourde oreille. Едва дозвался я какого-то стрѣлка, и самъ нагрузивъ на себя два ружья, три тесака и двѣ сумки съ патронами полелелся къ лодкамъ. Гранаты продолжали свистать, кромѣ того слышался свистокъ сзывавшій стрѣлковъ, но я далеко отсталъ сзади и нагруженный оружіемъ не могъ идти скорѣе. Лодка была далеко и медленно уходила; вода прибавлялась на каждомъ шагу; солнце лалило до нельзя, полпробовалъ захлебнуть воды: теплая, мутная, пить нельзя. А лодка все далеко; вотъ свиснула еще граната, я спрашиваю себя что мнѣ дѣлать если воды еще прибавится? Вѣдь плыть съ ружьями я не могу. Однако вотъ и лодка. Забираюсь въ нее, она полна до нельзя. На пути мы забираемъ еще не мало растерявшихся стрѣлковъ. Положеніе наше критическое. Лодка переполнена такъ что едва двигается. Немедленно держать начальство совѣтъ. Рѣшаютъ что надо прежде всего доставить стрѣлковъ домой и оставить пока двѣ шлюпки, такъ какъ подѣ столь сильнымъ огнемъ вытаскивать ихъ немыслимо. Достигли мы дома благополучно. Я пошелъ пить чай, какъ вдругъ у самого балкона ударила граната, вторая хватила въ воротахъ. Турки, поставивъ баттарею на противоположномъ берегу, стали

обстрѣливать насъ. Пришлось перенести раненыхъ, а мнѣ среди суматохи оставаться съ однимъ только стаканомъ чая. Однако, *par si bête*, я отыскалъ въ буфетѣ самоваръ и наполнилъ чаю вѣласть. Вечеромъ предполагалось ѣхать вытаскивать лодки, когда стемнѣетъ. Я вызвался охотникомъ. Пока пошелъ въ одну изъ сотенъ Терскаго полка, и на закатѣ солнца, завернувшись въ бурку, лежалъ уже на берегу. Моряки лежали вокругъ, толковали мы о прошедшемъ днѣ, разбирали разные его эпизоды. Но наша экспедиція не удалась. Ведущій насъ офицеръ не могъ въ темнотѣ отыскать то мѣсто гдѣ оставлены шлюпки и не позволилъ намъ, охотникамъ, отправиться ихъ отыскивать въ бродѣ, опасаясь что мы растеряемся въ камышахъ. Мы вернулись на зарѣ, а лодки выручили уже на другой день. Возвращаясь ночью съ берега, я сбился съ дороги, попалъ въ какіе-то огороды и думалъ уже что придется ночевать въ калусть. Но кое-какъ доладелся до дома, оцудью пробрался въ гостиную, легъ на коврѣ, одѣлся бархатною салфеткой со стола и выспался до утра.

Дѣло подъ Параламомъ самое серьезное изъ доселѣ видѣнныхъ мною. Старикъ Скобелевъ представилъ меня къ солдатскому кресту, хотя неизвѣстно дадутъ ли въ виду того что наши потери были такъ малы. Но бываетъ смѣшное и среди выстрѣловъ: ломню, налримѣръ, разные вытянутыя и мокрыя лица, которыхъ мы позабирали въ лодку. Но самое забавное: это разъ ночная тревога въ Журжевѣ. Я въ этотъ вечеръ только что вернулся изъ Букурешта и меня послали съ какимъ-то румынскимъ судебнымъ слѣдователемъ отыскивать казака, похитившаго у него будто бы цѣлочку. Было это часовъ въ десять. Вдругъ выстрѣлы вдали. Бѣжимъ мы назадъ. Все уже осѣдлаано и молодой Скобелевъ уѣхалъ. Старый генералъ сидитъ на лавочкѣ у воротъ; стоятъ казаки конвоя. Я на бѣгу покупаю лошадь которую торговалъ прежде и за сѣдлавъ являюсь. Меня посылаютъ отыскать командира стрѣлковой бригады: дѣло не легкое ночью. Однако я нахожу его, передаю приказаніе и на обратномъ пути ѣду *напрямикъ*. Вдругъ лошадь останавливается. Я ее нагайкой, она ни съ мѣста. Соскакиваю, дѣлаю шагъ впередъ и лечу внизъ, въ яму аршина въ два глубины. Едва едва вылѣзъ. Пальба изъ орудій смолкла. Мы убѣдили стараго генерала лечь спать, а сами сидѣли ожидая извѣстій. Вдругъ на улицѣ или среди двора какой-то взрывъ. Бросаемся къ воротамъ, бѣгаютъ

часовые, тащатъ какого-то оборванца. „Обыскать его!“: находятъ пачку табаку. Дѣло разъясняется: оказывается что у насъ во дворѣ пьяный казакъ выстрѣлилъ изъ пистолета, а въ это время по улицѣ бѣжалъ мальчишка изъ гостиницы за табакомъ, его и схватили. Смѣху было много.

Изъ Журжева шли мы какъ изъ своего города, такъ обжились уже. Скобелевъ 2й и я оставались одну ночь послѣ выхода войскъ и ложась спать, оба порадовались что въ случаѣ тревоги мы можемъ спать спокойно. Начальство уже было другое. На пути мы ночевали, и насъ отлично принималъ какой-то Сербъ помѣщикъ; въ Бейѣ собрались мы всѣмъ штабомъ, усиленнымъ еще разными русскими и иностранными корреспондентами. Живется легко и весело. Каждый день новое и неожиданное.

IX.

Зимница, 21 іюня.

Со времени выстулленія нашего изъ Бейи, многое случилось многое перемѣнилось. Выступили мы 15го, около полудня, и уже носились слухи что наши войска перешли Дунай.

Выстулленіе всею дивизіей было презфектно. Скобелевъ 1й со штабомъ и конвойными казаками, среди которыхъ развѣвался его значекъ, бѣлый старовѣрческій крестъ на синемъ полѣ, объѣхалъ отрядъ, здороваясь и поздравляя съ походомъ. Шло насъ пять полковъ и артиллерія. Все выстроилось, выравнилось; скомандовали: „лѣсенники впередъ“, и среди густыхъ клубовъ дыма потянулась наша дивизія къ Дунаю, къ переправѣ. Проѣхавъ версть 6—7, генералъ сѣлъ въ коляску и взялъ меня съ собою. Стараясь не показывать никакой заботы, онъ видимо беспокоился о сынѣ, который наканунѣ уѣхалъ чтобъ участвовать въ дѣлѣ на переправѣ. На пути встрѣтили мы одного изъ знакомыхъ корреспондентовъ, Форбеса. Онъ объявилъ что дѣло кончено благополучно, что мы заняли Систово, и что потери не очень велики. Давно уже бѣлѣли предъ нами церковь и мечети Систова. Мы погнади лошадей. Въ Зимницѣ олять сѣли верхомъ. Спустясь съ горы, мы поѣхали по песчаному островку, соединенному понтонами съ берегомъ. Уже отъ этого острова начинается переправа черезъ русло Дуная. Тутъ стояли наши батареи. Виднѣлись ровики, откуда отстрѣливались

стрѣлки утромъ. Теперь уже наши войска были на той стороне, выстрѣловъ не было и слышно. За то намъ на встрѣчу являлись фуры и ливойки съ ранеными, и Красный Крестъ получалъ какой-то кроваво-грустный смыслъ. Мы обгоняли лѣхоту, шедшую къ берегу: переправляли ее въ лютыхъ лодкахъ, а артиллерию на паромехъ изъ двухъ лодокъ, тоже на веслахъ. На одинъ изъ такихъ паромовъ стали и мы, то-есть Скобелевъ Іѳ. одинъ изъ адъютантовъ, я и казакъ. Быстро понесло насъ теченіемъ. Въ минуту отплытія увидалъ я на одномъ изъ подходившихъ паромовъ майора Лигвица, нѣмецкаго военнаго агента, прѣзжавшаго къ намъ въ Журжево. Онъ крикнулъ мнѣ что видѣлъ молодаго Скобелева и что тотъ цѣлъ. Лигвицъ все время былъ въ дѣлѣ и молодцомъ. Я не описываю подробностей переправы. Они найдутся въ газетахъ—дѣло было молодецкое. Молодые солдаты шли бойко въ штыки. Первая атака была сдѣлана всего шестьюстами солдатъ. Выхода съ парома мы увидали цѣлый рядъ носилокъ съ ранеными; мнѣ осталось въ памяти лицо тяжело раненаго офицера, нѣсколько лицъ солдатъ. По оврагу, по склону, въ тѣни кустовъ лежали раненые и убитые, покрытые шинелями. Тутъ же съ крикомъ и усиленіемъ подымали орудія въ гору. Все еще было полно только что пережитымъ усиленіемъ борьбы.

Мы быстро поѣхали къ городу, версты три отъ переправы. Дорога шла сперва черезъ кукурузныя поля, потомъ черезъ виноградникъ и дорожкой между развѣсистыми абрикосовыми и грушевыми деревьями—тѣнь, прохлада, густая зелень, особенно пріятныя послѣ пылы и жара Зимницы. И тутъ, въ кустахъ, среди полей, дорожекъ, брошены раяцы, ружья, фуражки; вотъ валяется мундиръ, вотъ лошадь шарахнулась въ сторону, не идетъ впередъ черезъ дорогу; со сжатыми руками, точно слить, растанулся солдатъ. Онъ убитъ наповаль. Мы снимаемъ шалки и объѣзжаемъ тихо вокругъ. Но вотъ и радостныя растроганныя лица Болгаръ, они бросаются къ намъ, цѣлуютъ руки—предъ городомъ стоятъ группы. „Добро пожаловать, добро дошли“, говорятъ они, низко, но радостно кланаясь. Намъ приходится сперва проѣзжать турецкій кварталъ: онъ пустой, жители всѣ ушли. Но тѣмъ не менѣе въ немъ движеніе: это Болгары, конечно низшій классъ, выбираютъ оставенное Турками имущество—кто тащить постели, кто рухлядь, посуду, куръ, телятъ. При

этомъ звонъ битыхъ стеколъ, трескъ ломаемыхъ дверей сундуковъ; на улицахъ валяется табакъ; всякій хламъ. Картина не изъ самыхъ пріятныхъ, но ежели вспомнить что Турки ушли, что они сами бросили эти вещи, нельзя очень винить Болгаръ. Не видя никого изъ обираемыхъ, а лишь веселыя лица обиравшихъ, мы только пожимали плечами. Скверно лишь то что чернь ограбила мечети. За это была нахлобучка отъ нашихъ властей и приказаніе вернуть все награбленное. Конечно, этого не сдѣлаютъ, но приказъ читанъ, будетъ напечатанъ: *cela fait bien dans le paysage*. Среди города мы встрѣчаемъ генерала Драгомирова, и вслѣдъ за нимъ молодаго Скобелева. Онъ цѣль. Обнимаемся, разсрашиваемъ. Но я забылъ сказать что при входѣ въ христіанскій кварталъ насъ встрѣтили толпы женщинъ и дѣвушекъ, разодртыхъ по-праздничному. Бросаютъ съ балконовъ, изъ оконъ цвѣты, даютъ большіе букеты, все радостно, все улыбается. Спросишь стаканъ воды, бѣгутъ и несутъ вина. При заходѣ солнца мы пускаемся въ обратный путь, поднимаемся на холмъ, гдѣ роютъ могилы нашимъ убитымъ и гдѣ рядами подъ сѣрыми пиналями лежатъ лавшіе въ дѣлѣ. Однако я не ѣду, а съ молодымъ генераломъ возвращаюсь въ Систово чтобы привести въ Зимницу распорядженія корпуснаго командира. Мы ужинаемъ и прекрасно у одного изъ гостеприимныхъ Болгаръ; мнѣ передаютъ приказанія и я пускаюсь въ путь. Уже часовъ 12 ночи,—все спитъ усталое и утомленное доведясь тревогами дня. Меня окликаютъ лишь часовые. Странно ѣхать совсѣмъ одному по этимъ совсѣмъ пустымъ улицамъ. Въ турецкомъ кварталѣ особенно *unheimlich*. Въ полѣ лучше свѣтитъ мѣсяцъ, въ Зимницѣ горятъ наши огни. Вдали и въ кустахъ раздаются выстрѣлы. Это запрятавшіеся Турки стараются выбраться и стрѣляютъ по отдѣльнымъ людямъ. Не разъ моя лошадь лягается въ сторону: по дорогѣ лежатъ еще не убранныя тѣла Турокъ. А на небѣ тихо и свѣтло, и такъ свѣжо и бодро дышется. „Стои! кто идетъ?“ окликаютъ меня часовые. У переправы жду я у костра, толкую съ офицерами и солдатами о разныхъ подвигахъ Воынцевъ и Минцевъ, двухъ полковъ бывшихъ въ дѣлѣ. Лишь къ разсвѣту пріѣзжаю я въ нашъ лагерь. Съ тѣхъ поръ вотъ уже шесть дней стоимъ мы среди адской лыи, жара, скуки. Мостъ готовъ лишь вчера. Все начальство измѣнилось—сама дивизія расформирована на бригады. Оба

Скобелева ушли. Всѣ мы не знаемъ куда дѣнемся—я былъ два раза въ Систовѣ, но рекогносцировка не состоялась. Черезъ часъ мы снимаемся чтобы переходить Дунай. Я зачисленъ въ бю сотню Кубанскаго полка, былъ уже въ строю, всѣ вещи сдать въ полкъ.

X.

Хаинъ-кюй, 3 юля.

Дневка! дневка! Какое блаженство, какая прелесть! Можно утромъ спать до 6 и даже до 7 часовъ, можно спокойно умыться, спокойно напиться чаю, да еще съ молокомъ! Можно даже о роскошь, о нѣга! надѣть бѣлье, всполоснутое накануне въ ручьѣ казакомъ, и цѣлый день гулять въ бешметѣ, валяться на снѣгъ или въ палаткахъ, а въ полдень поѣсть похлебки съ *мясомъ*! Да, вотъ что значить *дневка*! А какъ одѣвишь ее послѣ десяти дней безостановочнаго похода, хлопоть. Теперь я спокойно лежу на турецкомъ коврѣ, разостланномъ на своплахъ, на крыльцѣ избы. Но для ясности надо разказать все поstepенно. Мое послѣднее письмо было изъ гусной стоянки въ Зимницѣ, среди пыли и смрада. 19 юня я былъ въ Систовѣ, надѣясь отправиться на развѣдки съ молодымъ Скобелевымъ. Но дѣло не состоялось. Затѣмъ пришла перемена; начальникомъ отряда былъ назначенъ генералъ Гурко, вызванный изъ Петербурга. Я рѣшилъ уйти въ свой полкъ. 21го назначено было намъ выступать. Наканунѣ насъ объѣхалъ Государь; я стоялъ въ радахъ. Въ самый день выступления уже снимали палатку и я доканчивалъ мое послѣднее письмо, вдругъ приказаніе явиться намъ, состоящимъ въ штабѣ отряда, ко временному командиру отряда генералу Рауху. Въ то же время узнаю что Сухановъ, мой пріятель дѣтства, будетъ ординарцемъ у генерала Гурко, до пріѣзда котораго генералъ Раухъ приказалъ мнѣ остаться при штабѣ. Въ Главной Квартирѣ встрѣчаю полковника Д., предлагающаго *сейчасъ* ѣхать на рекогносцировку по направлению къ Рущуку. Буду, но отлученъ съ тѣмъ лишь условіемъ чтобы къ утру нагнать отрядъ нашъ, переходящій въ то же время Дунай. Мы ѣдемъ сперва ко князю Святополкъ-Мирскому; развѣдку брода приходится отложить до саѣдующаго утра, и я буду ночью отыскивать свой отрядъ, предварительно пообѣдавъ хорошо у князя Святополкъ-Мирскаго. За то ѣхать

по незнакомоѣ дорогѣ пришлось ночью. Около Систова я сбился, лошадь моя устала и я остановился около какого-то домика, гдѣ досталъ ячменя для лошади и ночевалъ лежа на буркѣ и не забывая сторожить лошадь. На зарѣ поѣхалъ я далѣе и лишь часа черезъ три нашедъ лагерь нашего отряда. Первые два дня похода мы очень бѣдствовали. Всѣ собрались наскоро: не было ни палатокъ, ни возможности что-либо поѣсть. Пришлось мнѣ хлопотать и устраивать шашлыкъ. Самъ я отъ неожиданнаго отъѣзда пострадалъ болѣе всѣхъ. Изъ всѣхъ моихъ вещей осталось лишь то что было со мной въ сумкахъ; остальное пошло совсѣмъ въ другую сторону. Тамъ были, увы! неоцѣненныя сокровища: четыре фунта чая и два чайника! Всѣ горевали о моемъ горѣ. Словомъ, намъ было голодно. Первую ночь мы остановились въ селеніи Акчаиръ. Турецкое населеніе все бѣжало, и мы литались оставленнымъ добромъ, особенно курами и индѣйками, которыхъ ловили сами. Барантовали (приличное слово чтобы сказать грабили) всѣ. Я, впрочемъ, лишь обобралъ фрукты. Но лотери Туркамъ были не чувствительны: они бѣжали всѣ чтобы не возвращаться и взяли все цѣнное имущество; остальное разносили за нами или прежде насъ Болгары. Однако, въ этотъ день, чуть ли не первый на походѣ, даже положительно первый, я былъ не въ духѣ: для лошади не оказалось торбы, украли у меня треногу и въ безпорядкѣ некому было поручить мою лошадь. Чаю не давали. Хлѣба не было. Ъсть нечего. Я ворчалъ и жалѣлъ что не удалось уйти въ полкъ. Утѣшали меня Сухановъ и Скалонъ, бѣдствовавшіе подобно мнѣ: имъ спать пришлось на травѣ. Слѣдующій день мы простояли въ Акчаирѣ, все немного обошлось: чай мы сварили въ котелкѣ, лили изъ баночекъ и сткляночекъ и обѣдали всѣ гуртомъ у генерала Цвѣцянскаго, командира стрѣлковой бригады, и были совершенно сыты, даже лирожное было, медъ. Уже въ этотъ день новое начальство стало извлекать изъ меня пользу: меня возмущала съ самаго начала кампаніи неудовлетворительность нашей карты и наше равнодушіе къ ея ошибкамъ. По разспросамъ жителей я составилъ карту разныхъ перекрестныхъ и даже большихъ дорогъ, о которыхъ у насъ и не слыхали. Въ этотъ вечеръ уже появились кое-какіе знаки пребыванія среди непріятеля: привели раненыхъ казаковъ, нѣсколько лѣвннхъ. Чудлась близость дѣла. Но мое желаніе быть впереди не осуществля-

лось: мы шли съ пѣхотой (мы, штабъ), а впереди версты за 30 уже проходили кавалерійскіе разъѣзды.

Изъ Акчаира мы выступили по направленію къ югу; черезъ часть ходу насъ нагналъ начальникъ отряда, генераль Гурко. Это коренастый небольшого роста генераль съ рѣзкимъ голосомъ и рѣзкими манерами, очень дѣятельный, неутомимый и,—это главное его въ моихъ глазахъ качество—не боящійся отвѣтственности и не ожидающій, вѣчно и во всемъ приказаній свыше. Начальникомъ штаба у него полковникъ Нагаевскій, мягкій, спокойный и разсудительный человекъ. Представили насъ тутъ же въ полѣ.

Слѣдующая стоянка была въ Батакѣ. Тутъ я въ первый разъ увидалъ село, пострадавшее отъ войны. Турки сдѣлали по нашимъ драгунамъ нѣсколько выстрѣловъ. За то село было отчасти сожжено и безпощадно разграблено шедшимъ вслѣдъ Болгарскимъ олуochenіемъ. Мы стояли бивуакомъ подъ деревьями, но послѣ обѣда рѣшились идти смотрѣть что дѣлается въ селѣ. Турки всѣ забились въ одинъ дворъ: тутъ были и раненые — человекъ пять, въ томъ числѣ женщина, раненая пулей (конечно случайно). Мы вошли втроемъ, безъ оружія въ эту толпу, старались успокоить и ободрить ихъ, rozdали нѣсколько денегъ, словомъ сдѣлали что могли. Нѣкоторые неподвижно стояли въ сторонѣ, бѣлая часть цѣловали наши руки, помы платья. Вечеромъ мнѣ приказано было собрать самыя подробныя свѣдѣнія о дорогахъ въ Тырново. Гурко, едва пріѣхавъ, рѣшилъ сдѣлать усиленную рекогносцировку къ Тырнову. Ночью спать советамъ не пришлось. Приказано было быть готовымъ къ тремъ часамъ утра. Въ 2³/₄ часа, при освѣщеніи заходящаго мѣсяца, мы стояли при лошадяхъ, проглотивъ предъ тѣмъ наскоро стаканъ кипятку-чаю и сунувъ въ карманъ нѣсколько черныхъ сухарей. „Къ конямъ“ скомандовали сопровождавшей насъ полусотнѣ Уральцевъ. Сѣли и мы и поѣхали.

Да, день 25 іюня останется въ числѣ памятныхъ мнѣ. Я долженъ былъ вести отрядъ чрезъ посредство мѣстныхъ проводниковъ. Отвѣтственность за дорогу лежала на мнѣ. Вся трудность въ подобныхъ случаяхъ въ томъ чтобъ узнать, проходима ли дорога для артиллеріи, и опасность заключается въ томъ чтобы не затѣсаться въ какую-нибудь тущобу. Версты двадцать шли мы по хорошей дорогѣ чтобы соединиться съ драгунскою бригадою Его Высочества Евгенія Макси-

миліановича. Мы его нашли въ селеніи Мурадъ-бей-кей. Опять мнѣ пришлось хлопотать о проводникахъ, и въ восемь часовъ утра мы выступили съ шестью эскадронами и пятью орудіями по неизвѣстной дорогѣ, которая, по моимъ свѣдѣніямъ, должна была вывести насъ надъ Тырновомъ. Предполагалось напугать Турокъ, но весьма немногіе — я былъ въ ихъ числѣ — думали что мы возьмемъ Тырново.

День стоялъ жаркій. Мѣстности самыя живописныя и для меня новыя. При томъ мы шли теперь уже впереди, проходили *перемычи* болгарскія села, гдѣ насъ встрѣчали съ колокольнымъ звономъ, радостными лицами и ведрами холоднаго краснаго вина, вынесеннаго на улицу. Дошли мы и до турецкаго села. Жители встрѣчали низкими поклонами, сдавали оружіе. Войдя на гору близъ села Коябунаръ, мы замѣтили за проходившимъ въ лоцинѣ шоссе, на холмѣ, какія-то войска. Нѣкоторые думали что это наши. Послали разузнать сводный гвардейскій полуэскадронъ. Мы видѣли все поле какъ на ладони. Замѣтивъ что нашихъ такъ мало, Турки (это были Турки) сѣли на коней и стали окружать кучку гвардейцевъ. У насъ замерло сердце. Немедля послали на рыскахъ эскадронъ. Глядя въ бивокль на тянущуюся на подкрѣпленіе темную полосу эскадрона, мы испуганно переносили взглядъ на кучку нашихъ впереди. Турки ее окружали со всѣхъ сторонъ, пыль неслась клубами, вотъ еще минута — все смѣшалось, всѣ мы замолкли... Но вотъ, какъ стукъ падающихъ досокъ, раздались выстрѣлы, еще и еще... Пыль разсѣялась, и мы увидали что наши слѣпились и стали отстрѣиваться. Турки струсили: вмѣсто того чтобы броситься въ шашки, они стали тоже перестрѣливаться и тѣмъ дали время нашимъ подоспѣть на помощь. Увидавъ подходившій эскадронъ, Турки бросились бѣжать. Дѣло кончилось потерей трехъ раненыхъ и одной убитой лошади. Когда кавалерія скрылась, мы стали продолжать дорогу и скоро по указаніямъ мѣстныхъ жителей подмялись, какъ я ожидалъ, на гору надъ Тырновымъ, между двумя шоссе, обстрѣливаемыми Турками. Въ городѣ было около пяти баталіоновъ пѣхоты и артиллерія, то-есть болѣе трехъ тысячъ человекъ; у насъ же около восьмисотъ. Замѣтивъ насъ на горѣ, турецкая батарея открыла огонь. Послали цѣль слѣшенныхъ драгунъ, которые, впрочемъ, не особенно охотно подѣзжали впереди. За то конная артиллерія молодцомъ вѣхала на пози-

цію. Гранаты стали падать и разрываться вокругъ насъ, но сравнительно съ Паралавомъ и Малорошемъ это были лустячки. „Вы впервые разъ подъ огнемъ“? спросилъ меня Гурко.—Никакъ нѣтъ, уже третій, самодовольно отвѣчалъ я. Наши орудія дѣйствовали отлично. Я ловилъ посмотрѣть что впереди, въѣхалъ на краѣжъ—лусто; вѣду даѣе—лустая турецкая батарея и внизу, въ городѣ все тихо. Оказалось что я въѣхалъ впередъ нашей цѣли. Увидавъ что напиратель внизу не находится, я вернулся наскоро сказать что все благополучно. Въ это время турецкая колонна отступала уже быстро и артиллерія снялась. Гурко приказалъ сотнѣ казаковъ на рысяхъ идти въ городъ. Я подскочилъ спросить позволенія вести ее, такъ какъ знаю улицы, и мы лустились подъ гору кружною рысью. Наши гранаты летѣли надъ городомъ въ догонку отступавшимъ Туркамъ; слышался рѣдкій ружейный огонь отсталыхъ; узкія улицы Тырнова были переполнены народомъ съ радостными, сіяющими лицами: одни плакали навзрыдъ, цѣловали руки, обнимали насъ, другіе тащили вина, лиливали улицу водою; цвѣты летѣли градомъ, сыпались, а кликамъ, радостнымъ, восторженнымъ кликамъ, перебѣгавшимъ какъ электрической токъ черезъ весь городъ, имъ не было конца. Казаки изумленно смотрѣли ничего не понимая. По недоразумѣнію насъ остановили среди города. Я съ лятью казаками остался одинъ у присутственныхъ мѣстъ и слѣзъ съ лошади. Тутъ меня узнали знакомые Болгаре, схватили и начали качать. „Ваше благородіе, ваше благородіе“, испуганно говорили казаки, „садитесь скорѣе, надо уѣзжать, а то не услѣдемъ“. Казаки, ловидимому, вообразили что меня рвутъ на части. Черезъ четверть часа вступили остальные силы; отслужили молебствіе: было 5 часовъ. Мы ровно 14 часовъ не сходили съ коня. Дѣло завершилось блистательно. Но видя какъ насъ мало, Болгары немного струхнули... Мы тоже, по выраженію Гурко, должны были „держатъ ушки на макушкѣ“. Турки бѣжали, правда, въ паникѣ, побросавъ ружья, лагерь, всѣ запасы, даже письма и знамя. Но все-таки ихъ было втрое больше насъ и они могли вернуться. Немедля всѣ ординарцы, сдѣлавшіе уже въ этотъ день около 80—90 верствъ, было разсланы въ разныя направленія чтобы собрать наши силы. Меня послали всего верствъ за десять (разумѣется всѣ мы на свѣжихъ лошадяхъ) и оставили чтобы устроиваться съ Болгарами. Видно на роду было мнѣ написано хаолотать въ

Тырновѣ коли не комиссаромъ, то урядникомъ. Болгары выбрали немедля совѣтъ и очень удачно продовольствовали весь нашъ отрядъ.

Мы простояли въ Тырновѣ два дня. Но мнѣ отдыха было мало: приходилось и отводить крартеры, и отыскивать проводниковъ и посылать лазутчиковъ. Вотъ среди этихъ-то разспросовъ и удалось мнѣ добиться подробностей о пути который давно интересовалъ меня на Хаинъ-кюй. Счастіе помогло. Я нашелъ человѣка который самъ ѣздилъ когда-то этою дорогою и который взялся вести насъ. Итакъ, самъ того не подозревая сталъ я мостить путь къ нашему знаменитому Хаинкюйскому переходу съ десятитысячнымъ отрядомъ по ущелью, о которомъ прежде и не слыхивали.

Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

XI.

Казанлыкъ, 15го іюля.

Въ послѣднемъ письмѣ я описывалъ взятіе Тырнова. Но конечно самая главная служба которую мнѣ удалось сослужить нашему отряду, это перевалъ черезъ Хаинъ-боазъ. Тутъ впервые я почувствовалъ отвѣтственность.

Выступили мы изъ-подъ Тырнова съ сотней Уральскихъ казаковъ и со сводною конно-салерною сотней, выбранною изъ разныхъ казачьихъ полковъ. Эту передовую колонну передоваго отряда велъ генералъ Раухъ. При самомъ выступленіи, главный нашъ проводникъ, по имени Хаджи-Стоя, вдругъ исчезъ. Поднялся перелолохъ. Я ловель самъ, наскоро нашелъ какого-то другаго проводника и хотя взялъ все на свою отвѣтственность, признаюсь, смутился на минуту: пропавшій проводникъ *одинъ* зналъ всю тайну нашего движенія. Но припомнивъ его честную рожу, я успокоился. Точно, придя на ночлегъ въ селеніе Пляково, мы тамъ застали его озабоченнаго приготовленіями ужина. Вообще во все это время мнѣ приходилось и приходится имѣть дѣло съ разными лицами, которымъ мнѣ нужно давать весьма секретныя порученія; собирать о каждомъ справки невозможно и я единственно руководствовался лервымъ впечатлѣніемъ. До сихъ поръ мнѣ это удавалось. Посланные мною возвращались и приносили самыя точныя свѣдѣнія.

Въ Пляковѣ мы переночевали. Штабъ нашего маленькаго авангарда былъ очень многочисленъ—разные гвардейскіе офицеры были причислены къ сотнямъ. Еще при выходѣ было рѣшено что нашъ отрядъ, то-есть всѣ 10.000, находящаяся подъ начальствомъ генерала Гурко, пойдутъ по открытому мною проходу, и мы съ самаго начала приступили къ поправкамъ дороги: гдѣ можно расширяли луть, заваливали ямы, срывали крутые подъемы. Я при каждой новой трудности чувствовалъ громадную отвѣтственность лежащую на мнѣ. Вдругъ въ концѣ луть окажется непроходимымъ? спрашивалъ я самъ себя, и сейчасъ же приставалъ съ новыми разспросами къ Хаджи-Стоѣ, нашему проводнику, объ ожидающихъ насъ трудностяхъ.

Отъ Плякова мы дошли 29го іюня до селенія Раѣковцы, гдѣ и ночевали. Сталъ накрапывать дождь. Ъсть нечего; скверный чай варить въ котелкѣ не особенно привлекательно. Но тутъ оказалъ намъ всѣмъ свое гостепріимство графъ Р., командиръ этихъ двухъ сотенъ и кудакъ какихъ мало: бранили его, смѣялись надъ нимъ и всѣ въ сущности любили его. Онъ пробылъ двадцать лѣтъ въ отставкѣ и поступилъ вновь на службу съ тѣмъ, кажется, чтобы стать генераломъ. У него былъ и чай, и стага vodka, и всякая прелесть. Отдохнули мы немного, выспались, а на зарѣ опять въ луть. Тутъ дорога стала еще подыматься до послѣдняго перевала. Было пасмурно, холодно; густыя сѣрыя тучи тяжело тянулись надъ самыми нашими головами. Я невольно подгонялъ мою усталую лошадку. „Далеко ли еще до перевала, ей, Хаджи-Стоя?“ допрашивалъ я. „Э-э-э, тука, тука“, тянулъ онъ, показывая пальцемъ на вершину съ нѣсколькими деревьями. Проѣхали мы село Паровцы, поднялись на горку, я хлестнулъ моего коня и первый вѣхалъ на перевалъ. Горы разступались вправо и влево, внизу мрачно темнѣлось ущелье и шумѣлъ ручей, бѣжавшій уже на южную сторону Балканъ въ Тунджу, Марицу, Мраморное Море. Да, мы добрались до перевала. Появленіе наше было такъ неожиданно что жители разбѣжались было. Послали ихъ собирать. Мы пока разложили костеръ, я закутался въ бурку и задремалъ. Но лишь только собрались проводники, мы пустились далѣе разслѣдовать спускъ, пока наши казаки обрабатывали подъемъ. До выхода изъ ущелья было всего верстъ двадцать. На той сторонѣ по долину стояли Турки; насъ же было человекъ двѣсти, верстахъ

т. сxxxvii.

въ пятидесяти отъ своихъ, не зная даже что дѣлается. Приходилось быть очень осторожнымъ. Потому, проѣхавъ еще немного по ущелью, мы остановились, боясь наткнуться на Турокъ и выдать что мы такъ близко. Однако мы наткнулись на трехъ женщинъ изъ Хаинъ-кей; выпускать обратно не слѣдовало: стоить проболтаться Туркамъ, и не только мы бы попались, но весь отрядъ генерала Гурко былъ бы въ критическомъ положеніи. Но удержавъ ихъ мы произвели бы переломъ въ селѣ, вызвали бы поиски, потому рѣшили отлучиться этихъ бабъ, строго-на- строго запретивъ имъ говорить. И что же? Еще два дня протянули мы въ ущельи, жители работали на дорогѣ, носили намъ провизію, доставляли вѣсти съ той стороны, и никто не выдалъ насъ Туркамъ. Все—въ умѣньи взяться за людей, обращаться съ ними. Мало того, мы отравили нашего Хаджи-Стою въ самый Хаинъ-кей, и онъ доставилъ намъ письменныя свѣдѣнія о числѣ Турокъ въ сѣдствѣ. Одно меня тревожило, что мы не знали въ точности выхода изъ ущелья, не знали *навѣрно* что оно не занято и проходимо для артиллеріи, а нельзя было идти осматрѣть, потому что увидавъ одного казака или офицера, Турки узнали бы что мы въ ущельи. Я рѣшился переодѣться Болгариномъ и пойти все-таки развѣдать дорогу.

Переночевавъ, я рано на зарѣ—было это кажется 1го июля—пустился въ путь. Казакъ мой тащилъ грязный свертокъ грязнаго платья, порванныя шаровары изъ какой-то дерюги, поясъ, куртку съ залатами и черную шалку. Я преобразился, оставилъ платье за кустомъ и сѣвъ на болгарскую клаченку поѣхалъ впередъ. Во ста шагахъ шелъ впереди Болгаринъ, а тамъ далѣе еще другой чтобъ остановиться и предупредить въ случаѣ чего-либо подозрительнаго. Третій шелъ рядомъ со мною. Я разчитывалъ что въ случаѣ встрѣчи съ лѣвшими Турками я могу ускакать, а если встрѣтятся конные башу-бузуки,—спрятаться въ горы. Во всякомъ случаѣ бѣгущій Болгаринъ не могъ внушать подозрѣній. У меня былъ съ собой револьверъ и бинокль—конечно живымъ меня бы не взяли. Впрочемъ у меня опасеній не было. Погода была ясная, небо синее и на душѣ бодро и весело, какъ всегда при предпріятіи гдѣ надо преодолѣть оласность. Версты три прошли мы вмѣстѣ съ генераломъ Раухомъ и капитаномъ Сахаровымъ. Потомъ они свернули осматривать обходную тропику, по которой можно было бы провести войска въ обходъ самаго ущелья. Я продолжалъ дорогу тихо, внимательно,

осторожно. Прошелъ первую поляну, в торое ущелье, вы шелъ на третью поляну и сталъ подбираться къ третьему и послѣднему ущелью. Мѣстность была голая, узко сходящіяся скалы едва поросли кустарникомъ, дорога вилась вдоль горнаго ручья, пересѣкая его. Болгары мои стали приостанавливаться, толковать что тамъ на мельницѣ при выходѣ есть Турки, что далѣе идти опасно. Но я хотѣлъ во что бы то ни стало убѣдиться что дорога до конца, до выхода изъ ущелья, проходима, что тамъ нѣтъ завала или укрѣпленія. Поручивъ мою лошадь двумъ изъ трусливыхъ, я пошелъ лѣшкомъ со старикомъ прямо по дорогѣ и дошелъ до долины. Это была самая щекотливая минута. Наткнись мы на баши-бузуковъ, мои Болгары навѣрно удрали бы съ лошадыю и мнѣ пришлось бы бѣжать лѣшкомъ. Эта мысль мелькнула у меня, но потому я такъ былъ озабоченъ тѣмъ чтобы быстро и тщательно осмотрѣть дорогу что и не думалъ о Туркахъ. Мнѣ повезло. Я дошелъ обратно до лошади, свѣлъ подъ кустъ и сталъ внимательно разглядывать долину и Малые Балканы. Приятно было думать что вотъ-вотъ мы выберемся на просторъ, горы уже позади, а предъ нами долины, движеніе, непріятель.

Вернувшись съ собранными свѣдѣніями, я уже засталъ подъ горою три сотни казаковъ. Это была голова нашей колонны. Къ вечеру она стала спускаться, но только уже въ совершенной темнотѣ прибылъ генералъ Гурко. Онъ благодарилъ меня, заявивъ при всѣхъ что мнѣ обязаны этимъ путемъ. Ночевка была скверная. Огни разводитъ было запрещено, мы были лишь въ десяти верстахъ отъ непріятеля, а сырость и холодъ были ужасны. Однако, сбившись какъ бараны въ лаятку графа Ронекера, мы кое-какъ уснули. Я забылъ сказать что на самомъ перевалѣ, на ламать о нашемъ переходѣ, графъ Ронекеръ поставилъ огромный столбъ изъ лодуобтесанныхъ деревьевъ, на сторонахъ котораго были вырѣзаны имена офицеровъ перешедшихъ первые Балканы.

2го июля наши войска должны были выступить. Какъ единственный прошедшій ущелье, я велъ авангардъ. Впереди меня шли четыре пластуна, потомъ сзади двѣ пластунскія сотни, баталіонъ стрѣлковъ и все остальное. Версты за три до того мѣста куда я доходилъ наканунѣ встрѣтили мы баши-бузуковъ, услѣвшихъ ускакать. Значить, я тогда счастливо проскользнулъ. Мы ускорили шагъ, но не спокойно. Вотъ мы и вышли, оцѣпили мельницу. Пусто. Старикъ-мельникъ,

Болгаринъ, объявилъ что Турки разбѣжались въ разныя стороны. Повернули мы влѣво. Вотъ и лагерь турецкій. Пластуны идутъ въ боевомъ порядкѣ—нѣсколько выстрѣловъ—перестрѣлка, но десятокъ пуцанныхъ гранатъ обращаетъ все въ бѣгство, и лагерь со всѣмъ что было, даже готовымъ пашлыкомъ и рисомъ, поладается въ наши руки. Стрѣлки преслѣдуютъ непріятеля до селенія Конары, гдѣ берутъ другой лагерь, большій. Я, впрочемъ, этого дѣла уже не видалъ. Замѣтивъ что казаки нарысаяхъ пошли въ обходъ чтобъ отрѣзать путь въ Казанлыкъ, я попросился идти съ казаками, и нарысаяхъ, черезъ буераки, пустился за лыящею колонной. Перепрыгнувъ нѣсколько канавъ, я нагналъ ихъ. Мы спустились съ горы и направились на шоссе въ перерѣзъ тянувшимся обозамъ съ бѣгущими Турками. Вотъ мы подскакиваемъ къ селу Ново-Махале. Командуютъ: „1й взводъ 2й сотни впередъ!“ Я пристраиваюсь къ этому взводу. Обскакиваемъ мы село; человекъ 15 изъ насъ—я въ томъ числѣ—врываемся въ село, выстрѣлы изъ домовъ. Посреди площади мечеть—дворъ полонъ людей—крики, ворота отперты, насъ встрѣчаютъ залпомъ шагахъ въ тридцати, но все мимо. Мы подскакиваемъ еще ближе и начинаемъ стрѣлять въ ворота и чрезъ стѣну. Вдругъ я вижу мелькаетъ синій мундиръ среди башы-бузуковъ. Во дворѣ ихъ много, человекъ сто, но они видимо насъ боятся. Я кричу по-турецки какъ умѣю—бросай оружіе! Человекъ 30—40 выходятъ. Мы посылаемъ ихъ сносить оружіе; они же накладываютъ его на возы и мы отправляемъ ихъ за деревню. Однако не всѣ выходятъ изъ мечети, слышатся выстрѣлы—рядомъ со мной раненъ казакъ. Надо прибавить что съ казаками на этомъ мѣстѣ офицера не было, я оказался старшимъ урядникомъ и принялъ начальство. Видя что дѣло затягивается и боясь чтобы насъ не отхватили какъ-нибудь, я обратился къ казакамъ: „Что съ ними возиться, ребята, впередъ, въ пашку!“ и соскочивъ съ лошади взялъ пашку въ руку, а въ лѣвую револьверъ и пошелъ впередъ. Человекъ шесть пошло со мной, остальные держали лошадей. Первый попался мнѣ залтѣе, я выстрѣлилъ въ него и промахнулся; онъ бросилъ оружіе, подвелъ самъ свою лошадь и сдался; за нимъ побросали оружіе и другіе. Въ это время мнѣ сказали что недалеко убитъ казакъ. Отправивъ забранныхъ людей внѣ села, я поѣхалъ забирать тѣло. Турки засѣвшіе въ домѣ стрѣляли по насъ, и мы зажгли сосѣдній амбаръ чтобъ ихъ выкурить. Но тутъ протрубили.

сборъ и намъ пришлось уходить за село. Оттуда уже сотни лошади по другому направленію, а я съ генераломъ Раухомъ вернулся въ Хаивъ-кей. Въ первый разъ я видѣлъ какъ рядомъ со мной дрались и убивали людей. Казаки были очень жестоки. Я хотѣлъ сласти какого-то стараго Турка, котораго они хотѣли зарубить при мнѣ—онъ сдавался, бросилъ ружье, но въ ту минуту какъ казакъ пріостановился, онъ выхватилъ пистолетъ и выстрѣлилъ чуть не въ упоръ. Его немедля зарубили; такихъ случаевъ было нѣсколько.

Въ этотъ же день было дѣло вечеромъ около Твардицы, верстахъ въ десяти отъ насъ, а на другой день около Орезари, верстахъ въ пятнадцати мы разбили пять баталіоновъ Турокъ. Но я лично въ дѣлахъ этихъ не участвовалъ и потому ихъ не описываю.

Эго іюля пошли мы на Казанлыкъ, разчитывая стать bivуакомъ въ Магличѣ. Гурко и штабъ его шли при лѣвотѣ, подъ горою, кавалерія лѣвѣе. Около дѣска, близъ села Лофанли, мы были встрѣчены сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ. Мы какъ-то попали сейчасъ за цѣлью, и притомъ мнѣ пришлось еще ѣхать отыскивать для справки переводчика по совсѣмъ ровному мѣсту. Пули целкали вокругъ меня, лодымая точно легкіе дымки пыли. Свистъ пули, особенно очень усиленный, положительно хуже дѣйствуетъ чѣмъ граната. Та летитъ себѣ неся смерть для 10—20 людей, по большей части разрывается гдѣ никого нѣтъ, а то и совсѣмъ не разрывается. Пуля же всегда кажется именно назначена для того около кого свистнула.

Дѣло подъ Лофанли блистательно выиграло стрѣлки. Они густою цѣлью бросались на ура. Перебито было Турокъ человекъ 300; взято знамя, каймакамъ города Казанлыка и много лѣвннхъ. Наступленіе нашихъ было такъ быстро что мы не успѣвали мѣнять мѣсто; тутъ я посмотрѣлся на убитыхъ: многія лица рѣзко вѣзались въ память, напримѣръ, одинъ негръ съ черепомъ пробитымъ осколкомъ гранаты, нѣкоторые были спокойны, точно спали.

Уже ночью, отдохнувъ немного по окончаніи дѣла, дошли мы до Маглича. Вьюки не пришли. Мы сами держали лошадей. Бѣтъ было рѣшительно нечего. Я спалъ на снолѣ среди вспаханнаго, но увы! не поросшаго поля вмѣстѣ съ моимъ сосѣдомъ майоромъ Лигницею. Мы гадали съ двухъ сторонъ турецкій сухарь вынутый изъ кармана убитаго Турка.

Лигницъ далъ мнѣ полпалочки шоколату, я принесъ воды, и вотъ нашъ ужинъ. Для лошади я ходилъ самъ рвать кукурузу.

4го іюля утромъ мы двинулись на Казанлыкъ. Я попросился идти съ кавалеріей, и благодаря этому олять полпаль впередъ. Когда пройда нарысяхъ верстъ съ десять, мы подошли къ знакомому мнѣ Казанлыку, меня послали впередъ парламентеромъ чтобы внушить Туркамъ необходимость сдать городъ и избѣгнуть бомбардированія. Дали сигналъ остановить огонь; я прикрѣпилъ мой платокъ къ ликъ и съ трубочомъ, переводчикомъ и лѣвнымъ каймакамомъ города выѣхалъ за цѣль. Турки подлустили близко, но потомъ стали стрѣлять. Я вернулся. Мы открыли огонь, слѣшивъ драгунъ. Черезъ полчаса жители вышли съ бѣлыми флагами. Его Высочество Николай Максимиліановичъ вновь послалъ меня, я поскакалъ уже одинъ съ казакомъ; объяснилъ вышедшимъ депутатамъ условія сдачи, потомъ, по приказанію Его Высочества, остался при Казанскихъ драгунахъ, ожидавшихъ въ города истеченія назначеннаго срока. Гусары же, пошедшіе въ обходъ на Шилку, не подозрѣвая что городъ сдался драгунамъ, ворвались въ него и разнесли телеграфъ. Я хлопоталъ чтобы поставитъ часовыхъ, помѣшать грабежу, потомъ поѣхалъ въ Шилку къ Турко, но былъ такъ утомленъ отъ всего этого что отпросился въ Казанлыкъ, поужиналъ и, о роскошь! спалъ на кровати.

Тьрново, 31 іюля.

Какъ странно послѣ постоянного житья въ многочисленной компаніи, среди вѣчныхъ хлопотъ, заботъ, не имѣя ни одного часа которымъ бы могъ располагать вполнѣ, какъ странно очутиться одному-одинешеньку и съ полною свободой дня на два. Слутники мои, Сухановъ и Скалонъ, сейчасъ уѣхали, а же только послѣзавтра ѣду въ Главную Квартиру Главкомаандующаго, куда я пока причисленъ. Теперь же я валяюсь на диванѣ и передлистываю старыя газеты въ тихомъ домикѣ на концѣ города. Улица глухая, слышны только голоса ребятшекъ, играющихъ на порогахъ, да шумъ kloкочущей Янтры, бушующей отъ сильныхъ дождей. Небо все кругомъ заволокли тучи. Идетъ мелкій, жгучій дождь: это еще не осень, но напоминаніе что осень будетъ, что осень впереди съ дождями и холодами и бивуаками въ грязи, съ размытыми дорогами и разлитіемъ рѣченокъ и ручьевъ. Но все это меня

не смущаетъ и не безлокоитъ. Мнѣ пріятенъ этотъ сѣрый день, такъ хорошо гармонирующій съ тишиною вокругъ: отдыхаетъ слухъ, отдыхаетъ глазъ, отдыхаетъ мысль. Не рѣжутъ глазъ острыя очертанія Балканъ, не ищеть оны въ глубинѣ долины темныхъ колоннъ непріятельскаго войска, не слышенъ гулъ орудій, трескъ лалыбы; да, все стихло. Хорошо бы телерь сидѣть у камина, безсознательно слѣдить за прихотливою игрой огня, хорошо бы отдаться влоавѣ прихотливымъ переливамъ мысли, и дремать и видѣть сны послѣ горячки дѣйствительности.

Однако телерь я олять начинаю новую главу моей военной жизни. Передовой отрядъ кончилъ свое существованіе, и я перехожу, вѣроятно не надолго, въ штабъ. Чтобы закончить картину нашего четырехнедѣльнаго забалканскаго похода, надо разказать послѣднія дѣла и подвести итоги.

Еслибы время и охота, многое могъ бы я разказать о нашей жизни въ Казанлыкѣ. Это былъ заслуженный отдыхъ, котораго, впрочемъ, на мою долю выпало очень мало. Жили мы всѣ, весь штабъ, въ одномъ домѣ, и въ комнатахъ насъ было четверо. Къ моимъ обычнымъ, постояннымъ обязанностямъ касательно проводниковъ, собираній свѣдѣній о непріятелѣ, лазутчиковъ, и т. д., присоединялись всевозможныя обязанности вслѣдствіе знанія болгарскаго языка и знакомства съ разными Болгарами. То мнѣ приходилось разбирать дѣла о грабежѣ, то ловить грабившихъ, то дѣлать распоряженія о подводахъ и провіантѣ, то выслушивать жалобы Болгаръ. Подымали меня въ 5 часовъ утра, иной разъ будили ночью. Прибавьте заботы объ обѣдѣ и завтракѣ на 20 человекъ (я былъ артельщикомъ), да разспросы полдюжины корреспондентовъ, являвшихся постоянно ко мнѣ. Но все же время было хорошее. Я не видалъ, правда, атаки стрѣлковъ нашихъ на Шилку, но ѣздилъ на другой день и видѣлъ грозныя укрѣпленія, очищенныя Турками вслѣдствіе нашего обхода и взятія Шилки, и изувѣченныя тѣла нашихъ раненыхъ. Со всѣхъ сторонъ шли свѣдѣнія о переломѣ Турокъ; города сами слали депутатовъ, призывая насъ: турецкія власти изъ незанятыхъ мѣстъ являлись на поклонъ. Наши разѣзды ходили версты на 30—40 во всѣ стороны, разгоняя башу-бузуковъ, обезоруживая Турокъ, нагоняя страхъ. Наконецъ мы отправились занять Эски-Загру, и оттуда посланы были летучіе отряды ломать желѣзную дорогу въ Ямболу и

въ Фидиллополь. Я пошелъ со вторымъ отрядомъ на станцію Каяджикъ. Мы пробыли на конѣ 21 часъ, въ бродѣ перешли Марацу и были на подорожѣ между Адрианополемъ и Фидиллополемъ. Со мной былъ нѣмецкій военный агентъ Лигницъ. Всего за Марицей насъ лобывало человекъ сто. Разрушили дорогу, сожгли и взорвали станцію. Я специально занялся спасеніемъ начальника станціи, добродушнаго Нѣмца со многочисленнымъ семействомъ. Намъ удалось помѣстить его съ дѣтьми и пожитками на воловьихъ подводахъ и увезти съ нами, по его настоятельной просьбѣ. Стараясь успокоить ревущихъ дѣтей и хныкающихъ женщинъ, я вошелъ въ кабинетъ начальника: все чисто, уютно—вотъ полка съ нѣмецкими авторами—теперь мнѣ жаль что я не взялъ *Goethe*—и лампочка и шкафъ, все *gemüthlich, gein*—а внизу трескъ, гамъ, ломаютъ все, взрывы динамита вокругъ, горять уже пристройки—скорѣе, скорѣе, тороплю я ихъ. Но вмѣсто нужнаго тащатъ шпалыныя коробки, платья. Я хватаю одного изъ мальчиковъ и тащу его на подводу. Мы быстро отступаемъ. Оно и необходимо. Правда, въ Каяджикѣ мы встрѣтили лишь полсотни бѣжавшихъ баши-бузуковъ, но съ обѣихъ сторонъ отъ насъ, верстахъ въ десяти и пяти, турецкая лѣхота, могущая перерѣзать путь отступленія. Мы идемъ весь вечеръ и часть ночи, а поднялись мы въ 3^{1/2} часа, переночевавъ въ открытомъ полѣ. Кругомъ во всѣхъ направленіяхъ зарево и пламя: горять турецкія деревни. Мы невольно призадумываемся, зная что послѣ насъ Черкесы и баши-бузуки сожгутъ болгарскія села.

Это время было самымъ блестящимъ временемъ нашего труда. Теперь видно что еслибы насъ нѣсколько поддержали мы были бы подѣ Адрианополемъ. Но подобно хору въ операхъ мы проходили по сценѣ изъ правой кулисы въ лѣвую и да саро, и число наше все уменьшалось. Тщетно ждали мы подкрѣпленія. Наконецъ съ имѣвшимися силами 13 іюля пошли мы на Эни-Загру. Жаль было разставаться съ Казанлыкомъ, гдѣ мы совсѣмъ обжились. Сдѣлавъ огромный переходъ, отдохнувъ въ селеніи Кишла, мы прошли горѣвшую деревню Балабали, ночевали безъ костровъ на камняхъ среди ущелья въ Чанақдаре, и утромъ пошли черезъ Малые Балканы въ Эни-Загру, куда еще съ двухъ сторонъ сходились части нашего отряда. Дѣло подѣ Эни-Загрой было блестящее (взято два орудія), но видѣлъ я его издали и потому

ссылаюсь на корреспонденцію *Московскихъ Вѣдомостей*, написанная очевидцемъ, моимъ константинопольскимъ сослуживцемъ княземъ Шаховскимъ, присоединившимся къ отряду. Я пріѣхалъ лишь послѣ дѣла, видѣлъ раненыхъ, убитыхъ и развалины. Въ этотъ день мы дошли до Карабунара. Ночевали на соломѣ, противъ насъ догорали дома, и на угляхъ жарили мы гуся. Вьюки не пришли. Опять заласливый Лезгинецъ угостилъ насъ чаемъ, воду кипятили въ манеркѣ, а пили чай изъ какой-то каменной доханки соломинками (изобрѣтеніе князя Витгенштейна).

19го было самое тяжелое дѣло подъ Джуранлы. Мы потеряли около 400 человекъ. Были очень критическія минуты, и тяжело было безпомощно смотрѣть сверху кургана на наступленіе Турокъ. Но, благодаря артиллеріи со стрѣлками, мы опять разбили ихъ. На курганѣ мы были подъ гранатами и даже пулями, а приказанія пришлось мнѣ два раза возить подъ сильнымъ огнемъ. Наконецъ, уже когда наши заняли дѣсь, меня послали къ одному изъ полковыхъ командировъ. Я взялъ съ собою Шаховскаго и благодаря ему только остался цѣлъ: по близорукости я прямо наѣхалъ на группу Турокъ; Шаховской остановилъ меня шагахъ во ста, выстрѣлъ пролетѣлъ мимо насъ.

Чувство побѣды было омрачено извѣстіями изъ Эски-Загры. Мы тамъ потеряли до 800 человекъ, и Эски-Загра, гдѣ насъ недавно принимали такъ гостеприимно, горѣла съ четырехъ концовъ. Чтѣ за рѣзня и безобразія происходили тамъ, лучше не описывать — я ихъ не видалъ къ счастью. Мы пододвинулись подъ Эски-Загру, но съ нашими силами было безразсудно атаковать цѣлую армию Сулейманъ-паши, тѣмъ болѣе что не хватало снарядовъ и патроновъ, и мы черезъ ужасное ущелье отъ Далбока перешли со всѣмъ отрядомъ черезъ Малые Балканы въ долину Тунджи и потомъ въ Хаинъ-кей. Турки же въ свою очередь оставили Эски-Загру и отступили, очевидно смущенные нашимъ движеніемъ впередъ. Въ Хаинъ-кей мы было укрѣпились, но приказаніе вернуться въ Тырново заставило насъ оставить совсѣмъ Забалканье. Угрюмые и грустные вернулись мы въ Тырново, куда такъ весело входили мѣсяцъ назадъ. Но это не наша вина и не по нашей волѣ. Перешли мы Балканы на обратномъ пути. Мнѣ, привыкшему смотрѣть на Хаинское ущелье какъ на родное дѣтище или на благопріобрѣтенное

имѣніе, особенно больно было думать что эти устроенныя нами дороги можетъ - быть достанутся Туркамъ. Грустно было проходить по ущелью, гдѣ чуть не съ каждымъ камнемъ связаны воспоминанія о развѣдкахъ и работахъ.

Но что объ этомъ? Лучше подведу итогу. Мы въ пять недѣль разбили въ розницу 35 баталіоновъ (около 21—22 тысячъ) Турокъ, взяли 9 лагерей, 18 орудій, нѣсколько знаменъ, массу снарядовъ, провіанта.

А знаете ли, еслибы меня теперь спросили: чего вы желаете? Я отвѣчалъ бы не задумываясь: *пору сапоговъ*. Да, мои столтаны ужасно, а новыхъ нельзя достать ни за какія деньги. Налрасно думая о войнѣ представляютъ себѣ насъ въ дыму пороховомъ, въ крови, съ оружіемъ. Нѣтъ, мы непріятеля почти не видали, а лишь чувствовали выстрѣлы. Лишенія же наши—пыль, грязь, столтанные салюги, грязное бѣлье, залѣ-снежвшій сухарь, ночей не знаемъ, ложимся не раздѣваясь, усталость, вѣчное ожиданіе, вѣчная готовность. Вопросы о томъ будетъ ли сегодня горячая похлебка, или опять придется грызть турецкій сухарь, будетъ ли сегодня чай или опять придется пить ключевую воду,—вотъ для насъ вопросы дня, вопросы животрепещущіе. Становишься эгоистомъ и матеріалистомъ. „Господа“, кричитъ одинъ—„овесъ есть“, и всѣ мы бросаемся за снолами. „А вотъ я гуся досталъ“, говоритъ другой и слѣшитъ жарить его, дѣлясь развѣ съ избранными. Тутъ же между шашлыкомъ и чаемъ кто-нибудь промолвитъ: „а вотъ такой-то сегодня убить.“—Будто? когда?—„Да при первой атакѣ, навывлетъ въ грудь.“ „А“, равнодушно прибавитъ третій, и все тутъ. Подъ Казанлыкомъ неожиданно, въ засадѣ убили графа Р., поившаго и кормившаго насъ въ лугу. Мы изъ вѣжливости пошли на похороны, но въ сущности всѣмъ было не до того, у каждого свои заботы и хлопоты.

И среди этихъ дней на бивуакахъ, на позиціяхъ имой разъ нечаянно, негаданно завяжется разговоръ о прошломъ, о Москвѣ, о Константинополѣ, о химіи или живолиси. И всломнишь что не весь міръ въ долинѣ Тунджи...

КН. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

КАМЕНЬ СИЗИФА *

XXIV.

Послѣ этихъ дней волненій и борьбы, для участія въ которой мы съ Благовымъ на разсвѣтѣ приокакали изъ Зидцы, настали дни тихіе...

Костаки, убійца Джеффера, все сидѣлъ въ погребѣ; часовые же смѣнялись, внимательно садя за всѣми молодыми людьми въ фуганеллахъ. Кольцо два раза останавливали вечеромъ; но золотой орелъ на фескѣ его оба раза освободилъ его; къ тому же его и въ лицо слишкомъ многіе знали...

Никто не могъ понять чѣмъ это кончится... Кольцо, какъ землякъ и знакомый этому Костаки, конечно, убивался больше всѣхъ... Онъ былъ очень унылъ и лицо его олять совсемъ измѣнилось... Онъ безпрестанно восклицалъ: „Погибъ этотъ лапкаръ! Погибла головка его! Это я отвелъ его туда и я погубилъ его! Я дуракъ и ничего не знаю... Я несчастный человекъ, Одиссей, и мнѣ ни въ чемъ часу нѣтъ... Это я отвелъ его туда и я погубилъ его...“ И сѣвъ на камень у стѣны сада, Кольцо начиналъ плакать.

Я утѣшалъ его чѣмъ могъ.

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 8, 9, 11, 12 и 1877 года и №№ 7 и 8 и 1878 года.

Такъ, говорю я, прошло трое сутокъ... Прошло еще дня два... Часовые все смѣнялись, все смотрѣли, все слѣдили и.. не усмотрѣли, не услѣдили ничего...

Однажды я вышелъ за ворота нашего консульства и увидалъ что Ставри сидитъ на камнѣ. Я присѣлъ около него.

Былъ лодень и было довольно жарко. Прошли мимо насъ солдаты на смѣну сторожившимъ убійцу. Ставри глядѣлъ имъ долго вслѣдъ съ радостною улыбкой...

„Пойдутъ теперь, сердечные, жариться и скучать.. Анаемскій часъ имъ, сказалъ онъ и потомъ, обратившись ко мнѣ, прибавилъ: Теперь я думаю малый въ Акрананіи давно!..

Я изумился:

— Чтò ты говоришь мнѣ, г. Ставри?..

— Говорю правду! отвѣчалъ Ставри...

И точно, онъ говорилъ правду. Наканунѣ, рано утромъ, привезъ въ эллиское консульство пожилой селянинъ, Куцо-Влахъ, большую вязанку дровъ на ослѣ. Онъ пробылъ до полудня въ домѣ Киркориди, и часовъ около двухъ дня вышелъ снова съ развьюченнымъ осломъ, безъ дровъ и съ десятью золотыми въ карманѣ. Оса велъ за веревочку сынъ его, тоже Куцо-Влахъ, молодой, рослый, съ черными усиками, въ валеномъ колпачкѣ, въ синихъ шальварахъ и въ старомъ, люблѣвшемъ мѣстами, синемъ же безрукавникѣ валахскаго покроя, въ столпавыхъ чарухахъ на босыхъ ногахъ. Подъ мышкой у него былъ большой лучокъ зеленого луку, и въ рукѣ кусокъ хлѣба. Онъ ѣлъ съ аплетитомъ. Старикъ шелъ за осломъ и подгонялъ его какъ будто отъ скуки палкой. Они прошли около двухъ часовыхъ, и тѣ не обратили на нихъ никакого вниманія.

Юноша былъ переодѣтый убійца Джеффера, Костаки, ему только подчеркнули немного усы и брови, а волосы остались какіе были. Старикъ былъ въ самомъ дѣлѣ обыкновенный Куцо-Влахъ и возилъ всегда греческому консульству дрова. Ему предложили денегъ, и онъ на свой страхъ рѣшился увезти съ собою молодца и доставить его въ сохранности на эллискую границу. Это дѣло удалось еще лучше, тише и безобиднѣе чѣмъ похищеніе Тахиръ-Аббаса.

Часовые все стояли. Киркориди наконецъ протестовалъ, увѣряя что все спокойно, и предложилъ теперь частнымъ образомъ платъ самому пріѣхать къ нему и осмотрѣть

серіозно весь домъ, начиная съ погреба и кончая шкафами... Паша лопаятъ и снялъ часовыхъ.

Эта простая уловка была придумана и устроена все тѣми же политиками, нашимъ кавасомъ Ставри и попомъ Кдстой. Г. Благовъ запретилъ своимъ людямъ вмѣшиваться въ дѣла греческаго консульства, но онъ не могъ запретить Ставри разговаривать съ попомъ Кдстой и давать совѣты греческому кавасу, отважному и мрачному Георгію, который кромѣ насильственныхъ и отчаянныхъ поступковъ, ничего придумать бы самъ не могъ.

Ставри сдѣлалъ даже болѣе. Когда г. Куркориди, по окончаніи всѣхъ этихъ трудныхъ дѣлъ, предложилъ чрезъ третье лицо деньги ему и полу Кдствъ, то полъ съ радостью взялъ; а киръ-Ставри, который служилъ при русскомъ консульствѣ только изъ-за чести носить оружіе и жилъ не всегда умѣренными процентами со своего собственнаго капитала, отъ награды за тайное участіе въ спасеніи Костаки отказался, говоря: „Не желаю деньги брать я за избавленіе души христіанской отъ Оттомановъ. Полъ пусть беретъ: у него лопадья есть и малыя дѣтки.—Я же холостой человекъ!“

Мы всѣ въ русскомъ консульствѣ, узнавъ объ этомъ новомъ торжествѣ надъ Турками ликовали. Только молодой начальникъ нашъ полпрежнему оставался угрюмъ и ужасно печаленъ.

Онъ все ѣздилъ верхомъ; ходилъ лѣшкомъ за городъ одинъ, даже базъ каваса, хотя это было и не принято, и не всегда безопасно въ томъ смыслѣ что по характеру своему Благовъ не могъ бы вывести ни малѣйшей невѣжливости, не только оскорбленія, со стороны мусульманъ; а между мусульманами и въ то тихое время нашлось бы всегда достаточно такихъ которые подъ предлогомъ незнанія консула въ лицо, рѣшились бы изъ одного только молодечества толкнуть его или назвать браннымъ именемъ. Въ такомъ случаѣ Благову пришлось бы расправляться самому, не взирая ни на положеніе свое, ни на то вооруженъ ли былъ бы или нѣтъ, силенъ и смѣлъ или робокъ его оскорбитель. Могло этого и не случиться, но могло и быть. Но Благову именно эта возможность какой-нибудь злой встрѣчи должно-быть и нравилась. Онъ клалъ маленькій револьверъ въ боковой карманъ, бралъ самую крѣпкую трость свою и ходилъ одинъ далеко по самымъ безлюднымъ мѣстамъ.

Дома за обѣдомъ онъ былъ очень молчаливъ въ теченіе этихъ дней. Мы всё смотрѣли ему изподлобья въ глаза, но ничего, кромѣ равнодушія и скуки, не могли въ нихъ прочесть. Мы приписывали дурное настроеніе это его неудачному вмѣшательству въ споръ эллинскаго консульства съ мѣстной властью, сосредоточенному гнѣву его на пашу, на Леси и на Киркорици.

Мы думали что онъ ѣздилъ верхомъ и ходилъ пѣшкомъ одинъ за городъ и по глухимъ переулкамъ лишь для того чтобъ обдумать какой-нибудь глубокой планъ мщенія.

Бостанджи-оглу говорилъ: „Бѣда какъ онъ теперь сердится“. И кавасы думали то же. Маноли говорилъ: „Пресдалъ насъ Киркорици анаемскій...“ Ставри соглашался съ этимъ, прибавляя только: „Что жъ ему, бѣдному, дѣлать! Все Англичанинъ лугаетъ!“ И Маноли начиналъ съ жаромъ проклинать англійскую политику: „Эта политика Англіи!... Эта политика!... Ужасная политика... Дьявольская, анаемская, проклятая, низкая, христіаноборческая политика!“ И сначала, казалось, что мы въ самомъ дѣлѣ были правы... Раздраженіе между Портой и русскимъ консульствомъ все усиливалось и расло. Эти два человека—Рауфъ-паша и Благовъ, этотъ добрый и больной старикъ, расположенный лично къ молодому честолюбцу, и этотъ молодой честолюбецъ который искренно уважалъ и жалѣлъ больного старика, не могли надоло, при всей доброй волѣ своей, сохранить хорошія отношенія. Всѣ условія окружающей жизни должны были, вопреки ихъ желанію, доводить ихъ отъ времени до времени до столкновенія, и заставляли ихъ вступать въ открытую борьбу...

Уже со дня назначенія драгоманомъ Исаакидеса, котораго въ Портѣ считали бунтовщикомъ и заговорщикомъ, у турецкихъ чиновниковъ нѣсколько измѣнился тонъ. Бостанджи-оглу находилъ что у нихъ уже нѣтъ той любезной готовности съ которою прежде они старались удовлетворять всѣмъ желаніямъ Благова. Особенно сталъ гордъ и сухъ Ибрагимъ. Здѣсь отказъ; тамъ затрудненіе; тамъ проволочка; тутъ сухое и какъ бы печальное согласіе по крайней необходимости. Видимо было что и самъ Рауфъ-паша начинаетъ находить что онъ въ Благовѣ нѣсколько ошибся и что напрасно говорилъ про него столькимъ людямъ: „Это не человѣкъ, а садъ!“ Въ саду этомъ, посреди цвѣтовъ и благоуханій начинали шилѣть ехидны, и изъ густой и веселой тѣни деревьевъ

слышалось отъ времени до времени глухое и лютое рыканіе какого-то неизвѣстнаго еще звѣря...

Всѣ послѣднія событія, изображенныя мною: явная помощь оказанная нашимъ консульствомъ жителямъ Нивицы, смерть Джеффера, бѣгство Тахирь-Аббаса, вмѣшательство Благова въ дѣло Костаки—все это не могло нравиться ни паши, ни Ибрагиму (который во многихъ случаяхъ значилъ больше самаго паши), ни всѣмъ другимъ мусульманамъ.

Къ тому же очень скоро послѣ бѣгства Костаки въ Акарманію случилось и еще одно новое дѣло, незначительное по сущности, но очень шумное съ виду, которое привело русское консульство къ офиціальному столкновенію съ Портой.

Леси съ Благовымъ не были въ явной ссорѣ. Невозможно было бы консуламъ существовать въ одномъ городѣ, елибѣ они прерывали личныя сношенія послѣ всякаго случая открытой борьбы, или при каждой досадѣ за неудачу въ томъ тайномъ соперничествѣ въ какомъ они постоянно между собой находились. Къ тому же у Корбетъ де-Леси и Благова, хотя и наиболѣе другъ съ другомъ враждебныхъ на политическомъ полприщѣ, было много сходства во вкусахъ хорошаго воспитанія, много одинаковыхъ потребностей, какъ у людей высшаго общества, такихъ потребностей и вкусовъ которые были гораздо слабѣе у грубаго и необразованнаго Бреше, у бѣднаго нѣмецкаго семьянина Ашенбрехера и у нашего патріархальнаго и разчетливаго Киркориди.

Благову иногда хотѣлось посидѣть въ прекрасно убранной квартирѣ Леси; Корбетъ де-Леси хотѣлось побесѣдовать объ археологіи или живописи на персидскихъ диванахъ Благова. Однако на этотъ разъ и за всѣ эти исторіи: Нивицы, Пано, Джеффера, Тахира и Костаки, они были болѣе обыкновеннаго раздражены другъ противъ друга и довольно долго не выжидали. Но вотъ что случилось.

Корбетъ де-Леси только что приобрѣлъ двѣ прекрасныя древнія вещи отъ одного греческаго часовщика, торговавшаго въ Янинѣ антиками. Одна изъ этихъ вещей была небольшая почернѣвшая серебряная чашечка византійской работы, вся покрытая выпуклыми изображеніями и узорами. Внутри этой чашечки была ввинчена другая поменьше; ее можно было отвинчивать и снова привинчивать обратно дно съ дномъ къ большой чашечкѣ, такъ что она въ этомъ случаѣ становилась какъ бы подпорою большой чашкѣ и тогда весь сосудъ

стоялъ удобно на столѣ. Внутри на дно большой чашки тогда ввинчивался еще зачѣмъ-то прекрасно сохранившійся орелъ. Другой антикъ былъ древнѣе. Это былъ овальный медальйонъ изъ полупрозрачнаго свѣтло-коричневаго камня; на немъ съ необычайнымъ изяществомъ и тонкостью было вырѣзано изображеніе языческаго жертвоприношенія. Полунагой юноша, преклоненный на одно колено; около него стоящая молодая женщина, дерево съ вѣтвями и листьями и отрубленная головка барана. Я вспоминаю только выгибъ лядвѣй колѣнопреклоненнаго юноши и изумляюсь до какой степени въ этомъ маленькомъ изображеніи соблюдена была вѣрность природѣ и красота линій человѣческаго тѣла!..

Когда Леси приобрѣлъ эти двѣ прекрасныя вещи, ему захотѣлось непремѣнно побывать у Благова и показать ихъ ему. Никто лучше Благова не сумѣлъ бы все это оцѣнить, похвалить и понять такъ какъ понималъ самъ Леси. И онъ пришелъ. Пришелъ, показывалъ, радовался и говорилъ, самодовольно улыбаясь:

— Я уже не разъ сообщалъ вамъ что здѣсь въ Элирѣ при нѣкоторомъ усиліи и стараніи можно найти..., и т. д.

Потомъ они вмѣстѣ, Благовъ и Леси, пошли гулять за городъ, лѣшкомъ. Погуляли, побесѣдовали еще объ Элладѣ и Византіи и возвращались опять въ русское консульство. Благовъ уговорилъ Леси налиться у него чаю и хотѣлъ показать ему одну начатую имъ на полотнѣ группу, всю въ восточныхъ одеждахъ (въ ней долженъ былъ и я въ „турецкомъ халатикѣ“ занять подобающее мѣсто)...

Все было такъ мирно и дружественно. Но вотъ опять несчастный случай. Подходя къ нашимъ воротамъ консулы съ удивленіемъ увидели что по переулку бѣжитъ одна молодая Арапка, а за нею гонятся нѣсколько человѣкъ мусульманъ. Консулы остановились. Арапка бросилась прямо къ нимъ; синее съ желтымъ покрывало ея спало съ ея головы, и она, почти припадая къ ногамъ Благова, воскликнула съ отчаянной мольбой: „Эффенди... Возьми меня къ себѣ... Меня убить хотятъ!“ Мусульмане которые гнались за нею остановились почтительно поодаль; но одинъ, черный же мужчина, поклонившись консуламъ, сказалъ: „Она дура! Никто ее убить не хотѣлъ, она бѣжала отъ нашего хозяина, отъ йесерджи“ *...

* Торгующій рабами; хозяинъ рабовъ.

— Что такое отъ йесерджи? Я не знаю, сказалъ Благовъ и приказалъ кавасамъ взять дѣвушку и ввести ее въ консульство...

Леси попытался объяснить Благову:

— Йесерджи, йесерь—эсclave. Она раба; онъ торгуетъ рабами... Ее надо возвратити хозяину.

Но Благовъ, не отвѣчая ему на это ни слова, еще разъ любезно пригласилъ его здѣсь зайти къ себѣ и вылить чай.

Леси уже немного разсерженный, но вѣроятно все надѣясь уговорить Благова возвратити Арапку хозяину, зашелъ охотно.

Однако Благовъ тотчасъ же при немъ приказалъ отвести ее въ домъ къ одной вдовѣ русско-подданной съ просьбой (конечно просьба консула есть приказаніе) принять ее къ себѣ, такъ какъ она слишкомъ молода чтобы пристойно было держать ее долго въ консульствѣ, полномъ холостыхъ мушницъ.

Леси терпѣливо долилъ свой чай; но я воображаю чего стоило ему это принужденіе! Тотчасъ послѣ чая онъ все дипломатически улыбаясь, ушелъ; но уходя сказалъ:

— Я убѣжденъ, г. Благовъ, что вы поступили не совсѣмъ сообразно съ принятымъ порядкомъ...

Чтобъ еще болѣе огорчить его Благовъ весело возразилъ ему:

— Что жь за бѣда?—Вѣдь мы къ счастью въ Турціи...

— До свиданія! до свиданія, съ дрожью гнѣва въ голосѣ, но все съ пріятною улыбкой твердилъ Леси, уходя домой.

Поистинѣ сказать, тотъ черный слуга йесерджи не лгалъ, когда увѣрялъ что молодую Арапку эту никто убить не хотѣлъ; она бѣжала оттого что жена хозяина, разсердившись на нее, плеснула на нее кияткомъ. Впрочемъ йесерджи былъ довольно жестокъ, и жена его вообще съ рабынями обращалась грубо. Христиане, жившіе по сосѣдству съ ними, увѣряли что она очень часто ихъ сильно бьетъ, и онѣ громко кричатъ, и стонутъ. Это такъ, но и то была правда что бѣжавшая молодая дѣвушка, если не была дура, то очень вѣтрена и своенравна, какъ оказалось очень скоро. Плеснула на нее хозяйка въ довольно основательномъ гнѣвѣ за то что та ей сказала: „Если ты будешь бранить меня, я подожду вашъ домъ и ты сама сгоришь въ немъ, а я убѣгу!“

Вскорѣ послѣ удаленія Леси изъ нашего консульства, пришла Благову бумага изъ Порты на турецкомъ языкѣ. Внизу была печать Ибрагима, а не подпись самого паши.

Паша олять не выходилъ изъ гарема; онъ уже третій день лежалъ. Поэтому Ибрагимъ и позволилъ себѣ прямо отъ себя обратиться къ консульству съ требованіемъ возвратитъ „Аранку Гюль ея хозяйину Ѳесерджи“.

Надо было видѣть безмолвный гнѣвъ Благова въ то время когда Бостанджи-оглу читалъ ему громко эту турецкую бумагу! Онъ сѣлъ къ столу и, приказавъ Бостанджи-оглу немедля перевести эту „ноту“ съ турецкаго на французскій языкъ для отправки въ посольство, началъ диктовать мнѣ отвѣтъ на имя самого Рауфъ-лаши. Отвѣтъ этотъ былъ въ высшей степени оскорбительнъ для Ибрагима. Благовъ какъ бы игнорируя его, писалъ между прочимъ такъ:

„Съ величайшимъ изумленіемъ узналъ я изъ этого письма, подписаннаго однимъ изъ вашихъ „employés“, что въ городѣ Янинѣ существуетъ какой-то Ѳесерджи, тогда какъ торговля невольниками давно уничтожена въ Оттоманской имперіи, сообразно человѣколюбивымъ намѣреніямъ е. в. султана. Считаю себя въ правѣ сноситься лишь непосредственно съ вашимъ превосходительствомъ и зная давно всегдашнее желаніе поддерживать дружественныя отношенія между мѣстной властью и ввѣреннымъ мнѣ Императорскимъ консульствомъ, я обращаюсь прямо къ вамъ въ полной надеждѣ что впредь подобныя безпорядки и неправильныя выходки второстепенныхъ должностныхъ лицъ вашей канцеляріи не повторятся...“

Бумага эта была отправлена, и возраженія на нее не послѣдовало. Дня два-три казалось что олять удача или побѣда на нашей сторонѣ; но потомъ сынъ той вдовы русско-подданной пришелъ жаловаться на взбалмошную дѣвчонку Гюль и воскликнулъ съ отчаяніемъ:

— Г. консулъ! прошу васъ, избавьте меня отъ этой дуры! Она кричитъ, шумитъ, поетъ дѣлый день, не слушается; мать моя бѣдная нездорова и лежитъ, и вотъ сегодня утромъ эта безумная входитъ къ старухѣ и говоритъ ей: „Ба! старая, ты все лежишь еще! Какъ ты мнѣ надоѣла что до сихъ поръ не умираешь... Погоди я тебя отравлю“... Помилуйте, г. консулъ, старуха испугана, и страхъ въ самомъ дѣлѣ можетъ сократить ея дни! Г. консулъ—я сынъ!..

И. Благову, и намъ всѣмъ хотѣлось смѣяться, но уважая сыновнее чувство этого человѣка, всѣ удержались, а консулъ сказалъ ему что проситъ его повременить немного:

— А если она будетъ очень дурачиться, то можно и наказать... Напримѣръ не давать ей дня два ничего кромѣ хлѣба и воды.

— Позвольте, ваше сіятельство, любить ее немного.

— Да, развѣ очень мало, сказалъ Благовъ,—чтобъ она не ушла вдругъ; это будетъ неловко...

Но гдѣ мѣра—любить много и любить немного?

Огорченный сынъ, возвратясь домой, далъ Аралкѣ только одну пощечину, и Гюль тотчасъ же сказала: „бьешь ты меня, оселъ! Ѳесерджи лучше тебя... Пропади ты вмѣстѣ съ Москвичемъ проклятымъ своимъ!.. Чтобы вы оба стали тонки какъ палецъ мой“. * И ушла къ Ѳесерджи въ домъ, гдѣ ее приняли, говорятъ, съ радостію и всячески обласкали.

Таковъ былъ не совсѣмъ удачный для насъ конецъ этого небольшого дѣла; въ западныхъ консульствахъ конечно всѣ были рады этому случаю посмѣяться надъ Благовымъ и надъ его неразчитаннымъ на этотъ разъ либерализмомъ, но чиновники Порты были внѣ себя отъ досады и повторяя: „теперь Благовъ не только христіанамъ потворствуетъ, но и въ дѣла мусульманъ вмѣшивается и рабовъ учить неловиновенію“... рѣшились во всемъ ему противиться и на каждомъ шагу его создавать ему затрудненія и полагать препоны.

Бреше, Ашенбрехеръ и Леси согласно и старательно разводили огонь этой распри.

Наконецъ-то расторглась эта столь давняя пріязнь между мѣстною властью и русскимъ представительствомъ.

Западные консулы не скрывали своихъ чувствъ и отъ греческаго консула; но толстый Киркориди нашъ, который старался всегда идти медленно и обдуманно „царскимъ путемъ золотой середины“, не слишкомъ надѣялся на прочность ихъ коллективнаго торжества. Онъ качалъ печально большою и широкою головой своею, соглашался и даже жаловался имъ на „ланславизмъ въ Македоніи“ (которая была такъ далеко отъ ближайшихъ интересовъ и дѣлъ). Самъ онъ Благову ничего не передавалъ съ грубымъ предательствомъ, но разказывалъ все что зналъ объ интригахъ западныхъ агентовъ въ Портѣ своему драгоману; а драгоманъ его былъ въ то время друженъ съ нашимъ Исаакидесомъ; и Благовъ почти все то

* Греческая брань, то-есть чтобы тебѣ исхудать, измучиться, растаять.

зналъ что ему полезно было знать. Киркориди не хотѣлъ ни съ кѣмъ ссориться и находилъ выгоднымъ сберечь себя расположеніе Благова на случай какихъ-нибудь новыхъ и неожиданныхъ осложненій, столь обыкновенныхъ въ службѣ и дѣятельности консуловъ на Востокѣ.

XXV.

Послѣ возвращенія Аралки Гюль добровольно къ несердѣжю между русскимъ консульствомъ и мѣстной властью продолжалась еще нѣсколько времени мелкая и раздражительная борьба. Диванъ-эффендиси Ибрагимъ былъ такъ разсерженъ что забывалъ даже приличія; однажды, когда Бостанджи-оглу настаивалъ чтобы скорѣе рѣшили дѣло о наследствѣ долгоносаго и проголодавашагося авантюриста Симо, диванъ-эффендиси позволилъ себѣ сказать ему такъ:

— Мы здѣсь не для того чтобы забавлять консуловъ.

Бостанджи-оглу послушалъ, конечно, пожаловаться Благову, и Благовъ былъ сначала какъ бы пораженъ этою дерзостью Ибрагима и переспросилъ съ изумленіемъ:

— Какъ? какъ? А потомъ лицо его потемнѣло отъ гнѣва, но онъ сказалъ только съ притворнымъ одобреніемъ:

— Это недурно сказано!

Этого было Ибрагиму мало. На другой же день, чтобы выразить нашему консульству еще больше и нагляднѣе свою досаду и пренебреженіе, онъ уговорилъ пашу поступить очень рѣзко и неправильно. (Такъ нерѣдко и не влопадъ поступали Турки, когда хотѣли обнаружить внезапно свою самобытность.)

Одинъ изъ сомнительныхъ * русскихъ подданныхъ былъ давно уже долженъ турецкому подданному нѣсколько тысячъ піастровъ. Турки схватили его на улицѣ и заперли въ тюрьму.

Узнавъ объ этомъ Благовъ вдругъ поднялся во весь ростъ. Онъ взялъ кавасовъ и пошелъ самъ тотчасъ не въ Порту, а

* Эти сомнительные подданные были вотъ какіе: напримѣръ какой-нибудь Грекъ, Еврей, Болгаринъ или Армянинъ, райя, вхалъ въ Ашны, добывалъ себѣ греческій паспортъ очень легко, а потомъ русскій въ Одессѣ или Кишиневѣ. Турки не признавали его новаго подданства.

прямо въ тюрьму, и шумно войдя въ прихожую, потребовалъ чтобы подданнаго немедленно ему показали... Человѣкъ этотъ былъ тотъ самый мошенникъ Понтиколеци, котораго когда-то (помнишь) консулъ прогналъ. Стража турецкая встревожилась; послали сказать скорѣе Ибрагиму; прибѣжалъ офицеръ и почтительно предложилъ консулу поговорить съ Понтиколеци черезъ рѣшеточку въ дверномъ окошкѣ.

Благовъ подошелъ къ этому окну; подвели Понтиколеци. Каковъ бы ни былъ этотъ молодой человѣкъ, какъ бы ни были смѣшны его глупыя претензіи на образованіе, какъ бы ни были противны его дѣла съ болгарскими и греческими селанами, онъ былъ русскій подданный, онъ былъ схваченъ незаконно, прежде еще чѣмъ былъ рѣшенъ разъ навсегда вопросъ объ его подданствѣ; онъ былъ ввергнутъ за обыкновенный коммерческій долгъ, вмѣстѣ съ толпой разныхъ уличныхъ буяновъ, воровъ и льяницъ въ очень тѣсную и очень грязную комнатку, гдѣ всѣ спали кучей на голомъ и отвратительномъ полу.

Благовъ обратился къ офицеру и сказалъ ему:

— Извольте выпустить его сюда, наружу. Я съ нимъ переговорю здѣсь; иначе я велю моимъ кавасамъ сломать сейчасъ замѣкъ и выведу его самъ вонъ; и вы будете отвѣчать за всѣ послѣдствія подобнаго дѣла. Манюци, сорви замѣкъ!...

Часовые не смѣли противиться, офицеръ велѣлъ отпереть дверь. Понтиколеци выбѣжалъ и, забывъ европеизмъ свой, кинулся цѣловать полу Благова.

Благовъ постоялъ съ нимъ, сдѣлавъ ему нѣсколько вопросовъ и потомъ сказалъ ему: „Иди со мной рядомъ“, а кавасамъ приказалъ идти впередъ.

И такъ они вышли и увели его, и никто не рѣшился имъ помѣшать. Да и въ самомъ дѣлѣ, не стрѣлять же было Туркамъ въ русскаго консула? Не колоть же его штыками? Что было имъ дѣлать?...

Всѣ эти обстоятельства только больше и больше утверждали насъ, всѣхъ окружавшихъ консула, въ томъ что его самымъ упорная, недѣлями продолжавшаяся задумчивость, скука, выражавшаяся на лицѣ его, что всѣ его эти одинокія и дальнія прогулки происходятъ отъ гнѣва, оскорбленнаго самолюбія и отъ жажды мщенія солерникамъ...

Мы такъ и ждали что вотъ-вотъ завтра онъ выдумаетъ еще что-нибудь такое чтобы посрамить и сразить и лашу,

и Бреше, и Леси, и коварнаго добряка Ашенбрехера... „Выдумаетъ онъ что-нибудь, смотрите!“ говорили мы...

И точно, онъ выдумалъ нѣчто очень ловкое... Но это ловкое было вовсе не мстительное, а напротивъ того крайне добросердечное и развѣ только... имѣло въ себѣ немного расчета чтобы доказать западнымъ консуламъ что имъ еще рано радоваться его раздорамъ съ Портою, что онъ имѣетъ въ запасѣ самые разнообразныя ресурсы для поддержанія своего вліянія...

Вотъ что онъ выдумалъ.

Рауфъ-паша, какъ я сказалъ уже, опять заболѣлъ; онъ лежалъ задыхаясь отъ кашля, и врачи думали что онъ на этотъ разъ уже не встанетъ съ одра своихъ страданій. Иные полагали что вся эта послѣдняя тяжелая борьба съ русскимъ и греческимъ консульствами очень огорчила и оскорбила его; слышно было что и въ Константинополѣ были не довольны его распоряженіями, его слабостью, бѣгствомъ Тахира и Костаки, и хотять его отозвать...

Паша былъ такъ разстроены, такъ убитъ что лежалъ по цѣлымъ часамъ не говоря ни слова, и близкіе люди замѣчали что онъ нерѣдко тихо плачетъ, отворачиваясь отъ нихъ къ стѣнѣ.

Бостанджи-оглу принесъ эти извѣстія изъ Порты и передавалъ ихъ Благову, глуло и радостно улыбаясь и расширяя глаза изъ всѣхъ силъ чтобы повясть что думаетъ начальникъ (какъ я ненавиждѣлъ его, когда онъ это дѣлалъ!)

— Плачетъ какъ баба!... говорилъ онъ въ угоду начальству думая что консулъ порадуетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Но лицо Благова не выразило ничего кромѣ значительнаго вниманія къ его разказу и, выслушавъ все до конца, онъ сказалъ:

— Поди сейчасъ опять въ Порту и вели спросить у пашы, желаетъ ли онъ принять меня сегодня, какъ онъ есть въ постели. Я очень жалѣю, скажи, что онъ боленъ и очень хочу его видѣть.

Рауфъ-паша съ радостью согласился его принять. Говорить, а тѣмъ болѣе слушать разказы другихъ онъ могъ безъ вреда для себя и даже съ пользой, ибо это подкрѣпляло его въ его глубококомъ уныніи. Понятно какъ онъ былъ тронутъ вниманіемъ Благова! Онъ смѣялся, цѣловалъ Благова, благодарилъ его и два раза даже позволилъ себѣ назвать его: „Джуджукъ мой“! (мальчикъ мой, сынокъ мой)....

Благовъ просидѣлъ у паша долго; разсуждалъ съ нимъ о персидской литературѣ, ни слова не уломянулъ о скучныхъ дѣлахъ, и не только снова восхитилъ его, но сверхъ того, счастливая звѣзда, которая ему тогда еще ярко во всемъ свѣтила, помогла ему странною случайностью и на христіанъ произвести по этому поводу очень пріятное впечатлѣніе.

Я сказалъ тебѣ еще въ началѣ моего разказа что старый Рауфъ-паша былъ неспособенъ, нерадивъ; сказалъ что онъ бралъ взятки и позволялъ брать и зятю своему Ибрагиму и другимъ чиновникамъ; но я отдамъ ему одну справедливость что онъ былъ по природѣ своей не жестокъ и въ религіи вовсе не фанатикъ.

На другой день послѣ визита Благова, чувствуя себя опять хуже, онъ вздумалъ испытать средство къ, которому мусульмане изрѣдка прибѣгаютъ въ недугахъ: обратиться къ христіанской святынь. Онъ послалъ за священникомъ чтобъ тотъ отчиталъ его.

Священникъ читалъ надъ нимъ молитвы, а потомъ паша взялъ изъ рукъ его Евангеліе, поцѣловалъ, приложилъ ко лбу, положилъ себѣ на больную грудь и держалъ его долго*.

Черезъ нѣсколько дней ему стало гораздо лучше, и Греки говорили: „Нашъ молодецъ чуть ли ужъ не выкрестилъ бѣднаго Рауфа“.... „Хоть не выкрестилъ“ отвѣчали другіе; „а можетъ-быть онъ посовѣтовалъ ему это сдѣлать. И Господь помогъ старику. И это хорошо что онъ поправляется. Онъ простъ и неспособенъ, довольно добръ и дѣлаетъ много ошибокъ: намъ такихъ и нужно пашей; а отъ пашей умныхъ и по-европейски образованныхъ да избавить насъ Божественный Промыслъ. Они будутъ увѣрять что Турція въ прогрессъ.... А прогрессу при такихъ какъ Рауфъ-паша, кто повѣрять“?....

Никому изъ западныхъ консуловъ, даже и туркофилу Леси, не пришло на мысль посѣтить и утѣшить въ часы личной скорби того человѣка которому они помогали въ дѣлахъ, а сдѣлалъ это нашъ молодецъ, тотъ самый Благовъ который столько ему въ этихъ дѣлахъ досадилъ, желая по долгу своему угодить христіанскому населенію.

Искусству и энергіи Благова, впрочемъ, помогало въ то время и общее положеніе дѣлъ, и сами европейскіе соперники

* Прошу читателя вѣрить что все, это факты.

русскаго вліянія безпрестанно то ошибками своими, то самую правильною игрой своею политики наломали Туркамъ что иго дружбы ихъ и бремя ихъ союза не легко.

Бреше, именно въ тѣ самые дни когда Рауфъ-паша былъ такъ боленъ и такъ огорченъ, пожелалъ снова напомнить населенію о грозной силѣ и славѣ передовой европейской державы. Онъ поднялъ ужасный шумъ за то что на улицѣ десятилѣтній Турокъ, взглянувъ на него, сказалъ своей матери громко: „Это Франкъ идетъ“! Бреше требовалъ чтобы мать этого ребенка и другая еще сопровождавшая ее мусульманка были бы обѣ немедленно заключены въ тюрьму. Турки основательно возмущались такою претензіей. Пусть бы еще мальчикъ сказалъ: „Скилс-Франкъ, (собака-Французъ) какъ говорится у насъ нерѣдко; но онъ сказалъ просто: „Это Франкъ!“

Паша рѣшительно отказалъ удовлетворить на этотъ разъ Бреше, отзываясь что разыскать этихъ женщинъ невозможно.

Съ своей стороны и Леси тревожилъ Турокъ не мало, хотя и совсѣмъ иначе. Онъ никому не грубилъ, не билъ никого, не требовалъ никакихъ безсмысленныхъ и возмутительныхъ удовлетвореній; но онъ дѣлалъ тайно нѣчто такое что въ государственномъ отношеніи было для Турокъ вреднѣе всякихъ мелкихъ обидъ и униженій.

Въ Эладѣ въ это время еще продолжалась борьба партій за опустѣвшій престолъ. Гривасъ сорвался съ цѣли, и не было уже искусной руки молчаливаго Колетти чтобы удерживать его. Зантскій *комитетъ священной борьбы*, образованный Реньери, Манаки и другими благоразумными патріотами для отпора необузданнымъ политическимъ страстямъ, тогда только что начиналъ свои дѣйствія.

Англичане возмечтали, пользуясь этими замѣшательствами, присоединить нашъ Эпиръ къ своимъ „Семи островамъ“ и образовать подъ протекторатомъ своимъ особое Греческое королевство подъ именемъ Эпиро-Ионійскаго; создать себѣ еще одну точку опоры на западѣ Турціи и, разъединя Грековъ, обезсилить эту „русскую батарею, обращенную противъ Европы“, по словамъ Пальмерстона. (Тогда еще думали такъ!...)

Въ виду этой мечты и Леси сталъ на время общительнѣе и дѣятельнѣе. Онъ старался быть любезнымъ съ нашими

архонтами, отъ которыхъ, конечно, могла бы много зависѣть удача подобнаго политическаго предпріятія, еслибъ они почувствовали ему. Леси чаще прежняго приглашалъ къ себѣ обѣдать Бакверъ-Алмаза, Вроссо, Мессо, Куско - бей, посѣщалъ митрополита и просиживалъ у него долго, порицая дѣйствія аѳинскихъ демагоговъ и повторяя всѣмъ извѣстную истину что Новая Эллада своею пустотой и безплоднымъ бѣгствомъ обманула ожиданія всѣхъ филэллинговъ первой четверти этого вѣка. Архонты радовались, кушали, бравили охотно и Гриваса, и Булгариса, и всѣхъ вождей послѣдняго движенія, курили дорогой табакъ, сидя въ нескладныхъ и не совсѣмъ новыхъ сюртукахъ на тѣхъ царскихъ диванахъ изъ ладеваго атласа на которые я едва смѣлъ сѣсть, когда вмѣстѣ съ отцомъ посѣщалъ Англичанина; всѣ они соглашались на словахъ съ господиномъ Леси... Красивый и злой Куско-бей острилъ по-восточному и мимоходомъ съ помощью Леси выигралъ за это время двѣ большія тяжбы противъ турецкихъ подданныхъ; Мессо восклицалъ, прыгая на диванѣ отъ восторга:

— Конечно! конечно! Ваше сіятельство поняли самую сущность этого вопроса, достойнаго вѣчнаго олаакиванія!

Благоразумный и честный Вроссо говорилъ очень кротко и очень умно о томъ что сильное правительство лучше слабаго и демагогическаго. Бакверъ-Алмазъ величаво и таинственно шепталъ: „Я давно говорю что Восточный вопросъ подобенъ котлу который кипитъ и кипитъ....“ Митрополитъ вздыхалъ и жаловался на свое безсиліе въ Портѣ...

Но.... къ „Семи островамъ“ никто не присоединялся и никто не пылалъ желаніемъ увидѣть на Янинской долинѣ тѣ пунцовые мундиры которые годъ спустя Греки сумѣли удалить даже и съ живописной *эспланады* * острова Корфу!...

Греки обманывали Англичанъ, но при всей своей осторожности Леси ни Грековъ, ни Турокъ обмануть не могъ. Тотъ же самый Куско-бей который только что громилъ въ британскомъ консульствѣ аѳинскую демагогію и разказывалъ смѣшныя анекдоты о турецкихъ взяточникахъ и неправедныхъ судьяхъ, приходилъ въ Порту и доносилъ Ибрагиму все что онъ слышалъ отъ Леси....

* Большая красивая площадь въ городѣ Корфу; мѣсто гуляній и военныхъ экзерціій.

Конечно, Турки слыша это думали:

— Кто намъ другъ?... Никто.... Кто намъ врагъ? Всѣ. Чѣмъ Англичанинъ для насъ лучше Русскаго? Не лучше ли дорожить русскою пріязнью? Не лучше ли остерегаться русской вражды, когда вездѣ вражда, вездѣ ложь, вездѣ измѣна!...

Такъ издавна шли, колеблясь, дѣла на Востокѣ, и кончалось всегда тѣмъ что Русскіе даже и ошибаясь выигрывали, даже и побѣжденные намигъ, побѣждали надолго.

При такихъ-то условіяхъ, послѣ любезнаго и, я вѣрю, на этотъ разъ совершенно искренняго поступка Благова, обрадованный улучшеніемъ своего здоровья и сердечно тронутый паша и даже внезапно раскаявшійся Ибрагимъ послѣшили русскому консулу все свое желаніе быть снова пріятнымъ ему.

Стотысячная тяжба несчастнаго Симо, тянувшаяся столько лѣтъ, была вдругъ рѣшена, и голодный отецъ шести дѣтей въ одинъ день сталъ владѣльцемъ огромнаго помѣстья (хотя и не подъ своимъ именемъ, ибо онъ былъ не турецкій подданный).

Другаго сомнительнаго русскаго подданнаго, котораго Ибрагимъ, подобно Понтикопеци, захватилъ было и посадилъ въ тюрьму тоже за долги въ тотъ самый вечеръ когда Благовъ собирався къ пашѣ, былъ немедленно выпущенъ.... еще прежде чѣмъ Благовъ успѣлъ и узнать о томъ что его захватили. Одного запѣте, который не разъ сопровождалъ Благова въ его путешествіяхъ по странѣ, и за котораго онъ нѣсколько времени тому назадъ ходатайствовалъ, вдругъ произвели въ унтеръ-офицеры....

Солнце Благова, на минуту только померкшее, всходило опять, и соперники консула, какъ я сказалъ, напрасно слѣшили радоваться.... Отъ самихъ Русскихъ зависитъ всегда удача ихъ дѣлъ на Востокѣ какъ большихъ и рѣшительныхъ, такъ и тѣхъ мелкихъ дѣлъ которыхъ множество составляетъ огромную силу и оставляетъ въ странѣ надолго неизгладимыя преданія.... Отъ Русскихъ самихъ, отъ ихъ ума, отъ ихъ изворотливости, отъ соединенія дерзости съ лаской и твердости съ умною уступчивостью вовремя, и ни отъ кого больше какъ отъ нихъ самихъ, равно зависитъ и тяжбу Симо рѣшить, и наградить турецкаго жандарма, и освободить всѣхъ христіанъ Востока, и укрѣпиться самимъ на Пролівахъ въ счастливый часъ!...

Вскорѣ послѣ примиренія съ Благовымъ, Рауфъ-паша началъ снова выѣзжать, и одинъ изъ первыхъ визитовъ его былъ намъ.

Онъ прѣхалъ неожиданно, во время завтрака нашего, не предупредивъ Благова что онъ будетъ къ нему, какъ дѣлаютъ обыкновенно паша чтобы непременно застать дома того кого они желаютъ почтить посѣщеніемъ.

Манолъ вбѣжалъ въ столовую какъ безумный и закричалъ точно въ отчаяніи:

— Эфенди! Паша прѣхалъ!

Мы съ Бостанджи-огау растерялись, встали и начали метаться туда и сюда; но Благовъ сказалъ намъ: „Не кидайтесь!“ пошелъ навстрѣчу старику, встрѣтилъ его въ залѣ, взялъ бережно подъ руку, извинялся что завтракаетъ и предложилъ раздѣлить съ нимъ, „какъ у насъ по-русски, прибавилъ онъ, называется это хлѣбъ-соль!“

Паша поблагодарилъ и отказался, потому что онъ теперь на особой діетѣ и сѣлъ на диванъ.

Пришлось такъ что онъ сѣлъ именно на тотъ диванъ къ которому я сидѣлъ за столомъ задомъ. Что мнѣ было дѣлать! Я никогда еще въ жизни моей не сидѣлъ въ одной комнатѣ съ пашой; теперь я долженъ даже вѣсть лицу мою при немъ! Кто онъ и кто я? Какая у него власть? власть несравненно большая надо мной (турецкимъ подданнымъ!) чѣмъ власть самого Благова! Какая у него сила? И какое мое ничтожество! Я не зналъ что мнѣ дѣлать. Повернулъ стулъ со всѣмъ бокомъ, чтобы быть почти лицомъ къ пашѣ, и едва касаясь локтемъ стола, совсѣмъ перекошилъ все тѣло мое, и мнѣ было очень трудно подносить куски и жидкій супъ чтобы не разронять и не разлить всего себѣ на новое европейское платье.

Благовъ, кушая, поддерживалъ съ пашой довольно оживленный разговоръ. Онъ сначала спросилъ его, отчего онъ въ болѣзни не обратился къ Коевину, хвалилъ доктора и прибавилъ:

— Онъ немного безумный—делу; но всѣ почти эти дела хорошие люди. Къ тому же рекомендую его вамъ какъ большаго друга мусульманъ. Онъ постоянно восхищается всѣмъ турецкимъ.

Паша смѣялся и спрашивалъ, намекая на его ссоры съ Гадаушей.

— Что онъ какъ дома живетъ, Коевино? Стекла его цѣлы?

— Пока цѣлы, сказалъ Благовъ.

И они начали говорить какіе бываютъ эти люди дели.

— Бываютъ и женщины такіа дели. Однажды еще очень молодой я шелъ въ Стамбулъ по улицѣ задумавшись, мнѣ очень хотѣлось поступить въ морскую службу, потому что мундиръ нашихъ моряковъ тогда былъ очень красивый, съ голыми руками. На рукахъ иные люди вытравливали себѣ знаки, рыбу напимѣръ; и я хотѣлъ вытравить себѣ такую рыбу. Меня это очень безлокоило и я шелъ задумавшись. Вдругъ я чувствую что меня кто-то крѣпко ударилъ по спинѣ палкой. Я испугался; гляжу — старая мусульманка, я ее не зналъ. Ударила и говоритъ мнѣ такъ: „Ты что глулый, идешь печально? Молодой долженъ быть весель, а ты идешь какъ старикъ! Иди хорошо! Смотри!“ Еще погрозила палкой и пошла дальше. И я пошелъ.

Разговоръ былъ занимательный, но мнѣ рѣшительно было мученіе такъ сидѣть. И вѣсть я не могъ, и лицо мое горѣло отъ тревоги, и я спрашивалъ себя, не уйти ли мнѣ? Не отомстить ли мнѣ паша позднеѣ за то что я, который обѣдывалъ у себя въ Загорахъ чаще всего съ работникомъ Константиномъ, теперь осмѣливаюсь...

Я рѣшилъ что надо уйти и вдругъ вставъ, пошелъ изъ столовой.

— Что ты? что ты? шепталъ Бостанджи-оглу.

— Головокруженіе внезапное, сказалъ я и ушелъ въ залу. Но самъ паша встревожился.

— Что съ этимъ мальчикомъ случилось? спросилъ онъ.

Я слышалъ еще какія-то слова, слышалъ что Бостанджи-оглу сказалъ пашѣ: „Бойтся васъ, эфендимъ!“

Благовъ велѣлъ оставить меня въ покоѣ; я былъ очень радъ и подошелъ слушать изъ-за занавѣски что они такое говорили.

Слышу — обо мнѣ.

— А! Это сынъ Полихроніадеса, красивый какой мальчикъ! говорилъ Рауфъ. (Добрый паша! Дай Богъ ему въ здоровьи поправиться! Нѣтъ! Что сказать, фанатизмъ и съ нашей стороны глупость, Турки бываютъ люди очень хорошіе).

— Онъ хорошій молодой человекъ, отвѣчаетъ Благовъ. — Онъ воспитанъ по-старинному, въ прекрасной и почтенной семьѣ. (Добрый консулъ! Благодарный единовѣрецъ мой!)

Паша началъ тогда говорить о старинѣ и о томъ что хотя и многое нынче лучше, но что были вещи и въ старину прекрасныя.

— Эта мода, à la Française, намъ всёмъ много вредитъ, развращаетъ людей... И Турокъ, и христіанъ, и евреевъ... Всѣхъ, всѣхъ.

Они поговорили еще немного объ этомъ, и вдругъ Благовъ сказалъ:

— Однако это и хорошо что. Одиссей ушелъ; безъ него одну вещь мнѣ будетъ легче сказать вамъ. Вотъ вы хвалите старину вашу. А я боюсь что вы сами стали всёмъ Европейцемъ, и не любите дѣлать того что дѣлали паша въ старину, хатырь друзьямъ. (О чемъ эта рѣчь? Опять не обо мнѣ ли? Привикну еще къ занавѣскѣ.)

— Нѣтъ, я дѣлаю хатырь когда могу, особенно такимъ людямъ какъ вы! отвѣчалъ паша.—Вы что желаете?

— Дайте мнѣ слово что вы мой хатырь сдѣлаете, и я вамъ тогда скажу.

— Впередъ какъ дать слово!

— Нѣтъ, вы вѣрите мнѣ что я вреднаго ни для государства, ни для васъ не попрошу.

— Хорошо, отвѣчалъ смѣясь паша,—я согласенъ.

Тогда Благовъ сказалъ ему такъ:

— Когда вы говорили сейчасъ о женщинахъ дѣли, я вспомнилъ объ одной Нидѣ. Вы велѣли посадить ее за что-то дерзкое въ тюрьму. Освободите ее, я самъ ее никогда не видалъ, но меня за нее очень просили. Я знаю что я прошу о дѣлѣ незаконномъ, но вѣдь паша не префектъ какой-нибудь, и вы сами говорите что любите дѣйствовать и судить по-старинному.

Паша выслушавъ эту просьбу, захотѣлъ такъ громко что даже закашлялся и замолчалъ на время; а потомъ отдохнувъ отвѣчалъ серьезнымъ тономъ:

— Вы знаете что эта Нидѣ сдѣлала? Онѣ здѣсь сметають соръ изъ домовъ на средину улицы и зажигаютъ его. Это опасно. Я велѣлъ запрещать это. Полиція подошла, а люди эти взбунтовались и не слушались. Началась драка. Нидѣ эта была тутъ же и она ударила по щекѣ полицейскаго чауша. За это ее необходимо было заключить надолго. Этого нельзя прощать. За оскорбленіе полиціи полгода тюрьмы.

— Что жь дѣлать? спросилъ Благовъ. — Я согласенъ что это очень дурно.

— Что дѣлать? сказалъ паша олять смѣясь.—Вы не знаете Нѣцу сами?

— Могу васъ увѣрить что не знаю.

— А кто же такой женолюбецъ что просилъ за нее. Какой-нибудь женолюбецъ. Она очень красива. И знаете что она имѣеть хорошее родство. У нея родной братъ офицеромъ въ Элладѣ служить. Я выпущу ее изъ тюрьмы, но вы должны мнѣ сказать кто просилъ за нее? говорилъ паша.

— Я согласенъ открыть вамъ эту тайну, отвѣчалъ консуль. Просилъ за Нѣцу вотъ онъ, Бостанджи-огау. Это правда что онъ женолюбецъ, и кажется имѣеть къ ней слабость...

Слушая это изъ-за завѣса моего, я удивился какъ это не стыдно Благову клеветать хотя бы и въ шутку на человѣка. Бостанджи вовсе былъ не таковъ; я долженъ сказать правду; онъ былъ благороднѣе многихъ молодыхъ людей своего возраста уже вслѣдствіе холодности своей, скулости и боязливости. Но Благову не было до этого дѣла, онъ думалъ только всегда о томъ чтобы достичь скорѣе цѣли. Я не могъ видѣть лица Бостанджи въ эту минуту, но понималъ что онъ долженъ быть на этотъ разъ въ справедливомъ негодованіи. Однако протестовать онъ, разумѣется, не осмѣлился, и разговоръ о заключенной въ темницу гетерѣ продолжался.

— Хорошо! воскликнулъ паша весело. — Дайте ей знать чтобъ она объявила будто у нея ревматизмъ,—ноги болятъ, руки болятъ. Въ тюрьмѣ сыро, не хорошо. Я велю доктору посѣтить ее и мы потомъ ее выпустимъ.

Паша послѣ этого уѣхалъ, и Нѣцу на другой день выпустили.

Мы всѣ думали что Благовъ забылъ объ ея дѣлѣ. Судьбой ея, ея страданіями въ тюрьмѣ старалась заинтересовать Благова не одна только Зельха; Коевино разказывалъ подробно ея біографію, и Бостанджи-огу (это правда) раза два уломиналъ о ней ло одному лишь доброму движенію; но Благовъ сначала медлилъ, стыдась вмѣшиваться въ дѣла предмѣстья Канлы-Чешме, имѣвшаго столь худую славу, а потомъ настали дни распрей съ Турками; онъ однако не забылъ и этого небольшого дѣла, нашелъ наконецъ удобный часъ упомянуть о немъ не унижая ни себя, ни свою роль въ городѣ.

Такимъ рядомъ новыхъ успѣховъ озѣменовало себя въ это время наше консульство. Западные завистники Благова

радовались слишком рано; а мы всё, и я, и кавасы, и слуги, и доктор Коевино (который вошелъ въ тотъ же день къ намъ въ залу, потрясая ладкой надъ головой и восклицая: „Des triomphes et encore des triomphes!“), и ты изъ архонтовъ которые были на сторонѣ Россіи,—мы всё радовались.

Бостанджи-огау былъ только одинъ, какъ я и угадалъ стоя за дверьми, въ справедливомъ негодованіи на консула...

Онъ поднималъ руки къ небу, сгибалъ шею, потрясалъ длинною своею бородкой, и всяческимъ некрасивымъ тѣлодвиженіемъ искалъ выразить до чего „это ужасно!“

— И не стыдится, и не стыдится такъ марать человѣка предъ Туркомъ... И не стыдится онъ, и не стыдится!... говорилъ онъ почти съ отчаяніемъ.

Но... увы! справедливости нѣтъ на землѣ!...

Бостанджи, конечно, былъ правъ, негодуя на эту безжалостную и калризную шутку Благова; но онъ былъ такъ не любимъ всеми нами что всё мы его горю не могли не смѣяться, хотя сами, будучи на его мѣстѣ, при нашей боязни общественного мнѣнія, оскорбились бы точно также глубоко какъ и онъ подобнымъ пренебреженіемъ къ репутаціи нашей!...

Всѣ приближенные консульству люди, говорю я, радовались „тріумфамъ“, возобновившимся послѣ нѣсколькихъ пораженій; я тоже радовался улучшенію дѣлъ, но сверхъ того я радовался еще и тому что лапа узналъ меня лично и похвалилъ меня. Мнѣ было очень хорошо въ Янинѣ, но я чувствовалъ что мнѣ не достаетъ чего-то существеннаго и важнаго... Мнѣ не доставало личного знакомства съ генеральнымъ правителемъ края... Теперь и это осуществилось!...

Если будетъ нужно, если того потребуетъ интересъ мой или благо семьи моей, я пойду къ нему самому и, ставъ предъ нимъ, почтительно изложу ему умно мою просьбу и безъ помощи консульства! Я понравился бѣдному Рауфу... Понравилась ему красота и опрятность моя; а еще больше, я полагаю, понравился трепеть предъ его мощью, трепеть, изгнавшій меня даже изъ-за стола!...

Хорошо, Одиссей, хорошо... Еще шагъ впередъ! Еще утѣшеніе матери дорогой! Еще даръ Промысла... и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и мое искусство. Умѣлъ я въ мѣру и вовремя услугаться... Это называется „умъ!“

Мы всё были довольны новыми удачами и успѣхами консула нашего; мы, радостно смѣясь и представляя другъ предъ другомъ страстныя движенія доктора, восклицали подобно ему: „Des triomphes et encore des triomphes...“ Но самъ Благовъ и при этомъ счастливомъ поворотѣ дѣлъ оставался все такимъ же молчаливымъ, задумчивымъ и скучнымъ какимъ онъ намъ казался во дни неудачъ. Онъ все продолжалъ удаляться отъ людей, принималъ ихъ только по долгу службы; о прежнихъ сборищахъ по вечерамъ, о которыхъ я столько слышалъ тотчасъ по прїѣздѣ моемъ въ Янину, о карточной игрѣ и съ консулами, и съ архонтами, и съ лашой и рѣчи теперь давно не было. Теперь онъ даже пересталъ и лѣшкомъ далеко ходить каждый день, и верхомъ по утрамъ не ѣздилъ, и картинъ и рисунковъ своихъ не казался.

Онъ все читалъ лежа на диванѣ или погрузившись въ большое кресло. Онъ запирался съ утра.

Кольйо выходилъ отъ него осторожно въ залу и, таинственно ступая неслышными стопами въ красныхъ чарухахъ своихъ, шепталъ мнѣ:

— Опять легъ и опять читаетъ!

— Что онъ читаетъ? Ту книжку?

— Да, ту книжку! говорилъ Кольйо.

Ту книжку!... Какая же была эта книжка!...

Забылъ ли я, или не пришлось мнѣ кстати—не знаю; но я не упоминалъ о ней ни разу. Теперь я скажу тебѣ какая была эта книга.

Кольйо еще прежде, зазвавъ меня однажды въ кабинетъ Благова, показалъ мнѣ ее. Она была не велика, въ синемъ бархатномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, и золотымъ крестомъ на верхней сторонѣ.

— Все эту книжку теперь читаетъ, сказалъ мнѣ Кольйо.— Церковная она или нѣтъ, я не знаю. Посмотрите что такое.

Я посмотрѣлъ. Это было Евангеліе на французскомъ языкѣ. На первомъ чистомъ листѣ его была французская же надпись очень красивымъ и мелкимъ почеркомъ:

„Это Святое Евангеліе принадлежитъ милому сыну моему Сашѣ Благову.“ (Слово Саша было написано по-французски такъ: „Sacha“; это все равно что у насъ, у Грековъ, Алѣко.) „Милый сынъ мой! Береги этотъ подарокъ любящей твоей матери. Пусть эта святая книга сопровождаетъ тебя всюду.

Читай ее когда тебѣ будетъ грустно и вслѣдовай обо мнѣ. Вчера, наканунѣ твоихъ именинъ, я послѣ обѣда пошла одна гулять въ нашъ прекрасный садъ, гдѣ ты прежде такъ любилъ играть и сорвала два листа, одинъ красный, а другой фіолетовый. Я положила ихъ въ это Евангеліе и посылаю тебѣ чтобы ты зналъ что и осень имѣетъ свои утѣшенія и свои красоты. Отрада моей осени—это ты, это твое счастье и моя любовь къ тебѣ, мой обожаемый Саша. Да хранить тебя Милосердый Богъ и Пресвятая Дѣва Марія!“ Село Александрово; августа 30го 1852 года.

Подъ всѣмъ этимъ посвященіемъ внизу было подписано: „Lise Blagow, née princesse Massalsky.“

Какое горячее и нѣжное чувство взволновало мою душу когда я прочелъ эти строки!... Большой портретъ этой Лизы Благовой, урожденной княжны Масальской, былъ близокъ. Я взглянулъ на него и увидалъ и на немъ еще разъ уже знакомый мнѣ густой и темный садъ вдали, увидалъ бѣлыя перила балкона, увидалъ эту смуглую, еще молодую женщину (въ то время уже умершую)... Глаза ея такіе синіе и ласковые... И цвѣточки въ черныхъ волосахъ тоже синіе, не здѣшніе, русскіе цвѣты. И за садомъ, около котораго она сидѣла чуть видная, гдѣ-то, гдѣ-то такая красная, должно-быть вечерняя заря...

Колько ждалъ моего отвѣта, и я сказалъ ему:

— Оставь это. Знаешь, это Евангеліе, которое ему подарила на именины его покойная мать... Для спокойствія его души. Вотъ она что написала.

И я старался какъ могъ перевести ему эту трогательную французскую надпись. Колько слушалъ благочестиво и внимательно, и когда я кончилъ, онъ сказалъ, указывая на портретъ почти со священнымъ ужасомъ въ очахъ:

— Прижилѣсса она была... Да спасетъ Богъ ея душу!... Бѣдная, умерла она... Видно, онъ ее любилъ мать свою... Православный человекъ, что ни говори... А только вотъ что, Одиссей, ты не смѣйся надо мною, я прошу тебя! Это что на французскомъ языкѣ Евангеліе?... Не знаю какъ ты скажешь, а мнѣ это что-то кажется криво... Франкская вещь... Что ты скажешь?...

Но я хотя и самъ въ глубинѣ сердца находилъ что это „не порядокъ“, и мнѣ эти звуки „le bon Dieu, la Sainte Vierge“ были очень чужды и не совсѣмъ пріятны, сказалъ ему однако

важно что „и самимъ апостоламъ заповѣдано благовѣствовать на всѣхъ языкахъ, и что Духъ Святой въ видѣ множества языковъ сошелъ на апостоловъ“...

— Развѣ и у насъ не читаютъ на многихъ языкахъ Евангеліе на первой день Пасхи, на *Второмъ Воскресеніи*?* Даже по-албански и по-турецки?

— Это правда! Ты все хорошо знаешь, смиренно и со вздохомъ воскликнулъ Кольйо.

И мы, положивъ книгу на мѣсто, ушли. Но подобно тому какъ я почувствовалъ что и этого жестокаго, насмѣшливаго, безстрашнаго въ нашихъ глазахъ Благава можно жалѣть, когда увидалъ что онъ обжогъ и ободралъ себѣ до живаго мяса руку; подобно тому какъ я понялъ въ Циццѣ что онъ не только командуетъ и владычествуетъ, но иногда и груститъ и мечтаетъ, подобно этому и теперь я всѣмъ сердцемъ постигъ (съ того дня какъ я видѣлъ эту книжку и прочелъ эту надпись), что у Благава *есть Богъ* въ преисподнихъ души его, *есть Богъ* не для того только чтобы ходить по большимъ праздникамъ въ нашу греческую церковь въ мундирѣ и орденахъ... Какъ должна была дѣйствовать на него эта надпись, истекшая изъ материнскаго сердца какъ живой ключъ любви, если она дѣйствовала на меня, несмотря на иностранный языкъ, такъ чудно? Если даже меня восхитили эти *осенніе листики*, которые я нашелъ еще цѣлыми (красный былъ круглый и зубчатый, сѣдощъ пурпуровый; а другой былъ тоненькій, вѣжнѣй, весь какъ кружево тканый, и на немъ въ самомъ дѣлѣ по бѣлому были фіолетовыя лятна и жилки необычайно тонкія и красивыя)... Да! только съ этой минуты я сталъ ловимать красоты осени; я понялъ ихъ печальную поэзію гораздо прежде чѣмъ сталъ читать объ этой красотѣ у столькохъ тоскующихъ поэтовъ всѣхъ временъ и странъ... До той поры я не обращалъ вниманія ни на увядшіе листья, ни на улылыя прелести осеннихъ дней.

Эти листочки и эта синяя книжка не одного Благава сопровождали вездѣ; она съ тѣхъ поръ и за мной слѣдуетъ всюду въ мысляхъ моихъ, и я съ тѣхъ поръ не могу видѣть ни падающихъ листьевъ, ни синяго бархата чтобы не вспомнить о нихъ, о моей молодости, о молодости Благава, и объ

* *Второе Воскресенье*—такъ зовутъ греческіе простолюдины вечерню на первый день Пасхи.

его незнакомой мнѣ и давно уже умершей матери, и о моей, которая до сихъ поръ жива и которую я съ годами выучилась любить еще больше чѣмъ любилъ когда былъ юношей.

Моя мать не умѣла писать такъ хорошо какъ мать Благова; но что сильнѣе трогаетъ сердце преданнаго сына—простота нѣжной матери или ея высокая образованность—кто рѣшить?...

Итакъ, онъ грустилъ!... Онъ скучалъ у насъ. Онъ писалъ на родину (я знаю что онъ такъ писалъ), онъ писалъ:

„Послушайте! Вотъ уже два года я задыхаюсь въ Эпирѣ!“...

О чемъ же тосковалъ Благовъ? Что было ему такъ нестерпимо нужно, такъ мучительно мило?... Чего онъ не имѣлъ? Чего? чего, скажите? Онъ былъ красивъ, былъ молодъ, знатенъ родомъ, смѣлъ, уменъ!... Кромѣ званія, конечно прекраснаго для его лѣтъ, независимаго, виднаго; кромѣ того вѣянія и тѣхъ успѣховъ которыми онъ могъ наслаждаться у насъ; кромѣ всѣхъ надеждъ на иные размѣры вѣянія и власти въ будущемъ, не жилъ ли онъ въ этомъ восхитительномъ жилищѣ гдѣ пахло духами и свѣжимъ деревомъ новой постройки, гдѣ лодь рѣзными потолками лестрѣли такіе разноцвѣтные ковры, гдѣ все было красиво, и самъ хозяинъ, высокій, прямой, гордый, блѣдный, отважный, въ бархатѣ и тонкомъ бѣльѣ, и эти ковры, и лѣльные узоры стѣнъ, и рѣзные узоры потолка, и красные съ бѣлыми шахматы египетскихъ циновокъ, и картинки, и сафьянные переплеты золотобрѣзныхъ книгъ на столахъ, и воинственные кавасы, румяный и черноокій Кольцо, въ чистой какъ свѣтъ фустанеллѣ, и серебро, и ковь верховой, и вся утварь, всѣ сосуды... Гдѣ даже, даже я былъ не дурень и не гауль... Гдѣ, наконецъ, и тѣ люди которые были не такъ красивы и не такъ опрятны, или душою не слишкомъ достойны, и тѣ были ему, или полезны, или искусны; были забавны можетъ-быть: былъ Христо—соловникъ кривобокій, въ красномъ мундирѣ, и хитрый Вассо искусный въ изготовленіи блюдъ и въ другихъ дѣлахъ; Бостанджи былъ подвижникъ въ переводахъ своихъ, въ безропотномъ многописаніи, въ ловиновеніи, въ благопотребномъ страхѣ и трудѣ... Чего было ему еще желать ненасытному?

О чемъ скучать? Чего искать? О чемъ томиться?..

Не самъ ли онъ столько разъ хвалилъ нашъ край, нашъ городъ, наши горы и долины, лѣса и ручьи, наше озеро, наши веселыя одежды, наши улыблыя лѣсны и тихія пляски?

Не онъ ли говорилъ при архонтахъ нашихъ: „Зачѣмъ мнѣ театръ? Здѣсь на Востоку сама жизнь театръ.“ Не говорилъ ли онъ что даже „здѣшняя толпа ему милѣе траурной толпы европейскихъ городовъ“. Да! это его собственная рѣчь, это его чувства... Чего же ему еще желать такъ страстно? Развѣ нѣтъ дѣла у него? Онъ самъ ищетъ, онъ самъ создаетъ эти дѣла... Онъ самъ рвется на всякую борьбу, на всякую схватку, на всякій трудъ, лишь бы этотъ трудъ былъ видный трудъ, и лестный трудъ, блестящій, шумный....

Онъ въ этомъ правъ! Русскій консулъ въ Турціи не просто дипломатъ придворный. Онъ долженъ быть исполненъ огневато духа, ума, движенія и силъ... Онъ долженъ быть почти какъ вождь народный... Онъ долженъ быть „политикъ“. Политика есть духъ; а дипломатія что такое? Это только одна изъ формъ этого духа.

И Благовъ все это зналъ хорошо; онъ дѣйствовалъ такъ какъ нужно было дѣйствовать въ Эфирѣ.

Онъ любилъ иногда свою дѣятельность, онъ уважалъ въ иное время свое назначеніе...

Но не только дѣятельность свою, а увѣренъ что онъ вполнѣ искренно любилъ и самую страну нашу; наши нравы занимали его и онъ находилъ въ нихъ много поэзіи. Онъ самъ слишкомъ любилъ все прекрасное чтобъ ему жизнь родины своей не нравилась вся вмѣстѣ, въ своей своеобразной совокупности... Эта тихая и медленная эклога нашей домашней и будничной жизни которую такъ внезапно прерываютъ отъ времени до времени такіа мрачныя трагедіи...

Онъ любилъ не только Эфиръ и насъ всѣхъ въ немъ живущихъ; я думаю что въ иные дни удачи онъ и всю Турцію готовъ былъ любить то какъ зритель, то какъ дѣтель, то какъ зрѣлище болѣе живое и величавое чѣмъ картоныя, искусственныя зрѣлища европейскихъ столицъ, то какъ ничѣмъ инымъ жока незамѣнимое полприще его молодечеству, его уму, его пламенному честолюбію!...

Казалось будто все такъ покойно и въ самомъ дождѣ нашемъ, и въ поляхъ, и на стогнахъ гаухаго, мирнаго и опрятнаго города, похороненнаго въ свѣжей долинѣ за непроходимыми путями, у синяго озера, за двумя высокими и длинными гребнями облаженныхъ горъ...

Нѣтъ шума, нѣтъ треска экилажей, нѣтъ того обманчиваго грома и суеты которые такъ поражаютъ насъ въ горо-

дахъ торговыхъ и богатыхъ. Театровъ нѣтъ; баловъ, бульваровъ съ громкою музыкой; фонари не горятъ вечеромъ по улицамъ; лѣвшеходы ихъ несутъ сами въ рукахъ; коляски и кареты не мчатся возбуждающимъ грохотомъ по гладкой мостовой; ихъ мало въ городѣ и онѣ вѣдутъ почти шагомъ по неровнымъ камнямъ узкихъ улицъ....

Густой, древовидный темный плющъ величаво одѣваетъ старую стѣну, рядомъ съ новымъ и щегольскимъ домикомъ, окрашеннымъ какою-нибудь веселою краской, зеленою, желтою, бѣлою, голубою....

Задумчивые аисты вьютъ гнѣзда на широкихъ оградахъ дворовъ и садовъ; а злые колчички—на крышахъ; городъ тихъ, и они не боятся людей.

И когда представишь себѣ въ воображеніи всю эту прекрасную и пеструю картину, отъ границы свободной Греціи, отъ Амвракійскаго залива, вблизи котораго сражались Антоній и Августъ, отъ Арты и Превезы, гдѣ цвѣтутъ лимоны и гдѣ алельсинами какъ яблоками въ садахъ иныхъ странъ усѣяна земля, на сѣверъ до тѣхъ страшныхъ, неизвѣстныхъ даже и намъ, Эпиротамъ, высотъ и ущелій, гдѣ живутъ кровоместники арнаутскіе Гечи, въ круглыхъ фескахъ съ густыми кистями; когда вообразишь себѣ Лакку Сулійскую въ старой фустанелѣ, бѣдную и отважную Лакку, восхищавшую великаго лѣвца Британіи, и богатое Меццо во въ каменистой долинѣ у предѣловъ плодородной и низменной Тессалии (гдѣ земля такъ черна, гдѣ дуга такъ зелена, гдѣ стада такъ тучны, гдѣ древній Пиней течетъ такъ чудно извинаясь къ Темпейской долинѣ), Меццо во въ синихъ одеждахъ, обшитыхъ красною каймой, Меццо во, сохранившее до сихъ поръ у себя черты старыхъ сословій; и потомъ румяныхъ ломакочующихъ Куцо-Влаховъ лѣсисаго Пинда, въ одеждѣ бѣлой и суконной, ихъ красивыхъ дѣтей съ золотыми монетами на фескахъ, обрученныхъ, по старому обычаю, уже съ ранняго возраста; ихъ деревни, лустыя въ зимнее время; и наши богатые Загоры, наши села съ бѣлыми мѣловыми, каменными крышами, а не съ крытыми черепичными какъ въ другихъ мѣстахъ; и бѣдные *чифтлики* хлѣбородныхъ долинъ, гдѣ работаютъ для турецкихъ беевъ угнетенные христіане округовъ, не получившихъ издавна фирманами привилегій; когда представишь все это, все, въ одномъ совмѣстномъ и всецѣло-разнородномъ образѣ драгоцѣн-

наго нашего Элира, и подумаешь (какъ думалъ, конечно, какъ обязанъ былъ думать безпрестанно Благовъ) что все это, несмотря на обманчивую тишину и медленность, живетъ жизнью несравненно болѣе здоровой чѣмъ живутъ жители шумныхъ и торговыхъ городовъ, и когда знаешь что всѣ подобныя страны подъ властію Турокъ свѣжи какъ новые всходы хлѣбовъ и воспламенимы такъ быстро и такъ страшно, тогда конечно станетъ ясно въ какомъ смыслѣ Благовъ, и какъ политикъ, и какъ поэтъ, могъ насъ любить!

Но могъ ли онъ жить долго однимъ созерцаемъ?

Встрѣчалась на пути трудность, подобная распрѣ Бреше и Бакъева; встрѣчалось дѣло темное и серьезное, подобно дѣлу Джеффера и Пано, со всѣми сложными послѣдствіями; летѣлъ камень въ окно; горѣлъ занавѣсъ въ греческомъ консульствѣ; лилась кровь въ дальнемъ увздѣ; здѣсь угрожала толпа мусульманъ; Корбетъ-де-Леси ухищрялся увидить православнаго агента, Благовъ выросталъ на мигъ.... Но проходили эти всплшки, и все утихало. Опять одно созерцаніе; опять лустой дворъ и просторный домъ, опять мы и только мы; Кольцо, кавасы, я, Исаакидесь; опять крикъ однихъ и тѣхъ же разнощиковъ хлѣба, сластей и баранокъ, давно знакомыхъ вамъ въ лицо; опять день за день все одно и то же.... Тѣ же лица, тѣ же тяжбы, тѣ же визиты однихъ и тѣхъ же архонтовъ, тѣ же архонтисы въ платочкахъ; тѣ же колчики, тѣ же аусты дѣтомъ; тотъ же проливной дождь зимой, и тѣ же чугуныя, пылающія съ утра до вечера въ безмолвномъ домѣ печи....

Въ то время въ Элирѣ не было великихъ и грозныхъ событій, не было кровавыхъ возстаній, не было избіеній какъ въ Сиріи или какъ теперь въ Болгаріи и Босніи. Турки тогда были мирны и разумны. Не было у насъ въ Западной Турціи и другаго рода борьбы, той подземной борьбы лалства съ православіемъ и ланславизма болгарскаго съ эдлинствомъ котораго совмѣстно и одновременно килѣла въ восточной части Балканскаго полуострова, въ славяно-греческихъ краяхъ.

У насъ, въ Элирѣ, тогда не было напряженія политической жизни; напротивъ того, насталъ долгій роздыхъ послѣ кровавыхъ схватокъ 1854 года, послѣ экспедиціи Гриваса въ Элиръ...

Были *дѣла*, но какія? Было тихое броженіе умовъ, были перевороты въ сосѣднихъ земляхъ; и у насъ они отзываются перемѣнами мыслей, сомнѣніями, колебаніями умовъ, анти-

патіями и сочувствіями.... И тогда Востокъ былъ въ движеніи, но только не у насъ... Въ Герцеговинѣ бунтовали. Лука Вукаловичъ уже давно боролся съ Турками въ надеждѣ на помощь державъ; фотографическія карточки широколицаго, усатаго воеводы дошли до Ялоніи. Черногорскіе молодцы и тогда ужасали низамовъ и обращали ихъ въ бѣгство однимъ лишь натискомъ своимъ, одними лишь воллами воинственнаго гнѣва.... Еще не остыла кровь несчастныхъ сирійскихъ христіанъ....

Въ свободной Элладѣ, ты знаешь это лучше меня, еще въ полномъ разгарѣ тогда была борьба партій послѣ удаленія Оттона. Англичане (я говорилъ уже тебѣ прежде объ этомъ) то пытались раздѣлить Грековъ, то думали подкупить ихъ на долго уступкой „Семи острововъ“. Элироты ни чуть не искали присоединиться къ этимъ „Семи островамъ“ и временныя ласки Англичанъ ихъ не вводили въ заблужденіе; но и свободною Греціей въ то время многіе были у насъ недовольны.

Не внутреннихъ лустыхъ переворотовъ, не борьбы чиновниковъ за власть, не агитаціи „докторовъ безъ практики и адвокатовъ безъ тяжбъ,“ которыми полны современные Аѳины, ждали мы, турецкіе подданные, отъ нашихъ свободныхъ братій Акармани, Мореи и Акрополя.... Мы ждали оттуда новыхъ подвижниковъ для сверженія мусульманской власти—подвижниковъ подобныхъ Марко Боцарису, Маврокордато, Караискакки, Колокотрони и Канарису!...

Обманутые въ ожиданіяхъ своихъ, многіе изъ Элиротовъ тогда гораздо больше чѣмъ Аѳинскими дѣлами интересовались тѣмъ что дѣлаетъ Черногорецъ Мирко, измѣнилъ ли онъ, какъ слышно, Черногорскому дѣлу за австрійскія деньги или нѣтъ?... Что свершилъ еще уловный Вукаловичъ?... Что пишутъ о немъ?

Со смѣхомъ и похвалами читали въ газетахъ письмо его къ Дервишъ-пашѣ:

„Слушай ты, лотурченокъ Дервишъ! Подкрадывался, какъ жалкій трусъ или мошенникъ, ты пробрался въ мои Зубцы, порасхитилъ женскіе фартуки и кудель, лубивалъ людей, которыхъ не тронетъ ни одинъ честный солдатъ. безпомощныхъ стариковъ и невинныхъ дѣтей; еслибы, несмотря на все это, родила тебя мать воиномъ, то почему же не остался ты подождать меня въ Зубцахъ, а съ невиданною еще на свѣтѣ трусостью уклонился отъ честной борьбы? Если ты юдакъ, то выходи немедленно изъ города; на открытомъ полѣ мы встрѣтимся съ тобой!“

— Вотъ мужъ! Вотъ подвижникъ! Вотъ какого намъ здѣсь надо! восклицали у насъ.

И это въ городѣ. А сельскіе люди въ дальнихъ долинахъ и горахъ еще меньше обращали вниманіе на борьбу „чернильщиковъ“ и „словесниковъ“ элианскихъ, а Мавровуніотовъ (Черногорцевъ) знали и они понаслышкѣ и хвалили ихъ.

— Когда Мавровуніо поднимается, Туркамъ скверно, говоритъ одинъ съдой старикъ изъ дальняго села у насъ внизу, въ кавасской комнатѣ.—Я Черногорцевъ, этихъ звѣрей, знаю (прибавлялъ онъ съ воинственнымъ восторгомъ въ очахъ); у нихъ ружья въ шестнадцать четвертей дюны, и онъ, чтобы не тратить лишнѣхъ зарядовъ, подбѣжитъ къ Турку, подхватитъ его вдругъ этимъ ружьемъ между ногъ и черезъ себя на воздухъ перекинетъ. Турокъ на куски и распался! Такіе люди—эти Мавровуніоты!

Все это Благовъ обязанъ былъ знать; и все это онъ, конечно, зналъ, но всего этого ему было мало; не въ такую эпоху и не при такихъ малосложныхъ условіяхъ политической жизни могъ онъ показать себя во всеоружіи своихъ силъ!...

Я понимаю, вѣрю, онъ долженъ былъ иногда нестерпимо страдать при мысли о томъ что и онъ можетъ прожить тою обыкновенною, безславною жизнью которою живутъ столько людей.

Однажды, я помню, еще прежде, когда Бакѣевъ былъ еще здѣсь, они вмѣстѣ читали русскія газеты и нашли въ нихъ извѣстіе о смерти одного Русскаго и Русскимъ довольно извѣстнаго генерала. Некролога не было.... Благовъ не любилъ говорить о своихъ чувствахъ; онъ не находилъ никого достойнымъ проникать въ святилище своей гордости и своего себялюбія; но почему-то на этотъ разъ онъ захотѣлъ измѣнить себѣ и сказалъ тихо и мрачно, бросая газету:

— Какъ отвратительны эти простыя слова: „Умершіе исключаются изъ списковъ....“

. И послѣ этого неожиданнаго возгласа, не дождавшись и отвѣта отъ Бакѣева, онъ всталъ и ушелъ куда-то.

Въ домѣ его, говорю я, было такъ тихо, и просторно и покойно; всѣ мелкія заботы житейскія были нами такъ старательно устранены отъ него.... Онъ имѣлъ полный досугъ терзать самъ себя, тоскуя о чемъ-то лучшемъ, о чемъ-то мощномъ и блистательномъ, о чемъ-то восхитительномъ и

страшномъ.... Вотъ *теперь*, среди событій подобныхъ нынѣшнимъ кровавымъ событіямъ на поляхъ и высотахъ злополучной Болгаріи, Благое дышалъ бы, можетъ-быть, весело и бодро!

Нуженъ былъ ему еще (я поздно понялъ это; его вкусы и правила воспитанія такъ были непохожи на наши вкусы, на наши правила!), ему необходимъ былъ тотъ воздухъ томительно-растлѣвающій, душистый и веселый воздухъ которымъ дышутъ молодыя женщины въ странахъ свободныхъ нравами... Его училъ не нашъ Несториди, который любилъ чтобы жена *стоала* предъ нимъ, и скрежетала зубами при одной мысли о какихъ-нибудь любовныхъ приключеніяхъ; его вскармливалъ не отецъ мой, который смолоду боялся, конечно, и смотрѣть на женщинъ и, обливаясь лѣтомъ, носилъ изъ Галаты въ Перу жаркимъ южнымъ полуднемъ куски ситцевъ и суконъ на спинѣ своей къ покупателямъ въ домъ; его отца еще училъ эмигрантъ, маркизъ французскій, изгнанный демагогіей въ чужбину... Его отцу (быть-можетъ, его дѣду даже) говорилъ Французъ: надо быть рыцаремъ: *noblesse oblige*; надо лѣзвать женщинамъ и умѣть быть достойнымъ ихъ любви, надо быть храбрымъ и любезнымъ. „*Un amant qui craint les voleurs n'est point digne d'amour!*“ Мой дѣдъ говорилъ отцу моему: „Не будь женолюбцемъ! Это мерзость предъ Господомъ Богомъ!“

Его отецъ имѣлъ поединки за *дамъ* (вещь у насъ, торговыхъ людей Востока, невозможная, унижительная для мужчинъ въ понятіяхъ нашихъ!).

Моя мать почтительно цѣловала руку у отца моего не по страсти, но по обычаю, по долгу; она при первой встрѣчѣ съ нимъ вымыла ему ноги и вытерла ихъ полотенцемъ.

Его отецъ, впервые объясняясь въ любви его матери, быть-можетъ преклонялъ предъ нею одно колѣно и считалъ за честь прикоснуться устами къ ея душистой рукѣ, не знавшей никакой работы, кромѣ кружевъ, шелка, кисеи. *Его* мать носила не платочекъ на черныхъ своихъ волосахъ, покровъ суроваго цѣломудрія и стыдливой сухости... она цвѣтами украшала ихъ, мечтая въ густомъ саду ихъ богатаго села. Отецъ его не обливался, подобно моему, лѣтомъ слѣзнаго труда. Имъ обливали землю за этимъ самымъ садомъ, изображенныя на портретѣ сотни послушныхъ крестьянъ,—чтобъ отецъ его могъ надѣть золотыя латы на царскій

парадъ, и чтобы мать имѣла время выбрать—какіе цвѣты лучше пристали къ ея нѣжному и тонкому лицу.

Его отецъ начальствовалъ, мой повиновался; его отецъ ратовалъ, мой трудился и берегъ; его отецъ еще безбородымъ юношей на ворономъ конѣ, въ бѣломъ мундирѣ и каскѣ, вступалъ побѣдителемъ во Францію вслѣдъ за императоромъ Русскимъ и принималъ букеты изъ рукъ покорныхъ прихотямъ его Парижанокъ. Мой родитель въ дѣтствѣ своемъ едва ли и слышалъ о томъ что есть этотъ Парижъ на свѣтѣ; онъ отрокомъ *пасъ овецъ* въ окрестностяхъ Загорскаго села и, лежа на травѣ въ ветхой одеждѣ, съ грифельною дощечкой въ рукѣ, учился писать и считать не для того чтобы упиваться стихами Байрона и Гёте, а для того лишь чтобы знать Слово Божіе, чтобы въ церкви громко читать, чтобы добывать себѣ и семьѣ своей хлѣбъ и откупаться отъ Турокъ...

Благовъ былъ младшій сынъ той роскошной и просвѣщенной русской знати которая столько вѣковъ, исполняя волю царскую, правила грозно народомъ Русскимъ и учила его повиноваться для свершенія великихъ государственныхъ судебъ; я былъ трепещущій *райя*, я былъ одинъ изъ тѣхъ дѣтей христіанскаго Востока который только-что въ послѣдніе годы сталъ выдѣляться изъ своего народа, принимая въ душу свою разомъ и благо, и горькое зло западной мудрости, европейскаго знанія и утонченнаго растлѣнія болѣе сложныхъ нравовъ...

Онъ былъ сынъ сословія уже распавшагося въ основахъ своихъ, но все еще утонченнаго и привыкшаго къ власти; я былъ дитя класса новаго, поздно вступающаго на тотъ общій путь на которомъ другіе были давно прежде насъ...

Мы сходились на этомъ общемъ всѣмъ теперь пути, но какъ далеки были другъ отъ друга начальныя исходища наши!.. Могъ ли я скоро и легко понять его въ то время?

И вотъ теперь я обращаю мысленные взоры мои къ этому прошедшему нашему, изъ жизни на вѣки невозвратно исчезнувшему, но „неподвижному“ и полному трепета и чувствъ въ моей вздыхающей душѣ... и говорю:

— Что думалъ ты? Что думалъ ты тогда, о мой блѣдный и стройный, холодный съ виду и нарядный покровитель? Ты на кого я возлагалъ такіа дѣтскія неосуществимыя надежды? Что думалъ ты?.. Какая глухая буря тончайшихъ ощущеній килѣла въ умѣ и сердцѣ твоемъ, когда ты ѣздилъ такъ

долго молча верхомъ внизъ и вверхъ по горнымъ тропинкамъ вокругъ города? Или когда ты по цѣлымъ часамъ лежалъ на диванѣ своемъ? Или когда ты усиливался заняться живописью и затворялся въ столь свѣжемъ и просторномъ кабинетѣ твоемъ, куда я (тоже честолюбецъ!) проникалъ лишь со страхомъ и любовью какъ въ алтарь?... И еще тогда о чемъ ты думалъ, когда, качаясь въ креслахъ, читалъ такъ внимательно книги, которыхъ лѣтнительная безнравственность привела бы въ ужасъ и Несториди, и Вроссо, и Мессо, и Бакверъ-Алмаза, и отца моего... елибъ они стали читать эти книги; но они и не читали ихъ. Я не знаю о чемъ ты думалъ тогда, о чемъ ты мечталъ и чѣмъ терзался ты, который для меня, смиренного, долженъ былъ бы быть всегда образцомъ покоя и олимпійскаго счастья.. Не знаю! Но мысль моя мнѣ шелчетъ что ты тосковалъ очень часто, еще чаще чѣмъ намъ всѣмъ казалось...

Вънокъ изъ розъ и лавровъ среди грома и дыма, среди стеновъ, крови и побѣдныхъ лѣсенъ. Вотъ что нужно людямъ подобнымъ Благову. И никакая полезная дѣятельность не насытитъ ихъ душу, алчущую не простаго труда, а подвиговъ и жизни. Они будутъ подчиняться такому простому труду поневолѣ и въ угоду вѣку чтобы не быть ни въ чемъ ниже уровня, но втайнѣ, въ сердцѣ своемъ, будутъ всегда презирать его.

А у насъ было все такъ ровно, все такъ разочтено и правильно въ нашей жизни, и наши женщины, локрытыя наискось цвѣтными платочками, ни о чемъ кромѣ погоды и здоровья не говорили съ нимъ, почтительно встрѣчая его изрѣдка въ патріархальныхъ пріемныхъ своихъ мужей и отцовъ.

Madame Бреше была собой такъ ужасна, говорилъ онъ самъ. Madame Ашенбрехеръ, напротивъ, собой красива, но у нея такое множество дѣтей... и она такъ добросовѣстна, такъ перашлива съ виду... такъ скучна!..

Она такъ скучна, говорю я.... Какая женщина не была ему здѣсь скучна?..

Мнѣ, загорскому юношѣ, Янина была великая столица; для меня она была полна въ то время восхитительныхъ, и юныхъ, и звѣтныхъ невѣсть, которыя то шли по улицѣ въ школу, то глядѣли на меня тихонько изъ-за рѣшетчатыхъ ставней.... Ему—эта самая Янина была однообразная, ужасная, томни-

тельная, хотя и милая деревня; тѣмъ болѣе томительная, тѣмъ болѣе ужасная чѣмъ она была милѣе, чѣмъ была красивѣе, чѣмъ болѣе хотѣлось чтобы подъ свѣтлою платановою, на скалахъ поросшихъ плющемъ, въ тѣни зеленыхъ колоннъ Додонскихъ, у старой мечети, не быть все одному и одному съ подавленнымъ чувствомъ и сдержанною рѣчью...

Мы, глулые, всё думали: „Онъ сердится на пашу, на Леси, на Бреше, на Ибрагима!“ О Боже!... Что такое Рауфъ-паша? Его жалко. Что такое Леси? Онъ смѣшонъ. Что такое Ибрагимъ и Бреше? Ихъ можно унижить иногда... О! конечно!... Еслибы вмѣсто большаго Рауфъ-паши предъ нимъ былъ бы самъ великій визирь, блестящій Фуадъ или Митхадъ-паша; еслибы вмѣсто Леси ему предстоялъ Беконсфильдъ; еслибы онъ могъ эффектному Гамбеттѣ наступить на грудь ногою... Тогда быть-можетъ онъ сказалъ бы: „Нынѣ, о Боже, отпускаешь ты раба своего съ миромъ!“

Но Леси! Рауфъ-паша! Быть-можетъ онъ благодарилъ ихъ и благославлялъ ихъ за то что они отъ времени до времени вонзали иглы раздраженія въ его плоть; за то что они вносили хоть какое-нибудь живое чувство въ его душу.

Мы не понимали его, глулые мы дѣти! Простые мы дѣти отдаленной отчизны моей! Мы не понимали ничего... Понималъ его одинъ только человекъ у насъ; понималъ его Коевино. Да, докторъ зналъ его.

Я пошелъ однажды къ доктору и сказалъ: „Докторъ, консулъ все скучаетъ. Отчего онъ скучаетъ? Отчего говорилъ онъ, гуляя съ вами—помните тогда—по залѣ своей, отчего онъ говорилъ „что madame Бреше ужасна, а madame Ашенбрехеръ не женщина, а только мать и кухарка?“ Что это за рѣчи такія странныя? Я не понимаю ихъ. Какъ же мать и кухарка можетъ быть не женщиною?...“

Коевино восхитился моимъ простодушіемъ и радостно началъ объяснять мнѣ все.

— Женщина! (сказалъ онъ сладостно и нѣжно) женщина—это есть нѣчто или игривое, имѣющее то что Турки зовутъ *назіа* (грація), а Французы *la coquetterie*. Понимаешь? женщина—это искра. Это благоуханіе! Пусть она будетъ нравственна какъ Лукреція римская, или сластолюбива и преступна какъ Лукреція Борджіа.... Она въ обоихъ случаяхъ женщина... Искра, цвѣтокъ жизни... поэзія... А! а!... Я могу сказать—искра... цвѣтокъ нашей жизни...

И вставъ тихо съ дивана, Коевино осторожно шель по своей гостиной отъ меня къ Гайдушѣ, шелча какъ только могъ въжнѣ и со слезами на глазахъ:

... „Грація, меланхолическая слабость...“ (потомъ буйно): „Или огневая, пожирающая страсть... (потомъ возвратился ко мнѣ игриво)... Или, наконецъ, кокетство.... шалость Эрота... Привлекательная живость ума!... А наши здѣсь, наши архонтиссы....

И лицо, и голосъ его, измѣняясь мгновенно, стали грубѣе и онъ сѣвъ церемонно на краешекъ дивана, сложилъ руки спереди и сказалъ сперва довольно басистымъ голосомъ:

— Ты камнете киріе проксене? Калѣ истѣ? (Что вы дѣлаете, г. консулъ? Здоровы ли вы?)

Потомъ пересѣвъ подальше и голосомъ тонкимъ:

— Тѣ камнете киріе проксене? Калѣ истѣ? У насъ здѣсь Турція! Дороги у насъ жалкія, непроѣзжныя.

Это была другая дама.

Потомъ третья съ громкимъ визгомъ:

— Тѣ камнете киріе проксене? Калѣ истѣ?... У насъ здѣсь Турція; дороги у насъ жалкія, непроѣзжныя!...

И такъ далѣе онъ продолжалъ передвигаться по краю дивана и мѣняя до безконечности голосъ свой, представляя очень долго; а мы съ Гайдушей смѣялись глядя на него.

Докторъ преувеличивалъ; онъ ненавидѣлъ все мѣстное и былъ несправедливъ конечно. Многія изъ архонтисъ нашихъ красивы, милы и умны. Но правда та что „онѣ хороши только для мужей своихъ“ по нашей поговоркѣ: онѣ не умѣютъ и не смѣютъ быть безлорочно-свободными и безгрѣшно-любезными съ посторонними людьми. Онѣ сдержанны и холодны съ чужими; ихъ пріучили отцы и мужья слышать старый возгласъ:

„Хвала тебѣ, мущина лыкій, и женщина холодная — привѣтъ тебѣ!...“

Я могъ бы огорчиться словами Коевино, ибо и моя мать часто помогала служанкѣ стряпать на кухнѣ, и она точно также привѣтствовала гостей.

Но я не огорчился, а задумался и, возвращаясь домой, думаю не о спасеніи души моей, и не объ урокъ завтрашнемъ, и даже не о Восточномъ волроствѣ, или о блескѣ будущей карьеры моей, а лишь спрашивалъ себя о томъ, есть ли у моей несравненной Туркуды, у Зельхиі моей, меланхоличе-

ская грація, огневая страстность или игривость дѣтская и чарующая?

И нашель что у нея, у глухой такой Цыганки, все это есть! А что безумный докторъ гораздо умнѣ нашихъ благо-разумныхъ людей, это я понялъ уже давнымъ давно, и какъ онъ ни юродствовалъ, но слово его давно уже приобрѣло въ глазахъ моихъ большой вѣсъ!... Это не то что было тогда, когда я впервые вступилъ въ „турко-саванъ“ въ его домъ, сопровождая отца моего прошлою осенью!...

О! какъ уже далеко и какъ чуждо стало для ума моего это младенческое время...

— Все течеть, все течеть! Но куда?...

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

(Продолж. слѣдуетъ.)

ТРИ МѢСЯЦА ВЪ ДЕРЕВНѢ

ВОСПОМИНАНІЯ И ОЧЕРКИ БЫЛАГО.

I.

Было около семи часовъ вечера, когда наша коляска, запряженная четверкою почтовыхъ лошадей въѣхала на обширный дворъ засаженный лилами и быстро подкатила къ крыльцу довольно большаго, но низкаго одноэтажнаго дома, окрашеннаго въ коричневый цвѣтъ съ ярко-зеленою крышею.

На стукъ экипажа выскочилъ на крыльцо мальчикъ лѣтъ десяти, одѣтый въ неизбѣжный казакинъ, и съ недоумѣніемъ остановилъ свои сѣрые глаза на наши для него незнакомыя лица.

— Дома ли Александръ Федоровичъ? спросила его татап.

— Дома-съ; на погребѣ ловятъ карасей, отвѣчалъ бойко мальчикъ.

Мы засмѣялись. Казачокъ покраснѣлъ и трянувъ волосами потупилъ глаза.

— Доложи барину, продолжала татап,—что къ нему прѣѣхали издаиска двѣ гости и очень желаютъ его видѣть.

— Слушаю-съ, проговорилъ мальчикъ, весьма довольный что можетъ избавиться отъ насъ и проворно юркнулъ въ домъ.

Мы вышли изъ коляски, поправили свой дорожный костюмъ, то-есть отряхнули пыль и только-что поднялись на площадку, какъ дверь изъ передней отворилась и къ намъ на встрѣчу вышелъ высокій, сухощавый старикъ, подстриженный подъ гребенку, съ гладко выбритымъ подбородкомъ и длинными сѣдыми усами. Длинный темносиній сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и черный шелковый галстукъ составляли его нарядъ. Прослуживъ довольно долго въ драгунахъ, дѣдъ и подъ старость сохранилъ военную осанку.

— Рара, дорогой рара! закричала моя мать и бросилась на шею старику.

Я стояла позади и съ любопытствомъ смотрѣла на дѣда, котораго видѣла въ первый разъ.

Долго длились пощѣлу прерываемые радостными восклицаніями, понятными послѣ десятилѣтней разлуки; наконецъ татап обернулась и взявъ меня за руку притянула къ дѣду.

— Это дочь моя Лиза, сгег рара, сказала она,—полюбите ее.

Дѣдъ горячо меня обнявъ, потомъ, окинувъ глазами съ головы до ногъ, сказалъ добродушно улыбаясь:

— Не дурна, очень не дурна, пора замужъ, прибавилъ онъ како-то лукаво смотря на меня и потрепалъ рукою по щекѣ.

Затѣмъ *avec la plus exquise galanterie* прошлыхъ временъ, взявъ насъ подъ руки, повелъ въ домъ, приглашая пить чай.

Мы какъ разъ попали къ вечернему чаю.

Черезъ опрятную переднюю мы прошли въ столовую, среди которой стоялъ накрытый столъ, на немъ шипящій самоваръ и чайный приборъ. Около стола хлопотала очень пожилая женщина въ черномъ ситцевомъ калотѣ и кисейномъ чепцѣ.

— Вотъ рекомендую мою хозяйку, Глафиру Ивановну, сказалъ дѣдъ,—а васъ, матушка, прошу угождать моимъ дорогимъ гостямъ. Это дочь моя, генеральша Пяткина, а это внучка. Наблюдайте сами чтобъ имъ удобно было. Дочкѣ моей приготовьте зеленую комнату, а для этой пташки—романическое гвѣздышко прекрасной Юліи. Не забудьте тоже и прислугу ихъ. (Съ нами были горничная и лакей.)

Глафира Ивановна пощѣловала мамашу въ ляечо и собиралась оказать мнѣ ту же честь, но я уклонилась отъ нея, пощѣпавъ пожать ей руку.

— Ну, милыя дѣти, продолжалъ дѣдъ, усаживая насъ за столъ,—прошу кушать; вотъ маинна, варенець, а крендели и булочки. декаа сама Глафира Ивановна, не довѣряетъ повару; попробуйте, увидите какая мастерица.

Я была голодна и съ удовольствіемъ принялась за чай, малину и леченье. Старушка экономка исключительно занялась мяомъ и усердно угощала, приговаривая:

— Кушайте ангелъ мой, кушайте! вы дѣдушкѣ доставите большое удовольствіе.

Мамап влолгомоса говорила съ отцомъ и ловидимому они совершенно забыли о насъ.

На порогѣ столовой, заложивъ лѣвую руку за спину, стоялъ миниатюрный казачокъ, а правою рукой машинально отгонялъ мухъ, которыя съ упорствомъ лънули къ.его влажному лицу.

Я вспомнила о ловлѣ карасей на погребѣ и обратилась съ вопросомъ къ Глафирѣ Ивановнѣ, прося ее разрѣшить это загадочное обстоятельство, на чтѣ она весьма серьезно отвѣчала:

— Дѣйствительно, барышня, у насъ на погребѣ водятся караси, и въ большомъ количествѣ; баринъ каждый день ихъ тамъ ловить. Мѣсто сырое, домъ на берегу озера и вода почти заливаетъ погребъ. Для провизіи у насъ другой.

Чай кончился. Дѣдъ предложилъ намъ осмотрѣть домъ; онъ дѣлился на двѣ половины, средину котораго занимали передняя и буфетъ. Въ одной помѣщалась столовая, спальня дѣда, комната дяди Петра Александровича, роднаго брата татап, гостившаго въ то время у кого-то изъ сосѣдей, и комната старика-лакея. Въ другой—гостиня, зеленая комната назначенная для мамаша, бывшая спальня покойной бабушки, за тѣмъ розовая, получившая названіе *романическаго гнѣздышка прекрасной Юлии* и наконецъ будуаръ Глафиры Ивановны, которымъ она владѣла нераздѣльно со старою горничной покойной бабушки, Анною; узкій корридоръ отдѣлялъ спальню и гостиную отъ остальныхъ двухъ комнатъ и выходилъ въ прихожую.

Анна бросилась насъ обнимать и очень наивно выражала свое удивленіе что я стала *такая большая, совѣсть невѣста*, точно я должна была остаться весь свой вѣкъ семилѣтнею дѣвочкой. Эта Анна припомнила мнѣ забавный анекдотъ, оставшійся живо въ моей памяти.

Мы жили тогда въ Петербургѣ, и къ намъ пріѣхала гостить бабушка съ теткой и эта самая Анна, въ качествѣ горничной, въ то время еще молодая дѣвушка. Одинъ хорошій знакомый моихъ родныхъ привезъ изъ Америки обезьяну

очень крупной породы. Принужденный по какому-то дѣлу отлучиться на мѣсяць, онъ просилъ моихъ родителей взять къ себѣ на это время его фаворитку, не рѣшаясь довѣрить ее прислугѣ, которой она своими проказами ужасно надѣла.

На его просьбу согласились, посадили обезьяну на цѣлочку въ дѣвичьей и мы, дѣти, то и дѣло бѣгали туда и от души смѣялись ея гримасамъ и коверканью; дразнили ее, конечно въ почитительномъ разстояніи, и въ восторгъ приходила какъ она сердилась, показывала намъ языкъ и кидалась на насъ издали, удерживаемая цѣлочкой. Анна взяла ее подъ свое покровительство, слускала иногда съ привязи и позволяла ей играть на свободѣ, несмотря на запрещеніе бабушки; за свое непослушаніе она и полатилась.

Не помню гдѣ было гулянье, на которое отпустили Анну, и тетюшка подарила ей свою старую шляпку бѣлую крепкую съ розой. Радость была неописанная, шляпка оказалась еще очень приличною, и горничная безпрестанно примѣривая ее, вертась предъ зеркаломъ, которымъ она самовластно овладѣла къ великой досадѣ другихъ обитательницъ дѣвичьей. Къ несчастію, обезьяна была спущена и притаясь въ углу комнаты пристально смотрѣла на эти эволюціи.

Звонъ колокольчика оторвалъ камеристку отъ пріятнаго занятія и, послѣшивъ на зовъ его, она положила шляпку на столъ и вышла. На бѣду въ дѣвичьей никого другаго кромѣ ея не было; всѣ разошлись. Воротясь черезъ нѣсколько минутъ назадъ, Анна съ ужасомъ увидѣла обезьяну на столѣ предъ зеркаломъ, украшенную ея креповою шляпкой, которую она немилосердно дергала во всѣ стороны. Отчаянный вопль несчастной щеголихи раздался по всему дому.

Перелуганные обитатели отъ мала до велика стеклись въ дѣвичью, гдѣ всѣхъ ожидала комическая сцена.

Разъяренная какъ львица, у которой отняли дѣтей, Анна силилась одною рукою сорвать шляпку съ головы престулицы, а другою отмахисто расточала удары аршиномъ по спинѣ ея. Озлобленное животное свирѣло визжало, но не уступало шляпки и избѣгая внушенія аршина неистово скакало по комнатѣ, преслѣдуемое неумолимымъ судьей. Ключья крепа и бловдъ сыпались на полъ и еще болѣе раздражали минутную обладательницу шляпки.

Мы всѣ хохотали. Наконецъ бабушка крикнула на обезьяну, которая только ее одну и боялась и, услышавъ грозный

голосъ, бросила остатки шляпки, проворно забившись подъ кровать, откуда ее насилу вытащили, высѣкли, къ большому удовольствію злополучной горничной, и посадили на цѣлочку, но увы! шляпки не воротили. Анна, заливаясь слезами и вѣщадно проклиная *мерзкую тварь*, покрыва голову платочкомъ и все-таки отиравилась на гулянье.

Я отшатнулась на одиннадцать лѣтъ назадъ, увлеченная дѣтскими воспоминаніями и забыла настоящее.

Скажу нѣсколько словъ о домѣ дѣда.

Комнаты были просторны, но не высоки; частію оклеены обоями, частію окрашены въ разные цвѣта. Мебель была массивная, краснаго дерева, обивка въ гостиной штофная зеленого цвѣта, но сильно полинялая, а въ остальныхъ комнатахъ сафьянная и тиковая. Въ этихъ покояхъ, какъ выражалась Глафира Ивановна, особенно на половинѣ бабушки пахло нежилымъ, какъ будто затхлымъ; вѣрно рѣдко открывали окна.

Нѣсколько фамильныхъ портретовъ украшали стѣны гостиной; кисть была хороша, но костюмы смѣшны.

Большая часть портретовъ принадлежала къ началу нашего столѣтія, и узкія съ невыразимо короткими таліями платья у дамъ, и огромныя жабо у мужчинъ, какъ и фраки особеннаго покроя, очень мнѣ казались смѣшными.

Оставивъ на террасѣ дѣда и тата, я спустилась въ садъ съ Глафирою Ивановною (въ качествѣ чичероне). Садъ былъ не великъ, но тѣнистъ и положительно входилъ въ озеро, которое тянулось на большое разстояніе. Кусты сирени, акацій, дикаго жасмина и жимолости, часто насаженные, росли по берегу замѣняя рѣшетку. Какъ было прохладно, хорошо въ этомъ саду!

Солнце садилось и разливало красноватый оттѣнокъ на всѣ предметы отражавшіеся въ озерѣ; гдѣ то вдали пѣла малиновка. Долго бродили мы подъ вѣковыми деревьями сада и я полувнимательно, полуразсѣянно слушала разказы старушки о бабушкѣ, о теткѣ; какъ послѣдняя вышла замужъ за богатаго графа, какъ онъ влюбился въ нее на баду, какіе подарки дѣлалъ, чего стоило приданое и проч., затѣмъ заключила свою болтовню пожеланіемъ подобнаго же счастья.

Вдругъ раздался голосъ дѣда заставившій меня вздрогнуть:

— Лиза, а Лиза! пойдемъ ужинать душа моя. Вотъ отвѣдаешь моихъ карасей, спасибо скажешь.

Мы пошли въ столовую.

Караси дѣйствительно были очень вкусны, прекрасно приготовлены и чрезвычайно крупы, но усталость моя была такъ велика: мы ѣхали трое сутокъ безъ остановки—что я съ трудомъ сидѣла за столомъ и не могла вполне оцѣнить это лакомое блюдо.

Предо мной за высокою спинкой стула дѣда выглядывала рожица казачка; полусоннымъ взглядомъ, подобнымъ моему, онъ слѣдилъ за вилкою барина, оживляясь только когда приходилось перемѣнить тарелку, которую онъ послѣдно выносилъ въ буфетъ и возвращаясь оттуда съ постоянно жирными губами серьезно принималъ свое прежнее положеніе.

Это забавляло меня, однако я чувствовала что глаза мои слипаются; сдѣлавъ усиліе, я широко ихъ раскрыла.

Въ эту минуту дѣдъ обратился къ стоявшему за его столомъ мальчику и сказалъ ему придавъ какой-то печальный смыслъ своимъ словамъ.

— Бѣдный Левка какъ ты похудѣлъ! щеки ввалились, глаза впали! ты вѣрно голодаешь бѣдняжка!

Казачокъ заморгалъ глазами и сдѣлалъ кислую мину.

Я съ удивленіемъ взглянула сначала на дѣда потомъ на бѣднаго Левку, котораго полное и румяное лицо походило на слѣлое яблоко и не носило на себѣ ни малѣйшаго признака изнуренія.

— Вы, Глафира Ивановна, морите голодомъ моего лажа; это не по-христіански, продолжалъ дѣдъ, сами сыты, не думаете о другихъ.

Лажъ началъ всхлипать. Тогда дѣдъ опустилъ руки въ его карманы и вытащилъ изъ одного слобную булку, а изъ другаго пару грушъ и сладкій пирожокъ съ вареньемъ.

Мы всѣ засмѣялись. Пристыженный Левка стрѣлою вылетѣлъ въ прихожую, провожаемый сердитымъ взоромъ старика лакея, подававшаго кушанья.

— Мальчикъ — лакомка, таскаетъ со стола и я стараюсь его отучить, сказалъ дѣдъ. Эта сцена не рѣдко повторяется.

— Ему трѣлку слѣдовало бы дать, проворчалъ старый лакей, а вы, сударь, его только балуете.

— Я строгостію не люблю; возразилъ добрый дѣдъ, — надо нравственно дѣйствовать на ребенка. Моя шуточка при чужихъ навѣрно повліяла на него. А ты смотри, Яковъ, прибавилъ дѣдъ грозя пальцемъ, — его не тронь, ни... ни...

Яковъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ, и я невольно стала опасаться за вихорь бѣднаго Левки.

Обратясь ко мнѣ, дѣдъ замѣтилъ мое утомленіе и позволилъ встать со стола, что я исполнила съ большимъ удовольствіемъ, простилась съ нимъ и папан, получила ихъ благословеніе на сонъ грядущій, и въ сопровожденіи моей ассистентки направила свои шаги въ розовую комнату прекрасной Julie, въ которой уже меня ожидала наша горничная, проворно раздѣлась и заснула крѣпкимъ сномъ беззаботной молодости. Завидный сонъ!

II.

Проснувшись утромъ на другой день, я подняла темныя шторы и со вниманіемъ начала осматривать комнату, которою наканунѣ мало интересовалась. Солнце врывалось въ окна, весело играло на розовыхъ обояхъ и придавало этому уголку что-то особенно привлекательное, несмотря на незатѣливую обстановку.

Нѣсколько стульевъ, два тяжелыя кресла обтянутыя зеленымъ сафьяномъ, комодъ краснаго дерева съ бронзовыми украшениями, письменный столъ въ томъ же вкусѣ, другой круглый, и кровать съ кисейнымъ пологомъ; между окнами выходившими въ садъ помѣщался туалетъ, овальное зеркало въ бронзовой рамѣ на столѣ покрытомъ бѣлымъ покрываломъ. Тутъ я замѣтила надъ туалетомъ портретъ.

Густой слой пыли лежалъ на немъ и не долускалъ разсмотрѣть его.

Вскочить на стулъ, снять портретъ со стѣны и смахнуть пыль было минутное дѣло.

Передо мной стояла по поясъ молоденькая, очень хорошенькая женщина; большіе темные глаза глядѣли задумчиво; какая-то неопредѣленная улыбка казалось скользила на губахъ ея; свѣтлые каштановые волосы, залетенные въ двѣ косы, обвивали голову и два пышные локона спускались на грудь съ каждой стороны лица. Платье бѣлое съ лифомъ въ два вершка; фигура стройная и граціозная.

Кто эта красивая дѣвушка, подумала я, — ужь не сама ли Юлія?

Вошла Глафира Ивановна, неся на лодносѣ кофе; добрая старушка вмѣнила себѣ въ обязанность мнѣ прислуживать

не обращая вниманіе на мое сопротивленіе и отвѣчала постоянно одно.

— Вы внучка моихъ благодѣтелей.

Я показала ей портретъ и спросила чей.

— Юліи Петровны, отвѣчала она.

— А!.. вотъ кто. Скажите, пожалуста, почему дѣдушка называетъ эту комнату романтическимъ гнѣздышкомъ? Что въ ней такое происходило?

На мой вопросъ экономка замаялась и проговорила:

— Дѣдушка же разсердился бы, и годится ли молодой барышнѣ всякій вздоръ слушать.

Этого было довольно чтобы возбудить мое любопытство. Я пристала къ ней какъ говорится съ ножомъ къ горлу, прося ее разказать мнѣ преданіе розовой комнаты.

Почтенная ключница была словоохотлива и сама горѣла желаніемъ подѣлиться со мною неистощимымъ запасомъ своихъ легендъ, и вотъ что я отъ нея узнала.

Это имѣніе принадлежало прежде сестрѣ бабушки, Екатерины Осиповны, а послѣ ея кончины перешло къ моей бабушкѣ. Овдовѣвъ и будучи бездѣтною, Екатерина Осиповна взяла къ себѣ на воспитаніе двоюродную племянницу Юлію Корсовскую. Красивая наружность, умъ и доброе сердце пріобрѣли ей всеобщую любовь, и моя grand-tante безъ памяти обожала ее. Въ Двѣнадцатомъ году, Французы поставили на квартиры въ Курганъ (накъ называлось имѣніе) взводъ французскихъ гусаръ, а офицера, monsieur Gustave, фамилію котораго Глафира Ивановна не могла вспомнить, водворили въ господской домъ.

— Помню, фамилія начиналась какъ-то на Го... или на Ко..., а ужъ кончалась вѣрно на азъ, повторяла старушка.

Такъ и я буду его называть просто monsieur Gustave.

Молодой Французъ, вступилъ побѣдителемъ въ домъ Екатерины Осиповны, заблагоразсудилъ обращаться съ нею и съ домочадцами какъ съ рабами купленными цѣной оружія. Съ утра до вечера крикъ, брань, шумъ не умолкали въ домѣ.

— Ни чѣмъ же былъ доволенъ этотъ лодный Французикъ, говорила Глафира Ивановна, ломался словно столбовой дворянинъ, и предъ кѣмъ, подумайте барышня, предъ помѣщицей, а самъ-то что, побродяжка, чай тамъ у себя салогі чистилъ; у насъ же ноги свои протянетъ и Артемья Семеновича, прикащика, заставляетъ ему салогі натягивать; каково?

Очень часто доносились до слуха grand-tante волаи крестьянъ у которыхъ выталтывали поля, отнимали куръ, гусей, барановъ, стаскивали съ плечь кафтаны, вырывали изъ рукъ все что имъ казалось нужнымъ или нравилось, а за сопротавленіе щедро награждали сабельными ударами лапши.

Monsieur Gustave былъ чрезвычайно недоволенъ поваромъ и потому въ одинъ прекрасный день объявилъ Екатеринѣ Осиповнѣ что онъ чувствуетъ тошноту отъ стряпни ея *sochon de cuisinier*, опасается быть отравленнымъ и потому требуетъ чтобъ она перемѣнила повара, или сама приготовляла для него столъ.

Гдѣ тутъ было найти повара! Можете себѣ представить ужась барыни! идти на кухню готовить кушанье! Къ несчастію, grand-tante очень плохо объяснялась по-французски и убѣдительными рѣчами не могла обезоружить лютаго побѣдителя.

При такихъ грустныхъ обстоятельствахъ она рѣшилась вызвать Юлію изъ заточенія въ которомъ ее держали съ появленіемъ Французовъ.

Средство удалось. Прибытіе молодой и хорошенькой дѣвухки, владѣющей влоанѣ французскимъ языкомъ, измѣнило положеніе дѣлъ и въ домѣ все пошло на ладъ, а monsieur Gustave изъ волка преобразовался въ овечку.

На деревнѣ наступила тоже тишина; горячее заступничество Юліи спасало мужиковъ отъ притѣвленія гусаръ, и малѣйшее самоуправство наказывалось строгимъ арестомъ.

За столомъ молодой офицеръ сидѣлъ подлѣ нея, весьма оставался довольнымъ искусствомъ повара, и принимая кушанье изъ рукъ divine Julie не опасался быть отравленнымъ.

Правду говорятъ: не играй огнемъ. Юлія пользовалась безграничною властью надъ Французомъ и чарами тонкаго кокетства сводила его съ ума все болѣе и болѣе.

Пылко влюбленный и вмѣстѣ предприимчивый, monsieur Gustave ризкнулъ нѣсколько нахально *une brulante déclaration d'amour*, но гордый отвѣтъ разстроилъ его любовныя замыслы и, глубоко уязвивъ самолюбіе, раздражилъ еще сильнѣе бурныя страсти.

Однажды, часу въ одиннадцатомъ ночи, Юлія раздѣлась и легла въ постель. Патріархальный домъ покоился въ мирномъ безмолвіи, тетка спала, и молодая дѣвухка, отпустивъ Горлачнюю, занялась чтеніемъ какого-то романа.

Прoshель часъ, другой, какъ вдругъ дверь легко отворилась и изумленнымъ взорамъ Юліи представился гусарскій офицеръ.

Воспаленное лицо носило на себѣ признаки недавняго приношенія Бахусу, а черные глаза метали молніи; въ рукѣ онъ держалъ пистолець, заряженный или нѣтъ—хроника умалчиваетъ.

Monsieur Gustave сдѣлалъ шагъ впередъ.

Задуть свѣчу, броситься съ постели, открыть окно и выскочить въ садъ было въ мигъ исполнено нашею героиней.

Ночной гость, озадаченный въ первую минуту темнотою, осмотрѣлся и кинулся въ окно за нею.

Услышавъ быструю погоню, неустрашимая дѣвушка какъ лавь преслѣдуемая охотникомъ мелькнула къ озеру, прыгнула съ берега по колѣно въ воду и скрытая кустами осторожно стала пробираться вдоль его... но въ какомъ костюмѣ?

Французъ замѣтилъ хоть и неясно какъ Юлія бросилась къ озеру, но услышавъ плескъ воды вообразилъ что она утопилась.

Хиѣль мигомъ соскочилъ и отчаяніе его не знало границъ.

Онъ безумно кричалъ, плакалъ, проклиналъ себя, но по неумѣнью ли плавать, или сберегая свою драгоценную жизнь, только неистово призывалъ другихъ на помощь.

Въ домѣ всѣ поднялись и въ ужасѣ полуодѣтые, начиная съ grand-tante сбѣжались въ садъ гдѣ нашли кричащаго Француза.

Въ нѣсколькихъ словахъ онъ передалъ Екатеринѣ Осиповнѣ о случившемся и обѣщалъ порядочную сумму денегъ тому кто вытѣщитъ Юлію.

Заливаясь слезами несчастная grand-tante приказала людямъ принести багры и умоляла отыскать ея племянницу живую или мертвую. Начались поиски при свѣтѣ факеловъ и фонарей. Многіе ныряли въ озеро, другіе дѣйствовали баграми по тому направленію гдѣ предполагали что Юлія утонула, но все было тщетно. Жалкій Довъ-Жуавъ непритворно рвалъ на себѣ волосы, и чистосердечно клался навѣкъ оставить волокитство.

Работали безъ усталы всю ночь. Вошло солнце и освѣтило эту грустную картину. Наконецъ измученная толпа, потерявшая надежду отыскать въ этомъ мѣстѣ бѣдную жертву,

разошлась въ разныя стороны по берегу и продолжала печальные поиски.

Тѣмъ временемъ наша красавица подъ покровомъ ночи пробралась до конца озера и, взобравшись на берегъ, любѣзала по проселочной дорогѣ въ ближайшую деревню. Ее была лихорадка, и не мудрено: ночь хотя была жаркая, июльская, но продолжительное пребываніе въ водѣ, отсутствіе обуви и одежды кромѣ сорочки, наконецъ невольный страхъ ощущаемый ночью одной въ полѣ, все это вмѣстѣ бросало ее то въ жаръ, то въ ознобъ. На ея счастье ѣхалъ навстрѣчу мужикъ на мельницу. Юлія жалобно стала просить о помощи. Пораженный крестьянинъ остановилъ лошадь и сотворивъ крестное знаменіе не безъ робости спросилъ привидѣніе: можетъ быть за привидѣніе;

— Кто это? Чтò тебѣ надо?

Она назвалась. Въ околоткѣ всѣ знали Юлью Петровну. Добрый мужичокъ, движимый состраданіемъ, не дозволялъ себѣ разспрашивать по какой причинѣ барышня очутилась ночью среди поля и въ такой легкой одеждѣ, посадилъ ее въ телѣгу, прикрылъ своимъ кафтаномъ, поворотилъ лошадь, и по желанію дѣвушки повезъ ее къ знакомой помѣщицѣ.

Съ разсвѣтомъ лутяки пріѣхали къ помѣщицѣ Ивановой.

Полумертвую Юлію вынули изъ телѣги, переодѣли бѣлье, напоили чаемъ съ ромомъ и положили въ постель.

Объяснивъ Ивановой всѣ обстоятельства ея ночнаго побѣга, дѣвушка со страхомъ думала въ какомъ отчаяніи находится теперь ея благодѣтельница. Долго разсуждали объ собесѣдницы о томъ какъ бы увѣдомить Екатерину Осиповну и успокоить ее, наконецъ рѣшили тѣмъ что отправили къ ней дворовую женщину съ приказаніемъ явиться въ домъ подъ видомъ богомолки и передать словесно что барышня жива и гдѣ находится.

Импровизованная богомолка, облачившись въ измошенный черныи калоть своей барыни, прикрывъ голову такимъ же платкомъ, получивъ полную инструкцію какъ дѣйствовать, а вмѣстѣ и запрещеніе лишнее болтать, отправилась въ экспедицію и благополучно добралась до усадьбы grand-tante. Улучивъ удобную минуту, наша богомолка проворно шмыгнула на заднее крыльцо дома и сказала прислугѣ что прислана изъ монастыря отъ игуменіи Алолаинаріи съ просфорой и порученіемъ къ самой барыни. Игуменія Алолаинарія

была большая пріятельница Екатерины Осиповны. Горничная доложила о присланной.

Съ опухшими отъ слезъ глазами приняла grand-tante мнимую богомолку, но когда послѣдняя вышла изъ ея спальни, то легко понять какъ ликовало сердце душевно измученной женщины; однако во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій сѣдывало затаить эту радость, и потому Екатерина Осиповна продолжала притворно стонать и охать подъ одиѣнь тонъ съ осиротѣлымъ гусаромъ.

На бѣду тайна извѣстная многимъ не тайна. Какимъ образомъ, неизвѣстно, но monsieur Gustave узналъ о пребываніи въ живыхъ предмета его неустовой страсти.

Убѣжденный что Екатерина Осиповна это обстоятельство давно извѣстно, онъ осыпалъ ее жестокими упреками за безчеловѣчное равнодушіе къ его сердечнымъ страданіямъ, которыхъ она не хотѣла облегчить, и кончилъ тѣмъ что предложилъ божественной Юліи son nom pur de toute tache, запальчиво грозя въ случаѣ отказа все предать огню и мечу, но немного спустя успокоился и просилъ переслать ей письмо самое пламенное и навѣрно самое нелѣпое.

Дѣлать было нечего; grand-tante хотѣла только выиграть время, такъ какъ слухи носились что непріятельскіе гусары должны были скоро оставить ея помѣстье, и ложила за племянницею, которую молодость и крѣпкое сложеніе избавили отъ тяжкой болѣзни какая могла произойти вслѣдствіе ночной прогулки по водѣ.

Произошло трогательное свиданіе жениха съ невестою по-неволю. Monsieur Gustave бѣсновался, плакалъ, клялся въ вѣчной любви и стоя на коленяхъ съ благоговѣніемъ цѣловалъ руку de la divine Julie, но увы! не долго пришлось ему красоваться въ роли жениха, пришелъ приказъ немедленно выступить въ походъ къ вѣщему удовольствію тетки и племянницы.

Monsieur Gustave писалъ раза два, потомъ замолкъ и дальнѣйшая его судьба неизвѣстна.

— А что было съ Юліей? спросила я Глафиру Ивановну.

— Послѣ войны Юлія Петровна вышла замужъ за Николая Дмитріевича, фамилію не припомню, память слаба стала, но Богъ не далъ ей вѣку: черезъ пять лѣтъ послѣ замужства она скончалась, оставя маленькаго сына.

Такова легенда розовой комнаты.

Долго я любовалась портретомъ этой героини романа:

потомъ съ особеннымъ любопытствомъ осмотрѣла еще разъ каждый уголокъ комнаты какъ бы ожидая что гдѣ-нибудь предо мною мелькнетъ ея тѣнь и забывая что послѣ прекрасной Julie здѣсь помѣщалась до замужства моя тетка графиня К. Такъ, но розовая комната сохранила названіе гвѣздышка прекрасной Юліи и духъ ея живетъ въ ней.

III.

Надо посвятить нѣсколько строкъ почтенной Глафирѣ Ивановнѣ. Она была дочь соборнаго діакона въ какомъ-то уѣздномъ городѣ. Оставшись круглою сиротой, была взята на воспитаніе однимъ ихъ дальнимъ родственникомъ, и пятнадцати лѣтъ выдана замужъ за пономаря ближайшаго села. Не красна была ея доля. Мужъ горько заливалъ и тогда несчастная женщина не знала куда забиться отъ его буйнаго характера и отъ лобоевъ которыми онъ безъ устали ее награждалъ. Бѣдность была страшная; всякій добытый грошъ весь пономарь въ кабакъ, не заботясь есть ли въ домѣ корка хлѣба. Пока еще былъ живъ ея воспитатель, онъ помогалъ ей немного, по возможности отстаивалъ бѣдную страдалицу, но съ его смертью все рушилось, и жалкая женщина готова была наложить на себя руки, какъ она сама выражалась.

Извуренная голодомъ, избитая, она заложила свое обручальное кольцо, купила на эти деньги крѣпкую веревку и отправилась на чердакъ чтобы покончить съ жизнью. Долго она возилась съ петлею, руки дрожали и ей все мерещилось что вотъ идетъ на чердакъ пьяный мужъ съ подѣломъ въ рукѣ и что новыя истязанія ожидаютъ ее; вдругъ она слышитъ шумъ и говоръ внизу; ее зовутъ,—но это голосъ не мужа. Изъ дрожащихъ рукъ выпадаетъ петля и тихо крадется она къ лѣстницѣ, снова прислушивается и явственно доносится до ея слуха шаги и разговоры многихъ людей. Съ замираніемъ сердца она спускается внизъ, входитъ въ горницу и въ ужасѣ останавливается на порогѣ, пораженная неожиданнымъ зрѣлищемъ. Изба полна народа, но она видитъ только своего мужа на лавкѣ подъ образами, съ синеватымъ лицомъ, страшно выкатившимися глазами и искривленнымъ ртомъ.

— Чтѣ съ нимъ? шепчетъ она. Въ толгѣ кто-то отвѣтилъ.

— Да что... кондрашка хватилъ. Былъ на поминкахъ у старосты, пилъ и ѣлъ какъ слѣдуетъ, вдругъ свалился на полъ, прохрипѣлъ „воды“ и былъ таковъ.

— Каюсь барышня, говорила Глафира Ивановна, у меня сердце словно залилось радостью, а глазъ не могу отвести отъ лица моего мучителя, не всталъ бы думаю. Подходить дьячиха и говорить мнѣ: „Пойдемъ ко мнѣ, Глафира Ивановна... да чего ты на него уставилась?... На тебя самое взглянуть такъ дрожь разбираетъ, и взявъ меня подъ руку вытащила изъ избы.“ Кое-какъ добрела я до нея, тутъ и грянулась на полъ и десять дней пролежала въ бреду. Очнулась... узнаю— мужа схоронили; домъ перешелъ къ другому пономарю (домъ-то былъ церковный, да почитай рухлядь одна, покачнулся на бокъ и сгнилъ влодовину), а я осталась ни при чемъ.

— Подумала, подумала и пошла просить добрыхъ людей не прищется ли мѣстечко; обѣщали. Но вѣдь соловья баснями не накормишь, мнѣ и фунта хлѣба не на что было купить, продать нечего, а дьячиха сама бѣдная женщина, ну я изъ крова и лица опредѣлилась на постоялый дворъ въ работницы. Трудненько приходилось, но послѣ той каторжной жизни которую семь лѣтъ переносила, мнѣ сдавалось что я въ царствіи небесномъ.

— Однажды остановилась у насъ проѣзжая барыня на дневку; вѣхала она на своихъ лошадяхъ съ богомолья и возвращалась къ себѣ въ помѣстье. Это была Екатерина Осиповна; я подала ей самоваръ, и она разговорилась со мною; такая была не гордая.

„— Скажи милая, судя по твоему разговору, ты вѣрно не крестьянка? спросила она.

„— Дочь діакона, сударыня, да вотъ Богъ привелъ въ работницы идти, отвѣчала я.

— Тутъ она моя матушка ну меня спрашивать что и какъ. Я ничего не скрыла. Екатерина Осиповна была такая жалостливая, помани Господи душу ея.

„— Не хочешь ли поступить ко мнѣ въ домъ? спросила она;— ключница моя стара и слаба здоровьемъ, ты бы ей была помощницею.

— Бросилась я ей въ ноги и говорю:

„— Милосердная госпожа, буду вамъ служить по гробъ; не оставьте сирюю.

— Тутъ все и порѣшили. Она меня ласково подняла, положила

мнѣ пять рублей жалованья въ мѣсяцъ и спр
у меня другое платье? мое-то было все въ лоз

„— Только что на мнѣ сударыня, отвѣчала
было это выговорить.

„— Хорошо, а тебя приодѣну; ступай, скажи
кѣ что завтра ѣдешь со мною.

— День былъ субботній, у дьячихи топили б
изъ рукъ горничной Екатерины Осиповны сит
шерстяной платокъ, даже бѣлье и рубль денег
которые купила у хозяйки постоялаго двора,
въ баню какъ бы смыть съ себя горькое пр
новую одежду и пошла на могилу къ мужу.

— Не сумѣю, барышня, объяснить вамъ что
было. Семь лѣтъ скорби такъ и встали предс
злѣбное шевельнулось въ душѣ.

„— Вотъ ты глубоко лежишь въ землѣ, а я
ми твоей прахъ...“ думала я... но Богъ смягчил
слова Спасителя: *Остави намъ долги наша, яко
мы не можемъ долъжникомъ нашимъ,* пришло мнѣ на п

— Сотворивъ крестное знаменіе, я локлонил
простила. Миръ его костямъ!

— На другой день мы уѣхали и съ тѣхъ л
Курганахъ. Когда скончалась Екатерина Осипо
перешао къ вашей бабушкѣ, Александръ Федо
жилъ мнѣ остаться у нихъ экономкою, потом
кающица Прасковья Захаровна еще за четь
кончины барыни отдала Богу душу. Не хоч
лихомъ, а крутенька была, не разъ пришло
плакать отъ ея обидныхъ словъ. Она бы
вольна что къ ней взяли помощницу и вдоба
Мнѣ было невстудно двадцать три года когда Е
ловна взяла къ себѣ въ домъ.

„— И на кой прахъ мнѣ эта молокососка? м
стѣсняясь при мнѣ,—на что мнѣ помощницу,
ницу, словно одна не справлюсь.

— Прасковья Захаровна была крѣпостная из
мое званіе кололо ей глаза.

— За то телерь какъ живу у вашего дѣдушки
надо. Проснусь иногда ночью, взгляну круг
насъ съ Аннушкой чистая, въ переднемъ углу
иконой, лежу я на луховикѣ, а бывало... да что
выскаль Овъ меня грѣшную.

Меня
та отъ
ить на
вановна
взглянуть
вытащив
янулаась и
ь... узнаю
марю (доку
окачнулся и
чемъ
брыхъ людей
соловья бас
что было ку
женщина, ку
ялый дворъ в
тѣ той которъ
сдавалось что
барыня на дв
ольна и возвра
ина Осиповна; я
мною; такая бы
ору, ты вѣрно и
привелъ въ работ
нашивать что и какъ
а была такая жалост
домъ? спросила она:
ь, ты бы ей была по
служить по гробъ; и
ково подвая, положи

IV.

Однообразно текла жизнь въ домѣ дѣда. Прогулка, ловля карасей на погребу, которою и я занималась въ угожденіе дѣду, чтеніе старинныхъ романовъ изъ его библіотеки, а въ контрасть Русская исторія Карамзина, Ломоносовъ, Державинъ, трагедіи Озерова и проч., шитье туфель по канвъ и рисованіе, вотъ мое ежедневное занятіе въ Курганахъ. Сосѣдей близкихъ не было, а изъ дальнихъ никто не показывался. Признаюсь, такая невозмутимая жизнь становилась скучною. Молодость брала верхъ. Хотѣлось потанцовать, посмѣяться съ подругою, даже и пококотничать немного... Кто отъ этого не прочь, но напрасно я часто ходила на большую дорогу въ ожиданіи какого-нибудь посѣтителя: никого не встрѣчала кромѣ стада или прохожихъ мужиковъ. Разъ какъ-то пошутила надо мною судьба. Я вышла за ворота съ моимъ неизмѣннымъ слугачкомъ Левкой и полдела къ мельницѣ, но не добравшись до нея замѣтила вдали скачущую тройку.

— Левка! гости! воскликнула я оживаясь и осматривая свой туалетъ. Левка не отвѣчалъ, но съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на приближающійся экипажъ, а я тѣмъ временемъ, давъ волю своему воображенію, создавала себѣ героя чуть что не Ричарда Львиное Сердце.

Наконецъ Левка прервалъ мои мечты:

— Это не гость, барышня, сказалъ онъ флегматически;— Петръ Александровичъ пріѣхалъ; я узналъ его саврасыхъ и кучера Ильича.

— Дядя! какое разочарованіе!

Въ первую минуту досада взяла, но потомъ очень рада была обнять дядю.

Года три тому назадъ онъ гостилъ у насъ въ Москвѣ. Ему непремѣнно хотѣлось жениться, и пріятель моего отца, Николай Аполлоновичъ Волковъ, хлопоталъ объ этомъ, но сватовство не удалось, и дядя обратно поѣхалъ въ полкъ; онъ служилъ въ Александрійскомъ гусарскомъ полку, но вскорѣ вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи отца.

Пріѣздъ Петра Александровича нисколько не измѣнилъ заведеннаго порядка въ домѣ дѣда, и дни тянулись своимъ чередомъ не принося ничего новаго.

Въ одинъ прекрасный вечеръ мы собрались въ столовую къ ужину; было десять часовъ безъ пяти минутъ, вдругъ слышимъ колокольчикъ и стукъ колесъ; ближе, ближе—и экипажъ остановился у подъѣзда. Не знаю какъ другіе, но я очень обрадовалась и ждала съ нетерпѣніемъ появленія гостей.

Двери отворились, и въ сопровожденіи нашего старика дядя вошла дама лѣтъ саишкомъ шестидесяти, высокаго роста, полная, съ простыми, но добрымъ лицомъ.

— Боже! дорогая гостыя, воскликнулъ дѣдъ, подходя къ ручкѣ этой дамы;—сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались.

— Да, cher cousin, давненько не видались, пожалуй лѣтъ шесть, и постарѣли же мы оба, отвѣчала гостыя, смотря на grand-papa.—Я становлюсь дряхлѣе, здоровье слабѣетъ, вѣдь шестой десятокъ доживаю, легко ли? а горя-то, горя! Буду на морскія куланья и на перелутьѣ завѣхала провѣдать васъ.

— Благодарю что вслomniaли; старый другъ лучше новыхъ двухъ, возразилъ дѣдъ;—а вотъ позвольте познакомиться...

Тутъ пошли представленія, поклоны, размѣвъ любезностей и потомъ сѣли ужинать.

Варвара Львовна Кончи была двоюродная сестра моей бабушки и жила въ своемъ имѣствѣ, верстъ за двѣсти отъ Кургановъ. Общество ея не могло доставить удовольствія. Она говорила только о хозяйствѣ или жаловалась на судьбу, да еще бранила мушницъ, подбирала самые энергичные эпитеты; другаго разговора не было. Въ эти минуты выраженіе доброты исчезало съ ея лица и оно дѣлалось жесткимъ. Дѣдъ, улыбаясь, вступался за своихъ братьевъ, доказывая что на свѣтѣ много хорошихъ, истинно нравственныхъ мушницъ и шута ставилъ себя въ примѣръ. Это приводило въ ярость Варвару Львовну; она еще безжалостнѣе бичевала другую половину человеческого рода, прибавляя что если дѣдъ и былъ субъектъ достойный уваженія, то это вслѣдствіе того что случая не представлялось свихнуться. Эти сцены начались съ перваго же дня ея пріѣзда.

Когда послѣ ужина madame Conchy отправилась въ свою спальню, то-есть въ комнату дяди, которую тотъ ей уступилъ, grand-papa сказалъ намъ:

— Кто подумаетъ, глядя на нее, что это бывшая героиня романа.

Я наострила уши.

— Ты вѣрно слышала? продолжалъ онъ, обратясь къ мамашѣ.

— Да; немудрено что она такъ озлоблена противъ васъ, мушкетъ, отвѣчала татап.

Находя неудобнымъ разспрашивать дѣда или татап, а главное боясь что они многого не скажутъ, я обратилась на другой день къ моему источнику любопытныхъ свѣдѣній, то-есть къ неугомонной разказщицѣ Глафирѣ Ивановнѣ. Она всегда съ превеликимъ удовольствіемъ говорила о быломъ и ничѣмъ нельзя было такъ ее одолжить какъ начать долытываться что происходило тогда-то и съ тѣмъ-то. Хорошая старушка мгновенно принимала самодовольный видъ, протираала очки, какъ будто они служили пособіемъ ея памяти, нюхала табакъ и начинала повѣствованіе, предварительно предупредивъ что лгать не имѣетъ привычки, а передаетъ суцую истину.

Въ началѣ нашего столѣтія Варвара Львовна вышла замужъ за Павла Кончи, замѣчательно красиваго молодаго человека. Онъ былъ происхожденія италянскаго, но родился въ Россіи и служилъ въ какомъ-то кавалерійскомъ полку. Эскадронъ въ которомъ онъ числился расположенъ былъ въ имѣньи отца Вареньки, Льва Кирилловича, и это обстоятельство дало ему возможность познакомиться въ домѣ радушнаго помѣщика и сдѣлаться ежедневнымъ гостемъ.

Провыраливый Итальянецъ, объявъ съ разу всѣ выгоды какія доставить ему бракъ съ богатою наслѣдницей, быстро повелъ атаку на сердце молодой дѣвушки, успѣвъ вскружить ей голову и сдѣлавъ предложеніе.

Партія была не по душѣ отцу, и онъ всѣми силами старался отвлечь дочь отъ союза съ синьйоромъ Кончи, но влюбленная Варенька слышать не хотѣла о разрывѣ съ красавцемъ Паоло и рѣшительно объявила что ничто не принудитъ ее отречься отъ своей любви.

Обожая единственную дочь, Левъ Кирилловичъ не рѣшался употребить родительскую власть, горько сознавая что тѣмъ возстановитъ противъ себя свое заблудшее дитя, и потому скрѣпя сердце далъ благословеніе на бракъ.

Паоло вышелъ въ отставку, поселился въ домѣ тестя, и молодые жили такъ согласно что отецъ не могъ довольно на радоваться ихъ семейному счастью и часто упрекалъ себя въ прежней несправедливости къ зятю.

Прошло три-четыре года, Варвара Львовна похоронила отца и осталась круглою сиротой, лишившись матери еще

въ дѣтствѣ. Задолго до кончины Льва Кирилловича, Паоло купилъ на приданое жены прекрасное помѣстье въ смежной губерціи, куда часто ѣздилъ одинъ, и если Варенька просила его взять и ее съ собою, то онъ всегда представлялъ ей что не хорошо оставлять больного отца, чѣмъ еще болѣе располагалъ къ себѣ старика.

Смерть Льва Кирилловича страшно подѣйствовала на Вареньку. Вся дѣтская привязанность, охладѣвшая нѣсколько вслѣдствіе пылкой любви къ мужу, вспыхнула въ ней съ прежнею силой, и отчаяніе ея не имѣло границъ.

Паоло сталъ уговаривать жену бросить домъ въ которомъ она испытала такую скорбь и предлагалъ ѣхать въ новое мѣстѣ:

— *Idol mio!* тебѣ здѣсь каждый кустъ, каждый уголъ напоминаетъ отца! уѣдемъ въ Темную Дубраву, ты тамъ душой отдохнешь. Мы изъ прислуги никого не возьмемъ съ собою; ихъ присутствіе будетъ только растравлять рану, приуждая тебя невольно возвращаться къ прошлому.

Варенька согласилась и они переселились въ Темную Дубраву.

Первое время по пріѣздѣ въ новое помѣстье, madame Conchy часто переписывалась съ моею бабушкой, хвалила мѣстоположеніе, восхищалась домомъ и обстановкою, хвасталась любовью Паоло, но мало-по-малу письма ея начали принимать грустный характеръ. Она стала жаловаться на разстройство нервовъ, продолжала тосковать по отцѣ и довольно ясно высказывала свое неудовольствіе на мужа; писала что онъ часто и надолго куда-то отлучается; что обращеніе его съ нею холодно, даже грубо; что въ дѣсу на хуторѣ живетъ молодая, хорошенькая женщина, которую онъ выдаетъ за арендаторшу хутора, и что это даетъ ей мысль подозрѣвать Паоло въ невѣрности.

Зная взыскательный и избалованный нравъ Варвары Львовны, бабушка не особенно обращала вниманія на ея жалобы и старалась уговорить быть терпѣливѣе и не разстраивать домашняго спокойствія, давая волю своему воображенію. Хладнокровные и благоразумные совѣты двоюродной сестры раздражали Вареньку, и она стала писать рѣже, рѣже и совсѣмъ замолкла.

Прошло около года, на письма grand-tata ответа не было; наконецъ пришло длинное посланіе отъ сеньора Кончи

въ которомъ ояъ извѣщаль что обожаемая его Вагге лишилась разсудка, оплакивалъ свою злополучную участь и излагалъ причины повліявшія на способности жены, волевыхъ, кончина отца глубоко ее поразившая, а вовторыхъ, безумная ревность, которая отравила его жизнь, ее же довела до сумашествія.

Въ послѣдствіи узналось что Варвара Львовна имѣла полное право подозрѣвать мужа въ неврѣности; ояъ не стѣсняясь обзавелся другою женой, Француженкой, изящно отдѣлалъ хуторъ на которомъ помѣстилъ ее, кромѣ того, положилъ на ея имя большую сумму денегъ въ банкъ, продавъ строевой дѣсъ и заложивъ какому-то Еврею заловные луга. Кончи имѣлъ полную довѣренность отъ жены и управлялъ имѣніемъ по своему произволу.

Услужливые люди передали все Варварѣ Львовнѣ. Начались упреки, слезы, домашнія ссоры.

Госпожа Кончи доходила до бѣшенства, крѣчала, рвала на себѣ волосы, проклинала мужа и выбившись изъ силъ падала безъ чувствъ.

Въ эти минуты прекрасный Паоло разыгрывалъ роль жертвы, и подъ великою тайной сообщалъ каждому встрѣчному что его жена помѣшалась.

Случалось ли Варварѣ Львовнѣ вспылить на горничную или на кого другаго изъ прислуги, милый супругъ печально качалъ головой, отзывалъ въ другую комнату личность заслужившую ея гнѣвъ и уговаривалъ сносить терпѣливо раздражительность своей госпожи, происходящую отъ помраченія разсудка, а не отъ калприза или несправедливости несовмѣстныхъ съ ея ангельскимъ сердцемъ. Прислуга вѣрила, распускала вѣсти на селѣ, прибавляя все что ей приходило въ голову.

Постепенно эти толки распространились въ уѣздѣ и по обыкновенію приняли страшные размѣры.

— Варвара Львовна лаетъ собакою, кричитъ лѣтухомъ, говорили жалобно сосѣдки, избави Боже такой напасти.

— Это еще что, подхватывали другія, она на людей кидается, того смотри что загрызеть; слухъ носится, будто она откусила ухо у ребенка. Павелъ Давыдовичъ слишкомъ безлечень... ее залереть слѣдуетъ.

Бѣдную Вареньку начали избѣгать; дамы перестали къ ней ѣздить. Крестьянскіе ребятишки завидѣвъ ее издали подымали волю, стараясь не попасть ей навстрѣчу и прятались

куда поладо. Она служила пугаломъ, и матери грозили непо-
слушнымъ дѣтямъ что отдадутъ ихъ барыняѣ. Бабы увѣряли
что корова на которую она взглянетъ падетъ, и приводили
тому примѣры.

Дошло до того что со всѣхъ сторонъ стали совѣтовать
Бончи посадить жену въ отдѣльную комнату и имѣть за
нею строжайшій присмотръ.

Синьйоръ Паоло, достигнувъ своей цѣли, просилъ наложить
олеку на состояніе жены и попятно попалъ въ олекуны.
Прислали врачей и кого тамъ слѣдуетъ освидѣтельствовать
въ какомъ состояніи находится разсудокъ Варвары Львовны.
Это было исполнено послѣ роскошнаго завтрака и хорошей
полойки устроенной неутѣшнымъ супругомъ.

Веселая компанія, отуманенная крѣпкими винами, обо-
шлась съ Варинькою рѣзко и нагло; предлагаемые вопросы
возмутили уже безъ того раздраженную женщину; она, забывъ
всякую осторожность, въ пылкихъ словахъ выразила свое не-
годованіе, осыпала упреками мужа, уличала его въ безчест-
ныхъ поступкахъ и закончила нервнымъ припадкомъ.

Участь Вареньки была рѣшена.

Ее признали лишненною разсудка и опасною въ отношеніи
окружающихъ, вслѣдствіе чего предложили ее залереть и
предписали лѣченіе.

Въ саду была кладовая съ двумя окнами снабженными же-
лѣзными рѣшетками. Она сообщалась съ домомъ небольшою
галлереей. Ее обили полотномъ, поставили въ ней лечь, все
необходимое, и туда подъ крѣпкимъ замкомъ посадили не-
счастную владѣлицу Темной Дубравы.

Въ началѣ затворничества она владала въ припадки безум-
ной и безсильной ярости. Волли ея потрясали весь домъ, и
не безъ основанія можно было надѣяться что она дѣйстви-
тельно сойдетъ съ ума. Паоло на это разчитывалъ, но ошибся.

Такъ она высидѣла полтора года.

Когда узнали въ имѣніи покойнаго Льва Кирилловича о
случившемся, старые слуги очень горевали, особенно Прохо-
рычъ, камердинеръ покойнаго. Дошли тоже вѣсти что синь-
йоръ Кончи разоряетъ состояніе жены, дѣлаетъ большіе
долги, что въ домѣ водворилась новая хозяйка, которой
безусловно подчинили всю дворню, что она наслаждается всѣ-
ми благами жизни тогда какъ настоящая госпожа томится въ
заключеніи.

— Хоть бы повидать однимъ глазкомъ нашу горемычную барышню, постоянно говорилъ старикъ; — и какъ ей сердечной не рехнуться, вишь какая доля выпала. Чуяло сердце родительское.... противень былъ барину этотъ Тааіанецъ.

Желаніе видѣть его „барышню“ расло съ каждымъ днемъ и наконецъ превратилось въ какое-то тоскливое и непреодолимое стремленіе, такъ что однажды вѣрный слуга вооружился доброю дубинкой и потащился лѣшкомъ въ Темную Дубраву. Достигнувъ усадьбы онъ хитро развѣдалъ на деревнѣ гдѣ заключена Варвара Львовна; ему однако сказали что къ ней никого не пускаютъ, кромѣ приставленной женщины, и та входитъ очень рѣдко; баринъ даже строго запретилъ къ окнамъ подходить, потому что она какъ завидитъ кого, то влагаетъ въ приладокъ и готова искусать.

Горько стало Прохорычу, но желаніе поглядѣть на дочку Льва Кириловича не угасало, а все сильнѣе разгоралось.

Узнавъ что Кончи вѣтъ дома онъ тихонько забрался въ садъ, изломавъ изгородь.

Съ сердечнымъ трепетомъ пробирался старикъ между кустами и подойдя къ окну кладовой бросилъ въ него быстрый взглядъ. Тутъ онъ увидѣлъ Вареньку сидящую въ глубинѣ комнаты грустно опустивъ голову

Слезы брызнули изъ глазъ Прохорыча и онъ прильнулъ лицомъ къ стеклу.

Варенька не двигалась, не подымала глазъ и казалось была погружена въ глубокую думу.

Не совладавъ съ собою старикъ; осмотрѣвшись кругомъ онъ громко назвалъ ее по имени.

Она вздрогнула, подняла голову и устремила глаза въ окно. Радостное восклицаніе вырвалось изъ груди несчастной Вареньки. Кинувшись къ окну она со своей стороны прижалась къ стеклу и заговорила съ Прохорычемъ. Онъ былъ въ восторгѣ, но вмѣстѣ и изумленъ что она узнала его, а главное что говорить такъ здраво и потому рѣшился ее спросить почему она находится въ такомъ заточеніи. Варвара Львовна объяснила ему въ короткихъ словахъ какъ поступилъ съ нею мужъ, и что выдавая ее за помѣшанную онъ только хочетъ воспользоваться ея безпомощнымъ положеніемъ и окончательно ограбить. Съ отчаяніемъ она умоляла вѣрнаго слугу спасти ее, видя въ немъ единственнаго друга посланнаго Провидѣніемъ.

Долго продолжать разговоръ было опасно. Старикъ поклялся спасеніемъ своей души что все сдѣлаетъ для дочки Льва Кирилловича, но просилъ ее быть покойницею, не предаваться порывамъ гнѣва, перекрестилъ ее и ушелъ.

Задача была трудная для крѣпостнаго человѣка. Какъ вырвать несчастную изъ рукъ мужа, на сторонѣ котораго было право и деньги?

Какъ взяться за это и что можетъ сдѣлать бѣдный слуга безъ средствъ и посторонней помощи?

Тяжелая скорбь какъ камень давила его и мысли не давали покою ни днемъ, ни ночью.

Вдругъ вспомнилъ онъ что его двоюродная племянница и вмѣстѣ крестница вышла замужъ за отставнаго солдата и что этотъ солдатъ постулилъ въ кучера къ губернатору.

— Не знаешь гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, подумалъ Прохорычъ и благословясь ползлея въ губернской городокъ.

Семдесятъ верстъ протащился старикъ ободряемый какою-то надеждой, отыскалъ крестницу и разказалъ ей зачѣмъ пришелъ. Позванный на совѣтъ, мужъ обѣщалъ все передать дворецкому, у котораго состоялъ въ милости, и уловивъ удобную минуту сдержалъ слово.

Дворецкій выслушалъ, позвалъ Прохорыча, допросилъ его и въ свою очередь далъ обѣщаніе поговорить камердинеру, какъ самому близкому человѣку къ губернатору.

На другой день представили старика камердинеру.

Тотъ велѣлъ ему написать прошеніе, подробно изложить всѣ обстоятельства, указалъ писаря и взялся подать прошеніе въ собственныя руки его превосходительства. Между страхомъ и надеждою дожидаясь отвѣта; наконецъ его призвали къ губернатору.

Припалъ старикъ къ ногамъ его и рыдая заклиналъ сласти его *барышню*.

Губернаторъ еще недавно вступилъ въ должность и по пословицѣ „новая метла хорошо мететъ“ преслѣдовалъ злоупотребленія и со рвеніемъ занимался дѣлами. Онъ приказалъ нарядить слѣдствіе и послать въ Темную Дубраву чиновника изъ своей канцеляріи и врачей.

Съ ними отправился и Прохорычъ.

Какъ свѣтъ на голову явилась коммиссія и потребовала свиданія съ Варварою Львовною.

Озадаченный Кончи какъ ни вертѣлся, но пришлось уступить и, проклиная внутренно незваныхъ гостей, повелъ ихъ

въ кладовую, въ которую его не впустили и залерли двери предъ нимъ.

Продолжителенъ былъ разговоръ съ его жертвою, наконецъ комиссія вышла предложивъ Варенькѣ за нею слѣдовать и объявила законнымъ порядкомъ что госпожа Кончи находится въ здравомъ умѣ, имѣетъ полное право дѣйствовать самостоятельно, въ силу чего олека будетъ снята, а господина Кончи, какъ посягателя на ея свободу съ преступнымъ намѣреніемъ разорить жену и присвоить себѣ ея состояніе, предать суду.

Варенька объявила желаніе переѣхать въ домъ покойнаго отца и отправилась туда въ сопровожденіи Прохорыча, котораго она чтила и поклонила до самой смерти. Въ послѣдствіи Паоло былъ сосланъ на поселеніе. Тѣмъ и кончилась трагическая исторія супруговъ Кончи.

V.

Боже мой! вызывая тѣни прошлаго я какъ удто выношу изъ темнаго подвала старые, забытые портреты и смахнувъ съ нихъ вѣковую пыль выставляю олять на свѣтъ. Все это жило, чувствовало, любило; почему же не воскресить ихъ?

Страсть моя къ старинѣ, не знаю врожденная или усвоенная, доходитъ до маниі. Я не могу хладнокровно смотрѣть на ветхую рукопись и готова просидѣть цѣлый день слушая разказы о быдомъ. Съ какимъ бывало удовольствіемъ слушала я какъ наша сосѣдка по имѣнію, княжна Волконская, почтенная старушка, разказывала о коронаціи императора Павла, на которой она была, и описывала торжественное шествіе царственной четы въ Успенскій соборъ.

— Меня, говорила она, и матушкѣ Екатеринѣ представляли на куртагѣ въ Москвѣ; помнится я была лѣтъ одиннадцати или двѣнадцати, взбили мнѣ волосы, напудрили, нарядили въ робронъ и подвели къ ручкѣ царицы; она меня приласкала, погладила по щекѣ, и вѣришь ли душа моя вѣдь я не струсила, такая была смѣлая.

Но возвратимся въ Кургавы.

— Барышня! гости пріѣхали-сь, громко провозгласилъ Левка вбѣжавъ въ комнату.

— Кто? спросила я послѣшва.

— Племянникъ барина. Вася просить въ гостиную.

Это былъ двоюродный братъ тата, Раубъ. Узнавъ что мы въ гостяхъ у дѣда онъ пріѣхалъ возобновить знакомство съ мамашей и вмѣстѣ пригласить насъ къ себѣ на обѣдъ, а вечеромъ общалъ танцы подъ военную музыку.

Поводомъ былъ день рожденія одной изъ его дочерей.

Перспектива провести день весело, съ молодыми дѣвушками моихъ лѣтъ, была очень заманчива. Наша горничная занялась приготовленіемъ бальнаго наряда и черезъ два дня мы отправились въ тяжелой каретѣ дѣда, влекомой шестернею; онъ нашелъ что неприлично намъ ѣхать въ коляскѣ.

Дорога была утомительная; двадцать верстъ надо было проѣхать подъ палящимъ солнцемъ по песку въ которомъ вязли колеса. Къ довершенію бѣдствій рой ось вился надъ экипажемъ, жалилъ бѣдныхъ, измученныхъ лошадей и, вывѣсивъ въ открытыя окна кареты, угрожалъ нашимъ лицамъ, такъ что мы едва успѣвали отмахиваться вѣерами, но всему есть конецъ, и наше испытаніе окончилось. Мы пріѣхали и торжественно подкатили ко крыльцу.

Общество было многолюдное. Молодые дамы и дѣвицы въ бальныхъ платьяхъ; мужчины во фракахъ и мундирахъ.

Меня какъ новенькую, конечно, осмотрѣли съ головы до ноги и лоятно не обошлись безъ ѣдкихъ замѣчаній. Одна изъ кузинъ услужливо мнѣ передала какъ одинъ артиллеристъ очень смѣялся надъ старомоднымъ экипажемъ дѣда, называя его Ноевымъ ковчегомъ; при этомъ спрашивалъ къ какому роду птицъ слѣдуетъ меня отнести.

Не безъ досады взглянула я на офицера. Маленькій, кудрявый, жеманный, онъ какъ-то изгибался рисовался предъ дамами.

— Предоставляю ему доискиваться къ какому роду пернатыхъ принадлежу, отвѣчала я,—но къ какой породѣ звѣрей его причислить должно, въ этомъ я не ошибусь. Онъ изъ семейства комнатныхъ собачекъ, беспорно ученыхъ. Смотрите, какъ ловко пляшетъ на заднихъ лапкахъ, точно просить сахару.

Рядомъ сидящая дама засмѣялась. Кузина покраснѣла и молча отошла.

Въ продолженіе вечера я узнала отъ ея короткой пріятельницы что Полина очень заинтересована собачкой-офицеромъ и я нехотя нажила себѣ врага:

Часамъ къ восьми пришла музыка, начались танцы. Артиллерійскій офицеръ бросалъ на меня враждебные взгляды и не подходилъ ангажировать. Безъ сомнѣнія, кто-нибудь тоже услужливый не преминулъ сообщить ему мои слова, но попали они мѣтко: въ танцахъ его сходство съ пляшущею собачкой становилось поразительно.

Деревенскій балъ былъ очень оживлемъ.

Мы трудились въ потѣ лица, и внимательный хозяинъ не давалъ намъ отдыха.

Началась пятая кадрилъ.

Рядомъ со мной помѣстился красивый блондинъ съ юною брюнеткой въ розовомъ тарлатановомъ платьѣ.

Она была недурна, довольно стройна, но угловатыя манеры бросались въ глаза.

Блондинъ пріѣхалъ изъ Ревеля погостить къ своей сестрѣ, женѣ алтекаря въ уѣздномъ городѣ, и попалъ съ нею на балъ. Полечительная хозяйка замѣтила розовое платье не снабженное кавалеромъ и перенесла взоръ на молодого Эстляндца, одиноко сидящаго въ углу залы, рѣшила соединить эту пару; проворно взявъ подъ руку Ревельскаго льва она подвела его къ грустно томящейся барышнѣ въ ожиданіи кавалера и представила его.

Чета встала на свое мѣсто, безупречно выдѣлывала па, но улорно молчала. Наконецъ въ третьей фигурѣ обѣтъ безмолвія первая нарушила барышня.

— Что у васъ глотка что ли болитъ? спросила она кавалера, съ оттѣнкомъ досады въ голосѣ.

Пораженная простонародною фразой я обернулась. Молодой Эстляндецъ вслыхнулъ и что-то пробормоталъ:

Разговоръ болѣе не возобновлялся. Брюнетка какъ-то лугливо обвела глазами залу и угрюмо потупилась.

Я приложила платокъ къ губамъ чтобы скрыть улыбку, а кавалеръ мой не стѣсняясь задилъ простодушнымъ смѣхомъ и отойдя къ зрителямъ передалъ краткій діалогъ. Маленькій анекдотъ разнесся мгновенно по залѣ и сдѣлался темою для шутокъ.

Тутъ я узнала что за личность розовое платье и перестала удивляться неразборчивости ея выражений. Отецъ барышни, въ настоящее время инвалидный капитанъ былъ, изъ солдатскихъ дѣтей и служилъ писаремъ при дивизіонномъ штабѣ. Онъ попалъ въ случай чрезъ горничную дѣвушку въ домѣ

генерала, заслужившую особенное благоволеніе его превосходительства, который просваталъ ее за смышленаго писаря, давъ въ приданое пятьсотъ рублей, а супруга въ послѣдствіи произвелъ въ офицеры.

Черезъ годъ послѣ свадьбы писарь съ молодою женой и дочкою Катюшкою поѣхалъ въ гости къ отцу, отставному солдату жившему гдѣ-то на югѣ, и по неотступной просьбѣ своихъ родителей отдалъ имъ на воспитаніе дѣвочку тѣмъ охотнѣе что жена его опять была въ интересномъ положеніи.

Усыновленная стариками Катюшка росла на волѣ подъ крылышкомъ дѣда, и до пятнадцати лѣтъ бѣгала лѣтомъ босая, доила коровъ, мыла бѣлье и пр., но лучъ просвѣщенія проникъ въ избу солдата, и дѣвочку выучили читать, писать, хоть каракули, и священную исторію.

Родители Кати не заботились о ней, имѣя кромѣ этой дочери еще пятеро дѣтей, какъ вдругъ почти одновременная смерть стариковъ напомнила имъ объ ея существованіи и принудила ихъ взять къ себѣ старшую дочь.

Въ эту эпоху писарь былъ уже инвалиднымъ начальникомъ въ уѣздномъ городѣ и игралъ не маловажную роль.

Онъ былъ очень смущенъ что дочка его просто крестьянская дѣвушка безо всякаго воспитанія и не имѣетъ приличныхъ манеръ, потому положено было начать ея свѣтское образованіе. Начали изъ училища преподавателей грамматики и прочихъ предметовъ; гувернантку при дѣтяхъ судьи пригласили учить пофранцузски и музыкѣ, а ловивальная бабушка при городской больницѣ, бывшая въ молодости танцовщицею на провинціальной сценѣ, взялась посвятить ее въ тайны искусства Терпсихоры, и за шесть рублей обязалась выучить вальсъ, галопъ и кадрили, но мазурку и польку отказалась, находя Катю слишкомъ неповоротливою.

Преобразившись изъ солдатской внучки въ барышню и капитанскую дочь, а изъ Катюшки въ Екатерину Ефимовну, дѣвица должна была подчиниться разнымъ реформамъ. Ей сшили корсетъ, причесали по-модному, ноги обули въ тонкіе чулки и прювелевые саложки, платья локрыли по новому фасону.

Жутко пришлось бѣдной Катѣ; она ничего не понимала, науки путались въ головѣ, пальцы болѣли отъ гаммъ, ноги отъ танцевальныхъ уроковъ.

При родителяхъ Катя рта не открывала, и единственная ея отрада была кухарка Акулина; понятно что отъ нея она

не могла заимствоваться отборнымъ языкомъ. Несмотря на этотъ изъянецъ, лапаша нашель дочь вполнѣ отвѣчающею его требованіямъ и заявилъ женѣ что Катю пора вывозить на балы и для перваго дебюта отправился съ нею къ нашему родственнику...

А вечеръ двигался впередъ; было уже за полночь.

Вдругъ взвилась ракета.

— Фейерверкъ! раздалось по залѣ, и обрадованная публика бросилась на террасу или въ садъ.

Огонь принималъ разнообразныя формы; то стлался по небу и разсыпался разноцвѣтными звѣздами, то нырялъ лебедемъ въ пруду, то вертѣлся колесомъ и въ концѣ-концовъ разразился громаднымъ сноломъ.

Смогло... и мы изъ свѣта погрузидись во мракъ. Общество какъ бы озадаченное хранило молчаніе.

— Mesdames! messieurs! un tour de valse s'il vous plait, что терять золотое время, кричалъ охрипшимъ голосомъ хозяинъ, перелетая отъ одной группы къ другой.

Общество хлынуло въ залу; тамъ гремѣлъ вальсъ. Первая пара понеслась: розовое платьѣ съ уланскимъ корнетомъ. Онъ до этой минуты уклонялся отъ танцевъ и пребывалъ во внутреннихъ комнатахъ, но наэлектризованный фейерверкомъ пустился въ вальсъ; на бѣду, уланъ вѣроятно много прохладился разными налитками, вслѣдствіе чего былъ не твердъ на ногахъ и сильно покачивался, такъ что каждую минуту угрожалъ ладеніемъ. Катя покачивалась тоже, но не предвидѣла опасности и продолжала неустово летѣть, сбившись окончательно съ такта. Кончилось бы худо, но вошедшій лапаша поймалъ дочь на лету за локоть и поведительнымъ „довольно“ усадилъ на мѣсто. Не насладившись вполнѣ вальсомъ и лишившись насильственнымъ образомъ дамы, корнетъ адресовался къ другимъ, но встрѣтя вездѣ отказъ съ горя отправился въ буфетъ.

Мы съ маманъ вскорѣ убрались потихоньку, оставя балъ въ самомъ разгарѣ. Прижавшись въ уголь кареты я съ наслажденіемъ вдыхала ночной воздухъ. Переходъ отъ шума, говора къ этому величавому спокойствію благотворно дѣйствовалъ на нервы и я впадала въ полудремоту, позволявшую мнѣ иногда перекидываться словами съ мамашею, которая съ своей стороны находилась въ такомъ же положеніи. Солнце всходило когда мы пріѣхали домой.

VI.

Скучно или весело, но время проходить; незамѣтно промелькнулъ мѣсяцъ въ Курганахъ и мы стали собираться къ теткѣ. Полтораста верстъ предстояло проѣхать; мы предпочли проселочную дорогу, потому что почтовымъ трактомъ выходило около двухсотъ вѣрстъ, слѣдственно значительно сокращали путь и выигрывали время. Проставшись съ дѣдомъ и получивъ его благословеніе, мы усѣлись въ коляску снабженную коробками съ лирожнымъ, жаркимъ, вареньемъ, въ достаточномъ количествѣ на недѣльное путешествіе и со тщаніемъ уложеннымъ руками полечительной Глафиры Ивановны. Подвернись къ несчастью мѣзъ подъ ноги коробокъ съ вареньемъ; я его небрежно откинула въ сторону, банки завсѣли, какая-то разбилась и сироль полился.

— Боже! земляничное варенье! воскликнула съ горемъ добрая экономка;—вотъ что значить неосторожность, остались безъ варенья. Ахъ барышня! барышня!

Я извинилась какъ могла, но къ прискорбію старушки шатап приказала коробокъ убрать изъ коляски, несмотря на ея завѣренія что сироль болѣе не течетъ.

— Да съ чаемъ-то можете вздумаете налиться—и не будетъ, воскликнула чуть не съ отчаяніемъ Глафира Ивановна.

Мамаша съ улыбкой отвѣчала что чая съ вареньемъ не любить и снова повторила приказаніе вынуть изъ коляски коробокъ; дѣлать было нечего, приходилось повиноваться.

Поцѣловавшись еще разъ съ отцомъ и братомъ, шатап велѣла трогать и наша четверня крупною рысью выѣхала со двора. Путешествіе на долгихъ не лишено прелести: вы свободно располагаете собою, останавливаетесь гдѣ вамъ угодно и если одарены способностью восхищаться природою, то можете вполнѣ удовлетворить это артистическое чувство. Напримѣръ какъ не любоваться подобнымъ пейзажемъ:

Между крутыхъ береговъ въ калризныхъ изгибахъ лавно течетъ рѣка; бархатные луга окаймляютъ ее; направо густой сосновый лѣсъ; налѣво открытая мѣстность à perte de vue; встоящая панорама. Прямо за глубокимъ оврагомъ, на горѣ красуется великолѣпный двухэтажный господскій домъ, съ террасами, балконами, маленькими башенками. Онъ тонетъ

въ зелени роскошнаго парка, но на шпилѣ его не вьется флагъ. Дорога къ нему идетъ по окраинѣ оврага, превращеннаго въ садъ и черезъ перекинутый мостъ на другую сторону останавливается у изящныхъ воротъ. Какъ тамъ должно быть хорошо живется! невольно восклицаетъ прохожій.

Жилось... а теперь все мрачно, грустно. Владѣлецъ этого пышнаго жилища влечить дни свои въ изгнаніи. Семья его вымерла, и въ опустѣлыхъ комнатахъ одни лишь тѣни бродятъ, оплакивая прошлое.

Окрестные крестьяне увѣряютъ что въ нѣкоторые дни мелькаютъ огни въ окнахъ, что пустынные залы оживляются, что блѣдныя и печальныя лица глядятъ въ стекла, и глухія стenanія раздаются подъ сводами когда-то веселаго и гостепріимнаго дома.

Мы остановили коляску, вышли, переѣхали на паромѣ рѣчку и пошли по дорогѣ къ мосту, но миновавъ его спустились въ оврагъ и по заросшимъ дорожкамъ прошли въ паркъ черезъ небольшую калитку.

Подъ вѣковымъ дубомъ, въ самомъ уединенномъ мѣстѣ парка стояла ясеневая рѣзная скамейка и такой же маленькій столикъ. На спинкѣ скамейки былъ вѣдланъ медальонъ чернаго дерева. Я открыла его; онъ былъ пустъ, только засохшая вѣточка ландыша лежала въ немъ; портретъ былъ вынутъ. Кругомъ слова: *Souviens toi Madeleine et moi je n'oubliegar jamais* отчетливо были вырѣзаны. Къ кому относились эти слова?

Мы отправились паркомъ далѣе и очутились у дома. Вбѣжавъ на террасу, я съ любопытствомъ заглянула въ одно изъ оконъ. Это была спальня. Краснаго дерева кровать, покрытая бѣлымъ покрываломъ, мебель синяя штофная подъ цвѣтъ обоевъ, разные шкафчики, большіе бронзовые часы на каминѣ, амуръ и лисиха, лисьменныи столъ и картина или портретъ задернутый зеленою тафтой. Сердце у меня сжалось и не засматриваясь въ другія окна я послѣшно удалилась.

Мы съ маман обошли домъ и по крытой аллея изъ акацій вышли къ оранжереямъ; садовникъ поливалъ деревья. Онъ съ удивленіемъ устремилъ на насъ глаза и приподнявъ фуражку спросилъ вѣжливо: что вамъ угодно?

Маман объяснила что проѣзжая мимо и восхищаясь мѣстомъ мы сошли въ оврагъ чтобы погулять и нечаянно попали въ паркъ.

— Можетъ-быть запрещено сюда входить? прибавила она.

— Нѣтъ, отвѣчала садовникъ,—да прѣвзжіе-то рѣдки; это не прежнее время.

Я спросила: не знаетъ ли чей портретъ былъ въ медальонѣ изъ чернаго дерева.

— Навѣрно какъ вамъ сказать? Я только два года здѣсь; слышала какъ-то мимоходомъ отъ стараго ключника (оно прошлый годъ умеръ) что подъ дубомъ былъ любимый уголокъ невѣсты меньшаго князя; статья, можетъ тамъ и портретъ былъ ея. Она скончалась за нѣсколько дней до свадьбы, и женихъ такъ тосковалъ что къ сороковому дню самъ Богу душу отдалъ. Болтали въ ту пору что зелья какого-то испилъ... а вѣдь можетъ просто съ тоски зачахъ; бываетъ, закончилъ равнодушно садовникъ.

Подъ грустнымъ впечатлѣніемъ мы возвратились къ своей коляскѣ и отправились далѣе.

Намъ еще сорокъ верстъ оставалось до имѣнія тетки, и надо было ночевать въ ближайшемъ селѣ, верстахъ въ десяти отъ очарованнаго замка.

Съ наступленіемъ вечера прѣѣхали мы въ село и остановились на постояломъ дворѣ.

Отвели намъ комнату.

— Ужь и горница... что твоя зала, рекомендовала хозяйка, плотная баба съ оловянными глазами и круглымъ носомъ;— небель изъ барскаго дома кулена, лервый сортъ.

По кривой лѣстницѣ взобрались мы наверхъ и вступили въ небольшую комнату, снабженную *небелю* покрытою когда-то голубымъ тикомъ съ бѣлыми полосками, но въ настоящую минуту испещренную сальными пятнами и перешедшую въ неопредѣленный цвѣтъ; дубочная Бобелина и какой-то страшно уелтый господивъ украшали стѣну; двуспальная кровать съ ситцевымъ пологомъ и туго взбитою периной занимала половину комнаты.

— Лучше тапан переночуемъ въ коляскѣ; эта кровать наводитъ на меня ужась. Въ ея предѣлахъ міриады насѣкомыхъ наслаждаются невозмутимымъ покоемъ и нарушить его значитъ бросить себя на жертву ихъ ярости.

Мамаша раздѣляла мои подозрѣнія относительно громадной постели, и мы пріютились на ночь въ своей коляскѣ къ полному изумленію хозяйки.

— Ишь какія прихоти у этихъ господъ, говорила баба обиженнымъ тономъ нашей горничной, постель у меня

важная, горница на чтò лучше. Аль поваднѣ въ коляскѣ? ни лечь, ни протянуться. Ужь это какія-то заграничныя, не Нѣмки ли? Чай на нихъ креста нѣтъ.

Горничная смѣялась, удовольствѣяла что мы народъ крещеный, только духоты не любимъ, и на предложеніе воспользоваться самой мягкою периной отказалась наотрѣвъ, спросила сѣна, положила подушку и улеглась на крыльцѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей коляски. Баба нѣсколько минутъ безмолвно смотрѣла то на насъ, то на нее, затѣмъ громко зѣвнула, потянулась и исчезла. Доброй ночи!

Слокоенъ и прохладенъ былъ нашъ сонъ подъ сѣнью небснаго покрова, и проспали мы почти до девяти часовъ утра. Намъ подали кофе на дужку подъ тѣнистою березой, и кончивъ утренній завтракъ поневолѣ отправились въ задъ съ луховикомъ, Бобединою и усатымъ господиномъ, (оказавшимся княземъ Багратиономъ) чтобы заняться нашимъ туалетомъ. Насъ ожидали къ обѣду и по всякому вѣроятію мы могли тамъ найти постороннихъ людей, потому приступили къ выбору нашего дорожнаго костюма; могу сказать мы исполнили эту задачу съ большимъ тактомъ. Сѣрѣя фулярѣвые платья, соломенныя шляпки, моя съ лиловыми лентами, а тапанъ съ синими, лѣлотнявые воротнички, черныя шелковые mantelets и шведскія перчатки. Это было мило и просто. Человѣкъ нашъ велѣлъ вымыть ѣкипажъ, самъ пережѣнилъ платье и съ такимъ-то air de fête мы пустились въ путь.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Е. ПЯТКИНА.

ЛОРДЪ БЕКОНСФИЛЬДЪ

КАКЪ ЛИТЕРАТОРЪ

Всѣмъ извѣстно что глава тепершняго Англійскаго кабинета прежде чѣмъ сдѣлаться министромъ, былъ литераторомъ, прежде чѣмъ писать государственные договоры, писалъ романы. Какіе именно, какого содержанія и характера—это помнятъ весьма немногіе. Слѣдя за интересами дня, газеты недавно сообщили выдержки изъ наиболѣе крульныхъ произведеній человѣка на котораго обращено въ настоящее время вниманіе всей Европы. Искали, конечно, прежде всего указаній на политическія убѣжденія автора; въ изліяніяхъ романиста старались подмѣтить образъ мыслей, стремленія и наклонности государственнаго дѣятеля. Но государственный дѣятель, выступающій на Берлинскомъ конгрессѣ защитникомъ Турціи, во многомъ уже не тотъ человѣкъ который вѣкогда скорбѣлъ объ участи угнетенныхъ народовъ, мечталъ объ освобожденіи благодатныхъ странъ, увядающихъ подъ безсмысленнымъ владычествомъ Турокъ.

Времена мѣняются, и мы мѣняемся съ ними. Что министръ и перъ Великобританіи смотритъ на вещи не такъ какъ смотрѣлъ молодой Еврей, начинающій прокладывать себѣ

дорогу—весьма естественно. Лордъ Беконсфильдъ самъ едва ли узналъ бы себя въ грустномъ мечтателѣ, какимъ выступилъ онъ на литературное поприще. Вызовемъ это забытое прошлое: мы увидимъ какъ велико разстояніе, отдѣляющее его отъ настоящаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ намъ можетъ-быть удастся въ хитромъ дипломатѣ разглядѣть черты увлекающагося романтика.

Въ 1831 году появился въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ *Контарини Флемингъ*, небольшой романъ, безъ имени автора. Четырнадцать лѣтъ спустя вышло второе изданіе, съ именемъ Дизраэли, когда имя это сдѣлалось уже извѣстнымъ въ литературѣ двумя другими романами: *Кинингсби* и *Сивилла*.

„Моя безыменная книжка, говоритъ авторъ въ предисловіи, выпущенная въ свѣтъ среди политическихъ смуть, казалось, предназначена была къ гибели. Однако она уцѣлѣла, удостоилась вниманія мыслящихъ и даже великихъ людей. Предлагаю ее теперь новому поколѣнію съ моею подписью, потому что книга моя, какъ я думаю по зрѣломъ, безпристрастномъ обсужденіи, выполнила свою задачу.“

Задачею было написать „психологическій романъ“, показать внутреннюю жизнь, постепенное развитіе поэта: „возрастающее сознаніе силы, мечтанія, одиночество, сомнѣнія, увнѣіе, неумѣіе, неудачи, отчаяніе“.

„Я избралъ форму автобіографическую“, продолжаетъ авторъ, „какъ наиболѣе удобную. Затѣмъ я поставилъ вымышленное мною лицо въ такое положеніе, въ такія внѣшнія условія которыя находились бы въ противорѣчій съ его природными наклонностями. Въ этомъ лицѣ сѣверъ соединяется съ югомъ; нервный мечтатель среди снѣговъ грезитъ о далекомъ, романтическомъ городѣ. Сочетаніе, какъ мнѣ кажется, новое въ литературѣ, но нисколько не невозможное.“

Это вымышленное лицо, Контарини Флемингъ, сынъ скандинавскаго барона и знатной Венеціанки, не то Германецъ, не то Италіянецъ, связанный съ сѣверомъ и стремящійся къ югу, чужой и въ суровой родинѣ отца своего, и въ прекрасной, горячо любимой, но обезславленной, разоренной и угнетаемой родинѣ матери. Трудно ли здѣсь подъ вымысломъ разглядѣть дѣйствительность? Трудно ли въ этомъ занесенномъ судьбою на сѣверъ потомкѣ ладшаго рода венеціанскихъ патриціевъ, скорбящемъ о древнемъ величій роднаго города, узнать сына Израиля, тоскующаго въ туманной Англіи о

минушей славы Иерусалима? Факты конечно измѣнены, истина окрашена воображеніемъ, но на каждой почти страницѣ слышатся явственно отголоски личныхъ воспоминаній, и за Контарини постоянно проглядываетъ Дизраэли. Мы имѣемъ предъ собою одно изъ тѣхъ первыхъ произведеній въ которыхъ авторъ, подъ весьма прозрачною маскою, изображаетъ намъ себя самого, такимъ какимъ самъ онъ себя считаетъ; передаетъ съ лирическимъ увлеченіемъ что самъ онъ испыталъ, передумалъ, перечувствовалъ, чего искалъ и что ищелъ. Такія произведенія особенно интересны. Здѣсь опростчиво выдается все то что въ послѣдствіи осторожно скрывается; здѣсь мы все видимъ какъ бы въ зародышѣ что развилось, укрѣдилось, видоизмѣнилось, или сгладилось и исчезло съ годами.

„Странствуя по пустынямъ Африки, граничащимъ съ Эритрейскимъ моремъ, такъ начинается Контарини Флемингъ свою повѣсть, я пришелъ къ рѣкѣ Нилу, къ этой древней, могучей, знаменитой рѣкѣ, которой воды литами древнѣйшую цивилизацію и переживъ столько государствъ и религій, текутъ попрежнему спокойно и благодатно.... Мой одинокій шагъ звучалъ во дворцахъ фараоновъ. Я стоялъ въ пыльных палатахъ, опирающихся на тысячи колоннъ, охраняемыхъ громадными изображениями, сидящими на таинственныхъ престолахъ. Я прошелъ великолѣпныя ворота, достойныя принять побѣдную колесницу Титана; я глядѣлъ на величественныяobelisks, возносящіяся къ небу, тайны котораго казались сокрытыми въ ихъ загадочныхъ надписяхъ. Куда ни обращался я, вездѣ видѣлись длинные ряды задумчивыхъ сфинксовъ, торжественно покоящихся въ небывалой красотѣ, группы львиноголовыхъ царей, громадныя стѣны, ярко расписанныя священными обрядами и сценами домашняго быта далекой древности, или покрытыя изваяніями богатырскихъ битвъ.... И вся эта сила, эта роскошь, эта мудрость и красота—гдѣ ихъ творцы? Я впалъ въ глубокое раздумье. Всѣ царства земныя прошли предо мною, отъ державы фараоновъ до громадныхъ владычествъ возникшихъ изъ феодальнаго хаоса, какъ незаконныя порожденія невѣжества и случая. Я какъ бы окинулъ взглядомъ всѣ поколѣнія людскія отъ Рамзеса великаго и Мемнона прекраснаго до одинокаго странника, чей шагъ нарушалъ тишину ихъ пыльных могилъ, и оказалось что исторія человечества не что иное

какъ повѣсть о быстромъ разрушеніи или постепенномъ упадкѣ.... И въ смятеніи сердца моего я подвѣялъ руки къ сиему ээиру и сказалъ: развѣ нѣтъ надежды? Чтò есть знаніе и чтò есть истина? Какъ мнѣ достигнуть мудрости? И поднялся вѣтеръ, и всколебалось лоно пустыни; закружились песчаные вихри; грохотъ грозивѣ грома понесся съ юга; храмъ и дворецъ, ворота и обелуски, живолисъ и изваянія—все исчезло; темнота охватила землю. Я преклонилъ колѣни, я приникъ головою къ жгучему песку, и вѣтеръ пустыни, пролетая надъ мною, какъ будто шепталъ мнѣ: Сынъ природы, учись разучаться!⁴

Этотъ одинокій странникъ помышляющій среди египетскихъ гробницъ о ничтожествѣ земнаго могущества, прислушивающійся къ голосу пустыни, который говоритъ ему что мудрость человѣческая—суета и ложь, никто иной какъ лордъ Беконсфильдъ. Приведенныя строки передаютъ, очевидно, еще живыя, глубокія впечатлѣнія. Не вымышленный Контарини Флемингъ, а самъ Дизраэли, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, путешествуя по живописному, полному таинственныхъ и поэтическихъ сказаній Востоку, стоя въ раздумьи предъ памятниками Египта, Сиріи и Палестины, видѣлъ въ современной цивилизаціи самообольщеніе и зло, добра же и правды искалъ въ обращеніи къ старинѣ, въ сближеніи съ матерью природою. Такое настроеніе было распространено въ то время. Оно составляетъ характеристическую черту такъ называемой романтической школы. Въ Германіи, Франціи и Даніи романтики скорбѣли о красотѣ и гармоніи жизни, утраченной съ удаленіемъ отъ природы, мечтали о тихихъ убѣжищахъ, куда не проникла язва мнимаго просвѣщенія. Даровитые писатели изображали счастливый бытъ патріархальныхъ племенъ, не знающихъ внутренняго разлада и вѣдшихъ стѣсненій отъ которыхъ мы страдаемъ, описывали чудеса далекихъ, невѣдомыхъ странъ, перекладывали народныя сказки и лѣсны. Но у Дизраэли къ этимъ общимъ чертамъ тогдашней литературы присоединяется лично ему свойственная особенность. Не первобытной простотѣ самой по себѣ отдаетъ онъ преимущество предъ современною испорченностью, а Востокъ горячій, даровитый, блестящій, противупоставляетъ грубому, холодному, блѣдному Западу. Подъ влияніемъ особыхъ условій, въ какія поставленъ былъ молодой писатель, романтическое настроеніе своеобразно видоизмѣнилось въ немъ. Евро-

лейская старина, средневѣковыя преданія не привлекають его. Онъ видитъ въ нихъ лишь наслѣдіе варварства и безсмысла, завѣщанное намъ невѣжественными отцами. Не противъ образованности возстаетъ онъ, а именно противъ европейской образованности, которая во всемъ развитіи своемъ, въ самомъ своемъ характерѣ, кажется ему ложною, превратною.

„Мы рабы лживаго знанія“, говоритъ онъ. „Наша лампа наполнена помятіями, не имѣющими источникомъ истину. Мы ничему не учимся отъ себя самихъ. Сумма нашей опытности не иное что какъ неясный отголосокъ дѣятельности минувшихъ поколѣній, поколѣній жившихъ въ полномъ невѣдѣніи своей природы. Наставники наши невѣжды и мертвецы... Цѣль системъ ослѣпала существованіе. Мы вѣримъ тому чему вѣрили наши отцы, потому только что они убѣждены были безъ причины“... „Я съ ужасомъ веломиндаю“, читаемъ мы далѣе, „что образованность покинула лучшія страны, даровитѣйшія племена и перешла къ плосконосымъ франтамъ. Вотъ они трудятся и учатся, и выдумываютъ разныя теоріи въ объясненіе своего безсилія, не сознавая оскорбительной истины что неспособность лежитъ въ самой ихъ организаціи, что они по природѣ своей также не похожи на великіе образцы, которымъ стараются подражать, какъ не похожи, конечно, на Калмыка или Негра.“

Дизраэли не причисляетъ себя къ этимъ отъ природы неспособнымъ западнымъ народамъ. Онъ смотритъ на жизнь европейскихъ обществъ со стороны; всю скудость, грубость и неправду ея видитъ ясно, и хочетъ высказать какъ безпристрастный наблюдатель.

„Я намѣреваюсь написать книгу, которая вся была бы истина“, говоритъ онъ. „Я желаю бы внести въ этотъ трудъ свѣтъ разума, свободнаго отъ роковыхъ предразсудковъ внушаемыхъ воспитаніемъ. Это можетъ-быть не удастся мнѣ. Но нѣкоторую независимость отъ исключительности партій, отъ суевѣрій отравляющихъ жизнь, можно кажется предположить въ человѣкѣ, у котораго, по странному стеченію обстоятельствъ, нѣтъ ни отечества, ни родныхъ, ни друзей.“

Это чувство одиночества не лишено горечи, но въ немъ есть и гордое сознаніе своего превосходства. Кто не причастенъ мѣстнымъ, національнымъ интересамъ, тотъ отъ нихъ независимъ. Важное для другихъ кажется ему ничтожнымъ; границы останавливающія, стѣсняющія другихъ, для него не

существуютъ. Если окружающіе смотрятъ на Еврея недоверчиво, можетъ-быть враждебно, то онъ ставитъ себя выше ихъ, не по личнымъ своимъ способностямъ, которыми равныя признаетъ у многихъ, а по происхожденію своему отъ племени поносимаго, угнетаемаго, разсѣяннаго по землѣ, но давшаго Западъ тѣ начала на которыхъ заждется вся его цивилизація. Остановившаяся на этой мысли, развивая ее съ любовью, Дизраэли выработалъ себѣ теорію, которая наложилла характеристическій отпечатокъ на его литературную дѣятельность, и вліяніе которой сказывается можетъ-быть также въ политической дѣятельности лорда Беконсфильда. Эта теорія представляетъ странную смѣсь восточнаго фанатизма съ гипотезами заимствованными у естественныхъ наукъ. Характеръ, достоинство, участь человѣка—все опредѣляется его происхожденіемъ. „Наша судьба есть наша природа. Сынокъ, наследующій организацію отца, обреченъ на ту же участь какъ отецъ, и организація предковъ можетъ также таинственнымъ образомъ дѣйствовать на его жизнь... Мои мысли и постулки—необходимое слѣдствіе моей природы.“ Есть между людьми, какъ между животными, организаціи высшія и низшія. И тѣ и другія передаются наследственно.

Такъ образуются племена стоящія на разныхъ ступеняхъ развитія, обладающія разнымъ количествомъ и объемомъ способностей. Каждому изъ этихъ племенъ отведено особое мѣсто, очерченъ напередъ опредѣленный кругъ дѣятельности. Этотъ строй неизмѣненъ. Выйти изъ поставленныхъ навсегда границъ, ни племя, ни отдѣльное лицо не можетъ. Блага какими обладаютъ высшія племена навсегда останутся недоступными низшимъ. Нельзя сказать ничего что относилось бы въ равной степени ко всѣмъ людямъ. Справедливо по отношенію къ Европейцу, несправедливо относительно Египтянина. Всѣ разсужденія о свойствахъ человѣка вообще не болѣе какъ пустыя фразы.

„Что составляетъ природу человѣческую? Каждый климатъ, каждая религія даютъ свое опредѣленіе. Предо мной знаменитый трактатъ кенигсбергскаго профессора о природѣ человѣка. Никто глубже не мыслилъ объ этомъ вопросѣ, никто не разсматривалъ его всестороннѣе. Въ тщательномъ изученіи своего собственнаго разума мыслитель нашелъ способъ истолковать разумъ другихъ. И однако, закрывая книгу, я не могу не сознаться что изучалъ трактатъ не о природѣ

человѣка, а о природѣ Германца. Какъ? окажутъ мнѣ. Развѣ Германецъ не такой же человѣкъ какъ Италіанецъ? Я спрошу въ свою очередь представляется ли вамъ Негръ съ Золотого Берега такимъ же человѣкомъ какъ Эскимось бродящій на полярныхъ снѣгахъ? Бросимъ всю эту такъ-называемую моральную философію, налелчившую столько томовъ праздными словами.“

Нѣтъ, слѣдовательно, общей для всѣхъ людей истины. Родъ человѣческой представляется данною лѣстницей, каждая ступень которой занята особымъ разрядомъ существъ, по природѣ отличающихся отъ помѣщенныхъ выше и ниже. На верхней ступени этой лѣстницы стоитъ племя Аравійское, къ которому принадлежатъ Евреи, за ними слѣдуютъ Аріиды, населявшіе въ древности Грецію и Италію и до сихъ поръ оставившіе свой отпечатокъ на этихъ странахъ, а потомъ, уже гораздо ниже, остальные европейскіе народы.

Не въ прошедшемъ этихъ грубыхъ, обдѣленныхъ судьбою народовъ нужно, слѣдовательно, искать утѣхища отъ тревогъ настоящаго, не отъ нихъ можно ждать отвѣта на волнующіе душу вопросы. Только въ сближеніи съ избранными племенами Востока найдеть отраду томимый сомнѣніями Европеецъ; только въ тѣхъ странахъ гдѣ еще видны слѣды совершившихся чудесъ, гдѣ и теперь кочевники пустыни живутъ также какъ жили во времена Авраама, утихнеть внутренній разладъ, исчезнетъ недовольство порожденное живою образованностью Запада. „Франкъ“ не можетъ добиться того что дано Арабу, но подчиняясь аравійскимъ идеямъ, строя жизнь свою на выработанныхъ Арабами началахъ, онъ достигаетъ высшей степени счастья какая доступна ему.

Вотъ міросозерцаніе лежащее въ основаніи всей литературной дѣятельности Дизраэли и ярко высказывающееся уже въ первомъ его произведеніи. Съ художественной точки это произведеніе слабо, не долговечно. Хотя авторъ заявляетъ самъ что по зрѣломъ обсужденіи считаетъ свою задачу исполненною, мы видимъ въ Контарини не поэта, а даровитаго юношу, не находящаго, какъ многіе юноши, удовольствія своимъ еще неяснымъ желаніямъ, примѣненія своимъ способностямъ, и на этомъ основаніи воображающаго себя поэтомъ. Его склонность къ грезамъ наизу преувеличена до невѣроятности, его болѣзненная впечатлительность, раздраженіе съ какимъ относится онъ къ окружающему, скорѣ

поражаютъ непріятно нежели вызываютъ сочувствіе, а ложденія студентовъ, удалившихся въ дѣсной замокъ жить грабежомъ, валоминають Шиллеровскихъ разбойниковъ. Живописецъ Винтеръ, первый открывающій мальчику его логическія способности, имъ самимъ еще несознаваемая, только мелькаетъ какою-то неуловимою тѣнью. Единственное сколько-нибудь живое лицо—отецъ героя, баронъ Флемингъ, первый министръ сѣвернаго королевства не названнаго по имени, дѣловой государственный человекъ, скрывающій подъ свѣтскою сдержанностью, подъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, глубокое чувство, тяжелое горе. Подъ конецъ романъ превращается въ отрывочныя замѣтки, очевидно взятая цѣпкою изъ дорожнаго дневника. Здѣсь уже вовсе исчезаетъ искусственная форма. Предъ нами записанныя безъ повѣствовательности и связи впечатлѣнія и мысли путешественника. Краснорѣчивыя страницы, блестящія описанія смѣняются сухимъ перечнемъ именъ, географическими и статистическими подробностями. Какъ только затрогиваются любимыя мечты, завѣтныя стремленія путешественника, въ рѣчи его слышится лирической порывъ.

Вотъ раздѣленные узкимъ проливомъ берега Европы и Африки. „Какъ одинокій Титанъ, мрачный и величественный, на скалистомъ престолѣ, въ облачномъ вѣнцѣ, печальная Мавританія сидитъ поодаль и глядитъ на утраченную подругу; а она съ загадочною улыбкой подымается изъ волнъ, добзающихъ ея ноги и склоняющихся предъ ея красотой. Не хочется ли ей воротить своего черноокаго властителя? Не тается ли въ сердцѣ ея память о его могучей любви? То былъ чудный союзъ. Гдѣ бывали дѣвушки прекраснѣе и вѣрнѣе, мужчины храбрѣе и благороднѣе? Все что украшаетъ человечество, цвѣло ли когда-либо пышнѣе и ярче? Увы! Нѣтъ уже тѣхъ блестящихъ городовъ, роскошныхъ садовъ и свѣжихъ фонтановъ! Нѣтъ изысканныхъ дворцовъ и таинственныхъ убѣжищъ подъ благоуханною тѣнью! Хотите ли бѣжать со мной отъ скучной работы всендневной жизни? Хотите ли пройтись по Гранадской долинкѣ? Вокругъ насъ синѣютъ горы, разставаясь съ которыми плакалъ калифъ. Здѣсь и теперь еще обиліе плодовъ, несмотря на готское правительство. Вы любуетесь цвѣтущимъ алоэсомъ, финиковыми деревьями, сахарнымъ тростникомъ. Но идемъ! идемъ! Тамъ на свѣтломъ холмѣ возвышаются сіяющія ворота здания котораго имя

есть чара и видъ вдохновеніе. Войдемте въ Альгамбру! Смотрите, вотъ дворъ муртовъ; я сорвалъ вамъ вѣтку. Замѣьте какъ все удивительно соразмѣрено, какъ все тонко, легко и изящно! А вотъ знаменитый дворъ колоннъ. Войдемте въ локои, выходящіе на этотъ квадратъ. Какъ прекрасны ихъ рѣзные, выложенные золотомъ потолки, стѣны покрытыя фантастическими узорами, блестяція синевою, заимствованною какъ кажется у андалузскаго неба! Здѣсь вы можете присѣсть на диванъ въ прохладной тѣни, съ трубкой или четками, и смотрѣть на ослѣпительный закатъ солнца, которое конечно иссушило бы цвѣты на дворѣ, еслибы вѣрные львы хотя на минуту перестали изливать благодатную стѣхю, которую лишь путешествуя по Испаніи или Африкѣ вы научитесь цѣнить. Сколько комнатъ! Какъ великолѣпна зала посланниковъ! Какъ роскошенъ потолокъ изъ слововой кости и черепахи, изъ перламутра и золота. А вотъ палата суда, крытая кедромъ, и гаремъ, и бани—всюду совершенство.

„...Хорошо, не правда ли? Вообразите же все это во времена Баббидлей. Вообразите всѣ драгоценныя украшенія, позолоты, царственный пурпуръ, блестяція надписи, художественныя мозаики. Вообразите украшенія еще болѣе дорогія: живыя группы въ пышныхъ одеждахъ, въ богатомъ, сверкающемъ вооруженіи. Иные стоятъ и бесѣдуютъ, другіе курятъ спокойно и молча, третьи перебираютъ четками или толпятся вокругъ разкачика. А потомъ шумъ, движеніе, скачущіе всадники, и все обито лучезарнымъ солнцемъ.“

Другимъ тономъ, безъ лирическаго восторга, говорить путешественникъ о Греціи.

„Страна изобилующая мысами и заливами и островами, тѣснящимися въ лазурномъ морѣ; страна лѣсистыхъ долинъ и синѣющихъ горъ; гдѣ города построены на полянахъ поросшихъ маслинами, у подошвы утеса увѣнчаннаго храмомъ или башней. Здѣсь есть коли бѣлаго мрамора, и виноградники, и много дикаго меду. Куда ни пойдете вы, вездѣ встрѣчается какой-нибудь изящный памятникъ повѣстическаго прошлаго: одинокая колонна на зеленой, тихой равнинѣ, когда-то оглашавшейся шумомъ священныхъ игръ, гробница героя или храмъ божества. Ясно небо, благоуханенъ воздухъ, и во всѣ времена года живописная мѣстность озарена мягкимъ свѣтомъ, какъ бы подернута задумчивостью, что въ

другихъ странахъ бываетъ осенью и прекрасно вяжется съ воспоминаніями о прошломъ. Очаровательная Греція!“

Контарини постигли Грецію когда только кончалась война за независимость. Турки при немъ сдавали Грекамъ аѳинскій Акрополь. Вездѣ видѣлись слѣды разрушенія: дома стояли безъ крышъ, жители укрывались еще въ горахъ и лѣсахъ, фруктовые сады и виноградники были пожжены и порублены. Припомнимъ то время горячаго увлеченія, великихъ ожиданій. По всей Европѣ прославлялись подвиги Грековъ, привѣтствовалось восторженно возрожденіе безсмертной страны. Юношество далекихъ странъ лорывалось сражаться и умереть за Грецію. Но у молодого поэта, стоящаго среди разрушенныхъ Аѳинъ, геройская борьба, тяжесть которой онъ видѣлъ своими глазами, не вызвала ни одного теплаго слова. Онъ холодно, съ какимъ-то брезгливымъ пренебреженіемъ описываетъ встрѣчающіяся на каждомъ шагу картины разоренія. Этого мало. Узнавъ что визирь стоитъ еще съ войскомъ въ Албаніи, Контарини, желая видѣть войну, отправляется къ нему и сражается въ турецкихъ рядахъ противъ мятежныхъ Албанцевъ.

„Мы встрѣтили непріятели хорошо направленнымъ огнемъ изъ нашихъ скрытыхъ батарей“, рассказываетъ онъ. „Непріятель остановился какъ бы въ недоумѣніи. Ряды наши разомкнулись, и пять тысячъ свѣжаго войска бросились въ штыки. Эта атака была восхитительна. Отъ криковъ, отъ пушечной пальбы я обезумѣлъ: мнѣ хотѣлось также броситься впередъ. Непріятель дрогнулъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ обратился въ бѣгство. Визирь приказалъ преслѣдовать его. Я пустился въ логоню по горамъ: рубилъ всѣхъ кого успѣвалъ нагонять, стрѣлялъ, кричалъ. Сраженіе представлялось мнѣ самую пріятною забавой въ свѣтѣ.“

Невольно припоминается тотъ англійскій стрѣлокъ который, наскучивъ всевозможными охотами, пріѣхалъ для увлеченія стрѣлять Сербовъ. Это ли жаждущій любви, мечтающій о чистой красотѣ, терзаемый человѣческою грубостью и злобой поэтъ? Здѣсь можетъ-быть всего ярче выдается себя дѣйствительность. Будь герой романа лишь вымышленное лицо, авторъ конечно не впалъ бы въ такое рѣзкое противрѣчіе съ поставленною себѣ задачей. Намъ вѣрвалось изобразить слагающагося поэта, горячаго и восторженнаго, онъ не послалъ бы его сражаться за Турокъ въ такое время когда

все молодое и впечатлительное въ Европѣ было страстно возбуждено противъ нихъ. Эта черта слишкомъ явно противорѣчить всему что говорилось вначалѣ, разрушаетъ сразу произведенное на читателя впечатлѣніе. Можно оказать утвердительно, если Контарини является въ турецкомъ лагерѣ, то потому только что Дизраэли самъ когда-то посетилъ этотъ лагерь. А такимъ образомъ открывається намъ и въ самомъ Дизраэли вовсе не та сторона какую хочетъ показать онъ въ своемъ героѣ. Куда дѣвалась нѣжная чувствительность, воспримчивость къ высокимъ, благороднымъ идеямъ? Подробности и самый тонъ разказа, обличая очевидца, обличаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ сухое сердце, отсутствіе нравственной чуткости. Не по убѣжденію сражается Контарини за Турокъ. Онъ видитъ въ визирѣ безчестнаго злодѣя, онъ сознаетъ что справедливость на сторонѣ Албанцевъ, авившихся мстителями за предательски убитыхъ вождей.

„Садясь пбдѣ визира“, говоритъ онъ, „я не могъ не смотрѣть съ интересомъ и любопытствомъ на этого необыкновеннаго чловѣка. Еще недавно на этомъ самомъ мѣстѣ онъ совершилъ дѣяніе которое навсегда опозорило бы его въ просвѣщенной странѣ; словно по велѣнію судьбы, мстители наступаютъ его тамъ именно гдѣ леги жертвы кроваваго вѣроломства, и онъ остается побѣдителемъ. Что же такое жизнь наша?“

И Контарини сражается въ войскѣ этого злодѣя и съ увлеченіемъ рубить и стрѣляетъ правыхъ мстителей. Не становится ли понятнымъ холодное равнодушіе съ какимъ лордъ Беконсфильдъ отнесся къ болгарской рѣзнѣ?

Но сцена мѣняется. Путешественникъ вступаетъ на почву Азіи. Здѣсь все вызываетъ въ немъ живое, теплое чувство, то радостное, то скорбное; здѣсь встрѣчаетъ его та природа отъ которой чловѣку не сдѣвадо удалаться; здѣсь повсюду сдѣды того прошедшаго въ возвращеніи къ которому онъ полагаетъ мудрость и счастье. Неистощимыя богатства, благодатный климатъ, разнообразная красота обширныхъ странъ противопологаются ихъ запустѣнію подъ безмысленною магометанскою властью.

„Маллоазіатскій полуостровъ превосходно укрѣпленъ природой, изобилуетъ обширными, роскошными полями, приносящими теперь лишь скудную пищу рѣдкому населенію; орошается многоводными рѣками, текущими по лутымъ. Я

невольно сравнивалъ настоящее залуствіе съ прошедшимъ богатствомъ и припоминалъ древній блескъ этой славной страны. Мы представлялись греческія колоніи, вѣкогда покрывавшія берегъ, съ ихъ цвѣтущею образованностью... великолѣпные города, полные генія и роскоши; представлялось могущество, развившееся здѣсь подъ римскимъ владычествомъ... Калладокійская конница, ликійскіе моряки, жатвы Галатіи, виноградники Фригіи, оливы Пизидіи; знаменитыя столицы: Цезаряя, Александрія, Никомедія... Теперь безлюдныя пустыни оглашаются лишь колокольчиками вооруженныхъ каравановъ. Сказанія Олимпа забыты, отъ семи церквей не сохранилось слѣда, и осталась одна лишь книга Магомета, книга вся цѣль которой превратить человека въ фанатическаго раба...“

„Въ прекрасный лѣтній день“, продолжаютъ путешественникъ, „при ясномъ небѣ и яркомъ, но не жгучемъ солнцѣ увидѣлъ я берегъ Сиріи. Трудно вообразить себѣ болѣе плодородную и живописную страну. Луга сіяли свѣжею зеленью, рѣдкою на Востокѣ; померанцевыя и лимонныя деревья были покрыты и плодами, и цвѣтомъ... Теперь уже нѣтъ здѣсь прежней роскоши, прежняго блеска. Дворцы и сады исчезли съ образованностью и изящнымъ вкусомъ, которые создали ихъ, но природа не измѣнилась: и теперь долина Оорта не уступаетъ красотою Швейцаріи... Подъ самымъ худшимъ правительствомъ, какое можетъ быть когда-либо утѣтало поданныхъ, Сирія все-таки изобилуетъ самыми цѣнными произведеніями всѣхъ климатовъ: и хлѣбомъ, и хлопкомъ, и рисомъ, и антильскимъ сахарнымъ тростникомъ, и мексиканскимъ индиго и кошенилью.“

Призвать къ новой жизни эти благодатныя страны, освободить ихъ отъ турецкаго гнета, воротить ихъ прежнее величіе, создать среди роскошной природы могучее государство, гдѣ развилось бы на арабійскихъ началахъ истинное просвѣщеніе, чуждое европейской испорченности—вотъ заветная мечта путешественника, мечта въ исполнимость которой онъ твердо вѣритъ и осуществленію которой готовъ посвятить всѣ свои силы.

Основные мотивы, прослѣженные нами въ этомъ первомъ произведеніи Дизраэли, полнѣе и ярче развиваются въ его позднѣйшихъ болѣе извѣстныхъ романахъ *Танкредъ* и *Лотаря*. Тема остается та же. Юноша неудовлетворенный

европейскою наукой и образованностью, возмущенный неправдой общественныхъ условій, утомленный искусственнымъ блескомъ такъ-называемаго свѣта, ищетъ на Востоку разрѣшенія своимъ сомнѣніямъ, тѣхъ истинныхъ началъ которыя забыты въ Европѣ. Но этотъ юноша уже не безродный скиталецъ, а могучій вельможа, несмѣтно богатый, первенствующій представитель высшей англійской аристократіи, владѣлецъ великолѣпныхъ замковъ, потомокъ знаменитыхъ рыцарей.

Все, чего по принятымъ понятіямъ только можно желать—къ его услугамъ, но онъ этого ничего не желаетъ. Сословные, общественные, политическіе интересы чужды ему; дѣятельность всѣхъ окружающихъ ему непочтима, какъ имъ непочтены его стремленія.

„Герцогъ Белламонтъ сидитъ у стола въ своемъ кабинетѣ. Онъ вневальнымъ движеніемъ отодвинулъ кресло; тревожное недоумѣніе выражается на его лицѣ. Танкредъ, лордъ Монтакютъ, его сынъ, стоитъ предъ нимъ облокотясь на каминъ; лицо его серьезно, нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго.

— „Ты удивляешь меня, говоритъ герцогъ,—ты не желаешь вступить въ парламентъ въ настоящее время?... Но гдѣ ты потеряешь три года, и Богъ знаетъ тогда представится ли случай.

— „Черезъ три года я, по всей вѣроятности, точно также какъ и теперь не пожелаю вступить въ парламентъ.

— „Да чего же однако желаешь ты, другъ мой?

— „Исполнить мой долгъ.

— „Прекрасно. Ты опора государства. Поддерживай государство.

— „Еслибы только кто-нибудь сказалъ мнѣ что такое государство, отвѣчалъ Танкредъ со вздохомъ.—По-моему ваши опоры стоятъ, но ничего не поддерживаютъ, а если такъ, то это уже не аданіе а развалина.

— „Мы переживаемъ переходное время, отвѣтилъ герцогъ.

— „Переходное къ чему?

— „Ну, это вопросъ на который самые мудрые не отвѣтятъ.

— „Но который въ правѣ ставить самые простые люди, какъ я.

— „Конечно. Скорѣе всего, мнѣ кажется, ты пришелъ бы къ положительнымъ результатамъ, дѣйствуя съ людьми практическими.

— „И участвуя во всѣхъ ихъ ошибкахъ. Нѣтъ, я по крайней мѣрѣ свободенъ, и хочу остаться свободнымъ.

— „И ничего не дѣлать?

— „Развѣ можетъ считаться негоднымъ къ дѣлу человекъ потому только что онъ отказывается воевать въ потемкахъ?

— „Какъ же хотѣлъ бы ты дѣйствовать? Есть у тебя какіа-нибудь намѣренія?

— „Есть.

— „Это меня радуетъ, отозвался герцогъ съ оживленіемъ.— Каковы бы они не были, ты, разумѣется, можешь вполне разчитывать на мое содѣйствіе. Я увѣренъ что мой сынъ можетъ хотѣть только хорошаго и великаго.

— „О! еслибъ я только зналъ что хорошо и велико, отозвался Танкредъ,—я бы тогда сталъ напрягать всѣ силы чтобъ этого достигнуть.

— „Но у тебя есть намѣренія, есть цѣли; говори со мной откровенно какъ со своимъ лучшимъ, самымъ искреннимъ другомъ.

— „Вы предлагали мнѣ сегодня, началъ Танкредъ послѣ нѣкотораго молчанія—выступить на общественную дѣятельность. Я не боюсь ея. Напротивъ, и по моему положенію, и по природной наклонности я желаю принять на себя сопряженныя съ нею обязанности. Я долго, цѣлые годы, думалъ о нихъ. Но я не могу считать своимъ долгомъ поддерживать тотъ порядокъ вещей который теперь господствуетъ въ этой странѣ. Мнѣ кажется онъ не можетъ удержаться, какъ не удержится и не должно удержаться все то что не основано на истинныхъ началахъ. А этихъ началъ я здѣсь не вижу. Нигдѣ, ни въ религіи, ни въ правительствѣ, ни въ обычаяхъ, ни въ духовной, ни въ политической, ни въ общественной жизни не нахожу я вѣры. А если нѣтъ вѣры, могутъ ли быть обязанности? Существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ религіозная истина? Существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ политическое право? Существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ общественная нравственность? Дѣйствительные ли это факты, или только пустыя слова? И если факты, гдѣ отыскать ихъ въ Англіи? Есть ли истина въ нашей церкви? Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы поддерживаете расколъ? Кому принадлежитъ право владѣть? Монарху? Вы отняли у него прерогативы власти. Аристократіи? Вы признаетесь что мы существуемъ только потому что насъ терпятъ. Народу? Онъ самъ заявляетъ о своемъ

ничтожество. Въ каждую сессию этого парламента, въ который вы хотите ввести меня, распредѣленіе власти подвергается обсужденію, измѣняется, передѣлывается и снова оспаривается. Что касается нашей нравственности, скажите, христіанская любовь высшая ли добродѣтель, или величайшая ошибка? Все общественное устройство зависитъ отъ разрѣшенія этого вопроса. У насъ что ни графство, что ни городъ, что ни улица, что ни новый актъ парламента, то новая нравственность. Нравственное въ Лондонѣ безнравственно въ Монтаяктѣ; преступное для большинства считается между избранными только порочнымъ.

— „Ты восходишь къ первымъ началамъ, сказалъ герцогъ.

— „Такъ дайте же мнѣ вѣтры начала, отозвался сынъ его.—
Дайте мнѣ какія-нибудь начала.

— „Надо судить о вещахъ по сравненію, сказалъ герцогъ,— Великобританія, конечно, самое цвѣтущее изъ государствъ новаго времени. А съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и положеніе бѣдныхъ классовъ весьма значительно улучшилось. Каждый нуждающійся въ работѣ можетъ найти ее, и трудъ оплачивается хорошо.

— „Что касается преимуществъ Англіи, я могъ бы ихъ оспаривать, отвѣчалъ сынъ,—но это вопросъ посторонній. Желѣзныя дороги дѣйствительно улучшили въ извѣстномъ смыслѣ положеніе рабочихъ. Но въ этомъ новомъ развитіи матеріальнаго производства я вижу только новыя причины нравственной порчи. Вы увѣрили милліоны людей что благополучіе ихъ измѣряется цифрою жалованья. На деньги должно цѣниться достоинство человѣка и въ простомъ народѣ, какъ въ другихъ сословіяхъ. Вы выдвинули впередъ, какъ руководящее начало, наименѣ благородную изъ всѣхъ человѣческихъ наклонностей. Если аристократія неизбежно портится и падаетъ какъ только ею овладѣетъ алчность къ деньгамъ, если всѣ пороки среднихъ классовъ проистекаютъ изъ этого же роковаго источника, почему предполагать что низшіе классы станутъ нравственно лучше, и какъ не ожидать бѣдствій отъ политики которая смѣшиваетъ богатство народа со счастіемъ.

— „Не забывай что состояніе нашего общества искусственное, сказалъ герцогъ, качая головой.

— „Это я часто слышу, но, признаюсь, искусства-то я и не вижу. Его-то именно, какъ мнѣ кажется, намъ и недостаетъ.

Искусство есть порядокъ, строй, гармонія, создаваемая истинными и крѣпкими началами. Въ нашемъ положеніи я не вижу сѣвдовъ искусства. Населеніе нашей страны перестало быть народомъ: это толпа, плохо сдерживаемая остатками старыхъ учрежденій, которыя она ежедневно разрушаетъ.

— „Такъ чего же ты хочешь, другъ мой? спросилъ герцогъ озабоченно глядя на сына.—Развѣ можешь ты исправить существующій порядокъ вещей?

— „Не мнѣ быть исправителемъ, отвѣчалъ Танкредъ грустно.—Я только прошу, я умоляю васъ, дорогой отецъ, избавить меня отъ участія въ окружающей насъ порчѣ.

— „Дѣйствуй по своему усмотрѣнію. Я дамъ совѣты, а не приказанія. Провидѣніе, надѣюсь, все приведетъ ко благу.

— „О! еслибъ ангель посѣтилъ нашъ домъ, какъ нѣкогда домъ Лота, воскликнулъ съ тоскою Танкредъ.

— „Ангелы уже не посѣщаютъ людей. Намъ дано откровеніе свыше, этого довольно для насъ.

— „Этого недовольно для меня! сказалъ Танкредъ порывисто, и краешка проступила на его лицѣ.—Даже апостоламъ нужно было обѣщать утѣшителя. И мнѣ нуженъ утѣшитель. Я буду искать его. Да, дорогой отецъ, намъ надо разстаться, я принужденъ васъ оставить.

„Герцогъ думаетъ что сынъ соскучился дома, что ему хочется прокататься по Европѣ, посѣтить Парижъ и Италію.

— „Ну что же мой другъ, говорить онъ, я понимаю твое желаніе попутешествовать, и полагаю что съ хорошими рекомендательными письмами, при опытныхъ спутникахъ, въ сопровожденіи надежнаго врача, опасность будетъ не очень велика. Проведешь нѣсколько времени въ Парижѣ, прозимуешь въ Римѣ.

— „Я не намѣренъ ѣхать ни въ Римъ, ни въ Парижъ отвѣчаетъ Танкредъ.—Не путешествіе привлекаетъ меня. Я хочу, не уклоняясь въ сторону, не останавливаясь на пути, направиться къ одной определенной цѣли. Словомъ, мысли мои заняты Святою Землею, и я намѣреваюсь предпринять странствіе ко Гробу Господню.

Герцогъ привсталъ и опять олустился въ кресло.—Въ Святую Землю! Ко Гробу Господню! повторялъ онъ, съ изумленіемъ и испугомъ глядя на сына.

— „Да, отецъ, ко Гробу Господню. Когда припомню что Творецъ, отъ созданія міра, удостоилъ явить себя людямъ въ

одной только странѣ, что въ этой странѣ жилъ онъ во плоти и принималъ человѣческую смерть, я прихожу къ убѣжденію что эта страна, освященная такими явленіями, такими событіями, должна обладать особыми, чудными свойствами, которыя человѣкъ не всегда въ состояніи уразумѣть, но которыя тѣмъ не менѣе постоянно съ неотразимою силою дѣйствуютъ на его судьбу. Эти-то свойства, въ Средніе Вѣка и влекли Европу въ Азію. Одинъ Монтакюте уже ѣздилъ изъ нашего замка въ Палестину. Три два и три ночи стоялъ онъ на колѣнахъ у Гроба Спасителя.

„Съ тѣхъ поръ прошло болѣе шестисотъ лѣтъ. Пора намъ возобновить общеніе со Всевышнимъ. Я тоже хочу преклонить колѣна у Гроба Господня. Я тоже хочу, окруженный священными горами и родами Иерусалима, освободить духъ мой отъ тяжелаго гнета, поднять голосъ къ небу и спросить: что есть долгъ? и что есть истина? Что слѣдуетъ мнѣ дѣлать и чему слѣдуетъ вѣрить?“

Танкредъ пріѣзжаетъ въ Иерусалимъ.

„Предъ нимъ еще живущій, дышашій, существующій въ дѣйствительности городъ, который когда-то осаждали цари ассирійскіе, который облегалъ войска фараоновъ, къ которому лично приступали римскіе императоры, за который Саладинъ и Львиное Сердце, пустыня и христіанство, Азія и Европа боролись въ рыцарскомъ солерничествѣ,—городъ о власти надъ которымъ вздыхалъ Магометъ, и на который творецъ и ассирійскихъ царей, и египетскихъ фараоновъ, и римскихъ кесарей излилъ всю полноту своей божественно-человѣческой скорби.

„Къ чему водопады и свѣжая зелень, листья красивыхъ деревьевъ, густой лѣсъ, многоводныя рѣки, свѣжныя вершины, лѣвіе птицъ, быстрыя движенія красивыхъ животныхъ; къ чему наружная красота, веселые звуки? Ихъ не замѣтилъ бы тотъ чей глазъ остановился на Сионѣ и Голгоѣ, на Виаемскихъ и Дамасскихъ воротахъ, на мечети Магомета и на Гробѣ Христа. Видъ Иерусалима есть исторія міра, исторія земли и неба.“

На пути въ Виаанію Танкредъ видитъ въ узкой долинѣ роскошный садъ. Онъ входитъ въ него и, утомленный жаромъ и долгимъ путемъ, засыпаетъ въ бесѣдкѣ у журчащаго фонтана. Проснувшись, онъ видитъ предъ собою молодую дѣвушку поразительной красоты, въ богатой сирійской одеждѣ.

Это — владѣтельница сада, дочь еврейскаго банкира Бессо, Ева. Она вступаютъ въ разговоръ, который естественнымъ образомъ скоро переходитъ на религіозные и національные волросы.

— „Вы уже наполовину христіанка, говоритъ Танкредъ своей собесѣдницѣ.

— „Но христіанство, которое я извлекаю изъ вашей священной книги, не то которое обнаруживается въ вашихъ дѣйствіяхъ, значитъ я можетъ-быть вдаюсь въ ересь.

— „Церковь руководила бы васъ.

— „Которая? Ихъ много въ Іерусалимѣ. Тутъ есть добрый еписколъ который подарилъ мнѣ книгу, самъ по происхожденію Еврей—это одна церковь; есть церковь латинская, основанная Евреемъ; есть церковь армянская, принадлежащая восточному народу, разбѣянному какъ мы по всѣмъ странамъ; есть церковь абиссинская, весьма уважающая насъ и соблюдающая многіе изъ нашихъ обрядовъ; есть церковь греческая, церковь маронитская, церковь колтская, которыя смотрятъ на насъ неблагоклонно, но не такъ враждебно относятся къ намъ какъ другъ къ другу. Въ такомъ затрудненіи благоразумно, мнѣ кажется, оставаться вѣрною той церкви которая старше ихъ всѣхъ, въ которой родился, жилъ и дѣйствовалъ Іисусъ... Скажите, продолжала она,—телерешнее состояніе моего народа по-вашему наказаніе?

„Танкредъ наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— „Почему вы такъ полагаете?

— „Евреи навлекли на себя наказаніе тѣмъ что отвергли и распяли Мессію.

— „Гдѣ же это сказано?

— „Да будетъ кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ.

— „Это слова преступниковъ, а не судьи. Развѣ по вашему праву позволяетъ виновнымъ самимъ назначать себѣ наказаніе? Можетъ-быть они заслужили другое, болѣе тяжкое. За что же ихъ виновность переходитъ на потомство? И гдѣ доказательство что такое предложеніе было принято небесною властью? Ваши книги свидѣтельствуютъ противное. Тотъ котораго вы признаете Всемогущимъ, просилъ Іегову простить имъ за ихъ невѣдніе. И развѣ можетъ цѣлый народъ отвѣчать за крикъ черни, присутствующей при казни?.. Насъ было двѣнадцать колѣвъ. Десять изъ нихъ задолго до рожденія Іисуса были отведены въ плѣвъ и разбѣяны по

востоку и вокругъ береговъ Средиземнаго Моря. Отъ нихъ по всей вѣроятности происходитъ большинство существующихъ теперь Евреевъ. Что же у этихъ десяти колѣнъ общаго съ тѣми которые отвергли и распяли вашего Мессію?

„— Можетъ-быть потомки этихъ десяти колѣнъ уже не существуютъ, возразилъ Танкредъ.—Можетъ-быть они смѣшались со своими завоевателями.

„— Евреи никогда не смѣшивались со своими завоевателями, отвѣчала дѣвушка гордо.— Но оставимъ это... Мой дѣдъ, отецъ моей матери, бедуинскій шейхъ, вождь одного изъ сильнѣйшихъ племенъ пустыни. Они всѣ Евреи: читаютъ и соблюдаютъ Пятикнижіе, живутъ въ шатрахъ и ни о чемъ не думаютъ кромѣ Моисеева закона и своихъ кобылъ. Развѣ они были въ Иерусалимѣ во время распятія, и какъ можетъ крикъ іерусалимской черни касаться ихъ? Вотъ однако моя мать вышла замужъ за городского Еврея, и за человѣка достойнаго сидѣть на Соломоновомъ тронѣ, и какой-нибудь лавочникъ, христіанинъ, торгующій финиками въ Смирнѣ, встрѣтятся съ ней, перейдетъ на другую сторону улицы чтобы не заляпнать себя.“

Въ этомъ тонѣ продолжается разговоръ.

„— Скажите, спрашиваетъ Еврейка Танкреда,—что цѣнится всего больше въ Европѣ?

„— Я краснѣю, отвѣчаетъ Танкредъ,—но долженъ признаться что всего болѣе, какъ мнѣ кажется, въ Европѣ цѣнятся деньги.

„— Стало-быть у кого больше денегъ, того и уважаютъ больше.

„— На дваѣ выходитъ такъ.

„— А какой самый большой изъ европейскихъ городовъ?

„— Безъ сомнѣнія, столица моего отечества, Лондонъ.

„— Я знаю что онъ больше Вѣны, но больше ли онъ Парижа?

„— Приблизительно вдвое.

„— И стало-быть вчетверо больше Стамбула? Какой городъ! Это Вавилонъ! Какъ богатъ долженъ быть человѣкъ всего болѣе уважаемый тамъ! Скажите, онъ христіанинъ?

„— Сколько мнѣ извѣстно, онъ вашего племени.

„— А въ Парижѣ кто самый богатый человѣкъ?

„— Братъ самаго богатаго человѣка въ Лондонѣ.

„— Вѣну я знаю сама, сказала дѣвушка улыбаясь.—Императоръ дѣдаетъ моихъ соотечественниковъ баронами и хорошо поступаетъ, потому что безъ ихъ помощи имперія бы его

распалась. Согласитесь что въ Евролѣ кара лежащая на насъ не особенно пагубно дѣйствуетъ.“

Изъ Иерусалима Танкредъ отправляется на Синай.

„Между Египетскою и Аравійскою пустынями выступаютъ полуостровомъ въ Эритрейское море гранитныя скалы. Какъ будто океанъ лавы, когда волны его воздымались горами, внезапно окаменѣлъ. Крутые зубцы и утесы окружаютъ долины, большею частію суровыя и дикія, но иногда не лишеныя идиллической красоты. Тутъ встрѣчаются серебристыя ручьи, мѣстами группы лалемъ и финиковыя сады, а съ окрестныхъ высотъ открываются чудныя виды на азіятскія и африканскія горы и на синеву двухъ морей. На одной изъ этихъ высотъ, слишкомъ пять тысячъ футовъ надъ моремъ, стоитъ монастырь; выше монастыря еще на три тысячи футовъ поднимается крутая вершина—это Синай. На вершинѣ Синая двѣ развалины: христіанская церковь и магометанская мечеть. Здѣсь, на священнѣйшемъ мѣстѣ Аравіи, Израиль и Измаиль воздвигли алтари Великому Богу Авраама. Отчего они въ развалинахъ? Или человѣческія зданія не могутъ устоять среди величественныхъ храмовъ природы и откровенія, и колонна и куполъ распадается въ прахъ предъ грозною святыней Хорива и вѣчнымъ Синаемъ?“

На полупути между монастыремъ и вершиной есть лужайка, окруженная скалами. Посрединѣ ея кипарисовое дерево и родникъ. Здѣсь, по преданію, совершилось величайшее событіе временъ.

Ночь. Одинокій странникъ, давно уже преклонявшій колѣна на священной землѣ, тихо поднимаетъ тревожный взглядъ къ звѣздному небу Аравіи и съ тоской сжимая руки молитъ такъ:

„— О Господь Богъ Израиля! Творецъ мірозданія! Нелостижимый Иегова! Сынъ христіанскихъ странъ, я пришелъ къ Твоимъ древнимъ аравійскимъ алтарямъ излить всю скорбь терзаемой Евролы. Зачѣмъ Ты безмолвствуешь? Зачѣмъ не сходятъ болѣе на землю послы Твоей спасительной воли? Вѣра гибнетъ и сознаніе долга исчезаетъ. Глубокое уныніе овладѣло умомъ человѣка. Пастырь сомнѣвается, монархъ не въ силахъ править, толпа стонетъ и томится, и взываетъ въ безуміи къ невѣдомымъ богамъ. Если этой горѣ не суждено болѣе видѣть Тебя, если на Твоихъ священныхъ Сирійскихъ равнинахъ не раздастся олять слово Божественнаго

учителя на утѣшеніе людямъ, если не встанутъ уже пророки, то пусть хотя одинъ изъ звѣздныхъ стражей Твоего престола явится чтобы сласти Твою тварь отъ страшнаго отчаянія!

„Сумракомъ подернулись аравійскія звѣзды, окрестныя вершины, рѣзко чернѣвшія въ ясномъ воздухѣ, слились въ туманныя очертанія; вѣтви кипариса какъ будто заколыхались, странникъ улалъ на землю въ забытіи. И ему явился образъ, подобный человѣческому, но громадный какъ окружающія горы. Такъ правильны и соразмѣрны, однако, были черты лица что смотрящій на него чувствовалъ скорѣе свое ничтожество чѣмъ его колоссальность. Видѣніе казалось не молодымъ уже, но не тронутымъ временемъ. Какъ восточная ночь, оно было и темно и лучезарно, и таинственно и ясно. Мысль, скорѣе чѣмъ грусть, выражалась въ задумчивыхъ, глубокихъ ггазахъ, а надъ высокимъ челомъ сіяла звѣзда, озарявшая торжественнымъ свѣтомъ величественное лицо.

„— Сынъ христіанскихъ странъ, сказала видѣніе, колебля рукою скипетръ, подобный пальмѣ,—я геній Аравіи, духъ-хранитель этой земли, правящей міромъ. Ибо сила не въ мечѣ и не въ щитѣ скоро сокрушающемся, а въ идеяхъ которыя вѣчны. Разумъ каждой страны исходитъ отъ высшаго источника, но разумъ Аравіи исходитъ отъ Всевышняго. Вотъ почему здѣсь рождаются начала направляющія судьбу человѣчества. Христіанскія страны, которыя ты оставилъ и надъ уладкомъ которыхъ скорбишь, были дикимъ лѣсомъ, когда изъ ливанскихъ кедровъ съ незапамятнаго уже времени строились дворцы могучихъ царей. Но въ этомъ лѣсу бродили не считныя племена, предназначенныя распространиться по землѣ, дать новый толчокъ ея древней жизни. Было предопределено что при выходѣ изъ дикихъ лѣсовъ аравійскія начала встрѣтятъ ихъ на порогѣ стараго міра и поведутъ къ новому образованію. Все было приуготовлено. Кесари завоевали міръ чтобы возвести синайскіе законы на капитолійскій престолъ, и на грубыя племена, побѣдившія кесарей, галилейскій Аравитянинъ наложилъ печать послѣдняго развитія аравійскихъ началъ. Вотъ олять Европа томится, олять народы ея волнуются, но они уже не въ лѣсу, а въ городахъ и въ плодородныхъ равнинахъ. Съ тѣхъ поръ какъ встала первая заря нынѣшняго столѣтія, умственная колонія Аравіи, нѣкогда называвшаяся христіанствомъ, находится въ состояніи сѣлаго смятенія. Недовольные приписываютъ свои

страданія тѣмъ самымъ началамъ на которыхъ основывалось все счастье народовъ и въ удаленіи отъ которыхъ источникъ всѣхъ бѣдствій. Стали искать другихъ боговъ, помимо Бога Синая и Голговы, и пришли къ разрушенію. Теперь отчаяніе овладѣло людьми. Но вѣчныя начала, которыя укротили варварскую силу, одни могутъ бороться съ болѣзненной цивилизаціей. Равенство можетъ быть достигнуто лишь подъ Божіею властью. Братство, о которомъ вы мечтаете, можетъ-быть водворено лишь господствомъ общаго Отца. Сношенія между Иеговой и Его тварями не могутъ быть ни слишкомъ часты, ни слишкомъ близки. Удаленіе человѣка отъ Бога вызвало все зло отравившее жизнь. Перестань же искать въ пустой философіи разрѣшенія тревожащихъ тебя вопросовъ. Возвѣсти людямъ великое и отрадное ученіе теократическаго равенства. Не страшись, не слабѣй, не колеблись! Повинуйся влеченію твоего духа, и найдешь готовое орудіе въ каждомъ человѣческомъ существѣ.

„Грохотъ подобный грому вывелъ Танкреда изъ забытья. Онъ осмотрѣлся. Скалы рѣзко чернѣли въ ясномъ воздухѣ, аравійскія звѣзды сіяли безоблачно. Но голосъ ангела еще звучалъ въ его ушахъ.“

Не станемъ слѣдить за дальнѣйшими странствіями и приключеніями Танкреда, не станемъ утомлять читателя разборомъ остальныхъ романовъ Дизраэли. Они частію, какъ *Лотеръ*, только повторяютъ съ небольшими измѣненіями уже знакомые намъ мотивы, частію, какъ *Конингсби* и *Сивилла*, возвращаются на вопросахъ внутренней англійской политики, на мѣстныхъ интересахъ, трудно доступныхъ и незанимательныхъ для иностранца. Сказаннаго и выписаннаго кажется довольно чтобы составить понятіе о литературной дѣятельности и образѣ мыслей Дизраэли. Какъ писатель, онъ, при несомнѣнномъ талантѣ, при умѣннй владѣть языкомъ и рисовать яркія картины, лишень поэтическаго творчества, истинной художественности въ изображеніи характеровъ. Какъ мыслитель, онъ не отличается ни глубиной, ни серіозностью мысли. Тонкій и блестящій умъ его не въ силахъ выйти изъ круга понятій, довольно тѣснаго, освободиться отъ возрѣній внѣшнихъ происхожденіемъ и воспитаніемъ. И гдѣ только затронуты эти завѣтныя возрѣнія, его покидаетъ свойственная ему способность къ анализу. Проницательный наблюдатель превращается въ мечтателя теряющаго

какъ будто всякое сознаніе дѣйствительности. Фантазія его разыгрывается до такихъ размѣровъ какіе рѣдко встрѣчаются даже у современныхъ ему романтиковъ. Наука, логическое мышленіе представляются ему заблужденіемъ и зломъ; онъ хочетъ общенія съ ангелами, онъ ждетъ разрѣшенія вопросовъ дня отъ голоса съ неба, и этотъ голосъ повелѣваетъ ему „разучиться“, бросить, забыть все что дала ему европейская образованность и вернуться къ быту патріархальному. Ему грезится возстанovenіе того порядка вещей какой существовалъ во Израилѣ во времена судей. Онъ ожидаетъ возрожденія Востока и обновленія Европы отъ теократическаго государства. Только въ такомъ государствѣ гдѣ не будетъ стѣснительнаго раздѣленія власти, безплодныхъ парламентскихъ преній и неразумныхъ конституціонныхъ формъ, только въ такомъ государствѣ, подъ державой общаго Отца, могутъ осуществиться тѣ блага отъ которыхъ все болѣе и болѣе удаляютъ насъ наши суетныя мудрствованія и живыя политическія теоріи. Вотъ мнѣнія человѣка который былъ главой оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ и теперь руководитъ политикой Англійи. Насколько мечтанія Дизраэли отражаются въ дѣйствіяхъ лорда Беконсфильда—лустъ судятъ читатели, внимательно слѣдившіе за государственною дѣятельностью этого замѣчательнаго человѣка. Мы хотѣли только напомнить его литературную дѣятельность, показать какимъ является онъ въ своихъ романахъ. Таковъ ли онъ теперь въ дѣйствительной жизни—не беремся рѣшать.

И. ПАВЛОВЪ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ СЪ ЭПОХИ ДЕКАРТА

ГЛАВА ВТОРАЯ *

Физическое ученіе Декарта

Ученіе Декарта объ общемъ строеніи матеріальнаго міра: матерія и движеніе.—Законы движенія.—Ученіе объ ударѣ тѣлъ.—Ученіе о сохраненіи движенія.—Теорія вихрей.

I.

Основное положеніе философіи природы Декарта есть допущеніе что весь матеріальный міръ,—неорганическія тѣла, растенія, животныя, тѣло человѣка со всѣмъ богатствомъ его безсознательныхъ отпавленій,—есть одна обширная задача механики, построенная на двухъ понятіяхъ: *матерія* и *движеніе*. Не входящій въ эту задачу міръ духа, обнаруживающійся въ явленіяхъ мысли (*la pensée*), состоящей изъ разумѣнія ** и воли, *** есть отдѣльная, независимая отъ матеріальнаго міра область, самостоятельная, какъ въ свою очередь самостоятельна и область природы. Двѣ области эти,—духъ и тѣло или природа,—всецѣло различны между собою,

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1878, № 7.

** *Perception de l'entendement.*

*** *Les inclinations de la volonté.*

и ихъ замѣчаемое взаимодействіе есть результатъ божественнаго посредства. Все человѣческое знаніе, замѣчаетъ Декартъ (письмо къ принцессѣ Елизаветѣ, 1643, *Oeuvr.* IX, 126), въ томъ чтобы хорошо различать понятія принадлежація къ разнымъ областямъ и не переносить ихъ изъ одной въ другую.

И въ современномъ естествознаніи матеріальный міръ разсматривается какъ задача механики, но съ тою разницей что область этой задачи не обозначается съ такою рѣзкою опредѣленностью съ какою поставилъ было ея границы Декартъ, и область эта въ разныхъ умахъ представляется весьма различно. Гдѣ границы природы и механики, въ чемъ область духа и психическихъ явленій? Декартъ даетъ на эти вопросы совершенно опредѣлительный отвѣтъ; такого отвѣта не встрѣтимъ въ современной наукѣ. Основныя понятія современной механики въ свою очередь сложнѣе основныхъ понятій механики Декарта. Къ понятіямъ *пространства* (какимъ для Декарта исчерпывается понятіе *матеріи*, которая для него есть нѣчто протяженное, характеризующееся единственно и исключительно этимъ атрибутомъ — имѣть протяженность) и *движенія* присоединяются еще понятія *масса* (матеріальная точка) и *сила*. Механика Декарта, какъ и нынѣшняя, есть механика движущихся частицъ, но въ ней отсутствуетъ идея о силахъ въ смыслѣ взаимодействія частицъ одна на другую на разстояніи. Отсутствуетъ слѣдовательно понятіе къ устраненію котораго и нынѣ замѣчается стремленіе: такъ что Декартова механика будучи механикой прошедшаго есть въ извѣстномъ отношеніи и механика будущаго. Замѣтимъ что, въ параллель отсутствію понятія *сила* въ механикѣ Декарта, въ его психологическомъ ученіи отсутствуютъ понятія безсознательнаго, инстинктивнаго. Все это тѣ понятія которыя нарушаютъ простоту и ясность представленій, но къ которымъ, въ виду тѣснаго круга извѣстнаго и громадности области неизвѣстнаго, по неудержимому склону приходитъ умъ ищущій объясненій.

II.

Войдемъ ближе въ разсмотрѣніе основныхъ понятій механики Декарта.

Понятіе *матеріи* для него, какъ сказано, исчерпывается понятіемъ *пространство*. „Природа матеріи, говоритъ онъ (*Princ.*, II, § 4), состоитъ единственно въ томъ что она есть

субстанція *имѣющая протяженіе*.“ Гдѣ есть протяженіе, оно принадлежитъ чему-то что и есть матерія. Въ этомъ признакъ все ея опредѣленіе и ничего другаго не требуется чтобы выразить что такое матерія. Свойство протяженія быть раздѣленнымъ на части. Матеріальный міръ разсматриваемый въ локоѣ или точкѣ въ одинъ не имѣющій продолжительности моментъ времени есть такъ - сказать мозаика пространства, то-есть раздробленіе его на малые пространственные элементы разной фигуры. Матерія состоитъ изъ частицъ. Дѣйствительная отдѣльность этихъ частицъ обнаруживается ихъ относительнымъ между собою движеніемъ. Матеріальный міръ разсматриваемый во времени есть совокупность движущихся частицъ, мозаика пространственныхъ элементовъ измѣняющихся въ фигурѣ и положеніи. Всѣ явленія природы суть преобразованія движенія отъ встрѣчи тѣлъ между собою (*Monde, Oeuvr.*, IV, 262). Таковы идеи Декарта. Онѣ принадлежать къ числу тѣхъ о коихъ онъ самъ выразился что при первомъ знакомствѣ онѣ озадачиваютъ своимъ рѣзкимъ отличіемъ отъ общепринятыхъ понятій. Нашъ умъ привыкъ различать пространство отъ того чѣмъ это пространство наполнено и безъ чего оно было бы *пустымъ*. Всякій кромѣ того представляетъ себѣ что въ кускѣ свинца болѣе матеріи чѣмъ въ такомъ же объемѣ воздуха. Для Декарта пустаго, то-есть не наполненнаго матеріей пространства нѣтъ: все имѣющее протяженіе чрезъ то самое есть тѣло; количество матеріи въ одинаковомъ объемѣ, есть ли это объемъ какого-нибудь тѣла, воды, золота, воздуха или часть надземнаго пространства,—всегда одно и то же.

Понятны недоумѣнія возбуждаемыя такими мыслями и рождающія рядъ вопросовъ требующихъ разъясненія. Остановимся на главнѣйшихъ изъ этихъ вопросовъ, отчасти предложенныхъ Декарту его друзьями и его противниками, отчасти указанныхъ имъ самимъ. Данныя имъ разъясненія лучше всего могутъ ознакомить насъ съ истиннымъ смысломъ его ученія о матеріи.

III.

Что касается возможности представить себѣ пространство ничѣмъ матеріальнымъ не наполненное, *пустое*, то Декартъ замѣчаетъ что такое различеніе пространства и того что его наполняетъ есть умственная операція, отвлеченіе, подобное

тому какимъ мы отвлекаемъ идею числа отъ исчисляемыхъ предметовъ. * Есть два яблока, три дерева, но два, три какъ особыя вещи не существуютъ. Такъ точно гдѣ есть протяженіе, оно принадлежитъ чему-то. Это что-то и есть матерія. Пустота есть ничто (*néant*), а „ничто“ не можетъ имѣть свойствъ, между тѣмъ пустота какую мы представляемъ себѣ, воображая не наполненное пространство, имѣетъ такое реальное свойство какъ протяженіе.

Идея о пустомъ пространствѣ имѣетъ, по мнѣнію Декарта, свой источникъ въ пріобрѣтенной нами отъ юности привычкѣ именовать вмѣстимость пустою, если не встрѣчаемъ въ ней того что, предполагается, должно бы тамъ заключаться; мы зовемъ пустымъ сосудъ безъ воды, считаемъ пустою комнату безъ мебели, и т. д.

„И такъ какъ, говоритъ Декартъ (*Princ.*, II, § 18), мы не усматриваемъ связи между сосудомъ и тѣломъ въ немъ содержащимся, то намъ кажется что Богъ могъ бы совершенно удалить всякое тѣло которое въ сосудѣ находится и сохранить между тѣмъ сосудъ въ прежнемъ видѣ, безъ необходимости чтобы какое-нибудь другое тѣло замѣстило собою удаленное. Дабы поправить это столь ложное мнѣніе, замѣтимъ что дѣйствительно нѣтъ необходимой связи между сосудомъ и тѣломъ которое въ немъ находится, но связь между вогнутою фигурой сосуда и протяженіемъ ею обнимаемымъ столь необходима, что представить себѣ такую вогнутость безъ содержаемаго въ ней протяженія и это протяженіе безъ протяженной вещи также трудно какъ представить себѣ гору безъ долины (*une montagne sans vallée*). Ничто не можетъ, какъ уже не разъ было замѣчено, имѣть протяженія (*nihilum nulla potest esse extensio*). А потому, когда спросятъ: что же случилось бы еслибы Богъ удалилъ тѣло содержащееся въ сосудѣ и не допустилъ бы другое занять его мѣсто, мы отвѣтимъ что бока сосуда тогда были бы такъ близки, что непосредственно коснулись бы между собою. Ибо необходимо чтобы два тѣла касались между собою, если нѣтъ ничего между ними. Было бы противорѣчіемъ еслибы два тѣла были на разстояніи одно отъ другаго и между тѣмъ разстояніе это не было бы ничѣмъ; разстояніе есть свойство протяженія, которое не можетъ быть безъ нѣкоторой протяженной вещи.“

* Сравни: *Règles pour la dir. de l'espr. Oeuvr.* XI, 299. *Lettres, Oeuvr.* VIII, 571.

Не должно забывать что въ эпоху образованія мыслей Декарта не были еще извѣстны опыты съ безвоздушнымъ пространствомъ въ верхней части барометра (опытъ Торричелли) и подъ колпакомъ воздушнаго насоса (опытъ Герике). Вопросъ о пустотѣ имѣлъ потому чисто теоретическій характеръ, его метафизическая сторона совпала съ физическою. Въ школахъ учили что природа боится пустоты и таковой нѣтъ въ предѣлахъ матеріальнаго міра, внѣ котораго безграничное протяженіе воображаемыхъ пространствъ (espaces imaginaires). Ученіе о пустыхъ промежуткахъ между абсолютно твердыми, недѣлимыми частицами (атомами) развивалъ Гассенди (современникъ Декарта, старшій его десятью годами), возобновлявшій атомистическія ученія Демокрита, Эпикура и Лукреція. Отчасти противъ этой идеи и направлено ученіе Декарта. Представленіе объ элементѣ имѣющемъ, какъ *атомъ*, протяженіе и въ то же время недѣлимомъ казалось для Декарта логическою несообразностью; такую же несообразностью представлялся промежутокъ нематеріальный, но въ то же время протяженный. Для допускающихъ пустоту промежутки эти суть тѣ части пространства которыя имѣютъ одно матеріальное свойство — протяженность, между тѣмъ какъ другія, наполненныя части имѣютъ *кромя того* и другія свойства, именно *непроницаемость*. Для Декарта, принявшаго что для характеристики понятія матерія достаточно одного понятія — протяженность, не могло быть по отношенію къ наполненію какой-нибудь разницы между разными частями пространства. Оно все сплошь однородно. Разница опредѣлялась другимъ свойствомъ — покоемъ и движеніемъ. Какое значеніе имѣла для Декарта идея непроницаемости увидимъ ниже.

Съ открытіемъ средствъ образовать *безвоздушное пространство* ученіе о пустотѣ получило новый интересъ. Возникъ вопросъ о физической пустотѣ, получаемой на опытѣ, или точнѣе вопросъ о физическихъ свойствахъ того пространства изъ котораго по возможности удалены доступныя прямому наблюденію нашему формы матеріи — твердая, жидкая и воздухообразная. А теорія тяготѣнія, какъ взаимнаго дѣйствія небесныхъ силъ чрезъ раздѣляющее ихъ пространство, не представляющее сопротивленія ихъ движенію, ввела вопросъ въ новую фазу, въ какой онъ находится и донинѣ. Вопросъ о физической пустотѣ преобразовался въ

вопросъ о міровой *средѣ*, въ которой находятся тѣла прямо подлежащія нашему наблюденію и о томъ въ какой мѣрѣ среда эта участвуетъ въ явленіяхъ взаимодействія тѣлъ. Существуетъ ли такая матеріальная среда (*эфиръ*, какъ стали называть ее въ послѣдствіи) и чѣмъ обнаруживаетъ она свое бытіе? Есть ли это нѣчто индифферентное или нѣчто дѣятельное, передающее и производящее явленія? Для Декарта различіе между тонкою средой омывающею тѣла и этими, какъ поплавокъ, помѣщенными въ ней массивными тѣлами не представлялось и такую рѣзкостью какаѣ внесена была въ науку ученіемъ о тяготѣ тѣлъ. Для Декарта среда увлекающая тѣла своими потоками казалась самымъ естественнымъ объясненіемъ наблюдаемыхъ въ природѣ движеній тѣлъ. Нѣтъ ничего болѣе противнаго духу Декартовой философіи природы какъ допущеніе взаимнаго дѣйствія тѣлъ на разстояніи чрезъ пустой промежутокъ. Допущеніе такого дѣйствія Декарту казалось одушевленіемъ матеріальнаго міра, перенесеніемъ въ природу понятій изъ области нематеріальнаго, всецѣло отъ нея отличной. *

О томъ какъ послѣдователи Декарта смотрѣли, съ точки зрѣнія его философіи природы, на опыты съ безвоздушнымъ пространствомъ Торричелли и Герике можно видѣть изъ слѣдующихъ соображеній Лейбница, раздѣлявшаго по вопросу о наполненности міра идеи Декарта. **

„Указываютъ, говоритъ Лейбницъ (*Réponse à la quatrième réplique de M. Clarke, Leibnitii Opera omnia, collecta studio Ludovici Dutens, Genevae, 1768, II, 149*), на пустоту открытую г. Герике изъ Магдебурга и которая образуется чрезъ выкачиваніе воздуха изъ приемника; утверждаютъ что въ приемникѣ дѣйствительно есть въ нѣкоторой части по крайней мѣрѣ совершенная пустота или пространство безъ матеріи. Послѣдователи Аристотеля и картезианцы, не допускающіе настоящей пустоты, отвѣчали на этотъ опытъ Герике также

* Замѣчанія Декарта на *Аристарха* Роберваля, допускавшаго всеобщее взаимное притяженіе тѣлъ; письмо къ отцу Мерсенну 16—45 (*Oeuvr. IX, 560*).

** Самъ Декартъ зналъ объ опытѣ Торричелли, бесѣдовалъ о немъ съ Паскалемъ во время своей поѣздки во Францію въ 1647 году, когда полагать надо впервые и услышалъ о немъ; объяснялъ явленія тяжести воздуха, а о пустотѣ Торричеллиевой, нѣтъ сомнѣнія, имѣлъ то самое представленіе какое высказано въ приводимой замѣткѣ Лейбница.

какъ на опытъ Торричелли изъ Флоренціи (удалявшаго воздухъ изъ стеклянной трубки помощію ртути) что въ приемникѣ и въ трубкѣ вовсе не пустота, ибо стекло имѣетъ поры чрезъ которые могутъ проходить лучи свѣта, лучи магнита и другія тончайшія вещества. И я держусь ихъ мнѣнія, находя что приемникъ можно сравнить съ ящичкомъ въ стѣнкахъ котораго множество дыръ и который погруженъ въ воду, наполненъ рыбами или другими крупными тѣлами, мѣсто коихъ, если ихъ удалить, тотчасъ займется водою. Разница только въ томъ что вода, хотя жидкое и болѣе подвижное тѣло чѣмъ эти крупные предметы, есть тѣло столь же какъ какъ они или даже и болѣе массивное, тогда какъ матерія входящая въ приемникъ вмѣсто воздуха гораздо тоньше этого послѣдняго. Новые приверженцы пустоты отвѣчаютъ что не крупность тѣла производитъ сопротивленіе и следовательно необходимо болѣе пустоты тамъ гдѣ менѣе сопротивленія; прибавляютъ что тонкость тутъ не причемъ и что частицы ртути столь же тонки (*aussi subtiles et aussi fines*) какъ частицы воды, и несмотря на то ртуть сопротивляется болѣе чѣмъ вдесятеро. На это скажу что сопротивленіе зависитъ не столько отъ количества матеріи сколько отъ трудности съ какою она уступаетъ. Такъ плавающее дерево содержитъ менѣе тяжелой матеріи чѣмъ такой же объемъ воды и однако же оно болѣе чѣмъ вода сопротивляется судну. Что касается ртути, она дѣйствительно почти въ четырнадцать разъ содержитъ болѣе тяжелой матеріи чѣмъ вода того же объема, но отсюда не слѣдуетъ чтобъ она содержала абсолютно въ четырнадцать разъ болѣе матеріи. Напротивъ, вода заключаетъ ея столько же; но при этомъ надо брать въ расчетъ вмѣстѣ какъ собственное ея вещество такъ и постороннюю невѣсомую матерію, проходящую чрезъ ея поры. Какъ ртуть такъ и вода суть массы тяжелой матеріи сквозныя, чрезъ которыя проходитъ много невѣсомой матеріи, не представляющей замѣтнаго сопротивленія, какова по видимому матерія лучей свѣта и другія неуловимыя жидкости (*fluides insensibles*); какова также въ особенности та жидкость которая производитъ тяжесть тѣлъ...“

IV.

Какъ относится Декартово представленіе о матеріи какъ протяженіи къ идеѣ о *непроницаемости*, какою обыкновенно характеризуютъ вещество какъ нѣчто наполняющее пространство? Первую идею о непроницаемости мы получаемъ отъ сопротивленія какое оказываютъ окружающія насъ тѣла когда мы ихъ касаемся. Но такая *осязаемость* тѣла подобно всѣмъ чувственнымъ свидѣтельствамъ бытія матеріи не можетъ быть, указываетъ Декартъ, ея существеннымъ свойствомъ. „Природа вещества, говоритъ онъ (*Princ.* II, § 5), или тѣла вообще не можетъ состоять въ томъ что тѣло есть вещь твердая, тяжелая, имѣющая цвѣтъ или инымъ какимъ образомъ дѣйствующая на наши чувства, но въ томъ только что это есть субстанція протяженная въ длину, ширину и глубину; что касается твердости, то помощію осязанія мы узнаемъ о ней лишь только то что части твердаго тѣла сопротивляются движенію нашей руки когда мы ихъ встрѣчаемъ. Но еслибы всякій разъ какъ мы приближаемъ руку, встрѣчаемое тѣло удалялось съ тою самою скоростью съ какою приближается рука, мы никогда бы не ощущали твердости *; однако нѣтъ основанія думать что удаляющіяся такимъ образомъ тѣла потеряли бы вслѣдствіе того то что дѣлаетъ ихъ тѣлами. Отсюда слѣдуетъ что природа тѣлъ не состоитъ въ твердости, ощущеніе которой мы иногда испытываемъ по ихъ поводу. Она не состоитъ также въ ихъ тяжести, теплотѣ и другихъ подобнаго рода качествахъ; ибо если мы разберемъ

* Не лишено интереса сравнить это предположеніе Декарта съ попадающимъ его предположеніемъ Цѣльнера (*Wissensch. Abhandl.* I, 31; 1878). „Достаточно сильный магнитъ дѣйствующій на одноименный полюсъ другаго магнита, находящагося въ нашей рукѣ, оказываетъ отталкивательное дѣйствіе, которое, при достаточной силѣ, возбудило бы въ насъ представленіе объ упругомъ ощущимомъ тѣлѣ, еслибы мы стали сблизать магнитъ въ темной комнатѣ. Наоборотъ, еслибы химіи удалось приготовить прозрачное стекло того же показателя преломленія какъ атмосферный воздухъ при обыкновенномъ давленіи, мы имѣли бы тѣло которое ощущали бы при прикосновеніи и локализовали бы, но которое не могли бы видѣть.“

какое угодно тѣло, мы всегда можемъ представить себѣ что оно не имѣетъ въ себѣ никакого изъ этихъ качествъ и въ то же время ясно и раздѣльно сознаемъ что въ немъ есть все что дѣлаетъ его тѣломъ, если только оно имѣетъ длину, ширину и глубину. Отсюда слѣдуетъ что для бытія своего оно не имѣетъ никакой въ нихъ нужды и что природа его состоитъ въ томъ только что это субстанція имѣющая протяженіе *.”

„Присутствіе тѣла, читаемъ мы въ *Mir* Декарта (*Oeuvr.* IV, 235), не всегда знаменуется тѣмъ что мы его чувствуемъ. Напротивъ, мы наименѣе ощущаемъ тѣла которыя обыкновенно насъ окружаютъ и вовсе не чувствуемъ тѣхъ которыя всегда около насъ. Теллота сердца очень велика (такъ думалъ Декартъ), но мы ея не чувствуемъ, тяжесть нашего тѣла не мала, но насъ не беспокоитъ; мы не ощущаемъ платья, ибо привыкли носить его.“ Декартъ могъ бы прибавить, и конечно прибавилъ бы, какъ наилучшій примѣръ, что мы не ощущаемъ тяжести давящаго на насъ воздуха, но ученіе о давленіи воздуха еще не существовало въ эпоху составленія *Mira*.

Не только осязаемость и тѣ качества какими тѣло дѣйствуетъ на наши чувства, но и *непроницаемость* въ собственномъ смыслѣ, обнаруживающаяся при занятіи однимъ тѣломъ мѣста другаго, не составляютъ для Декарта сущности матеріи. Непроницаемость для Декарта есть свойство самого пространства въ смыслѣ его неистребляемости. О непроницаемости въ смыслѣ сопротивленія при сообщеніи движенія не говорится въ физикѣ Декарта и этого термина нѣтъ въ *Началахъ*.

Анализа понятія непроницаемость Декартъ касается въ отвѣтъ на критическія замѣчанія одного изъ его англійскихъ приверженцевъ (*Lettre à Morus*, 1649 года. *Oeuvr.*, X, 195).

„Не лучше ли, говоритъ Декартъ, опредѣлить матерію тѣмъ что это есть субстанція непроницаемая или осязаемая (*tactile*)?... Но это свойство тѣла быть осязаемымъ, эта непроницаемость, то же что, на примѣръ, способность смѣяться въ человѣкѣ, — то что въ правилахъ логики принято называть *proprium quarto modo*. Это не есть истинное, существенное

* Довольно подробное истолкованіе идеи о матеріи какъ протяженной субстанціи находимъ у Мальбранша. *Entretiens sur la métaphysique*. Edit. Charpentier, 1842. I, 35.

свойство матеріи, каковое я полагаю въ протяженіи. И какъ не опредѣляютъ человѣка—смѣющееся животное, а разумное, и тѣло должно опредѣлять не его непроницаемостью, но его протяженностью, тѣмъ болѣе что свойство осязаемости и непроницаемости имѣетъ отношеніе къ частямъ и предполагаетъ въ нашемъ умѣ идею тѣла отдѣльнаго и ограниченнаго, а мы между тѣмъ очень хорошо можемъ представить себѣ непрерывное тѣло, неопредѣленной и неограниченной величины, въ которомъ усматривается только протяженіе.

„Въ пространствѣ, какъ бы пустымъ мы его ни воображали, мы легко представляемъ себѣ различныя части опредѣленной величины и фигуры и можемъ въ воображеніи переносить ихъ однѣ на мѣсто другихъ, но никоимъ образомъ не можемъ представить себѣ чтобы двѣ такія части взаимно проникались въ томъ же мѣстѣ, ибо здравому смыслу противно чтобы это было и чтобы какая-нибудь часть пространства была отнята (отѣе). Обративъ вниманіе что столь реальныя свойства могутъ быть только въ реальномъ тѣлѣ, я осмѣлился утверждать что абсолютно пустаго пространства нѣтъ и что все протяженное есть непременно тѣло. Я не затруднился быть въ этомъ противнаго мнѣнія съ великими людьми о коихъ вы упоминаете: Эпикуромъ, Демокритомъ и Лукреціемъ; ибо видѣлъ что они, не основываясь на какомъ-либо твердомъ доводѣ, увлекались общими предразсудками дѣтства. Дѣйствительно, хотя чувства наши не всегда представляютъ намъ внѣшнія тѣла такими какъ они есть на самомъ дѣлѣ, но лишь по отношенію къ намъ,—насколько могутъ быть намъ полезны или вредны, мы однако съ дѣтства силится думать что въ мірѣ нѣтъ ничего кромѣ того что представляютъ намъ чувства; что такимъ образомъ нѣтъ тѣла которое бы не дѣйствовало на чувства и что всякое мѣсто гдѣ мы ничего не чувствуемъ есть пустое мѣсто.“

Такимъ образомъ непроницаемость разсматриваемая независимо отъ дѣйствія тѣла на чувства есть для Декарта свойство принадлежащее самому пространству. Нельзя представить себѣ часть пространства лишенную протяженія, вынуть изъ пространства часть, вообразить лянто лишенное протяженія. Величина пространства есть нѣчто неизмѣняемое; оно неистребимо. Кубическій дюймъ пространства, какъ говоритъ авторъ *Курса философіи согласно принципамъ Декарта* (Pierre Silvain Regis. *Cours de philosophie selon principes de M. Des-*

cartes. I, 291, Amsterdam 1691), не можетъ быть прибавлена къ другому дюйму чтобы не вышло вѣсть два дюйма. Явленія природы представляютъ собою разнообразныя группировки пространственныхъ элементовъ совокупность которыхъ составляетъ одинъ неизмѣняемый объемъ.

V.

Декартова идея о матеріи какъ протяженной субстанціи не настолько, впрочемъ, отстуетъ отъ позднѣйшихъ понятій, изъ коихъ сложилась современная механика, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Нѣчто протяженное,—матерія Декарта,—становится дѣйствительно матеріальнымъ только чрезъ присоединеніе къ свойству протяженности новаго свойства—движенія. Пока это понятіе не прибавлено, матерія представляется какъ нѣчто однородное, раздѣленіе котораго на части есть умственная операція, актъ воображенія. Дѣйствительное раздѣленіе протяженной субстанціи на части и превращеніе протяженного нѣчто въ мозаику матеріальныхъ частицъ достигается отдѣльностью покоя и движенія пространственныхъ элементовъ. Если мысленно устранимъ движеніе, то въ покоящейся матеріи останется одно ея свойство—занимать мѣсто, имѣть протяженіе. Это то же геометрическое пространство. Матеріальность его проявляется собственно съ движеніемъ. До движенія его можно мыслить или ничего въ себѣ не заключающимъ, или заключающимъ нѣчто ничѣмъ себя не проявляющее.

Еслибы частицы тѣлъ были только элементами протяженія, то какая могла бы быть разница между однимъ элементомъ протяженія и другимъ? Очевидно здѣсь капитальный вопросъ. Требуется отъ геометрическаго представленія произвольной мозаики пространства перейти къ дѣйствительному раздробленію его на части, отъ геометріи сдѣлать шагъ къ механикѣ. Здѣсь-то на очередь выходитъ другое понятіе, долженствующее въ соединеніи съ понятіемъ о протяженіи дать объясненіе разнообразія явленій матеріальнаго міра. Это понятіе, какъ сказано,—*движеніе*. „Одна матерія, говоритъ Декартъ (*Princ.* II, § 23), во всей вселенной, и мы познаемъ ее единственно чрезъ то что она протяженна; всѣ свойства кои мы въ ней ясно усматриваемъ относятся единственно

къ тому что она раздѣлима и движима въ своихъ частяхъ и чрезъ это слособна къ разнообразнымъ дѣйствіямъ, которыя, мы понимаемъ, могутъ происходить отъ движенія ея частей. Раздѣленіе, впрочемъ, которое произведи бы мы мысленно никакой перемѣны внести не можетъ; всякая перемѣна въ матеріи, все разнообразіе ея формъ зависитъ отъ движенія.“

Но и этого еще мало. Протяженный элементъ, движущійся ли, покоющійся ли, имѣеть, согласно ученію Декарта, какъ оно выражено въ *Началахъ*, силу инерціи. Во второй книгѣ *Началъ* есть замѣчательный параграфъ въ которомъ значится:

„Сила съ какою тѣло дѣйствуетъ противъ другаго тѣла или сопротивляется его дѣйствію состоитъ въ томъ единственно, что всякая вещь стремится сохранить сколько можетъ то состояніе въ какомъ находится (*tendat, quantum in se est, ad permanendum in eodem statu in quo est*)... Такимъ образомъ тѣло которое присоединено къ другому тѣлу имѣеть нѣкоторую силу мѣшающую чтобы оно было отдѣлено; а когда отдѣлено, имѣеть силу мѣшающую чтобы было присоединено. Также, когда тѣло въ покоѣ, оно имѣеть силу чтобы оставаться въ этомъ покоѣ и слѣдовательно чтобы сопротивляться всему что можетъ заставить его перемѣнить это состояніе; также, когда движется, имѣеть силу чтобы продолжать движеніе, то-есть чтобы двигаться съ тою же скоростью и въ ту же сторону. О величинѣ этой силы должно судить по величинѣ тѣла въ которомъ она есть, по поверхности какою это тѣло ставлено отъ другаго, а также по скорости движенія и тѣмъ разнымъ слособамъ каковыми тѣла встрѣчаются между собою (*natura et contrarietate modi, quo diversa corpora sibi in tuo occurrunt*.“ *Princ.* II, § 43).

Очевидно что понятіе объ элементѣ пространства оказывающемъ сопротивленіе какъ скоро онъ выводится изъ состоянія покоя или претерпѣваетъ измѣненіе въ движеніи, не отличается отъ понятія о матеріальной частицѣ имѣющей силу инерціи или *массу*, для которой эта сила инерціи служитъ мѣрой. Только чрезъ это пространственный элементъ и становится матеріальнымъ. Недостаточность идеи Декарта въ томъ что для него *сила инерціи* частицы есть нѣчто непостоянное, зависящее, кромѣ величины частицы въ смыслѣ ея объема, отъ многихъ еще обстоятельствъ, вліяніе которыхъ точно не обозначено. Въ дальнѣйшемъ развитіи механиче-

скихъ понятій сила инерціи данной частицы получила значеніе нѣкотораго постояннаго качества частицы, какъ проявленіе того что частица заключаетъ въ себѣ извѣстное количество матеріи, имѣетъ *массу*, опредѣляемую не объемомъ частицы, а именно сопротивленіемъ оказываемымъ ею при измѣненіи ея покоя или движенія. Макъ-Лоренъ въ *Изложении Ньютоніанской философіи* (Colini Mac-Laugini *Expositio philosophiae Newtonianae in latinum conversa a G. Falck, Viennae Austriae, 1761, стр. 129*), такъ говоритъ объ этомъ. „Тѣло по свойственной ему инерціи и по его такъ-сказать пассивной природѣ, не только само собою не перемѣняетъ своего состоянія, но и оказываетъ сопротивленіе причинамъ производящимъ какое-либо измѣненіе этого состоянія. Когда покоится, можетъ быть приведено въ движеніе не безъ затрудненія; когда движется, требуетъ нѣкоторой силы чтобы быть остановленнымъ. Сила съ какою тѣло стремится остаться въ своемъ состояніи и противится измѣненію онаго называется *силой инерціи* и слагается изъ инерціи всѣхъ частей изъ какихъ тѣло состоитъ, и потому соответствуетъ количеству матеріи содержащемуся въ тѣлѣ, такъ что о количествѣ этомъ не иначе можемъ судить какъ по силѣ инерціи тѣла.“

Совмѣщеніе понятій матеріи и пространства вытекало у Декарта изъ его стремленія свести механическое ученіе къ простѣйшимъ представленіямъ, не вымышляя новыхъ свойствъ если безъ нихъ можно обойтись. Затрудненія сопряженныя съ такимъ ученіемъ о матеріи въ его рѣзкой простотѣ не замедлили обнаружиться, но были Декартомъ такъ-сказать перемѣщены въ ученіе о движеніи, повели къ значительнымъ колебаніямъ и породили рядъ замѣчательныхъ заблужденій изъ коихъ слагается ученіе Декарта объ ударѣ или сообщеніи движенія при столкновеніи тѣлъ.

V.

Лейбницъ, не пріимая повидимому въ соображеніе поясненій Декарта относительно инерціи покоя и движенія, подвергаетъ критикѣ идею Декарта о матеріи какъ протяженіи именно съ точки зрѣнія недостаточности понятія протяженія для опредѣленія что такое есть тѣло. Въ письмѣ помѣщенномъ въ *Journal des Sçavans* (18го іюня 1691 года) онъ говоритъ. „Еслибы сущность тѣла состояла въ протяженіи, то протяженіемъ долж-

ны бы объясняться всѣ свойства тѣла. Но это не такъ. Мы замѣчаемъ въ матеріи качество, которое нѣкоторые называютъ *естественною инерціей* и вслѣдствіе котораго тѣла сопротивляются нѣкоторымъ образомъ движенію, такъ что требуется сила чтобы привести его въ движеніе, отвлекаясь даже отъ тяжести, и что большое тѣло труднѣе поколебать чѣмъ малое... Пусть тѣло А встрѣчаетъ тѣло В; ясно что если бы тѣло В было индифферентно къ покою и движенію, оно попустило бы толкнуть себя тѣломъ А, не оказывая сопротивленія, не уменьшило бы скорости и не измѣнило бы направленія тѣла А. Послѣ встрѣчи, А продолжало бы свой путь, и В шло бы вмѣстѣ съ нимъ, ему предшествуя. Не такъ въ природѣ. Чѣмъ больше тѣло В, тѣмъ болѣе уменьшаетъ оно скорость тѣла А, до того что можетъ даже заставить его отразиться, если В много болѣе А. Но *еслибы въ тѣлѣ было только протяженіе* или положеніе, то-есть то что разсматриваютъ въ немъ геометры, въ соединеніи лишь съ идеей перемѣны, то протяженіе было бы совершенно индифферентно по отношенію къ этой перемѣнѣ и результатъ встрѣчи тѣлъ объяснялся бы однимъ геометрическимъ сложениемъ движеній: то-есть тѣло послѣ встрѣчи всегда шло бы движеніемъ сложенымъ изъ скорости какою имѣло до удара и изъ скорости полученной отъ сталкивающагося съ нимъ тѣла дабы не помѣшать ему, то-есть въ случаѣ встрѣчи шло бы съ разностью двухъ скоростей въ сторону ея направленія... Въ случаѣ настиженія, когда болѣе быстрое догоняетъ предшествующее ему болѣе медленное, послѣднее получило бы скорость перваго и вообще они послѣ удара всегда шли бы вмѣстѣ, и въ частности, какъ уже сказано выше, движущееся увлекало бы съ собою покоящееся не претерпѣвая уменьшенія скорости; при этомъ величина, равенство и неравенство тѣлъ ничего бы не измѣняли; что совершенно противорѣчитъ опыту... Я согласенъ что тѣло отъ природы протяженно и что нѣтъ протяженія безъ тѣла. Не должно однакоже смѣшивать понятія мѣста, пространства или чистаго протяженія съ понятіемъ субстанціи, кромѣ протяженія, включающимъ сопротивленіе, то-есть дѣйствіе и страданіе *."

* „Эти соображенія, продолжаетъ Лейбницъ, кажутся мнѣ важными не только по отношенію къ познанію природы протяженной суб-

VI.

Однимъ изъ главныхъ доводовъ въ пользу допущенія пустоты въ природѣ для Гассенди была невозможность, по его мнѣнью, движенія въ природѣ если въ ней нѣтъ пустыхъ промежутковъ. Какъ можетъ въ самомъ дѣлѣ происходить движеніе въ пространствѣ абсолютно наполненномъ? Декартъ даетъ на этотъ вопросъ такой отвѣтъ (*Princ.* II, § 33).

„Показавъ что всѣ мѣста наполнены тѣлами, что всякая часть матеріи такъ соразмѣрена съ величиною занимаемаго мѣста что невозможно чтобы наполняла большее или сжалась въ меньшее, или чтобы тѣло заняло мѣсто другаго пока это другое тамъ находится,—мы должны необходимо придти къ заключенію что въ случаѣ движенія всегда бываетъ кругъ (*cercle*, въ смыслѣ круговаго пояса) матеріи или кольцо тѣлъ одновременно двигающихся вмѣстѣ; такъ что когда одно тѣло уступаетъ мѣсто другому его выгоняющему, оно замѣщаетъ собою другое, это другое третье и такъ далѣе до послѣдняго, въ то же мгновеніе занимающаго мѣсто оставленное первымъ.“ Легко, продолжаетъ Декартъ, представить такое круговое движеніе въ кругломъ кольцѣ съ одинаковымъ всюду свѣченіемъ; труднѣе въ кольцѣ неправильной формы и съ измѣняющимся свѣченіемъ. Въ такомъ случаѣ Декартъ представляетъ себѣ движеніе какъ въ каналѣ съ водой или точнѣе съ несжимаемою жидкостью, въ которой не можетъ быть разрывовъ, такъ что чрезъ каждое свѣченіе должно всегда проходить въ данное время одинакое количество жидкости; гдѣ меньше свѣченіе, тамъ быстрѣе движеніе: „скорость движенія вознаграждаетъ малость мѣста“. „Должно признаться, при-

станціи, но также дабы не пренебрегать въ физикѣ выпшми и нематеріальными началами въ ущербъ благочестію. Ибо хотя я убѣжденъ что въ тѣлесной природѣ все дѣлается механически, тѣмъ не менѣе думаю что самые принципы механики, то-есть первые законы движенія, имѣютъ болѣе высшее происхожденіе чѣмъ какое можетъ доставить чистая математика. Я думаю что еслибъ это было болѣе извѣстно или болѣе принималось въ соображеніе, многіе благочестивые люди не имѣли бы такого дурнаго мнѣнія о частичной философіи (*philosophie scolastique*), а новые философы лучше бы соединали познаніе природы съ познаніемъ ея Творца.“

бываетъ онъ, въ такомъ движеніи есть нѣчто что умъ нашъ хотя признаетъ вѣрнымъ, не можетъ однако понять, а именно раздѣленіе нѣкоторыхъ частей матеріи до безконечности или точнѣе безграничное раздробленіе частей“, для пополненія, безъ посредства пустоты, всѣхъ промежутковъ при преобразованіи мозаики пространства движеніемъ въ новыя фигуры.

VII.

Матерія какъ протяженная субстанція есть нѣчто насквозь однородное, одна часть ея можетъ отличаться отъ другой лишь фигурой, положеніемъ и движеніемъ. „Изъ всего этого слѣдуетъ, говоритъ Декартъ, что земля и небеса образованы изъ той же матеріи, и еслибы было безконечное множество міровъ, они не могли бы быть образованы иначе какъ изъ той же матеріи. Отсюда слѣдуетъ что ихъ не можетъ быть много, ибо мы ясно сознаемъ что матерія, коей природа состоитъ единственно въ томъ что она есть вещь протяженная, занимаетъ нынѣ всѣ воображаемыя пространства, гдѣ эти другіе міры могли бы быть, и что мы не можемъ открыть въ насъ идеи никакой другой матеріи“ (*Princ.*, II, 22). Отсюда же слѣдуетъ что если отвѣчься отъ различій вносимыхъ движеніемъ, то во всякихъ двухъ равныхъ объемахъ должно заключаться равное количество матеріи (см. выше объ этомъ въ замѣткѣ Лейбница). Но какъ объяснить въ такомъ случаѣ явленіе *сгущенія*, когда тѣло занимаетъ меньшій объемъ ничего не теряя повидимому изъ своего содержимаго; явленіе *разрѣженія*, когда то же, повидимому, содержимое распространяется въ увеличенномъ объемѣ.

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Декартъ такъ. „Всякій разъ, говоритъ онъ (*Princ.* II, § 6), какъ мы видимъ что тѣло разрѣжается, мы должны думать что въ немъ есть между его частями множество промежутковъ которые наполняются какимъ-нибудь другимъ тѣломъ; когда тѣло сгущается, части его сближаются между собою болѣе чѣмъ прежде, ибо промежутки между ними уменьшаются или и совсѣмъ уничтожаются: въ послѣднемъ случаѣ тѣло не можетъ уже быть болѣе сжато. Но и тогда само по себѣ оно сохраняетъ то же протяженіе какъ и въ томъ случаѣ когда его части будучи удалены между собою и распространены

многими вѣтвями захватываютъ бѣльшее пространство. Ибо мы не должны приписывать тѣлу протяженіе какое имѣютъ его поры и промежутки; протяженіе это принадлежитъ другимъ тѣламъ наполняющимъ эти поры. Точно такъ вида губку налитанную водой или другою жидкостью мы не заключаемъ что чрезъ это каждая часть ея имѣетъ болѣе протяженія, а только что между частями ея есть поры или промежутки сдѣлавшіеся шире чѣмъ какъ была когда она была суха и болѣе сжата.“

Какъ объяснить разнообразіе тѣлъ по ихъ физическимъ свойствамъ: плотности, твердости, упругости, и [т. д.? Декартъ по ихъ физическимъ свойствамъ раздѣляетъ всѣ тѣла на двѣ группы: твердыя и жидкія и причисляетъ къ послѣднему разряду не только жидкости и газы, но и ту междучастичную среду которая наполняетъ поры земныхъ тѣлъ и небесныя пространства.

Въ чемъ различіе тѣлъ твердыхъ и жидкихъ? „Чувства даютъ одно показаніе: части жидкихъ тѣлъ такъ легко уступаютъ свое мѣсто что не дѣлаютъ сопротивленія нашимъ рукамъ какъ онѣ ихъ встрѣчаютъ, и напротивъ того части твердыхъ тѣлъ такъ соединены между собою что не могутъ быть раздѣлены безъ силы разрывающей это ихъ соединеніе.“ Стремленіе Декарта къ простотѣ началъ побудило его дать такое объясненіе этого явленія. „Не думаю, говоритъ онъ, чтобы можно было вообразить какой-нибудь цементъ болѣе способный соединить вмѣстѣ части твердаго тѣла какъ ихъ покой. Нѣтъ качества болѣе противнаго движенію которое могло бы раздѣлить эти части, какъ покой какой онѣ имѣютъ.“ Такимъ образомъ покоящаяся часть пространства есть твердая частица. Что касается жидкихъ тѣлъ, то это суть тѣла которыхъ частицы находятся въ непрерывномъ разнообразномъ движеніи. Частицы эти слишкомъ малы чтобы мы могли видѣть ихъ движенія, но дѣйствія ихъ, напримѣръ „производимая воздухомъ и водой порча другихъ тѣлъ“, свидѣтельствуютъ объ этомъ движеніи, ибо „жидкость не могла бы произвести такого тѣлеснаго дѣйствія, какъ эта порча, еслибы частицы ея не двигались.“ Движенія эти самыя разнообразныя; такъ что твердое тѣло, погруженное въ жидкость, испытываетъ со всѣхъ сторонъ бомбардировку частицъ, причемъ, вслѣдствіе самаго разнообразія движенія, количество толчковъ получаемыхъ съ одной стороны равно количеству получаемыхъ съ другой, и тѣло находится въ балансѣ.

Замѣчательно что Декартъ упругость тѣлъ объясняетъ изъ шого совсѣмъ начала чѣмъ ихъ плотность. Согнутый лукъ разгибается вслѣдствіе потока тонкаго вещества или элемента который проникаетъ поры тѣлъ. Малевраншъ, ревностный послѣдователь Декарта, расходится съ нимъ относительно объясненія явленій твердости, вводитъ ихъ въ одну категорію съ явленіями упругости и, подъ впечатлѣніемъ опыта Герике съ магдебургскими полушаріями, объясняетъ сѣвленіе частицъ дѣйствіемъ тонкой среды сжимающей ихъ съ нѣкоторымъ подобіемъ того какъ воздухъ сжимаетъ полушарія Герике.

IX.

Еслибы мы пожелали перевести теорію Декарта о строеніи вещества на языкъ современной механики, то слѣдующее представленіе могло бы, намъ кажется, дать о ней довольно близкое понятіе. Представьте себѣ безграничное пространство наполненное однородною средой,—идеально жидкою, не представляющею сопротивленія раздѣленію, но вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютно несжимаемою, то-есть способною всячески измѣнять форму безъ измѣненія объема. Характеръ жидкости среда эта имѣетъ вслѣдствіе движенія ея частей. Часть среды, движущаяся или покоющаяся какъ одно цѣлое, есть частица. Частицы которыхъ матерія находится въ состояніи покоя суть *твердые* частицы (тутъ разумѣется покой относительный, которому не противорѣчитъ теченіе частицы въ общемъ облекающемъ ее потокѣ). Частицы представляющія собою сравнительно крупныя льдинки (предполагая ледъ одной плотности съ жидкостью изъ которой образовался) и струйки этой идеальной воды суть то что Декартъ называетъ частицами *третьяго элемента* вещества, изъ которыхъ слагаются всѣ твердые, жидкія и газообразныя тѣла. Это какъ бы вывѣшныя *въсомыя* частицы, какъ поплавки помѣщенныя въ наполняющей пространство средѣ эира.

„Я предполагаю, говоритъ Декартъ въ своемъ сочиненіи *О метеорахъ* (*Оeuvr. V, 159*), что вода, земля, воздухъ и всѣ другія окружающія насъ тѣла состоятъ изъ многихъ маленькихъ частей разной фигуры и величины, которыя никогда не бываютъ такъ хорошо расположены и такъ точно соединены чтобы не оставалось многихъ промежутковъ между ними.

Эти промежутки не пустые, но наполнены тою очень тонкою матеріею чрезъ посредство которой, какъ я указалъ, общается дѣйствіе свѣта. Далѣе я предполагаю что въ чистотѣ тѣ частицы изъ коихъ состоитъ вода, длинны, тонки, скользки какъ бы маленькіе угри, которыя хотя соединяются и перелетаются между собою, но никогда не связываются и не сдѣляются настолько чтобы не могли быть легко раздѣлены. Напротивъ того, частицы земли, воздуха и большей части другихъ тѣлъ имѣютъ фигуры очень неправильныя и неровныя, такъ что если хотя немного перелетелись между собою, тѣсно связываются и сдѣляются подобно разнымъ вѣтвямъ кустовъ растущихъ вмѣстѣ въ изгороди. И когда такимъ образомъ подобныя частицы свяжутся между собою, онѣ образуютъ тѣла твердыя какъ земля, дерево и имъ подобныя, а если онѣ просто положены одна на другую и нисколько не сплетены, и если къ тому же такъ малы что могутъ быть легко приведены въ движеніе и отдѣлены волненіемъ (*agitation*) тонкой матеріи ихъ окружающей, онѣ должны занимать много мѣста и образовать жидкія тѣла очень рѣдкія и легкія какъ масло и воздухъ. Кроме того должно думать что тонкая матерія наполняющая промежутки частицъ такихъ свойствъ что никогда не престааетъ двигаться туда и сюда съ огромною быстротою.* Когда вода обращается въ паръ, ея частицы разнесаются въ пространствѣ, приходя каждая въ быстрое круженіе, чрезъ что занимаемый ими объемъ значительно увеличивается. Частицы соли растворенныя въ водѣ отличаются отъ частицъ самой воды тѣмъ что онѣ велики настолько, что не сгибаются отъ силъ достаточныхъ чтобы заставить пробираться и вылетать частицы-струйки самой воды; не имѣютъ погому гибкости и образуютъ какъ бы тонкія иглы, которыя полаяя остріями на языкъ наблюдателя производятъ ощущеніе остраго и пронизательнаго вкуса.*

* Въ одномъ изъ своихъ писемъ („Réponse à quelques objections de M. Fromondus,“ 1637, *Oeuvr.* VI, 350), Декартъ выставляетъ доводы побудившіе его приписать частицамъ воды угреобразную форму. Такихъ доводовъ, говоритъ онъ, можно въ *Метеорахъ* и *Диоптрикѣ* найти болѣе шестисотъ, изъ коихъ каждый можно обратить въ силлогизмъ для доказательства той же мысли. Вода болѣе текуча чѣмъ масло и труднѣе его застываетъ: свидѣтельство что частицы масла легче сплетаются подобно вѣтвямъ, частицы же воды

Междучастичная среда Декарта, то тонкое вещество (*matière subtile*) которое наполняетъ небесныя пространства, передаетъ дѣйствія свѣта и соответствуетъ эфиру позднѣйшихъ теорій, въ свою очередь состоитъ изъ частицъ сферической формы, мельчайшихъ шариковъ. Это *второй элементъ*. Ихъ промежутки наполнены еще тончайшею средою *перваго элемента*, представляющаго собою „безграничное раздробленіе“ движущихся частей за которымъ умъ не въ состояніи слѣдить, но которое требуется чтобы среда эта могла примѣшаться къ наполненію всѣхъ промежутковъ. Она находится въ состояніи сильнаго внутренняго волненія и носитъ въ себѣ огромный запасъ движенія. Изъ этого элемента, по космологіи Декарта, образовались звѣзды и солнце. (Объ этомъ ниже.) Главное отличіе ученія Декарта о междучастичной средѣ отъ позднѣйшихъ физическихъ ученій объ эфирѣ заключается именно въ допущеніи перваго элемента, какъ среды между частицами самаго эфира. Въ позднѣйшихъ представленіяхъ объ эфирѣ онъ рассматривается какъ совокупность частицъ взаимодействующихъ и представляющихъ собою центры силъ, раздѣленные промежутками, не обнаруживающими уже какихъ-либо физическихъ свойствъ и въ этомъ смыслѣ пустыми.

X.

Хотя Декартъ постоянно говоритъ о *частицахъ* тѣлъ и въ изученіи дѣйствій между частицами видитъ ключъ къ объясненію всѣхъ явленій природы, онъ тщательно однако отдѣляетъ свое ученіе отъ *атомистической* системы Демокрита и Эпикура, возобновленной въ его время Гассенди.

Декартово ученіе о строеніи вещества, будучи, подобно атомистическому ученію, механикой частицъ, отличается отъ него тѣмъ что не нуждается въ допущеніи *недѣлимыхъ атомовъ* и *пустоты* въ природѣ, двухъ идей казавшихся Декарту,—и доводамъ его нельзя отказать въ основательности,—

болѣе скользки (*plus glissantes*). Болѣе смоченное водою легче высыхаетъ чѣмъ смоченное масломъ: вѣтвистыя частицы масла болѣе зацѣпляются въ порахъ болѣе чѣмъ угребразныя частицы воды. Вода легче обращается въ паръ, частицы ея слѣдовательно не слѣзены между собою и т. д.

великими несообразностями. „Не трудно убѣдиться, говоритъ онъ (*Princ.*, II, § 20), что не можетъ быть *атомовъ*, то-есть частей тѣла или матеріи которыя по природѣ своей были бы недѣлимы, какъ это вообразили нѣкоторые философы. Какъ бы малы мы ни вообразили эти части, необходимо чтобы онѣ имѣли нѣкоторое протяженіе, слѣдовательно мысленно могутъ быть раздѣлены на двѣ и болѣе частей меньшей величины; значить онѣ дѣлимы. Ибо изъ того что мы ясно и отчетливо представляемъ себѣ что вещь можетъ быть раздѣлена, должны заключить что она дѣлима; есаубы мы построили иначе наше сужденіе, оно противорѣчило бы нашему знанію. Даже есаубы мы представили себѣ что Богъ привелъ нѣкоторую часть матеріи въ состояніе такой малости что она не можетъ быть болѣе раздѣлена на меньшія части, то и тогда мы не могли бы заключать что она недѣлима, ибо хотя Онъ и сдѣлалъ часть эту столь малою что никакая тварь не въ состояніе ее раздѣлить, Онъ не могъ себя лишить силы такого раздѣленія, такъ какъ невозможно чтобы Онъ уменьшилъ свое всемогущество. Вотъ почему мы говоримъ что самомалѣйшая протяженная часть, какая можетъ быть въ мірѣ, всегда можетъ быть раздѣлена, ибо такова ея натура.“

Но есть одно преимущество атомистической теоріи обезпечившее основнымъ ея положеніямъ господство въ теоретическихъ соображеніяхъ позднѣйшихъ ученыхъ.

Для Декарта вся матерія однородна, частицы различаются по величинѣ, положенію, движенію, но со стороны матеріала, — въ такой степени безразличнаго что въ немъ усматривается одно только свойство имѣть протяженіе, то-есть занимать мѣсто, — тождественны между собою. Но какъ объяснить въ такомъ случаѣ ту замѣчаемую устойчивость и неизмѣнность частицъ которая не позволяетъ превращать тѣла одно въ другое, которая производитъ что вѣсовая матерія не можетъ сдѣлаться эфиромъ, эфиръ не становится вѣскою массой, изъ воды не образуется ртуть, изъ ртути золото, частица водорода остается водородомъ, то-есть тѣломъ извѣстныхъ свойствъ, находится ли она на землѣ или обнаруживаетъ себя свѣтовыми дѣйствіями въ спектроскопѣ направленномъ на солнце? Правда, вопросы эти не могли родиться въ эпоху Декарта въ той формѣ какую получили позднѣе и какую имѣютъ нынѣ. Ученіе о простотѣ и слож-

ности тѣлъ только зарождалось; преобразование металловъ казалось возможнымъ; различіе вещества тѣлъ (вѣсомая матерія) и вещества среды въ которой они помѣщены (эфиръ) не представлялось съ рѣзкостью и можно было говорить объ одинаковой плотности или тяжести планетъ и тѣхъ слоевъ междупланетной среды теченіемъ которыхъ онѣ, предполагалось, уносятся кругъ солнца; неистребимость вѣса или неизмѣняемость массы тѣлъ участвующихъ въ химическихъ операціяхъ, обнаруживающіяся сохраненіемъ ихъ общаго вѣса, не обратила еще на себя вниманія. Когда эти положенія утвердились, тогда атомистическое воззрѣніе допускающее нѣсколько разрядовъ первоначальныхъ атомовъ (недѣлимыхъ и неизмѣняемыхъ, имѣющихъ опредѣленную массу, чрезъ группировку и движенія которыхъ объясняются явленія природы) и рѣзко различающее атомы и ихъ промежутки, представилось наиболѣе разъясняющимъ природу матеріальныхъ вещей.

XI.

Доказательствомъ, впрочемъ, что атомистическія представленія принадлежатъ къ тому же кругу соображеній въ какомъ вращаются идеи Декарта, можетъ служить то обстоятельство что съ одной стороны атомистическое воззрѣніе соединимо съ идеей однородности матеріи: стоитъ допустить нѣсколько разрядовъ совершенно опредѣленныхъ, сохраняющихся неизмѣнными группировокъ атомовъ, сами по себѣ однородныхъ; съ другой стороны идея фактической недѣлимости и неизмѣняемости частицъ соединима съ картезианскими представленіями о наполненности пространствъ и однородности матеріи. Такое соединеніе можно видѣть въ новѣйшихъ гипотезахъ нѣкоторыхъ англійскихъ ученыхъ, идеи которыхъ о строеніи матеріи находятся въ прямомъ родствѣ съ физическими ученіями картезианской эпохи. Мы говоримъ о теоріи *вихрей-атомовъ* (vortex-atom) знаменитаго Томсона.

Томсонъ * принимаетъ что то „нѣчто“ чѣмъ наполнено пространство вселенной и что мы не имѣемъ права называть обыкновенною матеріей (хотя оно и обладаетъ коэстикостью) можетъ разсматриваться какъ нѣкоторая совершенная жидкость.

* Слѣдуемъ изложенію Тэта (Tait) *Vorlesungen über einige neue Fortschritte der Physik*, übers. v. Wertheim, 1877 года, стр. 244.

Въ этой однородной средѣ находятся во множествѣ малые вихри, изъ коихъ каждый имѣетъ всѣ свойства атома, если представимъ себѣ что строеніе его таково какъ строеніе круговоротовъ въ жидкой средѣ, возможность существованія которыхъ указана Гельмгольцемъ, давшимъ ихъ математическую теорію. Наглядное подобіе такихъ вихрей представляютъ кольца табачнаго дыма толчкомъ выбрасываемаго чрезъ круглое отверстіе изъ ящика имъ наполненнаго. Такіе вихри представляютъ собою нѣчто недѣлимое и нѣчто неизмѣнное, если предположить ихъ въ средѣ представляющей собою совершенную жидкость. Гельмгольцъ указалъ что такой кольцеобразный вихрь нельзя разсѣчь самымъ острымъ ножомъ и какъ бы быстро мы его ни приближали: кольцо удалится отъ ножа или обогнетъ его. Такіе недѣлимые вихри могутъ различаться между собою своими свойствами: величиной, скоростью движенія и т. д. Это элементарныя *вихри-атомы* вѣсомой матеріи. Среда въ которой они находятся можетъ дѣйствовать на нихъ и участвовать въ явленіяхъ благодаря еще мельчайшимъ вихрямъ, къ которымъ приходится прибѣгнуть чтобъ объяснять взаимодѣйствія вѣсомыхъ атомовъ. Это слѣдовательно какъ бы первоначальныя атомы матеріи съ разнообразіемъ ихъ свойствъ; это атомистическая матерія не требующая ни пустоты, ни абсолютной твердости недѣлимыхъ частицъ матеріи. Это атомистическая теорія въ томъ же смыслѣ въ какомъ атомистическою можетъ быть названа теорія Декарта. И для Декарта матерія есть совокупность протяженныхъ элементовъ которыхъ всѣ физическія свойства опредѣляются ихъ величиной, положеніемъ и движеніемъ. Превосходство идеи Томсона, совершенно картезианской въ своей основѣ, состоитъ въ разъясненіи недѣлимости первыхъ составныхъ частей матеріи и неизмѣнности ихъ разныхъ начальныхъ свойствъ, объясняющей какимъ образомъ атомъ водорода остается тѣмъ же, находится ли онъ на звѣздѣ, на солнцѣ, или въ Гейслеровой трубкѣ наблюдателя изучающаго спектръ этого газа.

Идея частичныхъ вихрей не новостъ въ картезианской физикѣ. Мальбраншъ представлялъ себѣ частицы втораго элемента Декартъ (маленькіе шарики, твердые согласно представленію Декарта *) какъ маленькіе вихри жидкой матеріи (*petits tourbillons d'une matière fluide*).

* Такъ по крайней мѣрѣ истолковываетъ представленіе Декарта Мальбраншъ (*Rech. de la ver.* 514, *примѣчаніе*).

Въ свою очередь Лейбницъ, не удовлетворенный Декартовымъ объясненіемъ твердости тѣла локоемъ его частей, допускаетъ, напротивъ, что связь частей тѣла сохраняется не локоемъ ихъ, а ихъ „согласнымъ движеніемъ“. „Два тѣла находящіяся одно около другаго не обнаруживаютъ никакого усилія чтобы остаться вмѣстѣ, касаются ли они одно другаго или не касаются. Но когда есть согласное движеніе (*mouvement conspirant*) въ ихъ частяхъ которое нарушается раздѣленіемъ, тогда, очевидно, требуется сила чтобы побѣдить это препятствіе“ (*Opera*, ed. Dutens. II, pag 2, p. 60).

ХІІ.

Гдѣ предѣлы вселенной? Имѣеть ли ихъ матеріальный міръ? Надлежитъ ли разсматривать вселенную какъ нѣкоторое ограниченное цѣлое внѣ котораго разстидается пространство съ его безконечнымъ протяженіемъ (воображаемаго пространства, *espace imaginaire*, какъ учили въ школахъ при Декартѣ)?

Безпредѣльность принадлежитъ пространству по существу его. Согласно ученію Декарта, гдѣ есть протяженіе—оно необходимо принадлежитъ нѣкоторой протяженной вещи, матеріи. Безпредѣльна слѣдовательно и матерія; матеріальный міръ необходимо есть нѣчто безграничное. Гдѣ бы ни поставить грань міру, то что за этою гранью, мы не можемъ мыслить иначе какъ нѣчто протяженное, а слѣдовательно матеріальное. „Гдѣ бы, говоритъ Декартъ (*Princ.*, II, 21), мы ни вообразили предѣлы вселенной, мы всегда можемъ вообразить внѣ ихъ пространство неопредѣленно простирающееся. И мы не только воображаемъ себѣ это пространство, но и ясно понимаемъ что такъ есть въ дѣйствительности какъ мы воображаемъ.“

Итакъ міръ безграниченъ. Но Декартъ предупреждаетъ не смѣшивать безграничнаго или неопредѣленнаго съ безконечнымъ.

„Кардиналь Куза, говоритъ онъ, и многіе другіе доктора предполагаютъ міръ беконечнымъ и по отношенію къ этому вопросу никогда не были неодобрены церковью; напротивъ, всѣ полагаютъ что представлять великимъ дѣло рукъ Божиихъ значить чтить Бога. Мое мнѣніе еще менѣе ихъ представляетъ трудностей; ибо я не говорю что міръ безконеченъ (*in fini*),

но только неограниченъ (indefini). Между тѣмъ и другимъ есть значительная разница: чтобы сказать что вещь безконечна, надо имѣть основаніе признавать ее таковою (avoir quelque raison qui la fasse connaitre telle); но чтобы сказать что она неограничена достаточно лишь не имѣть основанія указать ей границы. Такъ, мнѣ кажется, нельзя доказать или даже представить себѣ чтобы были границы матеріи изъ какой состоитъ міръ, ибо изучая природу вещества, я нахожу что оно состоитъ единственно въ его протяженіи въ длину, ширину и глубину, такъ что все имѣющее три измѣренія есть часть матеріи... Но допуская что міръ конеченъ, воображаютъ за предѣлами его нѣкоторыя пространства имѣющія три измѣренія и которыя такимъ образомъ не могутъ быть чисто воображаемыми, какъ называютъ ихъ философы, но должны содержать въ себѣ матерію... Не имѣя логичнаго никакаго основанія допустить, не имѣя возможности даже представить себѣ чтобы міръ имѣлъ границы, я называю его безграницнымъ, не имѣющимъ границъ, но не могу отрицать чтобы не было можетъ-быть какихъ-либо границъ извѣстныхъ Богу, но которыя для насъ совершенно непостижимы: вотъ почему я не говорю чтобы міръ былъ абсолютно безконеченъ.“ (Письмо къ Шаю, 1647, *Oeuvr.* X, 46.)

„Не будемъ утомлять себя спорами о безконечномъ, говоритъ Декартъ въ § 26 первой части *Началъ*; было бы нелѣпо еслибы мы, будучи существами конечными, стали опредѣлять нѣчто въ безконечномъ, стараясь такимъ образомъ его ограничить и понять (absurdum esset nos aliquid de infinito determinare atque sic illud quasi finire ac comprehendere conari). Не будемъ заботиться чтобы отвѣтить спрашивающимъ безконечна ли половина безконечной линіи, четно или нечетно безконечное число и тому подобное, ибо такіе вопросы, полагаю, должны разсматривать лишь тѣ кто воображаютъ умъ свой безконечнымъ“... „Настоящая безконечность, говоритъ далѣе (§ 27) Декартъ, принадлежитъ лишь Богу, какъ абсолютно совершенному существу... Что касается другихъ вещей, мы знаемъ что онѣ не абсолютно совершенны и если замѣчаемъ иногда въ нихъ свойства которыя, кажется, не имѣютъ предѣловъ, понимаемъ тѣмъ не менѣе что это происходитъ отъ недостатковъ нашего разумѣнія; а не отъ ихъ природы.“ *

* Переводимъ съ французскаго текста, гдѣ мысль выражена латинскими словами въ латинскомъ.

Различеніе безконечнаго и безграничнаго, * обращеніе къ свойствамъ нашего разумѣнія, къ нашей умственной организаціи, для выхода изъ противорѣчія равносильныхъ аргументовъ, свидѣтельствующихъ съ одной стороны о невозможности поставить границы міру, съ другой неотразимо склоняющихъ умъ мыслить о безграничномъ какъ о конечномъ, о мірѣ какъ въ некоторомъ опредѣленномъ цѣломъ—суть мысли заслуживающія вниманія. Для воображенія нѣтъ препятствія громоздить міры за мірами, представлять всю нашу вселенную однимъ атомомъ въ пространствѣ и допустить такихъ атомовъ безграничное число. Съ другой стороны, во всѣхъ научныхъ сужденіяхъ нашихъ матеріальный міръ представляется намъ какъ нѣкоторая всеобнимающая единица, внѣ которой или лучше сказать для которой другихъ такихъ единицъ не существуетъ. Мы трактуемъ даже о неизмѣнности запаса матеріи и энергіи въ этомъ цѣломъ, что очевидно не имѣетъ смысла въ приложеніи не только къ безконечному, но и къ безграничному. Чтобы быть послѣдовательными, мы должны признать міръ конечнымъ.

Въ нашу задачу не входитъ разбирать эти противорѣчія. Замѣтимъ только что въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ обыкновенно употребляется пріемъ налупинающій тотъ ложный пріемъ который въ ученіи о зрѣніи сильно препятствовалъ разъясненію вопроса какъ мы видимъ предметы въ прямомъ положеніи хотя изображеніе ихъ на ретинѣ рисуется вверхъ ногами. Актъ видѣнія представлялся нерѣдко какъ разсматриваніе картинки на ретинѣ помощію какъ бы другаго заласнаго у души глаза, причемъ забывалось что картинка эта существуетъ только для сторонняго наблюдателя имѣющаго средства посмотреть внутрь моего глаза; для меня же смотрящаго нѣтъ этой картинки, а есть извѣстное дѣйствіе на нервный аппаратъ глаза, благодаря которому вслѣдствіе нѣкоторой умственной операціи съ ея, по выраженію Гельмгольца, безсознательными заключеніями, возникаетъ предо мною представленіе внѣшняго міра. Подобнымъ образомъ въ сужденіяхъ о границахъ вселенной обыкновенно какъ бы предполагается существо способное

* Напомнимъ подобное различеніе, сдѣланное въ болѣе тѣсномъ смыслѣ Риманомъ, между *Unbegrenztheit* и *Unendlichkeit*. (*Abhandl. d. kgl. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen*, XIII, 1867; 147).

стать внѣ этой вселенной и явиться наблюдателемъ по ту сторону ограничивающей ее сферы. Для такого наблюдателя мѣръ можетъ быть единицей, атомомъ въ ряду многихъ. Для насъ же смотрящихъ со внутренней стороны нѣтъ такого выхода изъ вселенной, и воображая таковой мы дѣлаемъ такое же неподходящее сужденіе, какое дѣлали ученые разыскивавшіе почему душа не наблюдаетъ картину міра такъ какъ она рисуется на ретинѣ глаза. Если удалить сужденія этого рода, то нѣтъ противорѣчія въ мысли что мѣръ конеченъ и вмѣстѣ наполняетъ собою все пространство, такъ какъ безразлично въ какой точкѣ онъ находится. Различіе тутъ можетъ явиться только для стоящаго внѣ, каковаго нѣтъ и каковаго воображать есть ложный пріемъ сужденія.

Скажемъ болѣе. Въ идеѣ самого пространства лежитъ быть-можетъ идея ограниченія. Дѣйствительно сужденія о границахъ матеріальнаго міра въ великомъ и маломъ суть собственно сужденія о границахъ самого пространства: они построены на идеѣ безконечной дѣлимости пространства и его безграничности въ обѣ стороны отъ среднихъ, или конечныхъ размѣровъ, отъ которыхъ исходятъ наши о немъ свѣдѣнія. Наша геометрія конечныхъ величинъ допускаетъ возможность подобныхъ фигуръ въ большихъ и большихъ размѣрахъ до безконечности, а также въ меньшихъ и меньшихъ до безконечности; въ ней пространственныя отношенія не зависятъ отъ абсолютной величины протяженій; геометрія одна для большаго и для малаго. Но знаменитый математикъ Риманъ бросилъ замѣчательную мысль, можетъ-быть плодovitую въ будущемъ, что пространственныя отношенія въ безконечно большомъ и безконечно маломъ могутъ и не соответствовать положеніямъ служащимъ основаніемъ нашей геометріи. Но если допустить что нѣтъ такой независимости пространственныхъ свойствъ тѣла отъ его абсолютной величины, какую мы предполагаемъ, если принять что геометрическія аксіомы и положенія имѣютъ силу лишь подъ условіемъ среднихъ, конечныхъ величинъ, окружающаго насъ міра и должны быть преобразованы въ приложеніи къ міру громадно большихъ и міру громадно малыхъ величинъ, то многое можетъ-быть устраниться изъ того что нынѣ является невмѣстимымъ въ умѣ противорѣчіемъ. Вопросъ о смыслѣ и значеніи основныхъ положеній нашей геометріи одинъ изъ живыхъ вопросовъ современной науки.

Декартъ говорилъ о безгранично большомъ. Микроскопъ тогда не раскрылъ еще чудесъ безконечно малаго. Это не замедлило послѣдовать, и Мальбраншъ, приверженецъ Декарта, и Лейбницъ, послѣдователь многихъ его идей, высказываютъ сужденія въ которыхъ уже отражаются впечатлѣнія удивительныхъ открытій сдѣланныхъ помощью микроскопа. „Зрительныя стекла, говоритъ Мальбраншъ (*Rech. de la ver.*, p. 28), показываютъ животныхъ меньшихъ невидимой почти песчинки; усмотрѣны даже животныя въ тысячу разъ меньшія... Воображеніе теряется при видѣ такой поразительной малости... Наше зрѣніе ограничено, Идея какую доставляетъ оно намъ о пространствѣ имѣеть тѣсныя границы, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ чтобы пространство имѣло таковыя. Оно безгранично; и эта малая часть которая укрывается отъ нашихъ глазъ можетъ содержать міръ, въ которомъ находится столько же вещей въ пропорціонально меньшемъ видѣ сколько въ большомъ, гдѣ мы живемъ. Малыя животныя о которыхъ мы говоримъ имѣютъ можетъ-быть своихъ малыхъ животныхъ... Есть очевидныя математическія доказательства дѣлимости матеріи до безконечности. Этого достаточно чтобы вѣрить что могутъ быть животныя болѣе и болѣе малыя до безконечности, какъ бы воображеніе ни пугалось этой мысли.“ Микроскопъ показываетъ намъ міръ малыхъ животныхъ; почему должны мы думать что это послѣднія, малѣйшія изъ всѣхъ? „Напротивъ, гораздо болѣе вѣроятно что есть несравненно меньшія чѣмъ какія открыты. Микроскоповъ недоста-етъ малымъ животнымъ, а не малыхъ животныхъ микроскопамъ.“

„Въ малѣйшей части матеріи, говоритъ въ свою очередь Лейбницъ (въ *Монадологіи* §§ 66, 67), цѣлый міръ созданій, живыхъ, животныхъ, энтелехій, душъ. Каждая часть матеріи можетъ разсматриваться какъ садъ полный растеній, какъ прудъ наполненный рыбами. Но всякая вѣтвь растенія, всякій членъ животнаго, всякая капля его влаги олять такой же садъ и такой же прудъ.“

Затрудненія соединенныя съ такимъ представленіемъ устраивались для Лейбница его системой монадъ. Они входятъ въ только-что намѣченный нами вопросъ о безгранично большомъ и безгранично маломъ.

XII.

Указаніе истинныхъ законовъ движенія въ природѣ есть заслуга Галилея, который и признается потому основателемъ современной механики. Декарту принадлежитъ ученіе о *сохраненіи движенія*, не точно имъ выраженное, претерпѣвшее потомъ многократныя преобразованія въ трудахъ разныхъ ученыхъ, затѣмъ надолго оставленное въ тѣни и вновь возродившееся въ новѣйшее время въ формѣ оказавшагося столь плодотворнымъ ученія о *сохраненіи энергіи*.

Понятно что въ философіи природы основанной на механическихъ началахъ, какова философія Декарта, * раскрытіе основныхъ законовъ движенія имѣеть существенное значеніе, и Декартъ посвящаетъ этому предмету значительное число параграфовъ во второй книгѣ *Началь*, не указывая, по обыкновенію, что почерпнуто имъ изъ собственныхъ соображеній и что заимствовано изъ соображеній и опытовъ другихъ (собственныхъ опытовъ по вопросу о сообщеніи движенія Декартъ, по видимому не производилъ).

Эта черта Декарта заслуживаетъ вниманія. Предпринявъ перестройку съ основанія научнаго зданія, Декартъ какъ бы отказался отъ своихъ предшественниковъ, охотно выставляя на видъ презрѣніе къ ученію изъ книгъ и въ увлеченіи своею методой,—которая казалась ему единственно способною на всѣхъ путяхъ вести умъ къ открытію истины, насколько умъ къ тому способенъ,—былъ склоненъ не давать цѣны чужимъ открытіямъ, видѣть въ нихъ общую собственность или свою мысль по-чему-либо не осуществленную, и даже ощущать нѣкоторое неудовольствіе при достиженіи результатовъ инымъ путемъ и другими. Еще въ молодости (въ 1630 году), до изданія сочиненія доставившаго ему славу, Декартъ, узнавъ что старшій Бекманъ, голландскій ученый съ которымъ онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ, выставляетъ себя учителемъ молодаго французскаго философа и говоритъ о немъ какъ о способномъ своемъ ученикѣ, написалъ къ Бекману гордое и рѣзкое общи-

* Для Декарта задача, опредѣлить „когда, какъ и насколько движеніе всякаго тѣла можетъ измѣняться въ направленіи, увеличиваться или уменьшаться“ обнимаетъ всѣ явленія природы.

тельное письмо. „Обратите вниманіе, пишетъ онъ между прочимъ (*Oeuvr.* VI, 148), чему одно лицо можетъ выучиться отъ другаго и вы убѣдитесь что это — языки, исторія, олыты убѣждающіе умъ и доказательства подобныя геометрическимъ. Что касается мнѣній и философскихъ правилъ, высказывать ихъ не значитъ обучать. Платонъ говоритъ одно, Аристотель другое, Эликуръ третье, Телезій, Кампанелла, Бруно, Бассо, Ванани и всѣ новаторы говорятъ каждый разныя вещи. Кто изъ всѣхъ ихъ обучаетъ, не говорю меня, но кого бы то ни было любящаго мудрость? Безъ сомнѣнія тотъ кто можетъ первый убѣдить своими доводами или по крайней мѣрѣ своимъ авторитетомъ. И если кто-нибудь, не вслѣдствіе подчиненія авторитету и не вслѣдствіе доводовъ узанныхъ отъ другихъ, убѣдился въ какой-нибудь вещи, то хотя бы онъ и слышалъ что и другіе утверждаютъ то же, изъ этого не слѣдуетъ чтобы эти другіе его тому научили. Даже можетъ быть что онъ узналъ это будучи подвигнутъ истинными доводами, тогда какъ другіе о томъ истиннаго знанія не имѣли, хотя и того же были убѣжденія, ибо дѣлали выводы изъ ложныхъ началъ... Смѣшно и нахально забавляться, какъ дѣлаете вы, разбирая въ области науки что ваше и что не ваше, какъ будто бы дѣло шло о владѣніи землей или деньгами. Если вы знаете что-нибудь, это что-нибудь вполне принадлежитъ вамъ, хотя бы вы научились тому отъ другаго. Почему же, въ силу какого права, или лучше сказать вслѣдствіе какого болѣзненнаго состоянія вы не можете терпѣть чтобы другіе, зная то же что вы, могли сказать что это имъ принадлежитъ?“ „Декартъ, говоритъ Лейбницъ (въ письмѣ къ Bouguet, *Opera philosophica*, ed. Erdmann, Berlin, 1840, стр. 722), хотѣлъ чтобы думали что онъ ничего не читалъ. Это уже слишкомъ. Весьма важно изучать открытія другихъ такъ чтобы раскрылся источникъ изобрѣтенія, и ово такимъ образомъ слѣдалось нашею соботвенностью.“*

Отношеніе Декарта къ чужимъ трудамъ особенно характеристично выражается въ его сужденіяхъ о сочиненіяхъ Гали-

* „Желательно, прибавляетъ Лейбницъ, чтобы авторы излагали исторію своихъ открытій и пути какими ихъ достигли. Если они не дѣлаютъ этого, надо стараться это угадать, дабы лучше пользоваться ихъ сочиненіями. Еслибы журналисты дѣлали это въ своихъ разборахъ книгъ, они оказали бы большую услугу публикѣ.“

лея. Въ письмѣ къ отцу Мерсенну (въ августѣ 1634 года, *Oeuvr.* VI, 247), онъ говоритъ что получивъ отъ знакомаго ученаго книгу Галилея (*Разговоръ о системѣ міра*) въ субботу вечеромъ, онъ долженъ былъ въ понедѣльникъ утромъ воротить ее, такъ что имѣлъ ее въ рукахъ только тридцать часовъ. „Тѣмъ не менѣе, лишетъ онъ, я перелистывалъ ее всю и нахожу что Галилей довольно хорошо разсуждаетъ о движеніи... но, сколько я могъ замѣтить, у него болѣе встрѣчается недостатковъ тамъ гдѣ онъ слѣдуетъ принятымъ мнѣніямъ, чѣмъ гдѣ отъ нихъ удаляется, исключая однако же того что говоритъ о приливахъ и отливахъ: я объясняю эти явленія совсѣмъ иначе, хотя какъ и онъ поставляю ихъ въ зависимость отъ движенія земли. Тамъ и самъ я не пропустилъ замѣтить нѣкоторыя изъ моихъ мыслей, между прочимъ двѣ о которыхъ кажется писалъ вамъ, а именно что пространства какія пробѣгаютъ тяжелыя падающія тѣла относятся между собою какъ квадраты временъ употребляемыхъ на прохожденіе... Я выражаю это, впрочемъ, съ большими ограниченіями, ибо законъ этотъ на дѣлѣ никогда не бываетъ вполне справедливъ, какъ Галилей думаетъ это доказать. Второе, что размахи данной струны всѣ происходятъ въ равныя почти времена хотя бы были одни гораздо больше другихъ.“ Такъ легко относился Декартъ къ такимъ замѣчательнымъ открытіямъ Галилея * какъ законъ паденія тѣлъ и несохронность малыхъ качаній. Нѣсколько прежде, узнавъ отъ отца Мерсенна объ опытахъ Галилея для подтвержденія важнаго закона механики (второй

* Въ письмахъ къ отцу Мерсенну Декартъ нѣсколько разъ касается вопроса о законахъ паденія тѣлъ (*Oeuvr.* VI, стр. 70, 75, 216), правильно разбираетъ значеніе сопротивленія воздуха, но не даетъ истиннаго закона паденія въ пустотѣ. Онъ утверждаетъ что тѣло падающее съ высоты 50 футовъ, первые 25 футовъ проходить во время которое втрое болѣе времени употребляемого для прохожденія остальныхъ 25 футовъ, что не вѣрно. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ что дѣйствіе тяжести нельзя считать одинаковымъ во всѣ моменты паденія, ибо, говоритъ онъ, „всѣ естественныя силы оказываютъ болѣе или меньшее дѣйствіе, смотря потому болѣе или менѣе расположенъ предметъ принять ихъ дѣйствіе. Камень не одинаково расположенъ принять новое движеніе или увеличеніе скорости, когда онъ уже двигается съ большою скоростью, или когда онъ движется очень медленно.“ Заключение противорѣчащее второму закону движенія.

законъ движенія), что всѣ относительныя движенія на движущемся равномерно и прямолинейно предметѣ происходятъ такъ какъ еслибы предметъ этотъ былъ въ покоѣ, Декартъ писалъ: „Что касается сообщаемыхъ вами опытовъ Галилея, я ихъ всѣ отрицаю, хотя и не считаю отъ того движеніе земли менѣе вѣроятнымъ. Это не значитъ чтобъ я не признавалъ что движеніе телѣги, судна или лошади пребываетъ известнымъ образомъ въ камнѣ послѣ того какъ онъ брошенъ будучи на этихъ предметахъ; но есть другія причины мѣшающія чтобы движеніе это пребывало во всей величинѣ, а что касается пушечнаго ядра выпаленнаго на верху башни, то оно должно употребить много болѣе времени чтобы достичь земли, чѣмъ когда оно падаетъ прямо сверху внизъ, ибо оно болѣе встречаетъ воздуха на пути, мѣшающаго ему не только идти параллельно горизонту, но и слускаться.“ Декартъ, повидимому, не принималъ въ соображеніе что и Галилею хорошо было известно вліяніе сопротивленія воздуха, и онъ говоритъ о явленіяхъ въ предположеніи что сопротивленіемъ воздуха можно пренебречь и объ опытахъ производимыхъ въ такихъ условіяхъ когда сопротивленіе не оказываетъ замѣтнаго вліянія.

Въ 1638 году Декартъ возвращается къ сочиненіямъ Галилея и въ письмѣ къ отцу Мерсенну дѣлаетъ замѣчанія на новую книгу Галилея (*Разговоры о механикѣ*, изданныя въ этомъ году Эльзевиромъ въ Лейденѣ). Декартъ находитъ что Галилей дѣлаетъ непрерывныя отступленія и не останавливается достаточно ни на одномъ изъ трактуемыхъ предметовъ. „А это доказываетъ что онъ не изслѣдовалъ ихъ по порядку, и не принимая въ соображеніе первыхъ причинъ природы, искалъ объясненія нѣкоторыхъ только отдѣльныхъ явленій и потому строилъ безъ основанія...“ „Относительно Галилея,—заключаетъ Декартъ свой разборъ, не представляющій какихъ-либо существенныхъ замѣчаній,—скажу вамъ что никогда его не видалъ, не въ какихъ сношеніяхъ съ нимъ не былъ и слѣдовательно не могъ бы ничего отъ него заимствовать. Да и не вижу ничего въ его книгѣ что возбуждало бы во мнѣ зависть и почти ничего что желалъ бы признать своимъ“ (*Oeuvr.* VII, 443).

XIII.

Декартъ принимаетъ три закона движенія или, какъ онъ называетъ ихъ, три закона природы. Первый законъ—всякая вещь остается въ состоянїи въ какомъ есть, пока ничто этого состоянїя не измѣняетъ. „Если часть матерїи четверугольна, она и остается четверугольною пока что-либо не перемѣнитъ ея фигуру; если она въ покоѣ, то сама собою не приходитъ въ движеніе, а если разъ находится въ состоянїи движенія, мы не имѣемъ никакого основанія думать чтобъ она когда-либо должна была остановиться пока не встрѣтитъ чего-либо замедляющаго и останавливающаго ея движенія.* Второй законъ—всякое тѣло стремится продолжать движеніе по прямой линїи. Тѣло привязанное на нити, конецъ которой наблюдатель держитъ въ рукѣ, и приведенное во вращеніе тянетъ нить и если оборветъ ее, удаляется по касательной линїи къ описываемой кривой въ точкѣ соответствующей моменту разрыва.

Положенія заключающіяся въ этихъ двухъ законахъ входятъ и нынѣ въ кругъ истинъ механики. Иной характеръ третьяго закона Декарта. Законъ этотъ находится въ связи съ его ученїемъ о сохраненїи движенія. По первоначальной редакціи въ сочиненїи *О мирѣ* (изданномъ уже по смерти Декарта, но набросанномъ еще прежде изданїя *Разсужденїя о методѣ*), законъ этотъ (названный тамъ вторымъ) выражался такъ: „Когда одно тѣло толкаетъ другое, оно не можетъ дать ему нисколько движенія не потерявъ столько же своего, ни отнять у другаго движенія безъ того чтобы настолько же не увеличилось его собственное (*Oeuvr.*, IV, 256). Въ письмѣ 1639 года, надписанномъ, въ изданїи писемъ Декарта, à Monsieur*** (какъ полагаетъ Кузенъ M. de Beauve) находимъ (*Oeuvr.* VIII, 122) слѣдующее поясненїе этого закона: „Я принимаю, пишетъ Декартъ, что во всей созданной матерїи есть извѣстное количество движенія, которое никогда не увеличивается, ни уменьшается, и такимъ образомъ если одно тѣло приводитъ въ движеніе другое, то теряетъ столько своего движенія сколько его сообщаетъ. Такъ если камень падаетъ съ высокаго мѣста на землю, то въ случаѣ когда онъ не отскакиваетъ, а останавливается, я доускаю что онъ

колебаетъ землю и передаетъ ей свое движеніе. Но такъ какъ часть земли приведенная въ движеніе въ тысячу, напримѣръ, разъ содержитъ болѣе матеріи, чѣмъ сколько заключается въ камнѣ, то передавъ все свое движеніе, онъ можетъ сообщить только въ тысячу разъ меньшую скорость. Когда два неравныя тѣла получаютъ одно столько же движенія какъ другое, то равное количество движенія не сообщаетъ большому такую же скорость какъ меньшему. Поэтому можно сказать что чѣмъ болѣе тѣло содержитъ матеріи, тѣмъ болѣе его естественная инерція. * Эти сами по себѣ здравыя механическія положенія въ дальнѣйшемъ развитіи ихъ Декартомъ, вслѣдствіе главнымъ образомъ отсутствія яснаго представленія о массѣ, привели его къ заключеніямъ несогласнымъ съ истинными механики. Уже въ упоминаемомъ письмѣ онъ присоединяетъ къ приведеннымъ словамъ замѣчаніе заключающее въ себѣ заблужденіе. „Къ этому должно прибавить, говоритъ онъ, что большое тѣло легче можетъ передавать свое движеніе другимъ тѣламъ, чѣмъ малое, и труднѣе можетъ быть приведено ими въ движеніе, такъ что есть инерція зависящая отъ количества матеріи и другая зависящая отъ протяженія поверхности тѣла.“

Въ *Началахъ* разсматриваемый законъ является въ новой формѣ, уже совсѣмъ удаляющейся отъ истинныхъ положеній механики и данной Декартомъ въ связи съ его ученіемъ объ ударѣ, представляющемъ произвольныя противорѣчащія опыту выводы изъ допущенныхъ аргіогі положеній. „Если, говоритъ Декартъ (*Princ.* II, § 40), тѣло встрѣчаетъ другое и если оно имѣетъ менѣе силы чтобы продолжать движеніе, чѣмъ встрѣчаемое имъ чтобы ему сопротивляться, оно измѣняетъ свое направленіе не теряя ничего изъ своего движенія **, а если имѣетъ больше силы, то двигаетъ съ собою это встрѣчае-

* Не задолго въ письмѣ къ Мерсенну, (въ 1638) Декартъ говоритъ (*Oeuvr.* VIII, 37): „Я не признаю никакой инерціи или естественной косности въ тѣлахъ.“ Въ этомъ мимоходомъ сказанномъ выраженіи нельзя впрочемъ видѣть свидѣтельства перемѣны воззрѣній Декарта, можно полагать что рѣчь здѣсь идетъ о косности въ смыслѣ естественнаго стремленія тѣла къ покою, какого не признавалъ Декартъ.

** *Deflectitur in aliam partem et motum suum retinendo solam motus determinationem amissit; perd sa determination sans rien perdre de son mouvement.*

мое тѣло и теряетъ столько своего движенія сколько его передаетъ.“ Такимъ образомъ, согласно Декарту, твердое движущееся тѣло встрѣчая другое большее сравнительно съ нимъ, твердое и неподвижное, должно отразиться съ полною своею скоростью, не двинувъ вовсе покоящагося. „Но если встрѣчаемое тѣло мягкое, то ударяющее останавливается, передавая все свое движеніе.“ Странность перваго заключенія, такъ не согласнаго съ опытомъ, остановила вниманіе ближайшихъ послѣдователей Декарта и подала поводъ къ основательнымъ возраженіямъ. Какъ поясняетъ Мальбраншъ (*Recherche de la verité, Oeuvr. edit. Charpentier 1842, t. II, 602*), допущеніе что „большія тѣла всегда сообщаютъ свое движеніе встрѣчаемымъ малымъ, малыя же отражаются безъ потери своего движенія“ требовалось Декарту чтобы сохранить въ его первомъ элементѣ сравнительно со вторымъ и во второмъ сравнительно съ третьимъ тотъ запасъ движенія который онъ приписывалъ этимъ элементамъ, частицы которыхъ находятся въ непрерывномъ движеніи. При такомъ допущеніи „большія тѣла всегда должны имѣть менше движенія чѣмъ равный объемъ малыхъ, ибо большія всегда могутъ передать свое движеніе, а не всегда могутъ принять его отъ малыхъ.“ Замѣтимъ мимоходомъ что различеніе двоякаго запаса движенія, съ допущеніемъ что одинъ изъ нихъ способенъ истощаться, имѣетъ нѣкоторую аналогію, если не по точному смыслу, то по приему соображеній, съ новѣйшимъ раздѣленіемъ (Томсонъ) запаса энергіи во вселенной на энергію тѣлъ разной температуры, производящую разнообразіе явленій, но постепенно истощающуюся, и на энергію тепловаго обмѣна, количественно возрастающую, но не способную порождать иныя явленія и грозящую природѣ концомъ или прекращеніемъ игры явленій.

Перейдемъ ближе къ Декартову ученію объ ударѣ.

XIV.

Ученіе объ ударѣ слабая сторона механики Декарта; выведенныя имъ заключенія рѣзко не согласны съ опытомъ и Декартовы объясненія этого разногласія тѣмъ что наблюдаемыя явленія столкновеній происходятъ въ средѣ окружающей тѣла состоящей въ свою очередь изъ быстро движущихся частицъ

и участвующей въ явленіи, тогда какъ теоретическія правила относятся къ случаямъ идеальнаго характера, не удовлетворяютъ читателя. Декартъ явно самъ колебался въ своихъ теоретическихъ соображеніяхъ, и какъ мы уже отчасти видѣли, то допускалъ сообщеніе движенія отъ меньшаго тѣла большому, то принималъ что малое тѣло съ какою бы быстротою ни ударило большее, отражается не передавъ ему нисколько движенія.

Вообще Декартъ училъ: „Если два твердыя тѣла, совершенно равныя, движутся съ равною скоростью одно противъ другаго, то послѣ столкновенія они взаимно отбрасываются и возвращаются съ прежнею скоростью каждое въ ту сторону откуда пришло“ (первое правило). Если одно изъ встрѣчающихся такимъ образомъ тѣлъ *хотя сколько-нибудь* болѣе другаго, то отражается только меньшее, оба тѣла идутъ не разставаясь и съ прежнею скоростью въ ту сторону куда направлено движеніе большаго (второе правило).

Странно, какъ не остановило Декарта то обстоятельство что по его правилу малѣйшая разница величины тѣлъ должна произвести такое существенное измѣненіе явленія; шаровъ абсолютно равныхъ нѣтъ; первый случай не могъ бы слѣдовательно наблюдаться въ природѣ.

Если изъ двухъ встрѣчающихся равныхъ тѣлъ одно А имѣетъ большую скорость чѣмъ В, то отразится только В, и тѣла пойдутъ вмѣстѣ со скоростью равною меньшей скорости люсъ половина избытка большей скорости надъ меньшею (третье правило). Меньшее тѣло съ какою бы скоростью ни встрѣтило другое большее находящееся въ покоѣ („то-есть не только не имѣющее кажущагося движенія, но и не окруженное воздухомъ или какою жидкостью“) отражается съ своею скоростью, не сообщивъ большому никакого движенія (четвертое правило.) Но если ударяющее тѣло болѣе ударяемаго находящагося въ покоѣ, оно увлечетъ послѣднее, и оба пойдутъ съ равною скоростью, полученною отъ распредѣленія первоначальной къ двумъ тѣламъ соотвѣтственно ихъ величинѣ (пятое правило). Шестое правило относится къ случаю столкновенія равныхъ тѣлъ изъ коихъ одно въ покоѣ (ударяющее передастъ четверть своей скорости ударяемому, а само съ остальною скоростью отразится); седьмое—къ случаю настиженія однимъ другаго тѣлъ движущихся въ одномъ направленіи.

Мы не станемъ разбирать правилъ Декарта, укажемъ только на тѣ обстоятельства которыя объясняютъ его заблужде-

нія. Прежде всего надлежитъ обратить вниманіе что Декартъ не дѣлаетъ различенія тѣлъ,—имѣющаго какъ потомъ оказалось существенное значеніе въ ученіи объ ударѣ,—на упругія и неупругія. Декартъ различаетъ тѣла *твердыя* и *мягкія*, относя выведенные законы къ тѣламъ перваго разряда. Явленія упрукости, какъ мы упоминали, Декартъ объясняетъ дѣйствіемъ тонкой среды ломѣщающейся въ порахъ тѣлъ, и упрукость не имѣетъ для него значенія свойства болѣе или менѣе общаго всѣмъ тѣламъ. Первое правило объ отраженіи сталкивающихся тѣлъ есть правило относящееся къ *упругимъ* тѣламъ. Упрукость, возстановляя измѣнившуюся отъ столкновенія форму встрѣтившихся тѣлъ и дѣйствуя при этомъ для каждаго изъ тѣлъ въ сторону противоположную его первоначальному движенію, является физическою причиною отраженія. Для Декарта отраженіе должно имѣть мѣсто въ абсолютно твердыхъ тѣлахъ, то-есть такихъ форма которыхъ неизмѣняема, и должно происходить не отъ явной физической причины, а въ силу того чтобы не нарушился законъ о количествѣ движенія, слѣдовательно въ силу причинъ не матеріальнаго порядка и дѣйствіемъ которое надлежало бы признать чудеснымъ (такъ и учили нѣкоторые послѣдователи Декарта распространявшіе на ученіе о сообщеніи движенія теорію причинъ-поводовъ, *des causes occasionnelles*). * Дальнѣйшіе испытатели, примѣняясь къ опыту, пришли къ заключенію, что два абсолютно твердыя равныя тѣла, не имѣющія упрукости, должны уничтожить одно движеніе другаго и остановиться при встрѣчѣ. Отсюда должно слѣдовать что законъ сохраненія движенія не можетъ примѣняться въ той формѣ какъ примѣнялъ его Декартъ и что количества движенія двухъ идущихъ одно противъ другаго тѣлъ должны приниматься имѣющими противные знаки и дающими въ суммѣ нуль въ случаѣ равенства: два равныя противоположныя дѣйствія должны уничтожаться. Но тогда очевидно законъ неистребимости движенія былъ бы нарушенъ. Въ стремленіи избѣжать этого нарушенія Декартъ былъ правъ, и фикція тѣлъ абсолютно твердыхъ и неупругихъ не болѣе имѣетъ значенія какъ и его раздѣленіе тѣлъ. Всякое тѣло гдѣ законъ отраженія не оправдывается есть для Декарта мягкое тѣло, то-есть такое частицы котораго находятся въ большемъ или меньшемъ движеніи.

* Fontenelle, *Oeuvr.* III, 87. Paris, 1825.

Другой источникъ заблужденій Декарта въ ученіи объ ударѣ есть отсутствіе идеи массы и допущеніе что инерція данной покоящейся части матеріи (твердое тѣло Декарта) есть нѣчто перемѣнное, зависящее отъ объема, поверхности, состоянія движенія тѣла. Вполнѣ ясныхъ представленій о значеніи этой инерціи у Декарта не было.

Наконецъ, заблужденіяжъ Декарта содѣйствовало то обстоятельство что всѣ данныя имъ правила относятся къ идеальнымъ случаямъ не осуществимымъ на опытѣ. Онъ признаетъ что въ природѣ явленія должны происходить иначе, ибо въ природѣ всѣ тѣла находятся погруженными въ жидкой средѣ непрерывно, со всѣхъ сторонъ ударяющей въ него своими мельчайшими движущимися частицами. Тѣло въ природѣ, учить Декартъ, есть какъ бы поплавокъ взвѣшанный въ жидкости, которая можетъ увлекать его своимъ теченіемъ и въ которой оно уравновѣшено такъ что малой силы достаточно чтобы привести его въ движеніе, подобно грузу лежащему на чашкѣ вѣсовъ и уравновѣшенному тяжестью положенною на другой чашкѣ. Въ какихъ условіяхъ должны бы находиться тѣла чтобы на нихъ оправдывались придуманныя имъ правила движенія, этого Декартъ съ ясностью не указываетъ.*

* Для уясненія соображеній руководившихъ Декартомъ при составленіи правилъ удара заслуживаетъ вниманія письмо Декарта къ Клерсеае (*Oeuvr.* IX, 195), выразившему недоумѣніе по поводу страннаго четвертаго правила, согласно которому тѣло А съ какою бы скоростью ни налетѣло на покоящееся тѣло В не можетъ, если это В сколько-нибудь болѣе А, сдвинуть его съ мѣста, а отражается отъ него съ полною своею скоростью. Декартъ поясняетъ что покоящееся тѣло не есть тѣло отдѣльно помѣщенное и окруженное воздухомъ, а тѣло „составляющее часть другаго твердаго большаго“ (земли, напримѣръ, какъ указываетъ Декартъ въ другомъ письмѣ къ отцу Мерсенну, приведенномъ въ томѣ VIII, 233). Тѣло въ воздухѣ не можетъ разсматриваться покоящимся въ томъ смыслѣ какъ требуетъ правило. Окружающія частицы воздуха непрерывно стѣсняются и следовательно поверхность тѣла приходитъ въ прикосновеніе все съ разными тѣлами, „а когда поверхности двухъ тѣлъ раздѣляются, то все чтó есть положительнаго въ природѣ движенія одинаково присутствуетъ какъ въ томъ изъ нихъ о которомъ обыкновенно говорятъ что оно движется, такъ и въ томъ о которомъ говорить что оно не движется“. Эти разсужденія указываютъ какіе фиктивные случаи имѣлъ въ виду Декартъ при составленіи своихъ правилъ и какая двусмысленность соединилась въ его представленіи о движущемся и покоящемся тѣлѣ. Вообще о результатахъ столк-

Какъ ни много заблужденій заключается въ ученіи Декарта объ ударѣ, тѣмъ не менѣе постановка вопроса объ этомъ явленіи въ томъ объемѣ какъ это сдѣлано Декартомъ имѣла очень важное значеніе въ наукѣ. Всѣ физическія явленія суть преобразование движенія, движеніе же, учитъ Декартъ, происходитъ отъ двухъ причинъ — первоначальной, породившей его въ природѣ: это есть непосредственное проявленіе божественной воли, и вторичной, которою опредѣляются всѣ его преобразования и которая есть сообщеніе движенія отъ однихъ тѣлъ другимъ вслѣдствіе ихъ взаимнаго столкновенія. Точокъ, ударъ, даваніе, увлеченіе, потокъ—вотъ, согласно Декарту, источники силы въ природѣ, ближайшія физическія причины явленій. Въ законахъ сообщенія движенія при столкновеніи тѣлъ ключъ объясненія всѣхъ физическихъ явленій. Этою идеей на долгое время опредѣлился характеръ физическихъ теорій, и уже долго спустя послѣ того какъ великіе результаты были добыты помощью противоположной идеи (дѣйствіе на разстояніи, Ньютоніанское притяженіе) увлекательная простота идеи о сообщеніи движенія чрезъ ударъ побуждала въ ней видѣть истинный путь къ объясненію явленій. „Разъ удалившись, говоритъ Кювье въ своей *Исторіи успѣховъ естествознанія*, отъ явленія удара мы не имѣемъ болѣе ясной идеи объ отношеніяхъ между причиной и дѣйствіемъ. Все приводится къ тому чтобы собирать частные факты и искать общія положенія которыя обнимали бы наибольшее ихъ число. Въ этомъ состоятъ всѣ физическія теоріи и до какой бы обширности ни довели мы каждую изъ нихъ, имъ недостаетъ еще многого, если онѣ не сведены къ законамъ удара, которые одни могутъ преобразовать ихъ въ настоящія объясненія явленій.“ Эйлеръ выводилъ происхожденіе силы изъ непроницаемости, вслѣдствіе которой тѣло не можетъ проникнуть въ

новенія Декартъ, какъ видно изъ письма къ Клерселье, дѣлалъ свои заключенія такимъ образомъ: бралъ сумму количествъ движенія до удара (всѣ скорости принимая съ положительнымъ знакомъ); ставилъ требованіе чтобъ и послѣ удара такимъ же образомъ разчитываемая сумма количествъ движенія оставалась равною первой и изъ возможныхъ способовъ удовлетворить этому требованію выбиралъ такой при которомъ переменна въ состояніи столкнувшихся тѣлъ представлялась ему *наименьшею* (ce changement est toujours le moindre qui puisse être). Въ этомъ можно видѣть зародышъ правила о наименьшемъ дѣйствіи.

мѣсто занимаемое другимъ тѣломъ и должно оказать на него дѣйствіе. Къ такому непосредственному сообщенію движенія, какъ первообразному явленію нѣкоторые ученые охотно возвращаются и нынѣ, желая подобно Секку постройть физику не прибѣгая къ дѣйствіямъ на разстояніи.

Несостоятельность законовъ удара данныхъ Декартомъ обнаружилась скоро. Явленія удара сдѣлались предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій, и когда Лондонское Королевское Общество поставило на очередь задачу о законахъ удара, трое ученыхъ, Гюгенсъ, Рень (Wren) и Валлисъ (Wallis) дали удовлетворительныя ея разрѣшенія и указали истинныя формулы какими рѣшается вопросъ объ ударѣ упругихъ и неупругихъ тѣлъ.

XV.

Оригинальную и въ этомъ отношеніи наиболѣе важную часть Декартова ученія о движеніи составляетъ, какъ уже было упомянуто, его идея о сохраненіи вложеннаго въ матеріальный міръ запаса движенія, остающагося постояннымъ въ своемъ количествѣ несмотря на многообразныя преобразованія. „Энергія движенія (la vertu ou la puissance de se mouvoir) можетъ переходить или вполнѣ или частью отъ одного тѣла въ другое, но не можетъ исчезнуть изъ міра“, училъ Декартъ (*Monde, Oeuvr. IV, 224*), высказывая мысль заключающую въ себѣ зародышъ современнаго ученія о сохраненіи энергии въ природѣ.

Необходимость сохранения запаса движенія во вседенной Декартъ выводитъ изъ соображеній метафизическаго характера, въ § 36 второй книги *Началъ*, озаглавленномъ: „Что Богъ есть первая причина движенія и что Онъ сохраняетъ всегда одинаковое количество онаго въ природѣ.“ „Изслѣдовавъ натуру движенія“, говоритъ Декартъ, „укажемъ его причины, и вопервыхъ общую и начальную причину всѣхъ движеній въ природѣ, а потомъ частную, вслѣдствіе коей отдѣльныя части матеріи приобрѣтаютъ движеніе какого не имѣли. Что касается первой, то мнѣ кажется очевиднымъ что таковою можетъ быть не иное что какъ самъ Богъ, создавшій въ началѣ матерію вмѣстѣ съ движеніемъ и локоемъ и сохраняющій во вседенной Своимъ обыкновеннымъ содѣйствіемъ столько движенія и локоя сколько вложилъ первоначально. Ибо хотя движеніе есть только способъ бытія (*modus*,

une façon en la matière qui est mue) движимой матеріи, она имѣетъ его однако извѣстное количество, которое никогда не увеличивается, ни уменьшается, хотя въ отдѣльныхъ частяхъ бываетъ его то больше, то меньше. Потому, когда одна часть матеріи движется вдвое быстрее чѣмъ другая, но эта другая вдвое за то больше первой, мы должны принимать что въ малой столько же находится движенія какъ въ большой, и что всякій разъ какъ движеніе какой-нибудь части уменьшается, движеніе въ которой другой должно соответственно увеличиваться. Мы знаемъ что совершенство Божіе состоитъ въ томъ что Богъ не только не измѣняемъ въ самомъ себѣ, но и дѣйствуетъ неизмѣннымъ и постояннымъ образомъ, и кромѣ измѣненій какія наблюдаемъ въ мірѣ и тѣхъ въ кои вѣримъ согласно божественному откровенію,—и кои разумѣемъ происходящими безо всякаго измѣненія въ Создателѣ,—мы не должны предполагать иныхъ въ Его твореніи, дабы не приписать Ему непостоянство. Такимъ образомъ изъ того что Богъ привелъ при созданіи части матеріи въ разнообразныя движенія, сохраняетъ всю эту матерію тѣмъ же способомъ и съ тѣми же законами какіе предписалъ при созданіи, слѣдуетъ что Онъ сохраняетъ въ ней постоянно одинаковое количество движенія.“

Декартъ, какъ видно изъ приведеннаго параграфа, не называетъ прямо количествомъ движенія произведеніе *массы* тѣла на его скорость: понятіе *масса* въ смыслѣ измѣряемаго вѣсомъ количества матеріи отсутствуетъ у Декарта. Онъ говоритъ о *величинѣ* тѣла. Что значитъ эта величина остается въ ученіи Декарта гипотетическимъ, ибо за такую надлежало бы принимать мѣсто занимаемое частицами тѣла за вычетомъ того что наполняетъ ихъ промежутки или же говорить объ идеальномъ случаѣ насквозь твердаго тѣла въ смыслѣ покоящейся части пространства. Впрочемъ, когда дѣло идетъ объ ударѣ однородныхъ тѣлаъ, двухъ на примѣръ шаровъ одинаковаго матеріала, какъ обыкновенно и предполагается, то оравненіе ихъ объема или вѣса очевидно есть сравненіе ихъ величины. Потому опредѣленіе количества движенія какъ произведенія *массъ* на скорость вполнѣ согласно съ идеей Декарта и немедленно вошло въ употребленіе. Правило Декарта требуетъ чтобы сумма количествъ движеній ударяющихся тѣлаъ, составленная не принимая во вниманіе знаки движенія, не считая слѣдовательно скоростей движущихся одно противъ другаго тѣлаъ за имѣющія противоположныя знаки,

должна равняться подобнымъ же образомъ составленной суммѣ количествъ движеній тѣлъ послѣ удара. Не трудно было убѣдиться, при повѣркѣ положенія опытомъ, что такое правило не оправдывается ни въ случаѣ неупругихъ, ни въ случаѣ упругихъ тѣлъ. Вместе съ тѣмъ обнаружилось что сумма сохраняетъ постоянную величину если принять во вниманіе знакъ скоростей. Но тогда положеніе о сохраненіи движенія очевидно утрачиваетъ значеніе какое давалъ ему Декартъ: одно количество движенія можетъ уничтожаться другимъ (правило Декарта переходитъ въ правило сохраненія движенія центра тяжести).

Мальбраншъ (въ *Eclaircissement къ Recherche de la Verité*) такъ говоритъ объ этомъ предметѣ. „Въ правилѣ: Богъ постоянно сохраняетъ одинаковое количество движеній въ природѣ, лежитъ двусмысленность, вслѣдствіе которой оно съ одной стороны вѣрно, съ другой—ложно, съ одной согласно съ опытомъ, съ другой ему противорѣчитъ. Оно справедливо въ томъ отношеніи что центръ тяжести двухъ или многихъ какимъ-либо образомъ сталкивающихся тѣлъ до и послѣ удара движется постоянно съ одинаковою скоростью.. Оно ложно и противно опыту* если понимать его такъ что сумма количествъ движенія всѣхъ ударяющихся тѣлъ, взятыхъ до удара, должна быть равна суммѣ таковыхъ количествъ взятой послѣ удара или что абсолютное количество движенія остается то же.“

Такое представленіе закона сохраненія движенія не удовлетворило Лейбница. Признаніе неустребимости движенія казалось ему необходимымъ требованіемъ разума. Вопросъ въ точномъ выраженіи этого закона. Такое выраженіе Лейбницъ нашелъ въ правилѣ сохраненія живой силы, изъ котораго и развилось нынѣшнее ученіе о сохраненіи энергіи.

„Въ *Essay de dynamique sur les lois du mouvement* (*Mathemat. Schriften*, herausg. v. Gerhardt, VI, 215. Halle. 1860) Лейбницъ говоритъ такъ: „Мнѣніе что при столкновеніи тѣлъ сохраняется то же количество движенія господствовало дол-

* Мальбраншъ приводитъ примѣръ тѣла имѣющаго массу равную единицѣ и движущагося со скоростью равною 6, ударяющаго покоящееся тѣло имѣющее массу 5. Оба тѣла предполагаются упругими. По оправданнымъ опытомъ формуламъ удара, первое отразится со скоростью 4, второе пойдетъ впередъ со скоростью 2. Количество движеній послѣ удара вычисляемое по способу Декарта будетъ $4+10=14$; до удара было 6.

гое время и слыло у новыхъ философовъ за аксіому. Теперь начинаютъ въ этомъ разубѣждаться, особенно съ тѣхъ поръ какъ мнѣніе это оставлено наиболѣе старыми, наиболѣе искусными и значительными его защитниками и особенно авторомъ *Recherche de la Verité*. Но вышло неудобство: слишкомъ впади въ другую крайность и стали не признавать вовсе чего-либо абсолютнаго, способнаго занять мѣсто количества движенія. Между тѣмъ умъ требуетъ этого, и оттого философы не входящіе въ глубокія сужденія математиковъ съ трудомъ, какъ я замѣтилъ, оставляютъ такую аксіому какъ сохраненіе количества движенія, не получая въ замѣнъ ея другой которой они могли бы держаться." Лейбницъ замѣнилъ идею количества движенія идеей *живой силы* * и училъ что сохраняется сумма живыхъ силъ ударяющихся тѣлъ,—положеніе оправдываемое въ случаѣ удара упругихъ тѣлъ. Отступленіе отъ него въ случаѣ неупругихъ тѣлъ * Лейбницъ подобно Декарту объясняетъ поглощеніемъ движенія частицами тѣлъ. „Это, говоритъ онъ, не противорѣчитъ ненарушимой истинѣ закона *сохраненія той же силы въ природѣ*. То что поглощается частицами не потеряно для общей силы участвующихъ въ явленіи тѣлъ“ (*Math. Schr.* VI, 231).

* Что въ соображеніяхъ о сохраненіи силы въ природѣ мѣрой силы надлежитъ принимать не количество движенія (произведеніе массы на скорость) но живую силу (произведеніе массы на *квадратъ* скорости) Лейбницъ поясняетъ между прочимъ такимъ примѣромъ. Очевидно что одинакая сила требуется чтобы поднять одинъ фунтъ на 4 фута или 4 фунта на одинъ футъ. Между тѣмъ при обратномъ паденіи первая масса приобрѣтетъ скорость которая только *едва* будетъ больше скорости приобрѣтаемой второю; и слѣдовательно количество движенія первой будетъ 2, тогда какъ количество движенія второй будетъ 4; *неравныя* между собою хотя и соответствующія равнымъ силамъ. Это и возбудило сомнѣнія Лейбница относительно измѣренія силы количествомъ движенія. Любопытно замѣчаніе Лейбница что два тѣла не равны въ живой силѣ, но равны въ количествахъ движенія могутъ остановить одно другое. Имѣемъ тѣло А котораго масса 3, скорость 2, и тѣло В котораго масса 2, скорость 3. Ихъ количества движенія ($2 \cdot 3 = 6$) одинаковы; они при встрѣчѣ останавливаютъ одно другое, упругія до того момента когда начинается дѣйствія упругости восстанавливающее движеніе, неупругія совѣмъ. Но живая сила перваго есть 12, втораго 18, *неравныя* между собою. Для Лейбница это есть свидѣтельство что при ударѣ тѣла дѣйствуютъ „по законамъ мертвой силы или статуи“ (*Math. Schr.*; VI, 219, 118).

XVI

Движенія въ природѣ могутъ быть произведены не только взаимнымъ дѣйствіемъ матеріальныхъ тѣлъ, но и дѣйствіемъ существъ одаренныхъ волей и разумомъ. Мы можемъ двигать произвольно члены нашего тѣла и помощью ихъ внѣшніе предметы. Въ какомъ отношеніи дѣйствія этого рода относятся къ ученію о сохраненіи движенія? Не нарушается ли ими законъ неистребимости и несоздаваемости движенія? Вотъ вопросъ поставленный Лейбницемъ. Въ своемъ *Мірѣ* (*Oeuvr.* IV, 263) Декартъ устранилъ этотъ вопросъ изъ своего разсмотрѣнія и говоритъ: „А дабы не было исключеній мнѣшающихъ нашимъ выводамъ, прибавимъ, если угодно, къ нашимъ предположеніямъ что Богъ (въ нашемъ теоретически строемомъ мірѣ) не будетъ никогда дѣлать никакого чуда и что одаренные разумніемъ существа или разумныя души (*les intelligences ou les âmes raisonnables*) какія можемъ потомъ вообразить въ нашемъ мірѣ, ничѣмъ не нарушаютъ обычнаго теченія природы“. Въ послѣдующихъ трудахъ Декарта также не находимъ разрѣшенія указанного вопроса. Какъ смотрѣлъ Декартъ на движенія производимыя дѣйствіемъ воли, объ этомъ можно составить сужденіе изъ письма Клерселье къ доктору Делафоржу (*Oeuvr.* X. 540). Клерселье былъ близкимъ другомъ и послѣдователемъ Декарта и въ настоящемъ случаѣ очевидно выражаетъ его мнѣніе. „Мы знаемъ, говоритъ Клерселье, только двѣ субстанціи, духовную и тѣлесную; всѣ познаваемые нами свойства принадлежатъ или той или другой; тѣ о коихъ мы знаемъ что они не принадлежатъ тѣлесной субстанціи, — какъ свойство дать первое движеніе тѣлу или придать ему новое, увеличивающее количество онаго уже пребывающее въ мірѣ, — должны принадлежать духовной субстанціи. Но какой духовной субстанціи? Конечной или безконечной? Я утверждаю что только Безконечная способна сообщать первое движеніе тѣлу; но что конечная, какова душа человѣка, можетъ только *опредѣлять* движеніе, которое уже существуетъ (то-есть давать ему направленіе). Я не признаю другаго могущества способнаго создавать или призывать къ существованію вещь которой не было, кромѣ могущества Бога, ибо безконечное разстоя-

ніе между небытіемъ и бытіемъ не можетъ быть перейдено какъ только могуществомъ которое само дѣйствительно безконечно.“

Обращаясь къ этому вопросу Лейбницъ въ своей *Теодицее* рассуждаетъ такъ (*Théodicée, Opera philos. ed. Erdmann, 519*).

„Школьные философы думали что есть физическое взаимное вліяніе между тѣломъ и душой, но потомъ когда уяснилось что мысль и протяженная масса не имѣютъ никакой связи между собой и суть созданія *toto genere* различныя, многіе изъ новыхъ стали признавать что нѣтъ никакого физическаго сообщенія между душой и тѣломъ, хотя есть сообщеніе метафизическое, дѣлающее что душа и тѣло образуютъ одно *surrôt*, или какъ это называется *muo*. Еслибы было физическое сообщеніе, то душа могла бы перемѣнять степень скорости и линію направленія нѣкоторыхъ движеній имѣющихъ мѣсто въ тѣлѣ и обратно тѣло измѣняло бы послѣдовательность мыслей въ душѣ. Но такое дѣйствіе никакъ не вытекаетъ изъ представленія какое имѣемъ о душѣ и тѣлѣ, хотя ничто не извѣстно намъ лучше какъ душа, которая тѣсно близка намъ, то-есть тѣсно близка самой себѣ (*nous est intime, c'est à dire intime à elle même*). Декартъ хотѣлъ калитулировать и часть дѣйствій тѣла поставить въ зависимость отъ души. Онъ допускалъ какъ основное правило природы, что въ тѣлахъ сохраняется то же количество движенія. Онъ не считалъ возможнымъ чтобы вліяніе души нарушало этотъ законъ, но думалъ что душа можетъ однако измѣнять *направленіе* движеній происходящихъ въ тѣлѣ, въ родѣ того какъ всадникъ * хотя и не даетъ силы лошади, на которой ѣдетъ, можетъ однако управлять ею, направляя силу

* Этого сравненія не встрѣчается у Декарта. Въ *Disc. de la méth.* онъ говоритъ о душѣ какъ о кормчѣмъ управляющемъ кораблемъ, но не въ столь точномъ смыслѣ какъ приводитъ Лейбницъ. Вотъ слова Декарта: „Душу никакъ нельзя вывести изъ силъ матеріи какъ другія вещи о которыхъ я говорилъ: она должна быть особо создана; и не достаточно чтобы душа была помещена въ тѣлѣ чловѣка какъ кормчій въ кораблѣ, затѣмъ лишь чтобы двигать его члены, но необходимо быть ей въ болѣе тѣсномъ соединеніи съ тѣломъ, имѣть ощущенія и стремленія подобныя нашимъ, дабы составить истиннаго чловѣка.“ Надо полагать что разъясненія послѣдователей Декарта Лейбницъ принималъ какъ идущія отъ него самого.

ея въ сторону куда ему желательно. Но такъ какъ это дѣлается помощію узды, удила, шлоръ и другихъ матеріальныхъ пособій, то легко понять какъ это происходитъ, душа же не имѣетъ орудій какія могли бы служить ей для подобной цѣли; и нѣтъ ничего ни въ тѣлѣ, ни въ душѣ, то-есть ни въ мысли, ни въ массѣ, что бы могло объяснить перемѣну въ одной изъ этихъ вещей чрезъ другую. Словомъ, измѣняется ли душа количество силы или только линію направленія—то и другое одинаково необъяснимо. Кромѣ того послѣ Декарта открыты двѣ истины: первая—что количество абсолютной силы, какое дѣйствительно сохраняется, отлично отъ количества движенія (какъ это мною доказано въ другомъ мѣстѣ). Второе открытіе состоитъ въ томъ что сохраняется и общее направленіе въ совокупности тѣлъ дѣствующихъ взаимно, какъ бы они не сталкивались между собою. Еслибъ это правило было извѣстно Декарту, онъ и направленіе тѣлъ призналъ бы столь же независимымъ отъ души какъ и ихъ силу, а это, полагаю, привело бы его прямо къ гипотезѣ „предустановленной гармоніи“, какъ именно это привело къ ней меня. Ибо кромѣ того что физическое вліяніе одной субстанціи на другую не объяснимо, я принималъ во вниманіе что душа не можетъ безъ полнаго нарушенія законовъ природы физически дѣйствовать на тѣло. Я не думаю чтобы можно было согласиться съ философомъ, весьма впрочемъ искуснымъ, который приближаетъ къ божеству какъ къ Deus ex machina для развязки пьесы и утверждаетъ что Богъ особо занимается (s'emploie tout exprès) чтобы двигать тѣло когда того хочетъ душа и чтобы образовывать представленія въ душѣ когда того требуетъ тѣло. Эта система, которую называютъ системой „причинъ-поводовъ“ (des causes occasionnelles), такъ какъ согласно ей Богъ дѣйствуетъ въ тѣлѣ по случаю души и наоборотъ, кромѣ того что вводитъ постоянныя чудеса, дабы производить сообщеніе двухъ субстанцій, не устраняетъ нарушенія естественныхъ законовъ установленныхъ для каждой изъ этихъ субстанцій, какое произвело бы, какъ всѣ согласны, ихъ взаимное вліяніе.“ *

Къ ученію Декарта и къ ложолающему его ученію Лейбница о связи души и тѣла мы еще будемъ имѣть случай вернуться.

* О томъ же предметѣ см. въ *Монадологіи* § 80. (*Opera phil.* D Erdmann, 710).

Замѣтимъ въ заключеніе что есть въ ученіи о сохраненіи движенія въ природѣ трудность которая не остановила на себѣ вниманіе ни Декарта, ни другихъ философовъ трактовавшихъ объ этомъ предметѣ. Міръ безграниченъ. Надежить слѣдовательно или допустить что движеніе принадлежитъ въ которой его ограниченной части, за предѣлами которой находится покоящаяся безпредѣльность, или признать что запасъ движенія въ природѣ самъ долженъ быть величиной безграничною, тѣмъ что въ математикѣ разумѣется подъ именемъ безконечно-великаго. Но что значитъ постоянство величины безконечно-великой, предъ которою исчезаетъ всякая конечная величина? Какой смыслъ сохраненія запаса когда этотъ запасъ неограниченно великъ? Идея о сохраненіи энергіи, очевидно, подразумеваетъ разсмотрѣніе міра какъ въ которой конечной величины.

XVII.

Перейдемъ къ обзору Декартовой системы міра и его знаменитой въ свое время *теоріи вихрей*. Изложенію системы міра посвящена третья книга *Началь*, озаглавленная *О видимомъ мірѣ*. Въ этой книгѣ и въ четвертой, трактующей „о землѣ“, и заключается тотъ „романъ природы“ который будучи собраніемъ великихъ заблужденій вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ огромное вліяніе на развитіе физическихъ ученій, открывъ новые горизонты изслѣдователямъ.

Съ одной стороны, это произведеніе научной фантазіи, снѣгающейся вывести наблюдаемое строеніе міра изъ нѣсколькихъ простыхъ началъ; съ другой, это первый опытъ того пріема теоретическаго естествознанія который, породивъ въ свое время длинный рядъ физическихъ гипотезъ, построенныхъ на разныхъ предположеніяхъ о строеніи вещества, далъ сильный толчокъ умамъ и повелъ къ созданію теоретической физики вообще и въ частности той ея области которая нынѣ болѣе и болѣе обособляется въ особую науку — математическую физику. Правда, основной капиталъ этой области пріобрѣтенъ усиліями Ньютона, разрушившаго картезіанскія заблужденія. Правда, Декартъ, набрасывая свои гипотезы съ величайшею увѣренностью въ ихъ истинѣ, не подвергалъ ихъ математической обработкѣ, какой онъ требовалъ по своей

сущности и которая будучи сдѣлана Ньютономъ по отноше-
нію къ ученію о вихряхъ показала его несостоятельность;
правда, ближайшіе приверженцы Декарта никакими приобрь-
теніями науку не обогатили; правда, великіе противники его
выводовъ, но вмѣстѣ послѣдователи общаго духа его филосо-
фіи и противники философіи Ньютона, какъ Лейбницъ, Гю-
генсъ, породили въ основномъ вопросѣ о тяготѣннй теоріи
не выдерживающія критики; правда, наконецъ, что тотъ при-
емъ какимъ достигнуть великій успѣхъ Ньютона въ рѣше-
ніи задачи о тяготѣннй и который чрезъ него далъ доннынѣ
товъ теоретической физикѣ, ближе родствененъ съ прие-
мами Галилея, а не Декарта. Все это такъ. Тѣмъ не менѣе,
стоитъ ознакомиться съ наиболѣе выдающимся научными
произведеніями второй половины XVII и значительной до-
ли XVIII вѣка чтобъ убѣдиться въ какой мѣрѣ идеи Де-
карта служатъ главнымъ источникомъ научныхъ размышле-
ній эпохи. Стоитъ принять во вниманіе новѣйшія теоріи ма-
тематической физики, исходяція изъ предположеній о строе-
ніи вещества, чтобъ убѣдиться что то направленіе какое въ
былое время называлось картезианскимъ, въ противополож-
ность съ вытѣсненнымъ его, повидимому, ньютоніанскимъ,
оживаетъ съ новою силой (напримѣръ, въ ученіи о газахъ,
имѣющемъ большую будущность). Вопросы о дѣйствии на
разстояніяхъ, объ участіи невѣсомой среды въ явленіяхъ суть
и нынѣ столько же живые вопросы какъ были въ эпоху споро-
въ между ближайшими приверженцами сказанныхъ направ-
леній; и нынѣ есть цѣлые трактаты (какъ сочиненіе отца Сек-
ки) которыя можно назвать произведеніями картезианской
школы въ нашемъ вѣкѣ. Все это подтверждаетъ высказан-
ную уже нами мысль что современная теоретическая физика,
ньютоніанская въ своихъ началахъ, картезианская въ сво-
ихъ стремленіяхъ. Толчокъ данный Декартомъ очевидно былъ
не малой силы.

XVIII.

При разборѣ системы міра Декарта прежде всего останав-
ливаетъ вниманіе то обстоятельство что это первый опытъ
научной космогоніи, породившій рядъ смѣлыхъ астрономи-
ческихъ и геологическихъ гипотезъ объ образованіи солнеч-
ной системы и нашей планеты, которыми такъ богатъ прош-

ный вѣкъ (*Protogaea* Лейбница, теоріи англійскихъ ученыхъ, система Бюффона и т. д.) и которыя въ новѣйшее время, преобразовавшись согласно успѣхамъ фактическихъ знаній, вновь привлекаютъ къ себѣ вниманіе, въ связи въ особенноти съ развитіемъ механическаго ученія о теллахъ.

Въ безграничномъ пространствѣ вселенной разсыяны тѣла подобныя нашему солнцу, но которыя по отдаленности кажутся намъ свѣтящимися точками—это міръ неподвижныхъ звѣздъ. Возвышенная идея о звѣздахъ какъ отдаленныхъ солнцахъ, удаленныхъ отъ насъ на различныя разстоянія, даже за предѣлы видимаго міра, не первымъ высказана Декартомъ. Она встрѣчается уже у Бруно, еще до изобрѣтенія зрительныхъ трубъ, такъ расширившихъ предѣлы видимой вселенной. Декарту принадлежитъ мысль что и наша планета была нѣкогда въ состояніи подобномъ солнцу. Солнце онъ представляетъ себѣ какъ огненную массу подобную пламени состоящему изъ быстро движущихся частицъ. Идеи о *массѣ* или вѣсѣ солнца Декартъ не имѣетъ, ибо для него матерія, какъ протяженная субстанція, насквозь однородна. Тотъ процессъ который на солнцѣ производитъ образованіе пятенъ нѣкогда въ большихъ размѣрахъ происходилъ на малой звѣздѣ какою была земля; мало-по-малу изъ пламенелодобной массы обратилъ ее въ совокулность болѣе грубыхъ частицъ, образовалъ воздухъ ея атмосферы, ея кору и внутренность еще жидкую. Такова въ нѣсколькихъ словахъ исторія земли и вообще планетъ по Декарту. Не ограничиваясь планетною системою, онъ старается дать отчетъ въ образованіи звѣздъ или солнцъ во вселенной изъ созданной первоначально Богомъ протяженной матеріи, божественною силою раздробленной на безконечное разнообразіе частей приведенныхъ въ движеніе.

Излагая свободно свои научныя фантазіи въ эпоху когда ученіе о движеніи земли еще было подъ индексомъ, Декартъ естественно заботливо принималъ мѣры чтобъ оградить свои гипотезы отъ неблагоприятнаго истолкованія, да и для міра собственной совѣсти усердно искалъ, гдѣ требовалось, соглашенія раскрытій дѣлаемыхъ чрезъ естественный свѣтъ разума съ положеніями принятыми какъ догматическое ученіе. И было бы совершенно несправедливо видѣть въ употребленныхъ Декартомъ приемахъ одно маскированіе и хитрость.

Еще въ *Discours de la méthode*, пересказывая содержаніе неизданнаго своего сочиненія, изъ котораго потомъ разрослась

Начала и котораго оставшаяся по смерти Декарта рукопись была издана въ формѣ двухъ трактатовъ: *О мирѣ* и *О человекѣ*, Декартъ (въ пятой главѣ) говоритъ: „Во всякомъ случаѣ я не хотѣлъ вынудить мысли что всѣ эти предметы видимаго міра созданы такъ какъ я предположилъ, ибо значительно болѣе вѣроятно что Богъ съ самаго начала создалъ міръ такимъ какъ онъ долженъ былъ быть. Но извѣстно,— и это общепринятое мнѣніе богослововъ—что дѣйствіе какимъ Богъ сохраняетъ міръ, то самое какимъ Онъ его создалъ; такъ что еслибы Онъ первоначально не далъ ему другой формы какъ хаосъ, и только оказалъ бы, установивъ законы природы, то содѣйствіе какое требуется для обыкновенной ея дѣятельности, то можно думать, безъ нарушенія чуда созданія, что этимъ путемъ всѣ чисто матеріальныя вещи могли бы со временемъ сдѣлаться такими какъ видимъ ихъ теперь. Между тѣмъ уразумѣть природу ихъ гораздо легче когда видимъ какъ они такимъ образомъ мало-по-малу нарождаются тѣмъ если разсматриваемъ ихъ уже совсѣмъ готовыми.“

Ту же мысль развиваетъ Декартъ въ *Началахъ*. Онъ замѣчаетъ что принимаемыя имъ начала такъ очевидны, сдѣлствія такъ основаны на математической достовѣрности, выводы такъ согласны съ опытомъ, что было бы оскорбленіемъ Божества еслибы найденныя причины явленій были ложны: это значило бы обвинять Божество въ созданіи насъ столь несовершенными что мы ошибаемся когда даже правильно пользуемся даннымъ намъ разумомъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду важности предмета, просить смотрѣть на высказываемое имъ лишь какъ на гипотезу, можетъ-быть весьма далекую отъ истины, прибавляя что и въ такомъ случаѣ можетъ считать себя не мало сдѣлавшимъ если всѣ выводы его окажутся согласными съ опытомъ; тогда гипотеза его могла бы быть столь же полезна въ жизни какъ еслибы была истинною, ибо ею точно также можно бы было пользоваться дабы располагать естественныя причины для произведенія желаемаго дѣйствія. „Мало того, продолжаетъ Декартъ (*Princ.*, III, § 45), я и не желаю чтобы вѣрили всему что мною здѣсь написано и даже имѣю, для лучшаго объясненія, предложить нѣчто завѣдомо совершенно ложное. А именно: я не сомнѣваюсь что міръ съ самаго начала былъ созданъ во всемъ своемъ совершенствѣ; что солнце, земля, луна и звѣзды были въ немъ съ первоначала; что земля не только имѣла въ себѣ сѣмена растений,

но и самыя растенія покрывали ея часть; что Адамъ и Ева не были созданы дѣтьми, но въ зрѣломъ возрастѣ. Такъ учить насъ христіанская вѣра и естественный разумъ убѣждаетъ въ томъ же, ибо если примемъ въ соображеніе всемогущество Божіе, то должны заключить что все Имъ содѣланное имѣеть съ первоначала все совершенство какое должно имѣть. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ уразумѣть природу растеній и человека можно много лучше если изучать какъ ребенокъ развивается въ утробѣ матери и растеніе выходитъ изъ сѣмени, чѣмъ если разсматривать готовыми какъ были созданы; то и мы, полагаю, будемъ въ состояніи лучше разъяснить общую природу всѣхъ вещей видимаго міра если можемъ придумать нѣкоторыя начала, вполнѣ понятныя и очень простыя, изъ коихъ какъ изъ сѣмянъ можно было бы вывести происхожденіе и звѣздъ, и земли, и всего видимаго міра—хотя и знаемъ что міръ произошелъ не такимъ образомъ,—чѣмъ если станемъ описывать его въ томъ видѣ какъ онъ есть или въ какомъ, вѣримъ, былъ созданъ.“ Въ сочиненіи *О мірѣ* Декартъ еще съ большею настойчивостью требуетъ чтобы на его космологію смотрѣли какъ на простую фантазію, которая могла бы быть дѣйствительностью еслибы то было угодно Богу, который властенъ былъ избрать множество способовъ созданія міра.

Любопытно что Декартъ счелъ возможнымъ утверждать что въ своей теоріи онъ „отрицаетъ движеніе земли съ большею тщательностію чѣмъ Колерникъ и съ большею истиной чѣмъ Тихо-Браге“ (*assuratius quam Copernicus et verius quam Tycho*). Земля плывущая съ вихремъ можетъ, по мнѣнію Декарта, разсматриваться какъ покоющаяся среди уносящаго ее потока веществъ, ибо она не уходитъ изъ сосѣдства непосредственно окружающей ее матеріи. „И если приваровываясь къ обыкновенному употребленію, мы приписываемъ землѣ нѣкоторое движеніе, то это не въ точномъ смыслѣ, а въ томъ же въ какомъ о лежащемъ и спящемъ внутри корабля путешественникъ говоритъ что онъ переходитъ изъ Кале въ Дувръ, по той причинѣ, что его переноситъ туда судно.“

XIX.

Какъ же, по разказу Декарта, образовался его фантастическій міръ?

„Предположимъ, говоритъ онъ (*Princ.*, III, § 46), если угодно, что Богъ раздѣлилъ въ началѣ всю матерію изъ которой составилъ этотъ видимый міръ на частицы возможно равныя между собою, умѣренной величины (*magnitudine mediocres*), то-есть средней между разнообразными величинами различныхъ частицъ составляющихъ нынѣ небеса и звѣзды; затѣмъ сдѣлалъ такъ что частицы эти начали двигаться съ равною силой и *двоакимъ образомъ*: каждая отдѣльно около собственнаго центра, вслѣдствіе чего они составили жидкое тѣло, каковымъ я принимаю небо; и кромѣ того многія вмѣстѣ около нѣкоторыхъ центровъ расположенныхъ во вселенной, такъ какъ нынѣ видимъ расположенными центры неподвижныхъ звѣздъ, но въ большемъ числѣ, такъ что они равнялось числу звѣздъ въ соединеніи съ числомъ планетъ и кометъ... Такимъ образомъ образовалось столько различныхъ *вихрей* (*vortices, tourbillons*) сколько небесныхъ тѣлъ во вселенной.“

Въ центрѣ каждого вихря скоро образовалось тѣло подобное нашему солнцу. Это было послѣдствіемъ того что первоначальное движеніе двояко: общій вихрь и отдѣльное круженіе частицъ. Какая бы ни была первоначальная фигура частей первоначальной пространственной мозаики, части эти съ теченіемъ времени должны были сдѣлаться круглыми (*второй элементъ*). „Сила какою онъ приведены первоначально въ движеніе, будучи достаточною чтобъ ихъ раздѣлить между собою, была, конечно, и послѣ, сохраняясь въ нихъ, достаточно велика чтобы, по мѣрѣ встрѣчи, оттереть ихъ угловатости (*satis magna ad angulos atterendos; pour emousser tous leurs angles. Princ.* III, § 48).“ „Такъ какъ (§ 49) пустоты быть не можетъ, а шариками, хотя бы самыми малыми, нельзя наполнить пространства такъ чтобы между ними не осталось промежутковъ, то образовавшіеся оскребки (*gamenta particularum, gaclure*), совершенно наполнившая промежутки втораго элемента, должны быть чрезвычайно тонки дабы перемѣнять каждый моментъ фигуру принаравливаясь къ мѣстамъ куда входятъ. Мы должны поэтому

представлять себѣ то что отдѣлилось отъ угловъ частицъ, по мѣрѣ ихъ округленія, столь тонкимъ и получившимъ столь великую скорость что стремительность движенія раздѣляетъ его на безчисленныя доли не имѣющія никакой опредѣленной величины и фигуры, и легко наполняющія всѣ самыя малыя промежутки, чрезъ какіе другія части матеріи не могутъ проходить.“ Эта тончайшая форма матеріи есть *первый элементъ*. Декартъ указываетъ далѣе какъ элементъ этотъ долженъ скопиться въ центрѣ каждаго вихря, порождая пламенеобразную массу, находящуюся въ состояніи стремительнаго внутренняго движенія ея частицъ, посылающую во всѣ стороны свои дѣйствія въ формѣ свѣтлыхъ лучей—солнце или звѣзду. *Третій элементъ*, то-есть составившіяся изъ перваго элемента мало подвижныя крульныя части, разнообразныхъ фигуръ, образуетъ потухшія солнца: планеты и землю.

Этотъ элементъ есть то что теперь мы называемъ вѣсимою матеріей. Если сравнить теперешнія воззрѣнія съ теоретическими воззрѣніями Декарта, то у насъ не три элемента, а два: отсутствуетъ тотъ который Декартомъ названъ первымъ и изъ котораго онъ составилъ солнце и звѣзды.

Мы не будемъ слѣдить далѣе за развитіемъ фантазіи Декарта, которой онъ далъ свободное и можно сказать крайне произвольное теченіе. Слѣдить за нимъ было бы и безплодно и скучно. Тутъ Гассенди не совсѣмъ не правъ говоря: „Не знаю никого кто имѣлъ бы храбрость прочитать *Начала* до конца. Ничего не можетъ быть скучнѣе; авторъ убиваетъ читателя и только дивисься сколько весь этотъ вздоръ стоитъ тому кто его выдумалъ. Надлежитъ удивляться какимъ образомъ столь превосходный геометръ рѣшился выдавать эти сны и химеры за достовѣрныя доказательства“ (Delambre *Histoire de l'Astronomie moderne*, т. II, 193. Paris, 1821).

Прочтемъ лучше страницу объ этомъ предметѣ изъ известнаго сочиненія Фонтенеля *Entretiens sur la pluralité des mondes* (*Oeuvr. de Fontenelle*, Paris, 1825, т. III, 201), написаннаго въ формѣ разговора явтора съ одною маркизою интересующеюся астрономіей. Фонтенель знакомитъ свою собесѣдницу съ теоріей Декарта:

— О, еслибы знали вы что такое вихри Декарта, эти вихри которыхъ сила такъ страшна, а идея такъ пріятна!...

— Пусть закружится голова, я желаю знать, отвѣчала маркиза смѣясь.—Сведите меня окончателно съума; не щаю себя,

не знаю болѣе удержу въ философіи. Пусть говорятъ что хотять, предадимся вихрямъ.

— Я не зналъ въ насъ такихъ увлеченій, жаль что ихъ предметъ только вихри... Вихремъ называютъ скопленіе матеріи состоящее изъ отдѣльныхъ частей движущихся всѣ въ одну сторону; частицамъ дозволяется впрочемъ имѣть и небольшія отдѣльныя движенія, только бы слѣдовали общему движенію. Такимъ образомъ вихрь вѣтра есть безконечное количество маленькихъ частицъ воздуха кружащихся всѣ вмѣстѣ и увлекающихъ что встрѣчаютъ. Вы знаете что планеты несутся среди небесной матеріи необычайно тонкой и исполненной внутренняго движенія (*d'une agitation prodigieuse*). Все это скопленіе небесной матеріи отъ солнца и до неподвижныхъ звѣздъ кружится вокругъ солнца и уноситъ съ собою планеты заставляя ихъ обращаться около этого центрального свѣтила всѣ въ одну сторону, но въ расположеніи времени болѣе или менѣе давняго, смотря по тому болѣе или менѣе удалены онѣ отъ солнца.... Таковъ большой вихрь которымъ правитъ солнце. Въ то же время планеты, по подобію солнца, имѣютъ около себя свои малые вихри.... Еслибы случилось что въ такой малый вихрь упала планета меньшая той которая въ немъ господствуетъ, эта меньшая планета была бы увлечена большою и вынуждена бы была вращаться около нея, а всѣ вмѣстѣ, большая, малая и вихрь въ коемъ они находятся, вращались бы около солнца. Такимъ образомъ при началѣ міра мы увлекли за собою луну, которая случилась въ пространствѣ нашего вихря и припаясь намъ по силамъ. Счастливейе и могущественнейе былъ Юпитеръ. Онъ имѣлъ въ сосѣдствѣ четыре маленькія планеты и локорилъ всѣхъ четырехъ. Да и мы которые теперь составляемъ главную планету не были бы такою еслибы были въ его сосѣдствѣ. Онъ въ тысячу разъ больше насъ. Онъ безъ труда логотилъ бы насъ въ свой вихрь и мы сдѣлались бы одною изъ его лунъ, тогда какъ теперь имѣемъ свою въ распоряженіи. Такъ случайность положенія часто рѣшаетъ нашу судьбу!

— А кто убѣдитъ насъ что мы всегда останемся гдѣ теперь? Начиная бояться не сдѣлать бы намъ глулости и не подойти бы къ такой предприимчивой планетѣ какъ Юпитеръ; или не подошелъ бы онъ къ намъ и не логотилъ бы насъ. Мнѣ кажется что въ этомъ громадномъ движеніи небесной матеріи о которомъ вы говорите, она должна неправильно перемѣщать планеты, то сближать ихъ, то удалять одни отъ другихъ.

— Мы могли бы впрочемъ и выиграть въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ я.—Можетъ-быть намъ удалось бы подчинить себѣ Марса или Меркурія, какъ самыя малыя изъ планетъ, которыя не въ силахъ бы были намъ противиться. Но намъ нечего ни надѣяться, ни бояться. Планеты держатся въ своихъ

мѣстахъ и новыя завоеванія имъ воспрещены, какъ въ прежнее время властителямъ Китая. Вы знаете что если смѣшать воду и масло, масло всплываетъ наверхъ. Бросьте въ эти двѣ жидкости какое-нибудь очень легкое тѣло, масло будетъ его поддерживать и оно не достигнетъ воды. Помѣстите тѣло болѣе тяжелое, и именно опредѣленной тяжести, оно пройдетъ черезъ масло и достигнетъ воды, имѣющей силу его поддерживать... Представьте себѣ нѣскольکو жидкостей держащихся раздѣльно и погрузите въ нихъ разныя тѣла—произойдетъ то же. Представьте себѣ теперь что небесная матерія составляющая вихри состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ, облекающихъ одинъ другой и которыхъ плотности (les pesanteurs) * различны, какъ различны онѣ въ маслѣ, водѣ и другихъ жидкостяхъ. Планеты также разной плотности; всякая слѣдовательно остановится въ слоѣ имѣющемъ силы ровно сколько требуется чтобы ее поддержать и дѣлающемъ ей потому равновѣсіе. Очевидно слѣдовательно что изъ этого слоя она никогда выйти не можетъ.“

„Всѣ эти вихри, говоритъ Фонтенель въ другомъ мѣстѣ (стр. 224), взаимно придажены наилучшимъ образомъ, и такъ какъ каждый долженъ кружиться около своего солнца не меняя мѣста, каждый принимаетъ движеніе наилучшійшее и легчайшее въ томъ положеніи въ какомъ находится. Они, такъ-сказать, сцѣпляются между собою какъ колеса часовъ и взаимно помогаютъ одинъ движенію другаго. Правда, она также и дѣйствуютъ одинъ противъ другаго. Міръ cadaго вихря есть какъ бы баллонъ который расширился бы еслибъ имѣлъ къ тому возможность; но онъ тотчасъ отталкивается сосѣдними мірами и сжимается, потомъ опять расширяется и такъ даѣе. Нѣкоторые ученые полагаютъ что неподвижныя звѣзды посылаютъ намъ дрожащій свѣтъ и кажутся сверкающими потому именно что вихри ихъ постоянно толкаютъ нашъ и имъ постоянно отталкиваются.“

Что такое кометы? Это какъ бы посланники посылаемые къ намъ сосѣдними мірами. „Кометы не иное что какъ планеты принадлежатія сосѣднему вихрю. Онѣ двигались при его краяхъ. Пусть, напримѣръ, вихрь этотъ, будучи не одинаково сжатъ сосѣдними, круглѣе сверху и плоско внизу и пусть обращенъ къ намъ своею нижнею стороною. Планеты его окраинъ, начавъ вверху его движеніе по кругу, не предвидѣли что внизу вихрь какъ бы прѣстѣкаетъ: чтобы продолжать свое круговое движеніе, онѣ необходимо должны войти въ

* У Декарта solidité.

другой вихрь, въ нашъ, какъ я предполагаю, и помѣститься при его окраинахъ. Онъ потому всегда находится очень высоко по отношенію къ намъ, движется, можно полагать, выше Сатурна. Принимая въ соображеніе громадность разстоянія отъ насъ неподвижныхъ звѣздъ, необходимо допустить что отъ Сатурна до границы нашего вихря простирается огромное пространство пустое и безъ планетъ. Враги нашей теоріи указываютъ на безполезнасть этого огромнаго пространства. Пусть не беспокоятся. Мы нашли для него употребленіе; это отдѣленіе чуждыхъ планетъ входящихъ въ нашъ міръ.“

XX.

Важность не въ фантастической исторіи образованія матеріи и солнечной системы; важность въ объясненіи происходящихъ отъ невидимыхъ причинъ движеній тѣлъ въ природѣ,—тѣхъ движеній которыя какъ *естественныя*: теченіе свѣтила, паденія камня, притяженія магнита и т. п., отличались учеными до-картезіанскаго періода отъ *насильственныхъ*, производимыхъ механическимъ толчкомъ руки или машины,—помощью увлеченія тѣлъ невидимымъ потокомъ тонкаго вещества. Эта идея въ ея простотѣ и понятности представилась въ такой мѣрѣ раскрывающею глаза въ дѣлѣ изслѣдованія физическихъ явленій что несмотря на немедленно обнаружившуюся несостоятельность теорій построенныхъ на такомъ началѣ величайшіе умы, какъ Лейбницъ, Гюгенсъ, Бернулли, въ эпоху когда изслѣдованіями Ньютона создавалась уже великая система тяготѣнія, силились спасти картезіанскіе вихри и потоки и измыслить такое ихъ механическое строеніе чтобъ оно согласовалось съ найденными законами природы и ихъ изъясняло.

Идея увлекающаго планеты потока Мальбраншу казалась не только вѣроятнѣйшимъ объясненіемъ движенія планетъ и земли около солнца, но объясненіемъ необходимымъ, единственно возможнымъ, если принять во вниманіе центробѣжную силу круговаго движенія.

„Многіе, говоритъ Мальбраншъ, смотрѣли на вихри Декарта какъ на чистыя химеры. Но ничего нѣтъ легче какъ доказать ихъ существованіе, принявъ: 1) что всякое тѣло стремится двигаться по прямой линіи; 2) что планеты имѣютъ круго-

образное движеніе — двѣ истины удостовѣренныя опытами. Очевидно что еслибы Юпитеръ, напримеръ, двигался въ пустотѣ, онъ всегда шелъ бы по прямой линіи, а что еслибы онъ двигался среди матеріи, не образующей вращающагося вокругъ солнца вихря, онъ не только продолжалъ бы идти прямолинейно или спирально, но и потерялъ бы мало-по-малу свое движеніе, сообщая его вытѣсняемой жидкости. Необходимо, слѣдовательно, чтобы небесная матерія образовала вихрь и чтобы каждая планета помещалась въ немъ такъ что ея стремленіе удалиться отъ солнца уравновѣшивалось бы съ подобнымъ стремленіемъ равнаго объема этой матеріи, то-есть чтобы линія ея движенія совпала съ линіей движенія матеріи среди которой онъ плаваетъ“ (*Rech. de la vérité*, 518).

Отъ небесныхъ пространствъ Декартъ въ четвертой части *Началъ* переходитъ къ землѣ. Мы последуемъ за нимъ въ слѣдующей статьѣ.

Н. ЛЮБИМОВЪ.

НЕ ИЗЛИШНЕ НЬЧТО И БРОМЪ ТОЧНОСТИ

ПО ПОВОДУ ОТВѢТА Г. БУНГЕ

Г. Бунге напечаталъ въ № 3 *Университетскихъ Извѣстій* Университета Св. Владиміра свое возраженіе на помѣщенную въ № 1 *Русскаго Вѣстника* статью: *Точность никогда не излишня.*

Возраженіе г. Бунге имѣеть заглавіемъ *Точность и въ рецензій никогда не излишня.* Если „точность никогда не излишня“, то само-собою разумѣется что она „не излишня въ рецензій“. Позволительно однако замѣтить что между курсомъ для студентовъ и рецензіями разнаго рода есть нѣкоторое различіе съ точки зрѣнія практическихъ послѣдствій отъ несоблюденія точности. Вотъ, напримѣръ, возраженіе г. Бунге, вопреки своему заглавію, изобилуетъ неточностями, а все-таки оно не принесетъ и малой доли того вреда который имѣеть и будетъ имѣть мѣсто отъ неточностей въ курсѣ почтеннаго профессора. Еслибы г. Бунге рѣшился даже скулить VI раздѣлъ своего курса, составленный изъ сшитыхъ на живую нитку довольно лестрыхъ лоскутковъ сомнительной свѣжести и прочности, то все-таки не избѣжитъ онъ до конца своей профессорской службы пріятнаго удовольствія выслушать на экзаменахъ отвѣты въ родѣ того что во Франціи „высшія учебныя заведенія—*академіи*, числомъ 16, до 1876 года были исключительно правительственными учрежденіями“, что „надзоръ за начальными школами ввѣряется всего“ *девяти инстанціямъ*, что „реальное образованіе во Франціи не отдѣлено строго отъ классическаго“, что во Франціи „учреждено значительное число учебныхъ заведеній подъ разными названіями,

какъ-то: *политехническіе институты, сельскохозяйственныя академіи* и пр., что Наполеоновское правительство подчинило учебную часть, въ особенности народныя школы, префектамъ и меражъ, что въ Англіи учреждень особый комитетъ: *Первое бюро воспитанія* и пр., и пр. Ну, а неточностей изъ которыхъ соткано возраженіе г. Бунге овъ весьма вѣроятно ни отъ кого не услышать: никто ему не повторитъ, напримѣръ, его словъ, что „въ лицахъ старая бифуркація и послѣ закона 1864 года осталась въ силѣ“ (въ курсѣ говорилось только объ *остаткахъ* бифуркаціи), что подъ *suspension provisoire* слѣдуетъ разумѣть *удаленіе отъ должности*, что подъ *stage* разумѣются *занятія* въ качествѣ *помощника учителя*, что „совокупность факультетовъ даннаго города управляется короннымъ ректоромъ съ *генеральнымъ инспекторомъ*“, что „конкурсы относятся къ педагогическимъ *пріемамъ*“, что Штейнъ почти ничего не говоритъ о конкурсахъ, „по причинамъ вполне понятнымъ для каждаго юриста“ (?), что въ Высшей Нормальной Школѣ „два воспитанника не могутъ безъ дозволенія начальства совѣщаться о своихъ занятіяхъ, потому что тамъ нравственная связь между наставниками, воспитателями съ одной и воспитанниками съ другой стороны порвана и остается одна лишь принудительная, суровая полицейская власть“ и пр., и пр. Последнее объясненіе по своей точности, наглядности и внушительности достойно занять мѣсто въ самомъ курсѣ полицейскаго права при слѣдующемъ его изданіи...

Да, съ точки зрѣнія практическихъ послѣдствій, неточности въ рецензіяхъ блѣднѣютъ предъ неточностями въ курсахъ, предлагаемыхъ къ изученію слушателямъ, которымъ по незнакомству ихъ съ предметомъ довольно трудно отличить не только промахи, въ родѣ „высшихъ учебныхъ заведеній— академій, числомъ 16“, но и „пропускъ, ошибку переписчика, тилографскій промахъ“, которыми г. Бунге тщится объяснить значительную часть указанныхъ ему погрѣшностей. Въ концѣ-концовъ усердные слушатели осуждены заучивать различнаго рода небылицы.

„Тилографское дѣло у насъ очень несовершенно“, жалуется г. Бунге въ своемъ отвѣтѣ. Конечно; но самый отвѣтъ почтеннаго профессора весьма рѣшительно указываетъ что бѣда не въ одномъ лишь тилографскомъ дѣлѣ: отъ тилографскаго дѣла не зависитъ ни выборъ источниковъ, ни точное изложеніе ихъ содержанія, ни соблюденіе правильности въ

передачѣ юридической и административной терминологіи, ни сдержанность въ употребленіи громкихъ фразъ.

Остановимся нѣсколько на мнѣніяхъ высказываемыхъ г. Бунге относительно выбора источниковъ. „Требованіе чтобы весь курсъ былъ составленъ по источникамъ первой руки“, онъ находитъ „довольно забавнымъ“; желаніе чтобы курсъ не былъ переполненъ устарѣлыми данными онъ считаетъ неумѣстнымъ, выражая удивленіе что его рецензентъ хочетъ видѣть въ руководствѣ „новинки, les primeurs“. Г. Бунге не объясняетъ почему онъ находитъ довольно забавными или неумѣстными вышеозначенныя требованіе и желаніе, высказанныя въ виду того что источники первой руки весьма доступны и что „новинки“ оубликованы уже давно на весь міръ: почтенный профессоръ держится своихъ правилъ и удобствъ. И вотъ одинъ изъ результатовъ его взгляда на дѣло. При описаніи системы народнаго образованія во Франціи ему служили „превосходнымъ источникомъ“ словарь Блока (*Dictionnaire de l'Administration française*) и „надежнымъ руководителемъ“ г. Кавелинъ съ его изслѣдованіемъ объ университетѣ во Франціи. О Штейнѣ и его книгахъ г. Бунге въ своемъ возраженіи сначала не упоминаетъ, но изъ дальнѣйшаго содержанія статьи видно что еще болѣе *превосходнымъ источникомъ* и еще болѣе *надежнымъ руководителемъ* не только при описаніи системъ народнаго образованія, но и для всего VI раздѣла курса служилъ ему именно Штейнъ, книги котораго въ самомъ курсѣ названы *основными источниками*. Итакъ Блокъ, Кавелинъ и Штейнъ или вѣрнѣе Штейнъ, Кавелинъ и Блокъ, вотъ по словамъ автора курса источники и руководители избранные имъ для описанія французской системы народнаго образованія. Но словарь Блока изданъ въ 1857 году, * статья Кавелина, въ фактической части почти безукоризненная для своего времени, написана въ 1862, наконецъ *Bildungswesen* Штейна помѣчено 1868 годомъ. Курсъ г. Бунге издается въ 1877 году, источники и руководители остановились: наиболѣе надежный на 1857 году, наименѣе солидный на 1868 году. Не удивительно что съ г. Бунге при описаніи системы народнаго образованія во Франціи случилось то самое что могло бы случиться съ „изслѣдователемъ“ который

* Вторымъ изданіемъ словарь Блока вышелъ въ 1877 году и г. Бунге пользовался этимъ изданіемъ при составленіи своего возраженія.

въ 1877 году начертать бы систему народнаго образованія въ Россіи по русскимъ справочнымъ книгамъ, хотя бы и довольно солиднымъ, вышедшимъ въ 1857 и по сочиненіямъ небезпристрастныхъ и самоувѣренныхъ нѣмецкихъ юристовъ появившимся въ 1868 году. Но быть-можетъ въ разсматриваемомъ случаѣ источники первой руки и „новички“ ученыхъ изслѣдователей мало доступны? Отнюдь нѣтъ: и французская и прусская печать изъ году въ годъ знакомить всѣхъ желающихъ съ состояніемъ учебнаго дѣла въ этихъ государствахъ. Г. Бунге не любитъ календарей (онъ видимо предпочитаетъ имъ словари), онъ отворачивается отъ *Ежегодника* французскаго учебнаго вѣдомства, и совершенно неосновательно. *Ежегодникъ* былъ бы ему неоцѣнною книгой. Въ *Ежегодникъ* г. Бунге нашелъ бы и перечень всѣхъ учрежденій, административныхъ, ученыхъ и учебныхъ министерства народнаго просвѣщенія, и бюджетъ министерства, и указаніе на движеніе законодательства за истекшій годъ, и условія для полученія ученыхъ степеней и учебныхъ должностей. Если же ученый изслѣдователь не удовлетворяется календарями или словарями и хочетъ проникнуть въ дѣло поглубже, то основными источниками для описанія французскаго университета должны служить не книжки Штейна, а официальные изданія министерства подъ заглавіями: *Statistique de l'Enseignement Supérieur*, 1868 года, *Statistique de l'Enseignement Secondaire*, 1868 года, и *Statistique de l'Instruction primaire*, 1865 года, съ приложеніемъ 1866 года. Вотъ эти книги, замѣчательныя по богатству содержанія и по точности изложенія, можно рекомендовать къ изученію. А г. Бунге все совѣтуетъ своему рецензенту почитать *Bildungswesen* Штейна!

Штейномъ руководствуется главнымъ образомъ г. Бунге и при изложеніи системъ народнаго образованія въ Англіи и Германіи, — Германіи, гдѣ „типическая форма законовъ о народномъ образованіи выработалась въ Пруссіи“. Ни для англійской, ни даже для прусской системы книги Штейна основнымъ источникомъ служить не могутъ, особенно если судить о нихъ по коліи предложенной г. Бунге въ своемъ курсѣ.

Впрочемъ коліи не всегда бываютъ вѣрны оригиналу. Въ своемъ отвѣтѣ г. Бунге пробуетъ отстаивать нѣкоторыя даже довольно крупныя негочности курса ссылками на избранныя имъ источники. Онъ возражаетъ по пунктамъ и въ 47 пунктахъ приводитъ не мало цитатъ изъ Штейна, Кавелина и Блока; послѣднему оказывается особенное вниманіе, въ-

роству въ возмездіе за нѣкоторое пренебреженіе имъ при составленіи курса. Французскій, русскій и германскій юристы должны говорить въ защиту г. Бунге и подтвердить своимъ словомъ его неточности. Пріемъ не дурной, но не всегда достигающій цѣли: бываетъ такъ что онъ лишь обнаруживаетъ другое несовершенство, не типографское—неточность въ пользованіи источниками.

При такого рода несовершенствѣ превосходные источники и надежные руководители не могутъ спасти автора отъ крупныхъ неудачъ, какъ это и случилось съ г. Бунге. Вотъ тому нѣсколько примѣровъ.

Г. Бунге утверждаетъ (пунктъ 1) что данное имъ опредѣленіе университета во Франціи можно найти у Кавелина и Штейна. Но такъ ли это? Опредѣленіе Кавелина: университетъ есть совокупность всѣхъ учебныхъ заведеній, соединенныхъ въ одну систему, представляющихъ части одного органическаго цѣлаго, подвѣдомственныхъ одному управленію. Въ опредѣленіи г. Бунге отброшены слова „соединенныхъ въ одну систему“ и проч., и университетъ сталъ просто „совокупностью всѣхъ учебныхъ заведеній“, чѣмъ онъ никогда не былъ. Еще при самомъ учрежденіи университета, когда была сильна мысль о сосредоточеніи всѣхъ учебныхъ заведеній въ одно вѣдомство, въ составъ его не вошли однако семинаріи духовенства (*les grands séminaires*). Даже и тогда университетъ не былъ „совокупностью всѣхъ учебныхъ заведеній“, но „совокупностью всѣхъ учебныхъ заведеній соединенныхъ въ одну систему“ и проч. онъ пожалуй былъ. Г. Бунге отвергаетъ юридическое опредѣленіе университета, установленное законодателями, а самъ даетъ опредѣленіе юридически и фактически несостоятельное. Руководясь его опредѣленіемъ можно пожалуй принять (пунктъ XXIII) численность богословскихъ факультетовъ за 1874 годъ и въ восемь, вмѣсто шести дѣйствительно состоявшихъ въ университетѣ. Въ Парижѣ онъ насчиталъ, кромѣ католическаго богословскаго факультета, лютеранскій и даже *иудейскій*; а между тѣмъ протестантскій факультетъ (бывшій въ Страсбургѣ) учрежденъ въ Парижѣ декретомъ 27го марта 1877 года, а иудейскаго богословскаго факультета никогда не было и по сію пору нѣтъ въ составѣ университета. Въ этомъ г. Бунге можетъ убедиться, пересмотрѣвъ внимательно и свой „превосходный источникъ“, и своего „надежнаго

руководителя“. Не причислялъ ли г. Бунге къ богословскимъ факультетамъ еврейскую семинарію, состоящую въ вѣдомствѣ департамента духовныхъ дѣлъ не католическихъ исповѣданій? Это было бы согласно съ его опредѣленіемъ университета; переименованіемъ же семинаріи въ факультетъ, какъ и всакими другими переименованіями, почтенный профессоръ не затрудняется. Мы не приводимъ опредѣленіе университета данное Штейномъ, но должны заявить что оно далеко не тождественно съ опредѣленіемъ г. Бунге.

Второй пунктъ возраженія, по краткости и выразительности его, перепечатываемъ цѣликомъ: „рецензентъ“, говорится въ этомъ пунктѣ, „приводитъ изъ моего курса слѣдующее мѣсто: окончательное ученое образованіе раздроблено по факультетамъ, которые въ числѣ одного, двухъ или трехъ составляютъ академію. Въ приведенной выпискѣ слово *constituent* можно замѣнить словомъ подчинены. Но въ *Dictionnaire politique Block'a* рецензентъ могъ бы найти слѣдующее выраженіе: *L'université actuelle se compose d'académies dont quelques unes renferment, plusieurs facultés où les élèves peuvent prendre leurs grades.*“ Слова: *renferment* и *constituent* напечатаны въ возраженіи курсивомъ. Удивительное дѣло! Неужели г. Бунге не понимаетъ что выписка изъ словаря Блока уничтожаетъ приведенное изъ его курса мѣсто; неужели г. Бунге думаетъ, что подчеркнутыя имъ слова, *constituent* и *renferment*, имѣютъ одинаковое значеніе?

А можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ г. Бунге не разбираетъ смысла вышеприведенной выдержки, особенно словъ *quelques unes*, такъ какъ въ пунктѣ III, не соглашаясь съ тѣмъ что академіямъ во Франціи соотвѣтствуютъ у насъ учебные округа, онъ все еще желаетъ видѣть въ академіи высшее учебное заведеніе и предлагаетъ сравнивать французскія академіи съ университетами времени Александра I. И почтенный профессоръ приводитъ въ доказательство двѣ выписки изъ Блока: одна должна убѣдить что академіи „не просто окружное управленіе“ (то-есть не просто учебный округъ), другая что ректоровъ французскихъ академій нельзя сравнивать съ попечителями округовъ. Но первая выписка содержитъ въ себѣ лишь основанія по которымъ раздѣленіе Франціи на академіи, установленное въ 1808 году по соображенію съ числомъ апелляціонныхъ судовъ (*couirs d'appel*), согласенное въ 1850 году съ административнымъ дѣленіемъ на департаменты, въ 1854 году было измѣнено по

соображеніямъ учебно-административнаго свойства, по которымъ и у насъ почти всѣ учебныя округа имѣютъ въ своемъ составѣ университетъ, а управление округомъ расплагается въ университетскихъ городахъ. Что касается второй выписки, то она излагаетъ словами закона обязанности ректора, но только по отношенію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ; еслибы вмѣсто этого отрывка привести обязанности ректора касающіяся однихъ среднихъ учебныхъ заведеній, или еще лучше, однѣхъ начальныхъ школъ, то сравненіе ректора академіи съ полечителемъ округа указало бы еще на нѣсколько различій въ положеніи тѣхъ и другихъ учебно-административныхъ должностей. Но къ чему теряться въ частности: Франція въ учебно-административномъ отношеніи дѣлится на академіи, а во главѣ академіи стоитъ ректоръ. Такъ говорятъ всѣ серіозныя изданія Французовъ, начиная отъ капитальныхъ трудовъ до словарей, педагогическихъ и иныхъ *. Попробуйте подставить въ выраженіе: „Франція дѣлится на академіи“, вмѣсто слова „академія“ слова „университеты временъ Александра Іго“, подумайте о постепенномъ измѣненіи числа академій, въ зависимости отъ судебнаго и административнаго дѣленія Франціи и покиньте наконецъ несчастную мысль о томъ что „академіи высшихъ учебныхъ заведеній, числомъ 16, до 1876 года были исключительно правительственными учрежденіями“. Конечно, обязанности ректора, составъ и обязанности академическаго совѣта не вполне тождественны съ обязанностями полечителя округа, съ составомъ и обязанностями полечительскаго совѣта, но должности и учрежденія эти взаимно соотвѣтственны. И министръ народнаго просвѣщенія во Франціи поставленъ по закону иначе чѣмъ министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи; но кому же придетъ въ голову ослабить на этомъ основаніи соотвѣтствіе этихъ должностей. Г. Бунге совѣтуетъ неоднократно своему рецензенту почитать статью г. Кавелина; но почему же онъ самъ ни при составленіи курса, ни при сочиненіи своего возраженія на рецензію не заглянулъ въ ту часть статьи своего „надежнаго руководителя“ которая имѣетъ заглавіемъ „Общее административное устройство французскаго университета“, составлена по

* La France est partagée, sous le rapport de l'instruction publique, en seize circonscriptions ou académies (dix-sept en comptant l'Algérie). Dictionnaire d'instruction primaire.

надежнымъ источникомъ и почти не устарѣла, такъ какъ въ общемъ административномъ устройствѣ университета съ 1862 года крутыхъ перемѣнъ не послѣдовало. А у „надежнаго руководителя“ прямо сказано что „академіи не что иное какъ учебные округа, обнимающіе нѣсколько департаментовъ“....

Въ IV пунктѣ возраженія цѣлыхъ три выдержки. Одна изъ нихъ должна собою подтвердить что „окончившіе курсы лицеевъ держать въ академіи экзаменъ на бакалавра литературы или наукъ“. Въ выдержкѣ говорится что документы должны быть представлены въ канцелярію того округа въ районѣ котораго кандидатъ предполагаетъ держать испытаніе (au secrétariat de l'académie où le candidat se propose de subir l'examen). Г. Бунге подчеркиваетъ слово *ou* и продолжаетъ вѣрить что кандидаты держатъ экзаменъ „въ академіи“: онъ могъ бы столь же убѣдительно доказать что и вся Франція представляетъ собою высшее учебное заведеніе, въ которомъ кандидаты на бакалавра держатъ свой экзаменъ. А между тѣмъ у „надежнаго руководителя“ объ экзаменахъ „въ академіи“ ничего не говорится; экзамены эти входятъ въ обязанности факультетовъ словесности и наукъ.

• Другая выдержка, изъ самого Штейна, такого содержанія: „L'inspecteur général hat die ganze Academie zu beaufsichtigen“. На основаніи этой выдержки, невѣрной самой по себѣ, г. Бунге выводитъ что „академіи управляются ректоромъ и инспекторомъ“, какъ будто терминъ *beaufsichtigen* равнозначащъ съ терминомъ *управлять* *, какъ будто у Штейна генеральный инспекторъ пристегнуть къ ректору. А у г. Бунге они просто неразлучны. Не успѣлъ онъ въ III и IV пунктахъ развести ихъ и, если не въ своихъ словахъ, то въ выпускахъ изъ Блока, придать ректору *инспекторовъ академіи*, какъ въ пунктѣ XXIV снова сводитъ *генеральнаго инспектора* съ ректоромъ, *утверждая* что совокупность факультетовъ даннаго города *управляется* короннымъ ректоромъ (въ русскомъ смыслѣ) съ присоединеніемъ какого-то инспектора. Этотъ какой-то инспекторъ, увѣряетъ г. Бунге, есть „Inspecteur général, принадлежащій къ составу центральной администраціи“. И сейчасъ выпуска изъ Блока, которая однако говоритъ только о томъ что на генеральныхъ инспекторовъ возлагается *инспекція* учебныхъ заведеній; сейчасъ

* И г. Бунге еще удивляется что послѣ его словъ „управленіе“, „администрація“ приходится иногда ставить вопросительные знаки.

ссылака на выписку въ пунктѣ III, въ которой однако о генеральных инспекторахъ ничего не говорится. Утвержденіе г. Бунге противорѣчитъ органическому постановленію, по которому генеральные инспекторы не принадлежатъ въ частности къ какой-либо академіи и визируютъ ихъ поочередно. Въ управленіи академіями генеральные инспекторы не принимаютъ участія.

Нѣтъ надобности солоставлять всѣ выписки сдѣланныя г. Бунге въ своемъ возраженіи съ выводами изъ нихъ, столь же свободными, какъ и образчики уже представленные выше. Оставовимся только на тѣхъ выпискахъ которыя повидимому сходны съ увѣреніями почтеннаго профессора.

Г. Бунге хочется доказать что меръ имѣеть право удалить начального учителя отъ должности и въ доказательство приводитъ законъ по которому меръ имѣеть въ крайнихъ случаяхъ право приостановить временно отправленіе учителемъ его обязанностей, немедленно донося о томъ префекту (пунктъ IX). *Suspension*, да еще и *provisoire*, не одно и то же чѣмъ *révocation*; смѣшивать эти два понятія не слѣдуетъ. У г. Кавелина сказано что нормальная школа *готовится* къ конкурсному испытанію на причисленіе къ лицамъ въ качествѣ преподавателя, а г. Бунге увѣряетъ что эти причисляемые *опредѣляются* изъ Нормальной Школы по конкурсу (пунктъ XXV); г. Кавелинъ пишетъ что „безъ разрѣшенія директора Нормальной Школы воспитанники не могутъ видѣться *въ ней* съ посторонними лицами, исключая родителей и тѣхъ кто *въ* вѣдома школы заступаетъ ихъ мѣсто“; г. Бунге, повторяя, какъ онъ увѣряетъ, *дословно* фразу Кавелина, пропускаетъ слова *въ ней* и все чѣмъ слѣдуетъ за словомъ *исключая*. Не удивительно что при *такомъ* дословномъ повтореніи общепринятое правило закрытыхъ учебныхъ заведеній обратилось въ какое-то невозможное требованіе (пунктъ XXXII).

Вообще г. Бунге не партизанъ французскихъ высшихъ спеціальныхъ школъ, которыя, по его словамъ, даютъ „воспитаніе ведущее къ злоупотребленію свободой, отличаются формализмомъ и отсутствіемъ свободы въ преподаваніи и ученіи доведенномъ до крайности“. Но и это не резонъ чтобы забыть или не знать о существованіи Политехнической Школы, играющей такую видную роль во французской учебной системѣ.

Въ возраженіи своемъ (пунктъ XXXIV) г. Бунге оправдывается, увѣряя что онъ лодъ спеціальными школами раз-

умѣлъ и школы разныхъ вѣдомствъ, а объ этихъ послѣднихъ школахъ считаетъ себя въ правѣ утверждать то что сказалъ; къ намъ же относится и Политехническая Школа. Оправданіе это несостоятельно. Осуждалъ г. Бунге спеціальныя школы огуломъ, безъ исключеній, да и подъ спеціальными школами не разумѣлъ школъ различныхъ вѣдомствъ. Отсылаю почтеннаго профессора къ стр. 66 его курса; тамъ онъ найдетъ разказы сначала о томъ что „число спеціальныхъ учебныхъ заведеній очень велико“ и т. д., а затѣмъ особымъ абзацомъ что „для реального высшаго образованія учреждено значительное число учебныхъ заведеній подъ разными названіями, какъ-то: *Политехническіе институты*“ и пр. Справедливость требовала бы замѣтить что хороши или дурны эти спеціальныя школы, онѣ дали Франціи не мало ея знаменитѣйшихъ ученыхъ. Высшая Нормальная Школа уже къ 1867 году насчитывала двадцать три члена Института изъ числа своихъ бывшихъ учениковъ; а къ тому же году на конкурсахъ агрегациі девять изъ десяти причисленныхъ были ея учениками. Римская и Афинская школы, *École des Chartes*, *École des Hautes Etudes* оставляютъ также не малую силу французской учебной системы; послѣдняя школа за десятилѣтіе своего существованія издала уже тридцать три тома ученыхъ трудовъ. При самомъ открытіи *École des Hautes Etudes* въ число ея учениковъ записались не только доктора и лиценціаты, но даже одинъ изъ кандидатовъ въ Академію Наукъ.

Не слѣдовало ли бы также оказать нѣсколько болѣе вниманія научнымъ учрежденіямъ носящимъ названія *Collège de France*, *Muséum d'Histoire Naturelle*, *Conservatoire des Arts et Métiers*. Въ нихъ лучшіе ученые Франціи читаютъ публичныя курсы, не стѣсненные ни объемомъ свѣдѣній слушателей, ни производствомъ какихъ-либо испытаній, ни какою-либо установленною программой. Эти научныя заведенія выходятъ изъ рамокъ начертанныхъ г. Бунге рубрикъ: онъ не можетъ отдать себѣ отчета въ значеніи и положеніи въ системѣ образованія этихъ столь замѣтныхъ и своеобразныхъ учрежденій и заноситъ ихъ въ разрядъ высшихъ учебныхъ заведеній наперекоръ своимъ „превосходнымъ источникамъ“ и „надежнымъ руководителямъ“.

Г. Бунге требуется доказать (пунктъ XXVII) что на общеобразовательныхъ факультетахъ (разумѣются факультеты сѣвесныя и наукъ) степенъ бакалавра пріобрѣтается по окончаніи лицейскаго курса, степенъ лиценціата чрезъ годъ (по

окончаніи лицейскаго курса? къ чему тутъ прилетенъ лицейскій курсъ?), по представленіи удостовѣренія о *выслушаніи двухъ факультетскихъ предметовъ*“,—и къ услугамъ почтеннаго автора слѣдующая выдержка изъ словаря Блока: „Pour être admis à l'examen, les candidats doivent justifier du diplôme de bachelier ès lettres obtenu depuis un an et avoir pris des inscriptions depuis une année à deux cours de la faculté des lettres à leur choix“. Гдѣ же въ этой выдержкѣ говорится о *выслушаніи двухъ факультетскихъ предметовъ*? *Prendre des inscriptions* не значить *выслушать*, а *cours* не значить предметъ. Да и какъ въ теченіе года выслушать два *предмета*, когда профессорамъ поставлено въ обязанность обнять предметъ лишь въ теченіе трехъ годичныхъ курсовъ, программа которыхъ разнообразится изъ года въ годъ? Кромѣ того выдержка изъ Блока не касается одного изъ общеобразовательныхъ факультетовъ—факультета наукъ; наконецъ она не совсѣмъ точна и для словеснаго факультета, такъ какъ распоряженіе 1808 года, постановлявшее не записи, а обязательное посѣщеніе двухъ курсовъ этого факультета лицами ищущими степенъ лиценціата словесности, не включается теперь въ число условій для допущенія ихъ къ экзамену: у Дюрюи просто сказано что теперь требуются четыре записи въ теченіе года; о двухъ курсахъ умалчивается, такъ какъ записи оплачиваемыя извѣстнымъ взносомъ даютъ право на слушаніе всѣхъ курсовъ факультета.

Еще одинъ примѣръ свободнаго пользованія источниками. Въ курсѣ г. Бунге разказывается что учителя начальныхъ школъ готовятъ будто бы при школахъ въ качествѣ *élèves-maîtres, stages*. Г. Бунге было указано что *stage* не челоуѣкъ, а юридическое обязательство, въ разсматриваемомъ случаѣ состоящее въ обязательствѣ посѣщать уроки для подготовки къ учительству. Почтенный профессоръ, принявшій юридическій терминъ обязательства за челоуѣка, въ возраженіи своемъ утверждаетъ будто его рецензентъ „самъ не знакомъ со смысломъ этого слова“, и что подъ *stage* разумѣются „занятія въ качествѣ помощника учителя“. И сейчасъ выдержка изъ Блока, въ которой говорится только о выдачѣ свидѣтельствъ, *certificats de stage*, лицамъ занимавшимся преподаваніемъ въ теченіе не менѣе трехъ лѣтъ въ начальныхъ школахъ, *особо избраннымъ*: о занятіяхъ въ качествѣ помощника учителя въ выдержкѣ изъ Блока ничего не говорится. Терминъ *stage* предполагаетъ различныя обя-

зательства, смотря по тому къ кому онъ примѣняется: къ ученикамъ, учителямъ, медикамъ, нотариусамъ, и т. д. Г. Бунге говорилъ въ своемъ курсѣ о подготовкѣ учителей при начальныхъ школахъ въ качествѣ учениковъ, а по отношенію къ ученикамъ терминъ *stage* предполагаетъ именно то обязательство которое отвергаетъ г. Бунге въ VII пунктѣ своего возраженія. Онъ могъ бы убѣдиться въ этомъ, прочитавъ въ № 1 *Университетскихъ Извѣстій* статью одного изъ его сослуживцевъ о „Практической школѣ высшихъ знаній“. „Лица желающія получить званіе *élèves titulaires*“, сказано въ статьѣ, подвергаются такъ-называемому *stage*, то-есть обязываются аккуратно посѣщать заведеніе въ продолженіе цѣлаго года“. Для учителей желающихъ приобрести право содержать школу, для лицъ желающихъ быть *agrégés* при высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ терминъ *stage* предполагаетъ и другія обязательства. Если г. Бунге пожелаетъ ознакомиться со значеніемъ слова *stage* по отношенію къ начальному образованію, то можетъ обратиться къ *Dictionnaire d'instruction primaire*. Кстати замѣтить что „занятія въ качествѣ помощника учителя въ теченіе трехъ лѣтъ“ не даютъ права обойтись безъ испытанія и свидѣтельства на званіе начального учителя. Повторять слова Штейна можно сколько угодно, но не трудно убѣдиться въ ихъ ошибочности, просмотрѣвъ статистическія данныя объ учителяхъ начальныхъ школъ въ *Statistique de l'Instruction primaire* и познакомившись со значеніемъ и числомъ *écoles de stagiaires*.

Если г. Бунге такъ свободно обращается со своими авторитетами, то едвали можно претендовать на него за не менѣе свободное обращеніе съ рецензіей. Почтенный профессоръ увѣряетъ (пунктъ XI) что въ рецензіи неосновательно признается ошибочнымъ изложенный въ курсѣ порядокъ управленія *ирландскихъ* университетовъ; между тѣмъ о порядкѣ управленія *ирландскихъ* университетовъ въ рецензіи ничего не говорится, и по весьма простой причинѣ: о немъ нѣтъ ни слова въ курсѣ. Почтенный профессоръ увѣряетъ что изъ словъ рецензіи выходитъ то самое что рецензіей отвергается какъ неправильное: *разнообразіе курсовъ* общинныхъ коллегій (пунктъ XVIII), экзаменъ на бакалавра *въ академіи* (пунктъ XVI). Согласиться съ г. Бунге по пункту XVIII можно только въ томъ случаѣ, если онъ признаетъ *разнообразными* курсы нашихъ 4хъ-и 6тиклассныхъ прогимназій или курсы реальныхъ училищъ съ различнымъ числомъ клас-

совѣ; а по пункту XVI, если онъ не найдетъ страннымъ, напримѣръ, такого выраженія: желающіе получить атестатъ зрѣлости экзаменуются въ учебномъ округѣ.

Довольно странно что такой ученый и опытный профессоръ какъ г. Бунге дѣлаетъ совершенно произвольные выводы изъ цитатъ имъ самимъ избранныхъ. Бываютъ также странные случаи, когда цитаты подвергаются не только урѣзкамъ, измѣняющимъ смыслъ приводимаго, но измѣненіямъ въ словахъ и содержаніи. Такой казусъ встрѣчается и въ курсѣ г. Бунге. „Англійскій учебникъ“, напечатано въ курсѣ, „не имѣетъ недостатковъ нѣмецкаго, который „болѣе привыкъ die Nase zu rümpfen als zu schnupfen „(Wiese).“ Ссылка на Визе. Хотя не обозначено сочиненія, но легко догадаться что дѣло идетъ о книгѣ *Deutsche Briefe über Englische Erziehung*. Дѣйствительно, у Визе есть нѣчто похожее на вышеприведенный нѣмецкій текстъ. Визе говоритъ что Лихтенбергъ указываетъ на Германію какъ на страну *wo man eher die Nase rümpfen lernt als putzen*. * Что заставило г. Бунге измѣнить текстъ Визе, замѣнить между прочимъ слово *putzen* (сморкаться) словомъ *schnupfen* (нюхать)?

Конечно, произвольная перемѣна словъ въ вышеприведенной цитатѣ для курса Права не имѣетъ большого значенія, и еслибы г. Бунге мѣнялъ слова и выраженія только во фразахъ подобнаго содержанія, то особой бѣды бы не было. Гораздо труднѣе помириться съ тѣмъ не-тилографскимъ недостаткомъ курса который состоитъ въ сообщеніи ошибочныхъ терминовъ юридическихъ и административныхъ. Курсъ г. Бунге лестрѣветъ терминами; здѣсь найдете *éducation primaire, stages, régents, of Privy Council* и пр.; здѣсь говорится о „такъ-называемомъ *éducation secondaire*“, о значительномъ числѣ учебныхъ заведеній *подъ названіемъ* политехническіе институты, сельскохозяйственныя академіи и пр. и пр. Почтенному профессору было указано на невѣрность нѣсколькихъ терминовъ. Какъ отнесся онъ къ этому указанію? Въмѣсто того чтобы признать замѣчаніе существеннымъ, г. Бунге старается различными способами ослабить и подорвать его силу. Наиболѣе характеристическій отвѣтъ даетъ онъ (пунктъ XX) по поводу термина *régent*, отмѣненнаго за десять лѣтъ до изданія курса: „измѣненіе названія“, говоритъ г. профессоръ, „не измѣнило однако ничего—про-

* Визе. 3е изданіе, перепечатанное безъ перемѣнъ, стр. 74.

фессора остались профессорами.“ Коротко и ясно! Для чего же, спрашивается, наполнять курсъ терминами?

Не менѣе интересенъ другой отвѣтъ по поводу „такъ-называемаго *éducation secondaire*“. Въ рецензіи было замѣчено что юридическій и административный терминъ для среднего образованія иной, именно *enseignement secondaire*. Г. Бунге возражаетъ на это (пунктъ V) что „терминъ который Французы по преимуществу употребляютъ—это *instruction*“, и что „одно сочиненіе извѣстнаго лера Франціи, Шарля Рекуара, озаглавлено: *Considérations sur les lacunes de l'éducation secondaire en France*. 1824. 8.“ Послѣ этого можно подумать что г. Бунге въ своемъ курсѣ приводитъ не юридическіе и административные термины, а термины или наибогѣе употребительные въ разговорномъ языкѣ, или изрѣдка встрѣчающіеся у сочинителей различныхъ книгъ, что почтенный профессоръ упражняетъ своихъ слушателей во французскомъ или англійскомъ діалектѣ. Можетъ-быть и очень странно что во Франціи министерство народнаго просвѣщенія называется *ministère de l'instruction publique*, а отдѣлы его *direction de l'enseignement supérieur, ... secondaire, ... primaire*,—однако это такъ. Перъ Франціи могъ озаглавить свое сочиненіе какъ ему нравилось, но г. Бунге, приводя терминъ въ курсѣ Права, не имѣлъ права сочинять этотъ терминъ отъ себя или списывать его съ оглавленія любого сочиненія.

Третій родъ оправданія въ употребленіи произвольныхъ названій или терминовъ довольно куріозенъ. Г. Бунге говоритъ (пунктъ XXXIX): „у меня нигдѣ не сказано что въ Дублинѣ одинъ университетъ,—эту погрѣшность придумалъ для меня самъ рецензентъ“, и сейчасъ же продолжаетъ: „называя правительственный университетъ въ Дублинѣ—Дублинскимъ, а не университетомъ королевы, я сдѣлалъ *такую* ошибку какую дѣлаютъ часто у насъ, называя университетъ Святаго Владиміра Кіевскимъ“. Удивительно, какъ г. Бунге не замѣтилъ что между Дублиномъ и Кіевомъ маленькая разница: въ Дублинѣ три университета, а въ Кіевѣ одинъ. Еслибы въ Кіевѣ было ихъ три, то развѣ очень разсѣянные люди называли бы университетъ Святаго Владиміра Кіевскимъ.

Въ одномъ случаѣ г. Бунге пробуетъ отстаивать правильность даннаго имъ термина. „Если г. X. удивляется“, говоритъ почтенный профессоръ въ своемъ возраженіи (пунктъ XLVII), „что гимназіи въ Германіи получили у меня ректора отъ правительства вмѣсто директора, то онъ долженъ будетъ

еще болѣе удивиться, прочитавъ у Штейна что во главѣ гимназіи стоитъ по большей части ректоръ.“ Опять ссылка на Штейна. Но удивляться словамъ Штейна не приходится: удивляешься болѣе тому какъ авторъ курса забылъ что типическою формою системы образованія въ Германіи самъ же онъ избралъ не какое-либо второстепенное государство ея, а Пруссію; что говоритъ онъ не о *германскихъ* гимназіяхъ, которыхъ пока нѣтъ, а о прусскихъ. Пусть же г. Бунге взглянетъ въ знакомыя ему книги Ренне и Визе, пусть просмотритъ хотя одинъ нумеръ *Centralblatt*, помѣщающаго на своихъ страницахъ назначенія и перемѣщенія чиновъ учебной службы. Онъ убѣдится тогда что прусскія гимназіи имѣютъ директоровъ, а прогимназіи и городскія училища ректоровъ. Онъ убѣдится тогда и въ томъ, что въ курсъ прусскихъ реальныхъ училищъ коммерческія науки не входятъ, и что наше положеніе о реальныхъ училищахъ нельзя приводить въ доказательство существованія коммерческихъ наукъ въ курсѣ прусскихъ реальныхъ училищъ.

Разбирать всѣ 47 пунктовъ возраженія г. Бунге совершенно излишне. Если авторъ дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ предметомъ не по одному Штейну, то онъ, безъ сомнѣнія, легко убѣдится (полагаемъ уже и убѣдился) въ ошибочности всѣхъ своихъ утвержденій, имѣющихъ цѣлью или отстоять свои показанія, или убѣдить читателей *Университетскихъ Извѣстій* въ маломъ знакомствѣ рецензента съ дѣломъ. Одинъ только XLIV пунктъ, касающійся цифры субсидій начальнымъ школамъ Англіи, долженъ быть признанъ основательнымъ, такъ какъ опирается на источникъ первой руки. Всѣ же остальные рѣшительно несостоятельны, само собою разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ въ которыхъ г. Бунге или просто сознается въ своихъ ошибкахъ или, такъ-сказать, учится вслухъ, подтверждая и развивая сдѣланныя ему указанія, подъ благовиднымъ предлогомъ поученія рецензента (пункты XXII и XXXVI).

Въ заключеніе не оставляю г. Бунге въ неизвѣстности чѣмъ вызванъ разборъ VI отдѣла его курса. Не „въ раздраженіи рецензента противъ книги, которая оскорбила его завѣтный идеаль, идеаль, найденный имъ во французскихъ учебныхъ порядкахъ“, причина появленія разбора. Написавъ онъ просто чтобъ обратить вниманіе г. Бунге на логрѣшности его курса. Г. Бунге самъ пожелалъ видѣть разборъ въ печати,—и желаніе его было удовлетворено...

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Биографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова. Составленъ внукомъ его графомъ Владиміромъ Орловымъ-Давыдовымъ. 2 тома. Петербургъ, 1878.

„Въ нашемъ обществѣ, за послѣднее время, съ особенною силой проявилось расположеніе знакомиться съ мельчайшими подробностями касающимися частной жизни людей имена коихъ связаны съ исторіею XVIII вѣка“, говоритъ составитель біографическаго очерка въ своемъ предисловіи. „Собиратели историческихъ матеріаловъ не разъ просили меня сообщить имъ письма и документы хранящіеся въ моемъ семейномъ Отрадинскомъ архивѣ и могущіе содержать въ себѣ интересныя данныя касательно фамиліи графовъ Орловыхъ. По двумъ причинамъ я не считалъ удобнымъ удовлетворить эти просьбы. Первая та что бумаги оставшіяся послѣ графа Владиміра Григорьевича только косвенно касаются современныхъ историческихъ событій; а вторая—что я самъ намѣревался собрать и составить изъ нѣкоторыхъ писемъ и дневниковъ вѣчто цѣлое, представляющее болѣе интереса чѣмъ разбросанные отрывки, появляющіеся въ періодическихъ изданіяхъ. Въ настоящее время я привелъ въ исполненіе свое намѣреніе.“

Составитель біографическаго очерка „считает лишнимъ и даже неумѣстнымъ“ представлять въ предисловіи характеристику своего дѣда. Тѣмъ не менѣе въ предисловіи есть нѣсколько строкъ которыя позволяютъ намъ составить себѣ понятіе о томъ какою основною мыслью руководился составитель, выбирая изъ семейныхъ бумагъ матеріалы для біографіи графа Владиміра Орлова. „Графъ Владиміръ Григорьевичъ замѣчательнъ особенностями которыя отличаютъ людей самостоятельныхъ, твердыхъ и не гоняющихся за извѣстностью. Онъ жилъ въ обществѣ преисполненномъ не только самыхъ разнообразныхъ, но и самыхъ противоположныхъ мнѣній и правилъ. Принадлежа по своему рожденію и воспитанію къ высшему общественному и придворному кругу, онъ имѣлъ, однако, болѣе влеченія къ жизни деревенской и къ сельской средѣ; западная цивилизація сливалась въ немъ съ величіемъ національныхъ чувствъ. Въ своемъ взглядѣ на жизнь и въ своихъ дѣйствіяхъ онъ былъ ближе многихъ своихъ современниковъ къ нашему времени. Меня будутъ упрекать, можетъ-быть, въ томъ что я привелъ слишкомъ много писемъ носящихъ отпечатокъ чисто семейнаго интереса, но я хотѣлъ этимъ дать читателю возможность составить себѣ самостоятельное понятіе о характерѣ чловѣка, проявившаго себя преимущественно въ частной жизни. Хотя дѣятельность графа Орлова, какъ директора Академіи Наукъ, была весьма замѣчательна по той энергіи съ какою онъ отдался дѣлу науки, по важности экспедицій предпринятыхъ по его почину и подъ его руководствомъ, по значительному числу иностранныхъ ученыхъ привлеченныхъ имъ въ Россію,—но онъ обращаетъ на себя вниманіе особенно какъ типъ русскаго богатаго и знатнаго домовода XVIII и XIX столѣтій.“

Дѣйствительно біографія графа Владиміра Григорьевича Орлова представляетъ много интересныхъ матеріаловъ для бытовой стороны русскаго общества конца XVIII и начала XIX столѣтія. Мы и остановимся преимущественно на этой сторонѣ, представимъ въ краткомъ очеркѣ исторію жизни и дѣятельности графа Орлова.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣдѣ и отцѣ графа Владиміра Григорьевича находятся въ дипломѣ на графскій титулъ пожалованномъ императрицей Екатериной. Въ немъ сказано что Орловы произошли отъ древней благородной германской фамиліи изъ польской Пруссіи. Составитель біографическаго

очерка не согласенъ, впрочемъ, съ этою генеалогіей. Происхожденіе „Льва, мужа честна“, родоначальника графовъ Орловыхъ, отъ иностранной фамиліи, не подтверждается, по его мнѣнію, никакимъ стариннымъ актомъ. „Оно могло быть вымышлено составителемъ родословной росписи, желавшимъ, какъ часто случалось, пододвститься къ сильнымъ людямъ производя ихъ отъ знаменитыхъ иностранцевъ, тогда какъ бѣольшая часть этихъ дворянскихъ родовъ была чисто русскаго происхожденія.“ Изъ графскаго диплома Орловыхъ усматривается что отецъ графа Владиміра, Григорій Ивановичъ Орловъ, служилъ генераль-майоромъ и потомъ новгородскимъ губернаторомъ, находился въ Шведскую и Турецкую войну „на всѣхъ баталіяхъ и за отличную храбрость и претерпѣнныя раны отъ императора Петра Великаго золотою дѣлью и портретомъ его величества почтенъ былъ“. Григорій Ивановичъ Орловъ имѣлъ, кромѣ умершихъ въ малолѣтствѣ, еще пятерыхъ сыновей: Ивана, Григорія, Алексѣя, Федора и Владиміра. Всѣ они были возведены въ графское достоинство императрицей Екатериной въ 1762 году, въ день ея коронаванія. Послѣдній, графъ Владиміръ, родился 8 іюля 1743 года, и лишившись въ ранней молодости родителей, оставался на попеченіи своихъ братьевъ, заботившихся о немъ постоянно и горячо, о чемъ онъ любилъ вспоминать въ старости, называя ихъ своими благодѣтелями. „По слабости здоровья и по совѣту братьевъ, онъ жилъ нѣкоторое время, съ большою пользою для себя, въ деревнѣ, гдѣ простой, воздержный образъ жизни укрѣпилъ его силы. За нимъ ходила отличная няня, которая по-своему учила его закону Божию, пріучала къ благочестію и строгому соблюденію всѣхъ уставовъ церковныхъ. Братья изрѣдка посѣщали его въ деревенскомъ уединеніи и, привыкшіе уже къ свѣтской жизни, подшучивали надъ его строгимъ благочестіемъ. Когда Владиміръ сталъ приходить въ юношескія лѣта, его старшіе братья приняли важное рѣшеніе въ пользу его воспитанія. Они послали его кончить научное образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ онъ пробылъ три года. Братья разсудили очень вѣрно что Владиміръ Григорьевичъ, по слабому тѣлосложенію, не призванъ къ военной дѣятельности и, желая его оградить сколько отъ волненій свѣтской жизни, столько и отъ бездѣйствія, озабочились доставить ему кругъ дѣятельности мирной, развивъ въ немъ вкусъ къ наукамъ и искусствамъ. Студенческіе годы

въ Лейпцигѣ имѣли большое значеніе въ жизни Владиміра Григорьевича: они развили въ немъ не столько литературное честолюбіе, сколько настоящую любовь къ наукѣ, преимущественно къ наукамъ естественнымъ и въ особенности къ астрономіи. Высшая обстановка жизни въ провинціальномъ нѣмецкомъ городкѣ была согласна съ его вкусами. Неизысканность въ выборѣ забавъ и увеселеній, отсутствіе всякаго блеска и всѣхъ великосвѣтскихъ искушеній, простота въ лицѣ и общеніе съ бѣдными и трудящимися товарищами— вотъ что ожидало молодого русскаго студента на этомъ новомъ для него полприщѣ. Его должна была сильно поразить въ этихъ ученыхъ лицахъ скромность, доходившая въ иныхъ случаяхъ до крайности. Въ немъ развилась еще сильнѣе любовь къ умственнымъ упражненіямъ разнаго рода и установилось прочное основаніе къ привычкамъ къ порядку, скромному довольству и къ правильному распределенію времени, которыя составляли отличительныя черты его характера.

„Начиналась вторая половина XVIII вѣка (1763). Лейпцигъ жилъ въ то время живымъ воспоминаніемъ знаменитаго своего уроженца, философа Лейбница. Всѣ съ жаромъ изучали его творенія. Въ Лейпцигѣ не были безызвѣстны и теоріи Локка, и философія Юма, также какъ мысли французскихъ писателей, слѣдовавшихъ по пути спектицизма за англійскими философами. Въ то самое время въ Петербургѣ дворъ и высшіе слои общества проникались идеями Вольтера, и потому нѣкоторое философское броженіе, вѣроятно, было и въ молодомъ Орловѣ, но въ Лейпцигѣ развилась въ немъ еще сильнѣе та любовь къ вопросамъ метафизическимъ которая до глубокой старости его не покидала. Орловъ имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми знаменитыми личностями того времени, напримѣръ съ почтеннымъ профессоромъ нравственной философіи Геллертомъ и филологомъ Готшедомъ, бывшимъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и другими учеными. Къ числу пріятныхъ занятій его въ это время, бывшее всегда въ послѣдствіи любимымъ предметомъ его воспоминаній, принадлежали вечернія собранія нѣсколькихъ музыкантовъ-любителей, сходившихся у него по субботамъ для исполненія разныхъ музыкальныхъ твореній. Вотъ что писалъ о занятіяхъ Владиміра Орлова въ Лейпцигскомъ университетѣ бывший членъ Россійской Академіи Наукъ, Гейн-

сіусь, къ исторіографу Миллеру, отъ 6 августа 1763 года:
 „По возвращеніи моемъ съ водъ я къ величайшему моему
 „удовольствію нашелъ здѣсь русскаго знакома, графа Орлова,
 „достойнѣйшаго кавалера, который своимъ благонравіемъ и
 „великимъ прилежаніемъ дѣлаетъ большую честь нашему уни-
 „верситету. Онъ уже хорошо говоритъ по-нѣмецки и я часто
 „болтаю съ нимъ, примѣшивая русскія слова.“ Пребываніе въ
 Лейпцигѣ должно было оставить навсегда въ умѣ молодаго
 русскаго студента большое уваженіе къ германскимъ ученымъ.
 Дѣйствительно, послѣ него осталось много писемъ къ раз-
 нымъ нѣмецкимъ ученымъ, и ни одного письма ни къ Далам-
 беру, ни къ Дидро, которыхъ онъ однако зналъ лично. Имъ
 онъ посылалъ только явѣтствія чрезъ другихъ. Надо при-
 томъ замѣтить, окончивая разказъ объ университетскихъ го-
 дахъ графа Владиміра Орлова, что пребываніе въ Лейпцигѣ
 не развило въ немъ любви къ заграничной жизни и не при-
 вило къ нему привычки говорить на иностранныхъ языкахъ.“

Таково было воспитаніе графа Владиміра Орлова. Возвра-
 тившись изъ-за границы по окончаніи своего ученія въ Лейп-
 цигъ, онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, гдѣ блестя-
 щее положеніе князя Григорія и графа Алексѣя при дворѣ не
 могло не отразиться и на немъ. Онъ былъ пожалованъ ка-
 меръ-юнкеромъ императрицы, которая въ шутку часто назы-
 вала его философомъ. „Одинъ разъ императрица разгнѣвалась
 на молодаго философа за саншкомъ точное и настойчивое
 исполненіе даннаго ему приказанія. Когда императрица при-
 вила себѣ ослу для того чтобъ убѣдить своихъ подданныхъ
 собственнымъ примѣромъ въ пользѣ ослорививанія, докторъ
 Роджерсонъ настоятельно совѣтовалъ чтобъ императрица
 принуждала себя прохаживаться, несмотря на нерасположе-
 ніе къ тому и наклонность ко сну въ приступахъ лихора-
 дочнаго волненія. Объ исполненіи этого предписанія долженъ
 былъ напоминать ей дежурный камеръ-юнкеръ. Эта обязан-
 ность пришла къ дою бывшаго лейпцигскаго студента, и
 излишняя его настойчивость, происходившая отъ усердія,
 возбудила неудовольствіе императрицы. Можно себѣ вообра-
 зить какое строгое правоученіе получилъ въ этомъ случаѣ
 Владиміръ отъ своихъ братьевъ, гораздо болѣе самой импе-
 ратрицы разсердившихся за его неловкость.“ Единственнымъ
 замѣчательнымъ эпизодомъ непродолжительной придворной
 службы Владиміра Григорьевича было его солутствование

императрицѣ во время путешествія ея по Волгѣ въ 1767 году. Онъ оставилъ описаніе этого путешествія въ собственноручномъ дневникѣ. „Это разказъ содержащій преимущественно статистическія свѣдѣнія и интересный теперь только для сравненія съ настоящимъ положеніемъ Приволжскаго края. Молодой авторъ тогда уже отличался необыкновенною осторожностью. Онъ умалчиваетъ въ своемъ дневникѣ обо всемъ что касалось лицъ составлявшихъ блестящую свиту императрицы. Никогда не встрѣтимъ у него ни одного ея слова ни къ нему, ни къ брату его Григорію.“ Дневникъ этотъ, довольно объемистый, цѣликомъ приведенъ въ текстъ книги.

Двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, графъ Владиміръ Григорьевичъ былъ уже назначенъ на должность директора Академіи Наукъ. „Ея императорское величество“, сказано въ именномъ указѣ Сенату, отъ бго октября 1766 года, „видя съ крайнимъ сожалѣніемъ Академію Наукъ въ великомъ нестроеніи и почти въ совершенномъ упадкѣ, восхотѣли для скорѣйшаго поправленія ея и приведенія въ прежнее цвѣтущее состояніе взять оную въ собственное свое вѣдомство для учиненія въ ней реформы, къ лучшему и полезнѣйшему ея направленію. А какъ нынѣ исполненіе оного дѣйствительно начаться имѣеть, то за нужно почли опредѣлить такую повѣренную отъ ея императорскаго величества персону, чрезъ которую бы ея величество даваемыя свои повелѣнія оной Академіи объявлять, такъ и нужды ея видѣть могли, и для сего избрали впредь до указа ея императорскаго величества камеръ-юнкера графа Владиміра Орлова, коего довольно въ наукахъ свѣдѣніе и охота его и склонность къ онымъ ея величеству весьма извѣстны, повелѣвая притомъ ему: имѣть дирекцію канцеляріи и исполнять во всемъ по тѣмъ отъ ея императорскаго величества ему, графу Орлову, даваемымъ повелѣніямъ, которыя яко словесныя онъ въ Академіи записывать будетъ.“ Того же бго октября, въ конференціи Академіи составленъ любозытный протоколъ на латинскомъ языкѣ, описывающій прибытіе новаго директора въ Академію и вступленіе его въ должность. Дѣло было около полудня, circa meridiem; кто-то изъ академикомъ, sociogum quidam, только что разказывалъ про слухи о назначеніи новаго директора, какъ вдругъ прилетѣлъ посланный отъ графа Владиміра Орлова, nuntius advolavit, съ просьбой чтобъ академики не расходились. Brevi interjecta mora ipse Comes conventui Acade-

mico adest, salutatusque ab omnibus, litteras ab ipsa Augustissime Imperatrice subsignatas et ad illum datas praelegendas graebet, и т. д. „Молодой Орловъ не замедлилъ высказать желаніе чтобы протоколы академическихъ засѣданій велись не по-латыни, а на русскомъ языкѣ, высказывая что знаніемъ латинскаго языка онъ обладаетъ не въ такой степени чтобы не утрачивалась для его вниманія никакая часть академическихъ рѣчей. Однако желаніе директора не осуществилось вполнѣ: рѣшено было что протоколы будутъ ведены если не по-латыни, то по-нѣмецки, въ виду какъ большаго числа нѣмецкихъ ученыхъ незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ, такъ и той легкости съ которою Русскіе усвояютъ пониманіе и употребленіе нѣмецкаго языка.“

Президентомъ Академіи былъ въ то время графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, но всѣ труды академическаго управленія лежали на молодомъ директорѣ. Первымъ распоряженіемъ Орлова было назначеніе ревизіи и учета иностранной книжной лавкѣ которая была до того времени въ полномъ завѣдываніи Тауберта, оставшагося послѣ смерти Ломоносова (1765) властителемъ Академіи. Въ первый же мѣсяцъ по вступленіи въ должность директора, графъ Орловъ получилъ именной указъ объ учрежденіи при Академіи комиссіи, взамѣнъ нелюбимой всѣми академической канцеляріи. Члены комиссіи должны были „разбирать всѣ департаменты, дабы привести ихъ въ лучшее состояніе“, а Орловъ долженъ былъ имѣть надъ комиссіею „власть такую какаю президенту Академіи Наукъ въ регламентѣ предписана. Впрочемъ какииъ образомъ быть управленію, отдаемъ на распоряженіе ваше“, говорилось въ указѣ. Мы находимъ въ біографіи графа Владиміра Орлова цѣлый рядъ писемъ его къ членамъ академической комиссіи. Всѣ они почти неизмѣнно начинаются словами: „любезные товарищи, всѣмъ вамъ отъ искренняго сердца здравія и благополучія желаю“, и содержатъ различныя подробности касающіяся предметовъ занятій Академіи. Ко времени управленія графа Академіей относятся два выдающіяся событія: ученая экспедиція для наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры и путешествіе Палласа. Читатели найдутъ много интересныхъ свѣдѣній по этимъ вопросамъ въ перелискѣ графа. Привода въ подлинникъ многія изъ его писемъ, составитель біографіи въ то же время указываетъ въ общихъ выраженіяхъ содержаніе

другихъ оставшихся ненапечатанными. „Базедову, профессору въ Альтонѣ, графъ передаетъ приглашеніе императрицы пріѣхать въ Петербургъ для совѣщанія по педагогическимъ вопросамъ, въ видахъ устройства училищъ въ Россіи. Заботливость графа въ дѣлѣ воспитанія молодыхъ людей посланныхъ за границу, въ Педагогіумъ въ Галлѣ, выражается во многочисленныхъ письмахъ его къ лейпцигскимъ педагогамъ и ученымъ: Беме, Шраберу, Шенфельду, Зейлицу, Бокуму и другимъ. Ко всѣмъ этимъ лицамъ графъ обращается за свѣдѣніями о Педагогіумѣ какъ заведенію хорошо имъ извѣстномъ и, передавая ходячіе слухи что въ воспитывающихся въ немъ дѣтяхъ вѣдряются чувства меланхоліи, боязливости и скрытности, выражаетъ оласеніе, несмотря на хорошую репутацію означеннаго заведенія, что врожденная живость дѣтскаго характера можетъ смѣниться мрачнымъ настроеніемъ и перейти въ ліетизмъ. Но особенно ясно выразился личный взглядъ графа на направленіе воспитанія въ перелискѣ его съ Гейнциемъ. Въ одномъ изъ писемъ къ нему графъ подробно объясняетъ что желаніе родителей молодыхъ людей находящихся въ Лейпцигѣ заключалось въ томъ чтобъ удалить дѣтей отъ общества прислуги и не обременять ихъ непосильнымъ ученіемъ. По слабости и нѣжности ихъ темпераментовъ, имъ необходимы частыя прогулки лѣшкомъ, по временамъ поѣздки, и т. л., для укрѣпленія физическихъ силъ. Просить устранить этихъ молодыхъ людей отъ ланибратства съ прислугой, отчего уже они пострадали прежде, и заняться постепеннымъ исправленіемъ ихъ выговора и образа выраженій. По мнѣнію графа, занятія науками не должны быть для нихъ бременемъ; сообщеніе имъ различныхъ понятій, соотвѣтственныхъ ихъ способностямъ, можетъ быть достигнуто путемъ бесѣды; слѣдуетъ поощрять въ мальчикахъ охоту заниматься рисованіемъ, танцами, ариѳметикою и географіей; наблюдать чтобъ они при кратковременныхъ отлучкахъ всегда были сопровождаемы надежнымъ человѣкомъ.“ Въ числѣ другихъ ученыхъ графъ пригласилъ въ Россію извѣстнаго Евгенія Булгариса, который сначала получилъ назначеніе придворнаго бібліотекаря, а затѣмъ былъ назначенъ архіепископомъ „Славянскою и Херсонскою“ епархіи учрежденной въ губерніяхъ Новоросійской и Азовской.

Придворная жизнь была не по вкусу графу Владиміру

Григорьевичу. Скоро по возвращеніи изъ Лейпцига онъ началъ думать объ удаленіи отъ двора и о женитьбѣ. Выборъ его остановился на дѣвицѣ Елизаветѣ Ивановнѣ Штакельбергъ, фрейлинѣ, жившей при дворѣ императрицы. Братья находили что онъ еще слишкомъ молодъ для женитьбы, и ему долго пришлось ожидать ихъ согласія. Когда ему исполнилось двадцать пять лѣтъ, онъ объявилъ что не хочетъ болѣе отлагать своего рѣшенія и вступилъ въ бракъ съ дѣвицей Штакельбергъ. „Супружество ихъ было самое счастливое; они прожили сорокъ девять лѣтъ въ невозмутимомъ согласіи и нѣжнѣйшей любви, выражавшейся въ непрестанной заботѣ другъ о другѣ до глубокой старости.“ Между тѣмъ постоянныя умственные занятія и не менѣе утомительная суета свѣтской жизни вредно подѣйствовали на здоровье графа, и по совѣту врачей онъ долженъ былъ отправиться за границу для лѣченія водами. Путешествіе это было предпринято имъ въ 1771 году и описано въ краткомъ дневникѣ. Графъ посѣтилъ между прочимъ Францію и Англію. Въ Парижѣ онъ „видѣлъ раза четыре или пять Руссо, посѣщалъ много разъ Дидеро и былъ однажды у маркиза Мирабо, также у Даламберта“. „Руссо полюбилъ меня“, пишетъ графъ въ своемъ дневникѣ, „просилъ ходить къ нему почаще и много ласки оказывалъ.“ Англія произвела, по видимому, наиболѣе сильное впечатлѣніе на графа. Въ то время королемъ Великобританскимъ былъ Герогъ III, а членами парламента—старшій и младшій Питты, Буркъ и молодой Горасъ Фоксъ. „Пять разъ былъ я съ женой при дворѣ“, пишетъ графъ въ своемъ дневникѣ, „король и королева обходились съ нами съ откровенною милостію. Король говорилъ со мною часто о моей семьѣ, многія подробности были ему извѣстны, что меня не мало удивляло. Онъ зналъ что мои братья сильны, что старшій при нынѣшнемъ правленіи не служилъ и многія другія обстоятельства. Услышавъ отъ меня что мы живемъ не въ раздѣлѣ, крайне сему удивлялся. Королева обходилась также милостиво съ женой моею и при первомъ представленіи сказала: наконецъ, я имѣю удовольствіе васъ видѣть! При дворѣ большаго великолѣлія нѣтъ, да и ничего такого что бы заслуживало особаго примѣчанія. Герцогъ Нортумберландъ съ супругой своею, милордъ Шельборнъ, Болби и г. Морицъ оказывали вамъ откровенныя ласки, особливо домъ герцога Нортумберланда.“ Парламентъ произвелъ на графа „пріятное

впечатлѣніе“, и онъ „ощущалъ почтеніе къ сему собранію“. „Впечатлѣнія путешествія по Англіи обнаружилась въ послѣдствіи въ разныхъ распоряженіяхъ частной жизни Орлова“, говоритъ составитель біографіи. „Онъ занялся очень серьезно устройствомъ сельской своей резиденціи, оставилъ первую мысль строить большой дворецъ въ Симбирской губерніи и выбралъ мѣстность болѣе доступную, особенно въ то время когда средства сообщенія были самыя недостаточныя, а потому поселился окончательно въ Московской губерніи. Тутъ онъ соединилъ по возможности все что могло составлять наслажденіе сельской жизни; тутъ принималъ онъ родственниковъ и друзей, которые у него гостили по цѣлымъ недѣлямъ. Можно также замѣтить слѣдъ англійскихъ впечатлѣній и проявленіе англійскаго либерализма въ одномъ весьма важномъ трудѣ графа Орлова, именно въ сочиненіи уложенія для управленія своихъ многочисленныхъ подчиненныхъ.“

Имѣнія графовъ Орловыхъ оставались нераздѣленными до 1773 года и даже въ этомъ году не послѣдовало никакого раздѣльнаго акта, но было сдѣлано, вслѣдствіе быть-можетъ словеснаго соглашенія между братьями, распоряженіе въ формѣ „указа“ въ разныя вотчины—Ярославскія, Костромскія, Нижегородскія и Владимірскія. „Съ полученія сего нашего указа повелѣвается вамъ всѣмъ отнынѣ въ послушаніи быть у брата, графа Владиміра Григорьевича, и для того какъ отписки писать, такъ и всякія представленія отъ вотчинъ чинить на имя его въ Петербургъ, и на то, какіе отъ него посылаемы вамъ будутъ письменныя или словесныя повелѣнія, оныя вы непремѣнно должны исполнять и во всемъ волѣ его повиноваться, равнымъ образомъ и положенный на васъ господскій оброкъ ежегодно платитъ имѣете въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ отъ него указано вамъ будетъ.“ Первыми распоряженіями вновь вступившаго въ управленіе имѣніями хозяина были приказы: о своевременной высылкѣ оброка, по 4 руб. съ души въ годъ, о выносѣ бань за черту селеній, о разстояніи между домами, о возведеніи въ переулкахъ каменныхъ стѣнъ для защиты отъ огня, о посадкѣ деревьевъ на улицахъ, о постройкѣ каменныхъ лавокъ, о способахъ тушенія пожаровъ; о раздѣлѣ земли, „каковому быть истинному по качеству земли“, о назначеніи бѣднымъ вдовамъ пропитанія отъ міра, о содержаніи лѣсовъ. Въ циркулярѣ „во всѣ мои деревни“, разосланномъ въ декабрѣ 1773 года, графъ спрашиваетъ

„часто ли бываютъ мірскія сходки и по какимъ дѣламъ кто ихъ созываетъ, отъ всякаго ли дома бываетъ мужикъ или болѣе, всякому ли вольно изъ крестьянъ придти на сходку, кто только пожелаетъ; кто смотритъ чтобы на сходкѣ не было ссоръ и безпорядковъ; о всемъ семь меня увѣдомить. Мірскіе приговоры записываютъ ли въ книгу, также и расходы, у кого книга сія на рукахъ? Мірскіе приговоры, которые сюда ко мнѣ посылаются, всѣ ли ихъ на сходкѣ подписываютъ? или неумѣющіе грамотѣ уполномочиваютъ другихъ? Когда на мірской сходкѣ крестьяне не всѣ согласны,—одна часть одного мѣннія, а другая другаго, то записываютъ ли оныя? Если не записываютъ, то впередъ записывать и присылать тѣ дѣла которыя до утвержденія моего касаются, со мнѣніями обоихъ частей. Межеваніе началось ли, что сдѣлано по оному и какія мѣры и съ кѣмъ, увѣдомить меня. Я желаю чтобы бѣднымъ и сиротамъ притѣсненія отъ богатыхъ не было, чего очень беречься надобно; когда такое дѣло до свѣдѣнія моего придетъ и я невинность увижу, то не улузу жестоко за оное наказать.“

Въ 1774 году произошла извѣстная перемѣна въ положеніи фамиліи Орловыхъ. Графъ Владиміръ Григорьевичъ просилъ императрицу уволить его по слабости здоровья отъ должности директора Академіи Наукъ. Вотъ что пишетъ онъ объ этомъ брату Алексѣю:

„Алеханъ голубчикъ здравствуй; прилагаю письмо отъ брата. Последнее твое письмо отъ 7го ноября получилъ. Слава Богу что тебѣ легче. Братъ Григорій на этихъ дняхъ посылаетъ карету дорожную въ Кенигсбергъ напередъ. Самъ же когда ѣдетъ, точно еще неизвѣстно, только все думаю съ начала генваря, а можетъ быть и ранѣе. Когда узнаю, то конечно отпущу. Прежде къ тебѣ писано и отъ братьевъ, и отъ меня что я просилъ въ отставку. Уволенъ дня съ три тому назадъ генераль-поручикомъ и съ жалованіемъ по смерти. Государыня милостиво согласилась и я доволенъ чрезвычайно. Брата Федора судьба еще не рѣшилась. Письмо отъ него подано, есть надежда что и онъ скоро уволенъ будетъ по слабости здоровья нашего. Конечно, всего намъ дороже въ семъ случаѣ милость государская.“

Съ 1775 года графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ пересталъ быть постояннымъ жителемъ Петербурга и въ томъ же году купилъ себѣ домъ въ Москвѣ, на Никитской улицѣ.

„Орловы и по удаленіи отъ двора продолжали жить въ неразрывной дружбѣ между собою. Ихъ достояніе было не только достаточное, но богатое, несмотря на накопившіяся долги. Князь Григорій готовился ѣхать за границу; Алексѣй завелъ великолѣпный конный заводъ въ небывалыхъ ни прежде, ни послѣ размѣрахъ; Федоръ, беззаботный и веселый, продолжалъ вести свой прежній, не очень постоянный образъ жизни; одинъ только склонный къ плохондріи Иванъ жилъ въ деревнѣ то домохозяиномъ, то охотникомъ. Владиміръ, семьянинъ и хозяинъ, продолжалъ быть главнымъ руководителемъ и совѣтникомъ семьи, несмотря на то что былъ младшимъ ея членомъ.“ Владиміръ Григорьевичъ дѣятельно занялся постройкой дома и устройствомъ своего имѣнія Отрада въ 80 верстахъ отъ Москвы. Вотъ какъ описываетъ составитель біографіи Отрадинскій паркъ и домъ.

„Теперь по результату трудовъ въ существующей усадьбѣ видно какъ удаченъ былъ выборъ для нея мѣста и какой замѣчательной прочности были постройки. Видны также въ паркѣ слѣды впечатлѣній оставленныхъ въ памяти графа англійскими парками. Оленіи составляютъ большую красоту англійскихъ парковъ, и графъ завѣлъ ихъ и въ Отрадинскомъ. Но у насъ мѣстныя условія иныя чѣмъ въ Англіи. Дворецкій кончалъ свое донесеніе графу объ оленяхъ словами: „все оное „хозяйину въ убытокъ, а выгоды отъ оныхъ оленей хозяйину „никакой нѣтъ и полагаетъ мнѣніе чтобы оныхъ оленей „всѣхъ продать.““ Мнѣніе это было одобрено графомъ резолюціей 1802 года и съ того времени и ловынь оленей болѣе не было въ Отрадинскомъ паркѣ. Охота была главною заботой Орловыхъ. Поэтому и лѣса принадлежавшіе графу Владиміру, разбросанные по полямъ и не входившіе въ составъ парка, были приспособлены къ охотѣ и раздѣлены на рощи—острова, въ которыхъ лускали гончихъ и вокругъ которыхъ охотники располагались съ борзыми собаками. Никакого слѣда этого устройства теперь не осталось, такъ какъ лѣсочки по большей части поступили въ надѣлъ крестьянъ и были ими вырублены. Въ самомъ паркѣ, расположенномъ по обоимъ берегамъ Ялоски, живописная мѣстность сочеталась съ весьма значительными садоводственнымными предпріятіями, какія по массѣ потребовавшего въ нихъ труда, въ настоящее время были бы невозможны. Способъ провода водъ черезъ большія пространства и возвращенія ихъ въ уровень истока

не былъ практически примѣняемъ въ большей части Россіи въ то время. Графъ пожелалъ ввести его впервые въ Отрадѣ и провелъ въ домѣ свой превосходную воду, бившую ключомъ изъ земли въ значительномъ разстояніи отъ дома; онъ доставилъ себѣ также удовольствіе устройствомъ въ паркѣ своемъ „кунштютка“, который съ перваго раза могъ бы привести въ недоумѣніе и ученаго: посредствомъ чрезвычайно постепенной нивелировки воды двухъ источниковъ, находившихся одинъ отъ другаго въ двухверстномъ разстояніи, сведены имъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ въ теченіе почти параллельное и въ самомъ близкомъ разстояніи одно отъ другаго. Этотъ кунштюткъ (*conchetto*) существуетъ и понынѣ въ Отрадинскомъ паркѣ. Въ числѣ другихъ подробностей устройства парка есть неоспоримо такія которыя не подходятъ къ нынѣшнему вкусу, но они служатъ памятниками вкуса той эпохи въ которую они были устроены. Ключевыя воды парка, направленныя въ круглыя и четырехугольныя пруды, могли бы, безъ сомнѣнія, быть расположены съ большимъ вкусомъ. Бесѣдки, изображая сельскія пустыническія убѣжища снаружи, а внутри заключаая небольшую бальную залу съ колоннами, доставляютъ болѣе удовольствія дѣтямъ чѣмъ знатокамъ. Оранжеви, расположенныя съ большимъ удобствомъ, остались понынѣ въ прежнемъ своемъ видѣ и нѣсколько увеличились. Отрадинскій паркъ занимаетъ около 600 десятинъ, и великъ въ сравненіи съ другими подобными въ Россіи.

„Отрадинскій домъ сохранилъ до сихъ поръ вмѣстѣ съ садами своими первоначальный свой характеръ. Объ этомъ домѣ нельзя сказать чтобы онъ красотой архитектуры поражалъ пріѣзжаго: его можно назвать скорѣе привлекательнымъ нежели величественнымъ. Онъ носитъ отпечатокъ разумной практичности семейнаго устройства и отличается вѣковой постройкой. Нѣтъ въ немъ ни одного потолка который не былъ бы сводомъ. Колоссальная купальня, назначенная какъ будто для великановъ, одна изъ особенностей нижняго этажа. По четыремъ угламъ замка расположены терассы съ которыхъ открывается широкій видъ на окрестность. Вслѣдствіе толщины стѣнъ, комнаты не такъ обширны какъ можно бы ожидать по наружному виду всего строенія. Приемныя комнаты не лишены красоты, но размѣръ ихъ средній и болѣе соответственны практическому

употребленію нежели большому приему гостей. Размѣръ спальныхъ комнатъ болѣе нежели приемныхъ.“

Большая Отрадинская бібліотека не могла умѣститься ни въ одной комнатѣ и размѣщалась поэтому въ разныхъ локояхъ, преимущественно въ кабинетъ графа. „Въ выборѣ чтенія графъ Владиміръ имѣлъ много разнообразія, потому что интересовался всѣмъ. То математическія, то метафизическія сочиненія появлялись на его столѣ, то Реомюра книга о часткомыхъ, то Вункельмана о художествахъ, то *Владиміриада* Хераскова. Сочиненія юристовъ, камералистовъ и философовъ занимали его просвѣщенное вниманіе. Онъ любилъ въ особенности Монтескѣ *Духъ Законовъ*, читалъ съ удовольствіемъ *Письма Эйлера à une princesse d'Allemagne*, начерталь, но не напечаталъ, планъ преподаванія по идеямъ Локка и множество учебныхъ тетрадей. Онъ заставлялъ свою внучку Елизавету Петровну Давыдову (въ послѣдствіи княгиню Долгорукову) читать лѣтопись Св. Дмитрія Ростовскаго и Экартсгаузена: „*Dieu est l'amour le plus pur.*“ Ему самому читали вслухъ Новый Заветъ; графъ часто цитовалъ посланія Св. Апостоловъ Иоанна и Іакова. Для него перепиывали крупными буквами на лоскуткахъ бумаги тексты, на которыхъ вниманіе его особенно останавливалось, и онъ вынималъ ихъ изъ жилетнаго кармана, подносилъ близко къ глазамъ своимъ и повторялъ въ разговорахъ чаще тѣ тексты въ которыхъ сказано что любовь отъ Бога и всякъ любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога, и что вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Изъ древнихъ знаменитостей Сократъ былъ его любимымъ идеаломъ. Физическій кабинетъ, налминающій объ Эйлерахъ, и рудный кабинетъ, налминающій о Палласѣ и Гмелинѣ, не могли помѣститься въ главномъ домѣ и были расположены въ одномъ изъ многочисленныхъ его флигелей.“

Рядомъ съ описаніемъ Отрады, составитель біографическаго очерка даетъ любопытное описаніе господствовавшей здѣсь жизни. Описаніе это особенно интересно въ бытовомъ отношеніи.

„Графъ вставалъ въ шесть часовъ утра. Туалетъ его подвергался большимъ измѣненіямъ: лятдесять семь лѣтъ его жизни протекали въ XVIII столѣтіи, тридцать два года— въ XIX. Къ туалету прошлаго столѣтія относится приказъ даанный отрадинской эконоmkѣ или надзирательницѣ за женскими рукодѣіями о вышиваніи двухъ *кафтановъ*

для графа: „вышивать напередъ бархатный, которому присылается узоръ, вышивать его золотомъ, тутъ же можно мѣшать и блески золотыя. Суконный кафтанъ вышивать золотомъ и серебромъ, согласно присылаемымъ образцамъ, а какія нужно вещи требовать отъ дворецкаго.“ Эти два кафтана были парадные, но для домашняго употребленія шились кафтаны того же покроя изъ сукна или бархата, и изъ нихъ выходили наружу у вельможъ кружевные маншкы или жабо. Въ послѣднее время жизни графа его платье отличалось оригинальною простотою и безукоризненною чистотою бѣлая. Онъ носилъ длинный сюртукъ байковый или суконный зимой, и темный нанковый лѣтомъ, вмѣсто жилета—широкій шелковый камзолъ и вокругъ шеи бѣлый кисейный платокъ. Въ свои именины онъ принималъ отъ дѣтей и внучатъ въ подарокъ куски сукна или шелковой матеріи. Онъ надѣвалъ рѣдко и при особенныхъ праздничныхъ и церемоніальныхъ случаяхъ фракъ на которомъ висѣла въ петлицѣ бронзовая дворянская медаль 1812 года, а мундиръ гвардейскій, Екатерининскій, надѣвалъ выѣзжая на дворянскіе выборы. Графъ носилъ постоянно въ одномъ карманѣ толстые золотыя часы съ двумя брилліантовыми knobками и съ боемъ, происходящимъ безъ наружнаго давленія, а въ другомъ карманѣ—выписки изъ Евангелія и плоскую табатерку.

„Графъ посвящалъ часовъ шесть и болѣе на чтеніе. Столъ отрадинскій не отличался особенною роскошью. Заботясь постоянно о своемъ здоровьѣ, графъ заставлялъ иногда, по совѣту Карнаро, автора книги *L'art de vivre longtemps*, вѣсить лицу принимаемую имъ за обѣдомъ. Онъ вставалъ изъ за стола чтобы лечь въ особой комнатѣ. Причиной тому было затрудненіе въ глотаніи жидкости, зависящее отъ какого-нибудь поврежденія или спазма глотки. Столовый залъ былъ, равно какъ сосѣдняя съ нимъ билліардная комната, покрыты раскрашенными картинами птицъ вырѣзанными изъ *Натуральной Исторіи* Бюффона. Изображенія рыбъ и бабочекъ того же изданія покрывали стѣны и гостинаго фойееля. Эти картины съ тѣхъ поръ уступили мѣсто фамильнымъ портретамъ и ландшафтамъ; но надо сознаться что одна отличительная, чисто педагогическая черта Отрадинскаго дома исчезла при этой замѣнѣ картинъ изъ Бюффона, съ надписанными подъ ними названіями, болѣе художественными произведеніями.

„Для того чтобы проводить от пяти до шести мѣсяцевъ въ году въ деревнѣ, въ разстояніи 80 верстъ отъ Москвы, надлежало окружать себя всѣми возможными пособіями и удобствами; почему и домочадцевъ Отрадинскаго хозяина бывало множество. Соотвѣтствуя такому персоналу, пристройки Отрадинскаго дома наполнялись всякаго рода секретарями, конторщиками, музыкантами и артистами, изъ которыхъ большая часть исполняла также служительскія обязанности. Изъ крестьянскаго сословія брались мальчики которые отдаваемы были въ обученіе различнымъ искусствамъ и ремесламъ; такимъ образомъ имѣлись свои портные, башмачники, шорники, конюхи, коновалы, садовники, фельдшера, алтекари, часовщики, плотники, столяры, каменьщики, кирпичники и проч. Полезныя ремесла нерѣдко бывали соединяемы съ пріятными искусствами въ однихъ и тѣхъ же лицахъ: иной, работавшій въ столярной утробѣ, являлся вечеромъ актеромъ на театрѣ. Несмотря на это совмѣщеніе должностей, оркестръ былъ замѣчательно хорошъ, и въ томъ числѣ находилось нѣсколько солистовъ, которые, по смерти графа, когда ихъ услуги уже не требовались, помѣстились съ выгодой на Московскомъ театрѣ. Музыка играла во время стола, а по субботамъ, вечеромъ, давались въ биллиардной комнатѣ инструментальныя и вокальныя концерты. Графъ слушалъ ихъ изъ сосѣдней гостиной и по окончаніи пьесы дѣлалъ замѣчанія каледьмейстеру Гурилеву, отцу извѣстнаго композитора. Въ Отрадѣ однако высшія должности не ограничивались музыкой. Между дворовыми людьми находились и архитекторъ, и живописецъ; хотя не было въ строгомъ смыслѣ астронома, поэта, богослова, однако былъ человѣкъ особо пріученный поджидать къ опредѣленному часу появленіе на небѣ звѣзды или планеты и о томъ докладывать; были и доморощенные поэты (конечно не должностныя); наконецъ было въ Отрадѣ лицо исправлявшее должность богослова. Между разными людьми которые читали вслухъ графу по причинѣ слабости его зрѣнія, находился камердиверъ, необыкновенно расположенный къ религіознымъ словопремѣмъ и заводившій ихъ, когда графъ вступалъ съ нимъ въ разговоръ. Разъ ему пришлось читать что-то встревожившее его религіозныя понятія, и онъ сказалъ: право, ваше сіятельство, лучше бы намъ Евангеліе

читать, а не такіе пустяки. Въ главной конторѣ, изъ которой не только передавались приказы, но гдѣ обсуждались, по предвѣртанію данному графомъ, многочисленныя дѣла управленія вотчинами его, начальствовавшіе были въ миниатюрѣ скорѣе государственными людьми нежели агрономами и специалистами. Они докладывали о дѣлѣ вмѣстѣ со своимъ проектомъ резолюціи, подписаннымъ ими единогласно, или съ мнѣніями и представленіями, а графъ, по разсмотрѣніи всего дѣла и мнѣнія конторы, возвращалъ ихъ въ контору со своимъ утвержденіемъ или съ измѣненными приказами въ другомъ смыслѣ. Въ числѣ всего этого персонала находились очень порядочные люди, которымъ поручалось давать уроки чистой писанины, переписывать учебныя тетради и вообще оказывать содѣйствіе ученію дѣтей и внуковъ графа. Но были и престранныя личности и нѣкоторыя очень важничали предъ наставниками и даже предъ членами семейства, особенно въ дни раздачи жалованья. Въ числѣ дворовыхъ графа не было никогда ни шутовъ, ни дурочекъ—профессіи игравшей роль во многихъ изъ вельможныхъ домовъ того времени. Все Отрадинское семейное общество собиралось въ воскресенье на вершину горы, въ большую и прекрасно построенную Отрадинскую церковь, въ которую основатель Отрады ходилъ почти всегда лѣшкомъ. Тамъ онъ становился на хорахъ и стоялъ уединенно отъ семьи своей и крестьянъ.“

Такова была обстановка среди которой протекала жизнь графа Владиміра Григорьевича Орлова послѣ удаленія его отъ службы и отъ двора. Описанію этой семейной жизни посвященъ весь второй томъ біографическаго очерка. Мы узнаемъ что у графа было два сына, Александръ и Григорій, и три дочери, Софья, Екатерина и Наталья. Старшій сынъ, Александръ, умеръ за границей, девятнадцати лѣтъ отъ роду; младшій, Григорій, тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ и сенаторъ, былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Салтыковой, и также умеръ еще при жизни отца. Изъ дочерей графа—Софья Владиміровна была замужемъ за графомъ Никитой Петровичемъ Панинымъ, Екатерина Владиміровна—за Дмитріемъ Александровичемъ Новосильцевымъ и Наталья Владиміровна—за Петромъ Львовичемъ Давыдовымъ. Предъ нами возникаютъ въ цѣломъ ряду многочисленныхъ семейныхъ писемъ подробности о семейныхъ отношеніяхъ семьи графовъ Орловыхъ.

Свадьбы и похороны, жизнь и смерть чередуются между собою. Братья графа одинъ за другимъ сходятъ въ могилу. Мы знакомимся съ послѣдними заботами императрицы Екатерины о семействѣ графовъ Орловыхъ; предъ нами послѣдовательно проходятъ царствованія императоровъ Павла, Александра I и Николая. Составитель біографическаго очерка знакомитъ насъ съ отношеніями графа Владиміра Григорьевича къ своей племянницѣ, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской; мы встрѣчаемъ имена архимандрита Фотія и митрополита Филарета. Во время своего пребыванія за границей графъ Владиміръ Григорьевичъ познакомился, какъ мы знаемъ, съ Руссо, Дидро, Даламберомъ; внукъ его, телерешній графъ Владиміръ Орловъ-Давыдовъ, отправленный имъ слушать курсъ въ Эдинбургскомъ университетѣ, пишетъ дѣду о Вальтерѣ-Скоттѣ, съ которымъ онъ познакомился лично, и о Парижѣ конца двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія. Въ числѣ любопытныхъ матеріаловъ для характеристики графа Владиміра Григорьевича, составитель *Біографическаго Очерка* приводитъ выдержки изъ *Вотчиннаго уложенія*, сочиненнаго графомъ еще около 1796 года. „Этотъ вполне законченный трудъ, независимо отъ своего прямого юридическаго значенія, любопытенъ еще и въ томъ отношеніи что представляетъ живой памятникъ стремленія самого помѣщика ограничить свою собственную власть, и предоставленія крестьянамъ права голоса въ контролированіи органовъ этой власти. *Уложеніе* графа сохранило дѣйствительную силу во всѣхъ его обширныхъ вотчинахъ разныхъ губерній многіе годы даже послѣ его смерти, не потребовавъ измѣненій, а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ насѣдниковъ графа удержалось до самаго введенія въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 года.“ Графъ Владиміръ Григорьевичъ скончался въ Москвѣ 28 февраля 1831 года.

Біографическій Очеркъ заключаетъ въ себѣ много интереснаго и изданъ весьма хорошо, на прекрасной бумагѣ и крупнымъ, четкимъ шрифтомъ. Къ книгѣ приложенъ превосходно сдѣланный портретъ графа и нѣсколько рисунковъ. Нельзя только не пожалѣть что въ это изящное изданіе вклялось много олепчатокъ, особенно непріятно дѣйствующихъ при крупномъ шрифтѣ.

II.

Петербургское воспитаніе. Dr. Arthur Brehme: Briefe über die Petersburger Erziehung. Petersburg, 1878.

Небольшая книжка Dr. Бреме о воспитаніи дѣтей въ Петербургѣ вполнѣ заслуживаетъ вниманія читателей. Она изложена въ формѣ писемъ къ одной изъ петербургскихъ дамъ, просившей автора развить ей свои идеи о воспитаніи со спеціальной точки зрѣнія петербургскихъ условій. Въ шестнадцати письмахъ или главахъ Dr. Бреме касается цѣлаго ряда въ высшей степени интересныхъ вопросовъ. Онъ говоритъ о вліяніи матери на воспитаніе, о нянь, о гувернанткѣ, объ играхъ, гимнастикѣ, о системѣ Фребеля, о вліяніи семьи, родныхъ, братьевъ и сестеръ на воспитаніе ребенка, о наказаніяхъ, о томъ какъ должны поступать родители когда ребенокъ лжетъ, о религіозномъ воспитаніи. Книга написана ясно, изящно и просто, съ глубокимъ знаніемъ педагогическихъ приемовъ. Въ противоположность множеству педагогическихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, представляющихъ простой переводъ съ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, безо всякаго примѣненія къ условіямъ русской жизни и русскаго общества, нѣмецкая книжка Dr. Бреме спеціально касается русскаго способа воспитанія. Обстоятельство это придаетъ его сочиненію особый интересъ, и нужно сознаться что авторъ ни разу не рисуетъ картинъ которыя были бы чужды дѣйствительности, хотя дѣйствительность эта рѣдко является ему въ благопріятномъ свѣтѣ.

„Серіозное стремленіе матери дать своимъ дѣтямъ воспитаніе основанное на твердыхъ началахъ — представляетъ такое рѣдкое явленіе“, говоритъ Dr. Бремъ, обращаясь ко gnädige Frau которой онъ адресуетъ свои письма, „что оно заслуживаетъ полнаго уваженія и поддержки, и я съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ готовъ ему содѣйствовать. Вы жалуетесь что богатая педагогическая литература Европы мало оказываетъ вамъ помощи, такъ какъ она не принимаетъ въ соображеніе условій нашего быта, во многомъ отличающихся отъ европейскихъ, а между тѣмъ эти условія не только чрезвычайно

важны при воспитаніи, но даже часто обнаруживают на него рѣшающее вліяніе въ дурную или хорошую сторону. Вы совершенно правы въ этомъ отношеніи. Разумное воспитаніе должно съ одной стороны принимать во вниманіе существующія условія. Но съ другой стороны воспитатель долженъ заботиться о томъ чтобы вредныя вліянія заключающіяся въ этихъ мѣстныхъ условіяхъ, въ обществѣ, въ направленіи времени, были по возможности отстраняемы или по крайней мѣрѣ смягчены. Условія эти совершенно неблагоприятны нашему дѣлу. Начиная съ самаго появленія ребенка на свѣтъ, на встрѣчу его правильному воспитанію поднимаются препятствія которыхъ мы въ такой массѣ не встрѣчаемъ въ западной Европѣ.“

Въ чемъ же заключаются эти препятствія про которыя говорить авторъ? Онъ дѣлитъ ихъ на физическія и нравственныя.

„Ребенку нуженъ свѣтъ и воздухъ. А между тѣмъ сильный холодъ или рѣзкій вѣтеръ принуждаютъ нашихъ бѣдныхъ дѣтей сидѣть взаперти большую часть года. Отсюда происходитъ малокровіе, постоянныя головныя боли, слабость пищеваженія, отсутствіе веселости и безучастность въ значительной части нашей молодежи. Немногіе родители въ состояніи сколько-нибудь укрѣпить лѣтомъ здоровье своихъ дѣтей посредствомъ житья среди лѣснаго воздуха или на берегу моря. Какъ часто холодное или дождливое лѣто, подобное тѣмъ которыя мы имѣли за послѣдніе годы, обманываетъ наши надежды на то чтобы снова зарумянились щеки дѣтей, поблѣднѣвшія въ теченіе долгой зимы! Опасности всегда представляемыя большими городами для нравственнаго воспитанія выступаютъ у насъ съ особою цѣтенсивностью. На каждомъ шагу по улицѣ дитя встрѣчается со сценами самой грубой безнравственности. Гдѣ можно найти такъ много примѣровъ порока лянства какъ не на самыхъ оживленныхъ изъ нашихъ улицъ, въ особенности въ „дни Господни“? Капля точитъ камень; ежедневный видъ порока перестаетъ дѣйствовать отталкивающимъ образомъ. Что касается нравственныхъ опасностей заключающихся въ лонѣ нашего общества и такъ часто доводящихъ наше юношество до нарушенія святости закона и даже до самоубійства, то мнѣ къ сожалѣнію еще часто придется касаться ихъ.“

Установивъ положеніе что дѣйствительное воспитаніе начинается вмѣстѣ съ возникновеніемъ въ ребенкѣ самосознанія, что наибольшее количество ошибокъ противъ воспитанія совершается когда ребенокъ находится въ первыхъ годахъ своей жизни, что ошибки эти всего труднѣе могутъ быть исправлены въ послѣдствіи, авторъ высказываетъ глубоко вѣрную мысль что центръ тяжести народнаго воспитанія лежитъ болѣе въ семьѣ, нежели въ школахъ. „Русское правительство въ послѣднее время сдѣлало для воспитанія народа болѣе чѣмъ сдѣлано гдѣ-либо въ другихъ государствахъ. Но всѣ мѣры правительства принесутъ сравнительно мало пользы, если семья не взглянетъ серіознѣе на дѣло воспитанія.“

Въ виду особеннаго значенія которое Др. Бреме придаетъ воспитанію въ раннемъ возрастѣ, онъ ставитъ себѣ цѣлью говорить только про этотъ отдѣлъ воспитанія. Первое мѣсто въ воспитаніи ребенка естественно занимаетъ мать. Дитя получаетъ отъ матери первыя впечатлѣнія любви, нѣжности, трудолюбія, терпѣнія, самоотверженія. Но не всѣ матери сознаютъ свои обязанности по отношенію къ дѣтямъ.

„Многія матери изъ современнаго общества и притомъ изъ тѣхъ его слоевъ которыя исключительно себя называютъ „хорошимъ обществомъ“, не имѣютъ времени для воспитанія дѣтей, потому что у нихъ не лежитъ сердце къ такому воспитанію. Собранія, балы, концерты, театры составляютъ для этихъ матерей такую необходимую-потребность что онѣ должны предоставить наемнымъ нянькамъ, гувернанткамъ и гувернерамъ заботу о тѣлесномъ и духовномъ благѣ дѣтей. Отъ этихъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ скудно оплачиваемыхъ и терпящихъ возмутительное съ ними обращеніе, матери требуютъ по отношенію къ ихъ дѣтямъ той любви и того самоотверженія на которыя онѣ сами не имѣютъ времени! Когда такое бѣдное дитя богатыхъ родителей открываетъ утромъ свои глаза, взоры его не встрѣчаютъ любящаго лица матери: она спитъ до полудня, потому что провела въ обществѣ утомительную ночь. Никто не учитъ дитя молиться. Французская или англійская бонна не смѣетъ это дѣлать, а матери нѣтъ, она спитъ. Въ теченіе дня мать найдетъ время расцѣловать ребенка и порадоваться на него въ продолженіе получаса, но ей некогда нести труды и заботы которыхъ требуетъ тяжелая обязанность воспитанія. Когда

вслѣдствіе такой беззаботности ребенокъ не можетъ въ послѣдствіи представить сопротивленія житейскимъ бурямъ, когда онъ можетъ - быть владеть даже въ то ужасное направленіе которое само характеризуетъ себя названіемъ нигилизма, тогда бѣдная мать найдетъ время въ долгомъ раскаяніи оплакивать свою недобросовѣстность. Но самыя горячія слезы не могутъ выкупить утраченное счастье ребенка и миръ собственной души.“

Таковъ одинъ типъ матерей неспособныхъ отдаться великому дѣлу воспитанія. Авторъ изображаетъ предъ нами еще другой типъ:

„Совершенною противоположною беззаботной матери составляетъ „нервная“ мать, особый родъ матерей встрѣчающійся у насъ весьма часто и наводящій трепеть на всѣхъ директоровъ и воспитателей. Апатичная мать совершенно не заботится о воспитаніи своихъ дѣтей; нервная мать портитъ всякое правильное воспитаніе своею постоянною возбужденностію и хлопотливостію. Она литааетъ величайшую любовь къ своимъ дѣтямъ и самымъ нѣжнымъ образомъ заботится объ ихъ благѣ. Но ей не достаетъ ясности духа и спокойствія характера, необходимыхъ качествъ воспитателя. Она отчуждаетъ сердце собственныхъ дѣтей постояннымъ, часто совершенно безличнымъ лориданіемъ, и тѣмъ что она придаетъ трагическій видъ самымъ ничтожнымъ вещамъ. Ребенокъ по неловкости разобьетъ чашку или разорветъ себѣ платье, мать приходитъ въ ужасное волненіе. Непосредственно за этимъ слѣдуютъ минуты когда она отъ нѣжности готова задуть своихъ дѣтей и просто становится имъ въ тягость бурными и лишенными всякой мѣры выраженіями своей любви. Но чѣмъ несправедливѣе обращается она сама съ дѣтьми, тѣмъ строже требованія предъявляемыя ею къ нянькѣ, гувернанткѣ, къ домашнему учителю. Они никогда не могутъ угодить ей ни въ чемъ, и она постоянно беретъ противъ нихъ сторону дѣтей. Когда дѣти постулили въ школу, нервная мать дѣлается постояннымъ гостемъ въ пріемной комнатѣ директора, и съ устъ ея льются нескончаемые потоки жалобъ на учителей, учениковъ, сторожей. Я видѣлъ что предъ такими матерями дрожали люди въ мужествѣ которыхъ никто не осмѣлился бы усомниться. Наполеонъ I спросилъ однажды гжу Кампанъ, знаменитую директрису основаннаго имъ женскаго института: *Madame, notre système*

d'éducation ne vaut rien. Qu'est-ce qu'il nous faut?—*Des mères!* отвѣтила гжа Кампанъ. Пока женщины не считаютъ за высочайшую честь быть добрыми матерями, дѣйствительно хорошее воспитаніе нашихъ вышихъ сословій останется на стелени скромнаго желанія.“

Въ другой главѣ Dr. Бреме представляетъ характеристику петербургскихъ отцовъ. Характеристика эта въ высшей степени интересна.

„Въ воспитанія нашей молодежи отецъ отстуетъ на второй планъ; вліяніе его значительно уступаетъ вліянію матери. Въ первые годы моей педагогической дѣятельности въ Петербургѣ я часто удивлялся тому что мнѣ приходилось говорить про вопросы воспитанія почти только съ дамами. Мало-по-малу я отвыкъ удивляться чему бы то ни было что касается дѣтняго воспитанія. Я могу почти навѣрное рачитывать что когда я лисьменно пригашаю отца переговорить со мною о какомъ-нибудь вопросѣ касающемся его сына, ко мнѣ на другой день явится мать, съ которою я и имѣю удовольствіе вести разговоръ про дѣла; я не скажу чтобы разговоръ дѣлался вслѣдствіе этого болѣе основательнымъ, но во всякомъ случаѣ онъ выигрываетъ въ продолжительности, и если я не всегда могу убѣдиться, несмотря на самыя краснорѣчивыя похвалы мальчику, что все его несчастіе заключается въ несправедливости къ нему учителей и товарищей, то въ этомъ разумѣется оказывается виновною только нѣкоторая тулость моего разумія. Иногда я все-таки нахожу однако способъ поговорить съ отцомъ и изъ десяти случаевъ слышу девять разъ слѣдующее: Я вотъ, изволите видѣть, очень занятъ и поэтому совершенно предоставляю воспитаніе дѣтей моей женѣ. Я вмѣшиваюсь въ дѣло только если произойдетъ что-нибудь особенное, если, на примѣръ, нельзя обойтись безъ розги, и тогда ужъ дѣйствую энергично. Такой порядокъ, благодареніе Богу, существуетъ не во всѣхъ семействахъ. Но можно принять за общее правило что мать до тѣхъ поръ одна воспитываетъ и балуетъ мальчика, пока онъ не отобьется отъ рукъ и не явится необходимости призвать отца, прежде всего въ видѣ карающаго начала. Отецъ, жившій до этого времени въ счастливой безпечности, приходитъ въ тотъ родительскій гнѣвъ который идетъ гораздо далѣе предполагавшейся цѣли и по большей части выражается въ наказаніи находящемся внѣ всякаго соответствія съ проступкомъ или палостью

ребенка. Естественнымъ слѣдствіемъ этого является то что мать начинаетъ сожалѣть дитя, на которое она сама жаловалась, что она застулается за него и до тѣхъ поръ скрываетъ отъ отца цѣлый рядъ слѣдующихъ за тѣмъ простулковъ ребенка, пока опять не наступитъ минута въ которую она рѣшительно не знаетъ что съ нимъ дѣлать. Благодаря такому порядку вещей многія семьи дѣлаются совершенно несчастными. Дѣти не только гибнутъ сами, но и становятся яблкомъ раздора разрушающимъ долгодѣтнее супружеское согласіе. Раздоры родителей не могутъ надолго скрыться отъ ребенка. Онъ видитъ что отецъ и мать расходятся между собою въ вопросахъ которые касаются его. Ребенокъ естественно принимаетъ сторону того кто его защищаетъ и извиняетъ его простулки; послѣ каждой новой ссоры, свидѣтелемъ которой ему позволяютъ быть, уваженіе и любовь къ отцу и матери все болѣе исчезаетъ изъ его сердца. Въ свою очередь у родителей складывается мало-по-малу озлобленіе къ ребенку еоставляющему причину несогласій и ссоръ. Родители рѣшаются на энергическую мѣру: ребенка „отдаютъ“ въ учебное заведеніе. Наступаетъ явленіе чрезвычайно характеристичное для нашего общества. Родители оказались совершенно несостоятельными въ своемъ искусствѣ воспитанія. Они „отдали“ ребенка потому что болѣе не нашли себя способными его воспитывать. Ребенокъ оставался до двѣнадцати года совсѣмъ безъ воспитанія, или, что еще хуже, совершенно избалованъ. Теперь отецъ платитъ за ребенка *деньги*; онъ считаетъ себя слѣдовательно въ правѣ требовать чтобы каждый воспитатель предпринялъ надъ ребенкомъ чудодѣйственный курсъ нравственнаго дѣченія. Если въ теченіе полу-года ребенокъ не сдѣлался образцомъ прилежанія, аккуратности, скромности, если онъ не приноситъ домой постоянно отличныхъ балловъ, если онъ въ наискорѣйшемъ времени не переходитъ въ слѣдующій классъ,—учебное заведеніе не годится, и ребенка отдаютъ въ другое. Наименьшая часть родителей понимаетъ какой громадный трудъ, сравнительно съ воспитаніемъ нормальнаго ребенка, представляетъ воспитаніе ребенка испорченнаго. Совѣсть ихъ совершенно спокойна. Они привели ребенку большія жертвы, они *платили* за него, правда менѣе нежели они тратили на экипажи, но развѣ можно сравнивать эти два предмета! Начинаются опыты. Родители пробуютъ всевозможныя заведенія, всевозможныя системы.

Чудесъ не совершается болѣе въ наше время. Неумолимое *поздно!* прекращаетъ воспитаніе. Воспитатель почти не имѣетъ даже права жаловаться. На всѣхъ поприщахъ нашей общественной и частной жизни господствуютъ безостановочныя опыты, и никто не имѣетъ терпѣнія выждать результаты хотя бы одного изъ нихъ.“

Начертавъ эту грустную картину, авторъ обращается къ разсмотрѣнію вопроса о томъ что вызываетъ такія печальныя явленія въ обществѣ которое онъ описываетъ. Значительная доля вины лежитъ, по его мнѣнію, въ этомъ случаѣ на отцахъ. Множество обстоятельствъ содѣйствуютъ тому что отецъ уклоняется отъ своей обязанности самому воспитывать своихъ дѣтей. Во всѣхъ слояхъ общества съ каждымъ днемъ все болѣе увеличиваются требованія предъявляемыя къ рабочей силѣ человѣка; забота о вышнемъ существованіи часто оттѣсняетъ заботу о хорошемъ воспитаніи; занятія удерживаютъ отца въ теченіе большей половины дня внѣ дома, приковываютъ его къ мѣсту служенія, къ конторѣ, къ должности. Являясь домой, онъ чувствуетъ потребность отдыха, шумъ играющихъ дѣтей ему неприятенъ, каждая шалость ихъ, случайнымъ свидѣтелемъ которой онъ дѣлается, возбуждаетъ въ немъ гнѣвъ. Чѣмъ болѣе неприятностей приходится ему испытывать внѣ дома, тѣмъ болѣе спокойствія желаетъ онъ найти въ семьѣ; къ тому же онъ знаетъ что мать заботится о дѣтяхъ, что она всегда съ ними, что она лучше знаетъ ихъ. Но сознавая вполнѣ всѣ эти препятствія, Др. Бреме полагаетъ что, несмотря на нихъ, отецъ все-таки можетъ найти время и средства для того чтобъ оказывать радомъ съ матерью свою долю участія на воспитаніе.

„Отецъ имѣетъ главное вліяніе на духовное развитіе дѣтей. Онъ можетъ въ гораздо большей степени нежели школа развить духовную жизнь въ ребенкѣ, пробудить въ немъ интересъ къ доброму и прекрасному, внушить ему разумное пониманіе обязанностей, заставить его вдуматься въ явленія всендневной жизни, природы, общества. На это отецъ долженъ найти время, и въ большей части случаевъ совсѣмъ не трудно найти свободный часъ для бесѣды съ дѣтьми. Отецъ можетъ сдѣлать чрезвычайно много уже и въ томъ случаѣ когда онъ весело и непринужденно бесѣдуетъ съ семьей за столомъ. Не слѣдуетъ приучать дѣтей, какъ это весьма часто дѣлается, молчать за обѣдомъ и единственно заниматься

дой. Пусть ребенокъ разспрашиваетъ въ это время отца обо всемъ что возбуждаетъ его интересъ, пусть онъ разказываетъ свои маленькія приключенія въ школѣ и на прогулкѣ, пусть онъ имѣетъ сознаніе что отецъ съ удовольствіемъ слушаетъ его. Отецъ долженъ разспрашивать, поучать, входить въ мысли ребенка; тогда въ молодомъ сердцѣ разовьется довѣріе къ отцу, это основное условіе всякаго воспитанія. Покинемъ мысль что мы можемъ воспитывать нашихъ дѣтей держась вдали отъ нихъ, не оказывая участія ихъ маленькимъ радостямъ и печалямъ, не вникая въ кругъ ихъ идей. Въ этомъ отношеніи являются всего болѣе обдѣленными дѣти семействъ занимающихъ „хорошее положеніе“. Именно въ этихъ семействахъ дѣтей всего охотнѣе удаляютъ отъ семейнаго стола, ибо каждый день за нимъ бывають гости которыми можетъ „ломѣшатъ“ наивная болтовня дѣтей. А если дѣти допущены къ столу, на чемъ обыкновенно вертится разговоръ? Наиболѣе обильный матеріалъ разговора составляютъ у насъ бесѣды про кулинарные подвиги повара, разказы про новѣйшіе скандалы съ кассирами которые убѣжали со своими кассами, про женъ которыя уѣжали безъ своихъ мужей. Отцу, разумѣется, нѣтъ времени при этихъ разговорахъ заботиться о духовномъ развитіи дѣтей. Но что же дѣлаетъ отецъ въ остальное время? Днемъ онъ зарабатываетъ деньги или слѣдующій чинъ; вечеръ и большая часть ночи принадлежать развлеченіямъ въ клубахъ, театрахъ и такъ далѣе; утромъ ему нужно выспаться. На что же впрочемъ и существовали бы наставники, если порядочнымъ людямъ нужно было бы самимъ заниматься со своими собственными дѣтями?“

Др. Бреме весьма высоко ставитъ авторитетъ отца во впечатлѣніяхъ ребенка. „Вліяніе отца начинается задолго до того времени когда онъ сознательно вмѣшивается въ воспитаніе. Его строгій голосъ въ одну минуту заставляетъ замолкнуть плачущее дитя которое не могла успокоить мать, несмотря на всю свою нѣжность. Всѣ дѣйствія отца производятъ особенное впечатлѣніе на ребенка, когда въ немъ просыпается самосознаніе и онъ начинаетъ свободно владѣть своими членами. Это прежде всего выражается тѣмъ что ребенокъ начинаетъ подражать отцу. Надѣтъ салюги или шляпу отца, однимъ словомъ *быть какъ отецъ*, составляетъ любимую игру дѣтей. Ребенокъ выражаетъ внѣшнимъ образомъ сознаніе превосходства отца.

Въ этомъ сознаниі заключаются первые зачатки нравственности и религіи. Ребенокъ чувствуетъ въ личности отца присутствіе высшей воли которой онъ безусловно долженъ подчиняться. Пусть это подчиненіе исходитъ первоначально изъ смутнаго чувства страха; оно все-таки остается источникомъ высшаго нравственнаго закона, предъ которымъ одинаково преклоняется инстинктъ дикаря и высшее развитіе интеллигенціи. Отецъ служитъ для ребенка воплощеніемъ всяческой власти, олицетвореннымъ закономъ. Ребенокъ, не научившійся подчиняться авторитету отца, никогда не достигнетъ той высшей нравственной точки зрѣнія на которой человекъ радостно преклоняется предъ закономъ, признаваемымъ какъ необходимость. Юноша, въ безумномъ ослѣвленіи возстающій противъ государственнаго закона, искушаетъ вину отца не умѣвшаго вызвать въ его сердцѣ чувство уваженія къ себѣ, или разрушившаго это столь естественное въ ребенкѣ чувство. Мать стоитъ ближе къ ребенку; отецъ стоитъ для него выше. Дѣти смотрятъ на отца какъ на источникъ всякаго познанія. Выраженіе: *отецъ сказалъ*—служитъ ребенку достаточнымъ объясненіемъ для всѣхъ вещей не поддающихся еще его пониманію.

Поставивъ такимъ образомъ вопросъ о нравственномъ вліяніи отца, авторъ приходитъ къ весьма естественному выводу что отецъ оказываетъ на дѣтей наибольшее вліяніе своимъ примѣромъ. Ребенокъ научается отъ отца трудолюбію, неизмѣнной любви къ правдѣ, непоколебимой вѣрности долгу, мужеству, разсудительности. Человекъ основавшій себѣ семью имѣетъ обязанность служить своимъ дѣтямъ примѣромъ какъ въ духовномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Особенно сильно вліяніе отца на мальчиковъ. Они незамѣтно принимаютъ его привычки и особенности, ихъ образъ мыслей складывается по примѣру отца, они весьма часто посвящаютъ себя той же дѣятельности которою занимался отецъ. „Какъ счастливъ человекъ имѣвшій отца чистый образъ котораго предносится ему въ теченіе цѣлой жизни! Какъ счастливъ тотъ кто можетъ сказать: такъ поступилъ бы мой покойный отецъ, такъ поступаю и я. Въ виду громаднаго нравственнаго вліянія семьи на дѣло воспитанія, Др. Бреме съ особою настоятельностью указываетъ на необходимость присутствія въ семьѣ религіознаго элемента, „безъ котораго немисливо никакое воспитаніе“. Воспитаніе

имѣть цѣлью гармоническое развитіе человѣка. Оно должно пробудить дремяющія силы, побороть и подавить все злое, вызвать и широко развить склонность къ истинѣ, къ добру и къ прекрасному. Чувство истины развивается наукой, чувство прекраснаго—искусствомъ, чувство добра—религіей. Вотъ что говорить авторъ о религіозномъ воспитаніи:

„Я говорю какъ воспитатель, а не какъ богословъ, и поэтому не беру на себя задачу доказывать преобладающее значеніе христіанства надъ другими религіями. Кромѣ того, я считаю излишнимъ доказывать логическими причинами то что не относится непосредственно къ области разума. По моему мнѣнію, многіе изъ нашихъ проповѣдниковъ достигли бы лучшихъ результатовъ еслибы они предпочли укрѣплять вѣрующихся въ ихъ вѣрѣ, вмѣсто того чтобы наладать на невѣрующихся которыхъ и не бываетъ въ числѣ ихъ слушателей. Но говоря о воспитаніи вообще, я *долженъ* указать на необходимость религіознаго воспитанія, ибо враждебное, или по крайней мѣрѣ равнодушное отношеніе многіхъ родителей къ религіи есть, къ сожалѣнію, фактъ. Это равнодушіе или враждебность, столь распространенныяся, по крайней мѣрѣ у насъ, именно въ образованныхъ слояхъ общества, нисколько не основаны на существѣ нашей религіи. Они происходятъ, вопервыхъ, отъ матеріальнаго направленія нашего времени которое отвращается отъ всѣхъ идеальныхъ интересовъ вообще и, вовторыхъ, отъ ошибочнаго преподаванія, опускающаго изъ вниманія то обстоятельство что религіозное обученіе не только можетъ, но и должно воспринимать въ себя всѣ результаты духовнаго, художественнаго и нравственнаго развитія нашей культурной степени. Я не беру на себя право быть судьей отношеніи родителей къ религіи; я хочу только указать на обязанность родителей дать своимъ дѣтямъ религіозное воспитаніе. Для меня отождествляется религіозное и христіанское воспитаніе, не только потому что я самъ съ дѣтства воспитанъ въ этой религіи, но и потому что я путемъ личнаго опыта, историческаго изслѣдованія и философскаго сужденія позналъ побѣдоносную силу христіанства, покоряющую весь свѣтъ. Я могу представить себѣ и другое отношеніе къ христіанству; но каково бы ни было это отношеніе, я долженъ воскликнуть, обращаясь ко всѣмъ родителямъ, даже и къ тѣмъ которые только внѣшнимъ образомъ принадлежать ко христіанству: *вы не имѣете права*

отнять у вашихъ дѣтей то утѣшеніе и ту высоту духа которыя сотни тысячъ людей уже находили въ христіанствѣ! Я думаю что добросовѣстные родители не должны похищать у своихъ дѣтей той вѣры которая сохраняетъ ихъ чистыми среди тысячи искушеній, укрѣпляетъ ихъ въ скорби, умѣряетъ ихъ въ счастіи, которая научаетъ ихъ чистѣйшей любви къ ближнему и позволяетъ имъ современемъ спокойно и съ надеждой взглянуть въ лицо смерти.—Прекрасно, говорятъ нѣкоторые родители или вѣрнѣе отцы: мы не хотимъ отнимать у нашихъ дѣтей вѣры; они учатся закону Божию въ школахъ; когда они созрѣютъ, пусть они рѣшатъ сами какъ имъ слѣдуетъ относиться къ этому вопросу.

„Но если мы будемъ ждать въ дѣлѣ воспитанія того времени пока дитя созрѣетъ, то я опасаюсь что ни изъ нашихъ дѣтей, ни изъ зрѣлости ихъ не выйдетъ ничего хорошаго. Если мы станемъ ждать пока въ воспитанникѣ возникнетъ потребность къ какому-нибудь предмету воспитанія или обученія, то намъ придется или совсѣмъ не дожидаться начала, или же начало это будетъ сдѣлано весьма не вовремя. Какъ всякая духовная потребность, такъ и потребность религіи возникаетъ лишь вслѣдствіе обученія, опыта, навыка, примѣра. Не дѣти, а совершеннолѣтніе должны рѣшать когда наступаетъ время для извѣстнаго воспитательнаго средства, и какъ оно должно быть прилагаяемо. Если вы, напримѣръ, захотѣли бы чтобы вашъ сынъ началъ учиться греческому языку лишь когда онъ почувствуетъ въ этомъ внутреннюю потребность, то я боюсь что ему навсегда останутся неизвѣстными красоты Гомера и возвышенныя мысли Софокла. Точно также какъ по отношенію ко греческому языку, ребенокъ не ощущаетъ потребности въ религіозномъ наставленіи. Ребенокъ наивенъ; онъ чувствуетъ себя безопаснымъ подъ защитой отца, подъ крыломъ материнской любви; всѣ его маленькія потребности удовлетворяются безо всякаго труда и заботъ; онъ еще не знаетъ высшихъ духовныхъ потребностей, или же они такъ неясны и слутаны что не возбуждаютъ потребностей религіозныхъ и еще менѣе религіознаго міросозерцанія. А между тѣмъ опытъ учить что въ нашемъ сердцѣ пускаетъ корни только то что насаждено въ немъ съ ранней юности. Впечатлѣнія дѣтскаго воспитанія по большей части опредѣляютъ всю нашу жизнь. Религія можетъ сдѣлаться для насъ жизненною силой только въ томъ случаѣ когда сѣмена ея насаждены въ

насъ съ равней юности. Но за то они и становятся тогда деревомъ которое даетъ намъ прохладу въ полуденный жаръ и защищаетъ насъ отъ вечерняго холода. Поэтому родители, и въ особенности матери, не должны медлить указаніемъ ребенку на небо; въ противномъ случаѣ неумолимое *поздно!* и здѣсь разрушаетъ лучшія ихъ намѣренія. Ничто такъ не пробуждаетъ въ ребенкѣ религиозное чувство какъ примѣръ. Тамъ гдѣ мать набожно молится съ ребенкомъ утромъ и вечеромъ, гдѣ отецъ начинаетъ въ своей семьѣ дневной трудъ домашнею молитвою, гдѣ вся семья въ воскресенье идетъ въ церковь, въ ребенкѣ естественно развивается тотъ же духъ, оживляющій весь домъ. Гдѣ нѣтъ этого вліянія на чувство, этого постепеннаго воспитанія путемъ привычки, тамъ не поможетъ никакое воздѣйствіе на разумъ ребенка и никакія логическія умозаключенія. Тамъ же, гдѣ, какъ часто случается у насъ, родители считаютъ религію за нѣчто очень хорошее для дѣтей и для простаго народа, но уже ненужное для нихъ самихъ; гдѣ религиозная фраза находится въ непримиримомъ разладѣ съ жизнью; гдѣ всѣ домашніе порядки и нравы членовъ семьи свидѣтельствуютъ о чемъ-то совершенно чуждомъ религіи—тамъ даже молитва, произносимая только устами, утрачиваетъ свое благотворное вліяніе. Только тотъ чья жизнь есть выраженіе его религиозныхъ убѣжденій, въ состояніи дать своимъ дѣтямъ религиозное воспитаніе. Поэтому мы и здѣсь должны начать воспитаніе съ самихъ себя. Попытаемся снова установить нашу жизнь собразно съ нашими религиозными началами, или сознаемся откровенно сами себѣ что мы болѣе не въ состояніи дать нашимъ дѣтямъ религиозное воспитаніе.“

Глубокая и горячая искренность которою дышать приведенныя нами строки, какъ и вообще все что говоритъ Др. Бреме, невольно заставляетъ задуматься о вопросахъ нашего воспитанія и, главнымъ образомъ, о томъ положеніи въ которомъ находится въ настоящее время воспитательное значеніе семьи.

Въ заключеніе приведемъ изъ книги почтеннаго педагога еще два небольшихъ отрывка, касающихся нѣкоторыхъ общественныхъ явленій и нѣкоторыхъ подробностей воспитанія. Вотъ какъ отзывается Др. Бреме о дѣтскихъ баляхъ:

„Танцы, какъ доказываетъ ихъ историческое развитіе,

выражаютъ поиски одного пола за другимъ и ихъ встрѣчу. Поэтому у людей вступающихъ въ бракъ охота къ танцамъ естественно уменьшается. Старый холостякъ танцующій въ то время когда онъ уже не вполне владѣетъ своими членами—смѣшонъ; старая дѣва, наводящая на балахъ страхъ своимъ дѣвическимъ убранствомъ, возбуждаетъ наше сожалѣніе. Вотъ причина по которой я считаю балы несоотвѣтствующими незрѣлому возрасту. Танцовать должны молодой человѣкъ и молодая дѣвушка, а не мальчикъ и дѣвочка, не ребенокъ. Я не требую чтобы строгость была доведена до того что дѣтямъ запрещали бы время отъ времени потанцовать въ семейномъ кружкѣ, въ рожденіе матери, на свадьбѣ у сестры; но дѣтямъ не мѣсто на балахъ, гдѣ не выражается какая-нибудь семейная радость, гдѣ танцы составляютъ цѣль сами по себѣ. Поэтому я противникъ баловъ въ учебныхъ заведеніяхъ и отъ всего сердца ненавижу *дѣтскіе балы*. По мнѣнію одного педагога, это совсѣмъ не балы на которыхъ забавляются дѣти: взрослые самымъ непростительнымъ образомъ забавляются на нихъ дѣтьми. Только совершеннымъ отсутствіемъ размышленія относительно вопросовъ воспитанія можно объяснить то явленіе что матери рѣшаются низвести ребенка, самое драгоценное свое достояніе, на степенъ игрушки служащей для удовлетворенія ихъ тщеславія. На дѣтскихъ балахъ можно яснѣе нежели гдѣ-либо увидать въ чемъ заключается идеалъ воспитанія въ извѣстныхъ кружкахъ общества. Они желаютъ воспитать не простыхъ, непринужденныхъ, правдивыхъ и добрыхъ людей, а полированныхъ, утонченныхъ, изящныхъ куколъ, автоматовъ которыми, правда, данъ языкъ, но лишь затѣмъ чтобъ уже съ дѣтства скрывать свои мысли. Глядя на присѣдающихъ и раскланивающихся малютокъ, на этихъ *кавалеровъ* уже ухаживающихъ за барышнями, матери и тетюшки не помнятъ себя отъ восторга. Учитель танцевъ торжествуетъ. Домашній врачъ и воспитатель молча жмутъ другъ другу руки и покидаютъ со слезой накопившею отъ гнѣва и горести эту арену дѣтской комедіи.“

Въ другой главѣ Dr. Бреме касается вопроса о тщеславіи дѣтей. Указавъ на то что мальчики въ столкновеніи съ дѣствительною жизнію скорѣе могутъ избавиться отъ этого недостатка, къ которому приучаютъ ихъ матери, авторъ говоритъ совершенно справедливо что матери въ этомъ отношеніи непростительно и неисправимо портятъ дѣвочекъ:

„Послушайте только какими ласкательными пменами матери осыпают своих дѣтей! Посмотрите какъ онѣ подводятъ ихъ къ зеркалу чтобы дать имъ полюбоваться на новое платье, на новую шляпку, на завитые волосы. Дѣвочка скоро изучается обходиться безъ руководства матери для того чтобы любоваться на себя. Что удивительнаго если дочь становится модною куклой, когда мать сама научаетъ ее придавать такое высокое значеніе нарядамъ? Быть-можетъ нигдѣ болѣе чѣмъ въ Петербургѣ мы не имѣемъ случая наблюдать какъ маленькія дѣвочки посредствомъ воспитанія превращаются въ нарядныхъ куколъ. Еслибы зрѣлище это не было такъ печально, смѣшно было бы смотрѣть съ какимъ искусствомъ тщеславная малютка копируетъ свою тщеславную маменьку. Сапожки на высокихъ каблучкахъ, стѣсняющіе естественную походку ребенка, перчатки, ленточки, бантики, пряжки — все это вещи далеко не невинныя. Онѣ соблазняютъ ребенка къ желанію нравиться и рядиться, убиваютъ въ немъ всякое простое чувство, побуждаютъ его направлять всѣ свои помыслы на одну только внѣшность. Въ такомъ воспитаніи заключается причина дѣлающая извѣстную часть нашего высшаго общества такою пошлою и пустою. Общество это въ свою очередь содѣйствуетъ тому чтобы посредствомъ лести и похвалы сдѣлать подрастающую дѣвушку неспособною стать доброю женой и нѣжною матерью. Изъ дѣвушки дѣлается изящная модная дама, но ея духъ и сердце остаются пустыми. Тысячи несчастныхъ браковъ, безчисленныя общественныя язвы являются слѣдствіемъ неправильнаго воспитанія со стороны матерей. Кто можетъ опредѣлить то количество утѣекъ и растратъ казенныхъ и общественныхъ денегъ причина которыхъ лежитъ въ стремленіи женщинъ къ нарядамъ и въ желаніи ихъ нравиться?“

Читатели могли достаточно ознакомиться изъ предыдущаго съ содержаніемъ и направленіемъ книги Dr. Бреме. Намъ остается пожелать чтобы совѣты и указанія этой книги сдѣлались доступными возможно большому количеству русскихъ читателей посредствомъ перевода ея на русскій языкъ.

III.

Воспоминанія изъ времени Севастопольской осады. Madgy, Souvenirs de l'armée anglaise en Crimée par le comte de Castellane. Paris, C. Lévy, 1878.

Все что касается великихъ и славныхъ дней защиты Севастополя навсегда призвано быть интереснымъ для русскаго читателя. Книга, заглавіе которой мы привели выше, заключаетъ въ себѣ рядъ картинъ изъ быта англійской арміи во время Крымской войны. Это не романъ, не повѣсть, а простой разказъ отдѣльныя главы котораго связаны между собою нѣсколькими постоянно встрѣчающимися въ нихъ личностями. Личности эти—Меджи, лордъ и леди Доверъ, и полковникъ Отвэй. Меджи—молодая дѣвушка, въ качествѣ сестры милосердія явившаяся въ Крымъ изъ Англійи послѣ того какъ женихъ ея былъ здѣсь убитъ въ сраженіи. Это спокойная и кроткая страдалица которая ищетъ исхода своей тоскѣ въ служеніи раненымъ и тихо утасаетъ среди исполненія своихъ высокихъ, добровольно принятыхъ на себя обязанностей. Полковникъ Отвэй также принесъ подъ Севастополь разбитое существованіе. Красивый, отважный, гордый, съ баевающимъ положеніемъ въ свѣтѣ, предметъ зависти для всѣхъ лондонскихъ красавицъ, онъ страстно полюбилъ свою кузину Генриетту и женился на ней. Но легкомысліе жены заставило Отвэя скоро покинуть ее и искать на войнѣ забвенія отъ неотвязно преслѣдующихъ его образовъ минувшаго, короткаго счастья. Въ противоположность этимъ двумъ разбитымъ существованіямъ, принесшимъ на чуждую почву свое страданіе и горе, лордъ и леди Доверъ, молодая чета соединенная самою искреннею привязанностью, принесли подъ Севастополь свой домашній очагъ, свою семейную жизнь. Русскій читатель чувствуетъ себя перенесеннымъ въ противоположный лагерь, туда, *къ нимъ*, къ Англичанамъ, Французамъ, Итальянцамъ, Туркамъ. Онъ смотритъ *оттуда* на Севастополь, на Малаховъ Курганъ, на Корабельную, *оттуда* слышитъ про мужество и героизмъ русской арміи и съ удивленіемъ видитъ себя въ коттеджѣ леди Доверъ, откуда слышенъ гулъ бомбардировки и перекаты выстрѣловъ. Съ живымъ интересомъ слѣдитъ онъ за картинами которыя развертываются

тамъ, которыя были видны только *имъ*. Прошедшее снова возстаетъ предъ его умышленнымъ взоромъ, и воспоминанія тянутся безконечною вереницей при звукѣ родныхъ именъ: Балаклава, Инкерманъ, Черная Рѣчка, Байдарская долина и такъ далѣе. Вотъ какою, напимѣръ, казалось *имъ* Балаклава.

„На вершинѣ развалившейся башни взвился флагъ, и транспортъ *Евфратъ* взошелъ въ узкій, извилистый проходъ за которымъ разстилалась громадная гавань, со всѣхъ сторонъ защищенная отъ вѣтровъ. Большіе ларовые лакейботы, трехмачтовые корабли, транспортныя суда всѣхъ странъ въ два ряда жалась вдоль берега. Прямо противъ входа въ гавань открывалась широкая прогалина во внутрь страны; вдали видѣлись горы занятыя русскою арміею. Возвышенности, съ обѣихъ сторонъ закрывавшія гавань, шли не въ одномъ направленіи. Съ правой стороны, тамъ гдѣ находился лагерь англійскихъ *highlanders*, онѣ круто поворачивали къ Херсонесской равнинѣ; съ лѣвой стороны онѣ описывали вокругъ гавани широкую дугу, замыкающуюся со стороны моря поясомъ скалъ на которыхъ видѣлись развалины стариннаго генуэзскаго замка. Между этими скалами и прогалиной, по скату горъ лѣпились въ нѣсколько ярусовъ бѣлые домики съ красными крышами, а близъ дороги ведшей въ долину видѣлся англійскій госпиталь, широкое каменное строеніе, окруженное деревянными бараками. Всюду килѣла лихорадочная дѣятельность, на берегу и на корабляхъ; всѣ спѣшили воспользоваться жослѣдными лучами дневнаго свѣта. Вагоны запряженные лошадьми катились по рельсамъ въ лагерь. Тяжелые тюки бросались на берегъ и нагружались солдатами на повозки. Во всѣхъ направленіяхъ скрещивались транспорты, мулы и вьючныя лошади; шумъ отъ свистковъ двухъ отходившихъ пароходовъ наполнялъ собою всю гавань. Мало-по-малу тѣни надвинулись на холмы, съ неба опустились сумерки, звуки и голоса улеглись. Глубокая тишина настала въ гавани и въ городѣ. На набережной были слышны только мѣрные шаги часовыхъ и патрулей. Подъ блѣднымъ свѣтомъ звѣздъ нельзя было отличить гдѣ кончается вода и гдѣ начинается берегъ. Прогалина ведшая въ долину наполнилась какимъ-то неопредѣленнымъ подусвѣтомъ; покатоности горъ покрылись прозрачною тѣнью, а вершины ихъ рѣзко вырѣзались на чистомъ небѣ. Огоньки исчезали одинъ за другимъ; остался лишь огонь разведенный близъ развалинъ Генуэзской башни и красный

фонарь госпиталя. А среди этого мирнаго ландшафта издалека слышалось величественное рокотаніе, похожее на долгіе перекаты грома въ горахъ. Глухіе залпы севастопольскихъ пушекъ доносились по вѣтру и неотступно напоминали что война и смерть царствуютъ безраздѣльно въ этой мѣстности.“

Мы переносимся въ англійскія траншеи.

„Въ началѣ апрѣля 1855 года, въ англійскихъ траншеяхъ кипѣла оживленная работа. Инженеры пользовались прекрасною погодой чтобъ увеличить толщину земляныхъ насыпей, открыть новые ходы и приготовить прикрытія для войскъ которыя во время бомбардировки должны были находиться подъ страшнымъ огнемъ Севастополя. Артиллерія съ своей стороны вооружала три новыя батареи, устройства которыхъ потребовалъ полковникъ Отвэй, снова принявъ начальство. Суровая доблесть исходила изъ этой почвы, орошенной кровью армій. При видѣ мѣстностей на которыхъ Провидѣніе измѣняетъ по своему произволу судьбы народовъ, мысль покидаетъ мелочныя ежедневныя заботы и подчиняется таинственной притягательной силѣ величественнаго образа смерти. Картины прошлаго одна за другою развертываются предъ умственными очами. Предъ взорами открываются другіе горизонты, сужденіе пользуется иными вѣсами. Оно идетъ какъ бы изъ тѣхъ невѣдомыхъ областей въ которыя уже отошли товарищи. Преодолевая оковы плоти, душа снова получаетъ свое величавое преобладаніе въ тѣ часы когда ночь еще болѣе увеличиваетъ необычайность ощущеній, когда поля убійствъ и смерти не имѣютъ еще хозяевъ, жертва за жертвой ладаетъ за то же дѣло за которое наканунѣ пресяклась на томъ же мѣстѣ тысяча жизней, а зловѣщій свѣтъ пушекъ и свистъ ядеръ заставляетъ содрогаться за прикрытіемъ траншей едва защищающимъ человѣка.

„Полковникъ Отвэй явился въ эту ночь чтобы лично наблюдать за вооруженіемъ большой батареи. Блѣдныя звѣзды свѣтились на безоблачномъ небѣ, потускнѣвшемъ подъ легкою дымкой тумана. Луна слабо освѣщала узкіе проходы траншей; она должна была скрыться черезъ нѣсколько времени и вмѣстѣ съ ея исчезновеніемъ рѣшено было приступить къ постановкѣ орудій. Стоя на banquetъ устроенномъ вдоль парашета, полковникъ глядѣлъ на земаю освѣщенную измѣнчивыми отливами свѣта, то сверкавшими какъ серебра-

ный коверъ, то исчезавшими среди глубокихъ, черныхъ тѣней. Неопредѣленные очертанія русскихъ укрѣпленій были едва различимы для глазъ. Большой Реданъ молчалъ, но съ лѣвой стороны, въ томъ направленіи гдѣ находились городъ, гавань и казармы, можно было различить смутный гулъ. Съверный вѣтеръ приносилъ по временамъ какіе-то странные звуки, а съ противоположной стороны ослышный взоръ могъ различить темные слуски оврага Корабельной, отдѣлявшаго Большой Реданъ отъ Малахова Кургана и *Mamelon vert*. Время отъ времени появлялось на мгновеніе красноватое сіяніе которое немедленно угасало; раздавался звукъ выстрѣла и снова воцарялось молчаніе. Не слышно было ни голоса, ни крика человѣка; желѣзо и огонь одни отвѣчали другъ другу. Полковникъ сначала думалъ воспользоваться луннымъ свѣтомъ, оставлявшимъ въ тѣни то мѣсто на которомъ онъ стоялъ чтобъ изслѣдовать не строятъ ли Русскіе новыхъ укрѣпленій. Но подъ вліяніемъ страннаго впечатлѣнія испытываемаго помимо воли, душа его углубилась въ прошедшее. Эти мѣста посвященныя убійству, глубокая ночь, тѣни и молчаніе прерывающіяся внезапными вслѣсками огня, гулъ лушекъ и сухой трескъ ружей погрузили его въ мрачный экстазъ. Тѣло его оставалось неподвижнымъ, а мысль кружила въ одномъ и томъ же вихрѣ и тихіе дни его дѣтства, и строгіе годы юности, и краткіе мѣсяцы счастья, такъ быстро исчезнувшіе.“

Заемствуемъ у автора интересную характеристику высшего англійскаго общества. Полковникъ Отвѣй вспоминаетъ въ траншеѣ какъ онъ принужденъ былъ покинуть свою молодую жену чтобы по обязанностямъ службы отправиться въ Корфу и на Гибралтаръ.

„Письма Генриетты, бывшія сначала печальными и ласковыми, мало-по-малу стали искажительно наполняться разказами о придворныхъ и городскихъ происшествіяхъ. Англійская аристократія, избранная часть народа который считается самымъ молчаливымъ на всемъ свѣтѣ, занимается слетнями болѣе чѣмъ какое-либо другое общество. Что-то въ родѣ франмасонскаго союза сосредоточиваетъ въ Англіи новости со всего свѣта. Нѣкоторые приписываютъ этотъ фактъ большому количеству дѣвушекъ производимыхъ англосаксонскою расой, и ихъ лихорадочному нетерпѣнію которое находитъ себѣ исходъ въ слетняхъ; но какъ бы то ни было, а вы

въ одной странѣ міра не пересылается такое множество писемъ заключающихъ въ себѣ столько безполезныхъ словъ и болтливыхъ фразъ. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ года Англичанки переѣзжаютъ изъ замка въ замокъ, разнося съ собою различныя новости, и въ продолженіе этого времени каждая свѣтская миссъ, старая или молодая, считаетъ себя обязанною адресовать своимъ подругамъ подробный разказъ о тысячѣ лустяковъ которые совершаются въ городахъ гдѣ она пребываетъ. Такъ-называемый *сезонъ* собираетъ въ Лондонѣ всю эту ярмарку тщеславія. Комментаріи, злорѣчіе, клеветы перелетаютъ изъ устъ въ уста; перелиска разгорается съ удвоенною силой; съ чисто британскою быстротою и невозмутимостью летятъ изъ Лондона на конецъ свѣта и оттуда обратно въ Лондонъ важныя описанія вздора и цѣлыя страницы отвратительнаго злословія. Отвѣи тщетно искалъ хотя бы одного добраго слова въ тѣхъ листахъ которые ислисывала для него Генриетта. Онъ все встрѣчалъ на нихъ только описанія неудачъ Цециліи которая не могла увлечь сердце лорда Б., изображеніе глубокаго впечатлѣнія произведеннаго статною фигурой новаго тенора, разказъ про новый фасонъ плаатья выпущенный моднымъ *львомъ* въ обязательное подражаніе для всякаго кто хочетъ быть одѣтымъ по модѣ. Письма эти болѣзненно дѣйствовали на него, и, въ первый разъ съ того времени какъ онъ женился, чувство ревниваго недовѣрія пронзило его сердце какъ ударъ остраго ножа.“

Но рядомъ съ этимъ описаніемъ мы встрѣчаемъ среди страницъ просвященныхъ изображенію осадныхъ работъ, сраженій и страданій, совершенно своебытную, поэтическую картину. Леди Доверъ послѣдовала за своимъ мужемъ въ Крымъ, и когда онъ возвращался съ военныхъ трудовъ, его встрѣчалъ мирный и тихій семейный пріютъ, заставлявшій на мгновеніе забывать что онъ находится на войнѣ, вблизи непріятеля, на чужой землѣ.

„На полулугу между Балаклавой и монастыремъ Св. Георгія, въ центрѣ изгиба который описываютъ холмы прежде чѣмъ снова подняться по направленію къ Черной Рѣчкѣ, находилась небольшая деревня, населенная греческими поселенцами которыхъ пощадили случайности войны. Деревня эта называлась Карани. Въ одномъ изъ двадцати ея домиковъ, среди луговъ и полей, не подалеку отъ греческой церкви жила леди Доверъ. Домъ былъ двухъэтажный, съ широ-

кимъ балкономъ защищеннымъ крышею отъ зимнихъ дождей и палящихъ лучей лѣтняго солнца. Съ балкона открывался превосходный видъ. Отлогая покатость спускалась въ долину; теряясь въ туманной дали, вдалекѣ тянулись лѣсистые холмы Ай - Тодора, Мекензиевы высоты, высокія стѣны горъ. Когда лордъ Рагланъ разрѣшилъ леди Доверъ покинуть яхту и высадиться на берегъ, онъ приказалъ оставить для нея одинъ изъ домиковъ деревни. Матросы перенесли изъ яхты мебель, построили баракъ для конюшенъ, для кухни и для жилья прислуги, и черезъ двѣ недѣли леди Доверъ поселилась въ своемъ коттеджѣ. Земля была покрыта снѣгомъ, домъ былъ холоденъ и пустъ, но присутствіе молодой женщины было подобно лучу солнца. Она повѣсила на стѣнахъ нѣсколько картинъ, кисейныя занавѣски къ окнамъ, велѣла разстлать на некрашенномъ полу смирскаго коверъ, покрывала столъ шотландскою шалью, разбросала по комнатамъ книги, альбомы, рабочіе ящички, и комната оживилась съ первыхъ же дней. Мало-по-малу леди Доверъ убрала ее сообразно со своими прихотями, и ея салонъ, какъ она въ шутку называла большую комнату дома, получилъ причудливый видъ который обнаруживая вкусъ хозяйки еще болѣе способствовалъ тому чтобы выдѣлить изящную простоту ея манеръ и обращенія. Леди Доверъ скрывала отъ равнодушныхъ постороннихъ взоровъ мучительное безпокойство которое постоянно ее волновало. Уже не одинъ человекъ между молодыми офицерами оцѣнилъ свои крылья подлѣ этой смѣющейся красавицы которая принимала отъ всѣхъ дань своей красотѣ, но въ то же время едва удостоивала повернуть свою предестную головку. Какое было ей дѣло до воздыхателей? Снѣгъ исчезъ. Предъ домомъ разбили садъ, посадили сѣмена цвѣтовъ привезенные изъ Англіи, азіатскія розы и жасмины. Черезъ мѣсяць громадный тополь, стройно возвышавшійся предъ дверью дома, долженъ былъ покрыться листьями, а вьющіяся растенія обвитья вокругъ колоннъ и затѣмъ покрыть собою крышу балкона. Леди Доверъ предстояло опять услышать аромат цвѣтовъ въ этомъ коттеджѣ, куда почти каждый день приходилъ ея мужъ отдохнуть и забыться отъ тяжелыхъ трудовъ.

Авторъ вводитъ насъ во внутренность коттеджа. На другой же день послѣ прибытія Отвѣя въ Крымъ, лордъ Доверъ пригласилъ его вечеромъ пить у него чай.

„Леди Доверъ сѣла на плетеное креслѣ возлѣ своего

рабочаго стола и, небрежно качаясь, разговаривала съ майоромъ Моррисомъ, который сидѣлъ противъ нея на диванѣ обтянутомъ бѣлою азиатскою матеріей съ красными разводами. Надъ этимъ диваномъ была протянута желѣзная цѣль поддерживавшая пирамиду ружей и сабель, отражавшихся въ венеціанскомъ зеркалѣ. Съ обѣихъ сторонъ стѣны висѣли гравюры съ лѣтческихъ картинъ Ландзира, наломившія охоты, туманы и горы Шотландіи; красные испанскіе плащи покрытые яркими цвѣтными полосами висѣли на окнахъ; густой восточный коверъ покрывалъ полъ, огонь угольевъ раскалялъ докрасна рѣшетку камина, а мѣдная люстра со множествомъ развѣтвленій распространяла по комнатѣ ровный свѣтъ. Входя въ этотъ салонъ, каждый принужденъ былъ сознаться что мужество должно почерпать новую энергію въ этой тихой атмосферѣ счастья. Когда полковникъ Отвэй пріѣхалъ вмѣстѣ съ капитаномъ Мельтономъ, его сейчасъ же схватило это впечатлѣніе. На противоположномъ концѣ салона лордъ Доверъ писалъ замѣтки подъ диктовку главнаго доктора Балаклавскаго госпиталя, стараго друга семейства леди Доверъ; его звали не иначе какъ „докторъ“ и онъ легко переносилъ бремя своихъ шестидесяти годовъ. Принесли чай. Канделябры поставленныя на столѣ разсвѣили всѣ полутьныя комнаты; скатерть была снѣжной бѣлизны, сервизъ взятъ съ яхты. Комфортъ, вещь столь обыкновенная и простая въ Англіи, казался въ Крыму царскою роскошью, а веселость хозяйки дома скоро сообщилась всѣмъ гостямъ.“

Семейная обстановка лорда Довера является читателю особенно привлекательною и свѣтлою вслѣдствіе своего контраста со всѣмъ окружающимъ; невольно чувствуется какъ обаятельно должна была она дѣйствовать на всѣхъ посѣтителей „домика въ Карани“. Явленіе это, которое казалось бы исключительнымъ во всякомъ другомъ войскѣ, было однако въ рядкѣ вещей среди англійской арміи. Многіе офицеры явились въ Крымъ въ сопровожденіи своихъ женъ, а отсутствіе солдатскихъ женъ составляло, по мнѣнію автора, особый предметъ лишения для англійской арміи подъ Севастополемъ. „Англійскій солдатъ созданъ лишь для часа борьбы. Онъ безсиленъ совладѣть съ тысячею мелкихъ заботъ которыя обезличиваютъ ежедневное существованіе, и это обстоятельство, равно какъ и условія темперамента, составляетъ быть-можетъ одну изъ причинъ такого множества женатыхъ солдатъ въ англійской

арміи и того количества женщинъ которое повсюду сопровождаетъ англійскіе полки. Въ Крыму англійская армія не могла заставитьъ сопровождать себя эту тучу помощницъ которыя обыкновенно выступаютъ въ походъ вмѣстѣ съ солдатами. Когда оказалось нужнымъ жить постоянно въ палаткахъ и самимъ пользоваться раціонами раздаваемыми комиссаріатомъ, англійскіе солдаты очутились въ большомъ затрудненіи вслѣдствіе совершеннаго незнанія искусства жить, того искусства въ которомъ французскій солдатъ такой великій мастеръ. Вопросъ о пищѣ и объ ея приготовленіи сталъ одною изъ главныхъ заботъ англійскихъ генераловъ.“

На выручку англійскихъ солдатъ, не умѣвшихъ сварить себѣ пищу, явился въ Крымъ знаменитый Соге, главный поваръ, *chef de cuisine*, клуба Реформы. Онъ привезъ съ собою переносную плиту новаго образца которая весьма легко поддавалась перевозкѣ, годилась для самыхъ разнообразныхъ употребленій и сжигала только одну треть топлива по закону полагавшагося солдатамъ. Англійскимъ войскамъ были розданы печатныя брошюры заключавшія въ себѣ наставленія къ варкѣ кушанья; при помощи ихъ и новаго снаряда Соге, солдатамъ легко было приготовить бульонъ, соусъ, жаркое, сварить чай или кофе. Весь англійскій штабъ собрался присутствовать при новомъ опытѣ съваркой солдатскаго кушанья; изъ этого событія сдѣланъ былъ настоящій праздникъ на который пригласили и всѣхъ офицерскихъ женъ. Печи были затолканы. Солдаты принесли раціоны розданные комиссаріатомъ, и различныя блюда, составляющія обычное питаніе арміи во время похода, скоро были разставлены на столахъ. Самъ „великій“ Соге игралъ роль хозяина среди этого блестящаго общества и, скромно принимая похвалы сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ, сохранялъ въ то же время чувство своего достоинства и своей важности. Этотъ комическій урокъ повареннаго искусства преподавался совершенно серьезно на дворѣ главной англійской квартиры. При немъ присутствовалъ лордъ Рагланъ, Пелиссъ, Ламармора, Омеръ-паша и множество другихъ генераловъ.

Мы привели на выдержку нѣкоторыя изъ любопытныхъ подробностей которыми изобилуетъ *Меджи*. Въ обширномъ кругѣ читателей на который можетъ разчитывать каждая французская книга, едва ли для кого-нибудь будетъ она представлять такой своеобразный интересъ какъ для Русскихъ.

IV.

Новая книга Жюль Верна. Jules Verne: *Un capitaine de quinze ans*. Première partie. Paris, Hetzel, 1878.

Неутомимый авторъ *Необыкновенныхъ путешествій*, *Voyages extraordinaires*, переведенныхъ на всѣ европейскіе языки и расходящихся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, предпринялъ новый трудъ, первая часть котораго въ настоящее время появилась въ продажѣ. Несмотря на то что разказъ еще не оконченъ, первый томъ его вышелъ уже четвертымъ изданіемъ, и это служитъ достаточнымъ доказательствомъ того съ какимъ интересомъ встрѣчается каждое новое произведеніе Жюль Верна. На этотъ разъ авторъ не заставляетъ насъ ни залетать на луну, ни путешествовать въ неизмѣримыхъ глубинахъ земнаго шара, ни переноситься на новую планету. Мы остаемся на землѣ. Интересъ книги долженъ быть, повидимому, сосредоточенъ на преодоленіи тѣхъ трудностей и приключеній которыми обильна дѣйствительная жизнь и при обыкновенныхъ условіяхъ физическаго существованія земнаго шара, и которыя Вернь умѣетъ съ такимъ мастерствомъ изобрѣтать и распутывать.

Богатый калифорнскій арматоръ Джемсъ Вельдонъ отправилъ на китоловный промыселъ въ австралійскихъ моряхъ бригъ *Пилигримъ*, подъ начальствомъ капитана Гулля. Ловъ оказался неудаченъ. Капитанъ Гулля намѣревался уже возвращаться обратно, когда онъ встрѣтилъ въ Вайтематѣ, одномъ изъ портовъ Новой Зеландіи, семейство мистера Вельдона состоявшее изъ его жены и маленькаго сына Джека. Мистрисъ Вельдонъ ожидала случая вернуться въ Санъ-Франсиско и рѣшилась возвратиться туда на *Пилигримъ*. Ее сопровождалъ старый родственникъ, „кузень Бенедиктъ“, и старуха негритянка, нянька Джека. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою небольшое судно на которомъ подъ командой капитана Гулля находятся пять матросовъ, и кромѣ того помѣщаются четыре пассажира: мистрисъ Вельдонъ, сынъ ея Джекъ, кузень Бенедиктъ и старая негритянка. Время дѣйствія—февраль 1873 года, а мѣсто—43° 57' южной широты и 165° 19' восточной долготы.

Авторъ знакомитъ насъ ближе со своими героями. Мист-

ришь Вельдонъ была „умная и рѣшительная женщина“; капитанъ Гульдъ „отличный морякъ и одинъ изъ лучшихъ мастеровъ владѣть гарлуной“; „кузень Бенедиктъ“ никогда не зналъ куда ему дѣть свои длинныя руки и ноги и былъ совершенно неспособенъ совладать съ самыми обыкновенными житейскими дѣлами. Онъ забывалъ что нужно ѣсть и пить, пока ему не напоминали объ этомъ, былъ одинаково нечувствителенъ къ холоду и къ жару, и скорѣе принадлежалъ къ растительному, нежели къ животному царству. У него была единственная страсть—энтомологія. Когда онъ возвращался съ прогулки, вся шляпа его, внутри и снаружи была покрыта приколотыми къ ней насѣкомыми. Въ числѣ экипажа находились двѣ личности которымъ суждено играть важную роль въ разказѣ. Первая изъ нихъ—Негоро, Португалецъ, исполнявшій на бригѣ скромную должность повара. „Это былъ человекъ лѣтъ сорока, сухощавый, нервный, средняго роста и очень смуглый. Онъ никогда не говорилъ о своемъ прошедшемъ и никто не зналъ откуда онъ явился и гдѣ онъ прежде жилъ. Достоверно было только то что онъ человекъ странный и никогда не былъ морякомъ.“ Другая личность—Дикъ Сандъ, молодой человекъ пятнадцати лѣтъ, сирота, воспитанный арматоромъ Вельдономъ. Никто не знаетъ также и его происхожденія. „Дикъ былъ найденъ на лескѣ, на берегу рѣки Гудзона; отсюда его имя, ибо *Sand* значитъ по-англійски лесокъ. Нельзя было сомнѣваться въ англо-саксонскомъ происхожденіи мальчика. Онъ былъ средняго роста, съ каштановыми волосами и голубыми глазами, горѣвшими яркимъ внутреннимъ огнемъ. Въ пятнадцать лѣтъ Дикъ умѣлъ уже принимать рѣшенія и доводить до конца то что онъ разъ рѣшалъ. Его видъ, живой и серьезный въ одно и то же время, невольно привлекалъ вниманіе. Онъ не расточалъ словъ и жестовъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно юности его возраста. Съ восьми лѣтъ Дикъ почувствовалъ страсть къ морю и поступилъ уже на корабль. Капитанъ Гульдъ замѣтилъ его и обратилъ на Дика вниманіе мистера Вельдона, который далъ ему возможность докончить въ Санъ-Франсиско его образованіе и воспиталъ его въ католической вѣрѣ. Мистрисъ Вельдонъ была въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ второю матерью для Дика, а на маленькаго Джека онъ смотрѣлъ какъ на брата. Въ пятнадцать лѣтъ Дикъ дѣйствовалъ и думалъ какъ тридцатилѣтній человекъ: вотъ въ чемъ состояла его отличительная черта.“

Предъ нами слѣдовательно полный матеріалъ и всѣ нужныя дѣйствующія лица для драматическаго развитія разказа въ которомъ Дикъ долженъ играть роль добраго генія, Негоро — злодѣя, а „кузень Бенедиктъ“ — роль комическаго лица. Замѣтивъ мимоходомъ что путешественникамъ предстояло сдѣлать три тысячи миль на парусномъ суднѣ, Вернъ вводитъ насъ въ открытое море. Путешествіе совершается благополучно, но узелъ драмы начинается мало-по-малу завязываться. *Пилигримъ* встрѣчаетъ на пути разбитый бригъ *Вальдекъ* и находитъ на немъ лять полуживыхъ негровъ. Негры служили работниками близъ Мельбурна и возвращались обратно въ Пенсильванію, когда *Вальдекъ* потерпѣлъ крушеніе отъ столкновенія съ другимъ кораблемъ, скрывшимся неузнаннымъ благодаря ночной темнотѣ. Старшій изъ негровъ назывался Томъ и былъ великанъ по росту и силѣ; остальные четверо, молодые люди между 25 и 30 годами, представляли собою превосходные образцы „могучей расы на которую школьное обученіе Сѣверной Америки наложило уже свою печать“. Въмѣстѣ съ неграми была спасена огромная собака *Динго*. Она была совершенно кротка и спокойна. Но едва капитанъ Гуль произнесъ имя Негоро, какъ шерсть собаки оцетинилась, а едва увидѣла она повара, какъ въ бѣшенствѣ бросилась на него.

— Вы знаете эту собаку? спросилъ капитанъ Гуль у повара.

— Что съ вами! отвѣтилъ Негоро.—Я ее никогда не видалъ.

— Странно! прошепталъ Дикъ Сандъ.

Но собака скоро привела въ изумленіе не одного Дика; она изумила весь экипажъ. Маленькій Джекъ игралъ на лалубѣ деревянными кубиками на которыхъ написаны были различныя буквы. *Динго* бродилъ кругомъ него. „Внезапно онъ остановился. Глаза его были прикованы къ одной точкѣ, правая лапа поднималась, хвостъ находился въ конвульсивномъ движеніи. Онъ бросился на одинъ изъ деревянныхъ кубиковъ, схватилъ его лапью и положилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Джека. На этомъ кубикѣ стояла большая буква S.

— *Динго!* закричалъ мальчикъ, боясь чтобы собака не проглотила его игрушку.

Но *Динго* возвратился и схватилъ другой кубикъ, который положилъ возлѣ перваго. На кубикѣ была написана буква V. Дикъ Сандъ хотѣлъ отнести кубики обратно къ Джеку,

во *Динго* осканилъ зубы, а когда у него все-таки отяли кубики и положили ихъ къ остальнымъ, *Динго* снова кинулся, схватилъ тѣ же буквы и отнесъ ихъ въ сторону. На этотъ разъ онъ положилъ на нихъ свои лапы и казалось рѣшился охранять ихъ во что бы то ни стало. Что касается другихъ буквъ алфавита, то онѣ повидимому не существовали для него.

— Какая странность! сказала мистрисъ Вельдонъ.

— Это дѣйствительно очень странно, отвѣтилъ капитанъ Гуль, внимательно разсматривая обѣ буквы.

— S. V., сказала мистрисъ Вельдонъ.

— S. V., повторилъ капитанъ Гуль.—Но вѣдь это именно тѣ буквы которыя вырѣзаны на ошейникѣ у *Динго*!

Начались разпросы. Негры объяснили что капитанъ *Вальдека* нашелъ эту собаку около устья рѣки Конго, на западномъ берегу Африки. Больше имъ ничего не было извѣстно. Капитанъ Гуль высказалъ предположеніе что собака могла принадлежать пропавшему безъ вѣсти французскому путешественнику Самуилу Вернону, предпринявшему изслѣдованіе Африки въ 1871 году.

— Но, замѣтила мистрисъ Вельдонъ,—почему вы знаете что французскаго путешественника сопровождала собака? Не простое ли это предположеніе съ вашей стороны?

— Это дѣйствительно простое предположеніе, мистрисъ Вельдонъ, отвѣтилъ капитанъ Гуль.—Достоверно только что *Динго* знаетъ эти двѣ буквы S и V, и что именно съ нихъ начинается имя и фамилія французскаго путешественника. Я не могу объяснить себѣ при какихъ условіяхъ животное научилось ихъ различать, но оно ихъ знаетъ. Смотрите: *Динго* толкаетъ ихъ лапой и какъ будто приглашаетъ насъ ихъ прочесть.

Въ эту минуту на палубѣ показался Негоро. Никто не замѣтилъ сначала его присутствія и того страннаго взгляда который онъ бросилъ на собаку, увидавъ двѣ буквы предъ которыми она стояла. Но *Динго* почувалъ присутствіе повара и началъ обнаруживать признаки необычайной ярости. Негоро сейчасъ же удалился; у него невольно вырвался угрожающій жестъ.

— Тутъ кроется какая-то тайна! прошепталъ капитанъ Гуль, видѣвшій всю эту сцену.

Негоро дѣйствительно начинаетъ оказываться злымъ гениемъ

Пилигрима. Калитанъ Гуаль и четыре матроса брига отправляются сражаться противъ громаднаго кита и гибнуть въ волнахъ. Дикъ Сандъ принимаетъ команду надъ судномъ, а негры исполняютъ должность матросовъ. Негоро, по какимъ-то извѣстнымъ ему одному таинственнымъ соображеніямъ, старается отклонить бригъ отъ того направленія по которому онъ плыветъ. На суднѣ происходитъ цѣлый рядъ необыкновенныхъ происшествій. Разбивается второй компасъ; перерывается веревка у снаряда которымъ измѣряется глубина моря; Негоро ночью кладетъ кусокъ желѣза недалеко отъ компаса и отклоняетъ стрѣлку отъ ея дѣйствительнаго направленія. Наконецъ *Пилигримъ* разбивается о скалы и всѣ выходятъ на какой-то неизвѣстный берегъ на которомъ нѣтъ слѣда людей. Негоро исчезаетъ. Путешественники кое-какъ устраиваются въ пещерѣ и сносятъ туда все что можно спасти съ судна. Черезъ нѣсколько времени они встрѣчаютъ человѣка. Онъ называетъ себя Гаррисомъ, объявляетъ что онъ Американецъ и разказываетъ что мѣстность гдѣ они находятся принадлежитъ къ южной части Боливіи. Гаррисъ беретъ проводить все общество къ жилищу своего брата, находящемуся на разстояніи двухсотъ миль; оттуда можно будетъ уже легко достигнуть ближайшаго города. Начинается путешествіе по дремучему лѣсу. Гаррисъ становится все таинственнѣе, Негоро то появляется, то исчезаетъ опять. У Дика давно уже начали возникать смутныя сомнѣнія. Наконецъ, путешественники наталкиваются въ лѣсу на цѣли, кровь и отрубленные человѣчскія руки. Кузень Бенедиктъ находитъ насѣкомое *тсетсэ*, и открывается ужасная тайна: лутники находятся не въ Боливіи, а въ экваторіальной Африкѣ, странѣ торговцевъ невольниками. Гаррисъ исчезаетъ.

На этомъ эпизодѣ оканчивается первая часть новаго сочиненія Жюль Верна. Авторъ такъ мастерски умѣетъ заинтересовать своимъ разказомъ что читатель, закрывая книгу, невольно желаетъ чтобы скорѣе появилось ея продолженіе.

V.

Происхождение и странствія Цыганъ. (*Origin and wanderings of the Gypsies; Edinburgh Review. July 1878.*)

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщена въ послѣдней книжкѣ извѣстнаго англійскаго критическаго журнала статья подводящая итогъ послѣднимъ изслѣдованіямъ о Цыганахъ. Свѣдѣнія, до сихъ поръ разрозненныя, приведены въ связь, факты почерпнутые изъ малоизвѣстныхъ источниковъ и монографій весьма любопытны, и если спорный вопросъ не рѣшенъ окончательно, то опредѣлено очень ясно его современное положеніе.

Осенью 1417 года чинное спокойствіе ганзейскихъ городовъ на берегахъ Балтійскаго моря и около устьевъ Эльбы было встревожено неожиданнымъ, фантастическимъ явленіемъ. Орда темнотѣщихъ странниковъ, вовсе не похожихъ на людей какихъ привыкли встрѣчать почтенные бюргеры, внезапно появилась у воротъ Люнебурга, потомъ Гамбурга, Любека, Висмара, Ростока и Стральзунда. Они были, говорятъ лѣтотписцы, безобразны и свирѣлы съ виду; вся наружность ихъ облачала крайнюю степень бѣдности и одичалости. Они старались прикрыть нищету свою какими-то странными доскутьями восточнаго щегольства. На грязныя лохмотья наброшенъ былъ плащъ яркаго цвѣта, потертый и изношенный, но очевидно тунисскаго или дамасскаго производства. За неизвѣніемъ плаща пестрый платокъ украшалъ голову. Женщины съ младенцами сидѣли въ телѣгахъ, запряженныхъ ослами и лошаками; мужчины шли лѣшкомъ, сурово поглядывая на встрѣчныхъ изъ-подъ темныхъ, нахмуренныхъ бровей; дѣти, нечесаныя, полунагія, бѣгали во всѣ стороны, призывая рѣзкими криками вниманіе прохожихъ на свои удивительныя фокусы и штуки. Во главѣ этого сброда ѣхали два главные вождя, со свитой другихъ начальниковъ. Ихъ убранство выказывало знаки баронскаго достоинства. Они величали себя герцогами Малаго Египта, а народъ свой называли Секанами, изъ чего Нѣмцы скоро сдѣлали „Zigeuner“. Эти вожди представляли начальству посѣщаемыхъ ими городовъ грамоты, выданныя имъ будто бы весной того же года императоромъ Сигизмундомъ, въ которыхъ говорилось

что герцоги Малаго Егилта, Михаилъ и Андрей, со своимъ народомъ, совершаютъ семилѣтнее богомоліе, наложенное на нихъ епископами во искушеніе отлаженія ихъ предковъ отъ христіанской вѣры, и затѣмъ повелѣвалось всѣмъ добрымъ подданнымъ Священной Римской Имперіи оказывать уломянутымъ герцогамъ съ ихъ народомъ пріемъ и содѣйствіе. Этотъ странный документъ носилъ всѣ признаки подлинности, и сначала „богомольцевъ“ встрѣчали радушно и почтительно. Скоро однако воровство обнаруживавшееся вездѣ гдѣ ни проходили они лобудило ганзейскія власти, несмотря на императорскую грамоту, принять противъ нихъ строгія мѣры. Нѣсколько человекъ было повѣшено. Видя такое негостепріимство, герцоги Малаго Егилта повели народъ свой въ среднюю Германію, но и оттуда они были изгнаны въ слѣдующемъ же 1418 году, и пошли въ Швейцарію. Шесть дней стояли они лагеремъ предъ Цюрихомъ, возбуждая сочувствіе народа своимъ жалкимъ видомъ и скорбнымъ разказомъ о наложенномъ на нихъ покаяніи. Обиліе у нихъ золотой монеты, которою они щедро платили за все что потребляли, довѣрчивые граждане Цюриха объясняли богатствомъ добрыхъ родственниковъ, оставленныхъ набожными странниками въ „Маломъ Егилтѣ“. Отъ Цюриха странники разошлись въ разныя стороны. Небольшой отрядъ ихъ проникъ въ южную Францію, гдѣ жители городка Систерона очень услугались этихъ дикихъ „Сарациновъ“, накормили ихъ хлѣбомъ и упростили уйти немедленно. Большинство же, подъ предводительствомъ двухъ „герцоговъ“, двухъ „графовъ“ и кучи „рыцарей“, повернуло въ Альзасъ, прошло черезъ Страсбургъ, и 1 ноября остановилось предъ Нюрнбергомъ, гдѣ ихъ встрѣтили съ удивленіемъ и оказали имъ пособіе. Затѣмъ, въ 1422 году, они являются въ Италію. Срокъ ихъ предполагаемаго богомолія истекалъ, уваженіе къ ихъ набожности давно исчезло, и вожди сообразили что нужно чѣмъ-нибудь подновить обаяніе какимъ желали они пользоваться въ глазахъ народа. На общей сходкѣ, въ Швейцаріи, было рѣшено отправиться съ этою цѣлью въ Римъ, и герцогъ Андрей былъ избранъ вождемъ шайки, которая должна была перейти Альпы, проникнуть въ столицу христіанства, и если возможно добиться пріема у папы. Болонская хроника такъ разказываетъ о появленіи и пребываніи ихъ въ Болоньи:

„11 июля 1422 года одинъ египетскій герцогъ, по имени Андрей, прибылъ въ Болонью съ мужчинами, женщинами и дѣтьми своего народа, числомъ до ста человекъ. Этотъ герцогъ отрекся когда-то отъ христіанской вѣры, за что Венгерскій король завоевалъ его земаю и взялъ въ лѣвъ его самого. Тогда герцогъ объявилъ королю о своемъ желаніи возвратиться къ христіанской вѣрѣ, и былъ крещенъ съ частію своихъ подданныхъ, числомъ до 4.000 человекъ. Тѣ же которые упорствовали въ отступничество своемъ были преданы смерти. Крестивъ ихъ такимъ образомъ, Венгерскій король постановилъ чтобъ они странствовали семь лѣтъ, посѣтили Римъ, представились папѣ и потомъ уже воротились на родину. Когда прибыли они въ Болонью, странствіе ихъ продолжалось уже пять лѣтъ и большинство ихъ перемерло. У нихъ была грамота Венгерскаго короля, бывшаго также императоромъ, которою имъ дозволялось грабить и красть безпрелатственно вездѣ куда ни придутъ они въ теченіе семи лѣтъ. По прибытіи въ Болонью, они остановились у воротъ *Porta di Galiera*, и внутри города и за воротами, самъ же герцогъ поселился въ гостиницѣ *Albergo del Re*. Они стояли тутъ лятнадцать дней. Многіе ихъ посѣщали, ради жены герцога, которая, какъ говорили, была волшебница и умѣла предсказывать будущее, а также угадывать настоящее положеніе каждаго: сколько у кого дѣтей, хороша ли чья жена, и тому подобное. Чтò она говорила большію частію оказывалось правдой. Кто ни ходилъ къ ней у всѣхъ почти либо украдутъ кошелекъ, либо отрѣжутъ кусокъ одежды. Женщины ихъ ходили по городу, по шести и по восьми вмѣстѣ, входили въ дома и забавляли гражданъ пустою болтовней, а тѣмъ временемъ одна изъ нихъ крада что попадется подъ руку. Въ лавкахъ тоже онѣ являлись какъ будто покупать, а въ сущности кради; такъ что въ это время начались въ Болоньи большія покражи. Вслѣдствіе этого издаво было распоряженіе воспрецававшее вступать въ какія-либо сношенія съ пришельцами подъ страхомъ денежной пени въ пятьдесятъ лиръ и отлученія отъ церкви.... Увидавъ что нельзя болѣе красть, они пошли въ Римъ. Надо замѣтить что это былъ самый безобразный сбродъ, какой случалось видѣть въ здѣшнихъ мѣстахъ. Они были худы и черны лицомъ, и ѣли какъ свиньи. Женщины ихъ носили плащи переброшенные черезъ плечо, а подъ ними одну только рубашку.

Въ ухахъ у нихъ были серьги, а на головахъ дливныя покрывала.“

Другой италянскій авторисецъ, описывая странниковъ почти такими же словами, прибавляетъ интересное замѣчаніе: „Многіе изъ нихъ говорили что они пришли изъ Индіи“.

Мы не имѣемъ извѣстій о ихъ ложеніяхъ въ Римъ. Такъ или иначе, цѣль ихъ повидимому была достигнута, ибо въ послѣдствіи они всюду показывали палочное бревно, какъ казалось подлинное, подтверждавшее ихъ права на милостыню и состраданіе вѣрныхъ. Нѣсколько лѣтъ бродячая шапка является то тутъ, то тамъ, затѣмъ слухи о ней замолкають. Но вотъ въ 1438 году цѣлый потокъ Цыганъ изливается на западную Европу. Они идутъ уже не сотнями, а тысячами, подъ предводительствомъ уже не герцоговъ, а царя носящаго имя *Цинды*. Скоро по Германіи, Франціи, Италиі и Испаніи распространились смуглые чужеземцы, говорящіе на невѣдомомъ языкѣ, не признающіе христіанской вѣры и нравственности, похваляющіеся таинственными званіями и приписывающіе себѣ баснословное происхожденіе. Эти незваные гости умѣли переходить невидимо изъ одного мѣста въ другое, жить безъ продовольствія, идти безъ дороги, исчезать при приближеніи опасности и появляться внезапно, гдѣ только представится случай поживы. Они обладали искусствомъ располагать къ себѣ и высшіе и низшіе слои населенія. Вожди ихъ вступали въ договоры съ королями, а съ другой стороны бродяги и преступники повсемѣстно примыкали къ лестрому сброду. Такое положеніе не могло долго быть терпимо. Цыгане во всѣхъ странахъ Европы подверглись жестокому преслѣдованію. Но ни благосклонность къ нимъ, ни преслѣдованіе не измѣнили ихъ нравовъ, не искоренили ихъ привычекъ.

Происхожденіе этого страннаго народа давно уже возбуждало любопытство изслѣдователей. Много было высказано по этому поводу предположеній, частію отличающихся фантастическимъ характеромъ. Одни видѣли въ Цыганахъ потомковъ странствующихъ поклонниковъ Изиды; другіе призывали ихъ за ту „смѣшанную толпу“ которая преслѣдовала за Израильтянами изъ Египта; по однимъ, Цыгане бѣжали изъ Бактріи отъ вторженія Бѣлыхъ Гунновъ и Афгановъ; по другимъ, они обратились къ западу во время паденія Вавилона; по третьимъ, они вступили въ Египетъ съ мамелюками. Это только образки разнорѣчивыхъ мнѣній, не

опирающихся рѣшительно ни на какія доказательства. Самый вѣрный путь къ рѣшенію труднаго и спорнаго вопроса—тотъ который указанъ Миклошичемъ въ рядѣ изслѣдованій пред- ставленныхъ Вѣнской Академіи Наукъ съ 1872 по 1877 годъ: изучить языкъ Цыганъ, выдѣлать вошедшіе въ него раз- нородные чужіе элементы и прослѣдить откуда, у какихъ на- родовъ, въ какихъ странахъ они заимствованы. Такимъ об- разомъ очищенная отъ постороннихъ примѣсей первобытная основа языка укажетъ намъ первоначальную родину Цыганъ, а присвоенныя имъ иностранныя слова опредѣлятъ пройден- ный ими путь. Оказывается что по основѣ своей цыганскій языкъ есть одно изъ нарѣчій происшедшихъ отъ древняго санскритскаго языка, совершенно подобное тѣмъ какія те- перь встрѣчаются въ Индіи. Къ этой основѣ примѣшано много словъ персидскихъ и армянскихъ, затѣмъ очень много словъ греческихъ, сохранившихся во всѣхъ нарѣчіяхъ, ка- кими Цыгане говорятъ въ разныхъ европейскихъ странахъ. Изъ этого ясно что Цыгане, выйдя изъ Индіи, первоначаль- ной родиной своей, прошли чрезъ Персію и Арменію, и прежде чѣмъ проникнуть въ западную Европу, долго жили среди народа говорящаго по-гречески. Эти заключенія, къ которымъ приводитъ насъ лингвистика, подтверждаются исторіей. Мы имѣемъ свидѣтельство о присутствіи Цыганъ въ юго-восточной Европѣ если не въ XIII, то уже навѣрное въ началѣ XIV вѣка. Симеонъ Симеонисъ, ирландскій мо- нахъ миноритскаго ордена, въ своемъ „хожденіи“ описываетъ странное племя встрѣченное имъ на островѣ Критѣ въ 1322 году.

„Мы видѣли тутъ“, говоритъ онъ, „народъ живущій въѣ города (Кандіа), соблюдающій обряды греческаго ислѣв- данія. Они никогда почти не останавливаются на одномъ мѣстѣ долѣе тридцати дней, а словно преслѣдуемые карою небесною бродятъ безъ порядка и строя изъ лещеры въ лещеру, переносятъ съ поля на поле шатры свои, низкіе, продолговатые и черные какъ у Арабовъ. Невоз- можно жить съ ними рядомъ, гдѣ постоятъ они, тамъ остается всякая нечистота.“ Позднѣе, въ 1370 году, упо- минается на островѣ Корфу *feudum Acinganorum*, мѣст- ность отдаваемая въ ленное владѣніе кочевому племени. Въ 1387 году валахскій воевода Мирцей I подтверждаетъ дар- ственную грамоту дяди своего Владислава монастырю Св.

Антовія „*сорока палатокъ Цыганъ*“. Мы видимъ такимъ образомъ постепенное движеніе Цыганъ съ востока на западъ. Остается рѣшить къ какому именно индійскому племени принадлежатъ они и когда вышли изъ своей родины.

Въ знаменитой персидской повѣсти *Шахъ-Наме* Фирдуси передаетъ слѣдующее историческое преданіе. Около 420 года Берамъ-Гуръ, мудрый и благодѣтельный царь династіи Сассанидовъ, замѣтивъ что бѣдныя между его подданными скучаются отъ недостатка развлечения, сталъ размышлять чѣмъ бы утѣшить ихъ среди тяжкихъ заботъ трудовой жизни. Для этого онъ послалъ посольство къ Шапкалу, индійскому магараджѣ, съ которымъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ, прося его выбрать изъ подданныхъ своихъ и прислать въ Персію такихъ людей которые могли бы своимъ искусствомъ облегчить тяжесть существованія и внести веселье въ однообразіе труда. По этому вызову явились двѣнадцать тысячъ музыкантовъ, мушницъ и женщинъ, которымъ царь отвѣлъ землицу, да въ изобиліи и хлѣба, и скота, чтобъ они безвозмездно забавляли его народъ. Къ концу года оказалось однако что музыканты не засѣяли своихъ земель и лишены всякихъ средствъ существованія. Разгнѣванный царь приказалъ имъ взять своихъ ословъ и свои инструменты и странствовать по странѣ, снискивая себѣ пропитаніе пѣніемъ. „И вотъ“, заключаетъ повѣсть,—„Луріи странствуютъ по свѣту отыскивая пропитаніе, живутъ съ волками и собаками и крадутъ по дорогамъ днемъ и ночью.“

Луріями называется въ Персіи кочевое племя, живущее и теперь такъ точно какъ описывалъ Фирдуси слѣшкомъ восемьсотъ лѣтъ тому назадъ. Названіе это значитъ, какъ кажется, „уличные пѣсенники“. Отсюда можетъ-быть легенда разказанная у Фирдуси. Эти Луріи, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ осѣдлыми жителями Луристана, кочуютъ преимущественно по Курдистану, и по всей вѣроятности не что иное какъ Цыгане. Это мнѣніе, раздѣляемое большинствомъ путешественниковъ, сильно подтверждается описаніемъ Поттингера Луріевъ встрѣченныхъ имъ въ Белуджистанѣ.

„Луріи“, говоритъ онъ, „бродяги, не имѣющіе осѣлости и въ очень многомъ сходные съ европейскими Цыганами. Они говорятъ на особомъ языкѣ, ходятъ шайками подъ предводительствомъ своихъ царей и всюду извѣстны воровствомъ и

мошеничествомъ. Любимыя забавы ихъ—пьянство, пляска и музыка. Они постоянно носятъ съ собой музыкальные инструменты и водятъ также ручныхъ медвѣдей и обезьянъ, привыченыхъ показывать разныя штуки. Въ каждой шайкѣ непременно есть два, три челоувѣка выдающихъ себя за гадалокъ и колдуновъ.“

О происхожденіи Луріевъ изъ Индіи свидѣлствуютъ кромѣ Фирдуси и другіе персидскіе и арабскіе писатели. Гамза, арабскій историкъ, жившій въ Ислаганѣ около 940 года, называетъ переселенныхъ въ Персію музыкантовъ *Зумъ*. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ исторіи Сассанидовъ Мирконда, составленной въ XV вѣкѣ, имя это написано по-индійскому произношенію *Джамъ*. *Зумъ* или *Зомъ* называются и теперь сирійскіе Цыгане, кочующіе въ окрестностяхъ Дамаска, а *Джамъ* есть имя стараго индійскаго племени, до сихъ поръ весьма распространеннаго въ Пенджабѣ и Белуджистанѣ. При первомъ началѣ историческихъ извѣстій мы видимъ Джатовъ живущихъ въ тростниковыхъ шалашахъ на болотистыхъ низменностяхъ около дельты Инда, или ласущихъ стада и вскармливающихъ верблюдовъ на ластбищахъ Пенджаба. Хотя чистые Аріицы, эти Джаты своими племенными особенностями рѣзко отличались отъ другихъ индійскихъ Аріицевъ. Они были наступательнаго, предпріимчиваго нрава, склонны къ странствіямъ и къ колонизаціи, вовсе не расположены, какъ другіе Индусы, къ религіозной мечтательности. Въ глубокой древности существовали поселенія Джатовъ на берегахъ Персидскаго залива. Калифы, чтобы сломить ихъ сопротивленіе распространенію ислама въ Индію, переселяли ихъ въ большемъ числѣ въ Арменію и Сирію. Въ IX вѣкѣ былъ въ Антиохіи джатскій кварталъ. Вездѣ эти Джаты упорно сохраняли свое нарѣчіе, точно также какъ языкъ Цыганъ уцѣлѣлъ до сихъ поръ во всѣхъ странахъ куда они проникали. Джаты не признавали ни Браны, ни Будды, не селовѣдывали вообще никакой національной религіи какъ и Цыганы. Путешественники видѣвшіе Джатовъ единогласно выражаютъ убѣжденіе въ близкомъ родствѣ ихъ съ Цыганами.

„Кажется весьма вѣроятнымъ“, пишетъ капитанъ Буртонъ, путешествовавшій въ 1849 году по долинѣ Инда, „судя по наружности и нѣкоторымъ другимъ особенностямъ, что Джаты находятся въ кровномъ родствѣ съ Цыганами. Они точно также извѣстны склонностью къ воровству, и другія племена

смотрять на нихъ съ презрѣніемъ.“ Самое имя Джать обозначаетъ въ восточной части Средней Азіи вора и мошенника.

Въ 1025 году Джаты на берегахъ Инда напали на возвращающееся съ добычей изъ похода войско Махмуда Газнавида. За такую смѣлость ихъ постигло жестокое наказаніе. Страна ихъ была предана огню и мечу; значительная часть разореннаго, наполовину истребленнаго племени ушла изъ опустошенной родины. Въ этихъ-то выходцахъ и слѣдуетъ, кажется, признать предковъ какъ азіатскихъ, такъ и европейскихъ Цыганъ. Они стали медленно подвигаться на западъ, оставивъ часть подожду въ Персіи и Арменіи. Вѣроятно въ XIII столѣтіи, уступая бурѣ возбужденной Чингисъ-Ханомъ, они перебрались въ Европу, какъ слѣдуетъ предполагать по нѣкоторымъ указаніямъ, не черезъ Босфоръ, а по островамъ связывающимъ мало-азіатскій берегъ съ Греціей.

Вотъ наиболее правдоподобныя заключенія относительно происхожденія и странствій Цыганъ, къ которымъ привели до сихъ поръ лингвистическія и историческія изслѣдованія. Нѣтъ сомнѣнія что дальнѣйшіе успѣхи сравнительнаго языковѣднія разъяснятъ окончательно этотъ темный вопросъ.

VI.

Графъ Беконсфильдъ. Статья г. Лео Жубера изъ *Moniteur Universel*.

Съ мѣсяцъ тому назадъ во *Всеобщемъ Монитерѣ* появился любопытный біографическій очеркъ нынѣшняго перваго министра Индійской императрицы. Считаемо не лишнимъ познакомить читателей съ этимъ очеркомъ, который, полагаемо, прочтется не безъ интереса въ дополненіе къ помѣщенной выше статьѣ о лордѣ Беконсфильдѣ какъ литераторѣ.

Въ теченіе нынѣшняго столѣтія Англія имѣла много государственныхъ людей гораздо болѣе знаменитыхъ чѣмъ графъ Беконсфильдъ, но не имѣла ни одного который отличался бы такою странною фізіономіей и такою изумительною карьерой. Г. Веніаминъ Дизраэли, управляющій нынѣ своею страной подъ именемъ лорда Беконсфильда, былъ сначала журналистомъ и романистомъ; онъ не проходилъ высшихъ школъ, гдѣ воспитывается англійская аристократія, онъ не обучался

въ Итонѣ, онъ не окончилъ курса наукъ въ Оксфордѣ или Кембриджѣ. Семейство его основалось въ Англіи только съ 1748 года; дѣдъ его, происходившій отъ одного изъ тѣхъ Евреевъ которыхъ преслѣдованіе заставило оставить Испанію и которые нашли себѣ убѣжище въ Венеціанской республикѣ, былъ негоціантомъ въ Лондонѣ. Сынъ этого основателя англійской фамиліи Дизраэли пріобрѣлъ себѣ почетное имя въ литературѣ, а внукъ его—первый министръ королевы Викторіи. Будущій государственный человѣкъ, получивъ достаточное образованіе въ одной изъ частныхъ школъ, вступилъ въ контору стрѣлчачо. Ему не понравилось тамъ и онъ скоро разстался со своимъ патрономъ стрѣлчимъ. Въ 1826 году, имѣя едва двадцать лѣтъ отъ роду (онъ родился въ 1805), онъ принялъ участіе въ основаніи и изданіи торійской газеты, которая, впрочемъ, просуществовала не долго. Тѣмъ не менѣе участіе въ ней не прошло безъ пользы для молодого Дизраэли. Сотрудничество это ввело его въ политическій міръ, а такъ какъ онъ былъ одаренъ быстрымъ умомъ, живымъ воображеніемъ и бойкостью пера, то онъ и принялся описывать то что онъ видѣлъ въ англійскомъ обществѣ. Первый его романъ *Vivian Grey* появился въ этомъ самомъ 1826 году; сюжетъ, дѣйствующія лица принадлежали къ настоящему времени; но главнымъ образомъ авторъ помѣстилъ въ немъ самого себя со своею страстною и смѣлою натурой, со своимъ рѣзкимъ и саркастическимъ умомъ, со своими обширными планами, надеждами и мечтами о будущемъ.

Несомнѣнно, еслибы кто-нибудь сказалъ читателямъ *Vivian Grey* что авторъ его, наследникъ фамиліи испанскихъ Евреевъ, сдѣлавшихся сначала Италіянами, а потомъ уже Англичанами, будетъ нѣкогда первымъ министромъ Великобританіи, главой аристократической партіи, графомъ, кавалеромъ ордена Подвязки, то они были бы крайне изумлены такимъ предсказаніемъ и не повѣрили бы ему, но нашелся бы нѣкто кто бы ему повѣрилъ и не былъ бы нисколько удивленъ—самъ г. Дизраэли. Не было мѣста о которомъ бы онъ не мечталъ, котораго достигнуть онъ полагалъ бы невозможнымъ съ талантомъ и смѣлостью. Въ воображеніи своемъ онъ видѣлъ себя допущеннымъ въ эту горделивую аристократію, которая, повидимому, была навсегда для него закрыта по его происхожденію, и онъ въ мысляхъ своихъ вступилъ въ нее наравнѣхъ равнаго. Отецъ его, почтенный литераторъ Исаакъ

Дизраэли, удивлялся этой самоувѣренности и нерѣдко подсмѣивался надъ нею. „Какъ это, говорилъ онъ однажды, сынъ мой толкуеть въ своихъ романахъ о герцогахъ, что онъ въ нихъ смыслитъ? Онъ и не видывалъ въ своей жизни ни одного герцога.“ Съ этого времени г. Дизраэли не только видѣлъ герцоговъ, но и создавалъ ихъ.

Путешествія на Востокъ были тогда въ модѣ. Въ 1829 году г. Дизраэли посѣтилъ Константинополь, Сирию, Египеть. Востокъ всегда мощно привлекалъ его къ себѣ; тамъ колыбель его племени, и мысль его съ любовью обращается къ ней, какъ бы почерпая въ ней новую силу и заимствуя отъ нея болѣе роскошный свѣтъ. Долженъ былъ наступить день когда, сдѣлавшись распорядителемъ политики своей страны, онъ вовлечетъ ее такъ глубоко какъ только возможно въ азіятскіе интересы. По возвращеніи въ Англію, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ случая вступить на парламентское поприще; ему показалось что онъ нашелъ его въ 1832 году. Виги, долгое время устранные отъ власти, около года уже возвратились къ ней; съ ними бóльшая часть страны съ горячностью устремилась къ избирательной реформѣ и къ болѣе либеральной системѣ правительства. Г. Дизраэли, воспитанный отцомъ въ доктринахъ торіевъ, выступилъ на бѣгъ въ ультра-консервативной газетѣ, но строгая привязанность къ какому-либо мнѣнію никогда не отличала честолюбцевъ.

Посреди реформистскаго движенія авторъ *Vivian Grey* явился отъявленнымъ реформаторомъ, сторонникомъ трехлѣтняго парламента, тайной подачи голосовъ, словомъ чѣмъ-то очень близкимъ къ радикалу. Подъ покровительствомъ великаго ирландскаго агитатора О'Коннеля и г. Юма, упornaго защитника реформъ и экономіи во всѣхъ отрасляхъ управленія, онъ выступилъ предъ ирландскими избирателями и дважды потерпѣлъ пораженіе. Неудачи заставили его поразмыслить о цѣнности либерализма или, по крайней мѣрѣ, о предупредительности съ которою либералы принимаютъ его въ свою среду. Его видѣли иногда позади виговъ, иногда впереди ихъ, но никто не видалъ его вмѣстѣ съ вигами.

Онъ подумалъ что ему можно возвратиться къ торіямъ и принести имъ часть своего либеральнаго багажа. Нѣкоторая доля демократіи, примѣшанная на время къ старой консер-

зативной молитвы, могла, по его мнѣнью, возратить ей силу юности. Итакъ, онъ выступилъ въ качествѣ консерватора въ 1835 году за буржъ Таунтонъ, и чтобы доказать что онъ не радикаль, онъ съ запальчивостью напалъ на своихъ союзниковъ 1832 года и въ особенности на О'Коннеля. Знаменитый ирландскій трибунъ не отличался терпѣнiемъ и деликатностью, и отвѣтъ его этому неожиданному противнику былъ самый оскорбительный. Обвинивъ его въ шарлатанствѣ, въ отступничествѣ, въ неблагодарности, онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Не могу не подумать что если тщательно разсмотрѣть генеалогію этого товарища, то кажется что онъ прямой потомокъ и наследникъ нераскаяннаго разбойника, умершаго на крестѣ за свои преступленія“. Г. Дизраэли, взбѣшенный, послалъ вызовъ на дуэль сыну О'Коннеля, но тотъ съ презрѣнiемъ отвергъ его. Во всемъ этомъ дѣлѣ лублика была не на его сторонѣ; она подсмѣивалась даже надъ непостоянствомъ его мнѣнiя и надъ его безпокойнымъ нравомъ; но по крайней мѣрѣ о немъ много говорили, что вознаграждало его за оскорбленіе; онъ становился знаменитымъ, хотя избиратели обнаруживали къ нему прежнюю суровость.

Литературныя работы его не останавливались въ продолженіе его избирательныхъ кампаній. За романомъ его *Контарини Флемингъ*, который считается его лучшимъ произведеніемъ и которому онъ самъ придалъ названіе *психологическаго романа*, послѣдовала въ 1834 году поэма подъ заглавіемъ: *Революціонная Эпопея*. Духъ каждой великой эпохи, говорилъ онъ въ своемъ предисловіи, воплотился въ какое-нибудь великое поэтическое произведеніе, каковы: *Илиада*, *Энеида*, *Божественная Комедія*, *Потерянный Рай*. Духъ нашего вѣка останется ли одинъ безъ проявленія? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ и обнародовалъ свою *Эпопею*, скромно присовокупляя что если приговоръ лублика будетъ ему неблагоприятенъ, то онъ разобьетъ свою лиру. Публика разсудила что ему такъ и слѣдуетъ поступить. Но когда человекъ съ такимъ характеромъ и талантомъ терпитъ поражение даже такое полное, рѣдко случается чтобы не осталось чего-нибудь отъ неудавшагося произведенія. *Революціонная Эпопея* представляетъ въ своей развязкѣ освобожденіе Италіи, освобожденіе, совершающееся подъ покровомъ громкаго имени Наполеона и при содѣйствіи Франціи. Трудно

было вѣрнѣе предсказать событія совершившіяся двадцать пять лѣтъ спустя.

Два романа, *Генриетта Тамплъ* и *Венеція*, напечатанные послѣ *Эпопеи*, имѣли гораздо болѣе успѣха. Первый есть исторія самой страстной любви, и одинъ изъ немногихъ романовъ въ которомъ г. Дизраэли выказалъ воображеніе независимое отъ современныхъ обстоятельствъ. Вообще, несмотря на весь свой умъ, онъ не обнаружилъ въ своихъ сочиненіяхъ творческаго характера. Его дѣйствующія лица болѣе или менѣе скопированы всегда съ лицъ живыхъ или жившихъ въ эпоху еще памятную всѣмъ. Такъ въ *Венеціи* онъ выводитъ на сцену подъ вымышленными именами, но такъ что ошибиться невозможно, Байрона и Шелли. Только въ политикѣ онъ является изобрѣтателемъ, да и то *Юная Англія*, какъ называлась партія которую онъ замышлялъ основать, не можетъ считаться слѣшкомъ оригинальнымъ изобрѣтеніемъ.

Наконецъ сбылась мечта его юности; онъ достигъ цѣли къ которой такъ пламенно стремилось его честолюбіе и которая три раза ускользала отъ него: онъ былъ избранъ депутатомъ въ 1837 году. Добравшись тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, то есть нѣсколько поздно, до Палаты Общинъ, онъ нетерпѣливо желалъ выставить себя на видъ, но поторопился черезчуръ. Эффектъ его первой рѣчи остался знаменитымъ. Ораторъ-новичокъ взялъ тонъ слѣшкомъ высокой, онъ предался восторгу, какъ будто бы еще держалъ въ рукахъ лиру, которую онъ разбилъ такъ кетати; общій хохотъ остановилъ его смѣлый полетъ; онъ сѣлъ на свое мѣсто, но обратился къ своимъ распотѣвившимся слушателямъ слѣдующія гордые слова: „Я начиналъ снова по нѣскольку разъ много вещей и часто успѣвалъ наконецъ. Я сажусь теперь, но придетъ время когда вы будете слушать меня.“

Будущее оправдало это смѣлое заявленіе. Г. Дизраэли своимъ рѣшительнымъ характеромъ, своею силой воли долженъ былъ преодолѣть всѣ затрудненія и достигнуть цѣли. Онъ далеко еще былъ отъ того въ 1837 году. Виги, казалось, надолго упрочили за собою власть; они лишились ея въ 1841 году. Глава торіевъ сэръ-Робертъ Пиль, формируя консервативный кабинетъ, не подумалъ привлечь къ своей администраціи г. Дизраэли, котораго онъ, вѣроятно, считалъ авантюристомъ съ большими претензіями, далеко не соответствовавшими дарованіямъ. Послѣдній никогда не забывалъ напе-

сенсаго ему оскорбленія, но долженъ былъ нѣкоторое время перевоспитать съ молчаніемъ несправедливость которая, по мнѣнію его, ему была сдѣлана; виги не имѣли мѣста которое бы могли предложить ему, а тори сомкнулись вокругъ новаго министерства.

Въ ожиданіи какой-либо перемѣны онъ жилъ своею идеей о Юной Англіи, которую онъ представлялъ, изложилъ, поставилъ на сцену въ своемъ романѣ *Конингсби или новое поколѣніе* въ 1844 году. *Конингсби* возбудилъ общее вниманіе; кромѣ фабулы не лишеной интереса, кромѣ политическихъ идей, любопытныхъ какъ блестящія загадки, дѣйствующія лица списанныя съ живыхъ людей не могли пройти незамѣченными; публикѣ понравилось угадывать дѣйствительныхъ людей подъ вымышленными именами: молодой Конингсби—былъ г. Смитъ; старый герцогъ Монмауть—маркизь Гертфордъ; Освальдъ Мильбанкъ, изображенный такими симпатическими чертами, былъ, какъ говорятъ, г. Гладстонъ, въ то время другъ его, нынѣ же и уже много лѣтъ его грозный соперникъ, г. Гладстонъ котораго очеркъ въ высшей степени оскорбительный онъ представилъ недавно еще въ рѣчи всѣмъ памятной; Генри Сидней былъ лордъ Джонъ Маннерсъ (одинъ изъ нынѣшнихъ товарищей автора *Конингсби*); Ригби былъ сэръ-Джемсъ Вильсонъ Крокеръ; Еврей Сидонія—по общественному положенію одинъ изъ Ротшильдовъ, по мнѣніямъ самъ г. Дизраэли.

Понятно что такое выставленіе на сцену живыхъ лицъ придавало интересъ роману; этотъ родъ достоинства значительно ослабѣлъ въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе *Конингсби* читается и теперь. Присоедините къ нему *Контарини Флемингъ* и *Генриетту Тамплъ* и вы будете имѣть все что необходимо чтобъ оцѣнить г. Дизраэли какъ романиста. Къ нимъ прибавить еще можно *Витана Грея*, который со своими тысячами невѣроятностей и странными комбинаціями характеровъ и событій отличается, однако, увлеченіемъ юности, проблесками которые покажутся тѣмъ поразительнѣе что отъ героя неизбѣжно переносить къ автору, отъ приключеній одного къ карьерѣ другаго.

Авторъ *Конингсби* со строгимъ презрѣніемъ говорилъ о консервативной политикѣ, какъ ее понимала торійская партія, какъ ее примѣняло къ дѣлу министерство; онъ видѣлъ

въ ней только поаный эмпиризмъ, лишенный принциповъ, мѣрный преданію и враждебный прогрессу. Но вотъ именно первый министръ Робертъ Пиль измѣнялъ эту политику и, примѣняя ее къ одному изъ главныхъ требованій рабочихъ и мануфактурныхъ классовъ, дѣлалъ рѣшительный шагъ къ свободной торговлѣ. Глава партіи крупныхъ землевладѣльцевъ, заинтересованныхъ пошпиной на привозъ иностранныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, оны предлагалъ въ видахъ благосостоянія населенія отмѣнить привозныя пошпины на зерновой хлѣбъ.

Въ виду пожертвованія узкими интересами партіи общему интересу, что должна была сдѣлать *Юная Англія*? Присоединиться къ министерству, защищать консервативную политику, примирившуюся съ либерализмомъ и прогрессомъ. Но Робертъ Пиль затрогивалъ вокругъ себя слишкомъ много предразсудковъ и интересовъ чтобы не подавать повода къ нападѣніямъ. Г. Дизраэли не отрекся отъ своей мести. Оны началъ противъ перваго министра ожесточенную войну. Его саркастическое остроуміе, его безпощадная пропія скоро доставили ему мѣсто въ ряду самыхъ видныхъ ораторовъ Палаты. Въ этой борьбѣ, однако, несмотря на все свое дарованіе, оны не могъ претендовать на первое мѣсто. Въ Палатѣ Общинъ, лордъ Джорджъ Бентинкъ ввелъ въ битву противъ Роберта Пилля членовъ торійской партіи, оставшихся вѣрными дѣлу протекціонизма. Спустя нѣкоторое время, либераль-реформатъ 1832 года, отдѣлившійся отъ виговъ, потомъ отъ Роберта Пилля, лордъ Станлей, ставшій потомъ графомъ Дарби, былъ главой протекціонистовъ въ Палатѣ Лордовъ.

Сэръ-Робертъ Пиль провелъ свои мѣры въ началѣ 1846 года, но его обращеніе къ свободной торговлѣ лишило его большей части его друзей, не доставивъ ему опоры въ его прежнихъ противникахъ—вигахъ. Коалиція двухъ партій низвергла его. Консерваторы-протекціонисты не были настолько многочисленны, ни настолько прочно организованы, чтобы требовать власти; они слишкомъ расходились съ вигами чтобы раздѣлить ее съ ними; они предоставили послѣднимъ сформировать съ лордомъ Джономъ Росселемъ во главѣ министерство довольно слабое, которое, однако, по стеченію различныхъ обстоятельствъ, просуществовало шесть лѣтъ. Устраненный надолго отъ всякаго участія въ дѣлахъ г. Дизраэли все-

таким напоминать о себѣ публикѣ: въ 1847 году онъ издалъ *Танкредо или Новый Крестовый Походъ*, романъ замѣчательный, конечно, не истиной характеромъ и вѣроятностью событій, но оригинальнымъ движеніемъ и блескомъ идей. Всѣ увидѣли какъ онъ озабоченъ Востокомъ, какъ мысль его любить питаться, уливаться великими таинственными воспоминаніями Азіи, колыбели европейскихъ цивилизованныхъ племенъ. Хотя онъ принадлежалъ къ семейству давно обратившемуся въ христіанство, но оставался истымъ Евреемъ, по крайней мѣрѣ по идеѣ которую онъ создавалъ себѣ о великой роли назначенной даже въ наше время еврейскому племени.

Сидонія въ романѣ *Кинингсби* есть выраженіе этого гордаго заявленія правъ и миссіи Еврейскаго народа въ современномъ мірѣ. На этотъ разъ, герой г. Дизраэли, наскучившій аристократическимъ обществомъ, въ которомъ онъ призванъ жить по рожденію, и желая проникнуть великую тайну Азіи, отправляется въ Палестину. Его страсть къ красавицѣ Еврейкѣ ведетъ его къ тысячѣ приключеній и опасностей. Въ послѣднее время указывали на одно мѣсто этого романа, гдѣ авторъ какъ бы приглашаетъ Англію сдѣлаться азіатскою имперіей, перенесеніемъ своей столицы въ Индію. То былъ парадоксъ высказанный мимоходомъ. Рѣшеніе таинственной проблемы Азіи не указано въ *Танкредѣ*. Въ послѣдствіи, въ качествѣ перваго министра Англіи, г. Дизраэли принялся уже отыскивать это рѣшеніе, о которомъ мечталъ какъ романистъ.

По смерти лорда Джорджа Бентинка въ 1848 году г. Дизраэли остался самымъ виднымъ лицомъ, *лидеромъ* или руководителемъ консервативной партіи въ Палатѣ Общинъ. Вслѣдствіе этого, когда послѣ паденія кабинета виговъ въ 1862 году графу Дарби поручено было сформировать министерство, онъ пригласилъ въ него г. Дизраэли въ качествѣ канцлера казначейства. Рѣшеніе консервативовъ принять власть, хотя они были въ меньшинствѣ въ Палатѣ Общинъ и отнюдь не могли надѣяться на одобреніе страны, сильно предубѣжденной противъ протекціонистскихъ мнѣній, казалось саишкомъ смѣлымъ. Смѣлость эту въ особенности выказывалъ г. Дизраэли, принимая на себя администрацію финансовъ, къ которой онъ до сихъ поръ не обнаруживалъ никакой спеціальной способности. Но графъ Дарби и онъ полагали что пребываніе,

хотя и непродолжительное, во главѣ администраціи не лишено выгоды для партіи; во всякомъ случаѣ оно служить ей средствомъ возвратиться къ дѣламъ на будущее время. Такимъ образомъ они приняла порученіе правительства, распустили Палату, и г. Дизраэли изготавилъ свой бюджетъ. Этотъ первый памятникъ его финансовыхъ способностей имѣлъ почти одинаковый успѣхъ съ его первою парламентскою рѣчью. Консерваторы были имъ еще недовольнѣе либераловъ. Въ виду пріема сдѣланнаго имъ Палатой, лордъ Дарби и его товарищи подали въ отставку въ декабрь 1852 года.

Затѣмъ послѣдовало министерство, называемое иногда министерствомъ *всѣхъ талантовъ*, сформированное друзьями Пиза, соединившимися съ вигами. Слабое, несмотря на множество знаменитыхъ людей входившихъ въ составъ его, иако по причинѣ этого множества, оно оказалось недостаточнымъ во время важнаго кризиса Крымской войны и существовало только подъ условіемъ преобразоваться съ принятіемъ лорда Пальмерстона главой въ 1855 году. Лордъ Пальмерстонъ имѣлъ способность быть популярнымъ и внушать большое довѣріе своей странѣ. Сначала все шло согласно его желанію, и когда наступили затрудненія въ 1857 году, избиратели доставили ему самое сильное большинство которымъ когда-либо пользовалось какое-нибудь министерство. Но внезапно, вслѣдствіе требованій которыя заявило Французское правительство и которымъ лордъ Пальмерстонъ воспротивился не настолько какъ желали его соотечественники, противъ него возникло сильное движеніе общественнаго мнѣнія, которое и низвергло его въ февраль 1858. На его мѣсто приглашенъ былъ лордъ Дарби. Г. Дизраэли естественно занялъ въ этомъ второмъ консервативномъ кабинетѣ должность канцлера казначейства.

Министерство Дарби сначала не встрѣтило большихъ прелестей; но оно всегда имѣло несчастье управлять безъ обезпеченнаго большинства, что постоянно подвергало его опасности погибнуть при малѣйшей неудачѣ. Такъ, въ первый разъ оно спасено было только своевременнымъ выходомъ въ отставку министра по дѣламъ Индіи лорда Эленборо. Это ненадежное положеніе повидимому не дозволяло ему дѣлать никакого движенія. Г. Дизраэли, который отнюдь не робокъ, съ трудомъ выносилъ такое стѣсненное положеніе. Онъ пытался придать болѣе простора,

болѣе свободы дѣйствій своей партіи, давно уже примирившейся съ экономическими реформами Роберта Пилля, предложеніемъ избирательной реформы. Эта законодательная попытка не удалась. Палата Общинъ отвергла проектъ г. Дизраэли, и посреди войны между Франціей и Австріей, которой они не умѣли помѣшать, консерваторы оставили министерство въ юнѣ 1859 года. На этотъ разъ они остались при дѣлахъ на четыре или на пять мѣсяцевъ болѣе чѣмъ въ 1852; то было доказательствомъ что въ промежутокъ ихъ партія укрѣпилась. Этимъ приращеніемъ силъ они были въ особенности обязаны г. Дизраэли, который лично выигралъ много въ общественномъ уваженіи. Въ отношеніи къ нему ненависть и презрѣніе 1852 года были уже неумѣстны; главная либеральная газета *Times* отзывалась о немъ съ симпатіей. За то нѣкоторые торійскіе органы, и въ числѣ ихъ *Quarterly Review* оказывали ему вражду, обвиняя его въ непослѣдовательности, дерзости, лѣтворствѣ радикаламъ. Масса консервативной партіи не присоединилась къ этимъ упрекамъ и слѣдовала за нимъ съ довѣріемъ и дисциплиной.

Въ этотъ разъ виги принимали власть при благопріятныхъ условіяхъ; лордъ Пальмерстонъ былъ первымъ министромъ, г. Гладстонъ канцлеромъ казначейства. Торговый трактатъ съ Франціей открывалъ обширное поприще опыту примѣненія къ дѣлу свободной торговли, введенной сэръ-Робертомъ Пилемъ подъ вліяніемъ Манчестерской школы. Услѣхъ, повиdimому, сопровождалъ всѣ дѣйствія либеральнаго кабинета до смерти главы его, послѣдовавшей въ октябрѣ 1865 года. Графъ Россель, наслѣдовавшій лорду Пальмерстону, не умѣлъ, подобно ему, поддерживать связь между либералами; онъ считалъ обязательнымъ представить Палатѣ избирательную реформу, которую лордъ Пальмерстонъ благоразумно отсрочивалъ, допустилъ побить себя ею своимъ проектомъ, и удался съ товарищами въ юнѣ 1866 года. Консервативы, руководимые графомъ Дарби и г. Дизраэли, неизбѣжно возвратились къ дѣламъ, но все-таки съ тою невыгодой что они возвратились къ нимъ вслѣдствіе раздора между ихъ противниками, а не по явному желанію страны. Какъ и прежде кабинету ихъ не доставало обезлеченнаго большинства. Ему необходимо было, однако, принять какое-нибудь рѣшеніе по этому вопросу объ избирательной реформѣ, губельному для графа Россели;

г. Дизраэли охотно обошелъ бы его; принужденный приступить къ нему, онъ сдѣлалъ это безъ неудовольствія и выпутался изъ этого труднаго предпріятія съ замѣчательною ловкостью. Лордъ Дарби и онъ имѣли постоянно вліяніе надъ торіями, что побудило ихъ утвердить въ 1867 году билль о реформѣ болѣе широкой и либеральной чѣмъ билль 1832 года.

Послѣ этого доказательства своего авторитета, лордъ Дарби, утомленный, удалился отъ дѣлъ; г. Дизраэли достигъ наконецъ высочайшей цѣви своего честолюбія, мѣста перваго министра, перваго лорда казначейства. Правда, онъ не надолго сохранилъ его. Виги соединились и согласились между собою, они нашли вопросъ въ которомъ тори, несмотря на свое согласіе на реформы, не могли идти до конца, *disestablishment* (отмѣна государственнаго значенія) англиканской церкви въ Ирландіи. Борьба между двумя партіями возгорѣлась открыто относительно этого пункта и была передана на судъ страны. Въ ноябрѣ 1868 произошли выборы которые дали огромное большинство либераламъ. Консервативный кабинетъ тотчасъ же удалился, не ожидая собранія Палаты Королева предложила г. Дизраэли мѣсто въ Палатѣ Лордовъ; онъ отклонилъ отъ себя эту честь, желая стать еще въ Палатѣ Общинъ во главѣ партіи, которая такъ-сказать обязана ему была новымъ существованіемъ; онъ принялъ только перство для своей жены, которая и получила титулъ виконтессы Беконсфильдъ.

Либералы съ ихъ значительнымъ большинствомъ, казалось, надолго приняли правительство въ свои руки. Г. Дизраэли, возвращенный къ своимъ досугамъ, употребилъ ихъ на сочиненіе новаго романа о современныхъ событіяхъ. Его *Лотэръ*, напечатанный въ 1870 году, представляетъ намъ молодаго англійскаго лорда, влюбленнаго въ Италянку, патриотку и республиканку Теодору, которая была убита при Ментанѣ. Лотэръ, раненый въ томъ же сраженіи, перелавился въ Римъ; онъ совершенно готовъ обратиться въ католичество, но предпринимаетъ лутешествіе въ Палестину и остается протестантомъ. Нашли очень любопытнымъ что вчерашній первый министръ, глава консервативовъ, говоритъ безъ отвращенія о тайныхъ обществахъ, о республиканскихъ идеяхъ и надеждахъ, со множествомъ подробностей, гораздо болѣе отзывающихся воображеніемъ романиста чѣмъ оытностью государственнаго

человѣка; въ этой книгѣ замѣчены были также краснорѣчивыя страницы о религіозныхъ вопросахъ; этотъ послѣдній романъ г. Дизраэли надѣлалъ не много менѣ шума чѣмъ его *Квингсби* двадцать шесть лѣтъ тому назадъ.

Въ началѣ кабинетъ г. Гладстона одерживалъ только побѣды. Его полная сдержанность во время войны между Франціей и Германіей можетъ-быть не сдѣлала ему вреда, но она и не придала ему блеска. Послѣ того на него напало какое-то томленіе, многочисленныя причины котораго не совсѣмъ ясны. Короче сказать, дѣлая повидимому добро странѣ, онъ успѣвалъ ей прискучить. Выборы 1874 года обратились къ выгодамъ консервативовъ, и либеральное министерство уступило мѣсто своимъ противникамъ.

На этотъ разъ съ могущественнымъ большинствомъ, съ большимъ авторитетомъ надъ своими товарищами и надъ парламентомъ, г. Дизраэли, призванный снова къ посту перваго лорда казначейства, вступилъ въ управленіе. Его продолжительное постоянство было вознаграждено. Когда онъ достаточно заявилъ свою силу въ Палатѣ Общинъ, то, обезпеченный съ этой стороны, онъ разсудилъ что его лѣта позволяютъ ему оставить всегда трудное руководство этою Палатой; послѣ сессіи 1876 года онъ удалился въ Палату Лордовъ съ титуломъ графа Беконсфильда. Говорятъ что была минута, когда онъ хотѣлъ оставить министерство, но его остановилъ оборотъ который принимали дѣла на Востокѣ. Участіе Англіи въ этихъ дѣлахъ слишкомъ живо въ памяти всѣхъ чтобы мы нашли нужнымъ излагать его здѣсь. Достаточно сказать что лордъ Беконсфильдъ не пренебрегалъ никакими средствами чтобы извлечь изъ нихъ всевозможныя выгоды для Англіи и, пользуясь всѣми ошибками противниковъ, захватилъ на свою долю все что ему казалось выгоднымъ, причемъ ставилъ всегда на видъ интересы Англіи, предъ которыми, по его мнѣнію, должны были смириться всѣ прочіе интересы. Такимъ образомъ лорду Беконсфильду удалось осуществить идеалъ мистера Дизраэли. Многое о чемъ онъ мечталъ въ юности было исполнено имъ: онъ сдѣлался первымъ министромъ, онъ вступилъ въ высшую британскую аристократію, изъ партіи совершенно разстроенной онъ создалъ правительство, онъ направилъ по своимъ взглядамъ иностранную политику своей страны и далъ ей толчокъ который она будетъ чувствовать можетъ-быть въ продолженіе столѣтій. Во всякомъ случаѣ,

какіе бы плоды ни принесла эта политика—позволительно усомниться чтобъ она послужила къ благосостоянію и величію Англіи—но настойчивость съ которою ея держался внукъ торговца Еврея Дизраэли, ставшій первымъ министромъ могущественной Англіи, смѣлость съ которою онъ проводилъ свои взгляды, безцеремонность съ которою онъ поступалъ въ Англіи и въ Европѣ для достиженія своихъ цѣлей, доставлять ему видное мѣсто въ исторіи. Если его не назовутъ великимъ человѣкомъ, то во всякомъ случаѣ онъ останется одною изъ самыхъ характеристическихъ личностей нашего времени и будетъ предметомъ любопытства и изученія для потомства.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Въ послѣднемъ обзорѣніи (см. *Русскій Вѣстникъ*, июль) говоря о результатахъ Берлинскаго конгресса, мы выразились что „сознанное конгрессомъ положеніе есть перемірие, а не миръ, передышка, а не услокоеніе, и къ тому же перемірие безъ означенія срока,—что весьма дурно.“

Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ этого, какъ правительственное сообщеніе 27 іюля, въ болѣе дипломатической формѣ, конечно, высказало то же самое: „роздыхъ на пути къ достиженію цѣли“, вотъ слова выразившія смыслъ настоящаго положенія. И это совершенно понятно, и послѣдующія событія не замедлили подтвердить всю основательность этихъ словъ. Не взирая на осуществившіяся нѣкоторыя важныя части постановленій конгресса, какъ-то: очищеніе Турками придунайскихъ крѣпостей и Батума, а нами окрестностей Константинополя и Эрзерума, количество легко воспламеняющихся матеріаловъ, прикосновеніе къ коимъ можетъ произвести взрывъ, почти не уменьшилось. Будетъ ли то волненіе недовольной забалканской Болгаріи, или какая-нибудь англійская интрига, будетъ ли то упорное пребываніе британскаго флота въ Мраморномъ Морѣ съ цѣлью новыхъ захватовъ, или неисполненіе Блистательною Портой всѣхъ условій, что весьма возможно при ея извѣстной изворотливости, и еще болѣе

при ея очевидномъ безсиліи; будетъ ли это, наконецъ, какой-нибудь враждебный маневръ *дружественной* намъ Австро-Венгріи, все равно: и будемъ такъ чувствительно затронуты что равнодушными зрителями остаться не будемъ въ состояніи. Если мы не смогли въ этотъ разъ растворить себѣ настежь дверь въ которую только и возможенъ для насъ выходъ на свѣжій воздухъ, то мы обязаны употребить крайнія усилія чтобъ удержать по крайней мѣрѣ дверь полуотворенною и не дать никому случая захлопнуть ее навсегда. Точно также, если мы не смогли въ этотъ разъ дать христіанскимъ населеніямъ Балканскаго полуострова полной независимости и возможности жить и развиваться безъ давленія постороннихъ враждебныхъ національностей, то мы не можемъ ослаблять въ нихъ убѣжденія что считаемъ вѣковую задачу неразрѣшенною, что мы вернемся къ ея окончательному разрѣшенію и не удовольствуемся приобрѣтеніями Карса и Батума.

Трудный, длинный путь выпалъ намъ на долю! Великими жертвами, многою кровью и скорбью обозначается каждый шагъ нашъ на этомъ пути; отъ этапа до этапа проходить десятки лѣтъ, въ теченіе коихъ враждебныя нашимъ стремленіямъ страны изощряются въ изобрѣтеніи разныхъ преградъ; но тѣмъ не менѣе мы двигаемся, движемся еще, и дойдемъ, въ этомъ нѣтъ и не должно быть сомнѣнія. Впрочемъ, намъ ли однимъ приходится съ такимъ трудомъ достигать исторической цѣли! Мы видѣли подобныя примѣры и у другихъ народовъ, и убѣждаемся что всякій успѣхъ достигающійся трудною, продолжительною борьбой гораздо прочнѣе легкаго, скороспѣлаго; важно при этомъ поучаться прошедшимъ, извлекать пользу изъ уроковъ, энергически двигаться къ самоусовершенствованію, готовиться ко грядущему, поменьше на бумагѣ, побольше на дѣлѣ, скинуть халатъ, взяться за работу, и не забывать мудраго арабскаго изреченія: „когда ты меня обманешь въ первый разъ—ты виноватъ, а когда во второй—я буду виноватъ“. Намъ давно пора было вспомнить объ этомъ, ибо обманули насъ чуть ли не въ десятый разъ, вмѣсто второго...

Батумъ занять. Не взирая на хитрыя махинаціи, луганіе невѣжественныхъ туземцевъ старыми, избитыми угрозами что первымъ дѣломъ Русскихъ будетъ забрать всѣхъ молодыхъ людей въ солдаты а старыхъ сослать въ Сибирь, уничтожить мечети, заставить вѣсть свинчю

и т. п., Лазы встрѣтили насъ мирно и дружественно. Отъ насъ зависитъ теперь упрочить добрыя отношенія и съ первыхъ же дней доказать не только дѣломъ всѣхъ залугиваній, но и преимущество благоустроеннаго управленія предъ хищническими порядками пашей и каймакамовъ. Для этого крайне важны первые административные шаги во вновь занятомъ краѣ. Какъ только назначеніе должностныхъ лицъ не будетъ производиться со строжайшею разборчивостью, какъ въ отношеніи ихъ подготовки къ предстоящей имъ дѣятельности, такъ и въ отношеніи нравственныхъ качествъ, ручающихся что не будетъ пологновеній къ подражанію турецкимъ пашамъ и каймакамамъ; какъ только не будетъ дано точныхъ инструкцій, а многое предоставлено усмотрѣнію и дѣйствіямъ *по мѣстнымъ обстоятельствамъ края*; какъ только дастся возможность игнорировать законы и ссылаться на никому неизвѣстные мѣстные обычаи; какъ только введется система широкаго довѣрія къ *почетнымъ и вліятельнымъ* туземцамъ, умѣющимъ ловко прикрываться русскою властью для эксплуатаціи массы населенія, то мы дадимъ въ руки врагамъ нашимъ наилучшее оружіе для агитацій и возбужденія противъ насъ народа, и безъ того, по религіознымъ и другимъ лобужденіямъ, намъ враждебнаго. Быстрый, строгій, но справедливый судъ, энергическая, честная администрація, *твердость и обдуманность слова въ обѣщаніяхъ и угрозахъ*, беспощадная кара возмутителей народа, никакихъ особыхъ льготъ и привилегій въ сравненіи съ другими подданными государства,—вотъ въ общихъ чертахъ основанія которыми мы должны руководиться съ первыхъ же дней въ Карсской и Батумской областяхъ, если хотимъ избѣгнуть многихъ хлопотъ и затрудненій, и вліять вообще на населенія сопредѣльныхъ мѣстностей. Рядомъ съ этимъ, не теряя времени, слѣдуетъ приступить къ проложенію удобныхъ путей сообщенія, открывающихъ во всякое время свободный доступъ и облегчающихъ торговыя сношенія—важнѣйшій рычагъ для сближенія съ новыми провинціями.

Отъ благополучно совершившагося занятія Батума, которому наши друзья предсказывали и подготавливали всякія затрудненія, мысль невольно переносится къ дружественному занятію Австрійцами Босніи и Герцеговины и не менѣе дружественному посольству высокочтимаго генерала Чамберлена къ эмиру Афганскому.

Эпизоды сопровождающіе австро-мадыарское занятіе доказываютъ съ одной стороны какъ счастливы населенія этихъ заполученныхъ провинцій при мысли о перемѣнѣ османской власти на австрійскую, съ другой—какъ побѣдоносные легионы легко справляются съ одолѣніемъ сравнительно незначительныхъ природныхъ препятствій и еще менѣе значительныхъ силъ нерегулярнаго непріятели, а также съ какою гуманностью и милосердіемъ относятся доблестные побѣдители къ побѣждаемымъ защитникамъ своей самостоятельности. Цѣлыя дивизіи испытывали пораженія, вынуждались къ отступленію предъ толпами вооруженныхъ жителей и едва избавлялись до прихода подкрѣпленій. Нѣсколько дней дождя, нѣсколько часовъ жары, нѣсколько дурныхъ горныхъ дорогъ были достаточны чтобъ армія еле могла двигаться, терпѣла „ужасныя лишенія“ и голодала,—какъ писали вѣнскія газеты. Къ тому же оказалась и плохая дисциплина и усиленное дезертирство въ венгерскихъ полкахъ. И пришлось мобилизовать уже не двѣ дивизіи считавшіяся совершенно достаточными, а четыре корлуса.... Произошелъ переполохъ и смущеніе великіе!

Куда же скрылись эти клакеры, хлопавшіе при отступленіи шеститысячнаго отряда Гурко изъ-за Галканъ предъ сорокатысячною арміею Сулейманъ-паши, или при неудачныхъ атакахъ Плевны, обороняемой лѣтъдесятью тысячами отборныхъ турецкихъ войскъ? Гдѣ всѣ эти Witzschel'ы насчетъ лишеній и болѣзней постигшихъ наши войска въ слякоть и всяческую непогодь позднюю осенью и зимой? Гдѣ безсовѣстные лгуны, не признававшіе звѣрствъ башки-бузукъ надъ болгарскимъ населеніемъ и нашими ранеными, не распускавшіе безчисленныя небылицы объ ужасахъ будто бы совершенныхъ нашими войсками? Отъ чего они не повѣдаютъ намъ теперь хоть нѣкоторыя подробности о побѣдныхъ шествіяхъ дивизіи Салари, объ отказывающихся идти въ атаку баталіонахъ, о сценахъ слѣдующихъ за занятіемъ Боснійскихъ городовъ и мѣстечекъ, о мѣшкахъ съ награбленными вещами, объ особомъ генералѣ „отъ разстрѣливанія“?

И этими малеванными драконами, въ видѣ грозной арміи говведовъ, стращали насъ, даже послѣ перехода зимою чрезъ Балканы, послѣ штурма Карса, послѣ Шилки и четырехдневнаго боя на берегахъ Марицы, послѣ разсѣянія и взятія

въ лѣвнѣ организованныхъ, отлично вооруженныхъ и опытныхъ турецкихъ арміи! Свѣжо преданіе...

Но это не все; чуть ли не важнѣе развертывающаяся предъ нами картина внутреннихъ событій въ разношерстной имперіи. „Лебедь, щука и ракъ“ находятъ нѣкоторымъ образомъ осуществленіе, и мы видимъ какъ боснійскій возъ готовъ превратиться въ нѣчто разрываемое на части, стремящаяся въ разныя стороны. Венгерскіе аристократы тянутъ въ одну, ихъ же якобы либералы въ другую; нѣмецкіе коноводы попали между двухъ огней, не знаютъ что дѣлать: и Мадьяры ужъ слишкомъ солоно пришлось, и Славянамъ сдѣлать что-нибудь угодное—Боже уласи. Тамъ не давали повода для арміи, тутъ ухищрялись не давать солдатъ, а выдвигать впередъ одни славянскіе полки; наконецъ тамъ и тутъ не хотятъ давать денегъ, а ихъ много оказывается нужнымъ для дружественнаго занятія сосѣднихъ провинцій, *съ цѣлью водворить въ нихъ порядку, упрочить цивилизацію, благосостояніе, сдѣлать жизнь тей счастливыми и потомъ, благодѣтельствовавъ, возвратитъ законному государю.* Тѣ требуютъ оставить затѣянную оккупацию, возвратиться по домамъ, не захватывать безъ всякаго повода областей дружественной сосѣдней державы, усиливая при томъ славянскій элементъ въ своемъ государствѣ; эти же требуютъ настойчиво продолженія военныхъ дѣйствій, союза съ Сербіей и Черногоріей, и совершеннаго присоединенія Босніи и Герцеговины, какъ *завоеванныхъ* силой оружія. Одни настаиваютъ на заключеніе съ Турціей конвенціи, смыслъ коей былъ бы тотъ что Австрія признаетъ верховныя права султана надъ этими провинціями и не думаетъ ими овладѣть, а только *въ роли полицейскаго* временно ихъ занимаетъ для водворенія порядка, на что султанъ однако не соглашается, требуя чтобы слово „временно“ было обозначено точнѣе, опредѣленными сроками. Другіе находятъ заключеніе конвенціи вообще, а такой въ особенности унизительнымъ, особенно послѣ *блистательныхъ* побѣдъ и послѣднихъ успѣховъ. Но тѣ и другіе вмѣстѣ, конечно, рады бы сдѣлать все что было бы противно Россіи. Верхъ возьмутъ во всякомъ случаѣ Мадьяры, ст. ахъ предъ которыми не можетъ улечься еще съ 1848—49 годовъ; на вырчку же Россіи въ другой разъ надежды нѣтъ... Наконецъ безмолвствующіе Чехи рѣшились тоже заявить о своемъ существованіи и потребовать кое-какихъ правъ; минута

выбрана очень удачно, и если будетъ единодушiе и настойчивость, то Славяне Австрiи могутъ добиться кое-чего.

И много, много противорѣчiй и сумбура происходитъ тамъ гдѣ мнили создать какую-то тончайшую дипломатическую сѣть, посредствомъ коей будутъ вытащены изъ мутной воды разныя рыбы: даровое приобрѣтенiе западной части Балканскаго полуострова, съ расширенiемъ сферы влiянiя до Эгейскаго моря; заключенiе военно-торговыхъ сдѣлокъ съ Сербскимъ и Черногорскимъ княжествами въ такомъ смыслѣ чтобъ они превратились въ послушныхъ вассаловъ Пешта и навсегда прервали связь съ Россiей; окончательное прижатiе къ стѣнѣ своихъ Славянъ и постоянное дѣйствiе во вредъ новорождающемуся новому самостоятельному Болгарскому княжеству: однимъ словомъ нанести смертельный ударъ панславизму и оттереть подальше всякое русское влiянiе изъ Балканскаго полуострова, замѣнивъ его своимъ—какъ подготовку къ конечному будущему, предначертанному княземъ Бисмаркомъ—къ образованiю Габсбургской имперiи въ совершенно другихъ предѣлахъ... Но отъ предположенiй до дѣйствительности бываетъ дистанцiя огромнаго размѣра. Въ ходѣ политической жизни народовъ вдругъ возникаютъ такiя неожиданныя явленiя о которыхъ и не снится даже такимъ мудрецамъ какъ современные намъ великiе двигатели европейской политики. Какой же Мадьяръ, клавшiй вѣнки на могилу турецкаго святаго, втрѣчавшiй факелдугами стамбульскихъ софтовъ и посылавшiй почетныя сабаи побѣдителямъ Сербовъ, могъ подумать что „братья Оттоманы“ самымъ жестокимъ образомъ вырѣжутъ эскадронъ *венгерскихъ* гусаръ и бросятся такъ стремительно на *дружеския* войска, предводимыя *венгерскимъ* графомъ Салари? Какой дипломатъ предполагалъ, что Турцiя обратитъ свою дѣятельность не противъ Россiи, не для созданiя ей возможно большихъ затрудненiй при сдачѣ крѣпостей и т. п., а противъ столь вѣрнаго друга и союзника, пожелавшаго получить небольшой кусочекъ?... Какой дипломатъ, не исключая самого графа Андраши, не расхохотался бы въ глаза, еслибъ ему мѣсяца три-четыре тому назадъ сказать: а что если возникнетъ Албанская Лига и не послушаетъ ни рѣшенiй великаго ареолага, ни своего собственного правительства! А между тѣмъ эта лига уже отправила къ праотцамъ члена того же Берлинскаго ареолага, мушира

Мегемедъ-Али, и напрямикъ отказалась отъ всякаго повиновенія. То чего тонкіе друзья наши ожидали въ окрестностяхъ Батума, совершенно неожиданно свершается совсѣмъ въ другой сторонѣ. Не досадно ли!

Что же будетъ дальше? Приметь ли Порта дѣйствительныя мѣры къ возстановленію своей власти въ возставшихъ мѣстностяхъ и имѣеть ли она достаточно силъ и средствъ для этого? Сумѣеть ли и захочеть ли она принудить Албанцевъ подчиниться рѣшеніямъ конгресса, прекратить вооруженное противодѣйствіе Австрійцамъ и передать присужденныя Черногоріи мѣстности. По послѣднимъ извѣстіямъ самъ „гази“ Османъ-паша долженъ отправиться туда со значительною арміею и покончить съ Албанскою Лигою. Удастся ли ему это и выкажутъ ли турецкіе солдаты подъ его начальствомъ такую же стойкость какъ при защитѣ Плевны, или же откажутся дѣйствовать противъ своихъ единовѣрцевъ?

Между тѣмъ приближается зима и Австрійцамъ придется выносить еще болѣе ужасныя лишенія, движенія станутъ гораздо труднѣе, и хотя въ послѣднее время они имѣли несомнѣнный успѣхъ, но своими жестокостями довели население до такого отчаяннаго озлобленія, что едва ли умиротвореніе состоится такъ скоро. Не отказаться ли уже отъ полицейской роли въ чужихъ мѣстахъ и не послѣшуть ли домой, гдѣ въ полиціи, повидимому, представляется не меньшая надобность? На помощь, кажется, призываются отцы іезуиты съ цѣлю утвердить и распространить въ Босніи католицизмъ; это черное воинство, пожалуй, окажется опаснѣе лупекъ Ухаціуса для несчастнаго православнаго населенія.

На захваченномъ Кипрѣ Англичане, со свойственною имъ энергіею, нѣтъ сомнѣнія, уже занялись организаціею управленія, военныхъ учреждений и проч. До сихъ поръ извѣстно только что войска ихъ сильно болѣютъ отъ лихорадокъ, а мѣстное населеніе, особенно Греки, недовольны новыми господами. Ничего серьезнаго, конечно, изъ этого не выйдетъ, и англійское владычество надъ этимъ островомъ совершившійся фактъ. За то другая, главная часть пресловутой Англо-Турецкой конвенціи—протекторатъ надъ Малою Азіею остается пока въ туманѣ. Сочиненный всесильнымъ въ Константинополѣ Лейардомъ проектъ реформъ, суть коихъ (подъ видомъ хлопотъ о *благоденствіи* подданныхъ султана) въ томъ чтобы

посадить въ Азіатской Турціи по возможности больше британскихъ агентовъ въ званіи судей, сборщиковъ податей начальниковъ жандармеріи и въ случаѣ надобности губернаторовъ, до сихъ поръ Портой не приняты и, какъ говорятъ, Абдуль-Гамидъ выразился по поводу ихъ что онъ „не имѣетъ никакого желанія превратиться въ индійскаго раджу“. Телеграфъ и корреспонденты газетъ не перестаютъ снабжать насъ на эту тему множествомъ различныхъ вариантовъ въ которыхъ трудно разобраться; одно только несомнѣнно что сила Лейрда какъ будто надорвана, а сближеніе Порты съ Россіей получаетъ такой рельефный отпечатокъ что о возвращеніи къ дѣламъ верховнаго визиря Махмуда-Недимъ-паша, исконнаго приверженца союза съ Россіей, поговариваютъ даже и въ стамбульскихъ газетахъ; англійскаго же протезе Мидхатъ-пашу согласились пока возвратить лишь на островъ Критъ. Если присоединить къ этому полное фіаско нахальной махинаціи, извѣстной подъ названіемъ родолской комиссіи, и не прекращающіяся порицанія многихъ авторитетныхъ голосовъ въ Англіи *авантюристской* политикѣ лорда Беконсфильда, то нельзя сказать чтобы лавры положытыя знаменитымъ премьеромъ не обнаружили кое-гдѣ шиловъ. Но все это было бы въ сущности неважнымъ огорченіемъ для нашего побѣдителя на дипломатическомъ полѣ, еслибы не присоединился вдругъ неожиданный „афронтъ“. Отправленное нами къ эмиру Афганистана Ширъ-Али посольство было принято съ большимъ почетомъ и весьма дружелюбно. Индо-британскому правительству это очень не понравилось; возобновились опасенія за возможность слишкомъ близкаго сосѣдства, неудобнаго для спокойствія благодѣлительствованныхъ двухсотъ милліоновъ подданныхъ Индійской императрицы. Поэтому вице-король вступилъ съ эмиромъ въ перелиску, но не получивъ отвѣта рѣшилъ послать генерала Чамберлена въ Кабуль, въ качествѣ чрезвычайнаго посла для упроченія, конечно, *дружескихъ* отношеній и учрежденія постоянного резидентства, а чтобы придать посольству болѣе авторитетности и блеска, къ нему назначили военную свиту въ тысячу слѣшкомъ человекъ и даже двухъ индійскихъ принцевъ. Кorteжъ этотъ достигъ благополучно границъ Афганистана, но тутъ посланный отъ эмира офицеръ совершенно неожиданно объявилъ что дальше онъ англійскаго посольства не пропу-

стить и для подкрѣпленія своихъ словъ занялъ дорогу военною силою. Генераль Чамберленъ долженъ былъ возвратиться, свита распущена.

Такой афронтъ британскому могуществу отъ какого-нибудь эмира Ширъ-Али, да еще въ присутствіи двухъ индійскихъ принцевъ возбудилъ на всемъ пространствѣ англійской территоріи скрежетъ зубовой. Въ первыя минуты по полученіи такого громоваго извѣстія, раздался общій взрывъ, и всѣ лондонскія газеты потребовали немедленно безпощаднаго наказанія дерзкаго эмира, завоеванія Афганистана и даже *привлеченія къ отвѣтственности Россіи*, главной де виновницы такой дерзости. Бумага, конечно, все терпитъ; почему и не погорячиться, почему и не завоевать Афганистанъ, и не посадить на скамью подсудимыхъ Россію. Но прошло нѣсколько дней; нѣкоторое раздумье взяло пыликихъ завоевателей, вспомнили они свой походъ сороковыхъ годовъ въ тотъ же Афганистанъ, когда изо всего отряда вернулся *одинъ израненный докторъ*, и тонъ понизился. Не лучше ли дать виновному время одуматься и загладить свой поступокъ? Не лучше ли отложить дѣло до весны, не рискуя походомъ къ зимѣ, когда снѣга заметутъ дороги черезъ горные проходы, а лока готовиться? Между тѣмъ не мѣшаетъ пустить въ ходъ столько уже разъ преуспѣвавшія дипломатическія интриги и давленія. На этомъ, повидимому, остановились, и если вѣрить довольно правдоподобнымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, уже обратились къ намъ съ запросомъ насчетъ цѣли нашего посольства въ Кабуль и проч., на что и данъ якобы деликатнѣйшій отвѣтъ. Такъ ли это, нѣтъ ли, намъ, само собою, неизвѣстно; но вѣрить не хочется. Неужели послѣ всего совершившагося на нашихъ глазахъ, мы все еще не можемъ отрѣшиться отъ системы расшаркиванія? Одна изъ петербургскихъ газетъ совершенно справедливо замѣтила что на англійскій вопросъ возможенъ только одинъ русскій отвѣтъ: наши дѣйствія въ Афганистанѣ будутъ лишь точнымъ подражаніемъ англійскому образу дѣйствій въ Турціи во время послѣднихъ событій. Коротко и ясно. Вѣдь уже испытали мы, кажется, систему уступокъ, придающихъ противнику только лишнія дозы назойливости въ требованіяхъ и вовсе не устраняющихъ серіозныхъ послѣдствій; возвышающихъ только дешевымъ способомъ престижъ противника и у себя дома, и особенно среди народовъ Востока. Ослабить этотъ престижъ для Англій самая ужасная вещь.

Неужели же мы должны служить дешевымъ средствомъ для устраненія отъ нея этой опасности?

Соглашенія съ Греціей насчетъ исправленія границъ у Турціи еще не состоялось, да и надежды на это мало. Уступить слабому сосѣду, не шевельнувшему пальцемъ за свое дѣло, дѣйствиительно обидно. Греки предпочли положиться на англійскія обѣщанія и теперь вкушаютъ плоды оныхъ...

Дѣло организаціи Болгарскаго княжества и его войска повидимому идетъ довольно успѣшно; но что будетъ съ Забалканскою частью, сказать пока трудно. Допустить возможность возвращенія въ ней турецкихъ порядковъ, турецкихъ войскъ, съ англійскими интриганами-консулами и неминуемой кровавой катастрофы, и представить себѣ тяжело. Какъ тамъ уладятся дѣла, можно ли будетъ намъ уйти отсюда такъ скоро, какъ того желаютъ наши друзья, кто можетъ дать на это положительные отвѣты? Вотъ не успѣли наши войска уйти изъ окрестностей Санъ-Стефано, какъ мусульмане бросились терзать христіанское населеніе и трупы уже десятками найдены на дорогахъ. Если это дѣлается въ виду столицы, гдѣ пребывали представители всѣхъ европейскихъ державъ, на виду турецкихъ регулярныхъ войскъ, только что вступившихъ на наши мѣста, въ ближайшемъ наконецъ присутствіи нашей отступающей арміи, то чего же можно ожидать въ Забалканской Болгаріи послѣ ухода нашего и возвращенія туда ста тысячъ разоренныхъ турецкихъ бѣглецовъ? А въ оставленномъ нами Эрзерумѣ развѣ не то же повторяется, развѣ не истребляются цѣлыя армянскія деревни? Вообще чѣмъ больше стараемся вникнуть въ этотъ хаосъ, называемый современнымъ политическимъ положеніемъ Европы, тѣмъ больше убѣждаемся что черныхъ точекъ на горизонтѣ тьма тьмуцая и что великій ареопагъ засѣдавшій цѣлый мѣсяцъ въ Берлинѣ далеко не былъ тѣмъ магомъ который смогъ бы стереть ихъ съ политическаго небосклона. Господа дипломаты все еще вѣрятъ въ непогрѣшимость и силу ихъ рецептовъ; они все еще хотятъ чтобы пациенты безо всякихъ разсужденій глотали прописываемыя имъ микстуры и не морщились, какъ бы противны онѣ ни были. И вдругъ какіе-то Босняки, des Bosniaques, какіе-то Албанцы тоже затѣвующіе лигу, какой-то Ширъ-Али! Кто бы это могъ думать! Какъ свѣжо у насъ еще въ политикѣ то время когда глаза всего міра, при малѣйшихъ политическихъ замѣшательствахъ, обращались къ

Парижу, и затаивъ дыханіе, ожидали что скажетъ засѣдавшій тамъ „сфинксъ“? Теперь во Франціи заняты своими дѣлами, выставкой, и какъ будто даже избѣгаютъ говорить о послѣдствіяхъ минувшей войны, о захватѣ Кипра и проч. Видѣть ли въ этомъ доказательство рѣшимости слѣдовать системѣ невмѣшательства въ чужія дѣла? Едва ли: не таковъ духъ, не таковы преданія французской націи. Тамъ очевидно выжидаютъ благопріятныхъ обстоятельствъ и готовятся; а между тѣмъ выслушиваютъ предложенія о союзахъ на случай возможной борьбы съ сосѣдомъ, которому едва ли когда-нибудь простятъ свой недавній погромъ; а можетъ - быть идетъ рѣчь и о какихъ-нибудь вознагражденіяхъ изъ наслѣдства *большаго человека*. Впрочемъ въ этой странѣ неожиданностей, кто можетъ предсказать что-нибудь за недѣлю впередъ?

Въ Италиіи недовольство австро-англійскими захватами, развившееся въ шумныхъ демонстраціяхъ, утихло благодаря усиліямъ правительства, не считавшаго удобнымъ поднимать въ данную минуту шумъ, но это вовсе не доказываетъ чтобы тамъ отказались отъ мечты воссоединенія съ общимъ отечествомъ всѣхъ италіянскихъ мѣстностей находящихся еще въ рукахъ Австрійцевъ. Тамъ тоже ждутъ первой благопріятной минуты, которая весьма легко можетъ настать при такомъ *гладкомъ* ходѣ дѣлъ въ странѣ дуализма.

Что касается Россіи, то какъ ни орудовали въ Берлинѣ чтобы низвести до minimumъ результаты нашихъ геройскихъ побѣдъ, какъ ни возмущалось чувство всякаго Русскаго чело-вѣка, дорожащаго достоинствомъ и честью своей страны,— въ концѣ-концовъ она очутилась чуть ли не въ болѣе выгодномъ политическомъ положеніи, чѣмъ сами главные орудователи, если, впрочемъ, у нея за спиной не подготавливаются какія-нибудь новыя махинаціи, имѣющія повести къ неожиданнымъ усложненіямъ. Будемъ надѣяться что мы сумѣемъ извлечь наибольшія выгоды изъ образовавшихся обстоятельствъ, не переставая между тѣмъ заботиться о пополненіи и исправленіи того что достаточно ярко выказало себя въ недавнемъ прошломъ. Самое больное мѣсто въ нашемъ организмѣ—финансы; намъ нечего скрывать этого и нечего утѣшать себя тѣмъ что и у нѣкоторыхъ другихъ не лучше. Неужели и теперь не проснется энергія, не исчезнетъ привычка къ паліативамъ, къ замазываніямъ избитыми, рутинными средствами, и не возьмемъ мы за радикальное лѣченіе недуга, уже

принесшаго столько зла и могущаго принести еще больше? Время не терпитъ и требуетъ настойчиво быть въ готовности.

P. S. Дописывая послѣднія строки, получилъ газеты и читаю слѣдующую депешу: „Мусульмане живущіе въ Добруджѣ дѣлають приготовленія къ вооруженному сопротивленію при вступленіи Румынъ; населенію уже будто бы роздано 8.000 ружей системы Генри Мартини и значительное число боевыхъ припасовъ. Въ Константинополѣ убѣждены въ неминуемости столкновенія между населеніемъ Добруджи и Румынами, какъ только они вступятъ въ эту область.“ И такъ новая „черная точка“! Кто можетъ сказать что она послѣдняя?..

А. ЗИССЕРМАНЪ.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1879 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1879 въ Москвѣ, безъ доставки, пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ; съ доставкой на домъ въ Москвѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1879 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1879 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій четырнадцать рублей 50 коп.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки шестнадцать рублей 50 коп.; съ доставкой и пересылкой девятнадцать рублей 50 коп.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ Бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ Н. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

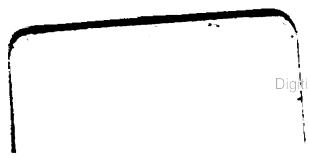
1878

ОКТАБРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ТРИ ЭКСКУРСА ВЪ ОБЛАСТИ ЯЗЫКОВѢДѢНІЯ.
А. Д. Пугачъ.
- II. КАМЕНЬ СИЗИФА. Окончаніе. К. Н. Леонтьева.
- III. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО. ВЪ ПОХОДѢ И ВЪ БИТВѢ. Гл. IX—XIII. В. П. Гамулецкаго.
- IV. ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ. Гл. LIV—LXVIII. В. М. Маркевича.
- V. АВСТРІЙСКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ И СИСТЕМА АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ. N.
- VI. КРИТИКА ОТВЛЕЧЕННЫХЪ НАЧАЛЪ. Гл. XII—XV.
В. С. Соловьева.
- VII. НЕВѢСТЪ. Стихотвореніе. Князя Д. Н. Церетелева.
- VIII. ТРИ МѢСЯЦА ВЪ ДЕРЕВНѢ. Воспоминанія и очерки прошлаго. Е. В. Пяткиной.
- IX. СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВЫЙ. Романъ. Часть шестая.
Гл. I—VII. В. Г. Авсеенка.
- X. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ: I. *Письма императрицы Екатерины Второй къ барону Гримму. Русскій Архивъ 1877, №№ 9 и 10.* — II. *Письма къ ученымъ людямъ. (Отечественныя Записки 1876, № 6). Отзывъ на письма къ ученымъ людямъ.* П. Цитовича. Одесса, сентябрь 1878 года. — III. *Этюдъ супружеской жизни.* Даниела Даркъ: *Revanche posthume, étude conjugale*, par Daniel Darc. Paris, Charpentier, 1878. — IV. *Какъ теперь читаютъ во Франціи.* Arnould Fremy: *Comment lisent les Français d'aujourd'hui.* Paris, Calmann Levy, 1878. — V. *Mélanges et lettres de Ximenes Doudan.* 4 vols. Paris 1877.
- XI. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. Л. Зиссермана.

APR 10 1941

APR 10 1941

